



### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

### EDITORIAL BOARD

**В.Л. Кубышко,**  
кандидат педагогических наук

**И.А. Калинин,**  
кандидат педагогических наук

**Н.В. Румянцев,**  
доктор юридических наук

**С.С. Жевлакович,**  
кандидат социологических наук,  
доцент,  
Заслуженный работник  
Высшей школы РФ

**К.К. Гасанов,**  
доктор юридических наук,  
профессор

**А.В. Ендольцева,**  
доктор юридических наук,  
профессор

**В.О. Лучин,**  
доктор юридических наук,  
профессор,  
Заслуженный деятель науки РФ,  
Заслуженный юрист РФ

**С.С. Маилян,**  
доктор юридических наук,  
профессор,  
Заслуженный юрист РФ

**А.Л. Миронов,**  
кандидат юридических наук,  
доцент

**Ю.А. Цыпкин,**  
доктор экономических наук,  
профессор

**Н.Д. Эриашвили,**  
кандидат исторических наук,  
кандидат юридических наук,  
доктор экономических наук,  
профессор,  
лауреат премии Правительства РФ  
в области науки и техники

**V.L. Kubyshko,**  
candidate of pedagogical sciences

**I.A. Kalinichenko,**  
candidate of pedagogical sciences

**N.V. Rumyantsev,**  
doctor of legal sciences

**S.S. Zhevlakovich,**  
candidate of sociological sciences,  
associate professor,  
Honored worker  
of higher school of Russia

**K.K. Gasanov,**  
doctor of legal sciences,  
professor

**A.V. Endoltseva,**  
doctor of legal sciences,  
professor

**V.O. Luchin,**  
doctor of legal sciences,  
professor,  
Honored worker of science of Russia,  
Honored lawyer of Russia

**S.S. Mailyan,**  
doctor of legal sciences,  
professor,  
Honored lawyer of Russia

**A.L. Mironov,**  
candidate of legal sciences,  
associate professor

**Yu.A. Tsyarkin,**  
doctor of economic sciences,  
professor

**N.D. Eriashvili,**  
candidate of historical sciences,  
candidate of legal sciences,  
doctor of economic sciences,  
professor,  
winner of an Award of the Government of  
Russia in the field of science and technology



#### РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

#### EDITORIAL COUNCIL

##### ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**С.В. Алексеев,**

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный работник науки и техники РФ, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

**Ю.М. Антонян,**

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД РФ

**А.В. Барков,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии экономики и права

**А.Р. Белкин,**

доктор юридических наук, профессор, профессор Московского государственного университета приборостроения и информатики, академик РАЕН

**Е.В. Богданов,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

**Л.Д. Гаухман,**

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**О.Д. Жук,**

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник прокуратуры РФ, декан юридического факультета Академии Генеральной прокуратуры РФ, академик РАЕН

**О.Ю. Ильина,**

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Тверского государственного университета

**Н.Г. Кадников,**

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**Р.А. Каламкарян,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**В.П. Камышанский,**

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего образования РФ, заведующий кафедрой гражданского права Кубанского государственного аграрного университета

**И.Б. Кардашова,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ

**Н.А. Колоколов,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и организации правосудия Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, судья Верховного Суда РФ (в отставке)

##### LEGAL SCIENCES

**S.V. Alekseev,**

doctor of legal sciences, professor, Honorary worker of higher professional education of Russia, Honorary worker of science and technology of Russia, professor of Kutafin Moscow State Law University

**Yu.M. Antonyan,**

doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of Russia, All-Union Research Institute of MIA of Russia

**A.V. Barkov,**

doctor of legal sciences, professor, professor of Department of civil law of Moscow Academy of Economics and Law

**A.R. Belkin,**

doctor of legal sciences, professor, professor of Moscow State University of instrument engineering and informatics, member of RANS

**E.V. Bogdanov,**

doctor of legal sciences, professor, professor of Department of civil law and procedure of Plekhanov Russian University of Economics

**L.D. Gaukhan,**

doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of Russia, professor of Department of criminal law of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**O.D. Zhuk,**

doctor of legal sciences, professor, Honorary prosecutor of Russia, dean of law faculty of Academy of the Prosecutor General of Russia, member of RANS

**O.Yu. Ilyina,**

doctor of legal sciences, professor, head of Department of civil law of Tver State University

**N.G. Kadnikov,**

doctor of legal sciences, professor, head of Department of criminal law of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**R.A. Kalamkaryan,**

doctor of legal sciences, professor, professor of Department of human rights and international law of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**V.P. Kamyshanskiy,**

doctor of legal sciences, professor, Honorary worker of higher education of Russia, head of Department of civil law of Kuban State Agrarian University

**I.B. Kardashova,**

doctor of legal sciences, professor, professor of Department of administrative and financial law of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia

**N.A. Kolokolov,**

doctor of legal sciences, professor, professor of Department of judicial power and formation of justice of National research university of Higher School of Economics, judge of Supreme Court of Russia (resigned)

**И.И. Котляров,**

доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры  
прав человека и международного права Московского  
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**С.Я. Лебедев,**

доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный юрист РФ, начальник кафедры  
криминологии Московского университета  
МВД России имени В.Я. Кикотя

**А.Н. Левушкин,**

доктор юридических наук, доцент, кафедра гражданского  
права и процесса юридического факультета Ульяновского  
государственного университета

**Н.П. Майлис,**

доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный юрист РФ,  
Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры  
оружиеведения и трасологии Московского университета  
МВД России имени В.Я. Кикотя

**В.П. Малахов,**

доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор  
кафедры теории государства и права Московского  
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**Г.Б. Мирзоев,**

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист  
РФ, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата

**Н.В. Михайлова,**

доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор  
кафедры истории государства и права Московского  
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**Р.С. Мулукаев,**

доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный деятель науки РФ, Академия  
управления МВД России, академик РАЕН

**А.М. Осавелюк,**

доктор юридических наук, профессор, заведующий  
кафедрой конституционного, административного и  
финансового права Европейского института Justo

**А.С. Прудников,**

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный  
юрист РФ, Ученый секретарь Ученого совета Московского  
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**А.В. Симоненко,**

доктор юридических наук, профессор, начальник  
Краснодарского университета МВД России

**Л.В. Туманова,**

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный  
юрист РФ, декан юридического факультета Тверского  
государственного университета

**Е.Н. Хазов,**

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры  
конституционного и муниципального права Московского  
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**О.В. Химичева,**

доктор юридических наук, профессор, начальник  
кафедры уголовного процесса Московского  
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**I.I. Kotlyarov,**

doctor of legal sciences, professor,  
Honored lawyer of Russia, professor of Department  
of human rights and international law of Moscow  
University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**S.Ya. Lebedev,**

doctor of legal sciences, professor,  
Honored lawyer of Russia, head of Department  
of criminology of Moscow University  
of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**A.N. Levushkin,**

doctor of legal sciences, associate professor,  
Department of civil law of law faculty  
of Ulyanovsk State University

**N.P. Maylis,**

doctor of legal sciences, professor,  
Honored lawyer of Russia,  
Honored worker of science of Russia, professor  
of Department of weaponology and trasology of Moscow  
University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**V.P. Malakhov,**

doctor of legal sciences, professor,  
Honored worker of higher school of Russia, professor  
of Department of theory of state and law of Moscow  
University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**G.B. Mirzoev,**

doctor of legal sciences, professor, Honored lawyer of Russia,  
rector of Russian Academy of advocacy and notary

**N.V. Mikhaylova,**

doctor of legal sciences, professor,  
Honored worker of higher school of Russia, professor  
of Department of history of state and law of Moscow  
University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**R.S. Mulukaev,**

doctor of legal sciences, professor,  
Honored worker of science of Russia, Administration  
Academy of MIA of Russia, member of RANS

**A.M. Osavelyuk,**

doctor of legal sciences, professor, head  
of Department of constitutional, administrative  
and financial law of European Institute JUSTO

**A.S. Prudnikov,**

doctor of legal sciences, professor, Honored lawyer of Russia,  
Scientific Secretary of Scientific Council of Moscow  
University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**A.V. Simonenko,**

doctor of legal sciences, professor, chief  
of Krasnodar University of MIA of Russia

**L.V. Tumanova,**

doctor of legal sciences, professor,  
Honored lawyer of Russia, dean of law faculty  
of Tver State University

**E.N. Khazov,**

doctor of legal sciences, professor, head of Department  
of constitutional law of Moscow University of MIA  
of Russia name V.Ya. Kikot

**O.V. Khimicheva,**

doctor of legal sciences, professor, head  
of Department of criminal procedure of Moscow  
University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**Н.М. Чепурнова,**

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

**А.П. Шергин,**

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России

**N.M. Chepurnova,**

doctor of legal sciences, professor, Honored lawyer of Russia, professor of Department of state and legal disciplines of Institute of state service and management of Russian Presidential Academy of national economy and public administration

**A.P. Shergin,**

doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of Russia, All-Union Research Institute of MIA of Russia

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ****Ю.Т. Ахвледиани,**

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры страхования Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, академик РАЕН

**Р.П. Булыга,**

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой аудита и контроля Финансового университета при Правительстве РФ

**Л.П. Дашков,**

доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры коммерции и технологии торговли Российского университета кооперации, академик РАЕН

**Р.В. Илюхина,**

доктор экономических наук, профессор, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**Г.М. Казиахмедов,**

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности и экономики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**В.Г. Когденко,**

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового менеджмента НИЯУ МИФИ

**М.А. Комаров,**

доктор экономических наук, профессор

**А.А. Крылов,**

доктор экономических наук, профессор, ВНИИ МВД России

**Е.И. Кузнецова,**

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**Н.П. Купрещенко,**

доктор экономических наук, профессор, начальник кафедры экономической безопасности и экономики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**И.А. Майбуров,**

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента Уральского государственного технического университета

**М.М. Максимцов,**

доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заместитель заведующего кафедрой менеджмента Финансового университета при Правительстве РФ

**ECONOMIC SCIENCES****Yu.T. Akhvlediani,**

doctor of economic sciences, professor, professor of Department of insurance of Plekhanov Russian University of Economics, member of RANS

**R.P. Bulyga,**

doctor of economic sciences, professor, head of Department of audit and control of Financial University under the Government of Russia

**L.P. Dashkov,**

doctor of economic sciences, professor, Honored worker of higher school of Russia, professor of Department of commerce and technology of trade of Russian University of Cooperation, member of RANS

**R.V. Ilyuhina,**

doctor of economic sciences, professor, professor of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**G.M. Kaziahmedov,**

doctor of economic sciences, professor, professor of Department of economic security and economics of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**V.G. Kogdenko,**

doctor of economic sciences, professor, head of Department of financial management of NRNU MEPhI

**M.A. Komarov,**

doctor of economic sciences, professor

**A.A. Krylov,**

doctor of economic sciences, professor, All-Union Research Institute of MIA of Russia

**E.I. Kuznetsova,**

doctor of economic sciences, professor, professor of Department of finance and economic analysis of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**N.P. Kupreshchenko,**

doctor of economic sciences, professor, head of Department of economic security and economics of Moscow University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**I.A. Mayburov,**

doctor of economic sciences, professor, head of Department of financial and tax management of Ural State Technical University

**M.M. Maksimtsov,**

doctor of economic sciences, professor, Honorary worker of higher professional education of Russia, deputy head of Department of management of Financial University under the Government of Russia

**В.Б. Мантусов,**

доктор экономических наук, профессор,  
заведующий кафедрой мировой экономики  
Дипломатической академии МИД России

**В.С. Осипов,**

доктор экономических наук, профессор,  
заведующий сектором государственного управления  
и государственного частного партнерства РАН

**Г.Б. Поляк,**

доктор экономических наук, профессор,  
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

**С.Г. Симагина,**

доктор экономических наук, доцент,  
профессор кафедры математических методов  
в экономике Самарского государственного  
аэрокосмического университета имени С.П. Королева

**V.B. Mantusov,**

doctor of economic sciences, professor,  
head of Department of world economics  
of Diplomatic Academy of MFA of Russia

**V.S. Osipov,**

doctor of economic sciences, professor,  
head of sector of state management  
and state private partnership of RAS

**G.B. Polyak,**

doctor of economic sciences, professor,  
Honored worker of science of Russia, member of RANS

**S.G. Simagina,**

doctor of economic sciences, associate professor,  
professor of Department of mathematical methods  
in economics of Samara State Aerospace University  
name S.P. Korolev

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ  
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ****И.В. Грошев,**

доктор педагогических наук, доктор экономических наук,  
профессор, Заслуженный деятель науки РФ, проректор  
по научной работе Тамбовского государственного  
университета имени Г.Р. Державина

**Л.А. Казанцева,**

доктор педагогических наук, профессор,  
профессор кафедры педагогики Казанского  
(Приволжского) федерального университета

**А.Л. Ласкин,**

доктор педагогических наук, доцент,  
старший научный сотрудник Научно-исследовательского  
института образования и науки

**Ю.Ф. Подлипняк,**

доктор педагогических наук, профессор, профессор  
кафедры огневой подготовки Московского университета  
МВД России имени В.Я. Кикотя

**А.А. Реан,**

доктор психологических наук, профессор, Заслуженный  
деятель науки РФ, профессор кафедры юридической  
психологии Московского университета МВД России  
имени В.Я. Кикотя, член-корреспондент РАО

**В.Ф. Родин,**

доктор педагогических наук, профессор, профессор  
кафедры юридической психологии Московского  
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**А.М. Столяренко,**

доктор педагогических наук, доктор психологических  
наук, профессор, Заслуженный работник высшей  
школы РФ, профессор кафедры психологии,  
педагогике и организации работы с кадрами  
Академии управления МВД России

**С.Н. Федотов,**

доктор психологических наук, профессор,  
начальник учебно-научного комплекса психологии  
служебной деятельности Московского университета  
МВД России имени В.Я. Кикотя

**В.Л. Цветков,**

доктор психологических наук, профессор, профессор  
кафедры юридической психологии Московского  
университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**PEDAGOGICAL SCIENCES  
PSYCHOLOGICAL SCIENCES****I.V. Groshev,**

doctor of pedagogical sciences, doctor of economic sciences,  
professor, Honored worker of science of Russia,  
pro-rector on scientific work of Tambov State University  
name G.R. Derzhavin

**L.A. Kazantseva,**

doctor of pedagogical sciences, professor,  
professor of Department of pedagogics of Kazan  
(Privolzhskiy) Federal University

**A.L. Laskin,**

doctor of pedagogical sciences, associate professor,  
senior researcher of Research Institute  
of education and science

**Yu.F. Podlipnyak,**

doctor of pedagogical sciences, professor, professor  
of Department of weapons proficiency of Moscow  
University of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**A.A. Rean,**

doctor of psychological sciences, professor, Honored worker  
of science of Russia, professor of Department of legal  
psychology of Moscow University of MIA of Russia  
name V.Ya. Kikot, corresponding member of RAE

**V.F. Rodin,**

doctor of pedagogical sciences, professor, professor  
of Department of legal psychology of Moscow University  
of MIA of Russia name V.Ya. Kikot

**A.M. Stolyarenko,**

doctor of pedagogical sciences, doctor of psychological  
sciences, professor, Honored worker of higher school  
of Russia, professor of Department of psychology,  
pedagogics and personnel management of Administration  
Academy of MIA of Russia

**S.N. Fedotov,**

doctor of psychological sciences, professor,  
head of training and scientific center of psychology  
of work activity of Moscow University of MIA  
of Russia name V.Ya. Kikot

**V.L. Tsvetkov,**

doctor of psychological sciences, professor, professor  
of Department of legal psychology of Moscow University  
of MIA of Russia name V.Ya. Kikot



**УЧРЕДИТЕЛЬ:**

**Московский университет  
Министерства внутренних дел  
Российской Федерации**

*Начальник Московского  
университета МВД России  
генерал-майор полиции,  
кандидат педагогических наук,  
доцент*

**И.А. Калининченко**

*Научный редактор,  
ответственный за издание,  
лауреат премии Правительста  
РФ в области науки и техники,  
доктор экономических наук,  
кандидат юридических наук,  
кандидат исторических наук,  
профессор*

**Н.Д. Эриашвили**

**E-mail: nodari@unity-dana.ru**

**Тел. 8 (499) 740-68-30**

**РЕДАКЦИЯ:**

*Главный редактор*

**А.Л. Миронов**

*кандидат юридических наук,  
доцент*

*Редактор*

**И.И. Кубарь**

*кандидат юридических наук*

*Ответственный секретарь*

**Д.Е. Барикаева**

*В подготовке номера*

*участвовали:*

**Л.С. Антоненко,**

**М.И. Никитин,**

**А.И. Антошина**

*Верстка номера*

**Т.А. Гридчина**

Журнал зарегистрирован  
Министерством Российской  
Федерации по делам печати,  
телерадиовещания и средств  
массовых коммуникаций

**Свидетельство о регистрации  
№ 77-14723**

**Индекс по каталогу Агентства  
«Роспечать» – 84629**

**Адрес редакции:**

**109028, Москва,**

**Малый Ивановский пер., д. 2**

**Тел. 628-57-16**

**E-mail:**

**vestnik.mosu.mvd@mail.ru**

# ВЕСТНИК

## МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 3 • 2015

### ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

#### XVII Всероссийский круглый стол «Предупреждение экспертных ошибок в свете использования современных технологий при производстве судебных экспертиз»

<b>ЯРМАК К.В.</b> Предупреждение экспертных ошибок в свете использования современных технологий при производстве судебных экспертиз.....	10
<b>МАЙЛИС Н.П.</b> О дополнении классификационной системы экспертных ошибок.....	15
<b>РОССИНСКАЯ Е.Р.</b> Гносеологические и деятельностные экспертные ошибки при использовании современных технологий судебных экспертиз.....	18
<b>БУШУЕВ В.В.</b> Экспертные ошибки: причины и профилактика.....	23
<b>СОКОЛОВА О.А.</b> Предупреждение экспертных ошибок при производстве некоторых видов судебных экспертиз в свете использования современных технологий.....	26
<b>МОИСЕЕВА Т.Ф.</b> Компетентность судебного эксперта как определяющий фактор предупреждения экспертных ошибок.....	31
<b>ПЕРЕПЕЧИНА И.О.</b> Экспертные ошибки в контексте профессиональной деятельности экспертов.....	34
<b>КОЛОТУШКИН С.М.</b> Особенности получения сравнительных образцов гильз при стрельбе из автоматического оружия.....	36
<b>ЛАТЫШОВ И.В.</b> Отдельные случаи дифференциальной диагностики следов канала ствола оружия на выстреленных пулях в предупреждении экспертных ошибок.....	41
<b>ДЕМИДОВА Т.В.</b> Качественный осмотр места происшествия по делам о ДТП как одно из условий предупреждения экспертных ошибок.....	45
<b>ХАРЛАМОВА О.А., КИТАЕВ Е.В., ЧЕРНИГОВСКИЙ В.Н.</b> Совершенствование методики трасологических исследований как один из способов предотвращения экспертных ошибок (на примере трасологического исследования государственных регистрационных знаков транспортных средств).....	48
<b>КОЧУБЕЙ А.В., ЖАВОРОНКОВ В.А.</b> Один из вариантов предупреждения экспертных ошибок при проведении экспертных исследований по делам о плагиате.....	53
<b>ПАРАМОНОВА Г.В.</b> Причины экспертных ошибок и пути их предотвращения.....	57

#### Межвузовская научно-практическая конференция «Уголовно-процессуальное законодательство: история и современность», посвященная 150-летию Устава уголовного судопроизводства

<b>ЕНДОЛЬЦЕВА А.В.</b> Правовое регулирование российского уголовного процесса: от первоначал реформы до современного состояния.....	61
<b>КОЖОКАРЬ В.В.</b> Отказ в возбуждении уголовного дела: правовые мифы и реалии правоприменения.....	63
<b>ДОРОШКОВ В.В.</b> Частное обвинение и этапы его развития в России.....	66
<b>БАЖАНОВ С.В.</b> Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в становлении концепции полицейского дознания в отечественном уголовном процессе.....	70
<b>ПОБЕДКИН А.В.</b> О методе уголовно-процессуального регулирования.....	73
<b>ГАВРИЛОВ Б.Я.</b> Уголовно-процессуальное законодательство России: соответствует ли оно научной мысли и реалиям правоприменения?.....	77
<b>НЕВСКИЙ С.А.</b> Полиция и уголовное судопроизводство в Российской Империи (вторая половина XIX – начало XX в.).....	83
<b>ЦОКОЛОВА О.И.</b> Устав уголовного судопроизводства Российской Империи и современные проблемы процессуального реагирования на совершенное преступление.....	88
<b>НИКОЛЮК В.В.</b> О праве мирового суда арестовывать осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания.....	91
<b>ХИМИЧЕВА Г.П.</b> О влиянии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на современную судебно-правовую реформу.....	95
<b>ГРИНЕНКО А.В.</b> О распределении полномочий должностных лиц уголовного судопроизводства со стороны обвинения (сравнительное исследование современного законодательства и положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г.).....	98
<b>СУМИН А.А.</b> Производство в суде кассационной инстанции: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до современного УПК России.....	101
<b>ПОПОВ И.А., КУЧИН В.В.</b> О необходимости совершенствования отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РФ.....	105
<b>ХИМИЧЕВА О.В., АНДРЕЕВ А.В.</b> Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 года в становлении института привлечения в качестве обвиняемого.....	109
<b>ВОЛЫНСКИЙ А.Ф.</b> Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная, межнаучная проблема.....	112
<b>МИЧУРИНА О.В.</b> Краткий очерк Устава уголовного судопроизводства в части регламентации дознания и необходимости заимствования его отдельных положений в современных условиях.....	116
<b>БОБРОВ В.К., СОБОЛЕВ А.В.</b> О правовых основаниях обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания, постановляемого в связи с истечением сроков давности по Уставу уголовного судопроизводства и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.....	119
<b>ОСИПОВ Д.В., КУЗНЕЦОВА Н.А.</b> О применении отдельных положений дознания в сокращенной форме.....	123
<b>КЛЕЩИНА Е.Н., АРХИПОВ А.С.</b> Генезис процессуальных средств ускорения предварительного расследования в отечественном законодательстве дореволюционного, советского и современного периодов.....	126
<b>НАГАЕВ Е.А.</b> О совершенствовании процессуального порядка ознакомления с материалами уголовного дела.....	128
<b>ПРОХОРОВА Е.А.</b> Кодификация российского уголовно-процессуального закона: история и современность.....	133

Оригинал-макет  
подготовлен издательством  
«ЮНИТИ-ДАНА», журналом  
«Закон и право»

• Мнение редакции может  
не совпадать с точкой зрения  
авторов публикаций.  
Ответственность за содержание  
публикаций и достоверность  
фактов несут авторы материалов.  
В первую очередь редакция  
публикует материалы своих  
подписчиков.

• Редакция не вступает  
в переписку с авторами писем,  
рукописи не рецензируются  
и не возвращаются.

• При перепечатке  
или воспроизведении любым  
способом полностью  
или частично материалов  
журнала «Вестник Московского  
университета МВД России»  
ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Зако-  
на РФ от 27 декабря 1991 г.  
№ 2124-1 «О средствах массовой  
информации» письма, адресо-  
ванные в редакцию, могут быть  
использованы в сообщениях  
и материалах данного средства  
массовой информации, если  
при этом не искажается смысл  
письма. Редакция не обязана  
отвечать на письма граждан  
и пересылать эти письма  
тем органам, организациям  
и должностным лицам, в чью  
компетенцию входит  
их рассмотрение. Никто  
не в праве обязать редакцию  
опубликовать отклоненное  
ею произведение, письмо, другое  
сообщение или материал, если  
иное не предусмотрено законом.

**Формат 60x84 1/8.**  
**Печать офсетная. Тираж 1500 экз.**  
**(1-й завод – 300).**  
**Отпечатано в типографии**  
**«Буки Веди» ООО «Ваш**  
**полиграфический партнер»**  
**Москва, Ильменский пр-д., д. 1,**  
**корп. 6**  
**Тел. 8 (495) 926-63-96**



<b>ФАДЕЕВ П.В.</b> Проблемы своевременного информирования участников уголовного судопроизводства.....	135
<b>ГРИГОРЬЕВА Н.В.</b> Основные исторические этапы развития института обжалования в досудебном производстве.....	138
<b>ШАРОВ Д.В.</b> Понятие потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.....	141
<b>ТУТЫНИН И.Б.</b> Положение мер процессуального принуждения имущественного характера по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.....	143
<b>УГОЛЬНИКОВА Н.В.</b> Правила судебного преследования несовершеннолетних, определенные Уставом уголовного судопроизводства 1864 г.....	146
<b>САМОРОКА В.А., БЕКЕТОВ М.Ю.</b> Взаимодействие следователя и органов дознания – от Устава уголовного судопроизводства до Уголовно-процессуального кодекса РФ (по материалам расследования преступлений экстремистской направленности).....	149
<b>АЛЮНЦЕВА Е.Ю.</b> Порядок производства следственных действий, ограничивающих права и свободы граждан (сравнительный анализ по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и Уголовно-процессуальному кодексу РФ 2001 г.).....	151
<b>ГРАШИЧЕВА О.Н.</b> Формирование института прекращения уголовного преследования с реабилитацией лиц по Уставу уголовного судопроизводства.....	154
<b>ЖАМКОВА О.Е.</b> Сроки в уголовном судопроизводстве: сравнительный анализ Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.....	156
<b>САВЕЛЬЕВ Ю.Ю., ХЛЕБНИЦЫНА Е.А.</b> Институт мер пресечения по Уставу уголовного судопроизводства Российской Империи и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование).....	159
<b>ПАРФЕНОВ В.Н.</b> Реабилитация по уголовным делам частного обвинения в Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации: где справедливее?.....	162
<b>ШИШКОВ А.А.</b> Институт истины в уголовном процессе: от Устава уголовного судопроизводства до действующего Уголовно-процессуального закона.....	165



<b>МАТИЕНКО Т.Л.</b> Проблемы совершенствования конструкции наследственной субституции в российском гражданском праве: взгляд сквозь призму древнеримской юриспруденции.....	169
<b>ЖЕСТЯННИКОВ С.Г., ЕКИМОВ И.В., ХАЗОВ Е.Н.</b> Актуальные вопросы и основные направления адаптации и интеграции трудовых мигрантов в российское общество (на примере опыта работы УФС России по Вологодской области).....	172
<b>НИКОНОВ А.А.</b> Принципы института частной собственности в конституционном праве.....	176
<b>БУРАНОВ Т.Р.</b> Конструктивный подход к основанию гражданско-правовой ответственности: проблемы и перспективы.....	179
<b>КУКУШКИН С.Н., РАМАЗАНОВА К.К.</b> Вопросы деликтной ответственности за вред, причиненный сотрудниками органов внутренних дел.....	181
<b>КАДНИКОВ Б.Н., СМИРНОВ Ю.П.</b> К вопросу об уголовной ответственности за вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией.....	187
<b>ОТКИДАЧ А.О.</b> Об установлении контроля над новыми психоактивными веществами в Российской Федерации.....	192
<b>САЧЕК А.Г.</b> Криминологическое моделирование: понятие и значение для обеспечения экономической безопасности.....	196
<b>ОЛИМПИЕВ А.Ю., ГАВРЮШКИН Ю.Б.</b> Административная ответственность как одна из форм противодействия неправомерному обороту наркотиков в Российской Федерации.....	200
<b>БОГАТЫРЕВ А.Г.</b> Правовое регулирование оперативного внедрения в зарубежных государствах.....	202
<b>ЯНИН С.А.</b> О некоторых аспектах назначения баллистической судебной экспертизы при расследовании незаконной охоты.....	207
<b>САЛАМОВ С.-Э.А.</b> Об административной ответственности за нарушение законодательства о кредитных организациях.....	213
<b>СТАХОВ А.И.</b> Административные регламенты публичной администрации как средство противодействия коррупции.....	215
<b>МАЛАХОВА Н.В., ШАЙХУТДИНОВА Т.Ф.</b> К вопросу о прохождении государственной гражданской службы в органах внутренних дел.....	220
<b>АГАФОНОВ С.И., КОСТЕННИКОВ М.В.</b> К вопросу о применении административно-правовых средств противодействия коррупции.....	224
<b>СТАРОВЕРОВА О.В.</b> Способы защиты гражданских прав в Российской Федерации: допустимо ли расширительное толкование.....	227

#### ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<b>АРТЕМЬЕВ Н.В.</b> Эволюция доктрин экономической безопасности.....	229
<b>ЕСЕННИКОВ К.Б.</b> Методы регулирования риска при использовании аутсорсинга в деятельности организаций.....	234
<b>УШКОВА О.А.</b> Участие России в деятельности Всемирной торговой организации: основные показатели отраслевой структуры хозяйства, как фактор понижения уровня экономической безопасности России.....	237
<b>ЭРИАШВИЛИ Н.Д., ГРИГОРЬЕВ А.И.</b> Вопросы, связанные с уплатой страховых взносов и отдельных видов налогов. Обзор спорных моментов.....	243

#### ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<b>ПАШКОВ В.И.</b> Ценность традиции для военнослужащих.....	248
<b>СЕМЕНОВА Е.В.</b> Влияние сельской образовательной среды на формирование полноценной всесторонне развитой личности.....	250
<b>СКВОРЦОВ К.В.</b> Сущность и проблемы культурно-образовательного процесса в жизни учащейся российской молодежи.....	254
<b>МАЛХАСЯН М.В.</b> Специфика деятельности педагога в условиях дополнительного художественного образования.....	257

**FOUNDER:**

**Moscow University of the  
Ministry of Internal Affairs  
of the Russian Federation**

*Head of the Moscow University  
of the Ministry of Internal  
Affairs of the Russian Federation,  
major general of police,  
candidate of pedagogical sciences,  
associate professor*  
**I.A. Kalinichenko**

*Scientific editor, responsible  
for the publication, the winner  
of the award of the Government  
of the Russian Federation  
in the field of a science and technics,  
doctor of economics, candidate  
of law sciences, candidate of  
historical sciences, professor*  
**N.D. Eriashvili**  
**E-mail:** nodari@unity-dana.ru  
Tel. 8 (499)740-68-30

**EDITORIAL STAFF:**

*Editor-in-Chief*  
**A.L. Mironov**  
*candidate of law sciences,  
associate professor*

*Editor*  
**I.I. Kubar**  
*candidate of law sciences*

*Executive secretary*  
**D.E. Barikaeva**

*In edition preparation  
participated:*  
**L.S. Antonenko,  
M.I. Nikitin,  
A.I. Antoshina**

*Imposition*  
**T.A. Gridchina**

The journal is registered  
by Ministry for Press,  
Broadcasting and Mass  
Communications of the Russian  
Federation

**The certificate of registration  
№77-14723**

**Zip Code at the List of the Agency  
«Rospechat» – 84629**

**Editorial Staff address:  
109028, Moscow,  
Malyj Ivanovskij per., d. 2.  
Tel. 628-57-16  
E-mail:  
vestnik.mosu.mvd@mail.ru**

# VESTNIK

## MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA MVD ROSSII

Contents ❁ № 3 • 2015

### JURISPRUDENCE

#### XVII All-Russian Round table «Preventing of expert errors in the light of the using of modern technologies in the forensic examination»

<b>YARMAK K.V.</b> Preventing of expert errors in the light of the using of modern technologies in the forensic examinations.....	10
<b>MAYLIS N.P.</b> About addition of expert classification system errors.....	15
<b>ROSSINSKAYA E.R.</b> Gnosiological and activity expert errors use in the production forensic examination modern technology.....	18
<b>BUSHUEV V.V.</b> Expert errors: causes and prevention.....	23
<b>SOKOLOVA O.A.</b> Warning expert errors in the manufacture of some types of forensic examinations in light of the use of modern technology.....	26
<b>MOISEEVA T.F.</b> The competence of the forensic expert as a determining factor in prevention expert errors.....	31
<b>PEREPECHINA I.O.</b> Expert errors in the context of professional activities of the forensic scientists.....	34
<b>KOLOTUSHKIN S.M.</b> The peculiarities of obtaining comparative samples of cartridges when shooting in the automatic mode of fire.....	36
<b>LATYSHOV I.V.</b> Special cases of differential diagnosis of marks of bore on used bullets in order to prevent experts mistakes.....	41
<b>DEMIDOVA T.V.</b> Qualitative examination of the scene in cases of accident as one of the conditions warning expert errors.....	45
<b>KHARLAMOVA O.A., KITAEV E.V., CHERNIGOVSKIY V.N.</b> Improvement of the technique of trasologicheskyy researches as one of ways of prevention of expert mistakes (on the example of trasologicheskyy research of the state registration signs of vehicles).....	48
<b>KOCHUBEY A.V., ZHAVORONKOV V.A.</b> One of the options for prevention expert errors during the expert investigations in cases of plagiarism.....	53
<b>PARAMONOVA G.V.</b> The reasons for the expert errors and ways to prevent them.....	57

#### Interuniversity scientific-practical conference «Criminal procedure law: history and modernity», dedicated to the 150th anniversary of the Charter of criminal justice

<b>ENDOLCEVA A.V.</b> Legal regulation of the Russian criminal procedure: from the original reforms to the present state.....	61
<b>KOZHOKAR V.V.</b> Refusal to initiate criminal proceedings: law enforcement myths and realities.....	63
<b>DOROSHKOV V.V.</b> Private prosecution and stages of its development in Russia.....	66
<b>BAZHANOV S.V.</b> The role of the Statutes of criminal proceedings of 1864 in the development of the concept of a police inquiry into the domestic criminal proceedings.....	70
<b>POBEDKIN A.V.</b> About the method of criminal procedure regulation.....	73
<b>GAVRILOV B.Ya.</b> Criminal procedure legislation of Russia: whether it complies with scientific thought and real enforcement.....	77
<b>NEVSKIY S.A.</b> The police and criminal legal procedure in the Russian Empire (second-half of XIX – beginning of XX).....	83
<b>TSOKOLOVA O.I.</b> The Charter of criminal justice of the Russian Empire and the modern problems of procedural response to the perfect pre-crime.....	88
<b>NIKOLYUK V.V.</b> About the right of magistrate court to arrest the convicted, escaping the service of sentence.....	91
<b>KHIMICHEVA G.P.</b> About influence of the Charter of the criminal proceedings of 1864 to a modern legal and judicial reform.....	95
<b>GRINENKO A.V.</b> About the distribution of power by the officials of the criminal proceedings for the prosecution (a comparative issue of modern legislation and the provisions of the Charter of the criminal justice 1864).....	98
<b>SUMIN A.A.</b> Proceedings in the court of cassation instance: from the Statute of criminal proceedings 1864 to current Code of criminal procedure of Russia.....	101
<b>POPOV I.A., KUCHIN V.V.</b> About need of the improvement of the separate positions UPK RF.....	105
<b>KHIMICHEVA O.V., ANDREEV A.V.</b> Role of the Charter of criminal procedure of 1864 in formation of institute of attraction as the accused.....	109
<b>VOLYNSKIY A.F.</b> Organization of investigation of crimes - comprehensive, interscientific problem.....	112
<b>MICHURINA O.V.</b> A brief sketch of the Charter of the criminal justice system in the regulation of the inquiry and the need to borrow some of its provisions in the present conditions.....	116
<b>BOBROV V.K., SOBOLEV A.V.</b> About legal foundations of guilty verdict with the sentenced person's release from punishment, ruled on grounds of expiry of limitation in accordance with rules of Criminal procedure charter and Criminal-proceeding code of Russian Federation.....	119
<b>OSIPOV D.V., KUZNETSOVA N.A.</b> On the application of certain provisions of inquiry in abbreviated form.....	123
<b>KLESCHINA E.N., ARKHIPOV A.S.</b> Genesis procedural means to accelerate the preliminary investigation in the domestic legislation of the pre-revolutionary, soviet and modern period.....	126
<b>NAGAEV E.A.</b> About improving procedure order acquaintance with materials criminal affairs.....	128



The original-model is created by publishing house «UNITY-DANA» and by the journal «Law and Legislation»

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossi» the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

**Format 60x84 1/8.**

**Offset printing**

**Circulation 1500 copies**

**(1st batch–300)**

**It is printed in Company**

**«Buki Vedi» LLC «Your Publishing Partner»**

**Moscow, Ilmensky pr-d, d. 1, bldg. 6**

**Ph. 8 (495) 926-63-96**



<b>PROKHOROVA E.A.</b> Codification of russian criminal procedure legislation: the history and the modernity.....	133
<b>FADEEV P.V.</b> Problems timely information to participants in criminal proceedings.....	135
<b>GRIGORYEVA N.V.</b> Basic historical stages of development of the institute of appeal in pretrial proceedings.....	138
<b>SHAROV D.V.</b> The concept of the victim under the Statute criminal justice 1864.....	141
<b>TOUTYNIN I.B.</b> The position of the measures of procedural coercion of property nature by the Charter of the criminal judicial proceedings of 1864.....	143
<b>UGOLNIKOVA N.V.</b> Rules of prosecution of juveniles, defined by the Charter criminal justice 1864.....	146
<b>SAMOROKA V.A., BEKETOV M.Yu.</b> The interaction between the investigator and inquiry bodies – from the Charter of criminal proceedings until the Criminal procedure code of the Russian Federation (on the materials of the investigation of crimes extremist).....	149
<b>ALONTSEVA E.Yu.</b> The procedure for the conduct of investigative actions, restricting the rights and freedoms of citizens (comparative analysis by Statut criminal justice 1864 and the Criminal procedure code of the Russian Federation 2001).....	151
<b>GRASHICHEVA O.N.</b> The formation of the institute of criminal prosecution with damages to the person under the Charter, of criminal proceedings.....	154
<b>ZHAMKOVA O.E.</b> Terms in criminal proceedings: comparative analysis of the Statutes criminal proceedings 1864 and the Criminal procedure code of the Russian Federation.....	156
<b>SAVELYEV Yu.Yu., KHLEBNITSYNA E.A.</b> Institute of preventive measures under the Charter of criminal proceedings of the Russian Empire and Criminal procedure code of the Russian Federation (comparative law research).....	159
<b>PARFYONOV V.N.</b> Rehabilitation in criminal cases of private prosecution in the Charter of criminal proceedings of Russian Empire and in the Criminal procedure code of the Russian Federation: where is the justice?.....	162
<b>SHISHKOV A.A.</b> Institute of truth in criminal procedure: from Charter of criminal proceedings to current criminal procedure law.....	165



<b>MATIENKO T.L.</b> Problems of improving the structure of hereditary substitution in the Russian civil law: a look through the light of Ancient Roman law.....	169
<b>ZHESTYANNIKOV S.G., EKIMOV I.V., KHAZOV E.N.</b> Current issues and basic directions of adaptation and integration of labour migrants in the Russian society (example of work experience, FMS of Russia Vologda region).....	172
<b>NIKONOROV A.A.</b> The principles of the institution of private property in constitutional law.....	176
<b>BURANOV T.R.</b> A constructive approach to the basis of civil liability: problems and prospects.....	179
<b>KUKUSHKIN S.N., RAMAZANOVA K.K.</b> Questions of tort liability for injury caused by internal affairs officials.....	181
<b>KADNIKOV B.N., SMIRNOV YU.P.</b> To the question about criminal liability for engaging in prostitution or coercion to continue prostitution.....	187
<b>OTKIDACH A.O.</b> About establishment of control over new psychoactive substances in the Russian Federation.....	192
<b>SACHEK A.G.</b> Criminological modeling: concept and importance for economic security.....	196
<b>OLIMPIEV A.YU., GAVRYUSHKIN YU.B.</b> Administrative responsibility as one of the forms combating illegal drug trafficking in the Russian Federation.....	200
<b>BOGATYREV A.G.</b> Legal regulation of operational implementation in foreign countries.....	202
<b>YANIN S.A.</b> On some aspects of the destination ballistic forensics in the investigation of illegal hunting.....	207
<b>SALAMOV S.-E.A.</b> On the administrative responsibility for violation of legislation on credit institutions.....	213
<b>STAKHOV A.I.</b> Administrative regulations of public administration as means of corruption prevention.....	215
<b>MALAKHOVA N.V., SHAYKHUTDINOVA T.F.</b> To the question about state civil service in the agencies of internal affairs.....	220
<b>AGAFONOV S.I., KOSTENNIKOV M.V.</b> To a question of application of administrative and legal countermeasures of corruption.....	224
<b>STAROVEROVA O.V.</b> Methods of protection of civil rights in the Russian Federation: permissible to broad interpretation.....	227

#### ECONOMIC SCIENCE

<b>ARTEMYEV N.V.</b> The evolution of the doctrines of economic security.....	229
<b>ESSENIKOV K.B.</b> Methods of regulation of risk during using of outsourcing in activities of companies.....	234
<b>USHKOVA O.A.</b> Russia's participation in the activities of the World trade organization: core indicators sectoral structure of the economy as factor of decrease of the level of economic security of Russia.....	237
<b>ERIASHVILI N.D., GRIGORYEV A.I.</b> Issues related to the payment of premiums and certain types of taxes. Overview of controversial moments.....	243

#### PEDAGOGICAL SCIENCE

<b>PASHKOV V.I.</b> Value of spiritual values for modern military personnel.....	248
<b>SEMENOVA E.V.</b> Influence of rural educational environment on forming personality and well-developed personal growth.....	250
<b>SKVORTSOV K.V.</b> Nature and problems of cultural and educational process in life of studying young people.....	254
<b>MALKHASYAN M.V.</b> The specifics of the teacher's activities in terms of supplementary art education.....	257



УДК 343.9  
ББК 67

## ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК В СВЕТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ



**КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ЯРМАК,**  
начальник кафедры оружейведения и трасологии  
учебно-научного комплекса судебной экспертизы  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук, доцент  
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;  
судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: kirill.77@mail.ru

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассмотрены актуальные аспекты предупреждения экспертных ошибок. Использование современных технологий при производстве судебных экспертиз зачастую влечет возникновение экспертных ошибок самого различного характера. Вопросам предупреждения экспертных ошибок посвящен одноименный Круглый стол, проходивший на базе кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

**Ключевые слова:** экспертная ошибка, судебная экспертиза, заключение эксперта.

**Annotation.** Discussed topical aspects of preventing of expert errors. The using of modern technologies in the forensic examinations is not rare occurrence entails expert errors of different nature. The eponymous expert Round table held at the Department of weapons and trasology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs name V.Ya. Kikot was dedicated to prevention of expert errors.

**Keywords:** expert errors, forensic examination, expert's conclusion.

Использование современных технологий при производстве судебных экспертиз на современном этапе развития является мощнейшим инструментарием в руках экспертов для достижения тех целей, которые перед ними стоят. Вместе с тем, необходимо отметить, что подобного рода интеграция научно-технического прогресса в судебно-экспертную деятельность не редко становится причиной экспертных ошибок. Этой актуальной теме был посвящен *XVII Всероссийский Круглый стол, заседание которого состоялось 22 октября 2014 г. на базе кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.* В работе Круглого стола приняли участие ведущие российские ученые, практики и молодые ученые, соискатели и сотрудники учебно-научного комплекса судебной экспертизы.

Профессор кафедры оружейведения и трасологии доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации *Надежда Павловна Майлис*, открывая Круглый стол, справедливо отмечает, что проблематике экспертных ошибок посвящен

ряд публикаций. К наиболее серьезным работам в этом направлении относится «Судебная экспертиза: типичные ошибки», подготовленная под редакцией Е.Р. Росинской<sup>1</sup>. В данной книге, написанной известными российскими учеными – специалистами в различных областях судебной экспертизы, рассмотрены основные процессуальные, гносеологические<sup>2</sup> и деятельностные экспертные ошибки. Ошибки судебных экспертов при выполнении экспертиз в уголовном, гражданском и арбитражном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях рассмотрены как с позиций теории судебной экспертизы, так и на многочисленных примерах из экспертной практики.

Вместе с тем, вопросам предупреждения экспертных ошибок по-прежнему уделяется не столь большое внимание, тем более, если речь идет об использовании современных инновационных технологий.

Отметим, что одно из определений экспертной ошибки дано Р.С. Белкиным в «Криминалистической энциклопедии»<sup>3</sup>, руководствуясь которым можно четко провести разграничение между ошибкой и заведомо ложным заключением.



*Участники XVII Всероссийского Круглого стола*

Говоря о предупреждении экспертных ошибок, Н.П. Майлис обращает внимание, что во многом экспертные ошибки определяются спецификой каждого класса и рода судебной экспертизы, но, тем не менее, у них есть и ряд общих условий, существенных для предупреждения экспертных ошибок. Главным условием Н.П. Майлис определяет предоставление достоверных сведений в распоряжение эксперта, что достигается тесным его взаимодействием с лицом, назначившим экспертизу по целому ряду вопросов. Подготовка и переподготовка экспертных кадров является не менее важным условием искоренения экспертных ошибок.

При этом нельзя не брать во внимание такой важный инструментарий, как постоянный контроль за качеством проводимых экспертиз со стороны как руководителей экспертных подразделений, так и образовательных организаций и научно-исследовательских учреждений.

На современном этапе развития судебной экспертизы всё чаще приходится сталкиваться с так называемой «аппаратной» ошибкой, которая закладывается в решение эксперта по причине использования им новых методов исследования, средств работы со следами, компьютерных технологий и т.п.

Доктор юридических наук, профессор **Елена Рафаиловна Россинская**, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, рассматривает проблемы, связанные с

гносеологическими и деятельностными ошибками судебных экспертиз, с точки зрения теории судебной экспертологии и процессуального законодательства.

В теории судебной экспертологии и в нормативных актах, регулирующих форму и содержание заключения эксперта, постоянно подчеркивается, что хотя эксперт при описании исследования пользуется научной терминологией, научным стилем языка, но адресатом экспертного заключения являются лица, не обладающие специальными знаниями

Еще раз обращается внимание, что для исследования каждого вида объектов в судебной экспертизе должна быть разработана и апробирована методика судебно-экспертного исследования; при этом важнейшим направлением минимизации экспертных ошибок выступает каталогизация, унификация, паспортизация и стандартизация этих экспертных методик.

Нельзя забывать о таком важнейшем аспекте борьбы с экспертными ошибками, как периодическое прохождение судебными экспертами аттестации для подтверждения их права на производство судебных экспертиз.

Заместитель начальника кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук **Виталий Валентинович Бушуев** останавливается на вопросах профилактики экспертных ошибок.

Им приведены достаточно обширные результаты аналитических исследований практической деятельности экспертно-криминалистических подразделений. Вызывают особый интерес рассмотренные субъек-



тивные причины экспертных ошибок. Одна из причин ошибок при проведении экспертизы – недостаточный учет психологических элементов, которые играют большую роль, особенно в процессах идентификации. Их влияние распространяется на весь процесс исследования – от стадии восприятия до формирования выводов. Также ошибка может быть заложена в комплексе факторов личностного отражения ситуации – привычках, социальной направленности. Причиной ошибочного заключения может послужить неординарное психологическое состояние эксперта.

Некоторым аспектам получения диагностической информации о человеке с использованием современных информационных технологий посвящен доклад докторанта кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидата юридических наук, доцента *Ольги Александровны Соколовой*.

С учетом широкого применения информационных технологий в экспертизе возрастает роль человеческого фактора в предупреждении экспертных ошибок, в правильном формулировании своих выводов на основании внутреннего убеждения.

Создание и совершенствование современных инновационных технологий позволяет повысить качество и эффективность такого направления деятельности правоохранительных органов, как производство судебных экспертиз.

Нельзя забывать, что современные технологии должны способствовать объективизации информации о расследуемом событии и установлению истины в целом.

О.А. Соколова приводит ряд примеров экспертных ошибок, среди которых указывается интересный случай в Германии, когда при расследовании серии изнасилований при использовании ДНК-исследований в поле зрения правоохранительных органов попала женщина. Причиной тому, очевидно, послужил тот факт, что она являлась сотрудницей фирмы по изготовлению пробирок для отбора образцов ДНК и, таким образом, внесла следовые количества своего ДНК в исследуемые образцы. В свою очередь, американские ученые установили, что около пятой части всех образцов ДНК, хранящихся в базе данных, загрязнены исследовавшими их сотрудниками.

Интерес вызывает судебно-психологическая экспертиза, объектом которой являются детские рисунки. Судебные приговоры, основанные на выводах подобных исследований, вызывают большой общественный резонанс.

Судебно-психологическая экспертиза с использованием полиграфа, являясь специфической в связи с тем, что объект исследования – это идеальные следы, вызывает широкую дискуссию. Безусловно, что такие исследования должны оцениваться только в комплексе с другими источниками доказательств.

Высказывается тезис о привлечении в судебную экспертизу как можно большего числа специальных

знаний из других наук, и как следствие, повышение объективности получаемых выводов и минимизация экспертных ошибок. Подобная точка зрения вызывает дискуссию оппонентов, например, в лице заместителя заведующего кафедрой уголовно-процессуального права, криминалистики и судебной экспертизы им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, доктора юридических наук, профессора *Татьяны Федоровны Моисеевой*.

Несмотря на необходимость внедрения новых методов и технологий в правоохранительную деятельность, нельзя забывать о таком важном аспекте, как жесткое требование допустимости используемых методов. Они должны быть научно обоснованными, тем более, когда речь идет о судебной экспертизе, результаты которой выступают доказательствами.

По справедливому мнению Т.Ф. Моисеевой, подобные инновационные нетрадиционные методы могут быть применены на этапе оперативно-разыскных мероприятий, а использование их в экспертизе недопустимо.

Необходимо отметить, что современные технологии при производстве судебных экспертиз позволяют проводить статистическую оценку достоверности проведенных исследований. В этом свете также может быть подвергнуто критике желание широкого использования судебной психо-физиологической экспертизы с использованием полиграфа. По мнению доктора юридических наук, кандидата психологических наук, старшего научного сотрудника профессора МГТУ им. Н.Э. Баумана *Юрия Ивановича Колодного*, стоявшего у истоков использования полиграфа в отечественных спецслужбах, достоверность таких исследований составляет около 86%. Соответственно вывод при такой достоверности может быть исключительно вероятным и значения доказательства не имеет.

Т.Ф. Моисеева еще раз обращает внимание на компетентность эксперта, приобретаемую в процессе его подготовки, что является залогом искоренения экспертных ошибок. Однако, в настоящее время программы подготовки в вузах как системы МВД, так и других образовательных организаций, слишком разнятся. При этом по статистическим данным по отчету следственного комитета за 2012 г., не государственных экспертов примерно в 4 раза больше, чем государственных; порядка 40% экспертиз, проведенных негосударственными экспертами, признаны недостоверными.

В этом свете еще раз выходит на первый план необходимость скорейшего принятия закона «О судебно-экспертной деятельности», который разрабатывается вот уже не первый год. И пока будет оставаться не урегулированным положение негосударственных экспертов, правосудие будет сталкиваться с экспертными ошибками.

В своем выступлении доктор юридических наук, кандидат медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного универ-





ситета приборостроения и информатики **Сергей Степанович Самищенко** обращает внимание на тот факт, что спектр экспертных ошибок очень широк и, соответственно, воспринимать и оценивать их необходимо по-разному.

Близки по своей природе к ошибкам такие понятия, как формы выводов эксперта – категорические или вероятные. Традиционно в судебной медицине категорический вывод не используется. Например, время наступления смерти устанавливается с интервалом в 5 часов и т.п. Но существуют случаи, когда довольно сложно разобраться, ошибка ли это, неправильная форма вывода или заведомо ложное заключение.

С.С.Самищенко привел несколько практических примеров, когда заключение по результатам судебно-медицинской экспертизы подвергается большому сомнению, а при внимательном анализе просматриваются очевидные признаки заведомо ложного заключения.

В судебной медицине бывают случаи, когда человек имеет серьёзное заболевание (например, нарушение проницаемости сосудов) и ему причиняется какая-либо существенная травма; в такой ситуации смерть может наступить от совместного действия причин. Это обстоятельство часто может служить основанием для ошибки эксперта и неправильной интерпретации результатов исследования. Порой ошибочна форма выводов – вместо вероятной формы вывод формулируется в категорической.

С.С. Самищенко справедливо утверждает, что с ошибками можно бороться путем применения целого ряда мер, к которым можно отнести построение грамотной системы контроля за молодыми экспертами, использование апробирования новых методик, а также введение повсеместной практики выступления в суде экспертов с обеих сторон процесса для убеждения участников судопроизводства в своей правоте.

В процессе заседания Круглого стола также затрагивается вопрос о рецензировании заключений эксперта, о его правовых основаниях, о весомости и значении подобных рецензированиях. Несколько раз затрагивался вопрос об ошибках в процессе производства комплексных экспертиз. Мы уже затрагивали эту проблематику в предыдущих работах<sup>4</sup>.

Доктор медицинских наук, профессор **Ирина Олеговна Перепечина**, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. Ломоносова, анализируя результаты 3-й международной научной конференции «Forensic Research And Technology» («Криминалистические исследования и технологии»), также обращается к проблематике экспертных ошибок в контексте профессиональной деятельности. Данная конференция состоялась 6–8 октября 2014 г. в г. Сан-Антонио (США), организатором которой выступала издательская группа «OMICIS Group International», занимающаяся вопросами криминалистики.

На конференции обсуждался широкий спектр вопросов криминалистических исследований; в том числе компьютерное моделирование при исследовании огнестрельных повреждений (установление повреждающе-

го фактора в зависимости от вида оружия), а также при расследовании различных техногенных катастроф.

Много вопросов посвящено исследованию ДНК; заслуживает внимания доклад по возможностям обнаружения ДНК жертвы, следовые количества которых находятся в носовых каналах и слизи преступника, который контактировал с жертвой определенное время.

Продолжая тематику исследования ДНК И.О. Перепечина приводит перечень причин, влекущих экспертные ошибки, к которым относит процессуальные ошибки; методические и организационно-методические ошибки (отсутствие контрольных тестов или их фиктивное использование; трудности: деградация ДНК, малые количества исследуемого биологического материала, «смешанный» характер объекта и т.д.); контаминация; ошибки вследствие мутаций; технические ошибки; ошибочное определение идентификационной значимости выявленной совокупности признаков (ошибки при выполнении вычислений, недостаточные популяционно-генетические данные, случайное совпадение); «субъективные ошибки»; ошибки вследствие фальсификации объектов.

Контаминация (лат. *contaminatio* – смешение) – термин, используемый в различных научных дисциплинах, таких, как лингвистика, химия, биология и др. В медицине и биологии под контаминацией понимают загрязнение образцов посторонними веществами, заражение культуры микроорганизмов или живой ткани чужеродным биологическим материалом.

В будущем в экспертной практике следует ожидать увеличения количества экспертных ошибок, что обусловливается целым рядом факторов: увеличение объемов исследования в связи с формированием баз данных, использование LCN-анализа (Low copy number analysis); секвенирование нового поколения (NGS – Next Generation Sequencing); ДНК-фенотипирование; проблема фальсификации (не только данных, но и ДНК).

В заключении И.О. Перепечина приводит ряд экспертных ошибок из отечественной практики производства ДНК-исследований. Аналогичные примеры, но уже из практики производства судебно-баллистических экспертиз, приводит **Марк Александрович Сонис**, главный эксперт судебно-баллистической лаборатории РФЦСЭ при Минюсте России. В своем выступлении он еще раз обращает внимание на необходимость четкого разграничения экспертных ошибок от заведомо ложных заключений. Обращается внимание на то, что существует большая вероятность ошибки только при проведении идентификационных экспертиз, так как присутствует большой процент субъективизма при анализе идентификационных признаков.

Начальник отдела баллистических, трасологических, холодного оружия экспертиз, исследований и учетов ЭКЦ ГУ МВД России по Московской области **Александр Вячеславович Потехин** поднимает вопрос о признании в качестве экспертной ошибки факта использования не утвержденной методики исследования. До настоящего времени остается относительно не

решенным вопросом об исследовании следов выстрела на пластиковых пыжах-контейнерах.

Начальник кафедры судебных экспертиз Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Сергеевич Коровкин** также затрагивает тематику экспертных ошибок при производстве судебно-баллистических экспертиз. Однако, при этом на первое место среди ряда причин экспертных ошибок Д.С. Коровкин ставит халатное отношение экспертов к своим служебным обязанностям, нежелание сотрудников ЭКП проводить планомерную работу по повышению своей квалификации.

Безусловно, одной из серьезных причин экспертных ошибок выступают разногласия в методиках различных ведомств, например, противоположные подходы к признанию некоторых видов патронов боеприпасами, взятые на вооружение в экспертных подразделениях Министерства внутренних дел и Министерства юстиции России.

Профессор кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя **Сергей Михайлович Колотушкин** говорит об особенностях получения сравнительных образцов гильз при стрельбе из автоматического оружия и о возможных, возникающих в связи с этим, экспертных ошибках.

Экспериментальные исследования показали, что порядок получения экспериментальных образцов гильз зависит от режимов стрельбы оружия. Проведенные исследования показывают необходимость при получении сравнительных образцов гильз из огнестрельного автоматического оружия использовать как одиночный, так и автоматические режимы стрельбы. При этом производить не менее 5 одиночных выстрелов и 10 выстрелов одной очередью. В дальнейшем необходимо проводить группировку стреляных гильз по выраженным вариациям следов.

Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России **Игорь Владимирович Латышов** рассматривает отдельные случаи дифференциальной диагностики следов канала ствола оружия на выстреленных пулях в предупреждении экспертных ошибок.

И.В. Латышовым представлены сведения о характерных особенностях следов на пулях по результатам сравнения механизма образования таких следов при выстреле из стрелкового огнестрельного оружия с сильным износом канала ствола, со следами на пулях, выстреленных из стрелкового огнестрельного оружия с полигональными нарезами канала ствола. Для предотвращения экспертных ошибок предложенные признаки следует принимать во внимание при дифференциации внешне сходной морфологии следов сильно изношенного канала ствола и следов канала ствола с полигональными нарезами.

Кандидат юридических наук **Татьяна Владимировна Демидова**, старший преподаватель кафедры оружейноведения и трасологии Московского универси-

тета МВД России имени В.Я. Кикотя, делает акцент на качественном осмотре места происшествия, в том числе по делам о ДТП, как одном из условий предупреждения экспертных ошибок.

Неквалифицированный осмотр места ДТП крайне негативно влияет на получение исходных данных для судебных экспертиз (в первую очередь, судебной автотехнической экспертизы) и в конечном итоге на весь ход и результаты расследования. Неполнота исходных данных порождают необходимость проведения дополнительных либо повторных экспертиз, что в конечном итоге приводит к нарушению процессуальных сроков и обоснованным жалобам потерпевших. Неполные данные о механизме ДТП, изложенные следователем в постановлении, вынуждают эксперта делать вероятные либо альтернативные выводы, оценка которых следователем весьма затруднительна.

**Николай Юрьевич Миленин**, заместитель начальника отдела почерковедческих, портретных экспертиз и технико-криминалистических экспертиз документов ЭКЦ ГУ МВД России по Московской области, иллюстрирует на конкретных примерах экспертные ошибки в области исследования документов.

Доцент кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук **Ольга Александровна Харламова** говорит о совершенствовании методики трасологических исследований некоторых объектов как об одном из способов предотвращения экспертных ошибок.

Так, при исследовании трасологических признаков государственных регистрационных знаков транспортных средств можно выяснить, соответствуют ли они требованиям государственного стандарта. Процесс изготовления регистрационных знаков состоит из нескольких этапов, каждый из которых обладает определенной информацией слеодообразования.

Однако, у экспертов зачастую нет четкого понимания технологического процесса изготовления знаков, механизма образования следов, оценки их криминалистической значимости. Данное обстоятельство может повлечь совершение экспертной ошибки.

Предупреждению экспертных ошибок при проведении экспертных исследований по делам о плагиате посвящает свой доклад кандидат химических наук, доцент **Андрей Владиславович Кочубей**, доцент кафедры криминалистической техники Волгоградской академии МВД России.

Отсутствие общепринятых методик проведения экспертиз по уголовным делам, связанным с плагиатом, при решении вопроса об авторстве текста является причиной того факта, что выводы по экспертизе, выполненной по одной методике исследователями одного научного коллектива, могут быть признаны экспертной ошибкой приверженцами другого направления. Во избежание экспертных ошибок необходимо получение мнения не одного специалиста в данной



области, а нескольких, причем, желательно, придерживающихся различных научных школ. Кроме того, исследованию должны подвергаться и форма произведения, и его смысловая составляющая. Также целесообразно назначение комплексной комиссионной экспертизы.

Доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор **Владимир Антонович Прорвич** традиционно посвящает свой доклад проблемным вопросам экономических экспертиз. По оценкам криминологов объем теневой экономики в стране составляет половину от ВВП. Вся теневая экономика при этом поделена на несколько сфер – криминальную, полукриминальную и т.д. Но, несмотря на такие показатели, этой сфере уделяется не достаточное внимание, что вызывает большую озабоченность.

В.А. Прорвич предлагает методики проверки и оценки заключений эксперта, в частности, по результатам экономической экспертизы. Данные методики будут соответствовать ст. 87 УПК РФ «Проверка доказательств» и ст. 88 УПК РФ «Правила оценки доказательств». Проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установле-

ния их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. При этом каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Данные элементы уголовно-процессуальных действий являются одним из гарантов исключения экспертных ошибок.

Таким образом, предупреждение экспертных ошибок является насущной проблемой судебно-экспертной деятельности в целом.

<sup>1</sup> Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Росинской. М.: Проспект, 2012.

<sup>2</sup> Бушуев В.В. Гносеологические экспертные ошибки и их преодоление // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы. Материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 26–27 апреля 2012 г.) М.: Академия управления МВД России, 2012.

<sup>3</sup> Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: «Мегатрон XXI», 2000.

<sup>4</sup> Ярмач К.В. Современные тенденции развития комплексных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. № 6. 2014.

УДК 343.9  
ББК 67

## О ДОПОЛНЕНИИ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК



**НАДЕЖДА ПАВЛОВНА МАЙЛИС,**  
профессор кафедры оружейоведения и трасологии  
учебно-научного комплекса судебной экспертизы  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
профессор, доктор юридических наук,  
Заслуженный деятель науки Российской Федерации  
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;  
судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: jlmaylis@yandex.ru

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются проблемные вопросы, связанные с экспертными ошибками, природой их возникновения и путями предупреждения. Предложено выделение в судебно-экспертной деятельности самостоятельного класса – технические ошибки.

**Ключевые слова:** судебная экспертиза, природа экспертных ошибок, современные технологии, предупреждение экспертных ошибок.

**Annotation.** Deals with the problematic issues associated with expert errors, the nature of their origin and ways of prevention. Proposed allocation of independent class in forensic activities – technical errors.

**Keywords:** forensic expert nature of the error, advanced technology, expert warning errors.



Современный период развития общества характеризуется широким внедрением достижений научно-технического прогресса во все сферы человеческой деятельности. Институт судебной экспертизы не является исключением, так как использование специальных знаний и применение технических средств и методов при производстве экспертных исследований способствует раскрытию и расследованию преступлений. В связи с появлением новых видов преступности и соответственно, новых объектов и решаемых задач, должны расширяться и рамки судебных экспертиз, разрабатываться новые методы и приемы для их решения. В настоящее время широкое использование компьютерной техники способствует проведению экспертных исследований на новом, более совершенном уровне. Однако, как свидетельствует практика, и в таких случаях экспертизы не застрахованы от допущения тех или ошибок.

По определению Р.С. Белкина<sup>1</sup>, экспертная ошибка – это суждения эксперта или его действия, не соответствующие объективной действительности и поэтому не приводящие к цели экспертного исследования, являющиеся результатом добросовестного заблуждения. Последнее обстоятельство отличает экспертную ошибку от заведомо ложного заключения, т.е. преступления против правосудия, которое может быть совершено экспертом. Заведомая ложность заключения эксперта, как отмечается в литературе<sup>2</sup>, может выражаться в сознательном игнорировании или умалчивании при исследовании существенных фактов и признаков объектов экспертизы, в искаженном описании этих фактов и признаков, заведомо неправильной их оценке или заведомо неверных действиях и операциях по их исследованию, умышленно неверному выбору методики или ее применению.

Поскольку природа экспертных ошибок неоднородна, они подразделены на три класса: ошибки процессуального характера; гносеологические ошибки; деятельностные (операционные) ошибки. Эти три класса ошибок достаточно подробно рассмотрены в специальной литературе, поэтому раскрытие их содержательной части в контексте обозначенной темы не целесообразно.

Говоря о судебно-экспертной деятельности в целом, ошибки могут быть допущены и на стадии разработки метода и при непосредственном использовании технического устройства или приборной базы. По многим экспертизам важна точность измерения, особенно на микроуровне. В этой связи должна обязательно проводиться проверка средств измерений, которая состоит из совокупности операций, выполняемых органами государственной метрологической службы с целью определения и подтверждения соответствия средства измерений установленным техническим требованиям.

В настоящее время немаловажное значение имеют другого рода ошибки, независимые непосредственно от упомянутых выше. Это ошибки технического ха-

рактера или технические. В большей мере они близки к деятельностным (операционным) ошибкам, среди которых имеет место, например, поверхностное исследование объектов (следов), выход эксперта за пределы своей компетенции, низкий профессионализм, недобросовестное отношение к своим обязанностям. Последние некоторые авторы относят к техническим ошибкам<sup>3</sup>, но, по нашему мнению, технические ошибки имеют иной характер.

Природа таких ошибок обусловлена использованием новых технологий, методов, приемов и технических средств. Такие ошибки сложно предупредить, так как они непосредственно не связаны с неправильным подходом в деятельности эксперта при производстве экспертизы. Эксперт не всегда может предотвратить их в силу самых различных причин. В настоящее время обобщение и анализ технических ошибок требует отдельного изучения и выделения их в самостоятельный класс.

При рассмотрении вопросов о возможностях предупреждения экспертных ошибок, в том числе и технического характера, необходимо учитывать, что во многом они определяются спецификой каждого класса и рода судебной экспертизы. Вместе с тем, имеются некоторые общие для всех видов судебной экспертизы условия, существенные для предупреждения экспертных ошибок.

Главным условием предупреждения экспертной ошибки является предоставление на экспертизу полноценных, проверенных, достаточных с точки зрения информативности исходных материалов следователем или судом, назначившими экспертизу. Для соблюдения этого условия сотрудники судебно-экспертных учреждений должны постоянно взаимодействовать, прежде всего, со следователями, поскольку именно от них поступает основное количество экспертиз. Это взаимодействие должно осуществляться в виде консультирования по поводу назначения экспертиз, отбора образцов, а также в виде систематического ознакомления с достижениями в области науки и техники, обменом информацией о современных подходах при использовании новых методов и технических средств в целях обнаружения, фиксации и исследования вещественных доказательств. Зная новые технические средства при обнаружении следов на месте преступления, современные подходы в технологии экспертного производства при решении новых экспертных задач, инновационные технологии, следователь (суд) будет правильно оценивать заключение эксперта. Такое взаимодействие будет обогащать процессуальных субъектов как в научном, так и практическом аспектах. Особенно это важно при раскрытии и расследовании новых видов преступлений – преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации (компьютерная преступность), экономики (экономическая преступность), в сфере противодействия коррупции и по другим направлениям.



Предупреждение экспертных ошибок зависит от внедрения в экспертную практику достижений научно-технического прогресса, новых высокочувствительных методов, совершенствование информационного обеспечения эксперта.

Не менее важным в предупреждении экспертных ошибок является качественная подготовка и переподготовка экспертных кадров, наличие в составе судебно-экспертных учреждений сотрудников надлежащей квалификации, включая необходимое базовое образование и знание основных положений права, в частности, уголовного и гражданского процессов, методологических основ криминалистики.

Предупреждением экспертных ошибок является и постоянный контроль за проводимыми в судебно-экспертном учреждении экспертизами. Тщательная, хорошо организованная проверка заключений экспертов должна осуществляться, прежде всего, в самом экспертном учреждении как его руководителем, так и опытными экспертами.

Говоря об экспертной деятельности в целом, безусловно, нельзя не остановиться и на ее психологических особенностях, которые сопровождают эту деятельность, начиная с подготовки эксперта, непосредственного производства исследования, его оценки и оформления полученных результатов.

К основным элементам, характеризующим моральные и психофизиологические качества и свойства личности эксперта, относятся: профессиональные знания, наблюдательность, внимание, глубина, гибкость, логичность и критичность ума, самостоятельность мышления, способность преодолеть предубеждение или предвзятость, честность, добросовестность, принципиальность и т.п. Именно наличие у эксперта данных качеств служит гарантией успешной экспертной деятельности и способствует предотвращению экспертных ошибок.

Рассматривая ошибки, допускаемые при использовании современных технологий, прежде всего, следует отметить, что эта область с точки зрения допущения технических ошибок мало исследована и требует са-

мостоятельного изучения и анализа, но примеры из экспертной практики уже можно привести.

Так, при производстве дактилоскопической экспертизы следы рук выявлялись раствором нингидрина в аэрозоли. Оказалось, что ранее баллончик использовался и при его применении через некоторое время, эффективность действия нингидрина резко снизилась, в результате следы на исследуемом объекте не проявились. Эксперт пришел к ошибочному выводу, указав, что следов на представленном объекте не имеется. При повторной экспертизе следы были выявлены, эксперты использовали такой же метод, но новой аэрозолью. Как было оценить такое расхождение? Считать, что в первом случае имел место непрофессионализм эксперта? Видимо – нельзя, так как эксперт считал метод апробированным и достаточно эффективным, что подтверждала и экспертная практика. Это была техническая ошибка, предвидеть которую на тот момент было невозможно.

Многие примеры экспертных ошибок процессуального и гносеологического характера в литературе приведены из практики, относительно нового вида – компьютерно-технической экспертизы, но технические ошибки практически не описаны. В этой достаточно сложной экспертизе, имеющей несколько разных направлений, они, безусловно, присутствуют, но выявить их, с целью предотвращения в будущем, должны непосредственно специалисты в этой области.

Таким образом, в настоящее время имеет место настоятельная необходимость предметного изучения технических ошибок в различных классах, родах и видах экспертиз с целью не только их выявления и изучения их природы, но и предупреждения.

<sup>1</sup> Белкин П.С. Криминалистическая энциклопедия. М. 1997. С. 157.

<sup>2</sup> Белкин П.С. Курс криминалистики. М. 2001. С. 470

<sup>3</sup> Перепечина И.О. Ошибки при исследовании объектов биологического происхождения. В кн. «Судебная экспертиза: типичные ошибки». М.: Изд. «Проспект», 2012. С. 308.



**Введение в судебную экспертизу:** учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.П. Майлис. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 159 с.

В пособии изложены основные теоретические понятия судебной экспертизы, представлены история развития, система государственных экспертных учреждений в России, правовые основы судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Раскрыты научные основы судебной экспертизы, включающие в себя криминалистическую идентификацию и диагностику; технология экспертного исследования; содержательная часть заключения эксперта и его доказательственное значение в расследовании и раскрытии преступлений. Уделено внимание информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, а также экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.



УДК 343.9  
ББК 67

# ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ ЭКСПЕРТНЫЕ ОШИБКИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

**ЕЛЕНА РАФАИЛОВНА РОССИНСКАЯ,**  
директор Института судебных экспертиз,  
заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного  
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),  
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,  
Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации  
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются проблемы, связанные с гносеологическими и деятельностными ошибками судебных экспертиз с точки зрения теории судебной экспертологии и процессуального законодательства. Описаны основные причины экспертных ошибок, связанных с использованием современных технологий, методов и оборудования. Подчеркивается необходимость при внедрении в экспертную практику новых методов и технологий руководствоваться критериями, разработанными судебной экспертологией: научностью метода, точностью, воспроизводимостью и надежностью полученных результатов, соответствием методов объектам экспертного исследования.

**Ключевые слова:** судебная экспертиза, экспертные ошибки, современные технологии, эксперт; методики экспертного исследования.

**Annotation.** Discussed the problems associated with the gnoseological errors and activity of forensic examinations in terms of the theory of judicial expertology and procedural law. The basic causes of expert errors associated with the use of modern technology, techniques and equipment. Emphasizes the need for the introduction to expert practice new techniques and technologies guided by criteria developed by the judiciary expertology: scientific method, accuracy, repeatability and reliability of the results, the appropriate methods of expert research facilities.

**Keywords:** forensic examination, forensic expert errors, modern technology, expert; techniques of expert research.

Как известно, по своей природе экспертные ошибки принято разделять на три класса<sup>1</sup>:

- ошибки процессуального характера;
- гносеологические ошибки;
- деятельностные (операционные) ошибки.

В данной статье мы рассмотрим причины гносеологических и деятельностных ошибок при использовании в производстве судебных экспертиз новых технологий и методов исследования с использованием современного лабораторного оборудования.

Экспертное исследование основывается на методиках производства экспертиз различных классов, родов и видов и представляет собой систему познавательных средств, определяющих содержание и структуру исследования. Эти методики являются результатом специальных научных разработок.

Задачи, решаемые экспертом, могут быть типо-

выми, стандартными (чаще всего встречающимися) и творческими (эвристическими), требующими нестандартного подхода, разработки новой или модернизации действующей методики. Если задача типовая и решается с помощью стандартной методики, то она поддается алгоритмизации, формализующей процесс экспертного исследования. Эвристическая задача требует от эксперта высокой квалификации, совершенного владения методиками, умения находить нестандартное ее решение. Таким образом, познавательная деятельность эксперта представляет собой соотношение творческого начала и стандартности, зависит от научного уровня разработанных методик и методов решения задач экспертизы определенного рода и вида.

На современном уровне развития судебной экспертологии полная стандартизация и алгоритмизация



всего процесса экспертного исследования невозможны. На долю эксперта всегда будет оставаться первоначальный анализ исходных данных (проблемная ситуация) и осмысление результатов проведенных исследований перед формулированием окончательного вывода, даже если само исследование осуществлялось по стандартной методике с высоким уровнем программирования деятельности эксперта на этапе собственно исследования объекта. Методика содержит рекомендации и обязательные правила по узловым моментам, определяющим схему исследования. Все содержание конкретного экспертного исследования не может предусмотреть ни одна методика. Поэтому, творческие компоненты обычно присутствуют в каждом экспертном исследовании.

В идеале для исследования каждого вида объектов в судебной экспертизе должна существовать методика судебно-экспертного исследования, т.е. система категорических или альтернативных научно обоснованных предписаний по выбору и применению в определенной последовательности и в определенных существующих или создаваемых условиях методов, приемов и средств (приспособлений, приборов и аппаратуры) для решения экспертной задачи<sup>2</sup>. Категорический или альтернативный характер методики, т.е. отсутствие или наличие у эксперта возможности выбора, зависит от существа избираемых методов и средств.

Следует подчеркнуть, что целью создания судебно-экспертной методики является не просто получение новой информации об объекте исследования, а решение определенных экспертных задач, и в этом ее отличие от научных методик исследования аналогичных объектов, часто использующих те же методы. Отсюда использование без какой-либо модификации и критического переосмысления для исследования вещественных доказательств методик, разработанных в «большой науке», и, в частности, выбор инструментария, пусть даже самого современного и особенно его применения, нередко приводит к экспертным ошибкам. Эти ошибки, связанные с незнанием специфики объектов, допускают обычно эксперты-выпускники естественнонаучных факультетов университетов и технических вузов, не имеющие специального экспертного образования и опыта практической экспертной деятельности.

Наиболее типичной такой ошибкой является отсутствие четких представлений о микрообъектах, их природе и связи с макрообъектами. Заметим, что далеко не всегда микрообъект позволяет охарактеризовать все свойства и признаки макрообъекта. А при решении идентификационных задач очень важно правильно выбрать именно те признаки, которые позволят осуществить идентификацию. Проиллюстрируем этот тезис на примере.

По следу металлизации на кости необходимо было идентифицировать один из пяти самодельных ножей, которым совершено убийство. Ножи принадлежали пяти подозреваемым и были изготовлены кустарно из

полотен напильников. Эксперт, используя рентгенофлуоресцентный спектральный анализ, установил, что след металлизации образован железом и не нашел в железе необходимых примесей легирующих элементов (хрома, марганца, вольфрама, молибдена и пр.), характерных для легированной стали. На этом основании он сделал вывод, что ни один нож не мог оставить этот след металлизации. Но приглашенный следователем специалист разъяснил, что в таком случае нож был изготовлен из низкосортной стали, и им не могли быть оставлены такие следы металлизации. Ошибка эксперта состояла в том, что микрообъект был слишком мал, и концентрация в нем легирующих элементов не соответствовала средней концентрации этих элементов в макрообъекте. В ходе повторной экспертизы был использован метод рентгеноструктурного фазового анализа, который позволил по кристаллическим фазам железа идентифицировать один из ножей<sup>3</sup>.

Заметим, что экспертом должны соблюдаться и указанные в методике, так называемые, *граничные условия* ее применения, т.е. те условия, при которых использование методики допустимо, а полученные результаты отвечают критериям достоверности, надежности, точности и обоснованности. Эти условия могут касаться объектов исследования, используемых методов, аппаратуры. Например, основанная на металлографическом анализе экспертная методика установления причин оплавления алюминиевых проводников (пожар или аварийный режим) может использоваться только в том случае, если проводники не нагревались до температуры свыше 650°C<sup>4</sup>.

Причины экспертных ошибок могут быть *объективными* и *субъективными*.

К экспертным ошибкам объективной природы относят:

- отсутствие разработанной и апробированной методики;
- несовершенство используемой экспертной методики;
- применение ошибочно рекомендованных методов;
- применение методов, находящихся в стадии экспериментальной разработки;
- применение неисправного оборудования;
- использование методов и приборов, не обладающих достаточной чувствительностью или разрешающей способностью;
- использование для измерений физических величин приборов, не относящихся к сертифицированным средствам измерений;
- применение неупомянутых средств измерений и эталонов;
- использование неаттестованных методик измерений физических величин;
- использование неадекватных математических моделей и компьютерных программ;
- применение нелегальных компьютерных программ;

• отсутствие полных данных, характеризующих идентификационную и диагностическую значимость признаков, устойчивость их отображений в следах и др.<sup>5</sup>

Арсенал средств и методов, применяемых при производстве судебных экспертиз и исследований, постоянно обогащается новыми приборами и аппаратурой, расширяется за счет применения новых методов исследования вещественных доказательств. При отсутствии паспортизованной экспертной методики, а таких методик пока немного, судебный эксперт независим в выборе методов и средств экспертного исследования, необходимых, с его точки зрения, для изучения данных конкретных объектов экспертизы при условии соблюдения общих правил работы с доказательствами. Судебной экспертологией выработаны основные принципы допустимости использования методов и средств в судебно-экспертных исследованиях, среди которых одним из важнейших является научная обоснованность методов и достоверность получаемых с их помощью результатов<sup>6</sup>. Положительные ответы на вопросы о соответствии методов, средств и специальных знаний этим требованиям должны содержаться в той науке, из которой они заимствованы и где испытаны первоначально. Однако, этого далеко не достаточно.

Метод может быть научным, однако применяемая экспертная технология не позволяет получать достоверные воспроизводимые результаты. Проиллюстрируем это положение примером. В 1980-е годы во ВНИИ МВД СССР был разработан комплекс экспертных методик по исследованию медных проводников в зонах короткого замыкания и термического воздействия<sup>7</sup>. В основе методик лежали методы рентгенофазового структурного анализа (РФСА) и металлографии, научность которых не вызывает никаких сомнений. Для разработки этих методик проводился широкий спектр модельных экспериментов, поскольку, в силу специфики решаемых экспертных задач, в «большой науке» подобные исследования ранее не осуществлялись. Методики были защищены авторскими свидетельствами, прошли широкую апробацию и начали активно использоваться в экспертных учреждениях разных ведомств. Однако, в 1990-е годы вместо рентгеновского дифрактометра, который был рекомендован в методиках и позволял снимать весь рентгеновский спектр (хотя использовались для анализа только две линии спектра), для удешевления исследований стали использовать упрощенное оборудование, позволяющее регистрировать только две основные рентгеновские линии, что совершенно недопустимо с точки зрения интерпретации рентгеновского спектра. Такая, с позволения сказать, рационализация привела к многочисленным экспертным ошибкам, выявить которые правоприменителю явно не под силу, поскольку он не может разобраться в особенностях оборудования, которое к тому же постоянно совершенствуется.

Более того, метод РФСА оказался опровержен и считается теперь непригодным для исследования этих объектов серьезными учеными, работающими в области металловедческой и пожарно-технической экспертиз, но не являющимися специалистами в области РФСА<sup>8</sup>. В результате многие государственные и негосударственные судебные эксперты вообще отказались от исследования медных проводников с использованием неразрушающего метода рентгенофазового анализа, а используют только металлографический анализ, значительно более трудоемкий и требующий серьезного видоизменения исследуемых объектов.

Метод может быть научным, точным и надежным, но непригодным для исследования именно данных объектов, как в вышеописанном примере применения метода элементного анализа при исследовании следов металлизации, образовавшихся на кости потерпевшего вследствие проникающего ножевого ранения, когда нужную информацию удалось получить путем исследования не элементного, а фазового состава металла. Иногда слишком чувствительные методы не могут применяться, поскольку создают ложное представление об объектах экспертизы.

Очевидно, что реально разобраться в научности и допустимости использования того или иного метода или методики при производстве экспертизы следователю и суду, как правило, не под силу, несмотря на имеющиеся в литературе многочисленные заклинания об обратном. Более того, использование при производстве экспертиз суперчувствительных методов, уникального оборудования, существующего зачастую в единственном экземпляре, оказывает, поистине, гипнотизирующее воздействие на следователя и суд. Особенно рельефно это проявляется при выполнении судебных экспертиз сотрудниками неэкспертных учреждений, например, академических или отраслевых научно-исследовательских институтов. Эти лица, зачастую впервые сталкиваются с практической судебно-экспертной деятельностью и не видят различий между ней и сугубо научной деятельностью, хотя эти различия весьма существенны. Они не знают и не учитывают специфику объектов, особенности экспертных задач, не владеют экспертными технологиями. Но зато в их распоряжении часто имеется уникальное оборудование<sup>9</sup>. Внешне все выглядит просто великолепно, удается разрешать задачи, за которые эксперты государственных экспертных учреждений не берутся. Однако, именно в подобных случаях число экспертных ошибок особенно велико, поскольку не отработаны методики использования этого оборудования для решения именно экспертных задач. Механически на экспертные объекты переносятся методические подходы, используемые в научных исследованиях. Более того, авторы часто указывают, что их методические подходы верны, поскольку суд или следователь использовали результаты такой экспертизы в





доказывании и постановлении приговора<sup>10</sup>. Но как уже упоминалось выше, гарантией достоверности и научности такого экспертного заключения служит не его содержание, а упоминания о сверхчувствительном уникальном приборе, множество непонятных формул и терминов.

Почему-то если речь идет о применении инструментальных методов исследования, в состоятельности и пригодности этих методов, исправности приборов, допустимости использовать именно этот режим работы оборудования никто из юристов обычно не сомневается. Хотя в соответствии с пп. 16 п. 3 ст. 1 Федерального закона 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» сфера государственного регулирования обеспечения единства измерений распространяется на измерения, поручению суда, органов прокуратуры, государственных органов исполнительной власти. В сфере государственного регулирования обеспечения единства измерений к применению допускаются средства измерений утвержденного типа, прошедшие поверку в соответствии с положениями данного Федерального закона, а также обеспечивающие соблюдение установленных законодательством Российской Федерации обязательных требований, включая обязательные метрологические требования к измерениям, обязательные метрологические и технические требования к средствам измерений. При применении средств измерений должны соблюдаться обязательные требования к условиям их эксплуатации. В соответствии со ст. 13 средства измерений до ввода в эксплуатацию, а также после ремонта подлежат первичной поверке, а в процессе эксплуатации – периодической поверке.

Такое же порой гипнотическое воздействие на правоприменителя оказывает экспертное заключение, пестрящее множеством формул. Хотя в теории судебной экспертологии и в нормативных актах, регулирующих форму и содержание заключения эксперта, постоянно подчеркивается, что хотя эксперт при описании исследования пользуется научной терминологией, научным стилем языка, но адресатом экспертного заключения являются лица, не обладающие специальными знаниями (следователи, судьи, дознаватели и другие участники процесса). Поэтому язык эксперта должен быть по возможности простым и понятным, приведенные в заключении формулы необходимо разъяснять и комментировать.

В то же время, безоговорочно принимая на веру результаты инструментальных исследований, многие юристы выступают резко против некоторых научно давно обоснованных и апробированных экспертных методик. Так, в течение многих лет постоянным нападкам подвергается ольфакторная (одорологическая) экспертиза с использованием в качестве биодетекторов специально обученных собак. Вот как описывает эту экспертизу защитник по уголовному делу, где она послужила доказательством. «...При демократической власти собаки на

вполне официальном уровне решают судьбы людей... Эксперт давала понюхать кровь обвиняемого трем собакам-детекторам, а затем этим же собакам предлагалось понюхать шапку, изъятую на месте происшествия среди вещей других лиц. Каждая из трех собак прогуливалась среди представленных им на «обнюхивание» предметов и садилась именно около шапки-маски, изъятой с места совершения разбойного нападения. Такое сигнальное поведение собак расценивалось как шапка опознана»<sup>11</sup>. Конечно, это мнение защитника в уголовном процессе, но, к сожалению, так же считают и весьма уважаемые юристы. Свое неприятие использования в судебно-экспертной деятельности биологических методов (собак-биодетекторов) они обосновывают ссылками на научные труды 40-летней давности, не принимая во внимание некоторые нюансы спора ученых тех лет. А надо отметить, что под влиянием новых научных аргументов ученые нередко отказываются от своих прежних представлений. А.М. Ларин, к сожалению, не дождался завершения научно-исследовательской работы по созданию экспертной биотехнологии на основе ольфакторного метода и ее апробации. А вот А.Л. Протопопов и В.И. Шиканов в последующем серьезно скорректировали свою точку зрения<sup>12</sup>.

Некоторые процессуалисты, не вдаваясь в сущность методики, неоднократно высказывались в том плане, что от выучки и настроения собаки зависит и результат экспертизы, а прибор всегда измеряет точно.

Но собаки-детекторы, различая ольфакторные особенности исследуемых проб, являются биоиндикаторами, эффективным средством тестирования специалистами свойств пахучих следов человека. Иными словами, детекция запаховых следов с использованием собак – вопрос сугубо технический, тогда как задачи препарирования объектов, выявления характеризующих их ольфакторных свойств, контроль над соответствием получаемых данных, перепроверка, воспроизведение и анализ получаемых результатов – это уже задачи специалиста. Без применения им ольфакторной экспертной технологии, основанной на специальных знаниях в области криминалистики, теории судебной экспертологии, зоологии и зоопсихологии, а также на современных химико-аналитических и физико-химических методах, получение достоверных результатов исследования запаховых следов невозможно. В судебной экспертизе запаховых следов человека контроль сигнальных реакций собак-детекторов не включает их выучку и не апеллирует к ней как к механизму обеспечения правильности получаемых результатов. Тем самым исключается вопрос «доверия» к выучке собаки-биодетектора. Именно эксперт как субъект исследования использует специальные знания, в том числе аппарат математической логики, при интерпретации комплекса сигналов биодетекторов, опре-

деляет необходимые и достаточные основания для выводов<sup>13</sup>.

Аналогичные дискуссии возникают и по поводу использования полиграфа в судебной психологической экспертизе. Хотя вопрос должен стоять не о допустимости использования полиграфа, поскольку этот прибор принципиально не отличается от другого оборудования, например, хроматографа, допустимость использования которого никто не оспаривает, а о состоятельности самой экспертной методики применения данного оборудования.

Некоторые из объективных экспертных ошибок можно рассматривать и как условия субъективных ошибок. Однако, в своей массе это именно объективные причины, предупредить которые сам эксперт, как правило, не в состоянии.

К *субъективным* причинам экспертных ошибок, связанных с использованием современных технологий относится, прежде всего, профессиональная некомпетентность эксперта:

- незнание современных экспертных методик;
- неумение применять современные экспертные технологии, оптимальные для данной экспертной ситуации, отсутствие навыков работы с аппаратурой, техническими средствами, компьютерными средствами и системами;
- неполнота исследования, его односторонность, которая может выражаться в использовании не всех известных эксперту методов исследования, а также в пренебрежении правилами и условиями применения методик экспертного исследования и технических средств.

Одним из важнейших направлений минимизации экспертных ошибок является каталогизация, унификация, паспортизация и стандартизация экспертных методик.

Другое направление повышения качества экспертных заключений – совершенствование подготовки судебных экспертов. Безусловно, качество подготовки судебных экспертов путем индивидуальных и групповых стажировок и краткосрочных курсов не может сравниться с систематическим образованием, получаемым в высшем учебном заведении. Единство интегрированной природы всех видов судебных экспертиз позволило выработать единый подход к подготовке

судебных экспертов разных специализаций в рамках вузовского образования по специальности «судебная экспертиза».

И, наконец, гарантией качества экспертиз, осуществляемых с использованием современных технологий, является периодическое прохождение судебными экспертами аттестации (сертификации) для подтверждения их квалификации и пролонгации права на производство судебных экспертиз.

<sup>1</sup> Белкин П.С. Курс криминалистики. М., 2001, С. 471.

<sup>2</sup> Подробнее об этом см.: Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2009; Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы: учебник / Под ред. Е.Р. Россинской. М., 2013.

<sup>3</sup> Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М., 2010.

<sup>6</sup> Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Издание 3 исправленное и дополненное. М., 2012.

<sup>7</sup> Исследование медных и алюминиевых проводников в зонах короткого замыкания и термического воздействия. М.: ВНИИ МВД СССР, 1986; Россинская Е.Р. Рентгеноструктурный анализ в криминалистике и судебной экспертизе. Киев, 1992.

<sup>8</sup> См., например, Чешко И.Д., Плотников В.Г. Анализ экспертных версий возникновения пожара. СПб, 2010.

<sup>9</sup> Иценко Е.П., Плоткин Д.М. Особо точные методы проведения экспертиз // Законность, 2003, № 4.

<sup>10</sup> Плоткин Д.М. Использование ионной и электронной спектроскопии в судебной экспертизе веществ, материалов и изделий по уголовным делам. Автореферат дисс. канд. юрид. наук. М., 2003.

<sup>11</sup> Гаспарян Н. Три собачьих сердца // Новая адвокатская газета, №11, 2010.

<sup>12</sup> Аббасова И.С., Кручинина И.В., Шиканов В.И. Время как базисный элемент криминалистически значимой информации о событии преступления. Тактико-криминалистические и процессуальные аспекты. Иркутск, 1994. С. 76.

<sup>13</sup> Панфилов П.Б. Биодетекция и интерпретация поведения собак-детекторов в идентификационном ольфакторном исследовании // Судебная экспертиза. 2008. № 3.



УДК 343.9  
ББК 67

## ЭКСПЕРТНЫЕ ОШИБКИ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА



**ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БУШУЕВ,**  
заместитель начальника кафедры оружиеведения и трасологии  
учебно-научного комплекса судебной экспертизы  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук  
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;  
судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: vitaliy.bushuev@bk.ru

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** На основе анализа экспертной практики рассматриваются наиболее часто встречающиеся причины экспертных ошибок в отдельных видах судебной экспертизы и возможные меры по их профилактике.

**Ключевые слова:** экспертные ошибки, судебная экспертиза, неполнота исследования, несоблюдение методики, профилактика ошибок, повторная экспертиза, рецензирование.

**Annotation.** On the basis of analysis of expert practice are considered the most common causes of errors expertise in separate kinds of judicial examination and possible measures for their prevention.

**Keywords:** expert errors, judicial examination, incomplete investigations, failure methods, prevention of errors, re-examination, review.

Важнейшей задачей, стоящей перед судебной экспертизой, является обеспечение достоверности выводов эксперта. Составной частью этой задачи выступает предупреждение экспертных ошибок.

В самом общем виде ошибка – это утверждение, не соответствующее действительности, или действие, не приводящее к достижению поставленной цели.

Понятию экспертной ошибки уделялось достаточное внимание в литературе. На наш взгляд, наиболее удачно сформулировал понятие экспертной ошибки Р.С. Белкин, определив ее в качестве не соответствующего действительности суждения эксперта или его действия, не приводящего к цели исследования, если искаженное суждение или неверное действие представляют собой процесс добросовестного заблуждения<sup>1</sup>.

Также наиболее рациональной мы считаем предложенную им классификацию экспертных ошибок<sup>2</sup>.

Последствия ошибки могут рассматриваться с различных позиций. Это дополнительные затраты труда и времени по ее нейтрализации, увеличение сроков расследования, риск наказания невиновного человека, формирование мнения о некомпетентности работников правоохранительных органов, снижение предупредительного воздействия следствия. В зависимости от степени вовлечения экспертной ошибки в ход уголов-

ного судопроизводства она перерастает в ошибку следователя, прокурора, судьи, приводит к деформации процесса установления истины.

Исследования показывают, что в заключениях судебных экспертов часто повторяются одни и те же ошибки. Анализ типичных ошибок в заключениях экспертов-криминалистов был дан А.И. Винбергом, Р.С. Белкиным, Я.М. Каплуновым и др. Экспертным ошибкам при производстве криминалистических экспертиз отдельных видов посвящен целый ряд работ, руководств и пособий, подготовленных ЭКЦ МВД России и РФЦСЭ МЮ РФ.

Все это, с одной стороны, говорит о том, что ошибки были и остаются объективной реальностью, избежать их полностью вряд ли удастся. Но, с другой стороны, это отнюдь не исключает необходимости работы по их предотвращению. Для эффективной профилактики ошибок в любой области человеческой деятельности необходимо исследовать и анализировать причины их возникновения.

Подробный анализ процесса формирования внутреннего убеждения судебного эксперта позволяет выявить факторы, оказывающие на него негативное воздействие, определить причины их возникновения. Это играет решающую роль для профилактики экспертных ошибок.

Заблуждение и ошибка обычны и повсеместны, безошибочная деятельность – удел опытных и немногих, которые пришли к этому состоянию через ошибки и их преодоление<sup>3</sup>.

Эксперт обязан дать объективное заключение. Это означает, что он должен полно, всесторонне исследовать объекты и в соответствии со своими специальными знаниями ответить на поставленные перед ним вопросы. На практике этому препятствуют различные факторы, имеющие как субъективную, так и объективную природу.

К объективным факторам следует, прежде всего, отнести оперирование правильными исходными данными. Причина ошибочного заключения эксперта не всегда заключается в допущенных экспертом ошибках. Экспертное исследование может быть проведено безупречно, а сделанные экспертом выводы полностью соответствовать полученным результатам, но если исходные для экспертизы данные были ошибочными или исследуемые объекты не имели отношения к делу, были фальсифицированы и т.п., – заключение эксперта в аспекте установления истины по делу окажется ошибочным.

В этом случае речь об экспертной ошибке не идет: причиной ошибочного заключения является либо ошибка органа, назначившего экспертизу, либо его умышленно неправильные действия, правонарушение. Это чаще всего выступает в качестве трудности при производстве автотехнических и почерковедческих экспертиз.

Ведя речь об объективных условиях, способствующих возникновению экспертной ошибки, нужно особо подчеркнуть, что они не порождают ошибки неизбежно, а создают возможность их появления. Поэтому решающее значение приобретают ошибки субъективного характера. Это подтверждают и результаты опроса. Причиной того, что в результате исследования одних и тех же объектов выводы расходятся, 77% опрошенных экспертов назвали субъективные причины. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Одна из причин ошибок при проведении экспертизы – недостаточный учет психологических элементов, которые играют большую роль, особенно в процессах идентификации. Их влияние распространяется на весь процесс исследования – от стадии восприятия до формирования выводов. Применение статистических методов и информационных технологий, безусловно, способствует объективизации выводов, однако психологические механизмы познавательной деятельности все же играют не последнюю роль.

Ошибка может быть заложена в комплексе факторов личностного отражения ситуации – привычках, социальной направленности. В процессе деятельности эксперта может возникнуть проблемная ситуация, когда в его сознании отсутствует способ поиска необходимой ему информации, жесткой программы производства действий. В качестве негативных, здесь могут выступать такие факторы, как существенный недостаток рабочего времени, необходимость выполнения

большой по объему работы в сжатые сроки, большая трудоемкость отдельных исследований, большое число объектов исследования.

Причиной ошибочного заключения может послужить неординарное психологическое состояние эксперта. Так, эксперт К., завершая суточное дежурство, принял к производству от следователя С. постановление о назначении дактилоскопической экспертизы. В этот же день он приступил к ее производству в соответствии с данными, указанными в заключении, в 6 час. 35 мин. и закончил ее 7 час. 40 мин. того же дня, т.е. в течении 1 часа 5 минут. На исследование был представлен след пальца руки. В качестве сравнительного материала были представлены отпечатки пальцев и ладоней рук гр. М. и гр. К. Из вывода эксперта следовало, что данный след оставлен не гр. М. и не гр. К., а другим лицом. В этот же день эксперт направил информационную карту с данным следом пальца руки в для проверки по АДИС, где в результате было установлено, что след оставлен гр. М. Назначенная впоследствии повторная экспертиза подтвердила ошибочность первоначального вывода. Данные, полученные в ходе проведения проверки по данному факту, свидетельствуют о том, что эксперт, следуя требованию следователя о как можно более быстром предоставлении результатов, не учел своего состояния переутомления ввиду напряженного дежурства, что и привело к ошибке<sup>4</sup>.

Ошибка генетически может быть заложена в самом субъекте – эксперте, имеющим дефекты, ограничивающие его диапазон восприятия и, таким образом, профессионально непригодном для работы. Кадровый фактор является одним из главных, влияющих на эффективность экспертных исследований<sup>5</sup>. Недостатки в системе отбора, обучения кадров неизбежно отражаются на качестве экспертных исследований.

В качестве существенной причины дачи экспертом ошибочных заключений нужно признать имеющее место в ряде случаев небрежно, поверхностно проведенное исследование. Проводящие исследование эксперты порой не знают современных экспертных методик, не всегда могут применять наиболее эффективные методы исследования. Нередко эксперты выявляют не все возможные признаки, а лишь часть их. Низкая квалификация эксперта обуславливает неправильную оценку идентификационной значимости признаков.

Важным источником информации об экспертных ошибках служит анализ и обобщение результатов рецензирования заключений экспертов и практики производства повторных экспертиз. Само по себе назначение повторной экспертизы лишь косвенно говорит о наличии недостатков в заключении первичной экспертизы. Тогда как факт расхождения выводов позволяет предметно подойти к анализу причин ошибок при проведении исследований.

Анализ экспертной практики показывает, что наибольшее количество повторных экспертиз назначается по следующим видам<sup>6</sup>:





- автотехническая;
- почерковедческая;
- технико-криминалистическая экспертиза документов.

Большое количество назначаемых повторных экспертиз указанных видов имеет под собой объективную основу, что подтверждается большим процентом расхождения с выводами первоначальной экспертизы (от 29% до 63%).

Основными причинами ошибочных выводов по автотехническим экспертизам являются следующие:

1. Различная оценка выявленных признаков.
2. Неполнота исследования.
3. Использование различных исходных данных (использование не заданных исходных данных; использование данных транспортно-трасологической экспертизы с неверными выводами).

4. Ошибки в расчетах, выборе параметров и коэффициентов (скорости; торможения; времени реакции водителя; использование формулы определения скорости без учета условий скорости движения; в выборе коэффициентов установившегося замедления).

5. Различный методический подход (например, при решении вопросов о механизме и месте столкновения транспортных средств не учтены и соответствующим образом оценены: место наезда (на полосе встречного движения); количество энергии, которым обладал автомобиль при столкновении; взаимное расположение транспортных средств в момент первоначального контакта; конечное расположение транспортных средств; расстояние, пройденное автомобилем в состоянии свободного качения; снижение скорости автомобиля в результате столкновения; отсутствие следов заноса при смещении автомобиля на полосу встречного движения, неправильная методика осмотра и диагностики технического состояния сцепления).

6. Разная оценка обстоятельств ДТП (разная оценка следов на месте ДТП и элементов вещной обстановки при определении момента возникновения опасности; при оценке участка в качестве перекрестка; при определении скорости транспортного средства и пешехода (например, принимается замедление, не соответствующее методическим рекомендациям, применяются данные о скорости движения пешехода, не соответствующие обстоятельствам ДТП); при оценки действий водителя с точки зрения ПДД).

7. Неверный выбор методики.
8. Выход за пределы компетенции.
9. Непринятие во внимание существенных обстоятельств.
10. Различная оценка достаточности представленных данных.

Основные причины расхождения выводов по почерковедческим экспертизам.

1. Разная оценка выявленных признаков, в том числе диагностических.
2. Несоблюдение методики исследования.
3. Неполнота исследования.

4. Разный объем и качество представленного материала.

Основные причины расхождения выводов по технико-криминалистическим экспертизам документов и баллистическим экспертизам.

1. Различная оценка выявленных признаков.
2. Неполнота исследования.
3. Нарушение методики.

Наиболее часто перед экспертом, проводящим судебно-баллистические экспертизы, ставятся задачи определения принадлежности объекта к огнестрельному оружию, отождествления конкретного экземпляра оружия по выстреленной пуле, установления дальности выстрела. Задачи эти сложны и требуют от эксперта глубоких знаний и опыта. Трудности возникают при решении вопроса о признании оружия огнестрельным, в случае его самодельного изготовления или изготовления путем внесения изменений в конструкцию экземпляра оружия заводского изготовления. В большинстве случаев причиной здесь является нарушение требований методики.

Основными причинами расхождений выводов по дактилоскопическим экспертизам в 100% случаев являются поверхностно проведенное исследование, халатность эксперта.

Характер причин расхождения выводов предшествующих экспертиз с результатами повторных свидетельствует о серьезности недостатков в осуществлении некоторыми экспертами своей профессиональной деятельности (несоблюдение методик исследования, неполнота исследований, формулирование категорических выводов при недостаточных данных (предоставленных следователем и судом или полученных при исследовании), формулирование выводов без приведения в заключение их обоснования, ошибки в расчетах, выборе параметров и коэффициентов и др.).

Отсутствие единства методических подходов отмечено в автотехнических, почерковедческих, экономических, компьютерных, баллистических, трасологических, товароведческих, строительно-технических экспертиз.

Необходимость совершенствования экспертной практики требует реализации целого ряда мероприятий, из которых можно выделить следующие:

- повышение эффективности системы подготовки специалистов в качестве государственных судебных экспертов;
- увеличения объема и повышение качества рецензирования экспертных заключений и стажировок экспертов;
- систематическое обобщение практики повторных экспертиз, причин их назначения, причин расхождения выводов, практики рецензирования экспертных заключений с выявлением наиболее типичных недостатков выполнения исследований, оформления заключений и выработкой конкретных рекомендаций;

• проведение постоянной методической работы с лицами, назначающими судебные экспертизы, по вопросам подготовки материалов, предоставляемых эксперту.

Предметом особого внимания при проведении обобщений экспертной практики, как и при проведении рецензирования заключений, должны быть факты, свидетельствующие о недостаточной подготовке экспертов: необоснованность выводов по причине ошибок в расчетах, выборе параметров и коэффициентов, использование устаревших методик, коэффициентов и формул, неверный выбор схемы или методики исследования, несоблюдение ее требований, неприменение рекомендованной методики, неполнота исследования, халатное отношение к своим обязанностям.

Работа по профилактике экспертных ошибок должна носить постоянный систематический характер

на всем протяжении деятельности судебного эксперта, начиная с его обучения.

<sup>1</sup> Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции перспективы. От теории к практике. М., 1998. С. 83.

<sup>2</sup> Белкин Р.С. Криминалистика: В 3т. Т.2. М., 1997. С. 330.

<sup>3</sup> Зорин Г.А., Левонец В.И. Криминалистическая методология преодоления латентных ошибок. Учебное пособие по курсу «Криминалистика» Ч.1. Гродно, 1994. С. 3.

<sup>4</sup> Бушуев В.В. Внутреннее убеждение судебного эксперта в уголовном судопроизводстве: Дисс... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 123.

<sup>5</sup> Ярмак К.В. Подготовка экспертных кадров с учетом перспектив развития экспертно-криминалистической деятельности // Технично-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы второй Всероссийской научно-практической конференции 29–30 ноября 2012 г. М., 2012.

<sup>6</sup> Бушуев В.В. Указ. соч. С. 126–129.

УДК 343.9  
ББК 67

## ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В СВЕТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ



**ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СОКОЛОВА,**  
кандидат юридических наук, доцент,  
докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя  
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;  
судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: Sokolova-o-a@mail.ru

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассмотрены некоторые аспекты предупреждения экспертных ошибок при производстве судебных медицинских, психологических, криминалистических экспертиз с использованием современных технологий. Рассмотрены критерии оценки данного вида доказательств на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства с учетом требований современного законодательства.

**Ключевые слова:** предупреждение экспертных ошибок, судебные экспертизы, использование современных технологий, предварительное расследование, судебное разбирательство.

**Annotation.** Considered some aspects of prevention expert errors in forensic medical, psychological, forensic examinations using modern technologies. Considered the assessment criteria of this type of evidence at the stage of preliminary investigation and court proceedings with regard to the requirements of current legislation.

**Keywords:** warning expert errors, forensics, the use of modern technology, a preliminary investigation, trial.



Как известно, в любой сфере человеческой деятельности возможны различного рода ошибки. Что касается ошибок в сфере предварительного расследования и отправления правосудия, то они имеют определенную специфику, так как их наличие связано с вторжением в сферу прав и свобод граждан, попавших под юрисдикцию уголовно-процессуального законодательства.

Одной из задач уголовного судопроизводства является установление объективной истины по уголовному делу, а, следовательно, и профилактика экспертных ошибок. Специфика заключения или исследования и показания эксперта и специалиста заключается в том, что в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ, наряду с показаниями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иных документов, они допускаются в качестве доказательств.

Основной целью предупреждения экспертных ошибок является их своевременное выявление, анализ и изучение, которые в совокупности позволяют исключить их в последующей профессиональной деятельности. В последнем случае можно утверждать о профилактической составляющей экспертной деятельности. Следует подчеркнуть, что природа и предупреждение экспертных ошибок, имеющих место в экспертной практике, являлись объектом изучения многих ученых-криминалистов<sup>1</sup>.

В отличие от других видов доказательств, заключение эксперта основано на его мыслительной деятельности, формирующей свои выводы на основе внутреннего убеждения, что предполагает учет субъективного фактора. Последний подразумевает наличие определенных морально-этических качеств, присущих человеку как личности, индивиду, так и эксперту. Наличие данных характеристик во многом определяют объективность экспертного исследования, которое основывается на специальных знаниях, практических навыках по их применению в профессиональной сфере, а также на определенном уровне профессионализма, которым обладает конкретный эксперт.

В настоящее время при производстве судебных экспертиз актуальным является использование современных технологий. Это касается внедрения в судебную экспертизу последних научно-технических достижений: разнообразной приборной базы, компьютерных технологий и т.д. В этих случаях процесс исследования осуществляется в соответствии с требованиями, изложенными в Федеральном законе Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений».

Применительно к рассматриваемой проблематике это, в первую очередь, относится к оценке результатов судебных экспертиз. В уголовно-процессуальном законодательстве, правила оценки доказательств закреплены в ст. 88. Согласно ч. 1 данной статьи, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собран-

ные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

В соответствии с требованиями, изложенными в ст. 87 УПК РФ результаты проведенных экспертиз и исследований подлежат проверке со стороны субъектов уголовно-процессуальной деятельности, а именно дознавателя, следователя, прокурора, суда. Следует отметить, что закон закрепляет принцип свободной оценки доказательств. Это подразумевает, что оценка доказательств указанными субъектами осуществляется на основе внутреннего убеждения и руководства при этом законом и совестью с учетом совокупности других имеющихся доказательств. Проверка данного вида доказательств возможна путем их сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Из многообразия судебных экспертиз, в которых имеют место экспертные ошибки, рассмотрим некоторые из них, результаты которых позволяют устанавливать разнообразную диагностическую информацию о человеке, попавшем в сферу деятельности уголовно-процессуального законодательства, а именно: судебно-медицинские, судебно-психологические, а также некоторые виды криминалистических экспертиз.

Известно, что технические средства активно применяются как в процессе изучения объектов исследования, так и при фиксации этих результатов. Так, выводы некоторых видов судебно-медицинских экспертиз (далее по тексту — СМЭ), как правило, носят вероятный характер. Объективизировать ее выводы в настоящее время возможно благодаря использованию научно-технических достижений, в частности, магнитно-резонансной томографии (МРТ) или компьютерной томографии (КТ) как разновидности методов лучевой диагностики. По результатам МРТ возможно решить ряд диагностических задач, касающихся установления характера колотых и огнестрельных повреждений на трупе (их прижизненное или посмертное происхождение), характера и давности наступления смерти, обнаружение гематом, переломов в труднодоступных для обнаружения местах: области головы, внутренних органов и др.<sup>2</sup>

Представляется, что применение данных методов будет способствовать объективизации выводов судебно-медицинских исследований. Более того, основным преимуществом их применения является возможность длительного хранения объективных результатов проведенных исследований, в том числе, в электронном виде. Вышеперечисленное в совокупности позволит предотвратить многочисленные экспертные ошибки, имеющие место в выводах судебно-медицинских экспертиз<sup>3</sup>.

Не вызывает сомнения, что установление причин и времени наступления смерти в данном случае имеют большое криминалистическое значение для реконструкции (моделирования) события происшедшего в

целом и установления обстоятельств преступного события и, в конечном, итоге установления истины по уголовному делу.

В этом ряду отдельного рассмотрения заслуживает генотипоскопическая экспертиза (ДНК-анализ), проводимая в настоящее время по тяжким преступлениям, совершенным против личности (убийство, изнасилование и др.). Помимо этого, в тех случаях, когда проведение визуального опознания погибших не представляется возможным по причине произошедших необратимых изменений их внешнего облика, также назначается судебная биологическая (генетическая) экспертиза.

Ошибки, имеющие место при производстве данной экспертизы, имеют разностороннюю природу и могут быть обусловлены различными обстоятельствами, в том числе ненадлежащим изъятием и хранением биологического материала. На одной из них, обусловленной как человеческим фактором, так и прямым нарушением технологии производства герметических упаковок для изъятия биологических объектов, следует остановиться подробнее. В практике расследования серийных изнасилований и убийств в Германии имела место ошибка, связанная с нарушением правил гигиены при изготовлении стерильных контейнеров для изъятия биологических объектов<sup>4</sup>. В результате расследования в поле зрения правоохранительных органов попала сотрудница предприятия, фрагменты ДНК которой были оставлены на изготовленных стерильных упаковках и выявлены в ходе дальнейшего исследования других биологических образцов.

Сам по себе факт нарушения стерильности сбора биологической информации возможно и не заслуживает столь пристального внимания. Однако, в результате исследований европейских и американских ученых установлено, что пятая часть данных в базах ДНК оказывается загрязненной. Одним из источников загрязнений ДНК могут быть, например, мертвые клетки кожи, попавшие в пробирки с рук исследователей. Очевидно, что впоследствии данный факт может негативно повлиять на результат будущих ДНК-исследований как при проведении идентификации по уголовным делам, так и при диагностике некоторых заболеваний. Таким образом, проблема контаминации, связанная с загрязнением чужеродным материалом образцов ДНК, или так называемых «смешанных» следов, выходит на новый уровень исследования<sup>5</sup>.

Справедливости ради следует отметить, что при расследовании насильственных преступлений против личности метод ДНК-идентификации часто является единственным из собранных доказательств. В качестве примера целесообразно привести случай из практики Следственного комитета РФ, когда при осмотре места преступления по факту изнасилования, каких-либо следов, которые изымаются в аналогичных случаях, обнаружено не было. Следователь-криминалист, участвующий в осмотре, организовал сбор листьев вокруг ложа трупа. Каждый лист им тщательно помещался

между двумя стеклянными пластинами и впоследствии при проведении исследования на них были обнаружены частицы ДНК, позволившие в дальнейшем установить личность преступника.

Следует подчеркнуть, что одним из условий проведения данного исследования является соблюдение вопросов морально-этического плана, связанных с получением образцов биологического происхождения для сравнительного исследования, сбор, хранение и использование которых регламентирует Федеральный Закон Российской Федерации от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Помимо этого, если в базе данных отсутствуют соответствующие образцы для сравнительного исследования, то результат ДНК-анализа может быть отрицательным. Так, несмотря на то, что при установлении личности погибших в теракте 29 марта 2010 г. в московском метро, были применены самые передовые технологии, в том числе и метод ДНК-идентификации, личности двух граждан до настоящего времени не установлены<sup>6</sup>.

Другим, активно используемым и развивающимся направлением судебных экспертиз, позволяющим получить диагностическую информацию о человеке, является институт судебно-психологической экспертизы (далее по тексту – СПЭ). Очевидно, что применение приборной базы способствовало активному развитию судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа и ее стремительному внедрению в практику уголовного судопроизводства. Следует отметить, что объектом данной экспертизы являются идеальные следы, что обуславливает как специфичность самого исследования, так и интерпретацию ее результатов - выводов.

Как свидетельствуют литературные источники, при исследовании такого рода следов не всегда достоверны критерии оценки заключения эксперта. В настоящее время недостаточно полно изучено строение и функционирование такого специфического объекта исследования, каким является память человека, что приводит к отсутствию единообразного подхода к использованию полиграфа в практике раскрытия и расследования преступлений. Как следствие этого – выводы судебно-психофизиологической экспертизы в соответствии с ч. 2 п. 3 ст. 74 УПК РФ не в полной мере могут служить доказательствами по уголовному делу.

Получаемая информация носит оперативный (непроцессуальный) характер и для придания ей статуса доказательства ее следует перевести в разряд процессуальной, т.е. подкрепить или опровергнуть другими доказательствами, которые будут оценены в совокупности со стороны субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Как следует из текста комментария к ст. 87 УПК РФ, каждое доказательство нуждается в проверке<sup>7</sup>. Она может быть осуществлена путем сопоставления с





другими фактическими данными, имеющимися в деле; перепроверке фактов через другие источники; а также оценке достоверности источников. В ходе проверки доказательств могут использоваться процессуальные и непроцессуальные средства, в частности средства оперативно-разыскной деятельности. Использование результатов ОРД в доказывании, в соответствии со ст. 89 УПК РФ, проводится по критериям, установленным для процессуальных доказательств, в частности они оцениваются с определенной долей специфики их на предмет относимости и допустимости.

Следует отметить, что проводить данные исследования должны только специалисты с соответствующим базовым психофизиологическим образованием. Более того, при формулировании выводов следует учитывать различные факторы, которые могут повлиять на окончательный вывод. Несоблюдение методики исследования может привести к экспертным ошибкам при проведении психофизиологической экспертизы.

В данном виде исследования также высок процент субъективизма эксперта, проводящего интерпретацию полиграммы – записей параметров измерения сердечнососудистой деятельности, органов дыхания и некоторых других физиологических процессов организма человека. Наличие высокой доли субъективизма при интерпретации результатов психофизиологической экспертизы разными экспертами, не позволяет утверждать об их объективности и достоверности, так как измерения указанных параметров не в полной мере обеспечивают получение их результатов с установленными показателями точности, требования к которым закреплены в п. 11 ст. 2 Федерального закона № 102-ФЗ.

Помимо этого важно учитывать возраст подэкспертного, его физическое, психическое и другие виды состояний, уровень достоверности информации, принимаемой опрашиваемым за истину, наличие у него возможности влияния на показания и оказание противодействия при опросе на полиграфе и т.д.

С учетом отрицательного международного опыта по отказу от использования в качестве доказательств результатов психофизиологического исследования в судах некоторых стран, например, Германии, Польши, большинства штатов США, можно утверждать, что полностью полагаться на результаты данного исследования в настоящее время нецелесообразно. Это подтверждается и статистическими данными, согласно которым доля ошибок при тестировании на полиграфе составляет от 20 до 30%.

В этом плане определенный интерес представляет точка зрения Ф.К. Свободного, предложившего выделить новый вид судебно-психологической экспертизы (СПЭ) – СПЭ информированности личности о расследуемом событии, базирующейся на проведении исследования с использованием полиграфа<sup>8</sup>. С учетом предмета исследования при производстве данной экспертизы правовые вопросы, связанные с правдивостью или ложностью показаний, не решаются. Выделенный

вид исследования позволяет установить, владеет ли подэкспертный определенной информацией, из каких источников она ему известна, ее детали и т.д. В данном случае также измеряются различные физиологические реакции подэкспертного лица в зависимости от значимости предъявляемой информации или стимулов.

Представляется, что результаты предложенного нового вида СПЭ информированности личности о расследуемом событии носят оперативный характер. Они могут быть проверены в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий и признаны доказательством в установленном порядке.

Особо следует остановиться на одном из видов судебно-психологических исследований – экспертизе детско-родительских отношений<sup>9</sup>, объектом исследования которой являются детские рисунки.

Анализ судебной практики свидетельствует о вынесении обвинительного заключения отцу девочки, нарисовавшей кошку с длинным хвостом. Проводившая исследование психолог С. указала на возможное совершение развратных действий только на основании рисунка ребенка. Основываясь на результатах данного заключения, судом был вынесен обвинительный приговор в отношении отца ребенка. В тоже время, как выяснилось позже, это был необоснованный приговор.

Таким образом, как и в случае с результатами судебной психофизиологической экспертизы, результаты этих исследований являются не вполне обоснованными и объективными. В данном случае особого рассмотрения заслуживает выделенный нами ранее субъективный фактор, присущий как эксперту, так и подэкспертному. В первом случае он может существенно повлиять на внутреннее убеждение эксперта при формулировании вывода, во втором – следует учитывать психологические особенности личности несовершеннолетнего или малолетнего ребенка.

В связи с этим представляется, что в целях предупреждения экспертных ошибок в данном направлении исследований, следует придерживаться одного условия: в случае, когда выводы экспертизы являются единственным источником информации, к ним следует применять один из принципов уголовного судопроизводства, а именно: презумпцию невиновности. В соответствии с ч.ч. 2–3 ст. 14 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления не обязаны доказывать свою вину и все сомнения в их виновности, которые не могут быть устранены в ходе предварительного расследования или в судебном разбирательстве толкуются в их пользу. Более того, согласно ч. 4 ст. 14 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях или непроцессуальной информации. В случае, когда установлены другие источники доказательств, подтверждающие выводы данных экспертиз неоспоримыми уликами, они могут использоваться наравне с другими доказательствами.

Как отмечалось ранее, из многообразия судебных криминалистических экспертиз рассмотрим ее некоторые виды, представляющие определенный интерес для

получения диагностической информации, позволяющей установить некоторые свойства человека. Прежде всего, это относится к дактилоскопическим, почерковедческим экспертизам.

Следует отметить, что экспертные ошибки имеют место при производстве дактилоскопической экспертизы<sup>10</sup>.

В целях предотвращения экспертных ошибок представляется важным акцентировать внимание специалистов в области дактилоскопии на профилактическую составляющую, начиная с участия специалиста в осмотре места происшествия, изъятия следов папиллярных узоров рук и их упаковке. При этом важным условием работы на месте происшествия со следами рук является соблюдение правил стерильности: необходимо работать в перчатках, применять стерильные одноразовые дактилоскопические кисточки и дактилоскопические порошки и т.д. Соблюдение стерильности при выявлении следов при помощи одноразовой дактилоскопической кисточки или стерильной кисточки позволит исключить попадание как других, ранее выявленных, следов, так и непосредственно биологические следы специалиста-криминалиста, их выявившего, в том числе и потожировое вещество<sup>11</sup>. В последнем случае на первый план выдвигается проблема контаминации, имеющая место при производстве генетической экспертизы, подробно описанная нами ранее.

Особые сложности в некоторых случаях представляет оценка результатов почерковедческой экспертизы. В ней экспертные ошибки могут быть обусловлены как методическими, так и организационными факторами. Их, в ряде случаев, можно объяснить отсутствием научно-разработанной методики, например, при наличии ксерокопии документа с исследуемой подписью, ограниченном объеме исследуемой подписи или материалов для сравнительного исследования текста или подписи и т.д.

Следует отметить, что в настоящее время среди экспертов-почерковедов отсутствует единообразный подход при формулировании вывода при исследовании рукописного текста (подписи), представленной в виде ксерокопии. Более того, при формулировании выводов указываются разные названия объектов исследования: в одних случаях это «изображения подписи в виде ксерокопии», в других – «исследуемая подпись на представленном документе» и т.д.

Отсутствие единообразного подхода и научно-разработанной методики исследования данных объектов не позволяет однозначно оценить полученные результаты исследования как другими экспертами-почерковедами, так субъектами уголовно-процессуальной деятельности, а именно дознавателя, следователя, прокурора, суда.

В этом отношении четкой позиции придерживаются эксперты-почерковеды экспертно-криминалистических подразделений Республики Казахстан. Формулировка выводов по таким объектам исследования у них

однозначная: «не представляется возможным (НПВ) в виду отсутствия научно-разработанной методики исследования».

Однако, представляется, что данный подход не является аксиомой при исследовании такого рода объектов; в некоторых случаях методика исследования того или иного объекта создается непосредственно в процессе производства исследования. Следует ли ее считать научно-обоснованной? Очевидно, что в данном случае, в первую очередь, следует учитывать профессионализм эксперта, проводящего данное исследование, стаж его практической работы и др.

В этом плане отдельного рассмотрения заслуживает производство экспертизы или исследования, выполненного негосударственным экспертом. Анализ следственной и судебной практики показывает, что в случаях, когда почерковедческое исследование выполнено негосударственным экспертом, на него не в полной мере распространяются некоторые положения Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О Государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Так, на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами и проводящими экспертизы вне государственных судебно-экспертных учреждений, действие ФЗ «О ГСЭД в РФ» распространяется лишь в части, предусмотренной ст. 2, 4, 6–8, 16, 17 ч. 2 ст. 18, а также ст. 24–25. В частности, требование ст. 13 ФЗ, предусматривающее пересмотр (аттестацию) уровня профессиональной подготовки государственного судебного эксперта каждые пять лет, на негосударственных судебных экспертов не распространяется.

Какой выход видится в сложившейся ситуации? Прежде всего, при наличии сомнения в правильности вывода по почерковедческой экспертизе, следует назначать повторную экспертизу в государственном судебно-экспертном учреждении другого ведомства. При наличии разных выводов, в дальнейшем целесообразно допросить данных экспертов в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством (ст. 282 УПК РФ) на стадии предварительного расследования или в ходе судебного разбирательства. В последнем случае данная процедура predeterminedена состоятельностью уголовно-процессуального законодательства, в частности ст. 244 УПК РФ, предусматривающей равенство прав сторон в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, разработка четких критериев относимости, допустимости, достоверности и достаточности, используемых сторонами уголовно-процессуального законодательства при проверке доказательств, позволит повысить объективность результатов судебных экспертиз, в том числе с использованием современных технологий, что будет способствовать предупреждению экспертных ошибок как при расследовании преступлений, так и при отправлении правосудия.



<sup>1</sup> Белкин П.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Изд-во «БЕК», 1997. С. 157; Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М.: Проспект, 2010. С. 213–215; Майлис Н.П. Ошибки при производстве трасологических экспертиз // Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 325–331 и др.

<sup>2</sup> Щеголев А.И., Туманова У.Н. Роль магнитно-резонансной томографии в определении танатогенеза // Криминалистика: прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики. М.: Академия СК РФ, 2014. С. 369–372.

<sup>3</sup> Выступление Самищенко С.С. «О грубых нарушениях криминалистических рекомендаций при расследовании убийств» на Международной научно-практической конференции «Влияние идей И.Н. Якимова на развитие современной криминалистики», 16 мая 2014 г., М.: МГУ имени М.В. Ломоносова.

<sup>4</sup> Соколова О.А. Экспертные ошибки при исследовании некоторых объектов судебной экспертизы // Материалы круглого стола «Ошибки судебной экспертизы: причины, выявление и предупреждение» (МГЮА, г. Москва, 26 января 2012 г.). М.: Проспект, 2012. С. 124–127.

<sup>5</sup> Perepechina I.O. Legislative framework and value of the forensic DNA examination of health-related information for crime in-

vestigation // Forensic Science International: Genetics Supplement Series 4. 2013. P. 360–361.

<sup>6</sup> Соколова О.А. К вопросу о комплексном подходе к диагностике человека по его следам и отображениям // Материалы международной научно-практической конференции «КРИМИНАЛИСТИКА XXI» 25–26 ноября 2010 г. Харьков: Право, 2010. С. 149–153.

<sup>7</sup> Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (Под общ. ред. В.И.Радченко). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2004.

<sup>8</sup> Свободный Ф.К. Судебно-психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии: сущность, предмет, объекты, методы и компетенции // Криминалистика: прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики. М.: Академия СК РФ, 2014. С. 350–353.

<sup>9</sup> Секераж Т.Н. Экспертные ошибки при производстве судебно-психологической экспертизы // Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 199–211.

<sup>10</sup> Самищенко С.С. Ошибки дактилоскопической экспертизы // Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 332–342.

<sup>11</sup> Соколова О.А. Фальсификация следов и отпечатков рук человека // Судебная экспертиза. Научно-практический журнал. Волгоград. № 4 (32), 2012. С. 56–71.

УДК 343.9  
ББК 67

## КОМПЕТЕНТНОСТЬ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК



**ТАТЬЯНА ФЁДОРОВНА МОИСЕЕВА,**  
заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права,  
криминалистики и судебной экспертизы им. Н.В. Радутной  
Российского государственного университета правосудия,  
профессор, доктор юридических наук  
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;  
судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: moiseevatf@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

**Аннотация.** Обосновано, что компетентность судебного эксперта, включающая познания в области фундаментальной для каждого рода экспертиз науки, научных основ и процессуальной регламентации судебной экспертизы и знание экспертных методик определяют достоверность заключения эксперта. Повышение компетентности судебного эксперта имеет особенно большое значение в свете использования современных технологий при производстве судебных экспертиз и является определяющим фактором предупреждения экспертных ошибок.

**Ключевые слова:** судебный эксперт, компетентность, экспертные ошибки.

**Annotation.** It is substantiated that the competence of the forensic expert, including knowledge of the fundamental for each kind of expertise science, scientific foundations and procedural regulation of forensic expertise and knowledge of expert techniques, determines the reliability of expert opinion. Improving the competence of a legal expert is especially important in light of the use of modern technologies in the production of legal expertise and is a determining factor in the prevention of expert error.

**Keywords:** forensic expert, competency, expert errors.

Экспертные ошибки имеют серьёзные негативные последствия для судопроизводства. Их предупреждение связано с выявлением и устранением факторов, способствующих ошибкам в заключении эксперта, которые делают это заключение недопустимым доказательством.

Экспертные ошибки по своей природе делятся на процессуальные, гносеологические и деятельностные<sup>1</sup>. Хотя природа экспертных ошибок различна, в основе каждой из них лежит недостаточная компетентность эксперта.

Процессуальные ошибки заключаются в несоблюдении требований к оформлению заключения эксперта, в решении экспертом вопросов, выходящих за пределы его компетенции (в том числе и вопросов, связанных с правовой оценкой деяния), в повреждении объекта без письменного разрешения субъекта, назначившего экспертизу. К процессуальным ошибкам можно отнести и неопределённую форму выводов эксперта, которые в этом случае не несут значимой доказательственной информации (следы могли быть оставлены..., не исключается происхождение..... и т.п.). Процессуальные ошибки достаточно просто выявляются в процессе оценки заключения эксперта субъектом доказывания, и их наличие может быть основанием для признания такого заключения недопустимым доказательством.

Причины процессуальных ошибок носят субъективный характер, главная из которых – некомпетентность судебного эксперта в области процессуального права, являющегося важным компонентом в системе специальных знаний судебного эксперта. Помимо этого, причиной ошибок процессуального характера может быть невнимательность эксперта, связанная с его физическим или психологическим состоянием, а также отсутствие информации об изменениях в организационно-процессуальной регламентации судебно-экспертной деятельности.

Избежать ошибок процессуального характера, несомненно, помогают новые информационные технологии, позволяющие отслеживать все изменения в процессуальной регламентации судебной экспертизы. Так, например, информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ, осуществляет еженедельный мониторинг федерального законодательства и направляет свои обзоры по электронной почте.

Гносеологические экспертные ошибки, связанные с процессом познания свойств и признаков объектов и причин их образования и изменения в связи с расследуемым событием, с интерпретацией результатов исследования, также происходят в виду недо-

статочной компетентности судебного эксперта. Выделяют логические и фактические гносеологические ошибки<sup>2</sup>.

Логическая непоследовательность экспертного исследования, отсутствие логической связи выводов с проведенным исследованием может быть установлена всеми субъектами оценки заключения эксперта, так как для этого не требуется специальных знаний. Такие ошибки обусловлены, чаще всего, небрежным отношением эксперта к выполнению экспертизы, не соблюдением методики экспертного исследования, либо отсутствием у эксперта логического мышления. Эти аспекты также характеризуют профессиональную некомпетентность эксперта.

Фактические (предметные) экспертные ошибки являются следствием как субъективных факторов, основным из которых является некомпетентность эксперта, так и объективных причин – отсутствие разработанных экспертных методик или их несовершенство, отсутствие полных данных, характеризующих идентификационную или диагностическую ценность признаков и т.п. Развитие новых технологий, с одной стороны, приводит к устранению ряда объективных причин ошибок эксперта за счет внедрения в экспертную практику новых более точных и информативных методов исследования, что приводит к возможности решения экспертных задач на новом уровне достоверности. С другой стороны, новые современные методы исследования объектов судебной экспертизы требуют от экспертов совершенствования как своих теоретических познаний, так и практических навыков их применения, т.е. повышения своей компетентности. Именно отсутствие необходимого уровня компетентности приводит к экспертным ошибкам гносеологического, предметного характера.

Поскольку выявить ошибки гносеологического характера следователям и судьям достаточно сложно в виду отсутствия у них необходимых специальных знаний, они еще при назначении судебной экспертизы должны быть уверены в компетентности лица, привлекаемого в качестве судебного эксперта.

Компетентность эксперта складывается из знаний в области фундаментальной для каждого рода экспертиз науки, научных основ и процессуальной регламентации судебной экспертизы и знания экспертных методик. Каждый из указанных компонентов влияет на качество экспертного исследования.

Компетентность государственных экспертов гарантируется свидетельством на право производства судебных экспертиз определенного рода или вида,





которое подтверждается каждые пять лет путем переподготовки экспертов, включающей, помимо проверки теоретических знаний, оценку качества экспертиз, выполненных аттестуемым экспертом.

Оценка компетентности негосударственных экспертов, численность которых в настоящее время значительно превышает количество государственных экспертов, вызывает значительную сложность, а порой и невозможна, в виду отсутствия законодательства, определяющего порядок их сертификации. Рекомендации Постановления Пленума Верховного суда №28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» о том, что «...при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения»<sup>3</sup>, только в некоторой степени позволяют суду или следователю судить о компетенции привлекаемого для производства судебной экспертизы лица. Перечисленные компоненты не определяют компетентность судебного эксперта в такой же степени, как регулярная проверка и оценка его профессиональных знаний в процессе аттестации. Компетентность – это главное требование к лицу, привлекаемому к производству судебной экспертизы, независимо от его профессионального статуса, поэтому и требования к аттестации на право производства судебной экспертизы должны быть одинаковы как для государственных, так и для негосударственных экспертов. Именно такого законодательного решения ожидают от федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», находящего на рассмотрении в Совете Федерации.

Деятельностные (операционные) ошибки могут иметь как объективные причины (использование приборов и инструментов, неисправных или не обладающих достаточной точностью, разрешающей способностью; использование неадекватных математических моделей и компьютерных программ), так и субъективные (дефекты органов чувств эксперта и его неординарные психические состояния (стресс, конфликт в коллективе, усталость и т.п.))<sup>4</sup>. Выявление таких ошибок возможно, главным образом, при повторном исследовании, а в предупреждении их играет роль постоянный контроль за исправностью приборной базы исследования. Профессионализм судебного эксперта определяется также и его способностью учитывать факторы, влияющие на результаты его исследования, умением вычислять ошибку проведенных в процессе экспертизы измерений и вычислений, определять достоверность сделанных выводов.

Таким образом, в основе всех типов экспертных ошибок в той или иной мере лежит недостаточная компетентность судебного эксперта, а в свете использования современных технологий при производстве судебных экспертиз повышение компетентности экспертов, постоянное изучение экспертами новых методов и достижений в области научного знания имеет определяющее значение в предупреждении экспертных ошибок.

Таким образом, в основе всех типов экспертных ошибок в той или иной мере лежит недостаточная компетентность судебного эксперта, а в свете использования современных технологий при производстве судебных экспертиз повышение компетентности экспертов, постоянное изучение экспертами новых методов и достижений в области научного знания имеет определяющее значение в предупреждении экспертных ошибок.

<sup>1</sup> Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М: Норма, 2001. С. 187.

<sup>2</sup> Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. С. 214.

<sup>3</sup> Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам». П. 3.

<sup>4</sup> Белкин Р.С. Указ. соч. С. 188.



**Теория и практика судебной экспертизы в доказывании.** Спецкурс: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 030900.68 «Юриспруденция» / **Н.П. Майлис.** М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 263 с.

Изложены истоки формирования и развития теории судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены теория идентификации и диагностики, современная классификация судебных экспертиз, субъекты судебно-экспертной деятельности и система государственных экспертных учреждений. Раскрыто правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским и арбитражным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Подробно изложены технологическое обеспечение производства судебных экспертиз, их доказательственное значение в раскрытии и расследовании преступлений. Должное внимание уделено информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, комплексным исследованиям, экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.



УДК 343.9  
ББК 67

## ЭКСПЕРТНЫЕ ОШИБКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТОВ



**ИРИНА ОЛЕГОВНА ПЕРЕПЕЧИНА,**  
профессор кафедры криминалистики  
юридического факультета Московского государственного университета  
имени М.В. Ломоносова, доктор медицинских наук  
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;  
судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: smi-100@mail.ru

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассмотрен ряд аспектов, касающихся экспертных ошибок, в том числе, связанных с необходимостью преодоления закрытости данной сферы. Предложен системный подход, охватывающий широкий круг мер для совершенствования экспертной работы и предотвращения ошибок.

**Ключевые слова:** судебная экспертиза, экспертные ошибки, доказательство, экспертные технологии.

**Annotation.** Deals with a number of aspects concerning expert errors, including those associated with necessity to overcome the isolation of the area in question. The systemic approach comprising a wide range of the activities for the improvement of the expert work and prevention of the expert errors is proposed.

**Keywords:** forensic examination, expert errors, evidence, forensic technologies.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» указано, что при оценке заключения эксперта «следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами». Несмотря на очевидность этого требования, практика свидетельствует о том, что заключения эксперта далеко не всегда проверяются и оцениваются должным образом. Это особенно характерно для экспертиз, связанных с применением сложных технологий, нюансы, применения которых понятны лишь узким специалистам, например, ДНК-идентификации, компьютерно-технической экспертизы и т.д.

В современных условиях значение достоверности данных, получаемых с помощью судебно-экспертных технологий, еще более возросло в связи со следующими обстоятельствами.

1. В последние десятилетия в практику судебной экспертизы вошли новые, высокотехнологичные методы исследования, позволяющие выполнять идентификационные экспертизы на уровне индивидуализации. Возрастание информативности результатов судебной экспертизы привело к существенному по-

вышению доказательственного значения экспертных данных. Одно дело, когда выводы сформулированы в отношении групповой принадлежности, и другое дело, когда эксперт устанавливает тождество.

2. Стремительное развитие экспертных технологий придает еще большую остроту проблеме оценки экспертных заключений субъектами доказывания. И без того не простая по своей сути проблема оценки данных, полученных с помощью специальных знаний, становится все более и более «неподъемной» в условиях усложнения экспертных технологий, междисциплинарного характера многих из них, включения в них в качестве необходимого этапа математической обработки данных, использования программного обеспечения.

3. «Зрелость» экспертных технологий, оперирующих персональными данными, а также их компьютеризация сделали возможным использовать их не только для производства судебных экспертиз, при которых в исследование вовлекается сравнительно небольшое число лиц, но и для создания криминалистических учетов, охватывающих большие массивы населения. При бесспорно огромном значении криминалистических учетов для расследования преступлений, высокая степень интегрирования криминалистических технологий в жизнь общества создает риск вторжения в частную жизнь, делая очевидной дилемму между инте-



рсами правоохранительных органов и гражданскими свободами. Одним из факторов такого риска является вовлечение личности в орбиту уголовного правосудия вследствие ошибочного результата исследования.

Следует признать, что объективно оценить положение, связанное с качеством судебной экспертизы в отечественной практике, в настоящее время не представляется возможным. В отличие от зарубежной литературы, в которой проблема ошибок при производстве экспертиз исследована весьма обстоятельно и широко обсуждается на страницах печати, в отечественной литературе этой теме посвящено весьма незначительное число публикаций; проверки экспертной деятельности носят сугубо внутриведомственный характер, практика внешнего аудита отсутствует; к оценке экспертных заключений специалисты привлекаются адвокатами крайне редко. Все это сделало сферу экспертной деятельности закрытой не только для общества в целом, но и для специалистов. Таким образом, истинное положение дел в экспертной сфере – реальная квалификация экспертов, уровень ошибок в целом и в том или ином экспертном подразделении и т.д. – неизвестно.

Вместе с тем, вышедший не так давно фундаментальный отечественный труд «Судебная экспертиза: типичные ошибки» (2012)<sup>1</sup> очертил широчайший круг вопросов, являющихся проблемными для судебной экспертизы и создающих почву для экспертных ошибок. Серьезный анализ проблемы был представлен в труде, изданном в 2009 г. Национальным научно-исследовательским советом США – «Укрепление судебной науки в США»<sup>2</sup>.

Из последних публикаций по этой теме заслуживает внимания масштабная разработка, выполненная в Институте криминалистики Нидерландов, в котором создана система, скрупулезно отслеживающая и анализирующая любые совершаемые ошибки и дефекты экспертной работы, связанные с исследованием биологических объектов, – от самых незначительных до повлекших неверное судебное решение<sup>3</sup>. Разработка такой системы явилась экстраполяцией на судебно-экспертную сферу тех тенденций, которые имеют место в медицине, где уже давно ведется мониторинг ошибок и предание их гласности<sup>4</sup>. Ключевым моментом такой стратегии, по мнению авторов, является позиция, основанная на представлении о том, что «дефекты качества следует рассматривать как нормальную часть системы, как то, что должно быть зарегистрировано и с чем надо обращаться надлежащим образом без необходимости обвинения в этом кого-либо». Авторы вводят понятие «blame-free culture», которое буквально можно перевести с английского языка как «культура, свободная от обвинения (порицания)». Они полагают, что только на основе формирования такого отношения к экспертным ошибкам можно достичь объективного и взвешенного анализа экспертной работы, открытости в этой весьма специфической и традиционно закрытой сфере.

Важным вопросом, который возникает в связи с проблемой экспертных ошибок, является также то,

как следует преподносить эту щекотливую тему суду. Принципиально, соответствующая информация, видимо, должна нести следующую идею: ошибки редки, но возможны; однако надо различать ситуации, когда возможность ошибки реалистична, а когда – лишь гипотетична, являясь предметом научной дискуссии.

Представляется, что совершенствование отечественной экспертной практики возможно только в результате использования системного подхода. Меры по предотвращению и выявлению экспертных ошибок можно условно разделить на несколько групп:

- меры со стороны экспертных лабораторий: совершенствование методического и технологического обеспечения экспертизы, создание надежной системы контроля за результатами исследования, разработка эффективной системы подготовки экспертных кадров и контроля их квалификации. Неотъемлемой составляющей последней должно стать регулярное проведение слепых тестов, в отсутствие которых невозможно установить, достоверные ли данные получает эксперт;

- меры со стороны субъектов доказывания: тщательная оценка результатов исследования и экспертных выводов; понимание существенных для оценки данных аспектов методологии экспертизы, ее проблемных моментов; активное привлечение специалистов, при необходимости – назначение повторных экспертиз;

- меры со стороны профессионального экспертного сообщества: создание независимых комиссий, наделенных правомочиями систематически проводить внешний аудит деятельности экспертных лабораторий с целью проверки экспертных заключений, а также соответствия квалификации персонала установленным требованиям, которые должны быть жестко регламентированы;

- меры по совершенствованию процессуального законодательства: 1) внесение изменений в ст. 204 УПК РФ с целью сделать обязательным приобщение к заключению эксперта в качестве его неотъемлемой части первичных фактических данных (возможно в электронном виде), что необходимо для обеспечения полноценной проверки экспертных материалов; 2) внесение изменений в ст. 81 УПК, направленных на определение круга вещественных доказательств, не подлежащих уничтожению после вынесения приговора, с целью их сохранения для повторного исследования при пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам или когда возникает вопрос о судебной ошибке;

- специального рассмотрения требует проблема, связанная с фальсификациями, которая, в условиях современных технологий, становится все более и более актуальной.

<sup>1</sup> Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.П. Росинской. М.: Проспект, 2012.

<sup>2</sup> Strengthening forensic science in the United States. National Research Council. The National Academic Press. Washington, D.C. 2009.



<sup>3</sup> Kloosterman A., Sijerps M., Quak A. Error rates in forensic DNA analysis: definition, numbers, impact and communication // Forensic Science International: Genetics, 2014. V. 12. P. 77–85.

<sup>4</sup> Авторы отметили, что наблюдаемая относительная частота дефектов качества при экспертном ДНК-анализе сравнима с частотой дефектов качества в клинических лабораториях, осуществляющих генетическое тестирование. На большом экспертном

материале показано, что наиболее частыми ошибками на лабораторном этапе ДНК-идентификации являются контаминация и человеческие ошибки. И если большинство человеческих ошибок может быть исправлено, выраженная контаминация в образцах с места происшествия часто ведет к необратимым последствиям. Т.о., контаминация данного типа является наиболее значимым источником экспертных ошибок при исследовании ДНК.

УДК 343.98

ББК 67

## ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗЦОВ ГИЛЬЗ ПРИ СТРЕЛЬБЕ ИЗ АВТОМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

**СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КОЛОТУШКИН,**

*профессор кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
доктор юридических наук, профессор*

*Научная специальность 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: kolotushkinsm@mail.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются особенности получения сравнительных образцов гильз для последующей идентификации оружия. Исследования показали, что для моделей оружия, стрельба из которых ведется автоматическим огнем, сравнительные образцы гильз должны получаться также при стрельбе в режиме автоматического огня. В ходе экспериментальных исследований показано, что следы, образованные на гильзах имеют высокую степень вариационности в зависимости от режимов ведения стрельбы: одиночный или автоматический огонь. Подобная вариационность наиболее выражена в следах бойка, зацепа выбрасывателя и отражателя. Для проведения идентификации оружия по стреляным гильзам необходимо проводить экспериментальную стрельбу как в одиночном, так и автоматическом режимах стрельбы; полученные в результате следы необходимо группировать по степени схожести групповых и индивидуальных признаков и только после этого проводить идентификацию.

**Ключевые слова:** оружие, автоматический огонь, гильза патрона, следы, идентификация.

**Annotation.** Considered the peculiarities of obtaining comparative on samples of cartridges for the subsequent identification of weapons. Studies have shown that for models of weapons, shooting of which is automatic fire, comparative samples sleeves should get when shooting in the automatic mode of fire. In experimental studies it was shown that the traces formed on the sleeves have a high degree of variational depending on the modes of firing: single or automatic fire. This variational most pronounced in the traces of the firing pin, a hook of extractor and reflector. For identification of weapons of shot shells are necessary to carry out experimental shooting in both single and automatic modes of fire. The resulting tracks you want to group by the degree of similarity of group and individual characteristics, and only then carry out the identification.

**Keywords:** weapons, automatic fire, the sleeve, tracks, identification.

Известно, что при идентификации огнестрельного оружия необходимо получение не менее трех экспериментальных образцов пуль и гильз. Для этого, как правило, в рамках экспертного эксперимента производится отстрел патронов. В данной статье мы будем касаться исключительно идентификации по стреляным гильзам, поэтому именно

относительно этих объектов и будет проведен анализ.

Экспериментальные исследования, проведенные в Московском университете МВД России, показали, что порядок получения экспериментальных образцов гильз зависит от режимов стрельбы оружия. Огнестрельное оружие может иметь два





режима стрельбы: одиночный и автоматический. Как правило, автоматический режим стрельбы характерен для нарезного огнестрельного оружия и составляет около 600 выстрелов в минуту, хотя для отдельных видов оружия этот темп может варьировать в диапазоне от 120 до 2000 выстрелов в минуту. К таким видам оружия относятся автоматы, штурмовые винтовки, пулеметы, пистолеты-пулеметы, а также отдельные образцы пистолетов.

В ходе проведенных исследований изучались особенности следообразования на стреляных гильзах при одиночном и автоматическом режимах стрельбы; для этого использовались автомат Калашникова АК-74М калибра 5,45 мм и пулемет 6П41 «Печенег» калибра 7,62 мм. Для автомата АК-74 М одиночный и автоматический огонь велся с использованием переводчика режима огня. Для пулемета ПКМС использовалось два вида снаряжение ленты: для автоматического огня штатно снаряженная лента, для одиночного огня лента снаряжалась патронами через одно звено. При стрельбе из пулемета 6П41 одиночными выстрелами необходимо было после каждого выстрела передергивать затвор (рис. 1). Одиночная стрельба производилась в темпе – один выстрел через 2-3 секунды, автоматическая стрельба велась одной очередью по 3, 6, 9 и 12 патронов. Перед стрельбой на гильзу каждого патрона наклеивалась бирка из малярного скотча размером 10 x 10 мм, на которой маркером черного цвета наносился номер патрона в магазине или в ленте с таким расчетом, чтобы при стрельбе сначала выстреливал патрон № 1, затем № 2 и т.д. (рис. 1).

Перед проведением экспериментальных стрельб был составлен план эксперимента, который представлен в таблице 1. Эксперименты проводились на открытом стрельбище в солнечную погоду при температуре окружающего воздуха 18<sup>0</sup>-20<sup>0</sup> С.



**Рис. 1.** Стрельба из пулемета одиночными выстрелами при снаряжении ленты патронами через одно звено: а – стрельба из пулемета 6П41 одиночными выстрелами; б – нумерация гильз.

Таблица 1.

### План экспериментов по получению сравнительных образцов гильз

№ эксперимента	Вид оружия	Режим стрельбы	Количество патронов
1	автомат АК-74М	одиночный	12
2	автомат АК-74М	одна очередь	6
3	автомат АК-74М	одна очередь	8
4	автомат АК-74М	одна очередь	10
5	автомат АК-74М	одна очередь	12
6	пулемет 6П41	одиночный	12
7	пулемет 6П41	одна очередь	6
8	пулемет 6П41	одна очередь	8
9	пулемет 6П41	одна очередь	10
10	пулемет 6П41	одна очередь	12

На стреляных гильзах изучались три группы следов: 1 – бойка, 2 – зацепа выбрасывателя и 3 – отражателя. Характеристики следов – форма, глубина, выраженность статических и динамических признаков – зависит от темпа ведения автоматического огня, зазоров между деталями кинематической системы оружия, степени изношенности и загрязненности оружия. Для выделенных моделей оружия (автомат АК-74М и пулемет «Печенег») наличие зазоров между различными деталями оружия, выполняющими функции заряжания, производства выстрела, экстракции гильзы, связаны с:

- технологическими допусками массового производства деталей, не требующих индивидуальной подгонки при сборке каждого экземпляра оружия;
- предусмотренными зазорами между сопряженными движущимися деталями, которые обеспечивают работу кинематической системы оружия в условиях загрязненности и температурных воздействий на металл;
- износом отдельных деталей оружия при его эксплуатации как в обычных, так и экстремальных условиях.

Экземпляры оружия, с помощью которых проводились исследования, имели средний по живучести ствол настрел – не более 10 тыс. выстрелов. Перед проведением экспериментальных стрельб с использованием измерительных щупов с ценой деления 0,05мм были замерены величины зазора между сопряженными деталями оружия (табл. 2).

Таблица 2.

Величины зазоров между сопряженными деталями оружия

№	Сопряженные детали	Величина зазора, мм	
		АК-74М	«Печенег»
1	Затворная рама – направляющие выступы: • вертикальный • горизонтальный	0,45	0,5
		0,95	1,05
2	Затворная рама – затвор	0,2	0,25
3	Отражательный выступ – паз для отражательного выступа затворной рамы и затвора: • вертикальный • горизонтальный	0,35	0,35
		0,25	0,35
5	Диаметр чашки затвора для дна гильзы – диаметр гильзы патрона	0,45	0,65

Затворная группа как автомата АК-74, так и пулемета «Печенег» расположена в ствольной коробке «вывешенно», перемещаясь по имеющимся в её верхней части направляющим выступам как по рельсам. Такое «вывешенное» положение подвижных деталей в ствольной коробке со сравнительно большими зазорами обеспечивает надёжную работу системы даже при сильной загрязнённости и износе оружия.

Указанные зазоры по-разному влияют на характер образования следов на гильзе. Так, зазор в чашке затвора для дна гильзы смещает центр следа бойка на капсуле, а также влияет на форму и размеры следа зацепа выбрасывателя. Зазор между отражательным выступом и пазом в затворной раме и затворе влияет на размер площади отражательного выступа, которая взаимодействует с донцем экстрагируемой гильзы. Чем меньше площадь соударения отражательного выступа и донца гильзы, тем больше глубина следа (рис. 2). Эту зависимость можно выразить удельной кинетической энергией соударения гильзы об отражательный выступ:

$$E_{уд} = M \cdot (V_c)^2 / (2 \cdot S_m), \quad (1)$$

где  $M$  – масса затворной рамы с затвором и гильзой (кг),

$E_{уд}$  – величина удельной кинетической энергии (Дж/см<sup>2</sup>),

$V_c$  – скорость соударения (м/с),

$S_m$  – площадь соударения отражательного выступа и донца гильзы (см<sup>2</sup>).

Если считать, что масса затворной рамы с затвором и гильзой, а также скорость соударения с отражательным выступом величины практически постоянные, то величина удельной кинетической энергии будет определяться площадью соударения.

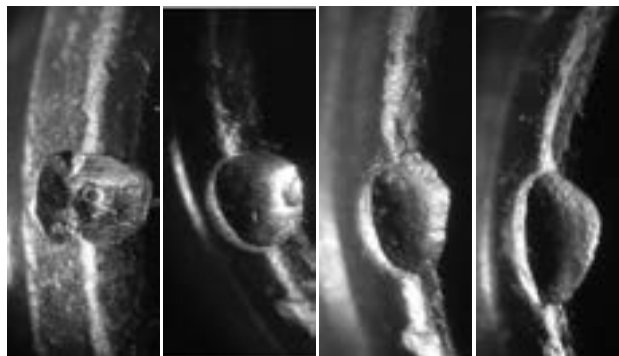


Рис. 2. Характер изменения глубины и формы следа отражателя на донце гильзы калибра 5,45 мм от площади соударения с отражателем в автоматическом режиме стрельбы из автомата АК-74: а – глубина 0,44 мм; б – 0,33 мм; в – 0,24 мм; г – 0,16 мм.

В свою очередь, эта площадь зависит от положения затворной рамы относительно своих пазов в ствольной коробке в диапазоне имеющихся зазоров. Это положение затворной рамы с учетом технологических, температурных и иных величин зазоров, как правило, носит случайный характер.

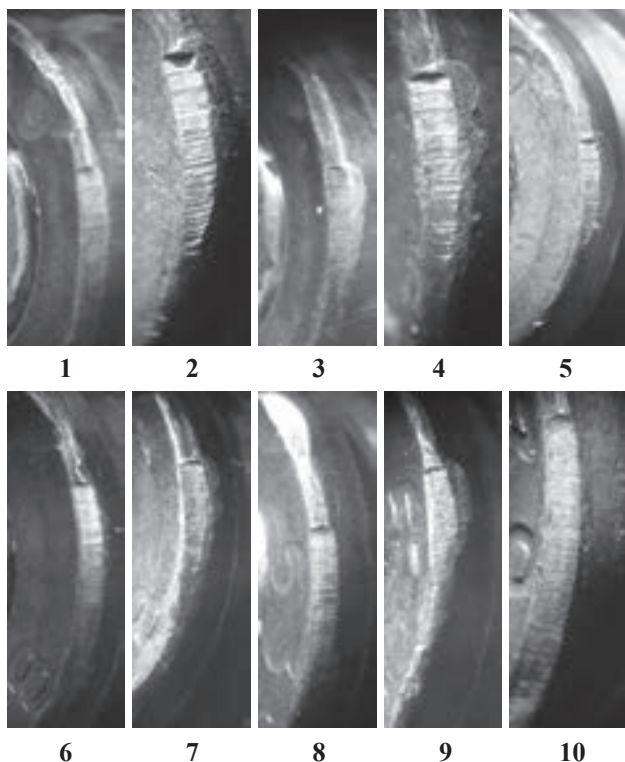
В тоже время, следует отметить, что при автоматической стрельбе к описанным выше особенностям следообразования, по нашему мнению, следует отнести еще некоторые обстоятельства. Во-первых, при одиночной стрельбе, при досылании патрона в патронник затворная рама с затвором под действием возвратной пружины соударяется с патронным упором казенной части ствола. В момент соударения возникает реакция отражения и затворная рама устремляется назад в диапазоне зазоров между боевыми выступами затвора и специальными вырезами ствольной коробки. Однако, под действием возвратной пружины затворная рама сдерживается и снова направляется вперед к казенной части ствола. Возникают своего рода колебания, которые затухают в течение 0,2...0,3 секунд. Выстрел при одиночном режиме стрельбы автомата осуществляется при неподвижном затворе и затворной раме, а для этого необходимо отпустить спусковой крючок и снова его нажать. Это время составляет более одной секунды и превышает период колебаний затвора при досылании патрона в патронник (время колебания 0,2...0,3 с).

При автоматическом режиме огня, темп стрельбы составляет 600 выстрелов в минуту, т.е. каждый очередной выстрел происходит через 0,1 секунды. Это имеет принципиальное значение, так как это время меньше периода колебания затвора при досылании патрона в патронник (время колебания 0,2...0,3 с). Следовательно, выстрел происходит в период этого колебания, что является дополнительным фактором в вариационности формирования следов. Так, зацеп выбрасывателя натывается на патрон, уже находящийся в патроннике, и захватывает гильзу через ее проточку.



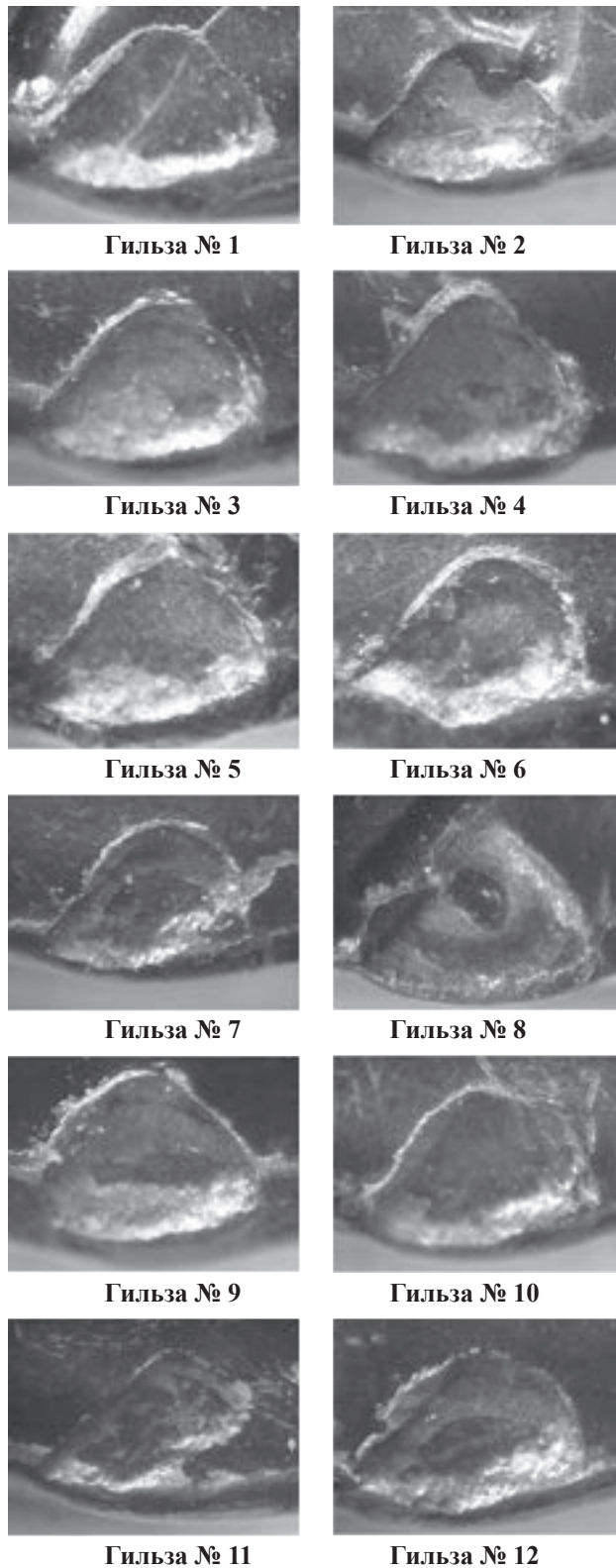
Это происходит в период колебания затворной рамы и затвора, отсюда вариационность следов зацепа выбрасывателя (рис. 3).

При сравнении динамических следов зацепа выбрасывателя видны различия в отдельных элементах следа – вершина кромки следа, его средняя часть и нижний участок. На всех указанных частях динамического следа зацепа выбрасывателя имеются трассы, степень выраженности которых разная. Различаются также ширина и длина следа, а также характер смятия металла донца гильзы. Зацеп выбрасывателя находится в чашке затвора и удерживается в рабочем положении под воздействием своей пружины. При досылании патрона в патронник затвор насакивает на гильзу своей чашкой; при этом зацеп выбрасывателя своим зубом ударяется в скос по периметру донца гильзы и, срезая своей кромкой металл, оставляет след в виде трасс (рис. 3). Далее зуб зацепа выбрасывателя попадает в проточку гильзы и надежно прижимает гильзу к чашке затвора. Таким образом, зуб зацепа выбрасывателя насакивает на кромку гильзы в момент колебаний затворной рамы и затвора, отсюда и большая вариационность следов.



**Рис. 3. Следы зацепа выбрасывателя на гильзах калибра 5,45 мм; номерами указан порядок патронов в одной очереди.**

На рис. 4 и 5 показаны следы отражателей при стрельбе 12 патронами калибра 5,45 мм из автомата АК-74 в одиночном режиме стрельбы и при стрельбе одной очередью из 12 патронов. Из представленных изображений видно, что при стрельбе одиночными выстрелами следы имеют близкую форму и расположение относительно донца гильзы.



**Рис. 4. Следы отражателя на гильзах калибра 5,45 мм, стреляных в режиме одиночной стрельбы из автомата АК-74; гильзы пронумерованы по порядку стрельбы.**

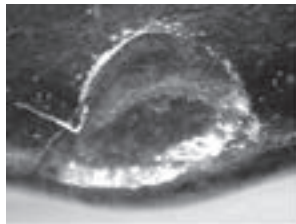
При стрельбе очередями следы отражателя имеют в большей степени выраженную вариационность, как по форме, так и по размерам следов. Это также



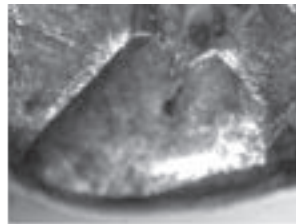


связано с колебаниями затворной рамы и затвора в момент выстрела. Так, отсутствие зазора между боевыми выступами затвора и специальными пазами

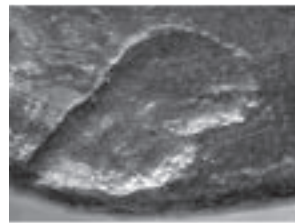
ствольной коробки достигается воздействием возвратной пружины при стрельбе в режиме одиночного огня.



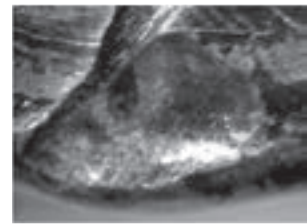
Гильза № 1



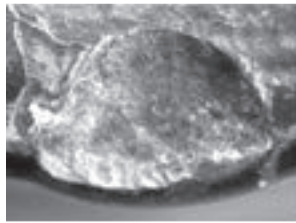
Гильза № 2



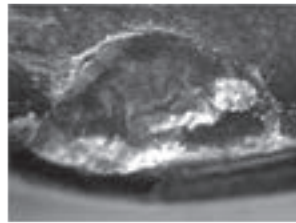
Гильза № 7



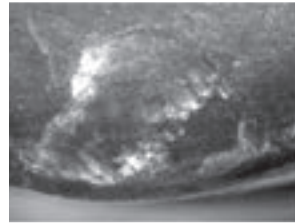
Гильза № 8



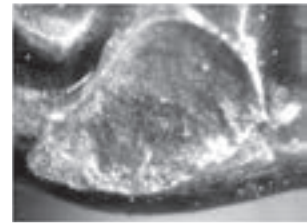
Гильза № 3



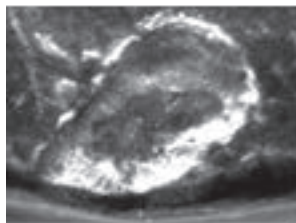
Гильза № 4



Гильза № 9



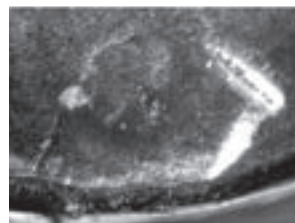
Гильза № 10



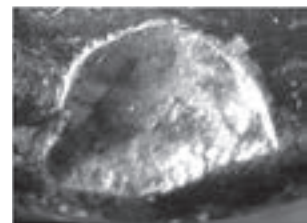
Гильза № 5



Гильза № 6



Гильза № 11



Гильза № 12

**Рис. 5.** Следы отражателя на гильзах калибра 5,45 мм, стреляных в режиме автоматической стрельбы из автомата АК-74, гильзы пронумерованы по порядку стрельбы в одной очереди.

При автоматическом огне указанный зазор появляется из-за медленного, по сравнению с темпом стрельбы, затухания колебаний между боевыми выступами затвора и специальными пазами ствольной коробки. Указанный зазор становится причиной осевого колебания затворной рамы, движущейся назад по своим пазам после выстрела. Эти горизонтальные и вертикальные колебания становятся причиной того, что гильза ударяется об отражательный выступ под разными углами и с разным захватом площади отражателя.

Проведенные исследования показывают необходимость при получении сравнительных образцов

гильз из огнестрельного автоматического оружия использовать как одиночный, так и автоматические режимы стрельбы. При этом производить не менее 5 одиночных выстрелов и 10 выстрелов одной очередью. В дальнейшем необходимо проводить группировку стреляных гильз по выраженным вариациям следов. Опыт показывает, что из 15 стреляных гильз (5 – одиночных и 10 – одной очередью) можно выделить от 1 до 3 групп следов, обладающих как общими, так и частными признаками, позволяющим идентифицировать оружие по стреляным гильзам.





УДК 343.98  
ББК 67

## ОТДЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ СЛЕДОВ КАНАЛА СТВОЛА ОРУЖИЯ НА ВЫСТРЕЛЕННЫХ ПУЛЯХ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК

**ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛАТЫШОВ,**

*начальник кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса  
экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России,  
кандидат юридических наук, доцент*

*Научная специальность 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: latyshov@gmail.com*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** По результатам сравнения механизма образования следов на пулях, выстреленных из стрелкового огнестрельного оружия с сильным износом канала ствола, со следами на пулях, выстреленных из стрелкового огнестрельного оружия с полигональными нарезами канала ствола, выявлены характерные особенности данных следов. Для предотвращения экспертных ошибок предложенные признаки следует принимать во внимание при дифференциации внешне сходной морфологии следов сильно изношенного канала ствола и следов канала ствола с полигональными нарезами.

**Ключевые слова:** канал ствола оружия, полигональные нарезы, выстреленная пуля, судебно-баллистическая экспертиза.

**Annotation.** According to the results of comparison of the ways traces on bullets, shot from small firearms with intense barrel wear, are formed with traces on bullets, shot from small firearms with polygonal rifling of the barrel, these marks' characteristics are also presented. In order to prevent experts' mistakes it is necessary to pay attention to suggested characteristics when differentiate outwardly similar morphology of traces of intense barrel wear and traces of barrel with polygonal rifling.

**Keywords:** bore, polygonal rifling, shot bullet, forensic ballistics expert examination.

В числе прочих причин появления экспертных ошибок может быть вызвано пробелами научного и методического обеспечения экспертных исследований. Слабая проработка теоретических и методических аспектов решения экспертных задач при недостаточной подготовленности судебного эксперта либо малом опыте его практической работы может привести к неправильной оценке им, например, следов и формулированию ошибочных выводов.

С учетом этого обстоятельное рассмотрение предельно возможного числа вопросов, содержащих необходимую судебному эксперту криминалистически значимую информацию об объектах исследования, является важным направлением совершенствования профильных областей научных знаний и экспертно-криминалистической деятельности.

Для судебной баллистики и судебно-баллистической экспертизы как сферы ее практического применения одним из таких вопросов видится дифференциация следов на пулях, выстреленных из нарезного стрелкового огнестрельного оружия со значительно изношенным каналом ствола (далее – изношенным

каналом ствола) и пуль, отстреленных из оружия с полигональными нарезами канала ствола.

Поводом обращения к данной теме стала обозначенная экспертной практикой потребность разделения внешне довольно сходных следов на пулях, выстреленных из нарезного стрелкового оружия со значительным износом канала ствола и следов на пулях, выстреленных из стрелкового оружия с полигональными нарезами ствола.

Обзор публикаций по экспертной оценке следов на пулях, выстреленных из оружия с изношенным каналом ствола и оружия с полигональными нарезами<sup>1</sup> позволяет говорить о необходимости дальнейшей проработки вопроса в направлении выявления характерных признаков, позволяющих проводить дифференциальную диагностику следов на пулях. При этом по своей сути решение данной задачи обеспечивает как экспертное определение состояния оружия (изношенный канал ствола), так и установление его вида (оружие с полигональными нарезами канала ствола), представление заинтересованным службам необходимой информации о примененном в ходе совершения преступления оружии.

Эмпирическим материалом по теме работы стали полученные в результате экспериментальных стрельб из различных моделей стрелкового огнестрельного оружия выстреленные пули<sup>2</sup>.

Установлено, что характерную морфологию следов на пулях как в случае использования для стрельбы оружия с изношенным каналом ствола, так и стрельбе из оружия с полигональными нарезами определяет механизм слеодообразования, что, в свою очередь, зависит от геометрии нарезов, а также их состояния.

В оружии с традиционными профилями нарезов канала ствола (прямоугольными, трапецевидными либо сегментными) формоизменение тела пули в конусе пульного входа и далее в нарезной части сопровождается срезанием металла оболочки пули ребрами граней полей нарезов, преимущественно боевой, т.е. в пулю, испытывающую сжатие действием полей нарезов, врезаются еще и грани последних. При этом, основными опорными элементами плоскостного контакта в силу превышения диаметра ведущей части пули калибра оружия, обычно замеряемого между противоположными полями нарезов, служат именно боевая и холостая грани полей нарезов. В зависимости же от наклона нарезки при движении пули опирается именно на боевую грань поля нарезки, что определяет более выраженный характер ее следа.

В результате мы имеем дело, можно сказать, с классической схемой движения пули в канале ствола: поступательным движением пули по момента удара о выступающий профиль конуса пульного входа и нарезной части канала ствола; резким и кратковременным переходом движения от поступательного к поступательно-вращательному; поступательно-вращательным движением.

Не беря во внимание действие немалого числа факторов, вносящих нюансы в общую следовую картину на ведущей части пули (устройство пульного входа, конструкцию пули, давление пороховых газов и пр.) в целом отметим устойчивое отображение следов полей нарезов. При этом, четко различимы боевая и холостая грани, стабилен угол наклона и ширина следов полей нарезов (рис. 1)<sup>3</sup>.

Динамика износа канала ствола определяет поочередно скругление граней полей нарезов, просадку (уплощение) полей нарезов, а при сильном износе – их полное истирание. Соответственно меняется механизм, а также сами следы полей нарезов на выстреленных пулях.

Так, скругленная грань поля нарезки уже не срезает, а лишь сдвигает металла оболочки пули, образуя рядом со следом от нее характерный валик. По мере износа полей нарезов идет перенос основного контакта ведущей части пули с граней непосредственно на плоскость поля нарезки, создаются условия для большего контакта пули с дном нарезов. Уменьшается, а позднее и вовсе исчезают сначала следы холостой, а потом и боевой граней полей нарезов, морфология следов приобретает характер сплошной исчерченности. Угол на-

клона следов полей нарезов нередко нестабилен, сам же наклон имеет склонность менять направление, например, с правого на продольный либо левый, что говорит о нестабильном характере движения пули в канале ствола (рис. 2–3).



Рис. 1. Ведущая часть пули патрона 9x18 мм, выстреленной из 9 мм пистолета Макарова с малым износом канала ствола.

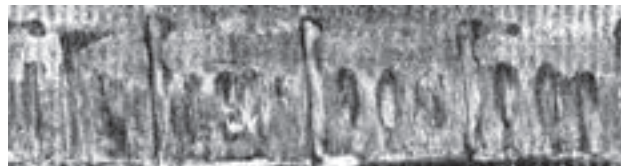


Рис. 2. Ведущая часть пули патрона 9x18 мм, выстреленной из самодельного 9 мм пистолета-пулемета со значительным износом канала ствола.

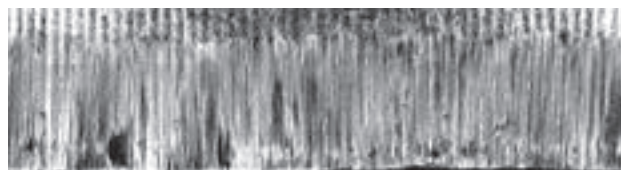


Рис. 3. Ведущая часть пули патрона 9x18 мм, выстреленной из 9 мм пистолета-пулемета К6-92 со значительным износом канала ствола. Следовая картина в виде сплошной исчерченности, следы полей нарезов не просматриваются, направление и угол наклона трасс в следах нестабильные.

В канале ствола с полигональными нарезами, в отличие от стволов с традиционными профилями нарезов, свои характерные особенности стадий движения пули, механизма образования и морфологии следов на выстреленных пулях.

Так, при вхождении пули в конус пульного входа и далее нарезную часть формоизменение пули характеризуется не вдавливанием в поля нарезов, а деформацию изгиба оболочки пули<sup>4</sup>. Не столь резок и переход от поступательного к поступательно-вращательному движению пули, о чем, как отмечается в литературе, может свидетельствовать плавный переход трасс первичных следов ко вторичным. При этом констатируется невозможность строгого деления первичных и вторичных следов<sup>5</sup>.

Нам представляется, что последнее заявление не может быть принято абсолютным. Как первичные, так и вторичные следы, безусловно, имеют место быть. Вопрос лишь в том, какие факторы играют здесь главную роль и как они проявляют себя в следах.

Итак, по порядку. Прежде всего, по причине особого строения полигонального профиля нарезов основ-

ной опорной частью геометрии канала ствола является выступающий гребень и прилегающие к нему поверхности сопряженных плоскостей. Поэтому на ведущей части выстреленной пули наиболее ярко и устойчиво отображаются следы именно данных элементов. В силу же отсутствия в геометрии нарезной части полигонального канала ствола острых углов, механизму образования следов характерен процесс истирания, что, в определенной степени, делает сходной картину следов на пулях, выстреленных из оружия с полигональными нарезами и оружия с изношенным каналом ствола.

Помимо этого, величина радиуса, описывающего гребень, при прочих равных условиях определяет степень выраженности его следов, а также устойчивость показателей наклона вторичных следов.

Так, более четко очерченный профиль нарезов канала ствола 9 мм пистолета Глок-17 в сравнении с 9 мм пистолетом Джерихо 94F обеспечивает выраженность и довольно устойчивый характер отображения следов (рис. 4–6).

Показательно, но в последнем случае лучшая обтюрация профиля канала ствола не исключает срывы пули при ее движении с нарезов, что нами наблюдалось и на экспериментальных пулях, выстреленных из 9 мм пистолета Чешска Збройовка (CZ-83) (рис. 7). Важно отметить, что в оружии с традиционными нарезами (особенно прямоугольными и трапециевидными) срыв пули с нарезов – явление не частое и имеет место, преимущественно, в случае существенного износа полей нарезов канала ствола либо стрельбы нештатными патронами меньшего калибра.

В контексте сказанного закономерен не кажущийся, на первый взгляд, криминалистически значимым вопрос: каковы резоны конструктивного обоснования полигональных нарезов в ручном стрелковом оружии.

Однако, если принять во внимание значение установления экспертом-баллистом факта отстрела исследуемой пули из оружия с полигональными нарезами, а также возможность оперирования информацией о видах стрелкового оружия, где преимущественно используется такая нарезка, то целесообразность поставленного вопроса уже не вызывает особых возражений.



**Рис. 4.** Ведущая часть пули патрона 9x19 мм, выстреленной из 9 мм пистолета Глок-17.



**Рис. 5.** Ведущая часть пули патрона 9x19 мм, выстреленной из 9 мм пистолета Джерихо 94F.



**Рис. 6.** Ведущая часть пули патрона 9x19 мм, выстреленной из другого экземпляра 9 мм пистолета Джерихо 94F.



**Рис. 7.** Ведущая часть пули патрона 9x18 мм, выстреленной из 9 мм пистолета Чешска Збройовка (CZ-83).

Итак, в литературе озвучен, пожалуй, главный повод обращения к теме полигональных нарезов – повышение живучести ствола и ресурса оружия в целом<sup>6</sup>. Однако, срыв пули с нарезов – это серьезный конструктивный изъян, игнорирование которого должно быть мотивировано разработчиками стрелкового оружия.

Действительно, плавный характер движения пули по нарезной части канала ствола, сообщение ей необходимых значений частоты вращения – факторы, способствующие обеспечению стабильности положения пули на траектории, лучших показателей прицельной дальности стрельбы.

Однако, для короткоствольного стрелкового оружия, к которому относятся пистолеты, по сравнению с автоматами и винтовками эти характеристики не видятся такими уж принципиальными.

Как известно, эффективная дальность стрельбы для большинства моделей боевых и гражданских пистолетов находится в пределах 50-70 м. При этом, баллистический коэффициент относительно коротких пуль пистолетных патронов существенно хуже винтовочных и автоматных, т.е. устойчивость пистолетных пуль на траектории невысокая и не является их главным баллистическим преимуществом. Закругленная либо тупоконечная головная часть пистолетных пуль в совокупности с весомыми значениями калибра обеспечивают реализацию, главным образом, останавливающего действия пуль на близких дистанциях стрельбы. Это касается также револьверных патронов.

Таким образом, для оружия под пистолетный либо револьверный патрон проблема использования полигональной нарезки канала ствола не является существенной. В силу этого полигональные нарезы получили распространение в ряде моделей пистолетов, револьверов и пистолетов-пулеметов.

На основании результатов исследования можно представить систему дифференциально-диагностических признаков, характерных для морфологии пуль, выстреленных из нарезного стрелкового оружия со



значительным износом канала ствола и пуль, выстреленных из стрелкового оружия с полигональными нарезами ствола (см. табл. 1).

*Таблица 1.*

**Дифференциально-диагностические признаки в следах на пулях, выстреленных из нарезного стрелкового оружия со значительным износом канала ствола и следах на пулях, выстреленных из стрелкового оружия с полигональными нарезами ствола**

<i>Фактор/признак</i>	<i>Оружие с сильным износом канала ствола</i>	<i>Оружие с полигональными нарезами канала ствола</i>
Механизм деформации пули в конусе пулевого входа и в полях нарезов	остаточное вдавливание в поля нарезов; деформация изгиба оболочки пули	деформация изгиба оболочки пули
Вид следов канала ствола	динамический с элементами сдвига металла оболочки пули в области следа грани (граней) поля нареза	динамический с элементами сдвига металла оболочки пули в области следа гребня (поля) нареза
Общая морфология следов	в виде сплошной исчерченности, иногда со следами либо фрагментами следов полей нарезов	в виде сплошной исчерченности со следами либо фрагментами следов гребня нарезов
Устойчивость отображения следов полей нарезов / гребневых зон	неустойчивые	преимущественно устойчивые
Общие признаки канала ствола на пулях	следы полей нарезов, их ширина, направление наклона, угол наклона	следы гребней, расстояние между соседними следами гребней, направление, угол наклона

Характерные признаки в следах	наличие следов срыва пули с нарезов, входа в поля нарезов под углом	наличие следов срыва пули с нарезов, в ряде случаев первичный переход ко вторичным
-------------------------------	---	--

Представляется, что использование приведенной информации создает условия для дифференциации пуль, выстреленных из нарезного стрелкового оружия со значительным износом канала ствола и пуль, выстреленных из стрелкового оружия с полигональными нарезами ствола, будет способствовать повышению эффективности судебно-баллистических экспертных исследований.

<sup>1</sup> Гринченко С.В., Латышов И.В. Особенности механизма образования и морфология следов на пулях, выстреленных из современных образцов огнестрельного оружия с полигональными нарезами канала ствола // Актуальные вопросы судебных инженерных экспертиз. Иркутск, 2006. С. 24–27; Андреев А.Г., Гринченко С.В., Латышов И.В. Криминалистическое исследование пистолета «Чешска Збройовка» (CZ-83) // Экспертная практика. №. 61. 2006; Федоренко В.А. Актуальные проблемы судебной баллистики. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2011. С. 178–191; Кокин А.В. Теория и методические основы исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010.

<sup>2</sup> Автором проведен экспериментальный отстрел 9 мм пистолетов ГШ-18, Глок-17, Джерихо 94F, Чешска Збройовка (CZ-83), 9 мм пистолета Макарова, 7,62 мм пистолета обр. 1933 г. (ТТ), 9 мм пистолета-пулемета К6 92 и 3-х его самодельных версий. Количество произведенных выстрелов из каждого экземпляра от 5 до 40. Выстреленные пули улавливали с помощью водяного улавливателя.

<sup>3</sup> Относится к случаям стрельбы из оружия в малом износе канала ствола и не касается оружия самодельного производства.

<sup>4</sup> Кокин А.В. Теория и методические основы исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С. 100.

<sup>5</sup> Федоренко В.А. Актуальные проблемы судебной баллистики. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2011. С. 181.

<sup>6</sup> Кокин А.В. Указ. Соч. С. 100.





УДК 343.985  
ББК 67

## КАЧЕСТВЕННЫЙ ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ДТП КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК



**ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ДЕМИДОВА,**  
старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии  
учебно-научного комплекса судебной экспертизы  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук  
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;  
судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: pokatovich.t@mail.ru

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассмотрены некоторые проблемы, возникающие при осмотре места происшествия по делам о ДТП, и условия, при выполнении которых качество осмотра места происшествия по делам о ДТП может быть повышено, что позволит избежать в дальнейшем ошибок при назначении и производстве судебных экспертиз.

**Ключевые слова:** осмотр места дорожно-транспортного происшествия, предупреждение экспертных ошибок, условие полного и качественного осмотра места происшествия, специалист-криминалист, специалист-автотехник.

**Annotation.** Considered some problems existing during the inspection of the scene of the accident and the conditions performance of which may increase the quality of scene investigation in cases of accident, which will avoid further mistakes in the appointment and conduction of legal expertise.

**Keywords:** inspection of the scene road accident, warning expert mistakes, the condition of full and qualitative crime scene investigation, specialist criminalist, specialist autotechnique.

Сложность познания механизма транспортных происшествий во многом обусловлена динамичностью таких событий. Нередко простота обстановки транспортного происшествия лишь кажущаяся. Первоначальное ознакомление с нею не всегда дает возможность четко представить то, что произошло. Поэтому только тщательное и детальное изучение всей системы следов и объектов, имеющих на месте происшествия, позволяет следователю восстановить полную картину события и проследить динамику происшедшего события.

Анализ уголовных дел по делам о дорожно-транспортных преступлениях показал, что осмотр места происшествия, как первоначальное следственное действие, проводится почти во всех случаях и именно с него начинается расследование по данной категории уголовных дел.

Нельзя не согласиться с утверждением В.И. Жулева и А.С. Степанищева, что «по делам о ДТП осмотр места происшествия является узловым процессуальным действием, от качества проведения которого зависит ход всего расследования и правильность при-

нимаемых решений, поскольку позволяет получить широкий круг доказательственной информации, определить путь поиска сведений из других источников, а также обеспечить проверку их объективности»<sup>1</sup>. К этому стоит добавить, что качественно проведенный первоначальный осмотр места происшествия дает достаточно информации для эксперта при производстве ряда судебных экспертиз.

Задачи осмотра места ДТП в большинстве случаев не отличаются от задач осмотра мест других происшествий. К ним относятся обнаружение, фиксация и изъятие следов, а также других вещественных доказательств, их предварительное исследование, выяснение обстановки происшествия, выявление иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Вместе с тем, следует отметить, что ДТП достаточно скоротечно, так как развивается и заканчивается в течение нескольких секунд. Обстановка места ДТП не может сохраняться длительное время в связи с тем, что проезжая часть должна быть в кратчайшие сроки освобождена для движения, а, следовательно, и следы на месте происшествия достаточно быстро

уничтожаются проходящим транспортом и в результате воздействия окружающей среды. При этом нельзя исключать возможность умышленного или случайного изменения дорожной обстановки со стороны лиц, находящихся на месте ДТП. В связи с этим результаты и качество расследования во многом зависят от своевременного выезда на место происшествия, тщательного и квалифицированного его осмотра и от правильного закрепления результатов осмотра в соответствующих документах.

Целенаправленность осмотра места происшествия определяется видом ДТП, особенностями механизма происшествия, условиями, в которых проводится осмотр, и другими обстоятельствами.

Например, в случаях, когда ТС скрылось с места происшествия, одной из первоочередных задач осмотра является обнаружение, фиксация и изъятие следов, оставленных этим ТС на дороге и объектах окружающей обстановки (рисунок и размеры протектора, ширина колес, следы шин; осколки стекол, обломки облицовки; осыпи лакокрасочного покрытия, грязевых наслоений; отделившиеся части кузова и детали, выпавший груз и др.), и их предварительное исследование для получения информации, имеющей разыскное значение (тип, марка, модель, цвет, вероятные повреждения разыскиваемого ТС).

Неквалифицированный осмотр места ДТП крайне негативно влияет на получение исходных данных для судебных экспертиз (в первую очередь, судебной автотехнической экспертизы) и, в конечном итоге, на весь ход и результаты расследования.

Изучение уголовных дел о ДТП показывает, что в 91% случаев к осмотрам мест ДТП не привлекаются специалисты-криминалисты, а специалисты-автотехники не выезжают практически никогда<sup>2</sup>. Соответственно, должным образом не используется криминалистическая и другая техника. Следователи, а зачастую и инспекторы ГАИ, проводя осмотр, не всегда описывают следы и вещественные доказательства, повреждения дорожного покрытия, а при их фиксации не делают надлежащей привязки к элементам дороги и ТС, не выявляют механизм образования обнаруженных следов. Это происходит по большой части потому, что осмотр места ДТП проводит следователь, не специализирующийся на расследовании по такого рода делам, и он просто не знает, на что необходимо обратить внимание при осмотре места происшествия.

Осмотр транспортного средства, также являющегося составной частью исследования обстановки места происшествия, проводят, как правило, инспекторы ГАИ-ГИБДД. Не обладая специальными знаниями в дорожно-транспортной трасологии, они неполно отражают следы повреждений, направления, формы и расположение деформаций на транспортных средствах. При проверке технического состояния транспорта, участвовавшего в ДТП, не проводится контрольное торможение, не устанавливаются условия видимости с

рабочего места водителя, что также крайне негативно отражается на дальнейшем расследовании<sup>3</sup>.

Известно, что подготовка материалов для проведения экспертиз и назначение экспертиз также имеет большое значение при расследовании дорожно-транспортных преступлений. Но и здесь возникает ряд проблем.

Неполнота исходных данных порождают необходимость проведения дополнительных либо повторных экспертиз, что, в конечном итоге, приводит к нарушению процессуальных сроков и обоснованным жалобам потерпевших<sup>4</sup>.

Отрицательно сказывается на результатах расследования несвоевременное назначение экспертиз. У многих следователей возникают затруднения в определении рода, вида экспертизы и формулировки вопросов при назначении судебной экспертизы по делам о ДТП (особенно при назначении судебной автотехнической экспертизы). Нередко на разрешение эксперта ставят вопросы правового характера, либо вопросы, разрешение которых не требует специальных знаний.

Некоторые следователи в постановлении о назначении судебной автотехнической экспертизы излагают противоречивые показания участников либо свидетелей происшествия, которые также не могут быть использованы экспертом для проведения экспертного исследования и дачи соответствующего заключения.

Неполные данные о механизме ДТП, изложенные следователем в постановлении, вынуждают эксперта делать вероятные либо альтернативные выводы, оценка которых следователем весьма затруднительна.

Одним из условий качественного осмотра места происшествия и, как следствие, избежание экспертных ошибок является применение для составления масштабных планов и схем миллиметровую бумагу или хотя бы бумагу в клеточку. Использование для схем чистого листа бумаги приводит к искажению действительности обстоятельств (расположение места столкновения транспортных средств и относительно проезжей части дороги) и создает неправильное восприятие и понимание обстановки происшедшего события. Кроме этого, отсутствие масштабной схемы затрудняет воссоздание (воспроизводство) механизма ДТП при проведении следственного эксперимента с целью уточнения показаний участников предварительного расследования, а в конечном итоге создает трудности в расследовании.

Измерение целесообразно делать с применением мерного колеса для измерения кривых линий (курвиметр); для автотехнических исследований это тоже крайне важно.

Для предупреждения экспертных ошибок при осмотре мест ДТП целесообразно включить в состав следственно-оперативной группы при выезде на место дорожно-транспортного преступления, помимо



следователя, сотрудников ГИБДД, участкового инспектора, на территории которого произошло ДТП, специалистов-дорожников, специалистов-криминалистов (трасологов) и автотехников, а также при необходимости оперуполномоченного уголовного розыска, кинолога и судебно-медицинского эксперта (если происшествие сопровождалось человеческими жертвами). Несомненно, что, в зависимости от характера ДТП, состав следственно-оперативной группы может варьироваться.

Необходимо помнить, что другим не менее важным условием полного и качественного осмотра места происшествия, в ходе которого следователь несет полную ответственность за формирование доказательственной базы является четкое распределение обязанностей между членами СОГ, закрепленное Приказом МВД РФ.

Информация, данная специалистом-криминалистом и автотехником может быть полезной при выборе тактики осмотра места дорожно-транспортного происшествия. Например, вопросы о том, с чего начать, в какой последовательности осуществлять осмотр, какие специалисты и какие технические средства могут понадобиться дополнительно и где их можно изыскать, решаются следователем с помощью данных специалистов.

Кроме основных обязанностей, специалист-криминалист, в ходе осмотра места происшествия, может изучить сохранившиеся следы и установить на этой основе их связь с другими следами и объектами, имеющими отношение к расследуемому событию; в необходимых случаях может оказать помощь в мысленной реконструкции происшедшего, что облегчает обнаружение новых следов и расширяет возможности установления истины по делу. Совместное построение версий оказывает существенную помощь следователю в правильном восприятии обстановки, обстоятельств места происшествия, следов на автотранспортных средствах. Специалист-криминалист может также определить, какие именно изменения обстановки места происшествия привели к искажениям в обнаруженных следах, оказать содействие следователю в определении вида и рода экспертизы, которую в дальнейшем необходимо назначить по зафиксированным и изъятым следам.

Специалист-автотехник, вместе со специалистом-криминалистом, может оказать помощь при описании в протоколе дорожной обстановки, дорожных условий,

транспортного средства, его узлов и деталей; в составлении схемы места дорожно-транспортного происшествия. Он может участвовать в изъятии поврежденных или рассоединившихся деталей, неисправных узлов и агрегатов, нарушения в работе которых могли вызвать или оказать влияние на возникновение и развитие ДТП.

На наш взгляд, качественно произвести контрольное торможение, согласно требованиям ГОСТ<sup>5</sup>, для оценки технического состояния тормозной системы транспортного средства может только специалист-автотехник. Результаты контрольного торможения заносятся в протокол и в дальнейшем являются не менее важным обстоятельством, которое оценивает эксперт при производстве экспертиз.

Специалисты экспертно-криминалистических подразделений могут дать рекомендации относительно назначения различных видов (родов) судебных экспертиз, которым желательно подвергнуть объекты с места осмотра, и куда в связи с этим надо обратиться; какие меры предосторожности необходимы при обращении с обнаруженными микрочастицами, биологическими объектами и различными веществами, надлежащим образом их упаковать, высказать мнение о режиме их хранения и т.д.

Несомненно, качественный и квалифицированный осмотр места происшествия при расследовании дорожно-транспортных преступлений может быть только при привлечении специалистов разного профиля, что в дальнейшем позволит избежать экспертных ошибок при производстве судебных экспертиз.

<sup>1</sup> См.: Жулев В.И., Степанищев А.В. Расследование дорожно-транспортных преступлений: метод. рекомендации. М., 2004. С.13.

<sup>2</sup> Более подробно см.: Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений. Дисс. канд. юрид. наук. М. 2010. С. 91–92.

<sup>3</sup> Расследование дорожно-транспортных происшествий/ Под ред. В.А. Федорова, Б.Я. Гаврилова. М., 2003. С. 172.

<sup>4</sup> Более подробно см.: Бушуев В.В. Внутреннее убеждение судебного эксперта в уголовном судопроизводстве. Дисс. канд. юрид. наук. М. 2008. С. 94–95.

<sup>5</sup> См.: ГОСТ Р 51709-2001 Автотранспортные средства. Требования безопасности к техническому состоянию и методы проверки.



УДК 343.982.3  
ББК 67

## СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК (на примере трасологического исследования государственных регистрационных знаков транспортных средств)

**ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ХАРЛАМОВА,**  
доцент кафедры экспертно-криминалистической деятельности  
учебно-научного комплекса судебной экспертизы  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук;

**ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КИТАЕВ,**  
старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики  
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности  
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук;

**ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНИГОВСКИЙ,**  
преподаватель кафедры трасологии и баллистики  
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности  
Волгоградской академии МВД России

Научная специальность 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** На практике нередко возникает потребность в экспертном исследовании государственных регистрационных знаков транспортных средств на предмет установления их подлинности. Однако, у экспертов зачастую нет четкого понимания технологического процесса изготовления знаков, механизма образования следов, оценки их криминалистической значимости и, соответственно, нет уверенности в достоверности выводов, что обуславливает высокую вероятность совершения экспертных ошибок. Процесс изготовления регистрационных знаков состоит из нескольких этапов, каждый из которых несет определенную информацию следообразования. При исследовании трасологических признаков государственных регистрационных знаков транспортных средств можно выяснить, соответствуют ли они требованиям государственного стандарта, и предотвратить экспертные ошибки.

**Ключевые слова:** экспертные ошибки, трасологическое исследование, государственные регистрационные знаки, технологический процесс.

**Annotation.** In practice quite often there is a need for expert research of the state registration signs of vehicles regarding establishment of their authenticity. However experts often have no clear understanding of technological process of production of signs, the mechanism of formation of traces, an assessment of their criminalistic importance and, respectively, there is no confidence in reliability of conclusions and as a result of everything there is a high probability of commission of expert mistakes. Process of production of registration signs consists of several stages, each of which bears certain information of a sleedoobrazovaniye. Whether at research the trasology of signs of the state registration signs of vehicles it is possible to find out they conform to requirements of state standard and to prevent expert mistakes.

**Keywords:** expert mistakes, trasology research, state registration signs, technological process.

На практике нередко возникает потребность в установления их подлинности. Однако, у экспертов экспертном исследовании государственных регистра- зачастую нет четкого понимания технологического ционных знаков транспортных средств на предмет процесса изготовления знаков, механизма образования





следов, оценки их криминалистической значимости и, соответственно, нет уверенности в достоверности выводов. Все это обуславливает высокую вероятность совершения экспертных ошибок.

Для предотвращения экспертных ошибок необходимо совершенствование существующих методик трактологических исследований.

В первую очередь, необходимо рассмотреть процесс изготовления госзнаков. При изготовлении госзнаков необходимо соблюдение ГОСТа Р 50577-93 «Знаки государственные регистрационные транспортных средств. Типы и основные размеры. Технические требования» от 29 июня 1993 г., технических условий и конструкторской документации, согласованной Министерством внутренних дел Российской Федерации и утвержденной в установленном порядке.

Регистрационные знаки типов 1-10, 19-22 изготавливают из алюминиевых сплавов, а для типов 3, 5-8 допускается применение черных металлов<sup>1</sup>. Конкретные материалы, используемые для изготовления регистрационных знаков, способ их изготовления, а также методы испытаний устанавливаются в технических условиях на регистрационные знаки.

Процесс изготовления регистрационных знаков состоит из нескольких этапов, каждый из которых несет определенную информацию слеодообразования.

Пластина автомобильного государственного регистрационного знака должна быть покрыта специальной белой клеящейся светоотражающей пленкой, содержащей в себе элементы защиты от подделки в виде аббревиатуры «RUS», российского флага и голографических квадратов с надписями «RUS», включенных в структуру покрытия. Изображение Государственного флага Российской Федерации представляет собой прямоугольник с равновеликими горизонтальными полосами: верхняя полоса белого цвета, средняя – синего цвета и нижняя – красного цвета (рис. 1). Пленка прочно фиксируется на металлическую пластину при помощи термопресса. Пластина при этом должна точно соответствовать заданной толщине, не иметь изгибов и неровностей.



**Рис. 1.** Фрагмент регистрационного знака с изображениями надписи «RUS», Государственного флага Российской Федерации и голограмм.

Толщина материала регистрационного знака без учета покрытия (кроме типов 16-18) должна быть  $1 \pm 0,1$  мм. Толщину материала регистрационных знаков типов 16-18 устанавливают в технических условиях на эти знаки.

Буквы и цифры, отображающие, соответственно, серию, номер и код региона, и окантовка на лицевой стороне регистрационного знака должны быть выпуклыми (трапециевидной формы), одинаковой высоты (на одном регистрационном знаке) в пределах не менее 1,0мм и не более 2,0мм относительно поля знака (требование не является обязательным для надписи «RUS») (рис. 2).



**Рис. 2.** Фрагмент госзнака с выпуклыми цифрами, буквой и окантовкой.

Технология нанесения цифр, букв и окантовки на регистрационные знаки, включая надпись «RUS», «Транзит» и изображение Государственного флага Российской Федерации, должна исключать возможность их изменения в процессе эксплуатации без разрушения знака или изменения структуры применяемых материалов.

Размерные параметры регистрационного знака должны четко соответствовать данным, указанным ГОСТ Р 50577-93.

При проведении исследования измеряются следующие размерные характеристики (на примере регистрационного знака типа 1) (рис. 3):

- общая длина;
- высота (ширина);
- длина от центра одного крепежного отверстия до другого крепежного отверстия;
- ширина, высота прописных букв;
- ширина, высота цифр номера;
- ширина, высота цифр кода региона;
- ширина, высота окантовки;
- расстояние от центра крепежного отверстия до нижнего края регистрационного знака;
- диаметр крепежных отверстий;
- высота букв защитной надписи «RUS».



**Рис. 3.** Регистрационный знак типа 1 с двухзначным кодом региона регистрации (с разметкой размерных параметров).

Пластины номеров государственной регистрации имеют окантовку черного цвета, цифры и буквы выполнены способом давления и окрашены также в черный цвет. Цвет поля белый со светоотражающей по-

верхностью. На оборотной поверхности каждого знака должен располагаться оттиск клейма изготовителя (рис. 4).



**Рис. 4. Товарный знак предприятия-изготовителя госзнака (ООО «Знак»).**

Вопрос об изготовителе может быть решен путем запроса подразделений ГИБДД (отделы специальной продукции) о принадлежности имеющихся клейм – товарных знаков изготовителя (требование ГОСТ Р 50577-93 п. 4.11) тому или иному легально работающему предприятию. Однако такие клейма могут быть фальсифицированы, поэтому экспертным путем задача может быть решена только при предоставлении сравнительных образцов с подозреваемого предприятия-изготовителя.

При сравнительном исследовании представленных номеров государственной регистрации методом сопоставления и сравнения ГОСТ Р 50577-93 «Знаки государственные регистрационные транспортных средств. Типы и основные размеры. Технические требования» необходимо установить совпадение/различие по всем размерным и идентификационным характеристикам, способу изготовления, наличию светоотражающих вкраплений в белом покрытии пластин, в выполнении цифр и букв способом давления и окраски лицевой стороны в черный цвет, а также отношение к конкретному типу регистрационных знаков.

После изучения номерного знака на соответствие по своим внешним, размерным характеристикам, а также размерам и расположению отдельных элементов ГОСТу Р 50577-93, переходим к его детальному изучению.

Возникновение следов на госзнаках обусловлено применяемыми при их изготовлении технологическими процессами, в рамках которых следообразующие детали механизмов при следообразовании имеют определенное фиксированное положение. Поэтому в следах производственных механизмов на госзнаках наблюдается высокая точность повторения отображений признаков внешнего строения рабочих частей механизмов<sup>2</sup>.

На этапе вырубki заготовок для государственных регистрационных знаков позиционирование режущего штампа происходит с помощью лазерного пучка. Вырубка является одной из разновидностей процесса резания, при котором вырубаемый или разрушаемый материал испытывает воздействие значительного сдвигового механического напряжения до повышения последнего выше предела текучести материала. В результате сдвига происходит отделение одной части ма-

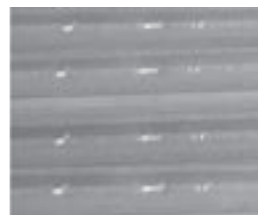
териала от другой. В ходе данного этапа на регистрационном знаке образуются следы разреза. В данных следах рельефные признаки внешнего строения воздействующих рабочих частей механизмов отображаются в виде трасс, располагающихся по всей ширине готовых регистрационных знаков (рис. 5).



**Рис. 5. Торцевая часть регистрационных знаков.**

На следующем этапе на заготовке выштамповывается рант, код региона, а также цифры и буквы. Штампование – способ обработки материалов давлением, при котором формообразование материала осуществляется в результате пластического деформирования в плоскостях штампа при взаимодействии его частей под действием внешних сил. Рельеф поверхности частей производственных механизмов воздействует по нормали на массу изделия, спрессовывая и подвергая остаточной деформации его поверхность, в связи с чем в следах отображаются контуры воздействующих частей рабочих механизмов и признаки внешнего строения их поверхности в виде рельефных рисунков, цифровых, буквенных и условных обозначений.

Исследуя поверхность оборотной стороны пластины, представленной на исследование, с помощью лупы, микроскопа при различных режимах увеличения и освещения, можно обнаружить участки с характерными признаками контактных поверхностей рабочих органов, проводивших операцию тиснения. Это участки с комбинацией царапин, выступов, вмятин, задиров (рис. 6). Их появление обусловлено индивидуальным рельефом рабочего органа на том или ином участке. В ходе сравнения указанных признаков на симметрично расположенных участках разных пластин устанавливается их совпадение или различие по форме, расположению и взаиморасположению. Следовательно, эти пластины изготовлены с применением одних и тех же или разных рабочих органов (клап-рама и наборные шрифты).



**Рис. 6. Индивидуализирующие следы производственного механизма.**

При детальном изучении характера тиснения знаков могут быть установлены следующие особенности:

- признаки в виде неровностей поверхности дна оттисков цифр и букв, которые являются отображениями дефектов рабочих поверхностей матриц, указывают на то, что представленные пластины государственного регистрационного знака были изготовлены с использованием одних и тех же матриц;

- на оборотных сторонах выдавленных знаков должны наблюдаться резкие контуры пуансона соответствующего знака (рис. 7). А если кромки имеют плавное закругление, таким признаком обладают знаки, изготовленные с нарушением принятой технологии тиснения, когда под пресс укладываются сразу две пластины. При этом одна пластина не контактирует с пуансонами, а воспринимает форму через соседнюю;

- наличие вдавленных контуров посторонних предметов, которые не оставляет промышленное оборудование.



**Рис. 7. Отображение буквы «А» с резкими контурами пуансона.**

На завершающем этапе производится покраска государственного регистрационного знака. На данном этапе образуются статические следы наслоения красящего вещества черного цвета на рельефные изображения букв, цифр и окантовки регистрационных знаков.

При исследовании окрашенных поверхностей букв, цифр и окантовки знаков, выполненных промышленным способом, наблюдаются следующие признаки нанесения

красящего вещества:

- равномерное распределение красящего вещества по поверхности букв, цифр и окантовки, а также по их контурам;

- симметричное наложение красящего вещества на одноименных частях контуров поверхностей букв, цифр и окантовки;

- отсутствие точек-марашек и ореолов вокруг контуров букв, цифр и окантовки (рис. 8).



**Рис. 8. Госзнак с равномерным наложением красящего вещества.**

Перечисленные выше признаки в своей совокупности позволяют сделать вывод о том, что нанесение красящего вещества на поверхность букв, цифр и окантовки было выполнено в соответствии с технологией изготовления номерных знаков.

Если при микроскопическом исследовании установлено, что края окрашенных поверхностей ломанные

с признаками разрыва покрасочного материала, имеются сколы на границах окрашенных поверхностей – отклонения от плавных линий цифр и букв, это свидетельствует о нарушении технологии изготовления.

Относительно отклонений в ширине окантовки изъятых пластин номерных знаков, помимо способа нанесения краски, следует учитывать требования к форме знаков, изготавливаемых до 2003 г., где ширина профиля окантовки была больше.

Наличие на торцах регистрационных знаков следов в виде параллельных чередующихся рисок, образованных при вырубании пластины с помощью прессы, ровные края регистрационных знаков, а также четкость и хорошо различимые границы при выполнении оттисков цифр и букв свидетельствуют о том, что пластины были выполнены промышленным способом.

Для ответа на вопрос о соответствии государственных регистрационных знаков подлинным, в распоряжение эксперта предоставляются образцы для сравнения в виде комплекта регистрационных знаков, которые исследуются в той же последовательности, что и пластины, представленные на исследование (сопоставляются по своим техническим характеристикам и размерам с требованиями на данную продукцию согласно ГОСТ Р 50577-93 «Знаки государственные регистрационные транспортных средств. Типы и основные размеры. Технические требования»). Результаты сравнения отображаются в таблице (табл. 1).

Таблица 1

**Примерный вариант таблицы для исследования номерных знаков**

№ п/п	Наименование параметра	по ГОСТ Р 50577-93	Исследуемый регистрационный знак	Сравнительные образцы
1.	Размеры пластины регистрационного знака, мм			
2.	Ширина окантовки, мм			
3.	Диаметр отверстий для крепления, мм			
4.	Высота цифр и букв, мм			
5.	Толщина линий цифр и букв, мм			
6.	...			



Далее сравниваются оттиски клейм: по форме, размерам и расположению относительно краев пластин, а также их частные признаки (рис. 9-10).



**Рис. 9-10. Товарный знак предприятия-изготовителя на государственном знаке, представленном на исследование (слева), и на сравнительном образце (справа).**

В завершение проводится сравнительное исследование выявленных комплексов индивидуализирующих признаков отдельных элементов каждой пластины друг с другом, устанавливаются их совпадения или различия по механизму образования, форме, размерам, расположению и взаиморасположению, что позволяет сделать вывод об их изготовлении с применением одних и тех же или различных приспособлений.

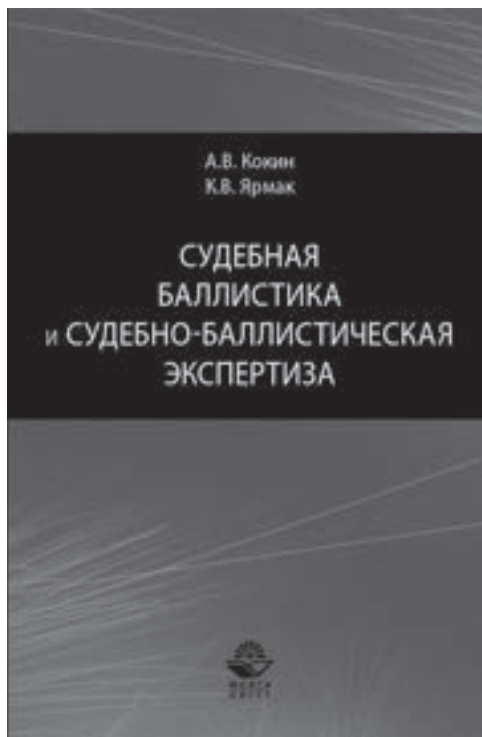
Таким образом, при исследовании трасологических признаков государственных регистрационных знаков транспортных средств можно выяснить:

- соответствуют ли они требованиям государственного стандарта;
- изготовлены ли пластины с применением промышленного оборудования;
- выполнялось ли вырубание пластин, прокол отверстий, нанесение выступающих рельефных знаков и окантовки на одном оборудовании;
- вопрос об изготовлении предоставленных пластин на оборудовании предприятий, клейма которых имеются на оборотных сторонах пластин (при наличии сравнительных образцов).

Все выше описанное будет способствовать предотвращению экспертных ошибок при трасологическом исследовании государственных регистрационных знаков транспортных средств.

<sup>1</sup> ГОСТ Р 50577-93. Знаки государственные регистрационные транспортных средств. Типы и основные размеры. Технические требования (принят и введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 29 июня 1993г. №165). М., 1993.

<sup>2</sup> Китаев Е.В., Харламова О.А., Черниговский В.Н. Следы производственных механизмов, полученные в ходе технологического процесса изготовления государственных регистрационных знаков транспортных средств: их криминалистическое значение. // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России, 2013, № 3 (35). С. 80-89.



**Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза:** учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза» / А.В. Кокин, К.В. Ярмак. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 350 с.

Рассмотрены основы судебной баллистики и судебно-баллистической экспертизы. Особое внимание уделяется частным методикам экспертных исследований.

Для преподавателей и слушателей экспертно-криминалистических факультетов вузов МВД России. Может быть полезен для практических работников экспертных и следственных подразделений, а также интересующихся данной тематикой.





УДК 343.9  
ББК 67

## ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ДЕЛАМ О ПЛАГИАТЕ

**АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ КОЧУБЕЙ,**

*доцент кафедры криминалистической техники*

*Волгоградской академии МВД России, кандидат химических наук, доцент*

*E-mail: krimtehnika@mail.ru;*

**ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ЖАВОРОНКОВ,**

*преподаватель кафедры уголовного процесса*

*Волгоградской академии МВД России*

*E-mail: zhavoronkov.vladimir.74@mail.ru*

*Научная специальность 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность;*

*оперативно-розыскная деятельность*

*Научный руководитель: доктор юридических наук,*

*профессор С.М. Колотушкин*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Во избежание экспертных ошибок при производстве автороведческой экспертизы, связанной с решением вопроса об авторстве текста, необходимо получение мнения не одного специалиста в данной области, а нескольких и, желательно, придерживающихся различных научных школ. Кроме того, помимо формы произведения исследованию должна подвергаться и его смысловая составляющая – целесообразно назначать комплексную комиссионную экспертизу.

**Ключевые слова:** плагиат, судебная экспертиза, автороведческая экспертиза, экспертная ошибка, комплексная комиссионная экспертиза.

**Annotation.** To avoid expert mistake while expertise to define the author of the text, it is necessary to get opinion not of one specialist in given area, but several moreover, advisable, keeping different scientific schools. Besides, study must be subjected to and the form of the product and its semantic forming – it is reasonable to fix the complex commission expert operation.

**Keywords:** plagiarism, judicial expert operation, expertise to define the author, expert mistake, complex commission expert operation.

Обращение правосудия к помощи науки отмечается в истории судебной экспертизы достаточно давно. По литературным данным, еще во времена византийского императора Юстиниана (5–6 вв.) в законодательстве находило отражение исследование почерка в судебных целях. В России уже с 15 в. сравнение рукописей использовалось при установлении подлинности документов<sup>1</sup>.

Судебная экспертиза является важнейшей, а во многих случаях, и единственно возможной процессуальной формой применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, в результате чего в распоряжении следствия и суда оказывается новая информация, имеющая доказательственное значение<sup>2</sup>.

На протяжении всего XX в. шло формирование теоретических, методических и научных основ предметных судебных экспертиз, разрабатывались частные

теории и учения, происходило совершенствование правового регулирования, научно-методического, организационного и технологического обеспечения судебно-экспертной деятельности<sup>3</sup>.

Основное внимание при разработке теории судебной экспертизы и как научной отрасли, и как практической деятельности всегда уделялось вопросу ее предмета. С точки зрения научной отрасли знания, предметом судебной экспертизы являются закономерности формирования свойств объектов и их изменения в связи с совершенным преступлением<sup>4</sup>.

Исходя из общего определения видового предмета судебной экспертизы, которое характерно для всех ее видов, для выделения конкретного видового определения необходимо определиться с природой специальных знаний, используемых при решении экспертных задач<sup>5</sup>.

Специальные знания, входящие в определение видового предмета судебных экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений, связанных с плагиатом, вытекают из самого определения плагиата - умышленное присвоение авторства на чужое произведение науки, литературы или искусства в целом или в части. В соответствии с этим, и видовое понятие можно определить как фактические данные, устанавливаемые в ходе производства экспертных исследований на основе использования специальных знаний в области науки, литературы или искусства.

Однако, в данном определении характер специальных знаний определен исходя только из объекта экспертного исследования – если плагиат предполагается в научном произведении, то и специалиста необходимо привлекать из научной сферы, если в произведении литературы, то специалист должен быть связан с литературой, если в художественной области, то в качестве эксперта должен быть привлечен специалист в области искусства и т.д. При необходимости исследования текстовых материалов научных или художественных произведений специалист должен обладать специальными знаниями в области филологии, точнее в ее отраслях, связанных с исследованием авторских стилей (фразеология, лингвистика и др.).

Предмет конкретной экспертизы, определяемый ее объектами, задачи и методы, конкретизируют специальные знания, необходимые для успешного выполнения экспертного исследования и ответа на поставленные следствием вопросы. В свою очередь, специализация эксперта определяет выбор экспертного учреждения и конкретного специалиста, который должен быть компетентен в решении поставленных вопросов.

При расследования уголовных дел, связанных с плагиатом, этот вопрос является, если не основным, то одним из основных. Это связано с тем, что в настоящее время автороведческая экспертиза хотя и получила официальный статус судебных экспертиз, выполняемых в экспертно-криминалистических центрах органов внутренних дел<sup>6</sup>, пока еще выполняется, главным образом, в РФЦСЭ при Минюсте России и в ЭКЦ МВД России, а также в некоторых негосударственных экспертных учреждениях и частными экспертами<sup>7</sup>. Кроме того, выполняемые в экспертных подразделениях МВД и Министерства юстиции исследования текстов направлены, в большинстве случаев, не на установление их авторства, а на решение следующих типовых задач:

- исследование текста, высказывания или языкового знака (например, авторского договора, фирменного наименования, товарного знака, доменного имени) с целью установления или толкования его смыслового содержания;
- исследование коммерческих обозначений (фирменных наименований, товарных знаков, торговых марок, доменных имен) на предмет установления их оригинальности, индивидуальности, новизны, непо-

вторимости, а также степени смешения с противопоставленными им обозначениями (по фонетическим, семантическим и графическим признакам);

- установление доминирующего элемента в комбинированных товарных знаках, включающих словесное обозначение.

Особенность экспертиз по уголовным делам, связанным с плагиатом, при решении вопроса об авторстве текста заключается в отсутствии общепринятых методик их проведения. Каждый эксперт сам выбирает методы, методики, объем сравнительного материала и т.д. К такому исследованию, в отличие, например, от традиционных криминалистических экспертиз, больше подходит его определение как научного исследования. При выборе эксперта необходимо ориентироваться на его научно-исследовательский образ мышления и восприятия: реактивность, т.е. способность решать творческие задачи, методы решения которых не алгоритмизированы; эвристичность – способность видеть или создавать неочевидные проблемы; интуицию; предикатность (способность предсказать будущее состояние объекта); всесторонность, автономность, оптимальность и надежность<sup>8</sup>.

Применительно к использованию методик, разработанных для научных исследований, например авторских стилей в художественной литературе, существует еще одна сложность. Как правило, одни и те же исследовательские задачи в разных научных коллективах решаются разными методами, которые определяются научной школой – методологией исследования. Соответственно, экспертиза, выполненная по одной методике, принятой в одной научной школе, может быть оспорена приверженцами другого направления.

Так, в Волгограде вопросами авторского литературного стиля занимаются на филологических факультетах кафедры современного русского языка Волгоградского государственного университета и кафедры русского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета им. Серафимовича. В этих коллективах разработаны и используются собственные методики исследования авторских текстов, отличные друг от друга. Отличны и критерии оценки авторских стилей.

В порядке эксперимента нами был выбран текст – опубликованная в одном из сборников научная статья по криминалистике, – который предлагался докторам юридических наук для пересказа. Тексты (оригинал и пересказы) были переданы ведущим ученым-филологам обоих вузов с вопросом об их авторстве – принадлежат ли они одному человеку или разным людям. Оба ответа были категоричными – все тексты принадлежат разным авторам. Следует заметить, что пересказы докторов наук отличались оригинальностью; был существенно изменен стиль первоисточника, каждый из них использовал присущие ему речевые обороты и т.д., т.е. была сохранена идея статьи, но



форма воплощения (речевая форма) характеризовалась собственными признаками.

В продолжение эксперимента та же статья была предложена для пересказа адьюнктам и слушателям Волгоградской академии МВД России, тексты которых также были подвергнуты лингвистическому анализу учеными-филологами. Всего в эксперименте участвовало 6 молодых ученых, специализирующихся по специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность, и 26 слушателей выпускного курса факультета подготовки экспертов-криминалистов.

Результаты анализа филологами текстов адьюнктов и слушателей в данном случае были достаточно противоречивы. Ученые из Волгоградского педагогического университета определили, что 29 (из 32) текстов имеют одну и ту же лингвистическую основу – они близки по стилю, грамматическому исполнению и языковому содержанию. По сути, вывод сводился к тому, что, несмотря на некоторые различия в данном случае имел место именно пересказ текста – во всех случаях не только идея, но и форма ее реализации были если не идентичны, то достаточно близки. Вывод по трем текстам был достаточно расплывчат – экспертам удалось определить в них элементы речевой оригинальности, но в то же время, и элементы стиля первоисточника. Иными словами, эксперты дали вероятный вывод.

Сторонники лингвистической школы из Волгоградского государственного университета выделили 28 текстов, с тем же категоричным выводом о заимствовании. По четырем оставшимся эксперты сделали вероятный вывод, посчитав, что в них присутствует оригинальность в отношении стиля изложения, а соответственно и некоторая самостоятельность.

Интересен, однако, не только факт количественного расхождения в результатах исследования, но и выбранные филологами тексты с элементами оригинальности – только два из них совпали.

Таким образом, из исследованных 32 текстов факт заимствования в пяти случаях в категоричной форме установлен не был. Кроме того, по трем текстам были разногласия в выводах экспертов.

Можно ли отнести подобную ситуацию к экспертной ошибке, ведь исследованию были подвергнуты тексты, априори заимствованные из статьи-первоисточника, и если да, то, как избежать подобных ситуаций на практике?

Мы посчитали необходимым найти путь, который даст возможность доказать факт заимствования – абсолютный факт, ведь вероятностные выводы, как положительные, так и отрицательные, не могут считаться полноценными доказательствами. Для этого тексты-пересказы и оригинал анализировались учеными-криминалистами. В исследовании приняли участие четыре доктора наук, профессора – ведущие специалисты в области криминалистики Волгоград-

ского государственного университета, Волгоградской Академии МВД России и Академии госслужбы при Президенте России.

Тексты своих коллег, докторов наук, все участвовавшие в эксперименте, также как и ученые-филологи, охарактеризовали как авторские. Единым было и мнение относительно текстов адьюнктов и слушателей – они были оценены как полностью заимствованные, без какой-либо авторской переработки – без переработки содержания.

Приведенные данные наглядно показывают, что, во-первых, при достаточном опыте, хорошем владении русским языком, общем высоком уровне эрудиции человека, взявшего за основу своего произведения чужое, возможна такая обработка этого произведения, что установить факт заимствования (плагиата) не представляется возможным. Это подтверждают эксперименты с участием докторов наук – людей высокообразованных, имеющих навыки работы в данном жанре и владеющих предметом и темой. Однако, следует заметить, что тексты докторов наук, по оценке их коллег, представляли собой не заимствованный материал, а его переработку до такой степени, что с текстом-оригиналом совпадение было только в теме, но не в содержании.

Во-вторых, исследования только лингвистических особенностей сравниваемых текстов явно недостаточно для установления факта заимствования. Несмотря на то, что использование сюжета или темы произведения к плагиату не относится, при анализе необходимо учитывать не только форму, которая при достаточных навыках может быть изменена (словарные выражения, речевые обороты и т.д.), но и совпадения в аргументах, логику доказательств, комплекс исходных положений и конечных результатов. Все это не относится к лингвистическому автороведческому исследованию, а может быть оценено специалистом в соответствующей области науки, литературы или искусства.

Таким образом, для обоснованного вывода о наличии факта плагиата или об его отсутствии необходимо проведение исследований, включающих лингвистический анализ и анализ содержания произведения.

Для подтверждения выдвинутого тезиса нами были проведены дополнительные экспериментальные исследования по возможности установления факта заимствования музыкальных произведений, также априори заимствованных.

Для этого были выбраны две группы студентов Волгоградского института культуры – пять человек, имеющих специализацию композиторов, и пять, обучающихся по инструментальным классам (фортепиано, арфа, духовые инструменты). Всем студентам было предложено сочинить собственную музыку к известной эстрадной песне без изменения ее мотива, но при этом не делать ее музыкальную аранжировку.

Для анализа творческих работ студентов были приглашены два музыкальных критика и два композитора.

Мнения критиков, как и в случае исследования научных текстов, разделились – один из них признал работу двух студентов самостоятельными произведениями, хотя и на одну и ту же тему с оригиналом, а остальные – заимствованными. Второй композитор работы всех десяти студентов оценил как «подражание» авторскому варианту мелодии.

Композиторы же оказались более единодушными – они не нашли ничего оригинального ни в одной из представленных работ.

Следует заметить, что критиками были выделены как оригинальные музыкальные произведения наиболее одаренных студентов (из характеристик преподавателей). Это приводит к выводу о том, что чем выше творческие способности человека, чем выше его интеллектуальный уровень, профессиональный опыт, тем выше вероятность «качественной переработки» заимствованного произведения, которое уже не может относиться к плагиату – заимствуется идея, но ее реализация претерпевает существенную переработку.

Для чистоты эксперимента, все исследования и текстов пересказов научных статей, и песенных мелодий всеми экспертами проводились индивидуально, без обмена мнениями.

После знакомства с заключениями своих коллег и личного обсуждения всех доводов, все эксперты пришли к единому мнению – тексты докторов наук они оценили как самостоятельные, студенческие же тексты и мелодии, отнесли к плагиату.

Отсутствие единого первоначального мнения по факту заимствования научных текстов при их пересказе и музыкальных произведений при их обработке накладывает определенные требования к проведению экспертных исследований по установлению факта плагиата.

Принимая во внимание возможность назначения адвокатом, точнее по его ходатайству, независимой экспертизы в выбранном им учреждении, возможность столкновения двух мнений на предварительном или судебном следствии достаточно высока. Об этом наглядно свидетельствуют данные экспериментов.

Выход из этого нам видится в и привлечении к экспертизе нескольких специалистов в соответствующей области науки, искусства или литературы.

Таким образом, при установлении факта плагиата назначение соответствующей экспертизы сводится к выбору научного, учебного или иного учреждения, где подобные исследования могут быть проведены, а также к выбору специалистов соответствующего профиля.

Во избежание экспертных ошибок необходимо получение мнения не одного специалиста в данной области, а нескольких, причем, желательно, придерживающихся различных научных школ. Только в этом случае возможно получить объективные однозначные данные, конечно при условии, что по окончании экспертизы будет достигнуто соглашение и эксперты придут к общему мнению.

Кроме того, исследованию должны подвергаться и форма произведения, и его смысловая составляющая – иными словами, целесообразно назначать комплексную комиссионную экспертизу.

<sup>1</sup> <http://dlib.rsl.ru>.

<sup>2</sup> *Зинин А.М., Майлис Н.П.* Судебная экспертиза: учебник. М., 2002. С. 6–19.

<sup>3</sup> *Шнайдер А.А.* Становление науки о судебной экспертизе: проблемы, тенденции и перспективы // Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий: материалы межведомственной научно-практической конференции: В 3 Ч. Часть 2. Саратов, 2002. С. 11.

<sup>4</sup> *Корноухов В.Е., Орлов Ю.К., Журавлева И.А.* Судебная экспертиза. Ч. 1. Красноярск, 1998. С. 32.

<sup>5</sup> Например, для производства трасологической экспертизы необходимо использование знаний в области трасологии, для материаловедческой – в области материаловедения и т.д.

<sup>6</sup> Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 (с изменениями от 15 октября 2012 г.).

<sup>7</sup> *Ермолова Е.И.* Взаимодействие следователя и эксперта при назначении и производстве судебно-автороведческой экспертизы // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (34). М., 2010. С. 128.

<sup>8</sup> *Винберг А.И., Малаховская Н.Т.* Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз): Учеб. пособ. Волгоград, 1979. С. 41–42.





УДК 343.9  
ББК 67

## ПРИЧИНЫ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК И ПУТИ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ



**ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА ПАРАМОНОВА,**  
профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований  
Санкт-Петербургского университета МВД России,  
кандидат юридических наук, доцент  
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;  
судебно-экспертная деятельность;  
оперативно-розыскная деятельность,  
E-mail: paramonovagalina@rambler.ru

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Описываются возможные причины экспертных ошибок; предлагаются пути их предотвращения.  
**Ключевые слова:** судебная экспертиза, причины экспертных ошибок, экспертное заключение.

**Annotation.** Described the possible causes of the expert errors and the ways of their prevention.  
**Keywords:** forensics, causes, expert errors, expert opinion.

Согласно Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», эксперт или комиссия экспертов на основании проведенных исследований и с учетом их результатов дают письменное заключение и подписывают его. При этом важно уточнить, что исследование должно быть проведено объективно, на строго научной и практической основе, в полном объеме и, что немаловажно, в пределах соответствующей специальности<sup>1</sup>.

К сожалению, эксперт, как впрочем, и любой человек, может допускать ошибки. Однако ошибки, которые были допущены экспертом в процессе производства экспертизы или подготовки заключения по ее результатам, могут повлечь признания такого доказательства недостаточным.

Как правило, причины экспертных ошибок делят на две группы: объективные ошибки и субъективные ошибки<sup>2</sup>.

Объективные ошибки – это такие ошибки, которые не зависят от эксперта как от субъекта исследования. К таким ошибкам Е.Р. Россинская относит:

- 1) отсутствие апробированной и разработанной методики;
- 2) несовершенство методики, используемой экспертом;
- 3) применение методов, которые были рекомендованы ошибочно;
- 4) применение методов, находящихся в стадии экспериментальной подготовки;

- 5) применение оборудования, которое неисправно;
- 6) использование методов и приборов, которые не обладают достаточной чувствительностью или разрешающей способностью;
- 7) использование для измерения физических величин приборов, не относящихся к сертифицированным единицам измерений;
- 8) применение непроверенных средств измерений и эталонов;
- 9) использование методик измерений физических величин, которые не были аттестованы;
- 10) использование неадекватных математических моделей и компьютерных программ;
- 11) применение нелегальных программ для ЭВМ;
- 12) отсутствие полных данных, которые характеризовали бы идентификационную и диагностическую значимость признаков<sup>3</sup>.

С течением времени среди средств и методов при производстве судебных экспертиз постоянно появляются новые методы исследования судебных доказательств, а также новые приборы и аппаратура. При условии соблюдения общих правил работы с доказательствами эксперт независим в выборе средств и методов исследования (разумеется, при условии отсутствия паспортизированной экспертной методики). Общей же теорией судебной экспертизы были выработаны основные принципы допустимости методов и средств в судебно-экспертных исследованиях. Среди них, одним из наиболее значимых является научная

обоснованность методов и достоверность получаемых с их помощью результатов. Ответы на вопросы о соответствии методов средств и специальных знаний должны содержаться в той науке, из которой они заимствованы изначально.

Однако, не стоит забывать о том, что даже если применяемый метод является научным, применяемая технология может не позволять получать достоверные воспроизводимые результаты. К примеру, если в методике будет использоваться не то оборудование, которое было рекомендовано, а упрощенные и/или удешевленные варианты такого оборудования, то результатом тому может послужить получение недостоверных результатов, способных привести к многочисленным экспертным ошибкам. Кроме того, метод может быть научным, точным и надежным, но совершенно непригодным для исследования данных объектов.

К сожалению, реально разобраться в научности и допустимости использования различных методов или методик при производстве судебной экспертизы, как правило, бывает не под силу суду. Соответственно, использование при производстве экспертиз суперчувствительных методов или какого-то уникального оборудования вводит суд в заблуждение. К примеру, на практике нередки случаи, когда экспертизу проводят не сотрудники экспертного учреждения (допустим, сотрудники академических или отраслевых научно-исследовательских институтов), они зачастую впервые сталкивающиеся с практической судебной экспертной деятельностью. Ввиду этого, они далеко не всегда видят различия между практической экспертной деятельностью и научной, в результате чего – они не знают и не учитывают специфику объектов, особенности экспертных задач и не владеют экспертными технологиями, но в их распоряжении часто имеется уникальное оборудование. Такие эксперты порой решают задачи, за которые эксперты государственных учреждений не берутся, однако, именно в таких случаях число экспертных ошибок особенно высоко. Экспертные подходы в таких случаях переносятся механически, а методики использования такого оборудования не отработаны.

Помимо этого, зачастую на практике можно встретиться с экспертными заключениями, пестрящими огромным множеством формул, что в глазах суда также выглядит весьма убедительно. Конечно, в теории судебной экспертизы и нормативных актах говорится о том, что эксперт при описании исследования пользуется научной терминологией, научным стилем языка. Однако, не стоит забывать, что адресатами судебного заключения, являются лица не обладающие специальными знаниями (судьи и другие участники процесса). Поэтому желательно, чтобы язык эксперта был простым и понятным, т.е. приведенные формулы необходимо разъяснять и комментировать.

В качестве условий субъективных ошибок можно рассматривать некоторые из объективных ошибок, но

в основном – это именно объективные причины, предупредить которые сам эксперт, как правило, не в состоянии.

Прежде всего, к субъективным ошибкам можно отнести профессиональную некомпетентность эксперта, в том числе:

- 1) незнание современных экспертных методик;
- 2) неумение применять современные экспертные технологии, оптимальные для данной экспертной ситуации;
- 3) неправильная оценка идентификационной значимости признаков, результатов, полученных другими членами комиссии при производстве комплексной экспертизы и т.д.

Кроме того, субъективными ошибками считаются неполнота исследования и его односторонность, которая может выражаться в:

- 1) неполном выявлении существенных признаков объекта;
- 2) использовании не всех известных эксперту методов исследования;
- 3) игнорировании тех или иных свойств объектов или их взаимозависимости;
- 4) пренебрежении правилами и условиями применения методик экспертного исследования и технических средств.

Помимо этого, субъективными ошибками являются профессиональные упущения эксперта, такие как: неаккуратность, невнимательность, поверхностное производство исследования.

С какими-то определенными чертами личности эксперта также могут быть связаны ошибки субъективного характера, к ним относятся такие как:

- 1) дефекты органов чувств эксперта (слуха, зрения и пр.);
- 2) неординарное психологическое состояние эксперта, в частности из-за переутомления, стресса, тревоги, эмоционального или психического напряжения, поспешности;
- 3) такие свойства личности эксперта, как мнительность, неуверенность в своих знаниях, повышенная внушаемость или, наоборот, излишняя самоуверенность и пр.;
- 4) такие психоэмоциональные свойства эксперта, как его темперамент, психологическая устойчивость, волевые качества и пр.;
- 5) логические дефекты умозаключений эксперта;
- 6) дефекты организации и планирования самого экспертного исследования;
- 7) стремление проявить экспертную инициативу без достаточных к тому оснований (отличится новизной и дерзостью решения и т.д.).

Особенно сильно психоэмоциональное состояние эксперта влияет на работу со сложным оборудованием, что зачастую приводит к экспертным ошибкам.

Кроме того, степень трудности производимого исследования также оказывает существенное влияние на деятельность эксперта. Например, в ситуации, когда



степень трудности для эксперта максимальная и задача неразрешимая, то у эксперта сначала повышается продуктивность деятельности, а затем она резко снижается. Соответственно, если задача трудная, но в принципе разрешимая, то продуктивность деятельности эксперта будет зависеть от его опыта и подготовленности. В случае, если эксперт обладает высокой степенью квалификации и значительным опытом, то помехи и препятствия будут способствовать улучшению выполнения задачи, заставляя эксперта мобилизовать все свои интеллектуальные ресурсы. А при плохой квалификации и недостаточном опыте эти же помехи будут ухудшать выполнение задачи и, в конечном итоге, эксперт может прийти к выводу о том, что решить подобный вопрос не представляется возможным.

Еще одним фактором, способствующим появлению субъективных экспертных ошибок является, как ни странно, объединение экспертов одной специальности – для производства однородной комиссионной экспертизы или объединение экспертов разных специальностей для производства комиссионных экспертиз. Как правило, ведущим экспертом может быть оказано существенное влияние на результат экспертизы. Конечно, формально, эксперт-организатор не имеет процессуальных преимуществ и не вправе, пользуясь своим авторитетом или опытом, склонять членов комиссии к тому или иному выводу.

Однако, в случае возникновения разногласий, главный, эксперт может нарушать принципы независимости и личной ответственности эксперта путем разрешения конфликтных ситуаций с помощью различных форм воздействия (например, внушение, использование властных полномочий и пр.). Таким образом, наличие служебной зависимости членов экспертной комиссии может влиять на формирование коллективного мнения комиссии экспертов, вынуждая подчиненных приспособляться к складывающейся ситуации.

Помимо этого, при производстве комиссионных, комплексных и повторных экспертиз могут возникнуть несовместимость и недоверие при оценке результатов исследования и формулировке выводов. Проблема здесь носит двоякий характер: с одной стороны, – эксперт может переоценивать результа-

ты собственных исследований, с другой, – он может относиться к себе более чем самокритично и приносить свои результаты, либо же недооценивать их значимость. Также, при оценке результатов экспертизы авторитет одного из участников может оказывать психологическое давление на эксперта, который имеет небольшой стаж экспертной работы.

Причиной ошибочности экспертного исследования может послужить и тот факт, что исходные данные были ошибочными, либо исследуемые объекты не имели отношения к делу, были фальсифицированы. Соответственно, и заключение эксперта в аспекте установления истины будет ошибочным. Но, в таком случае, мы имеем дело не с экспертной ошибкой, а, скорее, с ошибкой субъекта, назначившего экспертизу, либо с умышленно направленными действиями и правонарушением<sup>4</sup>.

В заключении можно выделить следующие подходы по предотвращению экспертных ошибок: во-первых, это необходимость предоставления эксперту полноценных, доброкачественных, полных и достаточных объектов и материалов; во-вторых, это совершенствование самих методов и средств экспертного исследования, в том числе развитие информационного обеспечения экспертной деятельности и внедрение высокотехнических и компьютеризированных методов исследования; в-третьих, это профессиональная подготовка квалифицированных экспертов и в дальнейшем подтверждение и повышение квалификации экспертов; и наконец, в-четвертых, это контроль за качеством экспертных исследований, который включает в себя взаимное и внешнее контрольное рецензирование экспертных заключений с привлечением независимых специалистов.

<sup>1</sup> Федеральный закон от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета, № 106, 2001. 5 мая.

<sup>2</sup> Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2014.

<sup>3</sup> Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М., 2010.

<sup>4</sup> Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2014.

27 НОЯБРЯ 2014 Г.

**В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ МВД РОССИИ  
ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ ПРОШЛА  
МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ  
КОНФЕРЕНЦИЯ «УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ  
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»,  
ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ УСТАВА УГОЛОВНОГО  
СУДОПРОИЗВОДСТВА**



В работе конференции приняли участие начальник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, генерал-майор полиции Игорь Александрович Калининко, помощник Министра внутренних дел Российской Федерации, генерал-лейтенант полиции Валерий Васильевич Кожокар, начальник Научно-исследовательского центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и расследования преступлений ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации Ольга Игоревна

Цоколова, профессор Высшей школы экономики, доктор юридических наук Никита Александрович Колоколов, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции Ольга Викторовна Химичева, ведущие ученые-процессуалисты образовательных и научно-исследовательских учреждений России, а также профессорско-преподавательский состав, курсанты, слушатели и адъюнкты Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

В ходе проведения конференции были рассмотрены следующие вопросы:

- исторические и правовые аспекты судебной реформы середины XIX в.;
- опыт развития уголовно-процессуального права России;
- влияние Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на современное уголовно – процессуальное законодательство;
- проблемы доказательственного права, обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, применения мер уголовно-процессуального принуждения;
- основные направления совершенствования досудебного и судебного производства по уголовным делам.







УДК 343.1  
ББК 67.311

## ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ОТ ПЕРВОНАЧАЛ РЕФОРМЫ ДО СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

**АЛЛА ВАСИЛЬЕВНА ЕНДОЛЬЦЕВА,**

*заместитель начальника*

*Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

*по научной работе, доктор юридических наук, профессор*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** В настоящее время продолжают широкие научные дискуссии по проблемам совершенствования УПК РФ и практики его применения; высказываются различные суждения, порой противоположные, об изменении уголовно-процессуального закона. Однако при дальнейшем развитии уголовно-процессуального законодательства важно учитывать не только проблемы законодательной техники и правоприменительной практики, но и положительный исторический опыт.

**Ключевые слова:** Устав уголовного судопроизводства, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, проблемы совершенствования закона.

**Annotation.** Currently, there are scientific discussion about the problems of improving the code of criminal procedure and practice. While there are differing opinions, sometimes opposite, about changes to the criminal procedure law. However, further development of the criminal procedure law, it is important to consider not only the problems of lawmaking and law-enforcement practice, but the positive historical experience.

**Keywords:** Charter criminal justice, Criminal procedure code of the Russian Federation, the problems of the improvement of the law.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г.<sup>1</sup> составил основу судебной реформы, проходившей в то время в Российской Империи. Важно подчеркнуть, что судебная реформа 1864 г. представляла собой коренное преобразование всей судебной системы и судопроизводства, отличавшегося инквизиционным характером, основанном на теории формальных доказательств, прямой зависимостью суда от администрации, многочисленностью судебных процедур для различных сословий.

Судебная реформа проводилась при активном участии всей юридической общественности того времени. Участие значительного количества высококвалифицированных юристов обеспечило реформе прочный фундамент. При этом использовался и зарубежный опыт, причем подход к нему был творческим и критическим, с учетом особенностей отечественной действительности. Именно поэтому Устав уголовного судопроизводства относят к числу самых прогрессивных актов того времени. С его принятием произошел практически полный отказ от сословного элемента.

Устав уголовного судопроизводства устанавливал общие положения, компетенцию судебных органов по рассмотрению уголовных дел, порядок производства в

мировых судебных установлениях, изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства.

С принятием Устава уголовный процесс в России приобрел новые черты. Так, расследование преступлений возлагалось на органы дознания и судебных следователей; порядок судебного разбирательства распространялся на лиц всех сословий; судебное разбирательство осуществлялось открыто, гласно, при состязательности сторон; предусматривалась свобода оценки доказательств по совести и внутреннему убеждению, апелляционное и кассационное обжалование приговоров, возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам; был введен суд с участием присяжных заседателей. В качестве доказательств допускались показания подсудимого, свидетелей, экспертов, вещественные и письменные доказательства. С момента принятия этого документа начался активный процесс формирования адвокатуры.

Реформирование уголовного судопроизводства, длившееся более 50 лет, было прекращено событиями 1917 г. В последующем, в достаточно сложных исторических условиях, шел поиск новых форм организации производства по уголовным делам, нашедших отражение в Уголовно-процессуальных кодексах 1922, 1923, 1960 гг.

В конце 80 – начале 90 гг. XX в. в российском обществе стала активно обсуждаться идея судебной реформы. 24 октября 1991 г. эта идея обрела правовую форму – Верховным Советом РСФСР было принято Постановление «О Концепции судебной реформы в Российской Федерации»<sup>2</sup>, в котором отмечалось, что проведение судебной реформы является необходимым условием функционирования России как демократического правового государства и одним из приоритетных направлений законодательной деятельности. В качестве ключевых положений судебной реформы указаны: исключение в новом законодательстве всех рудиментов обвинительной роли суда; введение суда присяжных; дифференциация форм уголовного судопроизводства; судебный контроль за законностью и обоснованностью производства на досудебных стадиях уголовного процесса; развитие принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве; определение критериев допустимости доказательств и введение практики правил своевременного исключения недопустимых доказательств; расширение прав сторон по собиранию и приобщению доказательств.

Очевидно, что этот документ, указывая на значительную часть положений, содержащихся в Уставе уголовного судопроизводства, с учетом реалий и потребностей современного общества утверждал необходимость приведения отечественного уголовно-процессуального законодательства в соответствие с общепризнанными стандартами ООН в области правосудия.

Действующий ныне Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации<sup>3</sup> (далее – УПК РФ) – результат многолетней эволюции. Основу концепции современного уголовно-процессуального закона составляет положение о том, что уголовно-процессуальный закон должен стать гарантом прав и свобод граждан. В нем находят реализацию международно-правовые стандарты, положения Конституции Российской Федерации. С вступлением в силу УПК РФ 2001 г. наступил этап судебной реформы, связанный с реализацией новой идеологии уголовного судопроизводства, концептуальной основой которой являются гарантии прав и свобод личности.

В УПК РФ впервые включена глава «Принципы уголовного судопроизводства», где содержатся нормы общего и руководящего значения, определяющие построение всех его стадий и институтов. Принципы уголовного судопроизводства тесно связаны между собой, их взаимопроникновение образует систему, ядром которой является назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

УПК РФ существенно усиливает гарантии прав личности на свободу и личную неприкосновенность. Применение таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, залог допускается толь-

ко по судебному решению и в соответствии с установленной законом процедурой. Только по решению суда могут быть применены такие меры процессуального принуждения, как временное отстранение подозреваемого, обвиняемого от должности и наложение ареста на имущество, а также проведен ряд следственных действий.

В УПК РФ регламентирован ряд новых производств, которые за период действия этого закона получили распространение в правоприменительной практике. Среди них такие особые формы уголовного судопроизводства, как особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, особый порядок уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц, производство в суде с участием присяжных заседателей. В УПК РФ впервые включена отдельная часть, посвященная международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства.

Однако, изменения, практически ежегодно вносимые в уголовно-процессуальное законодательство, свидетельствуют о том, что реформа уголовного судопроизводства продолжается. За этот период существенно изменился предмет ведомственного контроля и прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, введена гл. 32.1. «Дознание в сокращенной форме». Изменения коснулись процессуального положения потерпевшего, стадии возбуждения уголовного дела, порядка применения отдельных мер пресечения (залог, домашний арест), участия понятых при производстве по уголовному делу, порядка производства отдельных следственных действий, порядка пересмотра судебных решений, не вступивших и вступивших в законную силу и др.

Следует отметить, что в настоящее время продолжают широкие научные дискуссии по проблемам применения УПК РФ и его совершенствования. Ученые, специалисты высказывают различные суждения о дополнении и изменении закона. Особенно активно в настоящее время говорится о реформировании стадии возбуждения уголовного дела. В этой связи представляется чрезвычайно важным при дальнейшем развитии уголовно-процессуального законодательства учитывать не только проблемы законодательной техники и правоприменительной практики, но и положительный исторический опыт, научные достижения.

<sup>1</sup> Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1866. С. VII–XVIII.

<sup>2</sup> Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. №44. Ст.1435.

<sup>3</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в последующих редакциях) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921.



УДК 343.1  
ББК 67.311

## ОТКАЗ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРАВОВЫЕ МИФЫ И РЕАЛИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЖОКАРЬ,

помощник Министра внутренних дел Российской Федерации,  
генерал-лейтенант полиции

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Анализируются существенные недостатки правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела; сопоставляются нормы данного института с соответствующими положениями Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и других, ранее действовавших, источников процессуального права; предлагается направление дальнейшего реформирования исследуемой процедуры.

**Ключевые слова:** отказ в возбуждении уголовного дела, сообщение о преступлении, учётно-регистрационная дисциплина.

**Annotation.** Analyzed the significant disadvantages of legal regulation stage of initiation of a criminal proceedings; compared norms of the institution with the relevant provisions of the Charter of the criminal justice 1864 and other previously existing sources of procedural law; proposed areas of further reform of studied procedures.

**Keywords:** refusal to initiate criminal proceedings, information about a crime, accounting and registration discipline.

Современное состояние уголовно-процессуального законодательства обусловлено тем, что перед законодателем, научной общественностью и практиками стоит задача выработки концепции дальнейшего развития уголовно-процессуального права как части российской уголовной политики.

Непосредственно постановка этой задачи на Парламентских слушаниях 18 ноября 2013 г. и обсуждение основных направлений совершенствования законодательства 24 июня и 23 сентября 2014 г. в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации обусловлена тем, что:

- с одной стороны, за последнее десятилетие в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации были внесены многочисленные изменения и дополнения, не всегда носящие системный характер, а в ряде случаев – противоречащие логике и принципам действующего законодательства;

- с другой стороны, досудебная часть уголовного процесса содержит в себе ряд положений принятого более 50-лет назад УПК РСФСР и по этой причине остается крайне бюрократизированной и сущностно затратной при достаточно низкой эффективности. Об этом свидетельствует и то, что сегодня в суд направляется ежегодно только каждое третье уголовное дело.

В силу указанных и ряда других причин уголовно-процессуальное законодательство не обеспечивает в полной мере реализацию задач, сформулированных в ст. 6 УПК РФ – назначение уголовного судопроизводства, одной из которых является борьба с преступностью.

К указанным выше факторам следует отнести и то, что деятельность, в первую очередь, органов внутренних дел осуществляется в условиях осложнения криминогенной обстановки, обусловленной, в числе других причин, значительным (на 80%) увеличением за последние годы количества зарегистрированных сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и иных происшествиях (с 19,3 млн. в 2006 г. до 14,3 млн. за 1 полугодие 2014 г.) и, соответственно, возрастанием в 2013 г. в целом объема процессуальной деятельности до 2,1 млн. расследованных уголовных дел и 6,7 млн. процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, а всего 8,8 млн., что более чем в 2 раза превышает уровень 1992 г. (1,3 млн. «отказных» материалов) и 2,8 млн. уголовных дел, а всего 4,1 млн. процессуальных производств).

В силу указанных причин неотложных изменений требуют нормы, регламентирующие начало производства по уголовному делу, в том числе процессуальных правил рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и, в частности, *исключение из УПК РФ его ст. 148*, предоставляющей правоприменителю право отказывать в возбуждении уголовного дела. Ее наличие влечет за собой ряд крайне негативных последствий:

- во-первых, решения органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела (в 2012–2013 гг., соответственно, по 6,4 млн. и 6,7 млн. заявлений и сообщений о преступлениях) весьма сущностно ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию;

• во-вторых, эти решения непосредственно нарушают уголовно-процессуальный закон, поскольку от 30% до 40% таких решений прокурорами ежегодно признаются незаконными или необоснованными и отменяются, что отражено в таблице.

Сведения о количестве незаконных, необоснованных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела:

Период	Вынесено решений об отказе в возбуждении уголовного дела	Из них признаны незаконными, необоснованными	Удельный вес, %
2008	5,3 млн.	1,8 млн.	33,9%
2013	6,7 млн.	2,7 млн.	40,3%

За последние 20 лет количество возбужденных уголовных дел из числа признанных незаконными, необоснованными и отмененными процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела хотя и увеличилось почти в 7 раз (с 31,5 тыс. в 1991 г. до 215,3 тыс. в 2013 г.), однако их фактическое количество должно составлять не менее 2 млн., поскольку в числе 6,7 млн. «отказных» материалов в 2013 г. более 1 млн. составляют заявления и сообщения о кражах чужого имущества, по которым лицо не установлено. Поэтому в силу ч. 1 ст. 148 УПК РФ такие процессуальные решения являются заведомо незаконными. Еще не менее 1 млн. составляют обращения граждан о причинении им различной тяжести телесных повреждений, которые фактически являются преступлениями.

Анализ приведенных ниже статистических данных наглядно свидетельствует о многообразии способов сокрытия от учета заявлений, сообщений, содержащих признаки преступления.

Сведения о результатах рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и иных происшествиях:

		2008	2010	2013
Количество зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях		21,5 млн.	23,9 млн.	28,7 млн.
Из них принято решение:	о регистрации заявлений как преступлений	3,2 млн.	2,2 млн.	1,78 млн.
	об отказе в возбуждении уголовного дела	4,5 млн.	6,0 млн.	6,7 млн.
	в том числе за отсутствием состава (события) преступления	5,7 млн.	5,3 млн.	6,3 млн.

	о приобщении к уголовным делам	2,6 млн.	3,0 млн.	-
	о приобщении к материалам номенклатурного дела	4,5 млн.	5,8 млн.	7,3 млн.
Из отказных материалов:	признаны незаконными и необоснованными	1,8 млн.	1,5 млн.	2,7 млн.
	возбуждены уголовные дела	126,6 тыс.	159,8 тыс.	196 тыс.

Однако, главное негативное обстоятельство, наличие института отказа в возбуждении уголовного дела заключается в том, что доля процессуальных решений, принимаемых по заявлению, сообщению о преступлении, связанных с возбуждением уголовного дела и началом производства расследования ежегодно сокращается. Свидетельствует об этом значительное (почти в три раза) сокращение количества принятых следователем, дознавателем, органом дознания таких решений за последние годы (с 16,9% в 2006г. до 5,9% за 1 полугодие 2014 г.):

	2006	2009	2010	2011	2012	2013	2014, 1 пол.
Всего зарегистрировано заявлений, сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях, млн.	19,3	22,8	23,9	24,7	26,4	28,4	14,3
Возбуждено уголовных дел, млн.	3,3	2,4	2,2	2,0	1,9	1,78	0,84
В том числе удельный вес к числу заявлений и сообщений	16,9 %	10,7 %	9,0 %	8,0 %	7,2 %	6,0 %	5,9 %

Еще более наглядно свидетельствует об этом соотношение удельного веса процессуальных решений о возбуждении уголовного дела к числу решений об отказе в возбуждении уголовного дела, который за последние 20 лет сократился в 8 раз:



Период	Возбуждено уголовных дел, млн.	Количество «отказных» материалов, млн.	Удельный вес к возбужденным делам, %
1992	2,8	1,3	47,7
2002	2,5	3,8	148,4
2010	2,2	6,0	272,7
2012	1,9	6,4	336,8
2013	1,8	6,7	380
1 пол. 2014	836	3,2	381

Прямым следствием указанного является то, что показатель преступности в России ежегодно колеблется в зависимости от требований МВД России и Генеральной прокуратуры РФ к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины от +32,7% в 1989 г. до -14,9% в 2002 г. Последствия этого приобрели гипертрофированный характер в форме так называемого «административного» фактора регулирования показателей преступности, на что профессор Б.Я. Гаврилов неоднократно обращал внимание<sup>1</sup>. Для сравнения, в Германии за последние 15 лет ежегодные изменения преступности, при ее количественной составляющей 6,5 млн. в год, не превышают 1–1,5%.

Тем самым, искусственное, по сути, сокращение показателя регистрируемой преступности привело к тому, что этот показатель в Российской Федерации необоснованно, по мнению автора, сокращается, начиная с 2006 г., когда было зарегистрировано 3,8 млн. преступлений, до 2,2 млн. преступлений в 2013 г.

В результате наличия указанных причин показатель преступности в России в 2013 г. составил чуть больше 1,5 тыс. преступлений на 100 тыс. населения, что в 4–5 раз меньше, чем в Германии, Франции, Англии, и в 8,5 раз ниже, чем в Швеции, что, во-первых, не соответствует реалиям современной криминогенной обстановки и, во-вторых, не позволяет государству принимать адекватные меры в борьбе с преступностью.

Приведенные статистические данные свидетельствуют не только о массовых нарушениях конституционного права граждан на доступ к правосудию, но и влекут за собой иные негативные последствия:

- в 2013 г. сотрудниками органов внутренних дел было допущено 530 тыс. нарушений учетно-регистрационной дисциплины, за что многие из них привлекались к различным видам ответственности, в том числе и уголовной;

- федеральный бюджет несет необоснованные расходы на данный вид процессуальной деятельности, поскольку количество только процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела с отмененными органами прокуратуры составило в 2012–2013 гг. соответственно 13 и 11 млн., на которые затрачен труд не менее 30 тыс. сотрудников органов внутренних дел, не считая затрат материальных на

бумагу, эксплуатацию технических средств, канцелярские принадлежности и т.д.

Соответственно, возникает вопрос: что делать? По мнению автора, реальными сегодня являются три пути:

- *первый* – в принятие на уровне Генеральной прокуратуры РФ совместно с правоохранительными органами жестких административных мер по наведению порядка в учетно-регистрационной дисциплине. Однако, такие меры ранее (в 1983 и 2005 г.г.) уже применялись и эффективно они действовали не более одного года<sup>2</sup>;

- *второй* – я в реализации существующего мнения<sup>3</sup>, что условия для умышленного сокрытия преступлений от регистрации создает сосредоточение в органах внутренних дел функций как по противодействию преступности, так и по формированию статистики о ее состоянии и результатах деятельности органов внутренних дел по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Исходя из этого полномочия по формированию и ведению массива статистических данных о состоянии преступности Генеральной прокуратурой РФ предлагалось передать органам статистики<sup>4</sup>. Однако, проведенный в соответствии с приказом МВД и Госкомстата России от 7 октября 2003 г. № 774/435 по согласованию с Генеральной прокуратурой РФ эксперимент в ряде МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ свидетельствует, что это предложение не только принципиально не решает рассматриваемой проблемы, но и требует значительных финансовых затрат<sup>5</sup>;

- *третий путь* – принципиальное изменение начала производства по уголовному делу с учетом исторического аспекта института возбуждения уголовного дела как в России, так и в уголовно-процессуальном законодательстве государств с устоявшейся системой правосудия.

Один из аргументов наших предложений об исключении из правил досудебного производства процессуальных норм об отказе в возбуждении уголовного дела и о возбуждении уголовного дела заключается в том, что данных процессуальных норм не знали ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922, 1923 гг.

Так, ст. 303 Устава устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказывать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка».

Процессуальная норма о возбуждении уголовного дела в российский уголовный процесс была введена в целях ограничения политических репрессий рядом циркуляров Генерального прокурора СССР (1934–1937 гг.), в том числе Циркуляром от 5 июня 1937 г. № 41/26, п. 2 которого устанавливал, что «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором»<sup>6</sup>. Однако, в качестве самостоятельной уголовно-процессуальной нормы она появилась лишь в УПК РСФСР 1960 г.

Соответственно, как отмечено, появилась и процессуальная норма об отказе в возбуждении уголовного дела с последствиями, отмеченными выше. В подобном случае ст.ст. 309 и 312 Устава уголовного судопроизводства предусматривали, что «если судебный следователь... не найдет достаточных оснований к производству следствия... сведения должны быть собраны... посредством негласного полицейского разведывания», т.е. уголовно-процессуальный закон не предусматривал возможность отказа в возбуждении уголовного дела.

Не предоставляет полиции возможность отказать в расследовании при наличии заявления, сообщения о преступлении и уголовно-процессуальное законодательство тех же США, Франции, Германии и других государств с устоявшейся системой уголовного правосудия.

Изложенное позволяет сформулировать вывод, что началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении, и, соответственно, уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела по УПК РФ должны быть исключены, на что указывается в Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (п. 4.5), и о чем Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев высказал 17 октября 2012 г. на Правительственном часе в Государственной Думе Российской Федерации, что получило широкое экспертное обсуждение<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Гаврилов Б.Я. Латентная преступность: понятие, структу-

ра, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. Монография. М.: Проспект, 2007. С. 20–35; *Он же*. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Проспект, 2008. 208 с. и др.

<sup>2</sup> В 1983 г. с назначением на должность Министра внутренних дел СССР Федорчука В.В. десятки тысяч сотрудников милиции за нарушения учетно-регистрационной дисциплины были уволены и тысячи – привлечены к уголовной ответственности. Действие в 2005–2006 г.г. совместного приказа Генпрокуратуры и МВД России от 16 мая 2005 г. № 18/350 «О мерах по укреплению законности при вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела» повлекло за собой увеличение (с 700 сотрудников в 2004 г. до 2397 – в 2005 г.), привлеченных за указанные нарушения к уголовной ответственности.

<sup>3</sup> Скоморохов Р.В., Шиханов В.Н. Уголовная статистика: обеспечение достоверности. М., 2006 С. 54-55; *Исаев З.М.* Проблемы искусственно-латентной преступности: Дисс... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. С. 132; *Скоромников К.С.* Существующая система учета преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе // Государство и право. 2000. № 1. С. 108-11 и др. публикации.

<sup>4</sup> Письмо Генерального прокурора РФ В.В. Устинова от 17 июня 2002 г. № 1-ГП-19-2002 «О мерах по обеспечению достоверности показателей состояния преступности и результатов борьбы с правонарушениями».

<sup>5</sup> Письмо Министра внутренних дел РФ Б.В. Грызлова Генеральному прокурору РФ В.В. Устинову (исх. № 1/4052 от 16 июня 2004 г.).

<sup>6</sup> Социалистическая законность. 1937 год. №7.

<sup>7</sup> Безотказное следствие // Журнал «Закон». № 11. ноябрь 2012 г.

УДК 343.123.66  
ББК 67.311

## ЧАСТНОЕ ОБВИНЕНИЕ И ЭТАПЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

**ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ДОРОШКОВ,**

*член-корреспондент Российской академии образования,*

*Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Ретроспективно анализируется институт частного обвинения. Производится исследование необходимого понятийного аппарата, определяются основания обособления дел частного обвинения в отдельную категорию, выделяются этапы развития соответствующих норм. На основе анализа проблем регламентации и правоприменения формулируются законодательные предложения.

**Ключевые слова:** частное обвинение, дело частного обвинения, примирение сторон.

**Annotation.** Retrospectively analyzed the institute of private prosecution. Produced a study of the conceptual apparatus required shall be determined base isolation of cases of private accusation in a separate category, distinguished stages of the relevant rules. Based on the analysis of problems of regulation and enforcement formulate legislative proposals.

**Keywords:** private prosecution, the case of private prosecution, conciliation between the parties.



Уважаемые коллеги! Нынешняя научно-практическая конференция, посвящена грандиозному событию, имевшему место в России полтора века назад, сумевшему коренным образом изменить отношение населения к судебной власти и правосудию, в том числе к уголовному судопроизводству. Отдельные идеи, сформулированные в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., актуальны и поныне, требуют глубокого изучения и сегодня. В частности, до сих пор особую ценность и актуальность представляют особенности судопроизводства по делам частного обвинения. Ведь общепризнано, что судебные процедуры должны быть такими простыми, чтобы при рассмотрении очевидных, малозначительных преступлений они не были в тягость гражданам и, наоборот, когда совершены тяжкие преступления, серьезно затрагивающие вопросы свободы и безопасности граждан, законодатель в судебную процедуру должен внести такие формальные элементы, которые максимально способствовали бы установлению истины по делу.

Однако, прежде чем вести научные дискуссии по обозначенной теме и говорить об этапах развития частного обвинения, представляется необходимым определиться с понятийным аппаратом, уяснив, что мы понимаем под «частным обвинением», «делами частного обвинения», определить причины и основания выделения их в особую категорию.

История развития уголовного судопроизводства свидетельствует о защите частных интересов обиженных путем строгого наказания обидчиков еще до того, как появилось государство и его органы публичной власти. Проблема сущности частного обвинения в отечественной науке разрабатывалась преимущественно специалистами в области уголовного процесса, и традиционно считалось, что это именно ее предмет изучения. Если в исследованиях российских процессуалистов XIX в. упоминались частные (неофициальные) преступления, дела о частных преступлениях, то именно после проведения в России судебной реформы 1864 г. появились термины «частное обвинение», «дела частного обвинения» «частный обвинитель». К этому периоду относятся и первые научные исследования сущности и особенностей частного обвинения, которые проводились выдающимися процессуалистами А.К. Резоном, Л.Я. Таубером, И.Я. Фойницким и др. В XX в. исследования, посвященные проблемам частного обвинения, проводились многими учеными. В результате были сформулированы особенности: 1) возбуждения дел; 2) процессуального статуса сторон; 3) судебного разбирательства; 4) прекращения производства по делу; 5) обжалования судебных решений.

Таким образом, под **частным обвинением** (в процессуальном значении) понимается особый вид уголовно-процессуальной деятельности в рамках специальной правовой процедуры, которая позволяет частному обвинителю выразить свою волю, обязательную для государственных органов, в уголовном преследовании обвиняемого в ходе возбуждения уго-

ловного дела, поддержания обвинения в суде и отказа от обвинения.

В то же время, процессуалисты не могли обойти вопроса о том, какие преступления могут преследоваться в порядке частного обвинения. В связи с этим, они отмечали, что это должны быть преступления небольшой тяжести, совершаемые в сфере межличностных отношений, и сами же определяли конкретный круг преступлений, в отношении которых применяется специальная процедура судопроизводства.

Если глубоко вникнуть в проблему частного обвинения, то становится очевидным, что она имеет одинаковые корни с проблемой освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. Оба эти института призваны, в определенной степени, преодолеть две противоречивые тенденции: стремление оградить государство, общество и каждую отдельную личность от преступных посягательств путем установления уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний и, одновременно, уменьшить отрицательные последствия криминализации.

Близость этих институтов стала особенно очевидной, когда новый Уголовный кодекс РФ (ст. 76) предусмотрел еще одно основание освобождения от уголовной ответственности – примирение потерпевшего с обвиняемым. Возможность не только прекращать уголовное преследование за примирением, но и не начинать такое преследование, если пострадавший этого не желает, что характерно для дел частного обвинения.

Однако, если никто не возражал против того, что возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, есть прерогатива материального права, то относительно дел частного обвинения сложилась совсем иная точка зрения. Возможно, такое положение объясняется, во-первых, тем, что обозначение терминов «частное обвинение», «дела частного обвинения» фиксирует внимание на специфике судопроизводства по определенной категории уголовных дел. Во-вторых, это можно объяснить сложностью нормативного определения оснований отказа от уголовного преследования лиц, совершивших преступления определенной категории.

В этой связи материально-правовыми и процессуальными основаниями выделения частного обвинения в самостоятельный вид обвинения, а дел частного обвинения, в особую категорию дел – явились: 1) особая природа преступлений, ущемляющих в основном не публичные, а частные интересы граждан в сфере особых общественных отношений (бытовых, семейных, дружеских); 2) небольшая общественная опасность отдельных преступлений; 3) для установления наличия состава преступления имеет значение мнение потерпевшего; 4) возможность освобождения правонарушителя от уголовной ответственности за содеянное для урегулирования конфликта (примире-

ние сторон), с целью не причинения еще большего вреда пострадавшему фактом обнародования содеянного, а не самим преступлением; 5) возможность представления доказательств без проведения предварительного расследования вследствие использования в качестве доказательств показаний очевидцев совершенного преступления; 6) необходимость показаний потерпевшего для правильного рассмотрения дела, поскольку именно он указывает цель разбирательства, представляет доказательства; 7) стремление определить справедливый порядок судопроизводства путем повышения активности граждан в борьбе с правонарушениями; 8) невозможность привлечения к уголовной ответственности всех лиц, совершивших преступления, в силу существования латентной преступности.

Если проанализировать источники отечественного уголовно-процессуального права, то, безусловно, **первым этапом** реформирования судопроизводства по делам частного обвинения можно считать период действия Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. вплоть до 1917 г. В ст. 2, 5, 16, 20, 42, 120, 165, 273, 297, 479, 511, 526, 527, 540, 543, 581, 585, 593, 630, 736, 741, 748, 797, 820, 853, 857, 893 Устава были сформулированы особенности судопроизводства, свойственные делам частного обвинения. К таковым, в частности, относились: 1) особенности возбуждения судебного преследования частными лицами; 2) возложение обязанности по обличению виновного перед судом на частного обвинителя; 3) допустимость прекращения судебного преследования за примирением обвиняемого с обиженным; 4) поводом к разбирательству дел являлась жалоба частного лица; 5) возложение обязанности на мирового судью и председателя съезда по склонению сторон к миру; 6) особенности полномочий частного обвинителя; 7) обвинительным актом выступала жалоба частного обвинителя.

**Вторым этапом** можно считать советский период развития особенностей уголовного судопроизводства по делам частного обвинения (1917–1991 гг.). После октябрьской революции 1917 г. перечень преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, был значительно сужен. Однако, особенности судопроизводства по делам частного обвинения остались. Так, еще в ст. 4 УПК РСФСР 1923 г. говорилось о том, что «уголовное преследование подлежит прекращению за отсутствием жалобы потерпевшего по делам о преступлениях, возбуждаемым не иначе, как по таковым жалобам».

Вместе с тем, этому периоду свойственна повышенная роль прокурора в судьбе дел частного обвинения. В ст. 10 этого же кодекса предусматривалось, что «дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 153, ч.1 ст. 157, 172, 173, 174, 175 Уголовного кодекса, возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего, коему принадлежит в этих случаях право поддержания обвинения, и подлежат прекращению в

случае примирения его с обвиняемым. Однако, если прокуратурой признано будет необходимым вступить в дело в целях охраны публичного интереса, то поддержание обвинения в этом случае принадлежит только прокуратуре, и дело не подлежит прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым».

Еще одной характерной чертой дел частного обвинения, которая появилась в советский период, стала возможность соединения судьей в одном производстве встречного заявления и первоначального.

В годы Советской власти, особенно в период «Сталинского правления», стоял вопрос об упразднении частного обвинения. Идеология приоритета общественных интересов над частными в тот исторический период активно пропагандировалась и наложила свой негативный отпечаток на уголовно-процессуальное законодательство того периода. Однако, в УПК РСФСР 1961 г. были прописаны особенности дел частного обвинения. Активизировались научные исследования по данной тематике.

**Третий (нынешний) этап** реформирования уголовного судопроизводства следует считать не с момента принятия УПК РФ 2002 г., а с 90-х гг. прошлого столетия, когда вносились изменения в действовавший тогда УПК РСФСР, осуществлялась судебноп-правовая реформа. Вместо обсуждаемого и логичного расширения перечня преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, законодатель сузил сферу частного обвинения. После принятия решения Конституционного Суда РФ, суд общей юрисдикции лишился права возбуждать уголовные дела, в том числе и дела частного обвинения. Вместо жалобы потерпевшего, основанием уголовного преследования стало заявление потерпевшего, его законного представителя. Особенности судопроизводства у мирового судьи, в том числе по делам частного обвинения, нашли свое отражение в специальной главе УПК РФ (гл. 41). Ограничены полномочия прокурора по делам частного обвинения. Однако, отдельные проблемные вопросы так и не нашли своего должного отражения в соответствующих кодексах.

Так, если обратиться к ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, то можно убедиться в допустимости в рамках уголовного судопроизводства прекращения конфликта сторон, а соответственно, и производства по уголовному делу за примирением сторон. Данный правовой институт в правоприменительной практике постоянно расширяется, совершенствуется. Ему даже посвящено специальное постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 г.

Что касается дел частного обвинения, перечень которых сейчас ограничен преступлениями, предусмотренными ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 128-1 УК РФ, то производство по таким делам подлежит прекращению мировым судьей за примирением сторон без соответствующих условий (совершение преступления впервые, заглаживание причиненного потер-





певшему вреду). По смыслу действующего закона допускается прекращение производства по уголовному делу за примирением сторон в отношении лица, которое распространило заведомо ложные сведения, порочащие честь и достоинство другого лица (клевета). В то же время, если эти сведения, унижающие честь и достоинство лица, распространялись в неприличной форме, даже не заведомо (оскорбление), то данное деяние после декриминализации Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. теперь не является настолько общественно опасным и преследуется в административном порядке.

Действующее российское законодательство не предусматривает ни оснований, ни процедуры прекращения мировым судьёй производства по делу об административном правонарушении за примирением сторон вследствие публично-правового характера таких правонарушений. В то же время, КоАП РФ содержит ряд деяний, затрагивающих в большей степени не публичный, а частный интерес потерпевших (гл. 5–7). К таковым относятся административные правонарушения, посягающие на права, здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие, собственность граждан.

Следовательно, буква закона не позволяет прекратить производство по делу за примирением сторон в случае, когда в ходе судебного разбирательства не будет установлено заведомой ложности распространенных в неприличной форме сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего. Согласно же духу закона, если допускается прекращение уголовных дел за примирением сторон, то аналогичный правовой институт должен применяться и при совершении административного правонарушения. КоАП РФ не предусматривает административной ответственности за покушение на административное правонарушение или за приготовление к нему. Положение о том, что состав административного правонарушения охватывает только оконченное противоправное деяние, совершенное физическим или юридическим лицом, достаточно четко подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при

применении Кодекса об административных правонарушениях» (п. 19).

Актуальность исследования проблем соотношения частного и публичного в уголовном процессе обусловлена не только неоправданным сокращением перечня дел частного обвинения, но и необоснованно расширительным применением института примирения сторон в уголовном судопроизводстве, независимо от объекта преступного посягательства. Особые споры вызывает возможность прекращения уголовных дел за примирением сторон по двухобъектным преступлениям, когда основным непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность государственных органов (например, ст. 286 УК РФ). Существуют также преступления, где физические лица не выступают в качестве потерпевших и примириться не с кем. Например, сбыт наркотических средств (ст. 228-1 УК РФ), жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ).

В целях регламентации судопроизводства по уголовным делам, по которым допускается прекращение дел за примирением сторон, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, следует расширить перечень дел, преследуемых в порядке частного и частного-публичного обвинения, руководствуясь при этом материально-правовыми и процессуальными критериями.

Поскольку даже уголовный закон предусматривает институт освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой тяжести в связи с примирением сторон, то и административное законодательство должно отразить аналогичный правовой институт. В этой связи ст. 2.9 КоАП РФ следует дополнить ч. 2 следующего содержания: «От административной ответственности может быть освобождено лицо, совершившее административное правонарушение, предусмотренное гл.гл. 5–7 настоящего Кодекса, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причинённый потерпевшему вред». Подлежит регламентации примирительная процедура, которую проводит мировой судья, в том числе по делам частного обвинения.



**Договорное право:** учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Н.Д. Эриашвили и др.]; под ред. Н.Д. Эриашвили, В.Н. Ткачёва. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 239 с. (Серия «Юриспруденция для бакалавров»).

Учебное пособие содержит общие положения договорного права: понятие и содержание договора, виды договора, порядок заключения договора, изменения и расторжения договора. Рассматриваются все виды договоров, наиболее распространенные из них анализируются подробнее.

Для студентов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также для всех, кто захочет получить конкретную информацию о том или ином виде договора.



УДК 343.123.1  
ББК 67.311

## РОЛЬ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 Г. В СТАНОВЛЕНИИ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО ДОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

**СТАНИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ БАЖАНОВ,**

*ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского  
надзора и укрепления законности в сфере экономики  
НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,  
доктор юридических наук, профессор,  
академик Петровской академии науки и искусств  
E-mail: svb-1956@mail.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Дается краткий обзор истории становления и развития концепции полицейского дознания в уголовном процессе Российской Федерации.

**Ключевые слова:** полиция, дознание, предварительное следствие, преступление, следователь.

**Annotation.** Given a brief overview of the history and development of the concept of the police investigation in the criminal proceedings of the Russian Federation.

**Keywords:** police, inquiry, preliminary investigation, the crime investigator.

В истории отечественных правоохранительных органов полиция прошла длительный эволюционный путь, сопряженный с дифференциацией досудебного производства на предварительное и формальное следствие. Предварительное следствие (изначально, собственно, дознание) рассматривалось в качестве административной деятельности полиции, осуществлявшейся не по процессуальным правилам, что в определяющей мере обуславливалось агентурным методом – ядром оперативно-разыскной деятельности<sup>1</sup>, с древнейших времен применявшимся в её каждодневной практике.

Считается, что как постоянный специализированный государственный орган охраны общественного порядка и борьбы с преступностью полиция возникла в период реформ Петра I. В 1718 г. в Санкт-Петербурге, а впоследствии и в других городах Российской Империи были созданы полицейские учреждения – начинающие, завершённое Екатериной II.

В 1775 г. с изданием «Учреждения для управления губерний» была образована уездная полиция, которая в 1782 г. в соответствии с «Уставом благочиния или полицейским» получила единую организацию по всей стране<sup>2</sup>.

Ранние нормативные правовые акты, касавшиеся уголовного судопроизводства, были разработаны в 1832 г. Комиссией законодательных предложений,

возглавлявшейся М.М. Сперанским. Несколько позже (1835) они были обобщены в Своде законов, включившим в себя и первый уголовно-процессуальный кодекс («О судопроизводстве по преступлениям»)<sup>3</sup>.

Формальное следствие представляло собой деятельность следователя, направленную против известного лица<sup>4</sup>. Велось оно письменно, негласно, в инквизиционном порядке с обвинительным уклоном. Недостатки «полицейского следствия» были настолько очевидными, что заставили царское правительство приступить к его реорганизации задолго до Устава уголовного судопроизводства (УУС) 1864 г. Одним из них считалось отсутствие в уголовном судопроизводстве разделения между органами предварительного следствия и органами, осуществлявшими оперативно-разыскную деятельность («сыск»)<sup>5</sup>.

В силу изложенного 8 июня 1860 г. в соответствии с «Учреждением судебных следователей», «Наказом судебным следователям», «Наказом полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок», следственная часть была отделена от полиции<sup>6</sup>.

Стало быть, предварительное расследование подразделялось на два этапа, первый из которых (дознание) сводился к установлению полицией факта преступления, закреплению улик, розыску преступников посредством негласного разведывания<sup>7</sup>.



Второй этап (предварительное, формальное следствие) предполагал сбор и оценку доказательств, а также изобличение преступника. Полиции поручалось самостоятельное расследование лишь незначительных преступлений, завершавшееся, обычно, административным разбирательством и наложением соответствующих взысканий.

В 1863 г. в Санкт-Петербурге организуется Сыскная уголовная полиция, на которую были возложены оперативно-разыскные функции<sup>8</sup>.

Более подробную интерпретацию дознание получило в УУС от 20 ноября 1864 г.<sup>9</sup>, где отмечалось, что о всяком происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка, полиция немедленно и никак не позднее суток по получении о том сведений, должна была сообщить судебному следователю и прокурору (его товарищу). Если никого из них не оказывалось на месте, она, уведомляя их о происшествии, производила надлежащее о том дознание (ст.ст. 250, 252). Здесь полиция подменяла следователя и имела право производить следственные действия, не терпящие отлагательств.

Согласно ст. 256 УУС, до прибытия судебного следователя, полиция обязана была принимать меры против уничтожения следов преступления и уклонения подозреваемого от расследования и суда. Аналогичные права она имела при задержании преступников на месте происшествия до прибытия следователя. При появлении последнего материалы передавались ему, а полиция прекращала свои действия до особых на то распоряжений.

Другие методы дознания использовались, когда наличие преступления ставилось под сомнение («народная молва», недостоверный источник; ст. 253 УУС). В этих случаях расследование проводилось путем розыска, словесных расспросов и негласных наблюдений. Никакие следственные действия при этом не осуществлялись. Задача дознания сводилась к удостоверению признаков преступления, при подтверждении которых материалы передавались судебному следователю или мировому судье, а в их отсутствие – прокурору (его товарищу).

Таким образом, в дореволюционном уголовном процессе полиция была основным органом дознания по так называемым общеуголовным преступлениям. Само дознание определялось в качестве мер, принимаемых указанными в законе органами, для установления по «горячим следам» преступления, его намечающихся юридических черт и предполагаемого «виновника». При этом признавалось его отличие от предварительного следствия «юридическим характером, качеством, глубиной и обширностью собираемых данных, органами, его производящими, поводом, порядком и объемом мер, представляемых законом» (А. Квачевский, И. Фойницкий)<sup>10</sup>.

Отсутствие четкой регламентации деятельности полиции по производству дознаний нередко приводило к злоупотреблениям с её стороны (угрозы, сло-

весные обещания, незаконные лишения (ограничения) свободы и т.д.).

В силу этих и некоторых других причин дознание играло вспомогательную роль, осуществлялось административными органами, в отличие от предварительного следствия, проводившегося судебными следователями.

Установка профессора И.Я. Фойницкого о пагубности связывания органов дознания строгими процедурными правилами советским уголовно-процессуальным законодательством была воспринята лишь отчасти. Их «свобода», по-прежнему интерпретировалась в плоскости оперативно-разыскных мероприятий, а теоретики уголовно-процессуального права активно боролись с наличием у органов дознания непроцессуальных полномочий<sup>11</sup>.

Проект Закона «Об организации сыскной части в Империи», представленный МВД в 1907 г., провел четкую грань между оперативно-разыскными мероприятиями и следственными действиями. Разграничение таких понятий как «розыск» и «дознание» соседствовало с утверждениями того, что оперативно-разыскная деятельность не является формой дознания, а имеет вполне самостоятельное значение<sup>12</sup>.

Другим основополагающим нормативным правовым актом явилась инструкция Прокурора Московской Судебной Палаты от 15 октября 1909 г., выступившая в качестве обязательного циркулярного руководства чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений и проступков (издана на основании определения Правительствующего Сената от 25 мая 1871 г.). С введением её в действие все чины полиции, на которых возлагалось производство дознаний, были обязаны ею руководствоваться.

Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений от 1 января 1910 г. под дознанием подразумевала исследование уголовного дела по горячим следам в розыском порядке, направленное к обнаружению обвиняемого и собиранию доказательств его виновности (§ 18).

Цель полицейского дознания виделась в собирании для судебной власти материалов, необходимых для разрешения следующих вопросов: 1) действительно ли, какое и при каких обстоятельствах совершено преступление; 2) кто и почему именно в совершении такового подозревается, с исключением случаев сокрытия следов преступления и подозреваемого (§ 19).

В § 21 Инструкции отмечалось, что дознание проводится чинами полиции посредством розысков, словесных расспросов и негласных наблюдений, без осуществления обысков и выемок. Собранные сведения предписывалось записывать от имени лица, производившего дознание, в один общий акт (протокол)<sup>13</sup>.

В старом быте дореволюционной России под дознанием разумелись начальные акты расследования, направленные к тому, чтобы «дознать», т.е. получить

первичные сведения об обстоятельствах того или иного преступления, между тем как дальнейшее производство предполагалось в форме предварительного следствия.

Таким образом, в дореволюционной России дознание рассматривалось как административная деятельность полиции, осуществлявшаяся вне установленных уголовно-процессуальных правил, играя обеспечительную роль.

Концепция «полицейского дознания», допускающая возложение на оперативных сотрудников органов внутренних дел вспомогательных функций по производству процессуальных проверок, а также неотложных следственных действий, по сути, нивелирует почин адептов судебной реформы 1864 г. на отделение инструктивного (детально регламентированного) следствия от оперативно-разыскной деятельности полиции. Ибо дознание (в любом его виде), есть суррогат осуществляемого полицией, следствия. Как бюрократическая разновидность розыска<sup>14</sup>, оно, по мнению автора настоящей статьи, в условиях новейшего времени должно осуществляться исключительно специализированными подразделениями дознания органов внутренних дел (и только)<sup>15</sup>.

<sup>1</sup> См.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 1.

<sup>2</sup> См.: Борисов А.В. Полиция и милиция России в общественном мнении (начало XVIII века – октябрь 1917 г.): Историко-социологическое исследование: монография. М.: Академия управления МВД России, 2010. С. 5.

<sup>3</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб: Альфа, 1996. Т.1. С. 34.

<sup>4</sup> См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в ра-

бовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб: Изд. «Альфа», «Равенна», 1995. С. 737.

<sup>5</sup> См.: Бекетов М.Ю. Следователь органов внутренних дел и милиция: взаимодействие при расследовании преступлений: Учеб. пособие. / Под ред. О.А. Галустяна. М.: МосУ МВД России, 2004. С. 7.

<sup>6</sup> См.: Перфильев В.В. Следствие в пореформенной России // Следователь: теория и практика деятельности. 1995. № 1. С. 26–27.

<sup>7</sup> Подробнее см.: Елинский В.И., Исаков В.М. Становление и развитие уголовного сыска в России (X – начало XX вв.). МВД России, 1998.

<sup>8</sup> См.: Санкт-Петербургская столичная полиция: Краткий исторический очерк. СПб, 1903. С. 286, 287.

<sup>9</sup> См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 8. М.: Юрид. лит., 1994. С. 286–288.

<sup>10</sup> См.: Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебному уставу 1864 г. СПб., 1867. Т. 2. С. 61; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 374.

<sup>11</sup> См.: Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / Под ред. В.Т. Томина. Н. Новгород, Нижегородская правовая академия, 2001. С. 40.

<sup>12</sup> См.: Матиенко Т.Л. Сыскная полиция в России во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 14.

<sup>13</sup> См.: Развитие организационно-правовых основ управления полицией России в XVIII – начале XX в.: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2002. С. 166.

<sup>14</sup> См.: Калиновский К.Б. Основные виды уголовного судопроизводства: учебное пособие. СПб, Юридический институт, 2002. С. 41, 44.

<sup>15</sup> Бажанов С.В. Институт дознания: краткое обозрение советско-российского опыта нормативного декларирования // Вестник Академии права и управления. 2013. № 33. С. 135–141.

**Прокурорский надзор:** учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. И.И. Сыдорука, А.В. Ендольцевой. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 447 с.

Установлен исчерпывающий перечень функций прокуратуры, определено содержание каждой из них. При рассмотрении вопросов возникновения и развития прокуратуры России, а также особенностей деятельности прокуратур зарубежных государств применен институциональный подход.

В учебнике учтены изменения в законодательстве Российской Федерации, а также решения Конституционного Суда РФ и иных органов судебной власти по состоянию на 1 июня 2014 г.

В издании сохранена новелла — структуризация на три модуля и включены дополнительные материалы, позволяющие использовать учебник при реализации дистанционных образовательных технологий (ДОТ).

Для студентов (курсантов) высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция», а также для преподавателей, аспирантов (адъюнктов), практических работников правоохранительных и правоприменительных органов и всех интересующихся деятельностью прокуратуры.







УДК 343.13  
ББК 67.311

## О МЕТОДЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

**АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ПОБЕДКИН,**

*заместитель начальника Управления организации профессиональной подготовки  
Департамента государственной службы и кадров МВД России,  
доктор юридических наук, профессор  
E-mail: apobedkin71@mail.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматривается вопрос об особенностях метода уголовно-процессуального регулирования. Констатируется недостаточная разработанность этого вопроса в теории уголовного судопроизводства. Предлагается новый подход к пониманию метода уголовно-процессуального регулирования, основанный на особенностях состава большинства уголовно-процессуальных правоотношений. Демонстрируется отличие метода уголовно-процессуального регулирования от метода правового регулирования иных отраслей права.

**Ключевые слова:** уголовно-процессуальное право, метод уголовно-процессуального регулирования, публичность, полномочие.

**Annotation.** Devoted distinctions of the method of criminal procedure regulation. It is reported weak level of the scientific development the question in the theory of criminal proceedings. There is provided new approach for understanding the method of criminal procedure regulation. It is based on the distinctions of the majority of criminal procedure relations. In this regard it is demonstrated difference between the method of criminal procedural regulation and the method of legal regulation of the other branches of law.

**Keywords:** criminal procedural law, the method of criminal procedure regulation, publicity, competence.

Поточные изменения уголовно-процессуального законодательства России нескольких последних десятилетий порождает размышление о наличии концептуальных проблем уголовно-процессуального законодательства, некоем «системном сбое», не позволяющем обеспечить совершенствование уголовно-процессуального права с учетом реальной социальной потребности. Конечно, право состоит с государством в неразрывной связи, характеризуемой взаимодействием и взаимовлиянием. Поэтому с развитием общественных отношений, сменой государственных приоритетов право может и должно меняться. Однако, право – самообитное явление, сложное и, в значительной степени, автономное образование, которое строится с учетом не только внешних факторов, но и внутренних закономерностей. Нарушение или игнорирование последних может повлечь утрату правом самой сущности и его переформирование из регулятора общественных отношений исключительно в инструмент произвола.

Тенденция трансформации отечественного уголовно-процессуального права характеризуется крайним упрощенчеством, последовательным ослаблением публичных начал, ориентацией на умиротворение конфликтующих участников уголовного судопроизводства.

Фундаментальная идея об обусловленности самого факта существования уголовного процесса социаль-

ной потребностью в защите от преступлений (отсюда и публичность уголовного процесса) последовательно подменяется тезисом, согласно которому уголовное судопроизводство обусловлено социальной потребностью устранить «конфликтное проявление общественных отношений при совершении общественно-опасных деяний»<sup>1</sup>.

Причины попыток выхолащивания содержания процессуальной формы многочисленны: непреодоленный правовой нигилизм и еще недостаточный нравственный уровень общества, слабая правовая подготовка участников нормотворчества и правоприменения, соображения экономии средств и т.д.

Однако, определенные претензии могут быть предъявлены и ученым, в последние десятилетия увлекавшимся актуальной прикладной тематикой в ущерб разработке фундаментальных основ уголовного судопроизводства. Ясные фундаментальные результаты научных исследований могли бы стать значимым сдерживающим фактором небрежного обращения с процессуальной формой.

Лишь в последние годы стал возрождаться интерес к методологическим вопросам уголовно-процессуального права, в то время как его стержневая категория – метод ясного содержания так и не обрела. Вместе с тем, уголовное судопроизводство должно принципиально отличаться от иных видов юридического про-

цесса именно по методу правового регулирования общественных отношений.

Похоже, что ближе к окончанию XX столетия научное сообщество в целом смирилось с общими подходами к определению метода уголовно-процессуального регулирования, которые стали считать достаточными.

Традиционно этот метод характеризуют наличием отношений власти–подчинения, не учитывая, однако, что и в гражданском судопроизводстве и в других видах юридического процесса все решения суда для участников уголовного судопроизводства обязательны. Уголовный процесс в этом смысле отличается лишь более широким кругом государственных органов, осуществляющих процессуальную деятельность.

Некоторые авторы едва ли не признают бесперспективность четкого отграничения метода уголовно-процессуального регулирования от метода иных отраслей права. Так, А.С. Бахта, справедливо сожалея, что исследования метода правового регулирования ушли сегодня на второй план, определяет метод уголовно-процессуального регулирования весьма аморфно, как императивно-диспозитивный при приоритете императивных начал в регулировании «определенной области общественных отношений», отмечая значительную условность соотношения того или иного характера регулирования<sup>2</sup>. Мало того, отдельные авторы усматривают в уголовном судопроизводстве состязательного типа, в отличие от розыскного, примат диспозитивного метода правового регулирования<sup>3</sup>. Из этого посыла напрашивается вывод, что современное отечественное уголовное судопроизводство – диспозитивное, поскольку основано на принципе состязательности.

Отсутствие четкого понимания обязательных различий между процессом уголовным и гражданским не позволяет выдерживать обязательные, хотя бы минимальные требования, определяющие самобытность двух указанных видов судопроизводства.

Е.Г. Васильева на основе проведенного исторического и морфологического анализа пришла к выводу о «процессуальном моноформизме», т.е. отсутствии характерных отличий уголовного и гражданского процессов, поскольку соответствующие материальные отрасли также трудно разграничить<sup>4</sup>.

В условиях очевидного расширения частных начал в уголовном судопроизводстве зыбкость границ между смежными видами судопроизводства ставит вопрос о нужности уголовного процесса как вида государственной деятельности, основанной на самостоятельной отрасли права. Нужен ли в России самостоятельный уголовно-процессуальный кодекс и не достаточно ли считать установленные им правила в качестве особой формы разрешения (урегулирования) конфликтов в рамках концептуальных правил гражданского процессуального права?

Обоснованный ответ на этот вопрос невозможен без уяснения особенностей метода уголовно-процессуального регулирования.

Уголовно-процессуальное право и основанная на нем уголовно-процессуальная деятельность – средства обеспечения всех конституционных прав человека. Преступление – крайняя форма нарушения права, характеризующаяся общественной опасностью. Ни один человек в стране не может считаться в достаточной степени защищенным, если преступник не установлен или не понес заслуженного наказания. В этой связи, как подчеркивает Конституционный Суд Российской Федерации, уголовное судопроизводство имеет «свои нужды», которые должны находиться в благоприятном балансе с правами участников судопроизводства<sup>5</sup>. Очевидно, что это нужды не абстрактного судопроизводства, а нужды общества, всех законопослушных жителей страны.

В этой связи уголовный процесс обеспечивает, прежде всего, интересы общества, публичные интересы. Публичность уголовного судопроизводства не исчерпывается обязанностью должностных лиц реагировать на каждый факт совершения преступления и устанавливать лицо или лиц, виновных в его совершении (ч. 4 ст. 21 УПК РФ). Уголовный процесс должен быть публичен по содержанию, т.е. иметь достаточно средств, позволяющих выявлять действительных преступников.

М.С. Строгович справедливо усматривал в публичности условие и средство установления истины по уголовному делу<sup>6</sup>.

Однако, есть основания понимать публичность и более широко. Если обязанность принимать все предусмотренные законом меры к правильному установлению значимых обстоятельств рассматривать как порождение предназначения уголовного процесса (обеспечение общественных, публичных интересов), то, напротив, обязанность устанавливать истину – средство реализации публичности.

Представляется, что ближе всего к пониманию роли публичности в уголовном судопроизводстве подошли А.С. Барабаш и А.А. Брестер, которые видят публичность как проявление того назначения, которое имеет процесс в обществе, как «своеобразный «социальный заказ» на уголовный процесс»<sup>7</sup>.

Поскольку понимание функции как предназначения, наиболее логично<sup>8</sup>, постольку *публичность не что иное, как функция уголовного процесса*.

Соответственно уголовно-процессуальное право, выполняя регулятивную функцию, должно включать в себя механизмы, необходимые и достаточные для успешной реализации функции публичности уголовного судопроизводства<sup>9</sup>. Уголовно-процессуальное право необходимо наделить таким методом регулирования, который позволял бы обеспечивать публичные интересы вопреки стремлениям, интересам и противодействию участников уголовного судопроизводства и иных лиц.

Из этого посыла следует вывод о необходимости наделения уголовно-процессуального права властными регуляторами общественных отношений, возникающих при производстве по уголовному делу.



Потому и нет оснований считать методом уголовно-процессуального регулирования особенности лишь отдельных уголовно-процессуальных правоотношений (например, отношений, возникающих при принятии решения о возбуждении уголовного дела, его прекращении). В этом смысле метод уголовно-процессуального регулирования должен определять принципиальную характеристику подавляющего большинства уголовно-процессуальных правоотношений, и достигать уровня принципа уголовно-процессуального права (подчеркнем, принципа права, а не уголовно-процессуальной деятельности).

Если правоотношение, как отмечал М.С. Строгович, – метод правового регулирования (поскольку все правовые нормы претворяются в жизнь в форме правоотношений<sup>10</sup>), то характерные особенности именно правоотношений – метод правового регулирования конкретной отрасли права.

Публичность как функция уголовного судопроизводства требует соответствующего метода правового регулирования. Усматривать его только в возможности властного воздействия государственных органов, осуществляющих уголовный процесс, на иных участников уголовного судопроизводства, явно недостаточно. Гражданское судопроизводство также предполагает обязательность решений суда для невластных участников конкретного правоотношения.

Полагаем, что и разный объем возможностей участников уголовного и гражданского судопроизводства влиять на возникновение судопроизводства и его прекращение не может характеризовать особенность метода правового регулирования, поскольку определяет специфику содержания только нескольких правоотношений<sup>11</sup>.

Отличия в методе правового регулирования различных отраслей процессуального права следует искать не в конкретном содержании прав или обязанностей участников судопроизводства (тем более в отдельных правоотношениях), а в особенностях правового положения участников правоотношения.

Всем видам судопроизводства свойственна группа правоотношений, в которых исполнение обязанностей государственным органом, отвечающим за ведение процесса, обусловлено необходимостью обеспечить реализацию права, так называемым, «невластным» субъектом отношения. Однако, в этих правоотношениях «властным» участником правоотношения является скорее участник, не относящийся к числу должностных лиц, осуществляющих процесс. Именно он вправе требовать исполнения обязанностей, корреспондирующих его праву.

Вместе с тем, группа правоотношений, заключающихся в связи права государственного органа и обязанности иного участника судопроизводства, в уголовном процессе имеет особенности. Право должностного лица, осуществляющего уголовное судопроизводство, всегда одновременно и его обязанность реализовать это право при возникновении предусмотренных зако-

ном оснований. Собственно мера возможного поведения должностных лиц в уголовном процессе определяется не их усмотрением, а наступлением определенных обстоятельств. Никакой свободы усмотрения государственные органы в уголовном судопроизводстве не имеют и иметь не должны, – отмечает Н.Н. Ковтун<sup>12</sup>. И с ним нельзя не согласиться.

В этой связи к обозначению меры возможного поведения должностных лиц в уголовном судопроизводстве ближе используемый в УПК термин «полномочие» – право и обязанность одновременно<sup>13</sup>.

Если в гражданском процессе обязанность должностных лиц выполнить определенные действия обусловлена, в основном, реализацией невластным участником своего права, то в уголовном судопроизводстве реализация полномочий должностных лиц жестко связана обстоятельствами уголовного дела, стремлением к истине, функцией публичности.

Таким образом, императивность – характеристика, прежде всего, полномочий должностных лиц, ведущих уголовный процесс.

Отсюда метод уголовно-процессуального регулирования заключается в императивности полномочий осуществляющих уголовное судопроизводство должностных лиц, в обусловленности таких полномочий потребностями уголовного дела, т.е. функцией публичности.

## Литература

1. Артамонова Е.А. Проблемы применения института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14).
2. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.
3. Ильинский Д.О. Прокуратура Российской Федерации в механизме реализации общеправового принципа законности: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2007.
4. Комбарова Е.Л. Трансформация системы уголовного судопроизводства в мировых судах России в сфере современной уголовной политики государства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14).
5. Конституционные основы правосудия в СССР / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1981.
6. Курс советского гражданского процессуального права // Под ред. А.А. Мельникова, П.П. Гуреева, А.А. Добровольского и др. Том. 1. М.: Издательство «Наука», 1981.
7. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М.: Издательство Московского университета, 1956.
8. Седаш Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве: Дисс... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.

9. *Филин Д.В.* Сущность и порядок принятия решения об освобождении лица от уголовной ответственности на Украине // Государство и право. 2002. № 12.

10. *Цепелев В.Ф.* Основные направления развития российской уголовной политики в современных условиях // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14).

11. *Цыпкин А.Л.* О диспозитивности в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1958. № 3.

References

1. *Artamonova E.A.* Problems of application of the institute of termination of the criminal case in connection with the reconciliation of the parties // Library of criminologist. Scientific journal. 2014. № 3 (14).

2. *Barabash A.S.* Nature of the Russian criminal process, the goals of the criminal procedural activities and their establishment. St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov «Legal center Press», 2005.

3. *Ilyinsky D.O.* Prosecution Service of the Russian Federation in the implementation of general legal principle of legality: author. dis ...cand. leg. sciences. M., 2007.

4. *Kombarova E.L.* The transformation of the criminal justice system in the world courts of Russia in the sphere of modern criminal policy of the state // Library of criminologist. Scientific journal. 2014. № 3 (14).

5. The constitutional basis for justice in the USSR / edited by V.M. Savitsky. M., 1981.

6. The course of the Soviet civil procedural law / Ed. by A.A. Melnikov, P.P. Gureev, A.A. Dobrovolsky and others. T.1. M.: Publishing House «Nauka», 1981.

7. *Polyanski N.N.* The theory of the Soviet criminal process. M.: Publishing house of Moscow University, 1956.

8. *Sedash E.A.* Private principle in the Russian criminal proceedings: dis. ...cand. leg. sciences. Saratov, 2000.

9. *Filin D.V.* Nature and order of making decisions about the release of a person from criminal responsibility in Ukraine // State and law. 2002. No. 12.

10. *Tsepelev V.F.* Main directions of development of the Russian criminal policy in modern conditions // Library of criminologist. Scientific journal. 2014. № 3 (14).

11. *Tsyppkin A.L.* On the optionality in the Soviet criminal process // Soviet state and law. 1958. No. 3.

<sup>1</sup> См.: *Берова Д.М.* Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 25.

<sup>2</sup> *Бахта А.С.* Механизм уголовно-процессуального регулирования. Хабаровск, 2010. С. 61–62.

<sup>3</sup> См.: *Чердынцева И.А.* Назначения современного российского уголовного процесса. Омск, 2010. С. 25.

<sup>4</sup> *Васильева Е.Г.* Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 122–123.

<sup>5</sup> Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 1049-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никифорова Игоря Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями ч. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Документ опубликован не был.

<sup>6</sup> *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 140.

<sup>7</sup> *Барабаш А.С., Брестер А.А.* Метод российского уголовного процесса. СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2013. С. 38.

<sup>8</sup> См.: *Давлетов А.А., Азаренок Н.В.* Программа уголовного судопроизводства. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. С. 31.

<sup>9</sup> См.: *Барабаш А.С., Брестер А.А.* Указ. раб. С. 355.

<sup>10</sup> См.: *Строгович М.С.* Вопросы теории правоотношений // Советское государство и право. 1964. № 4. С. 54.

<sup>11</sup> Полагаем, именно такие возможности и охватываются термином «диспозитивность», который, в силу обозначения им особенностей весьма незначительного объема правоотношений, никак не может претендовать на уровень принципа судопроизводства (в том числе и гражданского) или метода правового регулирования. Именно такое содержание диспозитивности вытекает из решений Конституционного Суда Российской Федерации: см., например: Определение от 17 сентября 2013 г. № 1336-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сверловой Елены Леонидовны на нарушение ее конституционных прав положениями ч. 2 ст. 20, ст.ст. 318, 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Документ опубликован не был. Не отрицаем, что содержание термина «диспозитивность» бурно дискутируется в теории. См, например: *Масленникова Л.Н.* Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: Дисс... докт. юрид. наук. М., 2000; *Дикарев И.С.* Диспозитивность в уголовном процессе России / Под ред. А.П. Крутлик-кова. Волгоград, 2005 и др.

<sup>12</sup> См.: *Ковтун Н.Н.* Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве РФ: время выбора // Государство и право. 1995. № 11. С. 66.

<sup>13</sup> См.: *Шумилин С.Ф.* Полномочия следователя. М.: «Экзамен», 2006. С. 28.





УДК 343.1  
ББК 67.311

## УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ: СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ОНО НАУЧНОЙ МЫСЛИ И РЕАЛИЯМ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ?

**БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ГАВРИЛОВ,**  
*заведующий кафедрой управления органами расследования  
преступлений Академии управления МВД России,  
Заслуженный юрист Российской Федерации,  
доктор юридических наук, профессор*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Анализируются отдельные недостатки законодательного регулирования досудебного производства по уголовным делам, в том числе проблем стадии возбуждения уголовного дела, сроков предварительного расследования, предъявления обвинения, избрания мер пресечения. Производится сопоставление норм ряда актуальных институтов с соответствующими положениями Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и других ранее действовавших источников процессуального права. Формулируются необходимые законодательные предложения.

**Ключевые слова:** отказ в возбуждении уголовного дела, сообщение о преступлении, сроки предварительного расследования, предъявление обвинения, дознание, заключение под стражу.

**Annotaiton.** Analyzed some shortcomings of legal regulation of pre-trial proceedings in criminal cases, including problems stage of initiation of a criminal case, the timing of the preliminary investigation, indictment, the election of preventive measures. Made a comparison of a number of rules relevant institutions with relevant provisions of the Charter of criminal proceedings 1864 and the other previously existing sources of procedural law. Formulate the necessary legislative offers.

**Keywords:** refusal to initiate criminal proceedings, information about a crime, pretrial investigation, prosecution, investigation, detention.

Одна из особенностей развития в современный период уголовно-процессуального права обусловлена тем, что этот этап приходится на тот период развития юридической науки, когда перед законодателем, научной общественностью и практиками стоит задача выработки концепции дальнейшего развития уголовной политики, в том числе в области уголовно-процессуального права. В свою очередь, постановка этой задачи на Парламентских слушаниях 18 ноября 2013 г. и обсуждение основных направлений совершенствования законодательства 24 июня и 23 сентября 2014 г.<sup>1</sup> в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации обусловлена тем, что за последние годы в уголовный и уголовно-процессуальные кодексы были внесены многочисленные изменения и дополнения, не всегда носящие системный характер, а в ряде случаев – противоречащие логике и принципам совершенствования законодательства.

На это накладывает и то обстоятельство, что, несмотря на произошедшие в России за три последних десятилетия экономические и социально-правовые изменения, современное уголовное судопроизводство, в том числе его досудебная часть, содержит в своей основе отдельные положения принятого более 50-лет

назад УПК РСФСР и по причине чего остается чрезвычайно бюрократизированным и сущностно затратным при его недостаточной эффективности (ежегодно в суд направляется только каждое третье уголовное дело), в силу чего не способно обеспечить реализацию задач, сформулированных в ст. 6 УПК РФ, например назначение уголовного судопроизводства. Основной из них является борьба с преступностью с целью ее удержания на социально терпимом уровне.

Одновременно законодатель, вследствие оказываемого на него «давления» со стороны правоохранительных и судебных органов, в том числе названной профессором В.П. Божьевым «тихой революцией» Конституционного Суда РФ<sup>2</sup>, неоднократно допускал принятие в УПК РФ поправок, носящих характер контрреформ (например, фактическое возвращение в УПК РФ положений ст. 205 УПК РСФСР, регламентирующих правила изложения в обвинительном заключении доказательств; расширение оснований возвращения судом уголовного дела прокурору *фактически, на дополнительное расследование*<sup>3</sup> (выделено Б.Г.) и ряд других<sup>4</sup>.

При этом необходимо учитывать, что деятельность правоохранительных органов, основную составляю-

щую которых представляют органы внутренних дел, осуществляется в условиях осложнения криминогенной обстановки, обусловленной в числе других причин значительным увеличением (с 19,3 млн. в 2006 г. до 28,4 млн. в 2013 г. и 14,3 млн. за первое полугодие 2014 г.) количества зарегистрированных сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и иных происшествиях и, соответственно, возрастанием в 2013 г. в целом объема процессуальной деятельности до 2,1 млн. расследованных уголовных дел и 6,7 млн. процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, а всего 8,8 млн. (для сравнения в 1992 г. количество «отказных» материалов составляло всего 1,3 млн., и возбужденных уголовных дел – 2,8 млн., а всего 4,1 млн. процессуальных производств).

Сегодня требуют неотложных изменений нормы, регламентирующие начало производства по уголовному делу; принципиальному пересмотру подлежит институт предъявления обвинения; необходимо введение сокращенного, приближенного к протокольной форме, дознания, в первую очередь, по преступлениям небольшой тяжести и возможность их перевода в уголовные проступки; необходимо срочное упорядочение процессуальных сроков расследования в соответствии с введенной в УПК РФ нормой – принципом ст. 6.1 и ряд других.

В число первоочередных задач входит изменение порядка начала производства по поступившему заявлению, сообщению о преступлении, в том числе *исключение из УПК РФ его ст. 148*, предоставляющей правоприменителю право отказывать в возбуждении уголовного дела. Ее наличие влечет за собой ряд негативных последствий. Так, решения органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела (в 2012–2013 гг., соответственно, по 6,4 млн. и 6,7 млн. заявлений и сообщений о преступлениях) не только ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию, но и, зачастую, нарушают закон. От 20% до 40% таких решений прокурорами ежегодно признаются незаконными или необоснованными и отменяются. Следует также учитывать и нерациональность затрат, связанных с их принятием. В 2012–2013 гг. количество процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, вместе с отмененными и повторно вынесенными, составило, соответственно, порядка 13 и 11 млн., что эквивалентно затратам (на государственном уровне нигде не учитываемым) труда порядка 30 тыс. сотрудников органов дознания и следствия, не считая десятков миллионов рублей на бумагу, почтовые расходы и т.д.

Хотя количество возбужденных уголовных дел после отмены процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела остается незначительным (менее 10%), однако за 20 лет оно возросло почти в 7 раз (с 32,5 тыс. в 1991 г. до 215,3 тыс. в 2013 г.).

При выработке предложений об исключении из УПК РФ института отказа в возбуждении уголовного дела учитывалось, что ни Устав уголовного судопро-

изводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922, 1923 гг. его не предусматривали, отсутствует он и в зарубежном процессуальном законодательстве, за исключением ряда государств бывшего СССР.

*Возбуждение уголовного дела.* Обусловленность по УПК РФ начала расследования по заявлению, сообщению о преступлении вынесением постановления о возбуждении уголовного дела заведомо влечет за собой, как указано выше, ограничение доступа граждан к правосудию. Об этом наглядно говорит сокращение почти в три раза (с 16,9% в 2006г. до 5,9% за 1 полугодие 2014 г.) количества принятых следователем, дознавателем, органом дознания таких решений за последние годы.

	2006	2009	2010	2011	2012	2013	2014, 1 пол.
Всего зарегистрировано заявлений, сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях и происшествиях, млн.	19,3	22,8	23,9	24,7	26,4	28,4	14,3
Возбуждено уголовных дел, млн.	3,3	2,4	2,2	2,0	1,9	1,78	0,84
В т.ч. удельный вес к числу заявлений и сообщений, %	16,9	10,7	9,0	8,0	7,2	6,0	5,9

О складывающейся негативной практике свидетельствует и соотношение удельного веса процессуальных решений о возбуждении уголовного дела к числу решений об отказе в возбуждении уголовного дела, который за последние 20 лет сократился в 8 раз.

Период	Возбуждено уголовных дел, млн	Количество «отказных» материалов, млн	Удельный вес к возбужденным делам, в %
1992	2,8	1,3	47,7
2002	2,5	3,8	148,4
2010	2,2	6,0	272,7
2012	1,9	6,4	336,8
2013	1,8	6,7	380
2014 1 пол.	836	3,2	381

В результате показатель преступности в России ежегодно колеблется в зависимости от требований МВД России и Генеральной прокуратуры РФ к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины от +32,7% в 1989 г. до – 14,9% в 2002 г. Последствия этого приобрели гипертрофированный характер в форме так называемого «административного» фактора ре-



гулирования показателей преступности, на что автор в последние 15 лет обращал особое внимание<sup>5</sup>. Для сравнения, в Германии за последние 15 лет ежегодные изменения преступности при ее количественной составляющей 6,5 млн. в год не превышают 1–1,5%.

Изложенное позволяет констатировать необходимость изменения порядка начала производства расследования путем исключения процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела. Так, ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к началу следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка»<sup>6\*</sup>. Указанные предложения включены в Дорожную карту дальнейшего реформирования органов внутренних дел и положены в основу подготовленного в МВД России с непосредственным участием автора проекта соответствующего федерального закона.

Порочность процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела и в существенных препятствиях при собирании доказательств на первоначальном этапе расследования<sup>7</sup>, в ограничении возможностей использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности и др.<sup>8</sup>

В последнее время указанная негативная составляющая проявлялась в позиции Верховного Суда РФ при оценке соблюдения органами предварительного расследования процедуры возбуждения уголовного дела. Показательным является определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. №60-Д13-3 по обвинению «Г». Уголовное дело было возбуждено по п. «б» (как минимум – совершение преступления группой лиц) ч. 4 ст. 132 УК РФ, однако в постановлении о возбуждении следователь указал только гражданина «З». По мнению Верховного Суда РФ, в отношении «Г», в силу положений ст.ст. 140 и 146 УПК РФ, также необходимо было вынести постановление о возбуждении уголовного дела<sup>9</sup>, что противоречит не только сложившейся многолетней практике самого Верховного Суда РФ по этому вопросу, но и здравому юридическому смыслу. Следует считать необоснованным и требования о возбуждении самостоятельного уголовного дела, например, по каждому факту совершения мошеннических действий в виде «финансовой пирамиды», обманутых вкладчиков, по фактам совершения которых уголовное дело возбуждается, как правило, в отношении организаторов мошеннической схемы изъятия у граждан денежных средств.

*Процессуальные сроки расследования.* В связи с введением в УПК РФ нормы-принципа (ст. 6) о разумном сроке уголовного судопроизводства и в соответствии с Постановлением Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 30/64 в части разумного срока уголовного судопроизводства в 4 года, представляется необходимым привести в соответствие с указанными правовыми факторами пред-

усмотренный ч. 1 ст.162 УПК РФ двухмесячный срок предварительного следствия, воспроизводящий аналогичные положения ст. 119 УПК РСФСР 1922 г., несмотря на существенное усложнение как самого предварительного следствия, так и расследуемых уголовных дел.

Еще более одиозная ситуация сложилась с первоначальным двухмесячным сроком содержания обвиняемого под стражей, в который входят: от 10 до 30 суток для принятия прокурором решения о дальнейшем движении дела (ч. 1 и ч. 1.1. ст. 221 УПК РФ) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) решения в соответствии с ч. 1 ст. 227 УПК РФ, из-за чего сроки содержания обвиняемых под стражей в 2013 г. продлевались по 50% уголовных дел.

Не способствует решению проблемы процессуальных сроков предварительного расследования и положения Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 234-ФЗ, допускающего продолжительность срока досудебного производства по уголовному делу в 4,5 года, признавая данный срок разумным<sup>10</sup>.

*Пересмотр процессуального порядка предъявления обвинения.* Необходимо отметить, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не предусматривал института привлечения лица в качестве обвиняемого. Его потребность на протяжении десятилетий обуславливалась тем, что предъявление обвинения являлось правовым основанием (моментом) допуска защитника к участию в уголовном деле. Однако, сегодня в соответствии с требованиями ст.ст. 46 и 49 УПК РФ участие защитника в уголовном деле предусмотрено не только с момента его возбуждения в отношении конкретного лица, а в соответствии с нормами Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ<sup>11</sup> – с момента начала осуществления процессуальных действий с лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Кроме того, сегодня по сути нивелирована разница в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ).

Одновременно системный анализ УПК РФ в совокупности с решением Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. №6-П<sup>12</sup> о том, что «пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)» позволяют сделать предположения о возможности исключения из УПК РФ института предъявления обвинения (ст.ст. 171–175 УПК РФ).

Возможность такого решения обусловлена практикой расследования в форме дознания без предъявления обвинения и последующего судебного разбирательства около 4 млн. уголовных дел за 12 лет действия УПК РФ. Этим фактически подтверждена конституционность положений УПК РФ об обвинении в форме обвинительного акта.

Кроме того, в соответствии с решениями Европейского Суда по правам человека, например, гр. Экле против Германии<sup>13</sup> термину «обвинение» должно придаваться содержательное, а не формальное (как в на-

стоящее время по УПК РФ) значение. Понятие «обвинение» может быть определено как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно-наказуемое правонарушение. Более подробно данная проблема была обсуждена на круглом столе Академии управления МВД России<sup>14</sup>.

*О реализации Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ*<sup>15</sup>. Внесение указанным Законом принципиальных изменений в процессуальный статус прокурора в досудебном производстве способствовало, по мнению автора, улучшению показателей качества следствия, сокращения числа лиц, незаконно, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, в том числе содержащихся под стражей, особенно по уголовным делам, расследованным следователями органов прокуратуры. Это подтверждается приведенными ниже сравнительными статистическими данными о результатах работы следователей в период действия УПК РСФСР и УПК РФ, в том числе до и после внесения в УПК РФ изменений Федеральным законом № 87-ФЗ.

Период	Число оправданных судом лиц, в т.ч. на 1000 обвиняемых по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержащихся под стражей			
	Следователи МВД	Из них содержалось под стражей	Следователи прокуратуры и СК РФ	Из них содержалось под стражей
2006	1372 – 2,0	524	1885 – 18,0	954
2007	1191 – 1,8	364	1417 – 11,9	742
2008	954 – 1,5	316	966 – 8,0	595
2009	721 – 1,3	362	796 – 7,0	518
2010	878 – 1,8	639	801 – 8,0	534
2011	699 – 1,6	399	658 – 7,0	368
2012	553 – 1,3	260	615 – 6,0	364
2013	509 – 1,3	250	654 – 5,8	411
1 пол. 2014	254-1,3	45	325-5,6	145

	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	Следователи МВД	Удельный вес, в %	Следователи прокурат. и СК РФ	Удельный вес, в %	Всем органам расследования	В том числе следователям/ Уд.вес, в %
1999	21249	2,7	1102	1,4	41340	34209 – 4,0
2000	19502	2,6	833	1,0	37106	31381 – 3,7

2006	18373	3,3	1286	0,8	35930	–
2007	17557	3,2	1860	1,6	33300	–
2008	17573	3,5	3524	3,2	26502	20955 – 3,6
2009	17652	3,8	3664	3,5	12163	8952 – 1,6
2010	18089	4,4	2640	2,8	11141	7816 – 1,6
2011	18560	4,8	3118	3,5	7689	5962 – 1,3
2012	17908	4,9	3873	3,7	6227	4930 – 1,1
2013	15104	4,3	4029	3,9	5992	4689 – 1,1
2014 1-е пол.	7262	4,2	1821	3,3	2551	1793-0,8

*Сокращенная форма дознания.* Значительная роль в совершенствовании досудебного производства придается дифференциации расследования путем введения, в первую очередь, «дознания в сокращенной форме». Введенный указанным Федеральным законом от 4 марта 2013 г. №23-ФЗ данный порядок расследования вызвал у правоприменителей и ученых ряд значимых вопросов в связи с его несовершенством и противоречивостью с позиции публичности уголовного процесса (см. публикации А.С. Александрова<sup>16</sup>, Б.Я. Гаврилова<sup>17</sup>, С.И. Гирько<sup>18</sup>, Н.Н. Ковтуна<sup>19</sup> и др.). Как следствие, ежеквартально в 2013 г. оканчивалось расследованием с направлением в суд чуть более 3 тыс. уголовных дел, хотя под указанную форму расследования подпадают порядка 50 тыс. В 2014 г. это количество увеличилось примерно до 5 тыс. уголовных дел в квартал.

В свою очередь, автором предлагается, что такое расследование должно производиться по протокольной форме досудебной подготовки материалов в отношении конкретного лица, признавшего факт совершения преступления, обстоятельства которого очевидны и не требуют производства всего комплекса следственных действий. При этом законодатель должен предусмотреть ограничение при производстве в сокращенной форме перечня следственных действий допросом подозреваемого и потерпевшего. К материалам уголовного дела подлежит приобщению справка о судимости для определения судом вида уголовного наказания. Подозреваемый подлежит задержанию в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ и в течение 48 часов уголовное дело предлагается направлять прокурору для утверждения обвинительного протокола и передачи его в суд. Последний, в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 108 УПК РФ, с учетом внесения в нее изменений, продлевает срок задержания до 72 часов, в течение которых рассматривает уголовное дело. В случае невозможности рассмотрения уголовного дела в сокращенной форме, суд возвращает его прокурору для расследования в общем порядке. При этом дознание производится как дознавателем, так и иным должностным лицом органа дознания (полиции).

Данная новация способна существенно повысить эффективность процессуальной деятельности органов предварительного расследования и судебной системы,





обеспечить незамедлительную защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, при сохранении уровня гарантий прав личности от незаконного и необоснованного обвинения.

*Совершенствование процессуального контроля и прокурорского надзора за расследованием уголовных дел в форме дознания.* Реальная возможность совершенствования процессуального контроля по данной категории уголовных дел создавалась в связи с принятием Федерального закона от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ<sup>20</sup>, которым впервые за 90-то летний период действия в России кодифицированного уголовно-процессуального законодательства в него введена процессуальная фигура начальника подразделения дознания с процессуальными полномочиями, аналогичными начальнику следственного отдела (в ред. УПК РФ 2001 г.).

С его принятием возрос уровень прокурорского надзора, о чем свидетельствует складывающиеся тенденции усиления прокурорского надзора за качеством расследования уголовных дел в форме дознания:

- в 5 раз (с 7344 дел в 1999 г. или 1,7% к направленным в суд делам до 1303 дел в 2013 г. или 0,37% и 614 дел в 1 полугодии 2014 г. или 0,34 %) сократилась доля уголовных дел, направленных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ;

- уменьшилось число оправданных судами (с 651 лица в 1999 г. до 183 – в 2013 г. и 120 – в 1 полугодии 2014 г., а их доля на 1 тыс. обвиняемых по направленным в суд делам составила в 2013 г. – 0,52 против 1,52 – в 1999 г.) и многократно сократилось число оправданных и реабилитированных, содержащихся под стражей (с 60 лиц в 1999 г. до 17 – в 2013 г. и 6 граждан в 1 полугодии 2014 г.).

Приведенные данные свидетельствуют как о качественно ином уровне требований прокуроров к состоянию законности, так и о необходимости совершенствования процессуального контроля со стороны начальников подразделений дознания путем передачи им полномочий от прокурора по аналогии с руководителем следственного органа.

*Избрание меры пресечения в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования и объявленных в федеральный розыск.* Требуется внесения в УПК РФ принципиальных изменений и порядок заключения под стражу подозреваемых, обвиняемых, скрывшихся от следствия и объявленных в федеральный розыск, число которых на 1 января 2014 г. достигло 148 тыс., в том числе 55 тыс. числятся за судом.

Действующий порядок избрания меры пресечения, не допускающий заочного вынесения судом решения о заключении под стражу, за исключением обвиняемого, объявленного в международный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ), соответствует положениям Конституции РФ и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предоставляющим задержанному лицу право предстать перед судом незамедлительно после задержания.

С учетом этого предлагается предоставить суду по месту расследования уголовного дела возможность заочного вынесения решения (с участием защитника) о заключении объявленных в федеральный розыск подозреваемых, обвиняемых под стражу. Одновременно в УПК РФ следует предусмотреть процессуальный механизм, который предоставляет лицу, объявленному в федеральный розыск и задержанному вне места производства предварительного расследования, в течение 48 часов с момента фактического задержания предстать перед федеральным судьей ближайшего районного суда по месту фактического задержания для допроса с целью установления личности задержанного и проверки, не отменено ли ранее вынесенное решение суда о заключении его под стражу, а после доставления к месту производства предварительного расследования – в течение 48 часов предстать перед судом (судьей), избравшим меру пресечения для решения вопроса о и возможности ее изменения (подобный порядок действует в Германии, Франции и др. странах).

Изложенное позволяет автору констатировать необходимость внесения существенных изменений в законодательство уголовно-правового комплекса, которое сегодня не обеспечивает реализацию правоохранительными органами, в том числе полицией, требований о повышении эффективности борьбы с преступностью.

Указанные предложения по изменению законодательства неоднократно озвучивались учеными и практичными работниками<sup>21</sup>, в том числе в материалах конференций, проводимых в Академии управления МВД России. Необходимы и другие изменения. Дело за российскими учеными и законодателем.

<sup>1</sup> Автор участвовал в указанных слушаниях и представлял свои предложения.

<sup>2</sup> *Божьев В.П.* «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации // *Избранные труды.* М.: Юрайт, 2010. С. 393–415.

<sup>3</sup> О внесении изменений в ст. 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ // *Собрание законодательства РФ.* 2014. № 30. Ст. 4270.

<sup>4</sup> *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. Монография. М., 2008. С. 21–24.

<sup>5</sup> *Гаврилов Б.Я.* Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. Монография. М.: Проспект, 2007. С. 20–35; *Он же.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Проспект, 2008. 208 с. и др.

<sup>6</sup> Российское законодательство X–XX веков. Т.8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 150.

<sup>6\*</sup> Содержание ст. 311 Устава Уголовного Судопроизводства о том, что прокурор и его товарищи могут возбудить дело не означает наличия в Уставе специальной правовой нормы для реализации этого права, как это имеет место в уголовном процессе России начиная с УПК РСФСР 1960 г.

<sup>7</sup> *Гаврилов Б.Я.* Процессуальный порядок возбуждения уголовного дела – соответствует ли он правовым реалиям и право-

применительной практики? // Российская юстиция. 2006. № 8. С. 48–50; Он же. Реализация отдельных положений Устава уголовного судопроизводства в современной досудебном производстве России // Актуальные проблемы российского права; 2014. № 5. С. 897–905 и др.

<sup>8</sup> Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Монография. М.: Проспект, 2009. 374 с.; Он же. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 2013. № 5. С. 24–39.

<sup>9</sup> Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2014. № 8. С. 23.

<sup>10</sup> О внесении изменений в ст. 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4274.

<sup>11</sup> О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ) // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

<sup>12</sup> По делу о проверке конституционности положений ст. 237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда: Постановление Конституционного суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

<sup>13</sup> Решение от 15 августа 1982 г. по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М.: НОРМА, 2000.

<sup>14</sup> Материалы круглого стола: Предъявление обвинения в уголовном судопроизводстве будет отменено? // Юридический консультант. 2010. № 3. С. 9–16.

<sup>15</sup> Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

<sup>16</sup> Александров А.С., Сафин Р.Р., Юнусов А.А. К вопросу о сокращенной форме досудебного производства по уголовному делу // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4.

<sup>17</sup> Гаврилов Б.Я. Протокольная форма досудебной подготовки материалов и сокращенное дознание: сравнительно-правовой анализ // Труды Академии Управления МВД России. 2014. № 2. С. 15.

<sup>18</sup> Гирько Г.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения 2013. № 21. С. 2–5.

<sup>19</sup> Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 47–49.

<sup>20</sup> Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

<sup>21</sup> Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования в России следственного аппарата), 28–29 мая 2010 г. // Российский следователь. 2010. № 15. С. 2–48. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений», 26 мая 2011 г. // Российский следователь. 2011. № 16. С. 2–39.



**Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой, Е.Н. Клециной. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 727 с.**

Учебник соответствует требованиям рабочих учебных программ по специальности и бакалавриату по всем специальностям, используемых преподавателями и курсантами (слушателями) при преподавании и изучении дисциплины «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)» в Московском университете МВД РФ.

Авторы учебника поставили перед собой задачу раскрыть общие положения уголовного процесса, содержание всех его стадий (этапов). Отдельные главы учебника посвящены производствам у мирового судьи и в суде с участием присяжных заседателей, особым порядкам принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, особенностям судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, а также особенностям производства по отдельным категориям уголовных дел, международному сотрудничеству в

сфере уголовного судопроизводства, уголовному процессу зарубежных стран.

Для курсантов (студентов), адъюнктов (аспирантов), преподавателей юридических вузов, практических работников правоохранительных органов.



УДК 343.1  
ББК 67.311

## ПОЛИЦИЯ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

**СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕВСКИЙ,**  
*профессор кафедры оперативно-технических мероприятий  
органов внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации  
сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор  
E-mail: nevskiy40@mail.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются вопросы участия полиции в уголовном судопроизводстве после судебной реформы. При этом уделено особое внимание организации взаимодействия полиции с судебными следователями и лицами прокурорского надзора. Отмечено, что негативно на качество работы полиции в сфере уголовного судопроизводства влияли длительное время неразрешенные недостатки в организации полиции, требовавшие ее реформирования. Указаны преимущества сыскных отделений, по сравнению с общей полицией, в уголовном судопроизводстве.

**Ключевые слова:** полиция, предварительное следствие, дознание, судебные следователи, Устав уголовного судопроизводства, взаимодействие, сыскные отделения.

**Annotation.** Questions of the participation of the police in the criminal legal procedure after judicial reform are examined. In this case special attention to the organization of the cooperation of the police with the judicial inspectors and the persons of prosecutor supervision is given. It is noted, that negatively to the quality of the work of the police in the sphere of criminal legal procedure influenced long time the unsolved deficiencies in the organizations of the police, which required her reformation. The advantages of criminal-investigation departments, in comparison with the general police, in the criminal legal procedure are indicated.

**Keywords:** the police, preliminary consequence, inquiry, judicial inspectors, the regulations of criminal legal procedure, interaction, criminal-investigation departments.

Среди буржуазных реформ в России в 60–70-х годах XIX в. значительное место занимала судебная реформа, суть которой заключалась в коренном изменении процессуального законодательства и связанного с ней судостроительства [8; с. 55].

А. Левандовский, анализируя основные положения судебной реформы по прошествии полутора века, очень удачно отметил, что если раньше следствие «вели представители полиции, то теперь оно перешло в руки следователей – представителей судебного ведомства. Их несменяемость и высшее юридическое образование (обязательное требование) давали подследственному определенные гарантии объективного и добросовестного рассмотрения дела» [16; с. 13–14].

Институт судебных следователей в Российской Империи был образован указом императора Александра II от 8 июня 1860 г., которым утверждено «Учреждение судебных следователей». Таким образом, следственная часть была отделена от полиции.

В ст. 1 «Учреждения судебных следователей» говорилось: «Для производства следствий по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судебных

мест, состоят в уездах и городах судебные следователи» [1]. Одновременно были приняты «Наказ судебным следователям» [2], а также «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок» [3].

Судебные уставы 1864 г. внесли существенные изменения в правовое положение судебных следователей, их взаимоотношения с полицией, прокуратурой и судом, изменился порядок производства предварительного следствия.

Рассмотрим основные положения **Устава уголовного судопроизводства** (далее – УУС), утвержденного императором 20 ноября 1864 г. [8; с. 120–251], об участии полиции в производстве по уголовным делам.

В Уставе уголовного судопроизводства участие полиции в производстве по уголовному делу регламентировалось отделением первым «Участие полиции в производстве предварительного следствия» главы первой раздела второй книги второй.

Участие полиции в производстве предварительного расследования осуществлялось в следующих

формах: 1) дознание; 2) совершение отдельных следственных действий в порядке ст. 258 Устава; 3) выполнение отдельных поручений следователя, в том числе и розыск [9; с. 285].

Как отметил Н.Н. Полянский, дознание имело своей целью собрание предварительных сведений, которыми затем пользуется судебный следователь при производстве следствия, но, подобно предварительному следствию, дознание имеет целью не только выяснить, совершено ли преступление и, если совершено, то какое именно, но и виновность в преступлении определенного лица [10; с. 134].

Полиция о всяком происшествии, содержащем признаки преступления или проступка, немедленно, не позднее суток по получении об этом сведений, должна была сообщить судебному следователю и прокурору (или его товарищу) (ст. 250 УУС). Сведения о преступлениях или проступках, относившихся к ведению мировых судей, полиция передавала им по принадлежности (ст. 251 УУС).

В том случае, если судебного следователя, прокурора (товарища прокурора) не было на месте, полиция, «сообщая им о происшествии, заключающем в себе признаки преступного деяния, вместе с тем, производит надлежащее о том дознание» (ст. 251 УУС).

При производстве дознания полиция все необходимые сведения в соответствии со ст. 254 УУС имела право собирать посредством розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения. Н.Н. Полянский отметил, что «производство дознания может для получения нужных ей сведений принимать все меры розыска, не стеснительные для граждан и не ограничивающие их свободы». Далее указано, что «словесные расспросы должны быть отличаемы от формального допроса, производимого следователем: в то время, как судебный следователь имеет право требовать явки к себе лиц, которые должны быть допрошены, под угрозой взыскания за неявку, полиция, как разъяснил Сенат, «не в праве требовать к себе тех, от кого надеется получить полезные сведения», в то время, как судебный следователь записывает в протоколы показания допрашиваемых лиц собственными их словами, «без всяких изменений, пропусков и прибавлений», полиция лишь излагает сущность добытых ею сведений; естественно, что по одному этому ее записи не имеют такой же степени достоверности, как протоколы судебного следователя» [10; с. 134–135].

В тех случаях, когда полицией было застигнуто совершающееся или только совершившееся преступление, а также когда до прибытия судебного следователя на место происшествия следы преступления могли быть утрачены, полиция производила следственные действия, не терпящие отлагательства: осмотры, освидетельствования, обыски, выемки. Формальных допросов обвиняемых и свидетелей полиция в этих случаях не производила, за

исключением, если кто-либо из них тяжело болен и были опасения их смерти до прибытия следователя (ст. 258 УУС).

До прибытия следователя полиция должна была принимать меры для сохранения следов преступления и пресечения возможности подозреваемому скрыться от следствия (ст. 256 УУС).

Ст. 257 УУС определяла основания задержания подозреваемых:

«1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения;

2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо;

3) когда на подозреваемом или в его жилище найдены будут явные следы преступления;

4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем;

5) когда он сделал покушение на побег или пойман во время или после побега и

6) когда подозреваемый не имеет постоянного жительства или оседлости».

По прибытии судебного следователя полиция передавала ему все материалы и прекращала свои действия по производству следствия до получения особых о том поручений (ст. 260 УУС). Судебный следователь имел право проверять, дополнять и отменять действия полиции по произведенному ею расследованию (ст. 269 УУС).

Ст. 270 УУС была предусмотрена обязанность полиции, как и других должностных и частных лиц, исполнять законные требования судебного следователя «без замедления». В соответствии со ст. 272 судебный следователь мог поручать полиции производство дознаний и собрание справок по сделанным им указаниям. Ст. 483 УУС предписывала, что полиция «действиями своими по производству предварительного следствия должна оказывать деятельное пособие судебным следователям и лицам прокурорского надзора в раскрытии обстоятельств дела, не дозволяя себе ни медленности, ни превышения или бездействия власти».

В целях методического обеспечения деятельности полиции в расследовании преступлений определением Правительствующего Сената по общему собранию 1-го и кассационных департаментов от 25 мая 1871 г. прокурорам судебных палат было предоставлено право «преподавать чинам полиции общие разъяснения порядка производства по уголовным делам дознаний и следственных действий». Циркулярным предписанием министра юстиции от 31 января 1881 г. № 2735 это было вменено прокурорам судебных палат в обязанность. В этой связи, например, Н.В. Муравьевым, занимавшим должность прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты, в 1882 г. составлена «Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений». Независимо





от обязательного использования этой Инструкции в четырех губерниях (Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Витебской), составлявших Санкт-Петербургский судебный округ, Инструкция была принята для руководства и в ряде иных губерний. В частности, с 1 октября 1885 г. Инструкция была введена в действие в 13 губерниях, входивших в состав округа Московской судебной палаты [12; с. 434–439].

Говоря о качестве полицейского дознания, необходимо заметить, что оно, во многих случаях, оставляло желать лучшего. Это было одним из вопросов, поднятых во время съезда прокуроров округа Московской судебной палаты в 1886 г. Деятельность чинов полиции по обнаружению и исследованию преступлений вызвала много нареканий со стороны московских прокуроров. По их мнению, самым слабым было дознание, проводимое полицией о «смертных случаях, увечьях и иных повреждениях, причиненных на фабриках, заводах, при эксплуатации железных дорог, возведении зданий и т. п.». Съезд определил разъяснить чинам полиции, что основная задача производимых ими дознаний по таким делам заключается в раскрытии причин того или иного несчастного случая, поэтому они обязаны указывать в протоколах все технические подробности, составляющие обстановку несчастия и непременно допрашивать, если возможно, самих потерпевших относительно всех обстоятельств, сопровождавших событие преступления. Съезд признал необходимым направить прокурорам, судебным следователям и чинам полиции сборники всех распоряжений и постановлений правительства и ведомств о соблюдении безопасности при фабричном производстве, эксплуатации железных дорог, сооружении зданий и т. п. [13; с. 235–236].

Взаимодействие судебных следователей и полиции при расследовании преступлений не отвечало предъявляемым требованиям, что было обусловлено давно назревшей необходимостью реформы полиции. Вопрос о реорганизации полиции в Российской Империи довольно длительный срок оставался без решения. В этих условиях уже в начале судебной реформы «полиция недружелюбно относилась к судебным следователям, так как с учреждением последних прекратился источник их незаконных поборов» [15; с. 80], при этом требовательность судебных следователей порождала «враждебность полиции к судебным следователям, которая доходила до того, что становые приставы и исправники ставили себе в заслугу неисполнение требований следователей» [15; с. 81]. В дальнейшем, после принятия Устава уголовного судопроизводства, проблемы взаимодействия также не потеряли своей актуальности.

Рассматривая в 1898 г. в работе «Средства для борьбы с разбоем на Кавказе» причинный комплекс преступности на Кавказе, А.С. Френкель особо затронул вопрос о взаимоотношениях судебных сле-

дователей и полиции. Должностные лица царской администрации на Кавказе (в частности, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь А.М. Дондуков-Корсаков) в записках, направленных в Министерство юстиции, и донесениях Императору, вошедших в труды Комиссии по преобразованию судебной части на Кавказе, отмечали, что следователи держали на свободе обвиняемых в преступлениях, «вследствие чего эти обвиняемые, пользуясь свободой, или подготавливают ложных свидетелей для обмана суда, или бегут, – и тем увеличивают контингент разбойников». А.С. Френкель указывал на необъективность подобной оценки: «Часто бывает весьма сомнительно правильность ареста полицией подозреваемых в грабежах и пр. Полиция, нередко, чтобы лишь, показать свою энергию, расторопность и полезность, арестовывает на право и налево, – совершенно невинных людей. Но может ли судья – следователь, видя, что против задержанного нет ни доказательств, ни серьезных улик, томить такое лицо под стражею только потому, что полицейскому чиновнику было угодно заарестовать его, дабы отличиться в глазах начальства?...» [11; с. 72–73].

В. Даневский в своей работе «Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа» (1895), поддержал точку зрения, согласно которой причины неудовлетворительной деятельности полиции по судебной части заключаются во взаимодействии ошибок законодательства, недостаточной организации и личной непригодности чинов полиции [14; с. 70]. Далее В. Даневский указывает на сложную организацию полиции [14; с. 70]. Также он отметил проблему качественного состава сотрудников полиции: «При низком иерархическом ранге большинства полицейских должностей, при полной подчиненности этой службы и скудости вознаграждения, при ничтожных шансах на дальнейшее движение, контингент полицейских агентов должен пополняться людьми случайными, не соответствующими типу хорошего полицейского чиновника» [14; с. 70–71].

Особо В. Даневский отметил, что отношения между полицией и судебной властью составляло слабую сторону судебных уставов. Он писал: «Не создав специальной судебной полиции, составители Судебных Уставов, проводя начала разделения и независимости властей, опасались поставить общую полицию в действительно подчиненное положение к судебной власти в деле дознания» [14; с. 75]. По его мнению, «выделение из состава общей полиции особых чинов или назначение специальных агентов для производства розысков по судебной части вызывается серьезною государственною необходимостью, в виду несомненно доказанной невозможности сохранения действующего порядка; без удовлетворения этой потребности не мыслима никакая реформа следственной части... С выделением особой судебной полиции последняя может успешно отправлять

свои специальные функции, не препятствуя полиции административной, которая освободившись от судебных обязанностей, может уже всецело предаться своему специальному делу. Каждая часть будет в состоянии успешнее работать в своей сфере, тогда как в настоящее время полиция административная, отвлеченная от своего дела, неудовлетворительно исполняет розыскные функции» [14; с. 78–79].

Отчасти предложения о создании специальной (судебной) полиции были реализованы в 1908 г., когда в целях улучшения работы по розыску преступников и предупреждению преступлений законом в составе полиции по всей Российской Империи была учреждена сыскная часть [4; л. 19, 19 об., 20]. Напомним, что до этого времени сыскные отделения существовали лишь в нескольких крупных городах Империи. Инструкция чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 г. сформулировала цели деятельности сыскных отделений следующим образом: «Сыскные отделения имеют целью своей деятельности негласное расследование и производство дознаний в видах предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера» [5; л. 3–17].

В качестве примера более эффективной деятельности сыскных отделений по уголовным делам можно привести ряд сведений из материалов проверок полиции в различных губерниях Империи.

В частности, при проверке деятельности Либавского сыскного отделения в 1910 г. чиновником для особых поручений при министре внутренних дел статским советником О.Г. Фрейнатом были выявлены факты, свидетельствующие о более высоком качестве взаимодействия по уголовным делам судебных следователей и лиц прокурорского надзора с чинами сыскного отделения, по сравнению с чинами общей полиции.

В частности, в материалах проверки находится документ, подписанный товарищем прокурора окружного суда, в котором указано, что «отличительными качествами чинов общей полиции являются медленность в производстве дознаний, отсутствие умения производить таковыя, отсутствие опыта и безтактность. На это неоднократно было указываемо Прокурорским Надзором.

Отношения к судебной власти оставляют желать много лучшего. Поручения Судебных Следователей исполняются медленно и ответы общей полиции на запросы Следователей иногда носят явно демонстративный характер, например ответ Пристава Зенкевича на запрос Следователя Россиневича об исполнении – «исполнение задерживается исполнением». Дознания, производимыя Приставом Зенкевичем никогда не отличались полностью и сопровождались нарушением 250, 258, 255 и 254 ст. У.У.С.

Вообще поручения Судебных Следователей исполняются неаккуратно. Часто сведения, сообщаемыя полицией о нерозыске и непроживании свидете-

лей, опровергаются последними, удостоверяющими, что они все время проживают в Либаве и никуда не отлучались» [6; л. 57 об., 58].

Противоположным по содержанию является отзыв и. д. прокурора Либавского окружного суда о деятельности сыскного отделения, в котором отмечена его достаточно хорошая работа: «Как чины Прокурорского Надзора, так и судебные следователи неоднократно обращаются к сыскной полиции с поручениями по уголовным делам. Поручения эти касаются в большинстве случаев розыска преступников и похищенного. Обыкновенно поручения даются на имя Начальника Сыскного Отделения, как письмен, так и словесно. Начальник Сыскного Отделения и также и чины последнего выполняют эти поручения в высшей степени аккуратно, добросовестно и успешно. Начальник Сыскного Отделения обращается в случае, если встречает какое либо затруднение в исполнении поручения, к Прокурору Суда за разъяснениями и доносит ему о ходе негласных расследований как по исполнению поручений, так и в видах предупреждения преступлений.

Одновременно с розыском преступников Сыскному Отделению приходится производить и целия полицейския дознания по уголовным делам, при чем круг дел, подлежащих его ведению, ничем не определен.

Ст. 250 У.У.С. чинами Сыскного Отделения в большинстве случаев соблюдается. Произведя дознание, Сыскное Отделение обыкновенно передает его судебной власти» [6; л. 55 об.].

В материалах ревизии Саратовского сыскного отделения 12–13 октября 1910 г. отмечено, что «вообще отношения между судебными властями и Сыскным Отделением наилучшия, причем за время существования Отделения ни предупреждений, ни замечаний прокурорского надзора чины отделения не получали. Прокурор Окружного Суда сам предложил Начальнику Отделения не стесняться в обращениях к нему в потребных случаях за разъяснениями и всегда охотно давал их. Отчет о деятельности Отделения Прокурор не требует, но Начальник Отделения время от времени или в особо выдающихся случаях словесно докладывает ему» [7; л. 61, 61 об.].

### Литература

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. XXXV. Отд. I. № 35890.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. XXXV. Отд. I. № 35891.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. XXXV. Отд. I. № 35892.
4. Закон «Об организации сыскной части» от 6 июля 1908 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 261. Д. 241.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 261. Д. 241 (здесь и далее при цитировании сохранены, по возможности, стиль и орфография архивных документов).



6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Инспекторский отдел. 1910. Оп. 291. Д. 8.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Инспекторский отдел. 1910. Оп. 291. Д. 10. Т. 2.
8. *Рассказов Л.П., Петручак Л.А., Упоров И.В.* История уголовного процесса. Краснодар, 2001.
9. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991.
10. *Полянский Н.Н.* Уголовный суд, его устройство и деятельность. М., 1911.
11. *Френкель А.С.* Средства для борьбы с разбоем на Кавказе (Реферат, читанный в Кавказском Юридическом Обществе 10 января 1898 г.) Тифлис: Издание Кавказского Юридического Общества, 1898. С. 72–73.
12. *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. IV. На рубеже веков: эпоха войн и революций / Отв. ред. И.А. Исаев. М., 2003.
13. *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1996.
14. *Даневский В.* Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895.
15. *Тарасов А.В.* Взаимодействие судебных следователей и полиции в ходе судебной реформы второй половины XIX в. // Юристы – Правоведь. 2001. № 2. С. 79–83.
16. *Левандовский А.* Полтора века спустя: реформы земская и судебная // Родина. 2014. № 4. С. 8–15.
3. Complete collection of laws of the Russian Empire. SOBR. 2. So XXXV. The CTD. I. No. 35892.
4. The law “On organization of the detective activity” of July 6, 1908 // State archive of the Russian Federation. F. 102. Op. 261. D. 241.
5. State archive of the Russian Federation. F. 102. Op. 261. D. 241 (hereinafter citation saved, if possible, the style and spelling of archival documents).
6. State archive of the Russian Federation. F. 102. Inspection Department. 1910. Op. 291. D. 8.
7. State archive of the Russian Federation. F. 102. Inspection Department. 1910. Op. 291. D. 10 so 2.
8. *Rasskazov L.P., Petrushak L.A., Uporov I.V.* History of the criminal process. Krasnodar, 2001.
9. Russian law X–XX centuries. T. 8. Judicial reform. M., 1991.
10. *Polyanskiy N.N.* Criminal court, its structure and activities. M., 1911.
11. *Frenkel A.S.* Means for dealing with robbery in the Caucasus (Abstract, read in Caucasian Law Society 10 January 1898). Tbilisi: Publishing Caucasian Law Society, 1898. P. 72–73.
12. *Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu.* Judicial power in Russia: history, documents. In 6 t. T. IV. At the turn of the century: the era of wars and revolutions / resp. editor I.A. Isaev. M., 2003.
13. *Zvyagintsev A.G., Orlov Yu.G.* Under the shadow of the Russian eagle. Russian prosecutors. The second half of XIX – beginning of XX century, M., 1996.
14. *Danevskiy V.* Our preliminary investigation, its shortcomings and reform. M., 1895.
15. *Tarasov A.V.* Interaction judicial investigators and police in the course of judicial reform in the second half of the XIX century // Lawyer. 2001. No. 2. P. 79–83.
16. *Lewandowskiy A.* Half a century later: the Zemstvo reform and judicial // birthplace. 2014. No. 4. P. 8–15.

## References

1. Complete collection of laws of the Russian Empire. SOBR. 2. So XXXV. The CTD. I. No. 35890.
2. Complete collection of laws of the Russian Empire. SOBR. 2. So XXXV. The CTD. I. No. 35891.



**Арбитражный процесс:** учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Эриашвили. 7-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 535 с.

В пособии раскрыты институты арбитражного процессуального права, многоаспектно представлены такие важные вопросы арбитражного права, как иск и право на иск, производство по делам апелляционной и кассационной инстанций, обеспечительные меры, производство по делам, связанным с исполнением судебных актов, рассмотрение дел об административных правонарушениях, производство по делам с участием иностранных лиц и т.д.

Законодательство Российской Федерации в данной области права представлено по состоянию на 1 января 2015 г. В частности, указан порядок рассмотрения дел по корпоративным спорам, по защите прав и законных интересов группы лиц, дел о банкротстве, а также новой категории дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля и преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

**УСТАВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА  
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВРЕМЕННЫЕ  
ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ  
НА СОВЕРШЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ**

**ОЛЬГА ИГОРЕВНА ЦОКОЛОВА,**  
начальник научно-исследовательского центра  
уголовного, уголовно-процессуального законодательства  
и расследования преступлений ФГКУ «ВНИИ МВД России»,  
Заслуженный юрист Российской Федерации,  
доктор юридических наук, профессор  
Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс  
E-mail: vniizet8@yandex.ru

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Обоснована актуальность положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в части реагирования на сообщения о преступлении для современного уголовного судопроизводства. Излагаются мероприятия МВД России, в которых ВНИИ МВД России принимал участие, направленные на оптимизацию деятельности органов внутренних дел на стадии возбуждения уголовного дела. Доказывается, что решение о возбуждении уголовного дела необходимо для отделения преступных и не преступных фактов.

**Ключевые слова:** Устав уголовного судопроизводства, Уголовно-процессуальный кодекс, заявление и сообщение о преступлении, реагирование на совершенное преступление, следователь и дознаватель, возбуждение уголовного дела, предварительная проверка, эксперимент.

**Annotation.** The urgency provisions of the Charter of criminal justice 1864 in response to reports of pre-crime to the modern criminal justice. Reports on the activities of the MIA of Russia in which the research Institute of the MIA of Russia are involved-participation, aimed at optimizing the activity of internal Affairs bodies at the stage of excitation of criminal case. It is proved that the decision to Institute criminal proceedings it is necessary to separate criminal and non-criminal facts.

**Keywords:** Charter criminal justice, Criminal procedure code, the application and reporting of crime, response of the original crime, the investigator and the investigator, opened out of the criminal case, pre-check experiment.

150-летие Устава уголовного судопроизводства Российской Империи<sup>1</sup> в 2014 г. стало поводом для новых обсуждений этого исторического документа и поиска идей и решений современных проблем уголовного процесса<sup>2</sup>. Многие положения УУС являются образцом юридической мысли и сохраняют актуальность до настоящего времени. Обращает на себя внимание регламентация действий полиции, следователя и прокурора при поступлении сообщения о преступлении.

Как решался в УУС вопрос о начале производства по заявлению или иному сообщению о преступлении? Многие положения УУС почти в неизменном виде вошли во все последующие уголовно-процессуальные кодексы, в том числе и в действующий УПК Российской Федерации<sup>3</sup>. Это во многом относится и к современной стадии возбуждения уголовного дела (гл.гл. 19–20 УПК). Так, ст. 297 УУС признает законными поводами для возбуждения уголовного дела:

1) объявления и жалобы частных лиц; 2) сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц; 3) явку с повинною; 4) возбуждение дела прокурором; и 5) возбуждение дела по непосредственному усмотрению следователя. Как видим, перечень весьма похож на изложенный в ч. 1 ст. 140 УПК. Однако, несмотря на достаточную регламентацию поводов и оснований возбуждения уголовного дела в гл. 19 УПК, полагаем, что ряд положений УУС по-прежнему очень правильны и актуальны.

Так, УУС разделял объявления и жалобы о преступлениях частных лиц. Жалобы подавались потерпевшими о преступлениях, а объявления – прочими гражданами. При этом и то и другое заслуживало внимания и рассмотрения. «Объявление о преступном деянии, при коем объявитель был очевидцем, может служить достаточным поводом к начатию следствия, хотя бы в виду следователя и не было никаких других улик»





(ст. 298 УУС). «Объявления лиц, потерпевших от преступления или проступка, признаются жалобами. Жалобы почитаются достаточным поводом к началу следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка» (ст. 301, 303 УУС).

В УПК такого разделения заявлений о преступлениях нет. При этом в ст. 141 УПК не говорится о том, что заявление обязательно должно быть подано потерпевшим, однако именно так этот процессуальный акт толкуется следственной и судебной практикой в течение ряда лет. Возможно, было бы правильным разделить заявления о преступлении на те, которые подаются потерпевшими и те, которые подаются прочими лицами, исполняющими свой гражданский долг. При этом заявления потерпевших или очевидцев, содержащие информацию о признаках преступления, не требовали бы предварительной проверки.

Безотлагательность рассмотрения сообщения о преступлении – также правило, сохранившееся на протяжении столетий. «Объявления и жалобы могут быть письменные или словесные, и принимаются во всякое время как полицейскими чинами, так и судебными следователями, прокурорами и их товарищами. Время подачи и содержание объявления или жалобы, а также показания, данные при расспросе, вносятся в протокол. По получении объявления или жалобы, судебный следователь или полицейское должностное лицо немедленно расспрашивает объявителя или жалобщика об обстоятельствах происшествия, или об известных ему признаках преступного деяния и, в случае явного обвинения им кого-либо в преступлении или проступке, предупреждает его о наказании за лживые доносы» (ст. 306–307 УУС). Аналогии со ст. 141 УПК очевидны.

Полиция обязана была безотлагательно реагировать на сообщения о преступлениях: «О всяком происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка, полиция немедленно, и никак не позже суток по получении о том сведения, сообщает судебному следователю и прокурору или его товарищу. Когда ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте, то полиция, сообщая им о происшествии, заключающем в себе признаки преступного деяния, вместе с тем производит надлежащее о нем дознание» (ст. 250, 252 УУС). Данное правило в достаточной степени совпадает со ст. 157 УПК о неотложных следственных действиях.

«При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах. Произведенное дознание полиция передает судебному следователю, которому впоследствии сообщает и все дополнительные сведения, собранные ею по тому же предмету. Передавая дознание следователю, полиция доносит о том прокурору и его товарищу» (ст. 254–255 УУС). Предварительная проверка со-

общения о преступлении в порядке ч. 1 ст. 144 УПК во многом повторяет вышеназванное правило.

Полномочия прокурора и следователя возбуждать уголовное дело по своему усмотрению были весьма ограниченными: «Судебный следователь приступает к следствию по собственному усмотрению лишь в том случае, когда застигнет совершающееся или только что совершившееся преступное деяние» (ст. 313 УПК). Поскольку судебный следователь не являлся сотрудником полиции, в повседневные обязанности которого входило пресечение преступлений и задержание преступников, вышеуказанная ситуация возбуждения уголовного дела была исключительной. В целом же для принятия решения о производстве следствия требовались обращения граждан или сообщения полиции, содержащие информацию о признаках преступления, так же, как это имеет место и сейчас.

Просматривается в УУС и аналогия с современным решением об отказе в возбуждении уголовного дела (ст. 148 УПК). «Если судебный следователь в сообщении полицейских или других присутственных мест и должностных лиц не найдет достаточных оснований к производству следствия, то немедленно сообщает о том прокурору или его товарищу» (ст. 309 УУС). «Признано неудобным предоставлять судебному следователю оставлять сообщения полиции без последствий, не уведомив о том прокурора, от которого, как от обвинительной власти, зависит либо предложить следователю о производстве следствия, либо поручить полиции собрать дополнительные сведения и затем поступить по установленному порядку» («Рассуждения» к ст. 309 УУС). «Когда признаки преступления или проступка сомнительны, или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве), или, вообще, из источника не вполне достоверного, то, во всяком случае, прежде сообщения о том по принадлежности, она должна удостовериться чрез дознание: действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка» (ст. 253 УУС).

Обратим внимание, что каких-либо специальных решений о возбуждении уголовного дела следователь не выносил, а полиция вообще не имела такого полномочия, но все же момент отграничения преступного от непроступного присутствовал в УУС. В том случае, если полиция сомневалась в событии преступления, или следователь не усматривал признаков преступления в разбираемом событии, то дальнейшего расследования не проводилось, однако прокурор должен был обязательно быть извещен о происшествии.

Вопросы незамедлительного и эффективного реагирования на сообщения о происшествиях в наше время не менее актуальны, чем полтора века назад; они и сегодня остаются в поле зрения законодателя, теоретиков уголовного процесса и практических работников.

МВД Российской Федерации как ведущий в этой сфере правоприменитель предпринимает конкретные меры по оптимизации деятельности, связанной с реагированием на сообщения о преступлениях. Имеются и конкретные предложения по реформированию данной стадии. В 2012 г. рабочей группой МВД России, в которой принимали участие Договорно-правовой департамент, Академия управления и ВНИИ МВД России, подготовлен проект федерального закона о внесении изменений и дополнений в УПК, в соответствии с которым производство предлагается считать начатым с момента поступления заявления или иного сообщения, содержащего признаки преступления. Каждое заявление подлежит регистрации в Едином реестре сообщений о преступлениях. Решение о начале производства принимает дежурный следователь или дознаватель в соответствии с компетенцией.

Уже при подготовке проекта, связанного по существу с исключением стадии возбуждения уголовного дела, были очевидны его отрицательные стороны. Например, гипотетически при действующей штатной численности нагрузка на следователей и дознавателей явно возрастет, что приведет к снижению качества расследования; снизится раскрываемость преступлений, так как расследовать придется и те происшествия, по которым в настоящее время выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; усилится репрессивный характер досудебного производства в связи с тем, что меры процессуального принуждения и такие следственные действия как обыск, выемку допустимо будет проводить сразу после регистрации сообщения о преступлении. Однако, несомненно имеются и положительные факторы: количество жалоб на нарушения законности при проверке сообщения о преступлении и волокиту, скорее всего, уменьшится; срок расследования сократится за счет исключения дублирования процессуальных действий, совершаемых в настоящее время сначала при проведении предварительной проверки сообщения о преступлении, а затем еще раз – в ходе предварительного расследования; граждане получат возможность определиться со своим процессуальным положением и получить соответствующие права с момента регистрации заявления, сообщения о преступлении.

В любом случае задача отделения преступного от непроступного при отмене положений о возбуждении уголовного дела не будет ликвидирована, она лишь передвинется на более поздний этап досудебного производства, или даже в судебные стадии. Что касается собственно постановления о возбуждении уголовного дела, то его вынесение не вызывает особых проблем на практике; проблема в основном связана с некоторым, до настоящего времени сохранившимся, разделением проверочных действий, совершаемых в соответствии со ст. 144 УПК, и следственных действий после возбуждения уголовного

дела. Однако, изменения, внесенные Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, указывают тенденцию нивелировки различий процессуальной деятельности до и после возбуждения уголовного дела. Так что, возможно, более правильным будет идти по пути признания за результатами проверочных мероприятий такой же доказательственной силы, какую имеют результаты следственных действий. При этом процессуальное решение о возбуждении уголовного дела должно сохранить свое значение.

Оптимизируя деятельность подчиненных подразделений на стадии возбуждения уголовного дела, МВД России в 2013 г. провело эксперимент по апробации порядка разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, предусматривающего принятие по ним процессуальных решений только следователями и дознавателями<sup>4</sup>. Эксперимент проводился с апреля по ноябрь 2013 г. в МВД по Республике Татарстан, ГУ МВД России по Кемеровской, УМВД России по Амурской, Мурманской и Смоленской областям. Вне условий эксперимента по сложившейся практике следователи и дознаватели в основном принимали к рассмотрению только те материалы, по которым имеются основания для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК). Так, до начала эксперимента в 2012 г. из рассмотренных следователями ОВД 1 101 516 материалов всего по 72597 в возбуждении уголовного дела было отказано (6,6%), в то время как в целом по органам внутренних дел этот показатель составлял 77,7%<sup>5</sup>. Результаты эксперимента свидетельствуют о повышении качества принятых решений по рассмотрению сообщений о преступлениях, снизился удельный вес отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела от их общего числа, снизился остаток нераскрытых тяжких и особо тяжких преступлений уголовной направленности. Вместе с тем увеличение нагрузки на дознавателей и следователей по рассмотрению заявлений о преступлениях повлекло снижение качества расследования уголовных дел<sup>6</sup>.

В целом анализ результатов эксперимента позволяет сделать выводы, что возложение на следователей и дознавателей обязанности проведения доследственной проверки всех сообщений о происшествиях, хотя и не противоречит положениям УПК, но влечет необоснованное привлечение указанных должностных лиц для оформления материалов, заведомо не имеющих судебной перспективы. Необходимо критически рассматривать сложившуюся во многих регионах страны практику «повальной» регистрации любого обращения в орган внутренних дел как заявления о преступлении, с последующим проведением предварительной проверки и вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Огромное количество «отказных» материалов (в 2013 г. 6,7 млн.) отнюдь не способствует оперативному реагированию на совершенные или готовящиеся преступления, являясь пустым офор-



мительством, которого не требует ни УПК, ни ведомственные приказы МВД России<sup>7</sup>.

Однако, участие следователя или дознавателя в рассмотрении заявлений и иных сообщений, действительно содержащих информацию о признаках преступления, необходимо, так как решение о возбуждении уголовного дела должно приниматься компетентным должностным лицом либо незамедлительно после поступления сообщения о преступлении, либо после предварительной проверки, проведенной в соответствии со ст. 144 УПК.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что исторический опыт процессуального реагирования на сообщения о преступлениях, основанный на Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи, дает нам пример неформальной и оперативной деятельности органов предварительного расследования при обнаружении и раскрытии преступления, и многое из этого опыта может быть воспринято современным законотворчеством и правоприменением.

<sup>1</sup> Устав уголовного судопроизводства цитируется по тексту, опубликованному на <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>, а также по тексту «Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны»// Классика российского права: проект компании «Консультант Плюс» при поддержке издательства «Статут» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк» <http://civil.consultant.ru/rep-print/books/118/189.html>. Далее по тексту – УУС.

<sup>2</sup> Выступления автора статьи по данному вопросу см.: 150

лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: Материалы международной научно-практической конференции в Академии управления МВД России, апрель 2014 г. (ч. 2). М., 2014. С. 333–338; Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования (посвящается 150-летию принятия Устава уголовного судопроизводства Российской империи): Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции в Орловском юридическом институте МВД России им. В.В. Лукьянова, октябрь 2014. Орел, 2014. С. 229–233.

<sup>3</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21 октября 2014 г.) // Российская газета, № 249, 22 декабря 2001 г. Далее – УПК.

<sup>4</sup> Приказ МВД России от 1 апреля 2013 г. № 180 «О проведении эксперимента по апробации порядка разрешения заявлений (сообщений) о преступлениях, предусматривающего принятие по ним процессуальных решений только следователями и дознавателями».

<sup>5</sup> <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/>.

<sup>6</sup> Распоряжение МВД России от 31 января 2014 г. № 1 / 780 «О вопросах реализации результатов эксперимента».

<sup>7</sup> Приказ МВД России от 1 марта 2012 г. № 140 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. № 174, 2012. 1 августа.

УДК 343.125  
ББК 67.311

## О ПРАВЕ МИРОВОГО СУДА АРЕСТОВЫВАТЬ ОСУЖДЕННОГО, УКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

**ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ НИКОЛЮК,**  
профессор Орловского юридического института МВД России  
имени В.В. Лукьянова, доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный деятель науки Российской Федерации

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Анализируется судебная практика в части заключения под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания; раскрываются показывающиеся разные подходы судов в трактовке предписаний УПК РФ; ставится вопрос о признании за мировыми судьями права применять п. 18 ст. 397 УПК РФ при определенных условиях.

**Ключевые слова:** мировой суд, заключение под стражу, осужденный, наказание.

**Annotation.** The court practice regarding the detention of convicted, escaping the service of sentence is analyzed in this article, different approaches of courts in treatment of instructions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are shown, the question of recognition for magistrates the right to apply item 18 of Art. 397 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation under certain conditions is raised.

**Keywords:** magistrate court, detention, convicted, sentence.



Применение меры пресечения в виде заключения под стражу порождает целый комплекс проблем, каждая из которых в отдельности может претендовать на самостоятельное научное направление или стать предметом практических рекомендаций. В рамках современной доктрины государственного принуждения в уголовном судопроизводстве приоритетными по объективным причинам (характер и объем оказываемого на лицо принуждения) оказались проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в связи с производством по уголовному делу.

Данная мера пресечения находится и в зоне повышенного внимания государственных органов, правомочных в соответствии с УПК РФ на ее использование. Подтверждением этому служит комплекс разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащихся в постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». В нем большая часть разъяснений (35 пунктов) касается непосредственно заключения под стражу подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. За время действия УПК РФ указанное постановление Пленума Верховного Суда РФ – второе по счету, посвященное практике применения указанной меры пресечения.

Заключение под стражу подозреваемого и обвиняемого по уголовному делу детально регламентируется УПК РФ (ст.ст. 10, 95, 108–109, 228, 311). Статьи 108 и 109 являются самыми объемными в Кодексе, включающими каждая 14 частей. С момента введения в действие УПК РФ в данные статьи было внесено более тридцати изменений и дополнений, что свидетельствует о стремлении законодателя максимально упорядочить применение этой меры пресечения по уголовным делам, «обставить» процедуру ее избрания развернутой системой гарантий. Конечной «точкой» действия избранной по уголовному делу меры пресечения является момент вступления приговора в законную силу. В п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ предусмотрено принятие судом при постановлении обвинительного приговора решения о мере пресечения в отношении подсудимого до вступления приговора в законную силу. С вступлением приговора в законную силу она утрачивает свою юридическую значимость.

Однако, по делам о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания (п. 2 ст. 397 УПК РФ) в качестве меры пресечения уклонения от исполнения приговора, обеспечения явки осужденного в судебное заседание закон (п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ) разрешил заключение под стражу осужденного. Тем самым в стадии исполнения приговора законодатель вновь возвращается к данной мере государственного принуждения. При этом, несмотря на то, что ее применение в указанной стадии имеет специфику в сравнении с «обычным» порядком заключения под стражу подозреваемого и обвиняемого по уголовному делу (различны не только основания, сроки, но и процедура ареста осужденных), в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует какая-либо регламентация отно-

шений, возникающих при рассмотрении и разрешении вопроса о заключении под стражу осужденного в соответствии с п. 18 и 18.1 УПК РФ.

Определенную путаницу в обозначенную ситуацию вносят нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Установленная ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58, ч. 4 ст. 60.2, ч. 2 ст. 60.17, ч. 9 ст. 178.1 УИК РФ возможность продления судом 48-часового срока задержания осужденного до 30 суток не согласуется с п. 18 ст. 397 УПК РФ. В данном случае, вне всяких сомнений, фактически речь идет не о задержании, осуществляемом полицией или должностными лицами уголовно-исполнительной системы, а о заключении осужденного под стражу на основании судебного решения, что уже сформулировано в п. 18 ст. 397 УПК относительно большинства наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Все известные законодательству виды задержания (уголовно-процессуальное, административное) по своей правовой природе и сущности являются кратковременными мерами. Они ориентированы на определенный в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ 48-часовой срок задержания, применяемого во внесудебном порядке, и за его пределы выходить не могут.

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» особенности заключения под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания, не разъясняются.

Таким образом, в законе не создан правовой механизм реализации данной меры принуждения в стадии исполнения приговора, из-за чего, во-первых, сдерживается ее применение в случаях необходимости, и, во-вторых, в судебной практике в этой части соответствующие правовые нормы интерпретируются неодинаково, порой взаимоисключающим образом. Один из вопросов, который в судебной практике возник в связи с применением п.п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ и решается судьями неодинаково, сводится к следующему: **право-мочен ли мировой суд, когда приговор постановлялся этим судом, принимать решение о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания?**

Как установлено в результате проведенного обобщения судебной практики<sup>1</sup>, представление о заключении под стражу осужденного в соответствии с п. 18 ст. 397 УПК РФ рассматривают не только федеральные, но и мировые судьи.

*С. осужден приговором мирового судьи судебного участка № 2 г. Новодвинска Архангельской области от 21 марта 2012 г. по ч. 1 ст. 157 УК РФ к 7 месяцам исправительных работ с удержанием в доход государства 10% из заработка. 23 июля 2012 г. осужденный объявлен в розыск в связи с тем, что скрывается от контроля УИИ и его местонахождение неизвестно. 21 февраля 2013 г. С. задержан. Начальник УИИ направил мировому судье*





представление о заключении осужденного С. под стражу на 30 суток до решения вопроса о замене ему наказания в виде исправительных работ как скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде исправительных работ. По результатам рассмотрения представления постановлением мирового судьи от 22 февраля 2013 г. С. был заключен под стражу на 30 суток. Данное постановление не обжаловалось и вступило в законную силу.

Мировой судья судебного участка № 12 Черновского района Забайкальского края удовлетворил представление УИИ о продлении до 30 суток срока задержания Е., осужденного мировым судьей к 7 месяцам исправительных работ и скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания. Мировой судья назначил судебное заседание с участием осужденного, прокурора и адвоката, рассмотрел представление и постановил продлить срок задержания Е. до 30 суток. В апелляционном порядке решение суда обжаловано не было.

В большинстве случаев, когда приговор постановлялся мировым судом и возникала необходимость заключения под стражу осужденного до рассмотрения вопроса о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания, меру пресечения на основании п. 18 ст. 397 УПК РФ избирал районный (городской) суд, а представление о замене наказания рассматривал мировой судья.

Мировой судья судебного участка № 2 г. Северодвинска Архангельской области постановлением от 25 октября 2013 г. удовлетворил представление УИИ о замене наказания в виде исправительных работ на лишение свободы В., осужденного 13 марта 2013 г. мировым судьей судебного участка № 3 г. Северодвинска Архангельской области по ст. 319 УК РФ к исправительным работам на срок 6 месяцев с удержанием в доход государства 10% заработной платы ежемесячно с отбыванием наказания по месту работы. После вступления приговора в законную силу В. не отбыл ни одного дня исправительных работ, скрывается. На основании ч.2 ст. 18.1 УИК РФ 28 июня 2013 г. В. был объявлен в розыск, 27 сентября 2013 г. около 11 часов 30 минут задержан в порядке ч.2 ст. 30 УИК РФ, доставлен в дежурную часть ОМ МВД России по г. Северодвинску Архангельской области и помещен в ИВС. Постановлением Северодвинского городского суда от 28 сентября 2013 г. В. заключен под стражу на срок 30 суток для рассмотрения вопроса о замене исправительных работ более строгим видом наказания. Заменяя исправительные работы лишением свободы, мировой судья оставил меру пресечения В. прежней – содержание под стражей.

Постановлением Железнодорожного районного суда г. Пензы от 16 декабря 2013 г. удовлетворено представление УИИ о заключении под стражу осужденного К. В судебном заседании установлено, что 4 февраля 2013 г. К. осужден приговором мирового судьи судебного участка № 2 Железнодорожного района г. Пензы по ч. 1 ст. 158 УК РФ к 6 месяцам исправительных работ с удержанием 10% заработка в доход государства. При-

говор вступил в законную силу 15 февраля 2013 г. Суд пришел к выводу о необходимости удовлетворения представления, поскольку К., находясь на свободе, может вновь скрыться от контроля УИИ с целью уклонения от отбывания наказания. Кроме того, суд мотивировал свое решение также тем, что взятие под стражу К. необходимо для обеспечения возможности мировому судье рассмотреть в установленный законом срок вопрос о замене назначенного К. наказания в виде исправительных работ на иной, более строгий, вид наказания.

Таким образом, в судебной практике имеют место два разных подхода к трактовке подсудности дел, рассматриваемых в соответствии с п. 18 ст. 397 УПК РФ. Учитывая, что представление о заключении под стражу разысканного осужденного должно быть рассмотрено судом оперативно, в кратчайшие сроки (они не могут превышать предельный 48-часовой срок задержания), ибо осужденный снова может скрыться от уголовно-исполнительной инспекции, должностным лицам последней надлежит понимать, в какой суд следует направлять указанное представление и доставлять осужденного в судебное заседание.

По мнению судей Калининградского областного суда, «вопрос, указанный в п. 18 ст. 397 УПК РФ, разрешается судом по месту задержания осужденного (п. 4.1 ст. 396 УПК РФ). Такое право предоставлено только федеральному суду. По смыслу ч. 3 ст. 396 УПК РФ мировой судья не относится к судам по месту отбывания наказания, поскольку эти места связываются с административно-территориальным регионом, а не с территорией судебного участка. По аналогичным основаниям нельзя считать, что уголовно-процессуальный закон относит мировых судей к судам по месту жительства осужденного или по месту задержания осужденного (ч. 4, 4.1 ст. 396 УПК РФ). С учетом изложенного мировой судья не вправе разрешать вопрос о заключении под стражу на срок до 30 суток лиц, скрывшихся от отбывания наказания, а также о заключении под стражу осужденного к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, уклонившегося от получения предписания или не прибывшего к месту отбывания наказания»<sup>2</sup>.

Такой же точки зрения придерживается Верховный Суд Республики Саха (Якутия), обосновывая ее следующим: «Споры о подсудности по данной категории дел не возникает. Между тем необходимо заметить, что ходатайство о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ либо ограничения свободы, не может рассматриваться мировым судьей по месту задержания, даже если приговор в отношении осужденного постановлен мировым судьей. Вопросы компетенции мирового судьи в стадии исполнения приговора напрямую регулируются лишь ч. 1 ст. 396, ст. 398 и 400 УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон наделил правом рассмотрения определенного перечня вопросов суд, постановивший приговор, в том числе мирового судью. Перечень этих вопросов является исчерпывающим. По смыслу ч. 3 ст. 396 УПК РФ

мировой судья не относится к судам по месту отбывания наказания или применения принудительных мер медицинского характера, поскольку эти места связываются с административно-территориальным регионом, а не с территорией судебного участка. В связи с этим представляется, что мировой судья не вправе рассматривать в стадии исполнения приговора вопросы, перечисленные в ч. 3 ст. 396 УПК РФ. Эти вопросы находятся в компетенции только федеральных судей районных судов. Мировой судья не вправе разрешить вопрос о заключении под стражу на срок до 30 суток осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания»<sup>3</sup>.

Судьи Липецкого областного суда также считают, что «вопрос о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ либо ограничения свободы, должен рассматривать федеральный судья по месту задержания осужденного. Судьи исходят из того, что вопросы компетенции мирового судьи в стадии исполнения приговора напрямую регулируются ч. 1 ст. 396, ст. 398, 400 УПК РФ. Поскольку вопрос о заключении под стражу на срок до 30 суток лиц, скрывшихся от отбывания наказания, регулируется иной нормой закона, мировой судья не вправе его разрешать. Данное право предоставлено только федеральному суду и только по месту задержания осужденного. Поэтому в целях формирования единообразного подхода и исключения ошибок следует разъяснить вопрос, касающийся подсудности»<sup>4</sup>.

Полагаем, что подобная трактовка соответствующих норм УПК РФ является формальной и не совсем точной.

Во-первых, в ч. 4.1 ст. 396 УПК РФ действительно указывается на то, что вопросы, предусмотренные п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК, разрешаются судом по месту задержания осужденного. Однако, если осужденный не задерживался с помещением его в ИВС, а установлен и обнаружен по месту фактического нахождения, представление о заключении его под стражу вносится в суд по месту его обнаружения. Такая практика является достаточно распространенной. Вывод о том, что заключение под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания, может применяться только при необходимости продления срока временного ограничения свободы уже задержанного с помещением в ИВС осужденного, однозначно не вытекает из уголовно-процессуальных норм, посвященных этому виду ареста. Выражение законодателя «по месту задержания» (п. 4.1 ст. 396, п. 3 ч. 1 ст. 399 УПК РФ) надлежит понимать не только как место задержания, которое осуществлено в порядке, регулируемом гл. 12 УПК РФ, с помещением осужденного в ИВС, но и как место обнаружения осужденного. Наконец, нельзя исключать и случаи, когда место задержания осужденного совпадает с границами судебного участка.

Во-вторых, в ситуации, когда мировым судьей был постановлен обвинительный приговор и назначено наказание, не связанное с лишением свободы, уклоняю-

щийся от отбывания наказания осужденный может быть обнаружен в пределах территории судебного участка, на которую распространяется юрисдикция мирового судьи. При доставлении к нему осужденного для решения вопроса о заключении его под стражу на основании п. 18 ст. 397 УПК РФ, если расширительно понимать термин «по месту задержания осужденного», мировой судья вправе рассмотреть соответствующее представление уголовно-исполнительной инспекции по существу.

В-третьих, мировой судья наделен законом полномочиями на рассмотрение уголовного дела по существу, в его компетенции как суда, постановившего приговор, находится и вопрос о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания. При удовлетворении представления уголовно-исполнительной инспекции, внесенного в мировой суд в соответствии с п. 2 ст. 397 УПК РФ, до вступления судебного постановления в силу в отношении осужденного избирается, как правило, мера пресечения в виде заключения под стражу. С точки зрения логики закона вряд ли можно найти веские причины для того, чтобы лишить мирового судью права применять п. 18 ст. 397 УПК РФ при описанных выше условиях.

Принимая во внимание изложенное, надлежит признать необходимым разъяснение Пленумом Верховного Суда РФ норм УПК РФ в части определения подсудности материалов о заключении осужденного под стражу в соответствии с п.п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ, формулирования условий, при которых такие материалы могут быть рассмотрены мировым судом.

<sup>1</sup> Приводимые в статье данные и примеры получены в результате проведенного Верховным Судом РФ с участием автора обобщения практики применения судами в 2013 г. норм УПК РФ и УИК РФ, регулирующих задержание и заключение под стражу осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания.

<sup>2</sup> Справка Калининградского областного суда по итогам обобщения и анализа практики применения судами норм уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, регулирующих заключение под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания (п. 18 ст. 397, ч. 2 ст. 97 УПК РФ, ч. 5 ст. 46, ч. 7 ст. 58 УИК РФ), при разрешении вопросов, возникающих при исполнении приговора (п. 2, 4.1, 7 ст. 397 УПК РФ).

<sup>3</sup> Справка Верховного Суда Республики Саха (Якутия) об изучении практики применения судами норм уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, регулирующих заключение под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания (п. 18 ст. 397, ч. 2 ст. 97 УПК РФ, ч. 5 ст. 46, ч. 7 ст. 58 УИК РФ), при разрешении вопросов, возникающих при исполнении приговора (п. 2, 4.1, 7 ст. 397 УПК РФ).

<sup>4</sup> Справка Липецкого областного суда по обобщению судебной практики применения судами норм уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, регулирующих заключение под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания (п. 18 ст. 397, ч. 2 ст. 97 УПК РФ, ч. 5 ст. 46, ч. 7 ст. 58 УИК РФ), при разрешении вопросов, возникающих при исполнении приговора (п. 2, 4.1, 7 ст. 397 УПК РФ). Аналогичная точка зрения по этому вопросу выражена и судьями Забайкальского краевого суда.



УДК 343.1  
ББК 67.311

## О ВЛИЯНИИ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г. НА СОВРЕМЕННУЮ СУДЕБНО-ПРАВОВУЮ РЕФОРМУ

**ГАЛИНА ПЕТРОВНА ХИМИЧЕВА,**

*профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики  
Московского педагогического государственного университета,  
доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный юрист Российской Федерации*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Судебно-правовая реформа середины XIX столетия и современная реформа уголовного судопроизводства имеют много общих черт и тенденций. Учитывая общественно-политическую обстановку, менталитет российского народа, опыт реформ прошлого, нельзя в один момент разрушить старую систему уголовного процесса и на ее обломках создать новую.

**Ключевые слова:** Устав уголовного судопроизводства, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

**Annotation.** Judicial and legal reform middle of the XIX century and the modern Criminal Procedure Reform have many common features and trends. Given the socio-political situation, the mentality of the Russian people, the experience of the reforms of the past, can not one moment to destroy the old system of criminal procedure and on its ruins to create a new one.

**Keywords:** Charter of the criminal proceedings of 1864, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

150 лет назад в Российской Империи начались системные реформы государственной и общественной жизни, в том числе и перестройка судебной системы и уголовного судопроизводства. Эти реформы готовились не одно десятилетие, начиная с конца VIII в.<sup>1</sup>, но стали реальностью лишь тогда, когда развитие гуманистических взглядов уже не могло не коснуться уголовной политики государства и организации процессуального порядка<sup>2</sup>.

Судебная реформа середины XIX столетия, даже с учетом дальнейших контрреформ, существенным образом преобразовала отечественное уголовное судопроизводство, на долгое время определила его облик, да и сейчас нередко используется для обоснования необходимости корректировки тех или иных предписаний уголовно-процессуального закона.

Учреждая в ноябре 1864 г. блок важнейших нормативных актов – Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Учреждение судебных установлений, Устав о наказаниях уголовных и исправительных, налагаемых мировыми судьями, – Александр II указал: «Рассмотрев сии проекты, мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему утвердить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние».

Соответственно, согласно этому нормативному акту устанавливалось полное отделение судебной власти от административной (так, еще в 1860 г. следствие в полиции было упразднено и создан институт судебных следователей, являющихся носителями судебной власти и находившихся в подчинении уголовного суда); прокуратура освобождалась от функций общего надзора и сосредотачивалась на работе в суде; провозглашались процессуальная независимость судей и их несменяемость; единый для всех сословий суд; устный, состязательный и гласный порядок судебного разбирательства; отказ от формальной теории доказательств и провозглашение принципа свободной их оценки; презумпция невиновности и т.д. Безусловной заслугой авторов Устава стало создание системы местных судов: мировых судей (участкового или почетного) и съезда мировых судей, которые были призваны демократизировать суд и приблизить его к населению, а также – ускорить судопроизводство и освободить общие суды от рассмотрения незначительных дел<sup>3</sup>. Нельзя не отметить и введение суда присяжных – принципиального демократического нововведения, призванного покончить с инквизиционным уголовным процессом, соединить в себе начала публично-правового или государственного и народного, общественного. Именно суд присяжных стал, по мнению русских процессуалистов, «центральным узлом новой судебной системы, ее лучшим украшением и самою твердою опорой»<sup>4</sup>.



Вместе с тем, Устав уголовного судопроизводства, основанный на прогрессивных, демократических, цивилизованных принципах, не вполне соответствовал политической системе самодержавной России<sup>5</sup>. В результате судебная реформа заняла не запланированные четыре года, а растянулась на долгих 35 лет и почти сразу после принятия Уставов в них стали вноситься изменения, причем часто подзаконными актами: начиная с 1864 и по 1894 гг. было принято более 700 дополнений, поправок в Судебные Уставы 1864 г. Так, в июле 1866 г. по решению Комитета Министров было принято положение об укреплении власти губернаторов, согласно которому судьи оказались в подчинении губернаторов, а в 1871 г. Указ Александра II вернул жандармскому отделению полномочия по производству дознания по всем государственным преступлениям.

Большое влияние на пореформенную судебную систему России оказало изменение политического курса с приходом к власти Александра III. Россия вступает в период контрреформ. В 1885 г. Александру III была представлена программа, предусматривающая постепенный пересмотр Уставов 1864 г. путем внесения в них отдельных поправок, нацеленных на подрыв демократических начал и принципов уголовного судопроизводства. В частности, предлагалось ликвидировать несменяемость судей, «умножить разряды дел, по закону производимых в закрытом заседании», «принять решительные меры к обузданию и ограничению адвокатского произвола, поставить поверенных в строгую дисциплину перед судом», «отделаться» от суда присяжных, предоставить исполнительной власти свободу по отношению к судебным органам и т.д.<sup>6</sup>

В России не было создано для производства дознания специальной судебной полиции, а между деятельностью следователя и деятельностью обычной полиции не было проведено достаточно четкой разграничительной линии, вследствие чего в течение более чем 50 лет существования судебных следователей так никому и не удалось определить, где в российском уголовном судопроизводстве кончается розыск или уголовный сыск и где начинается предварительное следствие, которое по идее должно было быть хотя и предварительным, тем не менее судебным исследованием обстоятельств дела. В результате, если в первое время, в условиях относительной либерализации политического режима, судебным следователям удавалось в определенной мере потеснить полицию на предварительном расследовании, то в дальнейшем, при малейшем сгущении туч на политическом горизонте, полиции, особенно жандармерии, постоянно удавалось теснить, а нередко и просто подминать и судебного следователя и судебную власть в целом<sup>7</sup>.

Учрежденный Уставом институт мировых судей просуществовал до 12 июля 1889 г., когда Положением «О земских участковых начальниках» во всех местностях, за исключением столиц и еще нескольких крупных городов, местная юстиция была упразднена. Ей на смену пришли судебно-административные

органы: земские участковые начальники и городские судьи, уездные съезды и губернские присутствия. Члены судебно-административных установлений не избирались, назначались губернатором. Таким образом, отказавшись от выборного начала, предпочтение было отдано близкой к населению твердой правительственной власти<sup>8</sup>.

Надо отметить, что понятие «судебная контрреформа» введено в научный оборот профессором Б.В. Виленским<sup>9</sup>. Однако, нельзя не учитывать точку зрения и других ученых, иначе оценивающих законодательные акты 80-90 гг. XIX столетия. Эти законы отражают конкретно-историческую обстановку в стране (политические заговоры, тайные организации, разгул терроризма), что обусловило введение системы специальных судов, рассматривающих подобные преступления, установление изъятий по таким делам из общих правил уголовного судопроизводства. Сужение сферы действия суда присяжных, частичная ликвидация мировой юстиции также может расцениваться как отдельные преобразования, не затрагивающие основ судебной реформы 1864 г.<sup>10</sup> Так, М.Н. Немытина полагает, что к концу 80-х – началу 90-х гг. «демократические принципы и институты уставов 1864 года были ограничены: внешне, по форме, продолжали действовать судебные уставы, но содержание их было существенно изменено»<sup>11</sup>.

Осмысление опыта судебно-правовой реформы середины XIX столетия помогают понять современные тенденции, происходящие в уголовно-процессуальном законодательстве<sup>12</sup>.

Реформа современного отечественного уголовного судопроизводства имеет много аналогий с реформой середины позапрошлого века. Так, принятие УПК РФ в 2001 г. обусловлено необходимостью демократизации уголовного процесса, отказа от устаревших процедур, имплементации в российский уголовный процесс норм международного права и пр.

Как и реформа середины XIX столетия, современная судебно-правовая реформа осуществляется по многим направлениям и затрагивает не только все отрасли права, но и организацию правоохранительных органов.

За период, прошедший с момента принятия УПК РФ 2001 г., принято более 120 изменяющих и дополняющих его федеральных законов. Неоднократно Конституционный Суд Российской Федерации принимал по сути правоустанавливающие решения. Некоторые из новелл носят «точечный» характер, устраняют неточности и шероховатости правовых предписаний, но многие – принципиально меняют «облик» отечественного уголовного процесса.

В современном уголовном судопроизводстве контрреформа выразилась не только в принятии новых законов, но и в активной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, правовые позиции которого фактически приобрели характер норм права. Так, в 2003 г. расширены основания для возвращения





уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, в 2008 и 2013 гг. фактически был реанимирован институт возвращения уголовных дел для дополнительного расследования, в том числе в целях предъявления обвиняемому более тяжкого обвинения по инициативе суда<sup>13</sup>.

Реформы носят политический характер: фактическое создание особого уголовного судопроизводства по преступлениям в сфере экономической деятельности, не оправданное как с позиций общих принципов уголовного процесса, так и необходимости обеспечения достижения его целей. Можно отметить, к примеру, появление в 2011 г. в ст. 140 УПК РФ так называемого «налогового» повода для возбуждения уголовного дела; согласно ч. 1<sup>1</sup> этой статьи поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199<sup>2</sup> УК РФ, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Практика применения показала, что возбудить уголовное дело о налоговом преступлении стало достаточно сложно (их количество снизилось за последние два года почти в три раза), вследствие невозможности использования в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела результатов ОРД (что предусмотрено Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности»), а также ряда других несостыковок УПК РФ и налогового законодательства. Как результат Федеральный закон от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ упразднил ч. 1<sup>1</sup> ст. 140 УПК РФ, а вместе с ней специальный повод для возбуждения уголовных дел о преступлениях, указанных в ст. 198–199<sup>2</sup> УК РФ.

Основным аргументом в пользу отступления от ключевых положений Уставов и УПК РФ является несоответствие новых процессуальных форм менталитету российского народа, его правовым традициям, а также конкретному историческому моменту и его общегосударственным задачам<sup>14</sup>.

Так ли плох современный УПК РФ? Конечно, в правовых предписаниях немало несовершенств, противоречий и неоднозначных предписаний. Тем не менее, представляется контрпродуктивным подход к реформированию уголовного судопроизводства, состоящий в попытке решить все проблемы за счет изменения закона. Это предлагают и ученые в научных работах (ни одна диссертация не обходится без целой «обоймы» предложений по изменению уголовно-процессуального кодекса), и практические сотрудники, когда сталкиваются с проблемами правоприменения и не могут правильно применить норму.

В результате укоренилось мнение, что закон переписать легко, это может сделать кто угодно, без обсуждения среди юридической общественности. Вот откуда появляются весьма «странные» законопроекты, содержащие попытку урегулировать абсолютно все,

даже частные, вопросы, не оставляя, таким образом, никакой свободы правоприменителю.

Вывод: современная отечественная реформа уголовного судопроизводства должна соответствовать основной цели – приближению его к цивилизованной демократической модели, соответствующей требованиям международных конвенций о правах человека. Однако, учитывая менталитет российского народа, опыт реформ прошлого нельзя в один момент разрушить старую систему и на ее обломках создать новую. Этот сложный процесс требует учета сложившихся реалий как в правовой, так и в иных сферах жизни общества. Исторический опыт свидетельствует также о том, что цели реформ – создание равного, справедливого, гуманного суда – по-прежнему актуальны.

<sup>1</sup> См. об этом: *Смыкалин А.* Судебная реформа 1864 г. // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 39–42.

<sup>2</sup> *Кондрат И.Н.* Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 95.

<sup>3</sup> См. *Ефремова Н.Н.* Судебные реформы в России: традиции, новации, проблемы // Государство и право. 1996. № 11. С. 85–91.

<sup>4</sup> *Квачевский А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. II. СПб: типография Ф.С. Сушинского, 1867 г. Цит. по: *Кондрат И.Н.* Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 95–96.

<sup>5</sup> *Смыкалин А.* Судебная реформа 1864 года // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 41.

<sup>6</sup> *Немытина М.В.* Суд в России. Вторая половина XIX в. – первая половина XX в. Саратов, 1999. С. 94.

<sup>7</sup> *Трусов А.И.* Уголовный процесс в системе разделения властей // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1994. № 5. С. 59.

<sup>8</sup> *Шаркова И.Г.* Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. 1998. № 9. С. 79–85.

<sup>9</sup> *Виленский Б.В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

<sup>10</sup> См.: *Смыкалин А.* Судебная контрреформа конца XIX века: миф или реальность? // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 42–45.

<sup>11</sup> *Немытина М.В.* Указ. раб. С. 102.

<sup>12</sup> На это указывают и другие авторы, напр., Гаврилов Б.Я. Реализация отдельных положений Устава уголовного судопроизводства в современном досудебном производстве России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 897–905.

<sup>13</sup> См. постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда».

<sup>14</sup> *Козьявин А.А.* Судьба судебных реформ в России: век XIX и век XXI // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 642.



УДК 343.12  
ББК 67.311

**О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ  
ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ УГОЛОВНОГО  
СУДОПРОИЗВОДСТВА СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ  
(СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО  
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОЛОЖЕНИЙ УСТАВА  
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 Г.)**

**АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ГРИНЕНКО,**

*профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики  
Московского государственного института международных отношений (Университет)  
Министерства иностранных дел Российской Федерации,  
доктор юридических наук, профессор  
E-mail: avgrinenko@mail.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** На основе сравнительного исследования положений действующего уголовно-процессуального законодательства и правил, закрепленных в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., выработаны предложения по модернизации полномочий ряда участников уголовного судопроизводства, представляющих сторону обвинения.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, обвинение, дознаватель, следователь, прокурор, суд.

**Annotation.** On the basis of a comparative study of the provisions the current criminal procedure law and rules enshrined in the Charter of the criminal justice 1864, recommendations were made for the modernization of the powers of the number of participants in criminal proceedings, representing the prosecution.

**Keywords:** criminal proceedings, the prosecution, the inquiry officer, investigator, Prosecutor or the court.

В настоящее время реформа уголовного судопроизводства продолжается. В УПК РФ была воплощена возможность классификации участников уголовного судопроизводства в зависимости от того, представителем какой из сторон – обвинения, защиты или разрешения уголовного дела – тот либо иной участник является. Соответственно к должностным лицам уголовного судопроизводства, представляющим сторону обвинения, в соответствии с п. 47 ст. 5 УПК РФ были отнесены прокурор, следователь, руководитель следственного органа, а также дознаватель. Их полномочия заключаются в возможности применять все предусмотренные законом меры для установления обстоятельств совершенного деяния, а также избличения лиц, причастных к его совершению.

Поскольку при разработке и принятии УПК РФ широко использовались положения Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (далее – УУС), представляется небезынтересным сравнение полномочий, имеющихся у должностных лиц в соответствии с современным уголовно-процессуальным законодательством, с теми полномочиями, которые имелись у

них ранее, и выявление на этой основе возможностей по совершенствованию действующего УПК РФ.

В УУС выделялись две формы предварительного расследования – дознание и предварительное следствие. Дознание как первоначальное полицейское расследование заключалось в том, что чины полиции обнаруживали признаки преступления, возбуждали уголовные дела и проводили первоначальные следственные действия, направленные на обнаружение всех обстоятельств деяния и избличение лица, его совершившего. Результаты дознания полиция передавала непосредственно местному судебному следователю для дальнейшего досудебного производства и подготовки материалов с целью последующей их передачи в суд.

Судебный следователь принимал уголовное дело к своему производству и производил расследование в полном объеме, используя при этом достаточно широкие полномочия. В соответствии со ст. 264 УУС следователь принимал все необходимые по предварительному следствию действия и меры «собственной властью». Например, для избрания любых мер пресе-



чения (отобрание вида на жительство, отдача под особый надзор полиции, взятие залога, отдача на поруки, домашний арест, взятие под стражу) было достаточно постановлению самого следователя.

Определенную роль в предварительном расследовании играл и суд. «Входить в рассмотрение порядка производства следствия», т.е. осуществлять судебный контроль, суд был вправе не по своему усмотрению, а только по жалобам частных лиц – участников процесса, по представлениям следователей и по предложениям прокуроров (ст. 491–493 УУС). В любом случае суд был наделен возможностями по корректировке хода и результатов предварительного следствия, поскольку впоследствии уголовное дело поступало именно в его адрес. Поэтому возможности, имевшиеся у суда в досудебном производстве, существенно экономии процессуальные усилия сторон и суда по устранению неясностей и сомнений непосредственно в ходе судебного разбирательства.

Весьма существенное значение в досудебном производстве имела деятельность прокурора. В ходе дознания о каждом случае задержания подозреваемого об этом немедленно уведомлялся прокурор (а равно и судебный следователь). Более того, в ст. 255 и 279 УУС было прямо закреплено, что «по производству дознаний о преступлениях и проступках полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокурора и уведомляют его о всех дознаниях, переданных ими судебным следователям». Таким образом, в ходе дознания прокурор имел возможность давать прямые указания о направлении его хода, производстве тех либо иных следственных действий, применении мер пресечения и т.п.

Что касается взаимоотношений судебных следователей с прокурорами, то и в этих отношениях у прокурора были весьма значительные процессуальные полномочия. Так, несмотря на закрепленную в Уставе (ст. 264) самостоятельность следователя, у прокурора имела возможность вести «постоянный надзор за производством следствий» (ст. 278–287). В частности, прокурор мог присутствовать по своему усмотрению при следственных действиях и «рассматривать подлинное следствие, не останавливая однако течения оно» (ст. 280). Судебный следователь был обязан исполнять требования прокурора по всем вопросам, которые относились к исследованию преступлений и к собиранию доказательств (ст. 281). Также судебный следователь немедленно уведомлял прокурора о заключении обвиняемого под стражу, причем прокурор имел возможность, не отменяя решения судебного следователя, предложить ему задержать обвиняемого, оставленного следователем в условиях свободы или освобожденного из-под стражи (ст. 285). В случае несогласия с этим предложением судебный следователь был обязан предоставить свои суждения суду.

Таким образом, в соответствии с УУС в ходе предварительного расследования возникало значительное число правоотношений между следующими их

субъектами: дознавателем, судебным следователем, прокурором и судом. Исследование указанных правоотношений не является самоцелью, но это позволяет «наложить» данную модель на современное состояние досудебного производства по уголовным делам и выработать ряд предложений, направленных на совершенствование действующего законодательства.

Несомненно, само по себе наличие определенного порядка в УУС не является аргументом для того, чтобы внести соответствующие изменения в УПК РФ. Вместе с тем, отметим, что УУС в свое время был взят за основу при разработке уголовно-процессуальных законов советского периода [1], а впоследствии многие положения перешли в структуру и содержание УПК РФ.

В первоначальной редакции УПК РФ, в сравнении с УПК РСФСР и предыдущими кодифицированными актами, следователь утратил весьма большое число полномочий. Хотя в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ формально и указано, что следователь уполномочен «самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия прокурора», перечень таких действий был и остается достаточно небольшим. Кроме того, прокурор приобрел возможность влиять на ход предварительного следствия самым широким образом, вплоть до того что с ним требовалось согласовывать каждый случай возбуждения уголовного дела, а это было весьма проблематичным даже по организационно-техническим причинам.

Естественно, данный порядок не в полной мере соотносился с общепризнанным тезисом о процессуальной самостоятельности следователя как о необходимой составляющей его полномочий. Правда, практически сразу же после введения в действие УПК РФ его разработчиками было заявлено, что через некоторое время, после усвоения всех процедур, прописанных в новом Кодексе, следователю процессуальная самостоятельность будет возвращена «с лихвой». В принципе, в 2007 г. так и произошло; прокурор утратил какую-либо реальную возможность влиять на ход и результаты предварительного следствия, оставив за собой более значительные полномочия лишь при производстве дознавателем предварительного расследования в форме дознания [3]. Причем отметим, что при создании новой модели распределения полномочий за основу были взяты именно положения УУС 1864 г., согласно которым судебному следователю предоставлялись весьма значительные возможности, а прокурор в большей мере осуществлял надзор за полицейским дознанием [2].

Что касается настоящего времени, то между должностными лицами отдельных ведомств возникли серьезные разногласия. Прокуроры, даже и утратившие закрепленные в законе возможности влиять на непо-

средственную деятельность следователей, на местах все же создают условия, при которых следователи вынуждены фактически согласовывать свои действия с надзирающими прокурорами. Дознаватели, действия и решения которых прокуроры контролируют более «плотно», имеют серьезные трудности в организации взаимодействия с прокуратурой, поскольку безотлагательное возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий в кратчайший срок трудно сочетать с размеренной работой прокуратуры по надзору и по даче дознавателям письменных указаний.

В этой связи возникли два прямо противоположных течения. С одной стороны, и следователи, и дознаватели стремятся получить полную процессуальную самостоятельность от прокурора и подчиняться лишь своим руководителям «по вертикали», обосновывая это большим удобством в плане взаимодействия. С другой стороны, прокуроры приводят доводы в пользу предоставления им более широких полномочий, в частности, по возбуждению уголовных дел, непосредственному надзору за производством предварительного расследования в обеих формах (и дознания, и предварительного следствия), по предоставлению письменных указаний, обязательных для исполнения не только дознавателями, но и следователями, и т.п. Причем и те и другие в своих доводах, среди прочих аргументов, опираются на положения УУС 1864 г.

Исследование указанных положений, современного уголовно-процессуального законодательства, а также практики его применения позволяет предложить следующую модель распределения полномочий должностных лиц уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Поскольку прокурор является представителем обвинительной власти, вне зависимости от формы предварительного расследования следует наделить его полномочиями осуществлять всеобъемлющий надзор за законностью и обоснованностью действия и решений как дознавателя, так и следователя. Прокурору целесообразно предоставить возможность давать следователю обязательные для исполнения письменные поручения по вопросам, касающимся формирования обвинительного тезиса, а также обеспечения прав и законных интересов вовлеченных в процесс лиц.

Далее, поскольку прокурор является должностным лицом, которое в конце концов будет поддерживать обвинение в суде, ему целесообразно предоставить возможность еще в ходе предварительного расследования признавать те либо иные сведения, содержащиеся в материалах уголовного дела, недопустимыми доказательствами. Это обяжет дознавателя и следователя формировать надлежащую доказательственную базу по уголовным делам.

Что касается полномочий дознавателя, то целесообразно расширить возможности начальника подразделения дознания до тех полномочий, которые в настоящее время имеются у руководителя следственного

органа по отношению к следователю. При этом дознаватель должен получить право обжаловать вышестоящему прокурору такие указания непосредственно надзирающего прокурора, которые касаются принятия наиболее важных процессуальных решений, определяющих ход и результаты всего досудебного производства.

В случае, когда письменные указания прокурора, по мнению следователя или дознавателя, неправомерно ограничивают конституционные права, свободы и законные интересы личности, данные указания должны стать предметом обжалования в суд со стороны как заинтересованных лиц, так и дознавателя или следователя.

Наряду с этим нельзя поддержать высказываемое предложение устранить прокурора из судебного разбирательства, предоставив возможность работникам предварительного следствия (следователям, руководителям следственных органов или иным специально созданным должностным лицам) самим поддерживать государственное обвинение [4]. По нашему мнению, прокурор, исследуя материалы уголовного дела перед утверждением обвинительного заключения, выступает как лицо, не заинтересованное в исходе дела и обращает внимание следователя на все недочеты, допущенные им в ходе собирания, проверки и оценки доказательств, а также при принятии процессуальных решений.

Нами также ранее высказывалось предложение предоставить прокурору возможность в ходе предварительного расследования по результатам текущего изучения материалов уголовного дела вносить следователю предостережения о недопустимости нарушений закона [5]. Представляется, что это позволит минимизировать количество случаев, когда прокурор возвращает поступившее уголовное дело следователю для устранения выявленных недостатков.

Таким образом, указанная модель распределения полномочий должностных лиц уголовного судопроизводства со стороны обвинения, основанная на правовых реалиях и положениях отечественного законодательства в его развитии, позволит устранить дублирование действий различных представителей обвинительной власти, подавление полномочий одних должностных лиц полномочиями других, а также предоставит возможность эффективного обжалования в необходимых случаях не только вышестоящим должностным лицам, но и непосредственно в суд.

### Литература

1. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
2. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
3. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные





акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4011.

4. *Багмет А.М., Цветков Ю.А.* Пути развития и модели оптимизации взаимоотношений следственной и судебной власти // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. Сборник научно-практических трудов. Вып. 3.* М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 212–219.

5. *Гриненко А.В.* Полномочия прокурора должны быть конкретизированы // *Законность.* 2011. № 2. С. 23–24.

6. *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / Науч. консультант проекта Е.А. Скрипилев. Т. III. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. / Отв. ред. А.В. Наумов. М.: Мысль, 2003.

## References

1. The decree of the Council of people's Commissars of the RSFSR on November 24, 1917 "On court" // SU RSFSR. 1917. No. 4. Article. 50.

2. The decree of the Supreme Soviet of the RSFSR of October 24, 1991, No. 1801-1 «On the Concept of judicial reform in the RSFSR» // *Bulletin of the CIS and the RSFSR Supreme Soviet.* 1991. No. 44. Article. 1435.

3. The Federal law of July 24, 2007 № 214-FZ «On amending certain legislative acts of the Russian Federation in connection with adoption of the Federal law «On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation and the Federal law «On Prosecutor's office of the Russian Federation»» // *SZ of the Russian Federation.* 2007. No. 31. Article. 4011.

4. *Bagmet A.M., Tsvetkov Yu.A.* Ways of development and optimization model of the relationship of the investigative and judicial authorities // *Investigating crimes: problems and ways of their solution. The collection of scientific and practical works. Vol. 3.* М.: Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2014. P. 212–219.

5. *Grinenko A.V.* Powers of presecutor must be specified // *Legality.* 2011. No. 2. P. 23–24.

6. *Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu.* Judicial power in Russia: history, documents. In 6 t. / Scientific project consultant E.A. Skripilev. T. III. From Code of laws to the judicial reform of 1864 / *Resp. edit. A.V. Naumov.* М: Idea, 2003.

УДК 343.116  
ББК 67.311

## ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г. ДО СОВРЕМЕННОГО УПК РОССИИ

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СУМИН,*  
профессор кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
доктор юридических наук

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Приведен краткий историко-правовой анализ возникновения и становления производства по уголовным делам в суде кассационной инстанции. Сделан вывод о наличии недостатков в современных нормах уголовно-процессуального права, регулирующих указанное производство.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, кассационное обжалование, производство в суде кассационной инстанции.

**Annotation.** Given a brief historical and legal analysis of the occurrence and formation of procedure in criminal cases in the court of cassation. Concluded that there were deficiencies in the current rules of criminal procedure that govern criminal cassation procedure.

**Keywords:** criminal proceedings, cassation, proceedings in the court of cassation.

Судебная реформа Александра II создала в России стройную инстанционную судебную систему. Одним из важных ее звеньев стала кассационная инстанция. Глава IV Учреждения судебных установлений 1864 г. возложила функции названной инстанции на Правительствующий Сенат, точнее на два образованные в нем департамента, «один для уголовных, другой для гражданских дел»<sup>1</sup>.

Говоря об источнике возникновения кассационной инстанции и ее назначении в уголовном судопроизводстве известный ученый-процессуалист рассматриваемого исторического периода Л.Я. Таубер писал: «Что касается кассационного обжалования, то таковое, будучи заимствовано нашим законодательством из французского права, ... имеет своим предметом исправление исключительно юридических погрешностей (*error in iure*), допущенных при производстве дела в низшей инстанции»<sup>2</sup>. И.Я. Фойницкий характеризовал кассацию как «пересмотр уголовного приговора, ограничивающийся юридической стороной его не касаясь фактической, т.е. доказательной или существа дела»<sup>3</sup>. В.К. Случевский отмечал: «Кассационный порядок обжалования основывается на возможности раздельной установки фактических и юридических признаков преступления ... Сущность ее (кассации – А.С.) заключается в том, что кассационный суд не рассматривает дел по существу, а рассматривает только правильно ли к установленным судом фактам применен закон и не допущено ли при производстве дела нарушение существенных обрядов форм судопроизводственных»<sup>4</sup>.

Введение в российский уголовный процесс кассации в таком ее классическом виде несомненно явилось прогрессивным шагом на пути обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Статья 909 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.<sup>5</sup> (далее – УУС) сформулировала очень важное начало, положенное в основу кассации: «каждая участвующая в деле сторона может просить об отмене приговора по поводу нарушения правил, постановленных в ограждение лишь ее прав, а не прав противной стороны. Таким образом, кассационная жалоба могла быть подана: а) любой стороной и б) исключительно в своих интересах. Формулируя перечень кассационных поводов к обжалованию, ст. 912 УУС установила 3 их вида: 1) явное нарушение прямого смысла закона и неправильное толкование его при определении преступления и рода наказания; 2) нарушение обрядов и форм столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения и 3) нарушение пределов ведомства или власти, законом предоставленной судебному усмотрению. Весьма интересной представляется ст. 913 УУС, согласно которой «ошибка в ссылке на закон при определении преступления или проступка и назначении наказания не может служить поводом к отмене приговора, если наказание назначено то самое, которое определено законом, хотя и не тем, на который сделана ссылка». По получении Сенатом кассационной жалобы или протеста прокурора УУС не предусматривал какой-либо предварительной процедуры принятия решения о докладе (рассмотрении) дела в уголовном кассационном департаменте. Вызов сторон на

процедуру слушания дела являлся не обязательным, однако никому не запрещалось «присутствовать при докладе, не исключая содержащихся под стражей в месте пребывания Сената» (ст. 917 УУС).

В таком виде кассационное производство по уголовным делам просуществовало до 1914 г., когда в связи с началом Первой мировой войны и активизацией революционного движения в армии была создана широкая сеть военно-полевых судов, действовавших и в отношении гражданских лиц, совершивших определенные преступления. Приговоры военно-полевых судов апелляционному и кассационному обжалованию не подлежали и приводились в исполнение по истечении 24 часов. До истечения этого срока приговор мог быть изменен или отменен соответствующим воинским начальником в порядке подтверждения (процедура утверждения приговора) по собственному его усмотрению или при наличии прошения о помиловании осужденного к смертной казни.

Временное правительство, пришедшее к власти в феврале 1917 г., продолжило практику изъятия из общего порядка судопроизводства. Уже 10 июля 1917 г. этим правительством было принято постановление об учреждении военно-революционных судов<sup>6</sup>.

После очередного изменения в ноябре 1917 г. государственного строя России, декретом СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде»<sup>7</sup> была ликвидирована апелляционная инстанция и образована новая кассационная инстанция – уездный съезд местных судей, а в столицах – их столичный съезд.

Не останавливаясь на относительно коротком переходном историческом периоде, отметим, что в появившемся впервые после УУС кодифицированном уголовно-процессуальном законе – УПК РСФСР в редакции 1922 г. кассационное производство приобрело черты, близкие к его классическому пониманию. Так, согласно ст. 353 УПК РСФСР кассационные жалобы могли быть принесены каждой из заинтересованных сторон исключительно по поводу формальных нарушений прав и законных интересов стороны уголовного судопроизводства и в суде данной инстанции рассмотрение дела не могло касаться существа приговора. Данная норма была затем воспроизведена в ст. 349 УПК РСФСР в редакции 1923 г. Однако, исключение из российского уголовного процесса апелляционной стадии, породило своего рода «вакуум» в части того, какой судебной инстанцией и в каком порядке должны проверяться приговоры суда первой инстанции с точки зрения «фактических обстоятельств». По этому поводу М.С. Строгович отмечал: «В первые годы действия Уголовно-процессуального кодекса в кассационной практике была распространена точка зрения, согласно которой оценка доказательств является прерогативой суда первой инстанции и кассационная инстанция в оценку доказательств входить не может... Советскому уголовному процессу был чужд формализм, отрыв юридической формы от существа дела. Поэтому из сферы деятельности кассационной инстанции не могла быть исключена проверка обвинительного приговора по существу, т.е. проверка его обоснованности имеющимися в деле и проверенными



судом доказательствами»<sup>8</sup>. Выход из законодательного тупика был найден в «лучших» традициях советского права, сохранившихся и в данном историческом периоде: законы стала «поправлять» судебная власть. И вот на свет появился любопытнейший документ – «Наказ Пленума Верховного Суда РСФСР уголовной кассколлегии» от 21 июля 1924 г. (протокол № 15 заседания Пленума Верховного Суда РСФСР), в котором этот судебный орган указал (стиль и орфография документа сохранены): «УКК<sup>9</sup>, будучи инстанцией кассационною в том смысле, что она принципиально не разбирает дела по существу, одновременно избегает чисто формально-бюрократического подхода к делу, таким образом, никогда не превращается в суд апелляционный, но и не закрывает лицемерно глаза на существо: явную невыясненность обстоятельств, выяснение коих необходимо должно было повлиять на приговор, на явное несоответствие назначенного наказания с деянием осужденного, на иные ошибки, противоречия между приговором и имеющимися в деле бесспорными доказательствами»<sup>10</sup>. В таком «правовом» состоянии производство в суде кассационной инстанции просуществовало вплоть до появления УПК РСФСР в редакции 1960 г., который окончательно наделил кассационную инстанцию элементами апелляции (допущение проверки «вопросов факта» в задачу кассационного производства), при этом, не предусматривая прямой проверки доказательств и не включая в полномочия суда кассационной инстанции права вынесения нового приговора.

Переход к полноценному производству в суде апелляционной инстанции, осуществленный Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ (в ред. Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»<sup>11</sup>, одновременно разрушил указанную старую модель производства в суде кассационной инстанции. Однако, и к новой модели этого производства остался ряд вопросов.

Так, существует достаточно сложная проблема, связанная с содержанием предмета данной стадии уголовного судопроизводства. Поэтому в некоторых юридических публикациях критикуются<sup>12</sup> нормы гл. 47.1 УПК России, при этом в обоснование приводится, в частности, следующий довод: «в силу того, что если (искомые) свойства законности или обоснованности итоговых решений суда составляют самостоятельные основания отмены, изменения проверяемых актов суда, то несправедливость приговора по смыслу ст. 398.18 УПК РФ неразрывно увязывается с неправильным применением норм материального права. Проверка в порядке кассационного (ст. 401.15 УПК РФ) или надзорного (ч. 2 ст. 412.1, ст. 412.9 УПК РФ) производств исключительно свойства законности, вышестоящий суд при оценке норм материального права неизбежно войдет в оценку справедливости обжалованного судебного акта. Последнее не согласуется с заявленным предметом кассационной проверки, поскольку косвенным предметом оценки суда выступает и категория справедливости»<sup>13</sup>.

В определенной степени подобные споры и различные современные подходы к оценке предмета кассационного производства обусловлены крайне неудачным раскрытием в указанной правовой норме содержания принципа законности при производстве по уголовному делу. В частности, с одной стороны, формулировка ч. 3 ст. 7 УПК России приводит раздельное перечисление требований к постановлениям и определениям суда: законность, обоснованность и мотивированность, а это позволяет предполагать, что понятием законность не охватываются последние два требования. Аналогичный вывод следует и в отношении формулировки ч. 1 ст. 297 УПК России, где требования законности, обоснованности и справедливости также упоминаются раздельно. С другой стороны, название ст. 7 УПК России дает формальное основание рассматривать требования обоснованности и мотивированности постановлений и определений суда<sup>14</sup> в качестве составных элементов принципа законности. Согласно пониманию термина «законность» в контексте ст. 297 и 401.1 УПК России препятствует допускаемое как законодателем, так и некоторыми учеными смешение этого термина с содержанием принципа законности, хотя, с точки зрения автора данной статьи, достаточно очевидно, что «принцип законности» и «законность» – далеко не одно и то же, во всяком случае, эти понятия никак нельзя рассматривать в качестве синонимов. Обоснованную критику законодательного определения принципа законности высказывали и некоторые ученые<sup>15</sup>.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм гл. 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»<sup>16</sup> (далее – постановление от 28 января 2014 г. № 2) под предметом кассационного производства понимается выявление и устранение допущенных органами предварительного расследования или судом в ходе предшествующего разбирательства дела существенных нарушений уголовного закона (неправильного его применения) и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, и нарушений, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Судья Верховного Суда Российской Федерации А.С. Червоткин характеризует кассационное производство следующим образом: «Кассационный суд в классическом его понимании не обсуждает вопрос факта, не решает вопрос о виновности человека, не имеет права исследовать новые доказательства, а только те, что есть в материалах дела. Это так называемый суд над судом. Он проверяет, соблюдены ли требования закона судьей и судом первой инстанции»<sup>17</sup>. Таким образом, А.С. Червоткин не включает в предмет кассационного производства законность действий и решений государственных органов и их должностных лиц со стороны обвинения, а также суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Однако, в п. 4 указанного ранее постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации прямо предусмотрено, что в соответствии с положениями ч. 1



ст. 127 и ст. 401.3 УПК России в кассационном порядке может быть пересмотрено вступившее в законную силу судебное решение, вынесенное в ходе как судебного, так и досудебного производства по уголовному делу. Вместе с тем, совершенно очевидно, что позиции Верховного Суда Российской Федерации, и А.С. Червоткина совпадают в том, что законность действий и решений государственных органов и их должностных лиц со стороны обвинения (прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания) не могут быть предметом проверки судом кассационной инстанции.

Представляется, что раскрывая содержание предмета кассационного производства, Верховный Суд Российской Федерации все же выходит за пределы этого предмета, определенные законом. Устанавливая в п. 10 постановления от 28 января 2014 г. № 2, с одной стороны, что «при рассмотрении кассационных жалобы, представления суд (судья) кассационной инстанции проверяет только законность судебных решений, то есть правильность применения норм уголовного и норм уголовно-процессуального права (вопросы права). С учетом данного ограничения доводы кассационных жалобы, представления, если в них оспаривается правильность установления судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта), проверке не подлежат», т.е. по существу признавая существование в России кассационного производства в его классическом виде, в этот же пункт тут же внесена оговорка: «Вместе с тем, если в кассационных жалобе, представлении содержится указание на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, обоснование приговора недопустимыми доказательствами), повлиявшие на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведшие к судебной ошибке, такие доводы не должны быть оставлены без проверки» Таким образом, все же допускается вмешательство кассационной инстанции в вопросы оценки не только «права», но и «факта», хотя последние относятся к прерогативе апелляционной инстанции. Верховный Суд Российской Федерации так и не смог отойти от смешения предметов производства в названных инстанциях так, как это было сделано в УСС.

Установление в ст.ст. 401.2 – 401.4 УПК России особых требований к кассационной жалобе (представлению), а в ст.ст. 401.7 и 401.8 УПК России – порядка, по которому поступившая жалоба (представление) предварительно изучаются судьей соответствующего суда надзорной инстанции с целью установления оснований для передачи жалобы (представления) на рассмотрение суда кассационной инстанции, вполне объяснимо. Производство в суде надзорной инстанции не является обязательной стадией уголовного судопроизводства, поэтому вполне допустимым является установление особых требований для доступа к правосудию. Такой позиции придерживается и ЕСПЧ, указавший, в частности: «Необходимо учитывать процесс в целом, проводимый согласно внутреннему правопорядку, и роль, которую в нем играет Кассационный суд. Учитывая специфичность роли, играемой по-

следним, может быть допущено в этом отношении больше формализма, причем контроль суда ограничивается в силу закона»<sup>18</sup>. По данной причине нельзя согласиться с мнением Н.Н. Ковтуна о том, что нормы УПК России, устанавливающие перечень обязательных требований к форме и содержанию кассационной жалобы, могут явиться серьезным препятствием к «реализации широкой свободы обжалования»<sup>19</sup>. Кроме того, требования, предъявляемые к кассационной жалобе, не носят невыполнимого или трудновыполнимого характера. Вместе с тем, вряд ли можно отрицать, что указанный ранее в настоящей статье порядок рассмотрения кассационных жалоб и протестов в кассационном департаменте Сената (ст. УУС) все же в большей степени обеспечивал доступ в правосудие в стадии производства в кассационной инстанции, нежели порядок, установленный гл. 47.1 УПК России.

<sup>1</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. Закон № 41475. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867.

<sup>2</sup> Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий. Вып. V: Ст. ст. 765–999. / Под общей редакцией проф. М.Н. Гернета. М.: Издание М.М. Зива, 1916. С. 93.

<sup>3</sup> *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Издание третье, пересмотренное и дополненное. Том II. СПб.: Сенатская типография, 1910. С. 520.

<sup>4</sup> *Случевский Вл.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. –Издание четвертое, дополненное и исправленное. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1918. С. 628.

<sup>5</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. Закон № 41476. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867.

<sup>6</sup> Журнал заседания Временного правительства от 10 июля 1917 г. № 129 (пункт II) // Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. III. Л. 73 Об.78.

<sup>7</sup> Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства, 24 ноября 1917 г. № 17.

<sup>8</sup> *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. II: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М.: Издательство «Наука», 1970. С. 365.

<sup>9</sup> Уголовная кассационная коллегия.

<sup>10</sup> Сборник циркуляров и важнейших разъяснений Пленума Верховного Суда РСФСР за 1924 г. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1925. С. 119–120.

<sup>11</sup> Российская газета. 2010. 31 декабря.

<sup>12</sup> См., например: *Ковтун Н.Н.* Апелляционное, кассационное и надзорное производство в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 6.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Представляется небезынтересным сравнить редакции ч. 3 ст. 7 и ч. 1 ст. 297 УПК России. Так, из требований приговору суда исчезло требование его мотивированности, предъявляемое к иным процессуальным актам суда (постановлениям и определениям). Между тем, ст. 307 УПК России говорит об описательно-мотивировочной части приговора, требует указания мотивов изменения обвинения в случае переквалификации инкриминированного деяния и приведения мотивов решения всех вопросов,





Результаты анализа положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – «УПК РФ») и практики его применения свидетельствуют о наличии в нем ряда проблем при их реализации, которые нуждаются в исследовании и разработке необходимых корректирующих мер.

**1. О проблемах производства в суде апелляционной инстанции.** Особенность рассмотрения и разрешения дела по существу судом апелляционной инстанции обусловлена функцией судебного контроля, осуществляемого апелляционной инстанцией. Полагаем, что практическое применение судами этого нового института уголовного процесса существенно ухудшило имеющуюся до его введения ситуацию. Фактически апелляционная процедура «свелась» к дублированию существовавшей до ее введения кассационной процедуры.

Декларируемая законом проверка доказательств, получивших оценку суда первой инстанции, исследование судом доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции, а также исследование по тем же правилам новых доказательств, как свидетельствует практика, судами апелляционной инстанции не проводится. Подобное происходит вопреки позиции стороны защиты (которая, в силу требований ч. 6.1. ст. 389.14 УПК РФ, является для суда обязательной).

Имеются случаи не основанного на законе выхода судов за пределы представления прокурора (жалобы потерпевшего) с принятием решения, влекущего ухудшение положения осужденного.

При этом, изменившийся порядок производства в суде кассационной инстанции, даже в редком случае успешного преодоления препятствий по инициированию кассационного судопроизводства (по действующему законодательству зависит от усмотрения судьи), полностью исключает возможность оценки соответствия выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела (в том числе, с точки зрения оценки представленных по делу доказательств).

При таких обстоятельствах, принятое судом первой инстанции судебное решение, по складывающейся правоприменительной практике, обретает, с точки зрения проверки соответствия выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела, свойство окончательного.

В целях совершенствования отдельных норм УПК РФ, регулирующих деятельность апелляционного производства, предлагается:

1) изложить ст. 389.9 УПК РФ в следующей редакции:

«Суд, рассматривающий уголовное дело в апелляционном порядке проверяет законность, обоснованность и справедливость судебного решения в полном объеме и при этом не связан доводами, содержащимися в апелляционных жалобах или представлениях.

Если по уголовному делу осуждено несколько лиц, а апелляционная жалоба или представление принесены только одним из них, то суд вправе проверить

уголовное дело в отношении всех осужденных. При этом не может быть допущено ухудшение их положения»;

2) дополнить ст. 389.13 УПК РФ ч. 6.2, изложив ее в следующей редакции: «Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов могут иметь место по ходатайству сторон в случае неявки потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, предусмотренных частью второй настоящей статьи»);

3) исключить из ст. 389.20. УПК РФ п. 4 ч. 1, в соответствии с которым суд апелляционной инстанции может принять решение об отмене приговора, определения, постановления суда первой инстанции и о передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства. Это необходимо в связи с тем, что в суде апелляционной инстанции предусмотрено судебное следствие, в рамках которого могут быть выяснены все необходимые для принятия решения обстоятельства.

**2. Проблемы, связанные с нарушением права на защиту в ходе судебного разбирательства.**

Как известно, при замене защитника (назначении защитника при однократной неявке защитника по соглашению) в ходе судебного разбирательства, новому защитнику фактически не предоставляется время для ознакомления с материалами дела, в том числе и для изучения протокола судебного заседания (который, по обыкновению, не составляется до окончания рассмотрения дела по существу и вынесения приговора). На практике материалы уголовного дела представляются новому защитнику для ознакомления за один день, а то и за полчаса до начала судебного процесса. При этом в ходе судебного заседания, в случае заявления защитником ходатайства об отложении процесса в связи тем, что ему не было предоставлено достаточное время для ознакомления с делом и, соответственно, отсутствовала невозможность осуществлять надлежащую защиту, и заявлений защитника о самоотводе по этим основаниям, суды подобные ходатайства и заявления игнорируют (несмотря на обоснованные возражения со стороны защитников и подсудимых).

Таким образом, руководствуясь второстепенной, по отношению к принципам состязательности и справедливости судебного акта, целью скорейшего рассмотрения уголовного дела, суды допускают грубейшее нарушение прав подсудимых на защиту.

Кроме того, в настоящее время остро встала проблема, касающаяся назначения судом при участии в процессе защитника по соглашению, дублирующего защитника по назначению, вопреки ходатайствам подсудимых об отказе от назначенных защитников-дубле-



ров, заявлениям о самоотводе назначенных защитников от участия в судебных заседаниях. При этом, за совершаемые по указанным выше причинам протестные действия подсудимых, суды «удаляют» их из процесса, ограничивая, тем самым, их право на защиту и справедливое судебное разбирательство, а заявления защитников – дублеров о самоотводах расценивают как отказ от защиты и принуждают адвокатов к формальному исполнению профессиональных обязанностей.

### **3. О проблеме реформирования стадии назначения судебного заседания.**

Данной стадии уголовного судопроизводства всегда придавалось большое практическое значение, поскольку она превращалась в преграду для тех дел, которые расследованы поверхностно, с нарушением закона или по которым лицам необоснованно предъявлено обвинение, что препятствует не только незаконному осуждению лица, но и безосновательному нахождению его на скамье подсудимых. Данная стадия – важная гарантия охраны прав личности в уголовном судопроизводстве и интересов правосудия, которые на данном этапе уголовного судопроизводства неразрывно связаны и не противоречат друг другу.

Контрольно-подготовительный характер стадии обуславливает необходимость закрепления в ч. 2 ст. 229 УПК РФ следующих дополнительных оснований для проведения предварительного слушания: 1) подача стороной жалобы или ходатайства, если сторона ходатайствует о рассмотрении их на предварительном слушании; 2) наличие оснований для избрания, изменения или отмены мер пресечения; 3) для решения вопросов, указанных в ст. 228 УПК РФ, если для этого необходимо непосредственное исследование доказательств.

Представляется необходимым расширение процессуальных гарантий защиты прав участников уголовного судопроизводства на данной стадии, для чего в:

1) постановлении о назначении предварительного слушания должны быть указаны конкретные основания для его проведения и раскрыты доводы, свидетельствующие о наличии таких оснований;

2) УПК РФ закрепить право потерпевшего и представителя потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела сразу после вступления их в уголовный процесс в судебных стадиях и обязанность следователя разъяснить потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям право на подачу ходатайства о проведении предварительного слушания.

Требует совершенствования институт возвращения дела судом прокурору для устранения препятствий его рассмотрения:

1) судья должен иметь право вернуть дело прокурору в случае выявления оснований для выделения уголовного дела;

2) в ст. 237 УПК РФ необходимо четко закрепить срок, по истечении которого прокурор обязан направить дело в суд.

### **4. О пределах судебного разбирательства.**

В стадии судебного разбирательства особое внимание следует обращать на пределы судебного разбирательства, поскольку они являются непосредственным гарантом реализации в судебном разбирательстве закрепленной в ст. 6 УПК РФ основной цели (назначения) уголовного судопроизводства – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Они устанавливают «равновесие» между соблюдением интересов потерпевшего и подсудимого с тем, чтобы:

- при изменении обвинения в суде подсудимый не был лишен возможности защищаться предоставленными ему законом средствами и способами, и в то же время гарантия права на защиту не превратилась в формальный запрет на любое изменение обвинения в суде;

- защитить от обвинения и осуждения лиц, которые не были привлечены к уголовной ответственности в установленном законом порядке с тем, чтобы деяния этих лиц не стали предметом судебного разбирательства, а сами они не были признаны виновными по приговору суда;

- гарантировать реализацию в суде принципов: обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на защиту, презумпции невиновности, а также состязательности уголовного судопроизводства;

- определять порядок деятельности вышестоящих инстанций (апелляционной, кассационной и надзорной), а именно их нарушение является основанием для отмены или изменения приговора.

В связи с этим предлагается:

1) закрепить в нормах УПК РФ их процессуальное положение в судебном разбирательстве, проводимом в отношении соучастника преступления; определить критерии пределов исследования противоправных действий данных лиц, установить критерии пределов отражения в приговоре их преступных действий и их личностной характеристики (фамилий) в связи с исследуемым преступным деянием;

2) внести изменения и дополнения в УПК РФ относительно процессуального положения лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим и реабилитирующим основаниям, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство, а также осужденных за совершение преступления совместно с подсудимым (а именно: дополнить ст. 213 ч.ч. 6 и 7, ст. 154 ч. 7, ст. 247 ч. 5, а также ввести в УПК РФ ст. 281-1 УПК РФ под названием «Оглашение показаний осужденного»);

3) ст. 252 УПК РФ предлагается дополнить ч. 3, в которой указать о недопустимости дополнения, за-

мены или исключения из обвинения фактических и юридических обстоятельств, а также изменения юридической квалификации, если такое изменение обвинения влечет неблагоприятные для подсудимого уголовно-правовые последствия или лишает его средств защиты, предоставленных ему уголовно-процессуальным законом в целях оправдания или смягчения наказания.

### 5. О проблеме реабилитации в уголовном судопроизводстве.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства. Значимость данного положения применительно к уголовному судопроизводству трудно переоценить, так как производство по уголовным делам всегда связано с определенными ограничениями для лиц, вовлеченных в данную сферу.

Указанное конституционное положение означает необходимость создания эффективно действующих механизмов, обеспечивающих каждому человеку и гражданину возможность добиваться защиты и восстановления своих прав и свобод от любых незаконных ограничений и нарушений. Таким инструментом в уголовном судопроизводстве является институт возмещения вреда реабилитированным.

Реабилитация в уголовном судопроизводстве в том законодательном виде, который она приобрела сейчас, существует относительно недолго. Это связано с принятием и вступлением с 1 июля 2002 г. в законную силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в котором данному вопросу посвящена отдельная гл. 18, где определены основания, условия и процессуальный порядок реализации данного института.

В целях решения указанных выше проблем предлагается внести в гл. 18 УПК РФ соответствующие изменения и сформулировать их следующим образом:

1) имущественный вред, причиненный уголовным преследованием – это не только негативные последствия для лица, незаконно или необоснованно подвергнутого

уголовному преследованию, выраженные в утрате или повреждении его имущества, но и любые имущественные потери, которые лицо понесло либо должно будет понести в связи с восстановлением нарушенных прав. К имущественному вреду также необходимо относить недополученные доходы реабилитированного, которые он должен был получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы не был подвергнут уголовному преследованию (упущенная выгода);

2) реабилитированному должны возмещаться все легальные доходы, получение которых было прервано в результате незаконного или необоснованного привлечения к уголовной ответственности, в том числе доходы, не основанные на личном труде;

3) реабилитированному должно быть возвращено не только имущество, конфискованное и обращенное в доход государства, но и взысканное с невиновного в пользу физических лиц или организаций; следует предусмотреть возможность возврата имущества, изымаемого на стадии предварительного расследования – в случае наложения на него ареста либо изъятия в качестве вещественного доказательства, о чем внести соответствующие изменения в п. 2 ч. 1 ст. 135 УПК;

4) реабилитированному следует возмещать взысканные с него в порядке ст.ст. 117 и 118 УПК денежные средства и понесенные им расходы, имевшие место, когда это лицо участвовало в уголовном процессе в качестве свидетеля;

5) суммы, выплаченные реабилитированным за оказание юридической помощи, должны возмещаться в полном объеме независимо от того, оказывалась юридическая помощь адвокатом или «иным лицом», и в течение всего срока, когда реабилитированный предпринимал меры к защите своих прав и законных интересов, включая право на реабилитацию, о чем внести соответствующие изменения в п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ;

6) реабилитированному должны возмещаться расходы, связанные с восстановлением здоровья, что необходимо прямо указать в ч. 1 ст. 135 УПК.



**Правоохранительные органы:** учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И.И. Сыдорука, А.В. Ендольцевой. 9-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 447 с.

В учебнике на основе правовой категории «правоохрана» определено понятие «правоохранительный орган» и установлен исчерпывающий перечень этих органов. Правовая категория «правоприменение» позволила выделить органы, содействующие правоохране (правоприменительные органы). Посредством системного подхода установлена структура каждого правоохранительного и правоприменительного органа, раскрыты их функции и взаимосвязи.

Для студентов (курсантов, слушателей) высших учебных заведений, осуществляющих подготовку юристов, а также для преподавателей, аспирантов (адъюнктов), практических работников правоохранительных органов и всех интересующихся организацией и функционированием правоохранительных и правоприменительных органов.





УДК 343.1  
ББК 67.311

## РОЛЬ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г. В СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

**ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ХИМИЧЕВА,**

*начальник кафедры уголовного процесса Московского университета  
МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор  
E-mail: olga-him@mail.ru;*

**АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРЕЕВ,**

*адъюнкт кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** На основе правовых норм Устава уголовного судопроизводства 1864 г. проанализированы истоки современного института привлечения в качестве обвиняемого; выдвинуты предложения, которые могли бы способствовать защите прав участников уголовного производства при привлечении в качестве обвиняемого в современный период.

**Ключевые слова:** Устав уголовного судопроизводства 1864 г., привлечение в качестве обвиняемого, право потерпевшего знать о предъявленном обвинении.

**Annotation.** Based on legal norms of the Charter of the criminal procedure of 1864 authors analyzed the origins of the modern institute of attraction as the accused and put forward proposals that could promote protection of the rights of participants of criminal proceedings when attracting as accused in modern time.

**Keywords:** Charter of criminal procedure of 1864, attraction as the accused, the right of the victim to know about the accusation.

Привлечение в качестве обвиняемого – центральный институт современного уголовного судопроизводства. Это один из основных этапов в деятельности следователя при расследовании уголовного дела, но не менее важный и для обвиняемого, потерпевшего и других участников.

В настоящий момент привлечение в качестве обвиняемого представляет собой достаточно сложную совокупность уголовно-процессуальных норм (ст.ст. 172–175 и др. УПК РФ). Для проникновения в сущность данного института представляется целесообразным хотя бы мельком взглянуть на историю его развития.

В одном из первых отечественных правовых актов – «Русской правде»<sup>1</sup> – нормы о привлечении в качестве обвиняемого отсутствовали. По нашему мнению, это было связано с частно-исковым характером уголовного процесса того времени: уголовное дело начиналось только по жалобе или челобитью потерпевшего, его семьи или рода. Законодательные установления о привлечении в качестве обвиняемого впервые появились в Новгородской<sup>2</sup> и Псковской<sup>3</sup> судебных грамотах; в них содержались нормы, регламентирующие процедуру привлечения к уголовной ответственности за наиболее тяжкие преступления и привод обвиняемого; истец приносил специальную присягу, подтверждающую то, что обвиняемый действительно является преступником. По сути, данная присяга

служила основанием привлечения лица в качестве обвиняемого (см. ст. 36 Новгородской судебной грамоты). До 1864 г. обвинитель и обвиняемый назывались истцами и пользовались равными правами в рамках уголовного судопроизводства.

Надо отметить, что до 60-х гг. XIX столетия все действовавшие на территории Руси правовые акты не имели внутреннего единства и единообразной структуры, а также нередко вступали в противоречие между собой, что, собственно, и обусловило появление Сводов законов 1832, 1842, 1857 гг. В складывавшейся системе норм делались первые попытки внести в уголовно-процессуальное законодательство положения об обвиняемом. При этом правовые предписания, содержащиеся в Сводах законов, имели существенный недостаток, состоящий в фактическом смешении привлечения в качестве обвиняемого и повода для начала уголовного судопроизводства.

Принятие Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г.<sup>4</sup> оказало существенное влияние на развитие уголовно-процессуального права в целом и норм, регламентирующих привлечение в качестве обвиняемого, в частности.

Хотя в Уставе уголовного судопроизводства отсутствовали нормы, регламентирующие порядок привлечения в качестве обвиняемого, этот закон внес различия между поводом к началу предварительного

следствия и основаниями привлечения лица к следствию в качестве обвиняемого. Это стало отправной точкой для обособления привлечения в качестве обвиняемого от других этапов уголовного судопроизводства и впоследствии послужило развитию привлечения в качестве обвиняемого как самостоятельного института.

Так, объявления и жалобы частных лиц; сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц; явка с повинной; возбуждение уголовного дела прокурором; возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя, указанные в ст. 297 Устава как законные поводы к началу предварительного следствия, были недостаточным основанием для привлечения в качестве обвиняемого. Обвинение лица в совершении преступления должно было быть подтверждено каким-либо законным способом, одним из которых мог служить «призыв к допросу в качестве обвиняемого». Для этого необходимы достаточные основания: «Обвиняемые призываются или приводятся к следствию не смотря на их значение, чины и личные преимущества, но следователь не должен приводить, ни даже призывать кого-либо к допросу без достаточного к тому основания» (ст. 396 Устава). По мнению П.В. Макалинского, нормы о привлечении в качестве обвиняемого регламентировали самостоятельный период следствия, который наступал после того, как «следователь может доставить более или менее верные и беспристрастные данные к обвинению в преступном деянии именно того, а не другого лица»<sup>5</sup>.

Также следует отметить, что в Уставе уголовного судопроизводства не закреплялись понятия «подозреваемый» и «обвиняемый», разница между ними не имела существенных различий. Они состояли лишь в степени обоснованности вывода о причастности лица к совершению преступления. Но кто и в какой момент уголовного судопроизводства должен ставить вопрос о привлечении в качестве обвиняемого? Ответ на этот вопрос потребовал выделения привлечения лица в качестве обвиняемого в самостоятельный этап. Так, согласно Особому наказу Санкт-Петербургского окружного суда 1887 г. судебному следователю надлежало составлять специальное постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого<sup>6</sup>.

Устав уголовного судопроизводства предусматривал и ряд других предписаний, аналогичных нормам, составляющим институт привлечения в качестве обвиняемого в современном уголовно-процессуальном праве:

- по уголовным делам, подведомственным мировым судебным установлениям, обличение обвиняемых перед судом предоставляется потерпевшим от преступных действий частным лицам (ст. 3);
- основания прекращения судебного преследования обвиняемого (ст. 16);
- возможность отвода следователя обвиняемым (ст. 273);

- уведомление прокурора при взятии обвиняемого под стражу (ст. 283);
- судебный следователь обязан снять с обвиняемого первоначальный допрос немедленно и никак не позднее суток после явки или привода его (ст. 398);
- возможность отказа обвиняемого от дачи показаний следователю (ст. 406);
- предоставление обвиняемому переводчика – «лица, сведущего в языке» (ст. 410);
- возможность повторного допроса обвиняемого только в исключительных случаях: «к повторению допросов судебный следователь не должен прибегать без особой в том надобности» (ст. 412);
- право обвиняемого указать на какие-либо новые обстоятельства, которые должны быть исследованы следователем, если они могут иметь влияние на решение дела (ст. 477);
- право обвиняемого на подачу жалобы на действия следователя, нарушающие или стесняющие права (ст. 491).

Отдельного внимания заслуживают, на наш взгляд, ст.ст. 304, 475 Устава, предусматривавшие вручение участникам уголовного процесса копий процессуальных документов. Так, п. 4 ст. 304 закрепляет, что во все время производства следствия принесший жалобу имеет право требовать на свой счет выдачи копий всех протоколов и постановлений. В соответствии со ст. 301 жалобы (как повод к началу предварительного следствия) приносились потерпевшими от преступления или проступка, следовательно, потерпевший наделялся правом получения копий всех процессуальных документов. Об этом же свидетельствует и ст. 475 Устава, согласно которой «по просьбе участвующих в деле лиц следователь выдает им копии протоколов и постановлений: обвиняемому бесплатно, а частному обвинителю или гражданскому истцу – за установленную плату».

В современном УПК РФ в п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК закреплено право потерпевшего «знать о предъявленном обвинении». Согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 300-О эта норма «... предполагает обязанность следователя довести до сведения потерпевшего не только сам факт предъявления обвинения конкретному лицу, но и содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, включая описание фактических обстоятельств инкриминируемого лицу преступления и его юридическую оценку. Отсутствие в названной норме прямого указания на порядок, в соответствии с которым следователь знакомит потерпевшего с предъявленным обвиняемому обвинением, и на обязанность вручить потерпевшему копию постановления не означает, что до окончания предварительного расследования этот участник уголовного судопроизводства не вправе на основании п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ ознакомиться с текстом постановления и снять с него копию»<sup>7</sup>.

Однако, многие ученые-процессуалисты считают, что отсутствие в УПК РФ четкой процедуры уве-



домления потерпевшего о предъявленном обвинении является серьезным пробелом и в правоприменительной практике возникают вопросы о моменте сообщения потерпевшему о предъявленном обвинении, форме такого сообщения, объеме сообщаемой информации и т.д.<sup>8</sup>

Так, по мнению профессора И.Н. Кондрата, существует обязанность следователя уведомить потерпевшего о предъявленном обвинении, а по ходатайству потерпевшего – предоставить ему копию соответствующего постановления. В связи с этим предлагается дополнить перечень процессуальных документов, копии которых согласно п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ вручаются потерпевшему, постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, а ст. 172 УПК РФ – нормой следующего содержания: «следователь в письменном виде уведомляет потерпевшего о предъявленном обвинении»<sup>9</sup>.

По нашему мнению, для устранения указанного пробела в уголовно-процессуальном законе необходимо установить момент (процессуальный срок), в течение которого потерпевший уведомляется о предъявленном обвинении; в уведомлении должны быть указаны статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, по которым предъявлено обвинение, обстоятельства инкриминируемого деяния, контактные данные следователя, предъявившего обвинение, разъяснение права на получение копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого и порядка реализации данного права. Более того, данное право должно распространяться и на других участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения: гражданского истца, частного обвинителя, представителей потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя, а также заявителя (в случаях, когда ущерб причинен неустановленному лицу или потерпевшим является государство). Как отмечалось, право заявителя получить копии всех протоколов и постановлений содержалась еще в Уставе уголовного судопроизводства.

Таким образом, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. стал важным шагом в становлении института привлечения в качестве обвиняемого. Этот закон, во-первых, заложил основы выделения в отдельный этап предварительного расследования привлечения в

качестве обвиняемого и, во-вторых, предусмотрел ряд процессуальных норм, которые впоследствии составили самостоятельный институт уголовно-процессуального права.

В целях реализации п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, – целесообразно закрепить в уголовно-процессуальном законе право потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя и их представителей, а в некоторых случаях – и других лиц на получение информации, содержащейся в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Введение такой нормы способствовало бы не только обеспечению прав участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, но и полному, всестороннему объективному расследованию уголовных дел.

<sup>1</sup> Правда Русская / Под общ. ред. акад. Б.Д. Грекова Т.1 М.: Л.: Изв-во АН СССР, 1963.

<sup>2</sup> Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М., 1984.

<sup>3</sup> Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М., 1984.

<sup>4</sup> Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс] // Гарант – информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/57791498/> (дата обращения: 17 октября 2014 г.).

<sup>5</sup> Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей. СПб., 1907. С. 370.

<sup>6</sup> Пункт 2 ст. 286 Особого наказа С.-Петербургского Окружного Суда. СПб.: Типография Шредера 1887 г. С. 73.

<sup>7</sup> Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. №300-О «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционного прав п.п. 1, 5, 11, 12 и 20 ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 163, ч. 8 ст. 172 и ч. 2 ст. 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 47. Ст. 4940.

<sup>8</sup> См.: Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России: Учебное пособие для магистров. М., Юрайт, 2014. С. 243 Собр 245.

<sup>9</sup> См.: Кондрат И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации. М., Юстицинформ, 2013. С. 282–284.

## ОРГАНИЗАЦИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ – КОМПЛЕКСНАЯ, МЕЖНАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

**АЛЕКСАНДР ФОМИЧ ВОЛЫНСКИЙ,**

*профессор кафедры криминалистики*

*Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

*доктор юридических наук, профессор,*

*Заслуженный деятель науки Российской Федерации,*

*Заслуженный юрист Российской Федерации*

*E-mail: bul303@rambler.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Анализируется ряд аспектов организации раскрытия и расследования преступлений: производится исследование необходимых понятий; обозначенная деятельность позиционируется носящей междисциплинарный и многоуровневый характер; обсуждается возможность её обособления в самостоятельный раздел криминалистики, а также в отдельный учебный курс.

**Ключевые слова:** организация раскрытия и расследования преступлений, взаимодействие при раскрытии и расследовании преступлений, криминалистика, науки уголовно-правового цикла.

**Annotation.** Analyzed a number of aspects of the organization of detection and investigation of crimes: research produced necessary concepts; mentioned activities positioned bearing an interdisciplinary and multi-level nature; discussed the possibility of its isolation in a separate section of criminology, as well as a separate training course.

**Keywords:** organization of detection and investigation of crime, cooperation in the detection and investigation of crime, criminalistics, sciences criminal law cycle.

1. Принятие Устава уголовного судопроизводства Российской Империи (20 ноября 1864 г.) – событие, которое вписывается в систему реформаторских действий того времени, по исторической значимости равных современным преобразованиям, происходящим в нашей стране. Заметим, что Устав был разработан в течение трех лет и до сих пор остается уникальным источником права, многие положения которого буквально напращиваются в действующий УПК РФ, который разрабатывался около 10 лет. Отмена крепостного права (1861 г.) повлекла коренное изменение общественных и социально-экономических отношений, а как следствие, необходимость их адекватного правового регулирования, в том числе создания принципиально новой системы уголовного судопроизводства. Его цель определялась с ориентацией на обнаружение так называемой материальной истины и наказание действительно виновного в совершении преступления.

Подстатья этой цели, которая до сих пор остается предметом бесплодной дискуссии российских процессуалистов (по крайней мере, в отношении истины), определены в Уставе и задачи уголовного судопроизводства, а также меры организационного

обеспечения их решения, т.е. порядок функционирования тех органов и учреждений, на который возлагались обязанности осуществлять судебную власть. «Суд есть достижение правды... на основании не формальной, но материальной истины»<sup>1</sup>.

Установление такой истины естественно предполагало предшествующую суду деятельность следователя и взаимодействующих с ним органов полиции, сведущих лиц – специалистов различных отраслей научного знания, направленную на собирание и исследование источников «материальной истины». Иначе говоря, раскрытие и расследование преступлений становилось предметом коллективной деятельности определенного множества лиц, обладающих присущими им знаниями, умениями и правовыми полномочиями. Естественно актуализировалась проблема взаимодействия субъектов этой деятельности, которая до сих пор остается «ахиллесовой пятой» или «слабым звеном» организации раскрытия и расследования преступлений.

2. Организация любого вида деятельности имеет ключевое значение в обеспечении ее результативности и эффективности, тем более, когда речь идет о такой многоуровневой, сложноструктурной и остро-





проблемной деятельности, как раскрытие и расследование преступлений. Между тем, в литературных источниках наук уголовно-правового цикла, включая криминалистику и уголовный процесс, нет четкого определения понятия «организация» и его содержания применительно к раскрытию и расследованию преступлений.

В философии и социологии организация представляется как: 1) внутренняя упорядоченность, согласованность *взаимодействия* более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленного его строением; 2) совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию *взаимодействия* между частями целого; 3) объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель и *согласованно* действующих на основе определенных процедур и правил<sup>2</sup>.

При этом, во всех приведенных вариантах определения организации, что очевидно, ключевым словом является «*взаимодействие*», которое по существу представляется как основа организации, в нашем случае, раскрытия и расследования преступлений. А в последнем из них довольно точно выражена суть организации применительно к раскрытию и расследованию преступлений в контексте субъективно-правовых отношений. При этом *представляется, что объединение людей совместно и согласованно действующих* в указанных целях, на основе определенных правил (читай «УПК РФ») это нечто более конкретное и значимое, по сравнению с тем, как определены возможности взаимодействия следователя с оперативно-разыскными аппаратами в нашем уголовно-процессуальном законодательстве (ст.ст. 89, 163 УПК РФ). Там они искусственно ограничены, а механизм их реализации зачастую сводится к формальной переписке.

Понятие «организация» употребляется в общем контексте с понятиями «структура», «система». При этом первое (организация) динамично, приспособляемо к условиям среды; вторые статичны и характеризуются наличием ряда соподчиненных условий. Следовательно, не только части, но и способы их организации, их состояние предопределяют свойства целого. В этой связи, естественно, возникает вопрос, что представляют собой «дифференцированные и автономные части целого», т.е. организации раскрытия и расследования преступлений и осуществляемые в их рамках «процессы и действия»?

3. Ответ на этот вопрос представляется очевидным, если обратить внимание на исторически сложившуюся практику использования в этих целях процессуальных возможностей следственных органов, а в порядке взаимодействия с ними – оперативно-разыскных аппаратов, судебно-экспертных учреждений и экспертно-криминалистических подразделений, а также иных служб правоохранительных органов, раз-

личных надзорных и контрольных органов. Иначе говоря, организация раскрытия и расследования преступлений как «целое» включает в себя такие «части» или виды деятельности, как процессуальная, оперативно-разыскная, административная, судебно-экспертная, технико-криминалистическая или в целом криминалистическая, рассматриваемая как криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений<sup>3</sup>.

Все эти виды деятельности, т.е. «более или менее автономные части целого» осуществляются гласно и негласно. Они чрезвычайно сложны и специфичны по своему содержанию, решаемым задачам, реализуемым при этом методам и средствам. Каждая из них характеризуется иерархической системой управления, обусловливаемой многоуровневой системой организации соответствующих служб, аппаратов, учреждений, и подразделений. Возможно поэтому предпринимаемые в криминалистике попытки обосновать необходимость формирования сугубо криминалистического учения об организации раскрытия и расследования преступлений пока не отличаются убедительностью. По этой же причине не находят широкой поддержки среди ученых-криминалистов и предложения в пользу самостоятельного раздела криминалистики – «организация расследования преступлений».

Очевидно, что современные проблемы организации раскрытия и расследования преступлений (правовые, организационные, научно-технические и т.д.) в их системном представлении *носят комплексный, междисциплинарный и межнаучный характер*. Их возникновение и проявление, как правило, обусловлено, следовательно, их решения должны быть взаимосвязаны. Разрабатываемые криминалистикой методы, средства, рекомендации зачастую остаются достоянием самих разработчиков без их внедрения в следственную практику и без профессионального освоения субъектами раскрытия и расследования преступлений, поскольку это возможно лишь при наличии законодательного решения вопроса об их допустимости в уголовном процессе и регламентации порядка их применения. Наконец, при наличии того и другого трудно ожидать желаемого результата, если не будет надлежащего системного подхода к организации их применения в раскрытии и расследовании преступлений.

В физике прочность цепи определяется слабостью одного из ее звеньев. По аналогии можно утверждать, что совершенство, безупречность организации расследования преступлений в ее системном представлении находятся в прямой зависимости от несовершенства какой-либо из ее частей, выступающих как результаты законотворческой, управленческой, научно-технической и иных видов деятельности, осуществляемых в соответствии с уголовно-правовой политикой нашего государства, причем на основе того самого взаимодействия соответствующих госу-

дарственных органов и учреждений, которое определяет основу организации их деятельности в указанных целях.

4. Таким образом, при наличии определенного множества видов и направлений деятельности, характеризующих содержание организации раскрытия и расследования преступлений, очевидна диалектически закономерная взаимосвязь не только составляющих ее частей, но и уровней.

*Первый уровень* – преимущественно управленческий, в основе своей общегосударственный или межведомственный. На этом уровне на основе взаимодействия и согласований между соответствующими государственными органами формируется система правоохранительных, в том числе следственных органов, создаются правовые, организационные, материально-технические основы их деятельности, т.е. условия, необходимые им для выполнения возложенных на них задач по обеспечению в стране правопорядка, в том числе предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

*Второй уровень* – внутриведомственный, в рамках которого организуется деятельность служб и подразделений, призванных раскрывать и расследовать преступления, опять же на основе их взаимодействия. Особое место в их системе занимают органы дознания, предварительного следствия, оперативно-разыскные аппараты и экспертно-криминалистические подразделения.

*Третий уровень* – организационно-методический. Он касается непосредственно организации работы следователя (дознавателя) и иных взаимодействующих с ним субъектов раскрытия и расследования преступлений, организации работы по конкретным уголовным делам. Это тот уровень, на котором, в основном, и реализуются разрабатываемые в рамках названных выше «частей целого» средства и рекомендации.

При этом ясно, что законотворческая, управленческая, образовательная и тому подобные виды деятельности, как и в целом вся система организации раскрытия и расследования преступлений, не относится к предмету наук, обслуживающих «части целого», но осуществление соответствующих видов деятельности (процессуальной, криминалистической и др.) применительно к проблемам борьбы с преступностью, объективно сопряжено с использованием результатов их исследований, которые находят свое выражение в предложениях, выводах и рекомендациях, излагаемых в обзорах и обобщениях следственной практики, в диссертационных и иных монографических работах. Следовательно, такие исследования должны быть направлены на изучение и решение не только узкопредметных проблем наук уголовно-правового цикла, но и правового, организационного, кадрового, научно-технического обеспечения в целом организации в раскрытии и расследовании преступлений.

5. Для наук уголовно-правового цикла не безразлично: как в УПК РФ регламентируется порядок использования их возможностей, как организована деятельность следователя и его взаимодействие с оперативным работником или специалистом-криминалистом, как осуществляется его профессиональная подготовка, основу которой составляет изучение этих самых наук и формирование умений практической реализации таких знаний. Естественно, это не является основанием для претензий одной из этих наук, в том числе криминалистики, в целом на решение проблем организации раскрытия и расследования преступлений.

И, тем не менее, следует признать, что в настоящее время в условиях рыночной конкуренции, пронизывающей все сферы жизни нашего общества, в том числе сферу борьбы с преступностью, роль наук уголовно-правового цикла в разрешении возникающих при этом проблем явно возрастает. Тем более, что «состязательность», зачастую с участием агрессивного криминального лобби, начинается не в уголовном судопроизводстве или процессе, а значительно раньше, в том числе там, где формируются его правовые, управленческие и организационные основы, где разрабатываются и принимаются законодательные и управленческие решения, направленные на совершенствование организации раскрытия и расследования преступлений и в целом деятельности правоохранительных органов.

В этих условиях, естественно, возрастает значение в организации раскрытия и расследования преступлений уголовного процесса, теории оперативно-разыскной деятельности, криминалистики и других наук этого ряда. Следует признать конструктивным сам поиск в рамках этих наук наиболее оптимальных подходов к решению данной проблемы. Однако, речь должна идти не о переименовании каких-то их частей, не о формальном вычлениении из них по субъективным соображениям каких-либо тем в «новый» раздел. Это проблема значительно сложнее. Во всяком случае, имея ввиду криминалистику, для начала следовало бы выделить из ее курса «общие положения организации», что предлагают авторы этой идеи, а из «целого» ту «часть», которая называется «криминалистическая деятельность» или «криминалистическое обеспечение», т.е. из общей системы организации раскрытия и расследования преступлений те проблемы, рациональное решение которых невозможно без использования криминалистических знаний.

6. Выше изложенный подход к понятию организации раскрытия и расследования преступлений, к определению ее системы, задач, принципов, по нашему мнению, имеет перспективу дальнейшего развития. Более того, нами не исключается возможность формирования специального комплексного учебного курса для студентов и слушателей заключительного, выпускного курса юридических вузов, по крайней



мере, правоохранительных министерств и ведомств, которые уже получили определенные узкопредметные профессиональные знания и готовы к их анализу и освоению как «частей в системе целого». Такой учебный курс просто напрашивается в системе магистерской подготовки. При этом, конечно, следует учитывать в учебном процессе различные уровни и формы организации как «целого», так и его «частей».

Естественно, возникает вопрос: кто и каким образом в состоянии разработать такой учебный курс и соответствующие учебно-методические материалы? Очевидно, что это не по силам ни одной отдельно взятой кафедре уголовно-правового цикла наук. С нескольких иных позиций, но эту же мысль выражает В.Ф. Статкус, говоря, что проблема организации и методики раскрытия и расследования преступлений не только криминалистическая, для ее разработки нужно привлекать криминологов, специалистов в области уголовного процесса, оперативно-разыскной деятельности и судебно-экспертной деятельности<sup>4</sup>. Следовательно, необходимо формирование межнаучного, межкафедрального творческого коллектива, для начала как общественного формирования, а в перспективе – в форме научно-методического комплекса соответствующих кафедр. Нами не исключается возможность создания в этих целях межкафедральной проблемной научно-исследовательской лаборатории.

В истории вузов МВД России в этом отношении уже имеется определенный опыт. Научно-учебный комплекс, объединяющий ряд кафедр, действовал в свое время в Московском институте МВД России имени, такой комплекс создан на факультете подготовки экспертов-криминалистов в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. Сегодня мало кто помнит, но в конце 60-х годов прошлого века в Высшей школе МВД СССР при кафедрах уголовного процесса и оперативно-розыскной деятель-

ности были созданы и весьма успешно действовали проблемные научно-исследовательские лаборатории. Опыт их деятельности – показательный и убедительный пример организационного обеспечения научных разработок актуальных проблем практики раскрытия и расследования преступлений.

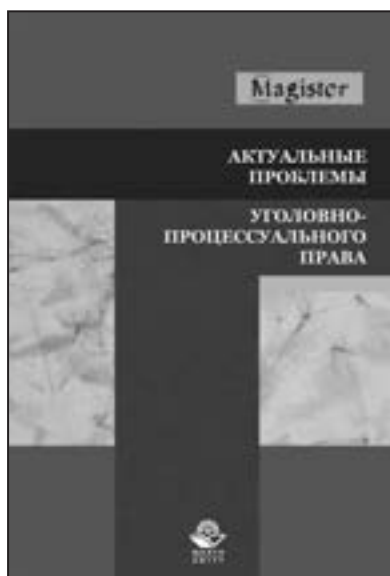
Особенности «рыночной преступности» предопределили серьезные структурные изменения в системе правоохранительных органов страны – вместо ранее существовавшей моносистемы (МВД-КГБ) создана их полисистема – определенное множество, соответственно, увеличилось по объему и усложнились по существу решаемые ими задачи. В этих условиях заметно актуализировались, причем на всех уровнях, проблемы их взаимодействия, во многом предопределяющие состояние организации, а соответственно результативность их деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Очевидно, что в решении этих проблем более активную роль должны и могут сыграть профессиональные образовательные учреждения, правоохранительных министерств и ведомств, во-первых, в части их совместных научных исследований, а во-вторых, в реализации результатов таких исследований в учебном процессе.

<sup>1</sup> Судебные Уставы 20 ноября 1964 года, с изложением рас- суждений, на коих они основаны. Издание Государственной кан- целярии. Ч. 1. СПб. 1866. С. 255.

<sup>2</sup> БСЭ. Третье издание. Т.18 М. 1974. С. 473.

<sup>3</sup> Криминалистика. Учебник. Под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М.: Закон и право, 2008. С. 52–71.

<sup>4</sup> Статкус В.Ф. О науке, практике, образовании и о связи казанских событий с подследственностью расследования престу- плений // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы. Материалы Всероссийской на- учно-практической конференции (Москва, 26–27 апреля 2012 г.) Ч. 1. М.: Академия управления МВД России. 2012. С. 44–50.



**Актуальные проблемы уголовно-процессуального права:** учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. О.В. Химичевой, О.В. Мичуриной. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 287 с. (Серия «Magister»).

Учебное пособие, подготовленное в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция», квалификация «магистр», отражает современные актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы уголовно-процессуального права.

Для магистров, слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей юридических вузов, а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

## КРАТКИЙ ОЧЕРК УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЧАСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОЗНАНИЯ И НЕОБХОДИМОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ ЕГО ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

**ОКСАНА ВАЛЕРЬЕВНА МИЧУРИНА,**

*профессор кафедры уголовного процесса Московского университета  
МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 г. послужило толчком к подготовке большинства научных работ того времени, которые заложили основу теоретических взглядов и воззрений на дознание, подвергнув анализу процессуальный порядок его производства и сформулировав первоначальные положения, касающиеся его понятийного аппарата и правовой природы. Предлагается краткий очерк положений Устава в части регламентации дознания и авторское видение разрешения вопроса о необходимости их заимствования в современных условиях.

**Ключевые слова:** Устав уголовного судопроизводства, предварительное расследование, формы предварительного расследования, дознание.

**Annotation.** The adoption of the Charter of criminal proceedings in 1864 triggered the preparation of the majority of scientific works of the time that laid the foundation of theoretical perspectives and views on the inquiry, exposing the analysis of its procedural order of production and formulate initial provisions relating to the conceptual apparatus, as well as its legal nature. Given a brief outline of its provisions in the regulation of the inquiry and the author's vision of the need to resolve the issue of borrowing in modern conditions.

**Keywords:** Charter of criminal proceedings, preliminary investigation, form of the preliminary investigation, inquiry.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. открыл новую эпоху российского уголовного процесса, отдавшего предпочтение организации досудебной деятельности с преобладанием следственно-разыскных начал, что и определило в дальнейшем весь его облик на долгие годы. Именно с этого момента допустимо говорить о возникновении полноценной системы научных взглядов на дознание в отечественном уголовном процессе. В тот период были опубликованы следующие популярные работы, посвященные, в том числе, проблематике дознания: А.А. Квачевского «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании по судебным уставам 1864 г.: Теоретическое и практическое руководство» (1867 г.); учебник по русскому уголовному процессу В.К. Случевского (1892 г.); курс уголовного судопроизводства в двух томах И.Я. Фойницкого (1896 г.); практическое руководство для судебных следователей П.В. Макалинского (1907 г.); учебники С.И. Викторского «Русский уголовный процесс» (1912 г.) и Н.Н. Розина «Уголовное судопроизводство» (1914 г.). Они заложили основу всех последующих теоретических взглядов на дознание, подвергнув анализу процессуальный порядок производства и сформулировав первоначальные положения, касающиеся понятийного аппарата, а также его правовой природы.

Как отмечал И.Я. Фойницкий: «появились три последовательные стадии следствия; первой усвоено название дознания, второй – предварительного следствия и третьей – судебного следствия... По существу очевидно, две первые принадлежат к предварительному исследованию, но каждая из них предоставлена особым органам – полиции и судебным следователям»<sup>1</sup>. Кроме того, он констатировал и наличие дознания по делам местных установлений, которому хотя и «усваивается одно из общих названий, принятых в законе, именно дознание, но значение его здесь некоторое иное»<sup>2</sup>.

Отделяя дознание от предварительного следствия, составители Уставов уголовного судопроизводства видели в этом весьма важные улучшения, которые обосновывались следующими обстоятельствами: «первое, что полиция, дабы не сообщать следователю неверных сведений, по необходимости должна будет сперва сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, а через то число неосновательных сведений значительно уменьшится; второе, что судебный следователь, не участвуя в первоначальных разысканиях и посему не увлекаемый первыми, иногда ошибочными заключениями и догадками о предполагаемом виновном, может беспристрастно, без всяких предубеждений,





судить о вероятности возводимого на кого-либо подозрения»<sup>3</sup>.

В комментариях к Уставам уголовного судопроизводства дознание определялось как «первоначальные изыскания, производимые полицией для обнаружения справедливости или несправедливости дошедших до нее слухов и сведений о преступлении или о таких происшествиях, о которых без розысканий нельзя определить, заключается или не заключается в них преступление»<sup>4</sup>.

В соответствии с представлением их составителей, ученые-процессуалисты тех лет целью дознания видели «обнаружение преступного характера происшествия, полагая, что дальнейшие действия по розыскиванию и изобличению преступника должны принадлежать следователю»<sup>5</sup>. Все нужные сведения полиция собирала посредством розысков, словесных расспросов и негласных наблюдений, не производя ни обысков, ни выемок, ни каких-либо других следственных действий. При осуществлении дознания полиция не имела права на составление протокола или иного процессуального документа, а полученные сведения должна была заносить в один общий акт за подписью лица, производящего дознание. Полиция собирала не доказательства, а только сведения о них<sup>6</sup>. Сенат не рекомендовал читать акты дознания в судебном заседании и в особенности подчеркивал, что признание обвиняемого на дознании, не подтвержденное в присутствии суда, не имеет доказательственного значения<sup>7</sup>.

В привычном для нас современном понимании дознание – это самостоятельный вид уголовно-процессуальной деятельности, одна из форм предварительного расследования. Однако, в тот период дознание осуществлялось не по процессуальным правилам производства и являлось примером, скорее, административной процедуры. Исходя из этого, понятие и правовая природа дознания рассматривались в теории уголовного процесса весьма неоднозначно.

Характеризуя дознание XIX в. известный юрист, профессор Санкт-Петербургского университета И.Я. Фойницкий в своей книге «Курс уголовного судопроизводства», ставшей непревзойденным классическим образцом систематического изложения теории и практики уголовного судопроизводства отмечал, что дознание является как бы частью предварительного следствия, его первой ступенью<sup>8</sup>; «оно не имеет дело с судебными формами и обрядами ... представляет собой деятельность не судебную»<sup>9</sup>. Более того, он полагал, что дознание не может и не должно проводиться в процессуальной форме. «Успех дознания обеспечивается всего более возможностью производить его быстро и безостановочно, поэтому установление разных формальных требований в этой стадии было бы не только бесполезно, но даже вредно для интересов уголовного правосудия. Руководствуясь этими соображениями, судебные уставы избегают здесь всякого формализма»<sup>10</sup>.

«Наше законодательство, – писал И.Я. Фойницкий, – остается при типе дознания, которое есть точное воспроизведение старогерманского «*inquisitio generalis*», сосредоточенного в руках полиции под не-

которым лишь наблюдением прокуратуры. Оно производится помимо сторон, не предполагает их участия в деятельности, определяясь безличной волей закона. Оно не есть деятельность обвинителя, а деятельность тех правительственных органов, на которых лежит обязанность пресечения и предупреждения преступлений. Оно начинается не в силу заявления желания обвинителя о рассмотрении данного дела, а в силу требования закона, возлагающего на известные органы обязанность по долгу их службы приступать к расследованию дела, собиранию доказательств и т.п.»<sup>11</sup>.

Учеными-процессуалистами тех лет всегда признавалась неразрывная связь дознания с розыском, в том числе и негласным. Так, русский процессуалист А.А. Квачевский различал дознание в широком и узком смысле слова как «все первоначальное производство, включая розыск», так и «собираание признаков одного преступления без указания преступника». При этом он предостерегал против их отождествления, поскольку «розыск составляет часть дознания, а в обширном смысле – один из способов его производства, направленный к обнаружению и указанию скрытого, тайного, преимущественно виновника преступления»<sup>12</sup>. Само же дознание, по его мнению, есть «первоначальное производство, имеющее целью собиране данных для удостоверения о том, что известное событие составляет деяние, запрещенное законом под страхом наказания, и для открытия виновника этого деяния»<sup>13</sup>.

Профессор Петербургского университета Н.Н. Розин определял дознание как «меры, принимаемые указанными в законе органами, для установления по горячим следам события преступного деяния, его намечающихся юридических черт и предполагаемого его виновника», отличая его от предварительного следствия «юридическим характером, качеством, глубиной и обширностью собираемых им данных и, с другой стороны, – органами его производства, поводом, порядком и объемом мер, представленных законом органами дознания»<sup>14</sup>.

Таким образом, научные работы по проблемам дознания, после принятия Устава уголовного судопроизводства, сформировали систему взглядов на дознание как первоначальное производство, предшествовавшее предварительному следствию. В теории уголовного процесса дознание тогда еще не рассматривалось как вид уголовно-процессуальной деятельности, одна из форм предварительного расследования, так как осуществлялось оно не по процессуальным правилам производства и являлось примером скорее административной процедуры полицейского дознания.

Многие современные исследователи, ведя поиск наиболее оптимальной процедуры дознания, тоже высказывают идеи о сужении его до первоначального этапа, предшествующего предварительному следствию<sup>15</sup>.

Хотелось бы выяснить, что это даст уголовному судопроизводству и самому дознанию? Безусловно, лишь возврат к единому порядку предварительного расследования. Именно дифференциация является возможностью более эффективного осуществления уголовно-процес-

суальной деятельности и, как следствие этого, надлежащего обеспечения прав и законных интересов личности. Дознание уже давно и надолго обеспечило себе право считаться альтернативой предварительному следствию.

Вместе с тем, доля здравого смысла есть в том, чтобы дознание рассматривать не только как производство предварительного расследования в полном объеме, но и часть его, т.е. расследование в неполном объеме. И тут идеи, заложенные когда-то в Уставе уголовного судопроизводства и продолженные в советском уголовно-процессуальном законодательстве, можно было бы позаимствовать. Два вида дознания (в полном и неполном объеме) могли бы быть объединены одним родовым понятием (как это уже некогда было), но осуществляться по разным категориям дел и в различных процессуальных процедурах. Вот тогда второй вид дознания, предшествующий предварительному следствию, опять выполнял бы свою отдельную немаловажную роль в уголовном судопроизводстве.

В отношении модели дознания в неполном объеме необходимо было бы: 1) придать статус дознания производству неотложных следственных действий в порядке ст. 157 УПК РФ, именуя его дознанием в неполном объеме; 2) вменить его производству органу дознания в лице уполномоченного начальником органа дознания сотрудника органа дознания; 3) допустить для него лишь исключительный характер, обусловленный срочной необходимостью принять меры к обнаружению и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих закрепления, изъятия и исследования; 4) рассматривать его как первоначальный этап расследования, предшествующий не только предварительному следствию, но и дознанию в полном объеме.

Нет пока в уголовном процессе Российской Федерации такой процедуры, которая в полной мере отвечала бы всем критериям упомянутого в Уставе уголовного судопроизводства полицейского дознания. Выполнение неотложных следственных действий дознанием не является, хотя вполне могло бы претендовать называться упрощенной процедурой, несмотря даже на то, что итогового решения при его производстве не принимается. Дознание в сокращенной форме имеет много нареканий со стороны правоприменителя, хотя в плане упрощения все же выигрывает перед обычным дознанием и предварительным следствием.

Современная юриспруденция рассматривает ускорение и упрощение процесса не только и не столько через призму интересов государственной репрессии, сколько в качестве неотъемлемого субъективного права частного лица, вовлеченного в уголовно-процессуальную сферу. В этом смысле быстрое рассмотрение дела, не будучи антиподом его качественному рассмотрению, является не менее ценной гарантией прав личности, нежели любая из остальных гарантий, за судьбу которых тревожатся противники данного направления уголовно-процессуальной политики. Кроме того, ускорение процесса есть объективная тенденция новейшего развития уголовно-процессуального права во всем

мире и вряд ли она по каким-то причинам теряет свою объективность в России<sup>16</sup>. Такое ускорение может и должно происходить как за счет его дифференциации, так и независимо от нее. Создание специальных механизмов, позволяющих ускорить уголовный процесс даже тогда, когда он уже дифференцирован, рассматривается все большим числом современных российских авторов в качестве насущной необходимости при реформировании уголовно-процессуального права<sup>17</sup>.

Совершенно очевидно, что нам не обойтись без процедуры по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести, которая бы максимально сокращала промежуток времени между моментом совершения преступления и принятия по нему соответствующего судебного решения при соблюдении законных прав и интересов всех участников уголовного судопроизводства. Однако, вряд ли следует рассматривать такое производство в качестве дознания (причем, даже сокращенного дознания), т.е. в понимании его именно как формы предварительного расследования. Это должна быть какая-то отдельная процедура либо особое производство, но не административного, а именно уголовно-процессуального характера.

<sup>1</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. С. 371–372.

<sup>2</sup> Там же. С. 373.

<sup>3</sup> Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. СПб., 1867. С. 285.

<sup>4</sup> Там же. С. 112–113.

<sup>5</sup> Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1892. С. 311. См. об этом также: Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании по судебным уставам 1864 г.: Теоретическое и практическое руководство. Ч. 2. СПб., 1867. С. 63.

<sup>6</sup> См.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 352.

<sup>7</sup> См.: Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей. СПб., 1907. С. 34.

<sup>8</sup> См.: Фойницкий И.Я. Указ. работа. С. 378.

<sup>9</sup> Там же. С. 374.

<sup>10</sup> Там же. С. 385.

<sup>11</sup> Там же. С. 373.

<sup>12</sup> См.: Квачевский А.А. Указ. работа. С. 5.

<sup>13</sup> Там же. С. 3.

<sup>14</sup> Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 415.

<sup>15</sup> См., напр.: Николок В.В., Дерищев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России. Красноярск, 2003. С. 99; Махов В.Н. О необходимости реформирования начальной стадии уголовного процесса Российской Федерации // Досудебное производство: проблемы и перспективы. М., 2007. С. 34; Оболкина А.Л. Модели предварительного (досудебного) производства по уголовным делам: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 9.

<sup>16</sup> См.: Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 236.

<sup>17</sup> См., напр.: Колобов Г. Нужна ясная уголовная политика // Законность. 2000. № 3. С. 7.



УДК 343.2  
ББК 67.311

## О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ОСУЖДЕННОГО ОТ НАКАЗАНИЯ, ПОСТАНОВЛЯЕМОГО В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВИТАЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БОБРОВ,**

*профессор кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,  
кандидат юридических наук, профессор;*

**АНТОН ВАЛЕНТИНОВИЧ СОБОЛЕВ,**

*адъюнкт кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя  
E-mail: Sobolevanton@mail.ru*

*Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Анализируется нормативно-правовая регламентация постановления обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания по Уставу уголовного судопроизводства и Уголовно-процессуального кодексу Российской Федерации. Авторы считают положительным опыт Российской Империи и предлагают учесть его в современном законодательстве.

**Ключевые слова:** гражданский иск, истечение сроков давности, обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания, прекращение уголовного дела, смерть подозреваемого или обвиняемого, Устав уголовного судопроизводства.

**Annotation.** Analysed the normative-legal regulation for guilty verdict with the sentenced person's release from punishment in accordance with the Rules of criminal procedure and Criminal procedure code of Russian Federation. The authors consider the experience of Russian Empire as positive and propose to take into account its positions for modern legal system.

**Keywords:** civil claim, expiry of limitation, verdict of guilt with the sentenced person's release from punishment, termination of criminal case, the death of suspected or accused person, Rules of criminal procedure.

Утверждение Указом Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) является важной вехой в развитии отечественного уголовного процесса. Как известно, судебная реформа была, в определенной степени, связана с желанием Александра II водворить в России правый и равный для всех суд. Следует признать, что во многом УУС в большей степени, чем нынешнее законодательство, обеспечивал охрану прав и законных интересов лиц, которым процессуальные решения могут причинить вред. Исключением не является и обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания, постановляемый в

связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

В соответствии с ч. 8 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) данный вид приговора постановляется, когда в ходе судебного разбирательства обнаруживается истечение сроков давности уголовного преследования. В этих случаях суду надлежит продолжить рассмотрение уголовного дела в обычном порядке, до его разрешения по существу. Если в результате рассмотрения уголовного дела по существу не было установлено отсутствие события или состава преступления, либо непричастности подсудимого к его совершению, то суд

постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

Согласно же ст. 16 УУС, судебное преследование обвиняемого не могло быть возбуждено, а начатое – подлежало прекращению за истечением давности или в связи со смертью обвиняемого. Если истечение давности было обнаружено во время судебного следствия, то согласно ч. 2 ст. 771 УУС необходимо было постановить приговор об освобождении подсудимого от суда<sup>1</sup>. Составители «Судебных уставов 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны», писали, что в этих случаях подсудимый освобождался от наказания<sup>2</sup>. Н.С. Таганцев также указывал, что путем постановления этого приговора суд освобождал подсудимого от наказания<sup>3</sup>.

Таким образом, в соответствии как с УУС, так и с УПК РФ, правовым основанием постановления обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания является установление истечения сроков давности в судебном производстве. Вместе с тем, УУС предусматривал и другие основания для постановления рассматриваемого вида приговора. Так, согласно ст. 17 УУС, при прекращении судебного преследования в связи с истечением давности, начатые в судах уголовные иски о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступлением, рассматриваются теми же уголовными судами.

И.Я. Фойницкий по этому поводу отмечал, что «поскольку для разрешения гражданского иска, вытекающего из преступления, необходимо установить как само событие преступления и соединенное с ним гражданское правонарушение, так и причинную связь его с деянием данного лица, то для разрешения этих вопросов призывается уголовный суд, несмотря на невозможность наказания»<sup>4</sup>. А Н.С. Таганцев указывал, что если истечение давности наступило или обнаружилось после предания суду и по делу допущен гражданский истец, то такой иск, как уже начатый в суде уголовном, должен был быть разрешен в общем порядке судопроизводства, по разрешению вопроса о виновности подсудимого, но с освобождением его от наказания. Это положение сохраняло свою силу и в случае, когда обстоятельством, устраняющим наказуемость, была смерть подсудимого<sup>5</sup>.

Итак, правовыми основаниями обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания, постановляемого в связи с истечением сроков давности уголовного преследования согласно УУС, являлись: 1) установление их истечения в судебном производстве; 2) наличие предъявленного гражданского иска; 3) смерть обвиняемого.

УПК РФ не воспринял положений УУС о постановлении рассматриваемого вида приговора в связи с наличием гражданского иска и смертью подсудимого. Считаю опыт Российской империи положительным и актуальным для Российской Федерации по следующим основаниям.

1. Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» УПК РФ был дополнен ст. 160.1, предусматривающей меры по обеспечению гражданского иска. Полагаем, что новелла не принесет эффекта в случае, если уголовное дело, в рамках которого предъявлен гражданский иск, будет прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Так, при постановлении приговора суд разрешает вопрос о том, подлежит ли удовлетворению гражданский иск (п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Следовательно, в результате постановления обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания, имущественный вред может быть возмещен в рамках уголовного процесса. Но при прекращении уголовного дела суд оставляет гражданский иск без рассмотрения.

В законе указано, что оставление гражданского иска без рассмотрения не препятствует его последующему предъявлению и рассмотрению в ходе гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 306 УПК РФ). Между тем, необходимо принимать во внимание, что прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования происходит по прошествии со дня совершения преступления определенного времени. Поэтому, в ряде случаев, оставление гражданского иска без рассмотрения в уголовном судопроизводстве, произошедшее ввиду прекращения уголовного дела по данному основанию, блокирует возмещение имущественного вреда в гражданском судопроизводстве. Это возможно по двум причинам.

Во-первых, ввиду невозможности доказывания. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), предусматривающей основания для освобождения от доказывания, только приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого он постановлен. Постановление о прекращении уголовного дела не имеет такого преюдициального характера. Поэтому, сделанные в нем выводы о том, что имущественный вред был причинен лицом, в отношении которого предъявлен иск, не являются основанием для освобождения от доказывания. Данное обстоятельство влечет за собой доказывание в обычном порядке.

Однако, ввиду того, что со дня совершения преступления прошел период времени, истечение которого позволило прекратить уголовное дело, на момент рассмотрения гражданского дела возможна утрата ряда доказательств. Это возможно в связи со смертью свидетеля, который во время уголовного процесса дал показания о том, что имущественный вред был причинен





лицом, в отношении которого в дальнейшем предъявлен иск.

В гражданском судопроизводстве суд основывает свое решение только на тех доказательствах, которые были исследованы им в судебном заседании (ч. 2 ст. 195 ГПК РФ). Поэтому, в силу естественных причин, показания умершего свидетеля не могут быть исследованы в судебном заседании. Получается, что нельзя ни воспользоваться показаниями, данными в уголовном процессе, ни получить их заново в гражданском процессе. В ряде случаев, эта утрата доказательств может сделать доказывание невозможным.

Во-вторых, в связи с истечением срока исковой давности. Так, в соответствии со ст. 195 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), исковой давностью признается срок для защиты нарушенного права. Истечение срока исковой давности является основанием для вынесения судом решения об отказе в удовлетворении исковых требований (ч. 2 ст. 199 ГК РФ). Продолжительность общего срока исковой давности составляет три года со дня, когда лицо, право которого было нарушено, узнало или должно было узнать об этом нарушении и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (ч. 1 ст. 196 ГК РФ). В определенных ГК РФ случаях могут устанавливаться сокращенные или более длительные сроки исковой давности (ч. 1 ст. 197 ГК РФ). Однако, в любом случае, они не могут превышать десяти лет (ст. 196 ГК РФ). Только по требованиям о возмещении имущественного вреда, причиненного в результате террористического акта, сроки исковой давности устанавливаются в пределах сроков давности, предусмотренных для данного преступления<sup>6</sup>. Но поскольку к лицам, совершившим данное преступление сроки давности не применяются (ст. 78 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), то возмещение имущественного вреда не ограничено исковой давностью.

Как видно из содержания приведенных положений ГК РФ, общий срок исковой давности короче большинства сроков давности уголовного преследования, продолжительность которых указана в ст. 78 УК РФ. Только по преступлениям небольшой тяжести сроки давности уголовного преследования (2 года) менее продолжительны, чем общий срок исковой давности. В ряде случаев несоответствие сроков давности, установленных уголовным и гражданским законами, может повлечь за собой невозможность возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением, как в рамках уголовного, так и в рамках гражданского судопроизводства.

Так, нередки случаи, когда пострадавший, которому преступлением был причинен имущественный вред, обращается в правоохранительные органы по истечению сроков исковой давности, но в пределах сроков давности уголовного преследования. Причины столь позднего обращения за восстановлением нарушенного права могут быть различны. Например,

это может быть тяжелая болезнь или длительное отсутствие, лишившие пострадавшего возможности участия в уголовном судопроизводстве. Нельзя забывать и том, что характер и размер вреда, причиненного преступлением, являются обстоятельством, подлежащим доказыванию. В уголовном процессе, в отличие от гражданского, бремя доказывания лежит не на пострадавшем, а на государственных органах и должностных лицах со стороны обвинения. Зачастую этот фактор является определяющим при подаче имущественного иска именно в рамках уголовного судопроизводства.

Итак, после возбуждения уголовного дела и предъявления гражданского иска пострадавший признается гражданским истцом, а подозреваемый (обвиняемый) – гражданским ответчиком. Но затем сроки давности уголовного преследования могут истечь, что является основанием для прекращения уголовного дела. Если подозреваемый (обвиняемый) не возражает против принятия данного решения, то производство по уголовному делу прекращается, а гражданский иск не рассматривается. При обращении гражданского истца в суд по гражданским делам, суд по заявлению ответчика отказывает в удовлетворении исковых требований в связи с истечением срока исковой давности (ч. 2 ст. 199 ГК РФ). В результате, ни в рамках уголовного, ни в рамках гражданского процесса причиненный преступлением имущественный вред не возмещен.

2. В ходе досудебного или судебного производства иногда возникают сразу два нереабилитирующих основания для прекращения уголовного дела (вследствие истечения сроков давности уголовного преследования, смерти подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, или издания акта об амнистии). В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 указано, что в таких случаях необходимо разъяснить лицу право на возражение против прекращения уголовного дела по каждому из этих оснований и прекратить уголовное дело по тому, против которого это лицо не возражает<sup>7</sup>.

Но как быть, если одновременно были установлены истечение сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) и смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ)? В этой ситуации лицо, в отношении которого прекращается уголовное дело, в силу естественных причин лишено возможности выразить свое несогласие.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П указал, что орган предварительного расследования или суд обязаны продолжить предварительное расследование, либо судебное разбирательство и тогда, когда возражения против прекращения уголовного дела по основанию,

предусмотренному в п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, имеются со стороны близких родственников подозреваемого (обвиняемого)<sup>8</sup>.

Между тем, на момент принятия решения о прекращении уголовного дела, близких родственников, возражающих против этого, может не оказаться в месте предварительного расследования или судебного разбирательства, либо они могут не знать о прекращении уголовного дела (как по уголовному делу в отношении Е.Ю. Ващенко)<sup>9</sup>. Ввиду отсутствия возражения близких родственников умершего, уголовное дело будет прекращено.

Кроме того, даже если со стороны близких родственников умершего подозреваемого, обвиняемого, либо подсудимого имеются возражения против прекращения уголовного дела в связи со смертью, уголовное дело может быть прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Так, следуя буквальному толкованию ч. 2 ст. 27 УПК РФ, юридически значимыми, т.е. порождающими правовые последствия в виде продолжения производства по уголовному делу в обычном порядке, являются только возражения подозреваемого и обвиняемого. Поэтому возможные возражения близких родственников умершего подозреваемого, обвиняемого, либо подсудимого против прекращения уголовного дела по данному основанию, не повлекут за собой продолжение производства по уголовному делу в обычном порядке до его разрешения по существу. Таким образом, уголовное дело будет прекращено по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

В соответствии со ст. 23 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени. Умерший подозреваемый, обвиняемый, либо подсудимый, в отношении которого уголовное дело прекращается по основаниям, предусмотренным в п.п. 3, 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, лишен возможности защитить свою честь и доброе имя путем выражения несогласия с его прекращением. Поэтому, на наш взгляд, в случае, если в ходе досудебного и судебного производства, подозреваемый, обвиняемый, либо подсудимый умер, то производство по уголовному делу должно быть продолжено. Если в результате рассмотрения уголовного дела не было установлено отсутствие события или состава преступления, либо непричастности умершего к его совершению, то суду следует постановить обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания.

*В связи со всем вышеизложенным, мы предлагаем дополнить ст. 302 УПК РФ ч. 8.1., изложив ее в следующей редакции:*

*8.1. Порядок, установленный в части 8 статьи 302 настоящего Кодекса, применяется в случаях,*

*когда подозреваемый, обвиняемый, или подсудимый умер, либо со стороны данных участников уголовного судопроизводства имеются возражения против прекращения уголовного дела по основанию, предусмотренному в пункте 3 части 1 статьи 24 настоящего Кодекса, а также, если по уголовному делу предъявлен гражданский иск.*

## Литература

1. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / Отв. ред. Б.В. Виленский. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991.

## References

1. Charter criminal justice 1864 // Russian law X–XX centuries. In 9 t. / Resp. Ed. B.V. Vilensky. T. 8. Judicial reform. M.: Jorid. lit., 1991.

<sup>1</sup> См.: *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Часть II: Судостройство / Под ред. и с предислов. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 318.

<sup>2</sup> Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб., 1866. С. 278. Данные получены в СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://civil.consultant.ru/>. (дата обращения 28 октября 2014 г.).

<sup>3</sup> *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Т. I. Часть общая (издание 2-е, пересмотренное и дополненное). СПб., 1902 г. Данные получены на Информационно-правовом портале Гарант. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/6320581/>. (дата обращения 28 октября 2014 г.).

<sup>4</sup> *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. II. / Под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. С. 44.

<sup>5</sup> *Таганцев Н.С.* Указ. соч.

<sup>6</sup> См.: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ, 13 марта 2006 г., № 11, ст. 1146 (ред. от 28 июня 2014 г.). Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 28 октября 2014 г.).

<sup>7</sup> Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2013.

<sup>8</sup> Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 5, 2011.

<sup>9</sup> Там же.



УДК 343.2  
ББК 67.311

## О ПРИМЕНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

**ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ ОСИПОВ,**

*начальник отдела по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и деятельности органов дознания и предварительного следствия НИЦ № 5 ФГКУ «ВНИИ МВД России»,  
кандидат юридических наук, доцент;*

**НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА КУЗНЕЦОВА,**

*ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и деятельности органов дознания и предварительного следствия НИЦ № 5 ФГКУ «ВНИИ МВД России»,  
кандидат юридических наук, доцент*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Анализируются отдельные положения Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; даются рекомендации по совершенствованию порядка производства дознания в сокращенной форме.

**Ключевые слова:** уголовно-процессуальный закон, дознание, упрощенная форма уголовного судопроизводства, возбуждение уголовного дела, подозреваемый.

**Annotation.** Analyzed individual provisions of the Federal law dated 4 march 2013 № 23-FZ «On amending article 62 and 303 of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedural code of the Russian Federation»; provides recommendations on improvement of the procedure for the inquiry in an abbreviated form.

**Keywords:** criminal procedure law, inquiry, simplified form of the criminal justice, initiation of criminal proceedings, suspect.

Впервые правовые нормы, предусматривающие основные положения по производству предварительного следствия и дознания, содержались в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

Дознание проводилось полицией не по всем сообщениям о происшествиях преступного характера, а только тогда, когда ни прокурора, ни следователя нет на месте или нет уверенности в том, что имело место именно преступление, а не иное происшествие. Надзор и общее руководство дознанием осуществляла прокуратура, и только ей, а не полиции, предоставлялось право прекращать дознание. Не мог прекратить дознание и следователь, если не обнаруживал в его материалах состава преступления. В таком случае он, в соответствии со ст. 309 Устава уголовного судопроизводства, должен был направить материалы дознания прокурору<sup>1</sup>.

Таким образом, Устав уголовного судопроизводства положил начало становлению и дальнейшему развитию правовых норм о дознании.

В последующем эта форма расследования неоднократно изменялась, приобретая самостоятельное значение, в тесной связи с развитием общественных отношений.

В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ была введена гл. 32.1, регламентирующая производство дознания в сокращенной форме.

В 2013 г. дознание в сокращенной форме проводилось по 7614 уголовным делам, а в первом полугодии 2014 г. – по 14006<sup>2</sup>.

Необходимо отметить, что при данной форме дознания порядок рассмотрения сообщений о преступлениях имеет некоторые особенности.

Прежде всего, следует остановиться на неопределённости процессуального статуса лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ и необходимости разъяснения им прав и обязанностей соответственно, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля.

Согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процес-

суальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе: право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги), родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и сестер, дедушки, бабушки, внуков; пользоваться услугами адвоката; приносить жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ.

Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ.

Однако, данные лица не могут предупреждаться об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307, 308 УК РФ).

Таким образом, опрашиваемые лица фактически не наделяются статусом участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем, Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 28 января 2014 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»<sup>3</sup> указал, что недопустимо ограничение прав и интересов граждан лишь на том основании, что они не были признаны в установленном законом порядке участниками уголовного судопроизводства, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина должно вытекать из фактического положения этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права.

Отдельно необходимо остановиться на истребовании документов и предметов, их изъятии при проверке сообщения о преступлении.

Согласно п. 2 разд. 3 методических рекомендаций по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме, утвержденных ФССП России 26 апреля 2013 г. № 04-7 (в ред. от 20 февраля 2014 г.)<sup>4</sup> истребование документов и предметов, производство их выемки должно осуществляться в порядке, предусмотренном ст. 183 УПК РФ. Подчеркивается, что выемка производится на основании постановления дознавателя, по ее окончании составляется протокол.

На наш взгляд, проведение выемки возможно только после возбуждения уголовного дела. Указанное следственное действие не может проводиться при проверке сообщения о преступлении, так как оно не предусмотрено ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Кроме того, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ не внесены изменения в ст. 183 УПК РФ, в отличие от ст. 195 и ст. 202 УПК РФ, где предусмотрено производство судебной экспертизы и получение образцов для сравнительного исследования до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, истребование и изъятие предметов и документов в порядке, установленном УПК

РФ, возможно лишь согласно ч. 4 ст. 21 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ дознание не может производиться в сокращенной форме, если потерпевший против этого возражает.

Получение согласия потерпевшего предполагает разъяснение ему порядка и правовых последствий производства дознания в сокращенной форме, а также права возражать против его производства.

Согласно разд. 4.1 методических рекомендаций по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме после возбуждения уголовного дела в протоколе допроса потерпевшего необходимо указать, что он не возражает против производства дознания в сокращенной форме<sup>5</sup>.

На наш взгляд, факт разъяснения потерпевшему порядка и правовых последствий производства дознания в сокращенной форме, а также согласия (несогласия) потерпевшего следует отражать в постановлении о признании его потерпевшим, поскольку оно принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела.

Если потерпевший выразит свое несогласие с производством дознания в сокращенной форме, то подозреваемому следует разъяснить не право на заявление соответствующего ходатайства, а причины невозможности заявления такого (возражения потерпевшего)<sup>6</sup>.

Если потерпевший не возражает против производства дознания в сокращенной форме, то дознаватель до начала первого допроса разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, о чем в протоколе допроса подозреваемого делается соответствующая отметка (ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ).

В ряде случаев дознаватели избирают тактику производства первого допроса подозреваемого после сбора доказательств, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для дела.

Так, в отношении конкретного лица возбуждается уголовное дело, а первый допрос подозреваемого, в ходе которого он имеет право заявить соответствующее ходатайство, производится, допустим, по истечении двух недель после возбуждения уголовного дела. После допроса дознавателем выносятся постановления об удовлетворении ходатайства подозреваемого и его защитника о производстве дознания в сокращенной форме.

Таким образом, ходатайство, заявленное на более поздних этапах производства по делу, вместо процессуальной экономии, приводит к дополнительным издержкам. В этом случае теряется смысл производства дознания в сокращенной форме.

С учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель при производстве дознания в со-





кращенной форме вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением случаев, перечисленных в п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ.

На наш взгляд, перед принятием такого решения необходимо учитывать правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ, изложенную в п. 1, 20 Постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», согласно которой специалисты лишь высказывают суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами, а в случае необходимости производства исследований следует назначать судебную экспертизу<sup>7</sup>.

При производстве дознания в сокращенной форме может возникнуть вопрос о приостановлении производства по уголовному делу, если подозреваемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ). В этом случае, по нашему мнению, перед приостановлением производства по указанному основанию дознаватель должен принять решение о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке.

Вопрос о возможности производства дознания в сокращенной форме после продления сроков расследования уголовного дела в связи с не установлением места нахождения подозреваемого, а также после возобновления производства по делу законодателем не урегулирован.

Как уже отмечалось выше, дознаватель, до начала первого допроса, разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, о чем в протоколе допроса подозреваемого делается соответствующая отметка (ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ). Основаниями для отказа в удовлетворении заявленного ходатайства являются обстоятельства, перечисленные в ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ.

Таким образом, на наш взгляд, если уголовное дело первоначально было возбуждено по факту совершения преступления, а в дальнейшем лицо, совершившее преступление было установлено, то по-

дозреваемому не разъясняется право на производство дознания в сокращенной форме.

В тех случаях, когда уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, но допросить его в качестве подозреваемого по каким-либо обстоятельствам сразу не представилось возможным, право на производство дознания в сокращенной форме должно быть ему разъяснено до начала первого допроса.

Необходимо остановиться на отдельных положениях, которые должны содержаться в обвинительном постановлении. Как указано в ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ признав, что необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым, не позднее 10 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, дознаватель составляет обвинительное постановление. В приложении № 4 к Методическим рекомендациям ФССП России содержится примерная форма этого процессуального документа<sup>8</sup>. В разделе «Доказательства, подтверждающие обвинение», в п.п. 10–12 даются ссылки на объяснения потерпевшего, свидетеля и обвиняемого.

На наш взгляд, эти ссылки в итоговом документе должны быть не только на объяснения указанных участников уголовного судопроизводства, но и на показания потерпевшего, свидетеля и подозреваемого, поскольку они в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ допускаются в качестве доказательств по уголовным делам.

<sup>1</sup> См.: Гисси С.А., Соколовский Д.Д. Дознание, его цели и способы производства. Руководство для чинов полиции, волостного и сельского начальства. Ч. 1. Казань, 1879. С. 45–47.

<sup>2</sup> См.: Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 15 августа 2014 г. № 69-12/1/1/7639 о состоянии законности и практике производства дознания в сокращенной форме.

<sup>3</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4, 2009.

<sup>4</sup> СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> См.: Арестова Е.Н. Новый процессуальный акт – ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме // Российская юстиция. 2013, № 11. С. 32–34.

<sup>7</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, 2011.

<sup>8</sup> СПС «КонсультантПлюс».

**ГЕНЕЗИС ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ  
УСКОРЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ  
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ  
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО, СОВЕТСКОГО  
И СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДОВ**

**ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА КЛЕЩИНА,**

*профессор кафедры уголовного процесса*

*Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

*доктор юридических наук, доцент;*

**АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АРХИПОВ,**

*адъюнкт кафедры уголовного процесса*

*Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматривается отечественное уголовно-процессуальное законодательство, действовавшее с 1864 г. по настоящее время. Проводится анализ средств обеспечения быстроты производства в стадии предварительного расследования.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, быстрота, Устав уголовного судопроизводства, срок.

**Annotation.** Considered domestic criminal procedural law, which operated from 1864 to the present time. The analysis and classification tools to allow fast procedure in the stage of preliminary investigation.

**Keywords:** criminal procedure, fast, Statute, period.

Современный этап правового регулирования российского уголовного процесса характеризуется юридическим признанием принципа разумного срока уголовного судопроизводства, действие которого направлено на обеспечение быстроты развития уголовно-процессуальных правоотношений как условия оптимальной реализации участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных прав и обязанностей.

В статусе принципа уголовного судопроизводства положения о разумном сроке были включены в УПК РФ в 2010 г. Они регламентированы в ст. 6.1 УПК РФ. Однако, создание необходимого ускорения уголовно-процессуальной деятельности в большей части осуществляется посредством применения норм, регулирующих производство в отдельных процессуальных стадиях или конкретных процессуальных действий, принятие процессуальных решений, права и обязанности участников уголовно-процессуальных правоотношений. В отличие от положений ст. 6.1 УПК РФ, данные нормы имеют длительную историю становления, восходящую к временам Российской империи. В.Т. Томир, М.П. Поляков называют такого рода нормы «технологическими», отмечая, что они «... вырабатываются веками и не меняются автоматически при социальных революциях»<sup>1</sup>.

В статье предпринимается попытка ретроспективного анализа уголовно-процессуальных норм, посвященных обеспечению быстроты досудебного производства, при рассмотрении 150-летнего исторического среза отечественного уголовно-процессуального законодательства. Отправной точкой здесь выступает год принятия Устава уголовного судопроизводства (далее по тексту – Устав). Исходной – современный период, характеризующийся инкорпорированием в УПК РФ принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

По мнению И.В. Маслова: «Устав уголовного судопроизводства являлся не только первым, но и лучшим российским Уголовно-процессуальным кодексом...»<sup>2</sup>. Он, как известно, представлял собой прогрессивный нормативный акт, создававший качественно новую правовую основу уголовно-процессуальных правоотношений; содержал в себе концептуальные, прорывные решения некоторых проблем уголовного судопроизводства, актуальных и по сей день. Не случайно многие ученые при описании тех или иных процессуальных институтов опираются на их аналоги, содержащиеся в Уставе, принятом в далеком 1864 г. Представляется, что применяемые в настоящее время средства обеспечения быстроты уголовно-процессуальной деятельности получили свое первоначальное оформление именно в этом законодательном акте.



Устав включал ряд норм, определяющих быстроту в качестве условия производства отдельных процессуальных действий и принятия процессуальных решений. Согласно ст. 266 Устава, судебный следователь должен «не допускать никакого промедления» в обнаружении и сохранении таких следов и признаков преступления, которые могут изгладиться. Выемка и отображение вещественных доказательств начинается «при самом открытии сих вещей» (ст. 267). Устав требовал немедленно: уведомить прокурора о взятии обвиняемого под стражу (ст. 238), передать уголовное дело по подследственности (ст. 290), опросить заявителя (ст. 307).

Это же условие УПК РСФСР 1922 г. упоминал для направления прокурору копии постановления следователя о том, что он «приступил к следствию» (ст. 112), объявления обвиняемому о принятии в отношении него мер пресечения (ст. 149). Возможность более скорого расследования дела определялось одним из оснований его передачи от одного следственного участка другому (ст. 127). Аналогичные или похожие нормы можно обнаружить при изучении УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г., УПК РФ 2001 г.

Устав и все вышеперечисленные кодексы, кроме использования формулировок «незамедлительно», «немедленно», «безотлагательно» и прочих, имеют в своих арсеналах нормы, определяющие конкретные сроки производства тех или иных процессуальных действий. Преемственность данных нормативных актов хорошо прослеживается на следующем примере. Статья 398 Устава требует «снять с обвиняемого первоначальный допрос» немедленно и никак не позже суток после его привода или явки. По УПК РСФСР 1922 г. обвиняемый допрашивается в течение 24 часов, но возможно и позднее (ст. 137). УПК РСФСР 1960 г. и действующий УПК РФ предусматривают немедленный допрос обвиняемого после предъявления ему обвинения (ст.ст. 150 и 173 соответственно).

Выраженное в той или иной форме в отношении стадии предварительного расследования в целом требование быстроты имеет большее значение для скорости уголовного судопроизводства, чем аналогичное требование, сформулированное лишь в отношении конкретного процессуального действия или решения. Устав не ограничивал производство в данной стадии конкретными сроками, но указывал, что «предварительные следствия должны быть производимы со всевозможной скоростью» (ст. 295). УПК РСФСР 1922 г. требовал завершения предварительного следствия в срок до 2-х месяцев со дня объявления подозреваемому лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. Данный срок мог быть продлен прокурором при наличии причин, задерживающих окончание следствия (ст. 119). Производство дознания ограничивалось месячным сроком.

УПК РСФСР 1960 г. допускал двухступенчатое продление срока предварительного следствия, сначала на 2 месяца, а затем, в «исключительных случаях», – без ограничений (ст. 133). Данный закон предусматри-

вал возможность продления и сроков дознания (ст. 121). В действующем УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР 1960 г. в его первоначальной редакции, двухмесячный срок предварительного следствия продлевается до 3-х месяцев, а затем еще и до 12 месяцев. После чего, по аналогии с УПК РСФСР 1960 г., «в исключительных случаях» может продлеваться неограниченно.

Определенный ст. 6.1 УПК РФ в 2010 г. разумный срок, на первый взгляд, выглядит абсолютно новым средством обеспечения быстроты уголовного судопроизводства, однако при более тщательном рассмотрении он предстает глубоко модернизированной разновидностью сроков, устанавливаемых при продлении первоначальных сроков предварительного следствия и дознания. Его основными отличиями выступают: отсутствие привязки к конкретному числовому значению длительности; широкий перечень обстоятельств, которые следует учитывать при его определении (ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ). Кроме того, действие принципа разумного срока уголовного судопроизводства в стадии предварительного расследования обеспечивается возможностью обжалования нарушения данного срока заинтересованными участниками уголовного судопроизводства, с принятием мер по ускорению производства по делу.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить следующее. Требование быстроты как условие производства отдельных процессуальных действий и принятия конкретных процессуальных решений, а равно как критерий стадии предварительного расследования в целом, неизменно придавало необходимое ускорение названной стадии в рассматриваемый 150-летний исторический период. Как условие производства отдельных процессуальных действий и принятия конкретных процессуальных решений, требование быстроты формулировалось во всех уголовно-процессуальных законах, действовавших в исследованный нами период, при помощи терминов «незамедлительно», «немедленно», «безотлагательно» и других.

Если по Уставу быстрота «предварительных следствий» достигалась лишь за счет выполнения предписаний об их «всевозможной скорости», то в законодательстве советского и современного периодов скорость предварительного расследования обеспечивалась установлением его сроков, оснований и порядка их продления. При этом по мере усложнения процессуальной формы рассматриваемой стадии, происходило и усложнение института процессуальных сроков, выступающего ее составным элементом. Исследования показывают, что «разумный срок» как понятие, синтезирующее новый подход законодателя к определению длительности уголовного судопроизводства, обнаруживает преемственность с установленным УПК РФ институтом процессуальных сроков.

## Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. (принят постановлением ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе») // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. (принят постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР») // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. (утвержден Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР») // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1 октября 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921 (с последующими изменениями и дополнениями).

5. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]: Информационно-правовая система «Гарант».

References

1. Criminal procedure code of the RSFSR of 1922 (adopted by the Decree of the Central Executive Committee as of May 25, 1922 «On the Code of Criminal Procedure») // Collection of laws of the RSFSR. 1922. No. 20-21. Article 230.

2. Criminal procedure code of the RSFSR of 1923 (adopted by the Decree of the Central Executive Committee as of 15 February 1923 «On approval of the Criminal procedure Code of the RSFSR») // Collection of laws of the RSFSR. 1923. No. 7. Article 106.

3. Criminal procedure code of the RSFSR of 1960 (approved by the Law of the RSFSR as of October 27, 1960 «On approving the Criminal procedure code of the RSFSR») // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. No. 40. Article 592.

4. Criminal procedure code of the Russian Federation as of December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on 1 October 2014) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. – Article. 4921 (with subsequent amendments and additions).

5. Charter criminal justice from November 20, 1864 [Electronic resource]: the legal information system «Garant».

<sup>1</sup> Томин В.Т., Поляков М.П. Развитие уголовно-процессуального законодательства на постсоветском пространстве: констатации, оценки, прогнозы. Н. Новгород, 1999. С. 12.

<sup>2</sup> Маслов И.В. Процессуальная форма дознания и предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // Уголовное судопроизводство, 2007. № 4. С. 31.

УДК 343  
ББК 67.311

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕССУЛЬНОГО ПОРЯДКА ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ НАГАЕВ,  
кандидат юридических наук, доцент ФГКУ «ВНИИ МВД России»  
Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

**Аннотация.** Рассматриваются проблемы, связанные с явным затягиванием сроков ознакомления обвиняемым и его защитником с материалами уголовного дела.

**Ключевые слова:** разумный срок, обвиняемый и его защитник, материалы уголовного дела, явное затягивание времени.

**Annotation.** Considered the problems associated with explicit pulling terms acquaintance accused and his defender with materials criminal affairs.

**Keywords:** reasonable term, accused and his defender, material criminal affairs, explicit pulling time.

Соблюдение процессуальных сроков, установленных для производства по уголовному делу, имеет принципиальное значение не только для быстрого и полного расследования преступления, но и в целях

обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Актуальность данного вопроса подтверждается Федеральным законом от 30 октября 2010 г. № 68-ФЗ (ред. от 4 июня 2014 г.) «О компенсации за





нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»<sup>1</sup>, а также Федеральным законом от 30 октября 2010 г. г. № 69-ФЗ (ред. от 28 июня 2014 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»»<sup>2</sup>, которой введена ст. 6.1 УПК РФ (Разумный срок уголовного судопроизводства).

При определении разумности срока учитываются в основном три обстоятельства: сложность уголовного дела; поведение участников уголовного судопроизводства; эффективность действий, в том числе следователя и руководителя следственного органа, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования.

Анализ практики Верховного Суда РФ, касающийся критериев определения разумности сроков расследования уголовных дел, показывает, что при оценке правовой и фактической сложности уголовного дела учитывается количество эпизодов преступной деятельности, обвиняемых, свидетелей, избранная мера пресечения, необходимость проведения ревизий и судебных экспертиз, участие в деле иностранных граждан, необходимость направления международных следственных поручений и запросов.

При оценке поведения участников уголовного судопроизводства учитывается, например, уклонение от явки к следователю, дознавателю либо в суд без уважительных причин; ничем необоснованное помещение подозреваемого (обвиняемого) в стационар для лечения; не предоставление запрашиваемых документов и справок по делу; факты умышленного затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ.

*Так, Верховный Суд РФ, в своем определении от 10 сентября 2013 г. № АПЛ13-345, обоснованно не согласился с доводом заявителей о затягивании органами предварительного следствия их ознакомления с материалами уголовного дела.*

*Согласно ст. 217 УПК РФ обвиняемый и его защитник имеют право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела, в процессе ознакомления с материалами уголовного дела; состоящего из нескольких томов, обвиняемый и его защитник вправе повторно обращаться к любому из томов уголовного дела, а также выписывать любые сведения и в любом объеме, снимать копии с документов, в том числе с помощью технических средств. При этом обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела.*

*Как следует из материалов дела, ознакомление Ш. и К. с материалами уголовного дела проводилось в соответствии с установленными графиками в*

*определенные дни, подробно перечисленные в обжалованном решении суда. Одновременно проводилось также ознакомление с материалами дела, объем которого составил 771 том, других 57 обвиняемых и их защитников, а также потерпевших. Помимо этого, проводилось ознакомление с вещественными доказательствами, аудио-, видеозаписями, фотографиями, объем которых является значительным.*

*С учетом изложенного суд правильно указал в решении, что периоды задержки, на которые ссылаются заявители, вызваны необходимостью соблюдения в полном объеме прав обвиняемых и других участников процесса на ознакомление со всеми материалами уголовного дела.*

*Судом обоснованно отклонены доводы Ш. и К. о том, что следственные действия проводились только первые месяцы со дня возбуждения уголовного дела. Так, из материалов уголовного дела усматривается, что в указанный период было проведено 1600 экспертиз. С постановлениями о назначении этих экспертиз и их заключениями были ознакомлены все обвиняемые, их защитники и потерпевшие, допрошено и признано потерпевшими 440 лиц, допрошено более 1500 свидетелей, проведены различные оперативно-следственные действия.*

В решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) количественная характеристика производства по уголовному делу, как правило, тесно увязывается с оценкой достаточности и эффективности действий публичных субъектов – органов предварительного следствия и суда. При этом ЕСПЧ подчеркивал, что последние обязаны «проявлять усердие» в ходе своей деятельности по уголовному делу и не допускать ограничения прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовный процесс в качестве сторон<sup>3</sup>. В целом же в основе оценки сроков производства по делу как разумных ЕСПЧ исходит из требования соразмерности между общей продолжительностью уголовного судопроизводства и качеством производства по уголовному делу и, соответственно, его результатом.

Анализ следственной практики показывает, что достаточно часто причинами нарушения сроков предварительного расследования становятся действия, направленные на умышленное явное затягивание сроков ознакомления с материалами уголовного дела со стороны обвиняемых и их защитников в ходе реализации ст. 217 УПК РФ.

Весьма нередки случаи, когда непосредственно ознакомление с материалами уголовного дела (даже небольшого по объему) длится многие месяцы, в некоторых случаях – годы. Представители защиты пытаются тем самым «дотянуть» до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, вынудить следователя изменить или отменить меру пресечения в виде содержания под стражей, пытаются заставить сторону обвинения пойти на уступки: необоснованно исключить из объема об-

винения указание на какой-либо эпизод преступной деятельности (статью). Имеют место и иные мотивы злоупотреблений: просто «отомстить», «повредить» должностным лицам за действия, входящие в их служебные полномочия, за принципиальную, бескомпромиссную позицию по делу, дезорганизовать их работу, создать видимость «активной защиты» в глазах доверителя и т.п.<sup>4</sup>

При этом следователями далеко не в каждом случае применяются положения ч. 3 ст. 217 УПК РФ, предусматривающие возможность по решению суда ограничивать время ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника. Вследствие этого сроки расследования, а также сроки содержания под стражей необоснованно продлеваются, что нарушает права участников уголовного судопроизводства на производство предварительного следствия в разумные сроки, предусмотренные ст. 6.1 УПК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ обвиняемый и его защитник могут ограничиваться во времени, предоставляемом им для ознакомления с материалами уголовного дела, в случае если они его явно затягивают.

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит нормы, определяющей критерии явности затягивания сроков ознакомления с материалами уголовного дела; кроме того, отсутствие официально сформулированной позиции Верховного Суда РФ по данному вопросу также не способствует формированию единой судебной-следственной практики.

Очевидно, что для стороны обвинения и стороны защиты критерии относительно того, какой скоростью чтения должен обладать человек, чтобы его не обвинили в явном затягивании сроков ознакомления, разнятся. Отсутствие низшего предела объема ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела в течение суток приводит к тому, что при обращении в суд с ходатайством об установлении срока ознакомления судьи руководствуются личным субъективным мнением и при одинаковых ситуациях принимают различные решения.

Кроме того, злоупотребляя предоставленным правом на ознакомление с материалами уголовного дела, в полном объеме и в любой последовательности, обвиняемый и его защитник, будучи уже ранее ознакомленными с рядом процессуальных документов в ходе предварительного следствия (постановлением о назначении судебных экспертиз, заключениями экспертов, протоколом задержания и т.д.), повторно по несколько раз возвращаются к этим документам.

На практике имеют место факты неявки защитников для ознакомления с материалами уголовного дела, которые ссылаются на занятость в судебных заседаниях и участие в других следственных действиях.

Это бесспорно свидетельствует об умышленном затягивании времени ознакомления обвиняемого и

его защитника с материалами уголовного дела, что приводит к нарушению разумных сроков предварительного следствия.

В вышеперечисленных случаях при реализации требований ст. 217 УПК РФ следователи вынуждены обращаться в суд с ходатайством об установлении срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовных дел.

*Так, в производстве СО ОМВД России по Хабаровскому району находилось уголовное дело, возбужденное в отношении Р. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 163 УК РФ.*

*3 февраля 2012 г. с обвиняемым Р. были выполнены требования ст. 215 УПК РФ. В дальнейшем в соответствии с ч. 1 ст. 217 УПК РФ следователем были предоставлены обвиняемому и его защитнику для ознакомления материалы уголовного дела в четырех томах. Обвиняемый приступил к ознакомлению с материалами уголовного дела 10 февраля 2012 г. согласно графику, при этом прочитывал в среднем по 20–30 листов в день.*

*Неоднократно защитник обвиняемого, будучи надлежащим образом уведомлен о времени, дате и месте ознакомления с уголовным делом, к следователю не являлся, документы, обосновывающие причины занятости, не предоставлял. Кроме того, в случае явки защитника, последний совместно с обвиняемым заявляли различного рода ходатайства (достаточно надуманные и несущественные), при этом отказывались от ознакомления с материалами уголовного дела, ссылаясь на отсутствие ответа по рассмотрению очередного заявленного ходатайства.*

*Также на протяжении всего периода ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый несколько раз менял свою позицию относительно самого порядка ознакомления, заявляя ходатайства о совместном ознакомлении с защитником, затем о раздельном ознакомлении, затем вновь о совместном ознакомлении с материалами уголовного дела.*

*Сопоставив объем материалов уголовного дела с количеством времени, затраченным на его изучение обвиняемым (в общей сложности более 2 месяцев), предоставив в полном объеме копии материалов уголовного дела защитнику, придя к выводу о явном затягивании времени ознакомления с материалами уголовного дела и злоупотреблении уголовно-процессуальными правами обвиняемым и защитником, 3 апреля 2012 г. следователь обратился в суд с ходатайством об установлении определенного срока для ознакомления.*

*Вместе с тем, судья Хабаровского районного суда не усмотрел признаков затягивания времени обвиняемым и защитником при ознакомлении с материалами уголовного дела и ходатайство следователя оставил без удовлетворения.*

*Органом предварительного следствия продолжилась работа по реализации прав обвиняемого и*



защитника на ознакомление с материалами уголовного дела. При выполнении требования ст. 217 УПК РФ обвиняемый и защитник не изменили своей позиции и продолжили отказываться от ознакомления по различным надуманным основаниям, защитник, кроме этого, продолжил практику не явки в назначенное время и место для ознакомления, либо являлся в другое время.

Вновь сопоставив объём материалов уголовного дела с количеством времени, затраченным на его изучение обвиняемым и защитником (в течение более 3 месяцев стороной защиты были изучены 250 листов первого тома и 41 лист второго тома из четырех и при наличии копий всех материалов уголовного дела в распоряжении обвиняемого и защитника), придя к выводу о явном затягивании времени ознакомления с материалами уголовного дела и злоупотреблении уголовно-процессуальными правами обвиняемым и защитником, 18 мая 2012 г. следователь повторно обратился в суд с ходатайством об установлении определённого срока для ознакомления.

На этот раз заявленное ходатайство судьей было удовлетворено в полном объёме. Установлен срок ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела.

Несмотря на установленное время, обвиняемый Р. и его защитник так и не ознакомились с материалами уголовного дела, в связи с чем следователем было принято решение об окончании ознакомления с материалами уголовного дела, о чем было вынесено соответствующее постановление и сделана отметка в протоколе. Было составлено обвинительное заключение и после его утверждения прокурором уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

По результатам рассмотрения уголовного дела 10 апреля 2013 г. судом Хабаровского района Р. был осужден по всем статьям обвинения и приговорен к 8 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

В качестве еще одного положительного примера реализации положений ч. 3 ст. 217 УПК РФ можно привести следующий.

Так, по уголовному делу, возбужденному 20 февраля 2012 г. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, по факту незаконной рубки лесных насаждений в лесничестве района им. Лазо Хабаровского края, были привлечены в качестве обвиняемых И. и П.

После уведомления обвиняемых и их защитников об окончании следственных действий ознакомление происходило согласно графику. Вместе с тем, в течение двух месяцев обвиняемый И. и его защитник без уважительных причин умышленно явно затягивали сроки ознакомления с материалами уголовного дела: не являлись к следователю, хотя были надлежащим образом уведомлены о соответствующих дате, времени и месте; поочередно выезжали в

служебные командировки за пределы места производства предварительного следствия; уведомления о прибытии к следователю, направленные в их адрес заказным письмом с уведомлением, принимать отказывались, в связи с чем данные письма возвращались к следователю по истечении срока хранения в почтовом отделении.

За указанный период ознакомление осуществлялось фактически 7 дней, при этом прочитано было только 46 листов.

Систематическое уклонение защитника от ознакомления с материалами уголовного дела приводило к неоднократному продлению срока предварительного следствия и нарушению требований ст. 6.1 УПК РФ. В итоге срок предварительного следствия составил 10 месяцев.

В связи с необходимостью ограничения срока ознакомления с материалами уголовного дела следователем было вынесено постановление о возбуждении перед судом ходатайства об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела.

В суде сторона защиты возражала против удовлетворения ходатайства следователя, ссылаясь на то, что следователь препятствует нормальному и своевременному ознакомлению с материалами уголовного дела.

Выслушав доводы сторон, суд пришел к следующим выводам:

- в период с 11 сентября 2012 г. по 7 ноября 2012 г. обвиняемый И. ознакомился с 1 по 46 листов дела и вещественными доказательствами, что, по мнению суда, объективно указывает на возможность более рационального использования времени для ознакомления;

- указание стороны защиты на участие в других делах, выезды в служебные командировки не может свидетельствовать о возможности злоупотребления обвиняемым своими правами в рамках конкретного уголовного дела в ущерб правам и законным интересам других участников уголовного судопроизводства;

- органом предварительного следствия права обвиняемого на ознакомление с материалами дела без ограничения во времени соблюдены в полном объеме, при этом в судебном заседании подлежит оценке лишь объективная необходимость затрачивания обвиняемым определенного времени для ознакомления;

- доводы стороны защиты о том, что по данному вопросу ранее судом было отклонено ходатайство следователя, суд не принимает, поскольку следователь в дальнейшем не лишен возможности в случае выявления со стороны защиты действий, свидетельствующих о намеренном затягивании последними процесса ознакомления, повторно ставить вопрос перед судом об установлении срока ознакомления, определяя таковой с учётом объема изученных материалов дела;



- доводы стороны защиты о том, что следователь препятствует нормальному ознакомлению с материалами уголовного дела объективного подтверждения не нашли: второй обвиняемый с материалами уголовного дела ознакомлен в полном объёме;

- согласно сведениям СИЗО защитники являются для ознакомления с материалами уголовного дела не в то время, которое установлено следователем;

- необоснованное затягивание сроков ознакомления с материалами уголовного дела нарушает конституционные права потерпевшей стороны на доступ к правосудию, а также положения ст. 6.1 УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 17 и ст. 52 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других граждан, включая право потерпевшего на защиту своих законных интересов и доступ к правосудию.

Руководствуясь ст. 125, 217 УПК РФ суд признал доводы стороны защиты необоснованными, противоречащими нормам уголовно-процессуального законодательства. Ходатайство следователя об установлении срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела удовлетворил.

После того, как в указанный судом срок обвиняемый И. и его защитник без уважительных причин не ознакомились с материалами уголовного дела, следователем было принято решение об окончании ознакомления с материалами уголовного дела, о чем вынесено соответствующее постановление и сделана отметка в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Было составлено обвинительное заключение, которое было утверждено прокурором, а уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

В связи с вышеизложенным предлагается дополнить ч. 1 ст. 217 УПК РФ предложением, следующего содержания:

«1. ... В случае если обвиняемым и его защитником было заявлено ходатайство об ознакомлении с материалами уголовного дела по предварительно согласованному графику, следователь вправе принять такое решение при условии участия в производстве по уголовному делу нескольких обвиняемых либо если уголовное дело состоит из нескольких томов».

Предлагается дополнить ст. 217 УПК РФ ч. 1.1 следующего содержания:

«1.1. В случае отказа обвиняемого и(или) его защитника от ознакомления с материалами уголовного дела следователем составляется протокол в соответствии со ст. 166 настоящего Кодекса, в котором фиксируется заявленный отказ».

При этом полагаем, что в целях формирования единой судебной-следственной практики только Верховный Суд РФ вправе дать официальное разъяснение такому оценочному понятию, как «явное затягивание времени ознакомления с материалами уголовного дела», а также определить четкие критерии оценки достаточного времени на ознакомление с материалами уголовного дела либо с помощью которых возможно установить факт такого затягивания.

Кроме того, полагаем абсолютно недопустимым, что в соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ по поступившему постановлению следователя о возбуждении перед судом ходатайства об установлении срока для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела суд принимает решение в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ (Судебный порядок рассмотрения жалоб) гл. 16 (Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство).

В данном случае считаем целесообразным дополнить гл. 30 УПК РФ статьей аналогичной по смыслу ст. 165 УПК РФ (Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия), а также в этой части расширить полномочия суда, предусмотренные ст. 29 УПК РФ.

<sup>1</sup> СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

<sup>2</sup> СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

<sup>3</sup> См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 8 февраля 2005 г. по делу «Панченко против Российской Федерации (Panchenko v. Russia)» (жалоба № 45100/98) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005, № 9. С. 43–66; Постановление Европейского суда по правам человека от 2 ноября 2006 г. по делу «Комарова против Российской Федерации (Komarova v. Russia)» (жалоба № 19126/02) // Бюллетень Европейского суда по правам человека (российское издание). 2007. № 7. С. 79, 90–96 и др.

<sup>4</sup> Игнатьев А.Н. Ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела: как гарантировать реализацию права и пресечь злоупотребления? // Адвокатская практика, 2012. № 5.





УДК 340  
ББК 67.311

## КОДИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПРОХОРОВА,**  
заместитель начальника кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук, доцент

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассмотрена кодификация российского уголовно-процессуального закона. Проанализирован Устав уголовного судопроизводства 1864 г. с точки зрения признаков кодифицированного акта; сделан вывод о его влиянии на форму и содержание Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г.

**Ключевые слова:** кодификация, кодифицированный акт, Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г.

**Annotation.** The article is devoted to the codification of Russian criminal procedural law. The Charter of criminal proceedings of 1864 was analyzed in terms of signs codified act, the conclusion was made on its influence on the form and content of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001.

**Keywords:** codification, codified act, the Charter of criminal proceedings of 1864, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001.

Особенностью правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства является детальная регламентация уголовно-процессуальных отношений, что обуславливает значительный объем соответствующих нормативных предписаний и необходимость их качественной систематизации.

Оптимальной формой систематизации уголовно-процессуального права является кодификация, которая с содержательной стороны состоит в коренной переработке действующего законодательства<sup>1</sup>, а с точки зрения формы представляет собой подготовку и принятие нового нормативного правового акта<sup>2</sup>, сведение «норм с одним предметом регулирования под точно обозначенные рубрики и части рубрик закона в четко обозначенной иерархической их соподчиненности»<sup>3</sup>.

Кодифицированная форма закона является важным условием эффективности правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности.

Кодификация обеспечивает целостность, полноту, системность, единство методов правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, способствует внутренней согласованности уголовно-процессуального закона, исключению повторений и противоречий, компактности законодательства, его стабильности и устойчивости.

Вопрос о первой в отечественной истории кодификации уголовно-процессуального права решается в науке неоднозначно.

Так, существует точка зрения, согласно которой первым Уголовно-процессуальным кодексом России можно считать Книгу 2 «О судопроизводстве по преступлениям» тома XV «Законы уголовные» Свода законов Российской империи 1832 г.<sup>4</sup> Свою позицию авторы основывают на том, что «впервые законы уголовные были четко выделены из других законов и ... законы, регламентирующие порядок и процедуры привлечения к уголовной ответственности, суда и назначения наказания, были отделены от законов, предусматривающих ответственность за совершение преступных деяний»<sup>5</sup>. Не умаляя роли Свода законов Российской империи 1832 г. как источника российского уголовно-процессуального права, тем не менее полагаем, что он представлял собой не кодификацию, а другой способ систематизации – консолидацию.

При консолидации «множественность нормативных актов преодолевается путем сведения их в один, укрупненный акт»<sup>6</sup>, однако «сам нормативный материал не перерабатывается, возможна лишь редакторская правка, исключение отдельных правовых норм для устранения противоречий»<sup>7</sup>. «Вторая книга XV тома Свода Законов ... есть не что иное, как собрание разнородных постановлений, частью оставшихся от древнего нашего законодательства, частью изданных впоследствии в разные времена при преобразованиях по судебной и административной частям, нередко для разрешения каких-либо частных, отдельных вопросов.

От сего происходит, что сии постановления вообще неполны, не имеют необходимой между собой связи и надлежащего единства, а иногда и противоречат одни другим»<sup>8</sup>.

В свете изложенного, мы придерживаемся позиции, что первой кодификацией российского уголовно-процессуального права следует считать Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС).

Этот документ обладал признаками, присущими кодифицированному акту:

1) объединение норм с одним предметом регулирования – порядок производства по преступлениям и проступкам;

2) правовое регулирование большинства правоотношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства – УУС регулировал как общий порядок уголовного судопроизводства, так и изъятия из общего порядка;

3) существенная новизна в части правового регулирования уголовно-процессуальных отношений – УУС считается определенной точкой отсчета, едва ли не «с нуля» начавшей историю российского уголовного процесса и напроць перечеркнувшей в «революционном» стиле все, что было до того<sup>9</sup>;

4) четкая разветвленная структура, элементы которой расположены в иерархической соподчиненности. УУС состоял из «Общих положений», включающих 32 статьи, и трех книг: книга первая «Порядок производства в мировых судебных установлениях», включающая главы, отделения, статьи; книга вторая «Порядок производства в общих судебных местах», включающая разделы, главы, отделения, статьи; книга третья «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства», включающая разделы, главы, отделения, статьи;

5) высокая степень стабильности нормативного материала – УУС действовал 53 года (до 1917 г.).

УУС оказал значительное влияние на форму и содержание последующих кодифицированных уголовно-процессуальных актов, в том числе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ).

Несмотря на различия в наименовании структурных элементов УУС и УПК РФ, в целом, структура указанных документов имеет сходство. В УПК РФ так же, как и в УУС, выделены общие положения; части вторая и третья УПК РФ регламентируют общую процедуру досудебного и судебного производств, применяемую по всем уголовным делам, если иное не оговорено, т.е. представляют собой усовершенствованный аналог книг первой и второй УУС; часть четвертая УПК РФ, как и книга третья УУС, посвящена изъятиям из общего порядка уголовного судопроизводства и регулирует особенности производства по отдельным категориям уголовных дел и по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц.

Современная система стадий уголовного судопроизводства является результатом совершенствования

установленной УУС системы производства по уголовным делам, включавшей предварительное следствие (раздел 2 книги 2 УУС), предание суду (раздел 3 книги 2 УУС), судебное разбирательство (раздел 5 книги 2 УУС), пересмотр судебных решений (раздел 5 книги 2 УУС), исполнение уголовных приговоров (раздел 6 книги 2 УУС)<sup>10</sup>.

Имеются определенные сходства в терминологии рассматриваемых источников: как в УУС, так и в УПК РФ используются понятия «предварительное следствие», «дознание», «поводы» (к начатию следствия и для возбуждения уголовного дела), «следственные действия», «подсудность», «судебные издержки», «приговор», «протокол» и т.д.

Объединяет первый и современный кодифицированные уголовно-процессуальные законы и то, что ни в одном, ни в другом не прослеживается принцип полной кодификации. Наряду с УУС действовали и другие законодательные акты, определявшие порядок производства по уголовным делам: Устав военно-судебный, Военно-морской судебный устав, Устав духовных консисторий и др.<sup>11</sup> УПК РФ также допускает возможность регулирования уголовно-процессуальных отношений другими законами – федеральными конституционными и федеральными<sup>12</sup>.

Таким образом, можно утверждать, что Устав уголовного судопроизводства явился фундаментом современного кодифицированного уголовно-процессуального закона.

Вместе с тем, УПК РФ как закон, стоящий на качественно новом витке развития, отличается от УУС более высоким уровнем упорядочения нормативного материала и более совершенными формами законодательной техники.

Тем не менее, некоторые особенности правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности в современной России вызывают критические возражения.

Так, метод отсылок, призванный исключить повторы в регламентации схожих отношений и сократить объем нормативного материала, применяется в УПК РФ, на наш взгляд, излишне широко и подчас необоснованно, затрудняя восприятие смысла правовых норм<sup>13</sup>.

Строгая регламентация процессуальной формы в УПК РФ, направленная на охрану прав личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство, и недопущение произвола со стороны государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, в некоторых случаях граничит с формализмом<sup>14</sup>.

Главным же недостатком современного кодифицированного уголовно-процессуального закона является отсутствие четкой концепции некоторых институтов уголовно-процессуального права<sup>15</sup> и, как следствие, нестабильность УПК РФ.

Изложенное свидетельствует о том, что УПК РФ нуждается в дальнейшем совершенствовании, чтобы



соответствовать признакам кодифицированного акта не только по названию (кодекс), но и по содержанию.

<sup>1</sup> Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.Г. Хабибулина, В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2009. С. 391; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2000. С. 286.

<sup>2</sup> Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.Г. Хабибулина, В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2009. С. 391.

<sup>3</sup> Шадже А.М. Законотворчество в Российской Федерации: история становления и проблемы развития: Монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. С. 215.

<sup>4</sup> Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 65.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Теория государства и права: Учебник / Под ред. А.Г. Хабибулина, В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2009. С. 390.

<sup>7</sup> Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2000. С. 287.

<sup>8</sup> Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2: Издание государственной канцелярии. СПб., 1866. С. 19.

<sup>9</sup> Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: В 2 т. Т.

II: Устав уголовного судопроизводства / Под ред. Л.В. Головки. М.: Юстицинформ, 2014. С. 13.

<sup>10</sup> Приведенная система касается производства в общих судебных местах, основные этапы производства в мировых судебных установлениях отличались от данного порядка (книга 1 УУС).

<sup>11</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. СПб., 1912. С. 52–57.

<sup>12</sup> В соответствии с ч. 1 ст. 7 УПК РФ суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ.

<sup>13</sup> Например, ст. 251 УПК РФ, регламентирующая участие специалиста в судебном разбирательстве, отсылает к ст. ст. 58 и 270 УПК РФ, ст. 58 УПК РФ – к ст. ст. 168 и 270 УПК РФ, а указанные статьи, в свою очередь, отсылают обратно к ст. 58 УПК РФ.

<sup>14</sup> Наиболее ярко формализм проявлялся до внесения изменений и дополнений в УПК РФ Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, исключившим бланки процессуальных документов из содержания УПК РФ.

<sup>15</sup> Так, с момента принятия УПК РФ существенные изменения претерпел институт возбуждения уголовного дела в части перечня поводов для возбуждения уголовного дела, порядка возбуждения уголовного дела и отказа в возбуждении уголовного дела, способов проверки сообщений о преступлениях, прав участников стадии возбуждения уголовного дела, институт дознания и в части срока дознания, наделения лица статусом подозреваемого, форм дознания и др.

УДК 343.1  
ББК 67.311

## ПРОБЛЕМЫ СВОЕВРЕМЕННОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

**ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ФАДЕЕВ,**

кандидат юридических наук, доцент,

докторант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: fadeev2001@yandex.ru

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются причины неудовлетворительного разъяснения прав участников уголовного судопроизводства, предлагаются изменения в ст. 11 УПК РФ.

**Ключевые слова:** правовая помощь, предоставление информации, разъяснение прав, краткие консультации, правовой статус.

**Annotation.** Discussed the reasons for the unsatisfactory explanation of the rights of participants in criminal proceedings, the proposed changes to Art. 11 Code of Criminal Procedure.

**Keywords:** legal assistance, provision of information, clarification of the rights, brief advice, legal status.

Судебная реформа 1864 г. существенно повлияла на развитие правовой системы в России и, в частности, заложила основы дальнейшего совершенствования правового статуса участников уголовного судопроизводства уголовного процесса. К достоинствам Устава уголовного судопроизводства необходимо отнести обязанности, например, мирового судьи объяснить процедуру обжалования приговора, товарища прокурора – значение представленных доказательств и относящихся к делу законов, целесообразность их применения в конкретном случае (дает заключение о применении), судебному следователю – перед допросом объявить обвиняемому в чем он обвиняется<sup>1</sup>.

Своевременное информирование, консультирование или разъяснение прав участников уголовного судопроизводства об их правовом статусе в юридической литературе рассматриваются как гарантии прав личности<sup>2</sup> и относятся к юридическим средствам государственных органов уголовного судопроизводства, профессиональных юристов (адвоката, защитника, представителя) и иных уполномоченных субъектов, оказывающих правовую помощь физическим и юридическим лицам в целях защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов при выявлении преступлений, их расследовании и судебном разбирательстве, а также реализации приговоров и иных решений<sup>3</sup>.

Вместе с тем, действующее уголовно-процессуальное законодательство не обеспечивает полноценное информирование участников уголовного судопроизводства по различным причинам. По нашему мнению, к их числу следует отнести, во-первых, умаление принципа своевременного информирования участников уголовного судопроизводства, изложенного в международных нормах права<sup>4</sup>. С точки зрения русского языка «информировать» обозначает дать информацию, т.е. сообщение, осведомляющее о положении дел, о состоянии чего-нибудь, с тем, чтобы лицо было хорошо информировано и осведомлено о чем-нибудь<sup>5</sup>. Как отмечается в юридической науке, правовое информирование является одной из форм публичной правовой услуги (помощи), которая преследует две основные цели: довести правовые нормы до сведения любого лица и разъяснить их смысл так, чтобы у гражданина появилась возможность правильно ориентироваться в жизненной ситуации, принимать на ее основе правильное решение<sup>6</sup>. Только осведомленная личность может полноценно и целенаправленно использовать свои права и требовать исполнения обязанностей от уполномоченных лиц.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации применяет более узкий по своему смыслу термин «разъяснение», который означает «объяснить, сделать ясным, понятным»<sup>7</sup> и охватывает только вторую составляющую правового информирования. Доведение до участников уголовного судопроизводства всего перечня их прав, обязанностей и ответственности как бы выпадает из списка требований к должностным лицам, хотя и подразумевается.

Во-вторых, несоответствие содержания уголовно-процессуального принципа, изложенного в ч.ч. 1 и 2 ст. 11 УПК РФ, содержанию принципа международного права о своевременном информировании участников уголовного судопроизводства.

Так, в Рекомендации № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» отмечается, что полицейские должны информировать потерпевшего о возможности получения помощи, практических и юридических консультаций, компенсации от преступника и государства, о результате полицейского расследования. В суде потерпевший должен получить информацию о дате и месте слушания по преступлению, которое доставило ему страдания, его возможностях получения реституции и компенсации в рамках уголовного процесса, правовой помощи и консультации, о результате дела. Потерпевшего следует проинформировать об окончательном решении, касающемся преследования, пока он не сообщит, что ему не нужна эта информация<sup>8</sup>.

В свою очередь, ч.ч. 1 и 2 ст. 11 УПК РФ предписывают должностным лицам органов уголовного судопроизводства только разъяснять участникам уголовного судопроизводства и обеспечивать их права, обязанности и ответственность, а лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, предупредить о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу. Обязанность государственных органов уголовного процесса по разъяснению участникам уголовного судопроизводства о принятых решениях, ходе и результате расследования и разрешения уголовного дела по существу не только не получила статус принципа уголовного процесса, но и распределена по 60 статьям УПК РФ, а также по некоторым решениям Верховного Суда РФ<sup>9</sup> и Конституционного Суда РФ<sup>10</sup>.

В-третьих, ограничение количества субъектов, обязанных разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности, ответственность, а также предупреждать лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, о том, что их показания могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу.

В ч.ч. 1 и 2 ст. 11 УПК РФ обязанность разъяснять права вменена лишь суду, прокурору, следователю и дознавателю. Учитывая, что такие субъекты, как следователь-криминалист, руководитель следственного органа, орган дознания и начальник подразделения дознания при производстве предварительного расследования также обязаны разъяснять права участникам уголовного судопроизводства, целесообразно ч.ч. 1 и 2 ст. 11 УПК РФ дополнить такими субъектами, как следователь – криминалист, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания<sup>11</sup>.

Наряду с государственными органами и должностными лицами, разъяснять права, обязанности и ответ-





ственность участникам уголовного судопроизводства, могут и другие субъекты уголовного процесса. В уголовном судопроизводстве эту деятельность осуществляют адвокаты, защищающие или представляющие интересы доверенных лиц (свидетеля, обвиняемого, потерпевшего и др.). Наиболее распространенным видом правовой помощи, оказываемой адвокатами, являются консультации и справки по правовым вопросам как в устной, так и в письменной форме<sup>12</sup>. Поэтому они обязаны разъяснять права своему доверителю, даже если это сделано должностным лицом органа уголовного судопроизводства. Результаты опроса адвокатов показывают, что 93% опрошенных адвокатов соблюдают данное требование, несмотря на то, что оно прямо не закреплено в УПК РФ<sup>13</sup>.

Следует отметить, что правовое информирование потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства необходимо отличать от их юридического консультирования. Правовое информирование и юридическое консультирование различаются по содержанию, целям и субъектам применения. Юридическое консультирование, наряду с правовым информированием, является одной из форм (видов) правовой помощи, предполагает анализ правовой ситуации, подбор и разъяснение возможных правовых путей ее решения<sup>14</sup>. В связи с этим правовое консультирование, направленное на решение конкретной проблемной правовой ситуации, возникшей у участника уголовного процесса, не включено в обязанность государственных органов уголовного судопроизводства.

Как правило, правовое консультирование свидетеля, потерпевшего, обвиняемого и других лиц осуществляется адвокатом вне производства процессуальных действий. Вместе с тем, в соответствии с ч. 2. ст. 53 УПК РФ, защитнику, участвующему в производстве следственного действия, в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному, дано право давать ему в присутствии следователя краткие консультации. В силу коррелирующей связи норм ч. 6 ст. 192 УПК РФ и ч. 2 ст. 53 УПК РФ давать краткие консультации во время очной ставки имеет право и адвокат свидетеля.

Как отмечается в юридической литературе, основным назначением кратких консультаций является разъяснение прав подзащитного, если они не полностью или не вполне понятно разъяснены следователем, а также разъяснение сути, назначения, порядка производства следственного действия<sup>15</sup>. Изучение мнения следователей и дознавателей по этому вопросу показало, что 48,5% из числа опрошенных согласны с таким содержанием кратких консультаций<sup>16</sup>. Правовое консультирование как вид адвокатской деятельности, связанный с обсуждением линии поведения подзащитного в присутствии третьих лиц, не обеспечивает неприкосновенность его интересов и связано с нарушением режима конфиденциальности и адвокатской тайны<sup>17</sup>.

Следовательно, краткие консультации по своему содержанию и целям схожи с правовым информиро-

ванием и разъяснением прав участникам уголовного судопроизводства и могут даваться защитником и адвокатом свидетеля при производстве следственных действий. Вместе с тем, в данном случае налицо ущемление прав потерпевшего (гражданского истца, частного обвинителя), а также ограниченность рамками следственных действий. На наш взгляд, целесообразно предоставить возможность давать краткие консультации не только адвокату и защитнику, но и представителю потерпевшего (гражданского истца, частного обвинителя), расширив их полномочия на производство как следственных, так судебных и иных процессуальных действий.

С учетом вышеизложенного и в целях единообразного применения уголовно-процессуального закона представляется необходимым ч. 1 ст. 11 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, следователь-криминалист, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель обязаны своевременно информировать подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, а также других участников уголовного судопроизводства об их правах, обязанностях, ответственности, принятых решениях, ходе и результате расследования и разрешения уголовного дела по существу и обеспечивать возможность осуществления этих прав».

Дополнить ст. 11 УПК РФ ч. 1.1 следующего содержания:

«1.1. Представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя, защитник подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, адвокат свидетеля вправе давать краткие консультации своим доверителям при производстве следственных, судебных и иных процессуальных действий».

<sup>1</sup> См.: Статьи 128, 166, 403 Устава Уголовного Судопроизводства // Свод Законов Российской Империи. Т. XVI. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ч. 5 / <http://civil.consultant.ru/reprint/books/124/> (доступ 12 октября 2014 г.).

<sup>2</sup> Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 131.

<sup>3</sup> Следует отметить, что правовая помощь участникам уголовного процесса является комплексной *законодательной и научной категорией*, определяющей деятельность государственных органов уголовного судопроизводства и профессиональных юристов (адвокатов, защитников, представителей) по содействию физическим и юридическим лицам в целях защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов. Подробнее о правовой помощи и ее юридических средствах, см.: *Фадеев П.В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства: монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ О.А. Зайцева. М.: «Юрлитинформ», 2014. С. 231–241.*

<sup>4</sup> См., например: Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (ут-

вержена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) // Международно-правовая защита прав и основных свобод человека: сб. международных соглашений и рекомендаций: в 2 ч. / сост. Л. А. Новикова. Орел, 1997. Ч. 2. С. 47–49 / СПС «КонсультантПлюс»; Рекомендации № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 114–116 / СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. С. 205.

<sup>6</sup> *Панченко В.Ю.* Публичные формы юридического содействия реализации прав и законных интересов: монография. М.: Проспект, 2014. С. 41–42.

<sup>7</sup> *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. С. 534.

<sup>8</sup> Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. С. 114–116 / СПС «КонсультантПлюс».

<sup>9</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 и июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

<sup>10</sup> Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 300 – О «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных

прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 47. Ст. 4940.

<sup>11</sup> *Базюк М.Л.* Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип Российского уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Иркутск, 2009. С. 16–17.

<sup>12</sup> См.: п. 1 ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

<sup>13</sup> *Насонова И.А.* Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты: монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ О.А. Зайцева. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 123.

<sup>14</sup> См.: Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения / Отв. ред. Л.А. Воскобитова, Л.П. Михайлова, Е.С. Шугрина. М.: Дело, 2001. С. 181.

<sup>15</sup> См.: *Корневский Ю.В., Падва Г.П.* Участие защитника по новому уголовно-процессуальному законодательству: прак. пособие. М., 2004. С. 102–103.

<sup>16</sup> *Ларин Е.Г.* Обеспечение участников уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощью при производстве следственных действий: Дисс... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2008. С. 180.

<sup>17</sup> *Пилипенко Ю.С.* Адвокатская тайна: теория и практика. М.: «Информ-Право», 2009. С. 38–51.

УДК 340, 343  
ББК 67.311

## ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

**НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ГРИГОРЬЕВА,**

доцент кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Анализируются нормы, регулирующие институт обжалования в досудебном производстве в разные исторические периоды. Определены основные тенденции развития института обжалования в досудебном производстве; выделены пять периодов, которые характеризуют его развитие.

**Ключевые слова:** право обжалования, институт обжалования, прокурор, суд.

**Annotation.** Analyzed the rules governing the institution of appeal in pretrial proceedings in different historical periods. The author defines the main trends in the development of the Institute of appeal in pretrial proceedings and selected five periods that characterize its development.

**Keywords:** the right of appeal, the institution of the appeal, the prosecutor, the court.



Для определения особенностей и выявления тенденций развития института обжалования в досудебном производстве необходимо проанализировать нормы, регулирующие институт обжалования в разные исторические периоды.

В сфере уголовного судопроизводства институт обжалования действий и решений органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда (судьи) был известен еще в XIX в. Так, согласно Уставу уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г., на действия полиции жалобы приносились прокурору, а на действия следователя как предпринятые собственной властью, так и по требованию прокурора или его товарища, – окружному суду (ст. 493). Статья 494 закрепляла, что жалобы могут быть принесены и до поступления в суд, т.е. на этапе досудебного производства. Отсутствие в современном законодательстве возможности обращения с устной жалобой, было решено в Уставе, который определял форму жалобы: устная (словесная) или письменная. В отличие от современного законодательства, в Уставе определялся и общий порядок подачи жалобы, содержалось такое понятие, как «предмет жалобы».

Рассматривая Устав как «закон, обращенный к подданным, о правах, которые им предоставлены в ограждение произвола государственных судебных органов»<sup>1</sup>, нельзя не отметить, что в нем не нашли отражения ряд положений, неурегулированность которых оказывала влияние на реализацию права обжалования. Не было указаний о том, что следователь обязан разъяснить право обжалования и порядок его реализации участникам процесса; не содержались последствия, которые наступают, если следователем не будут выполнены сроки препровождения жалобы по назначению; не были указаны последствия удовлетворения жалобы, за исключением возможности передачи производства по делу другому следователю с признанием недействительным следственных действий (ст. 507); не указывалось, могло ли лицо обжаловать решение по жалобе в вышестоящий суд.

В первые годы советской власти институту обжалования также уделялось большое внимание. В частности, в Постановлении Народного Комиссариата Юстиции от 16 декабря 1917 г. «О производстве арестов, обысков, выемок и всяких иных следственных действий только по ордерам следственных и судебных учреждений», в Положении о военных следователях от 30 сентября 1919 г. было предусмотрено право заинтересованных лиц приносить жалобы на неправильные действия и постановления следственных комиссий (например, обвиняемый и потерпевший могли приносить жалобы на всякое следственное действие, нарушающее или стесняющее их права). В марте и октябре 1920 г. были приняты новые положения «О революционных трибуналах» и «О народном суде РСФСР», в которых устанавливались инстанционный порядок и сроки обжалования.

Однако, окончательно институт обжалования сформировался в 1922 г. в связи с принятием первого

УПК РСФСР (от 25 мая 1922 г.), введенного в действие с 1 июля 1922 г. В нем институту обжалования была посвящена глава, в которой излагались порядок подачи и разрешения жалоб, круг лиц, обладающих таким правом, сроки и форма жалобы (ст. 217–223). Правом обжалования наделялся любой участвующий в процессе субъект (ч. 1 ст. 216). В соответствии со ст. 224 субъектами рассмотрения жалоб являлись суд и прокурор. Решение, вынесенное прокурором по жалобе, могло быть обжаловано в суд. Однако, к предмету жалобы были отнесены только действия (ст. 218).

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. субъектам права обжалования в досудебном уголовном судопроизводстве предоставлялась возможность использовать различные формы правовой защиты (обжалование прокурору, обжалование в суд).

Принятый в новой редакции УПК РСФСР 1923 г., действовавший до 1 января 1961 г., внес в институт обжалования ряд изменений и свидетельствовал о начале следующего этапа. За прокурором устанавливалась обязанность принимать и разрешать жалобы на действия следователя (ст. 212); уточнен порядок подачи жалоб и их разрешения органами прокуратуры (ст.ст. 214–220). В соответствии с УПК РСФСР 1923 г. прерогатива рассмотрения первоначальной жалобы была предоставлена прокурору. За судом было оставлено право рассмотрения повторной жалобы (ст. 220). Таким образом, в 20-х гг. произошло перераспределение полномочий по рассмотрению жалоб в пользу прокуратуры.

Важным шагом на пути развития института обжалования стало принятие в 1960 г. УПК РСФСР, введенного в действие с 1 января 1961 г. и действующего с многочисленными поправками и изменениями до 1 июля 2002 г. В нем были широко представлены субъекты права обжалования, установлены сроки подачи жалоб на отдельные виды решений прокурора, следователя и органа дознания, более четко регламентированы обязанности по приему и рассмотрению жалоб. Так, в ст. 219 УПК РСФСР было установлено, что прокурор обязан в течение 3-х суток проверить поступившую к нему жалобу, принять решение и сообщить о нем заявителю. В ст. 22 УПК РСФСР было выражено общее право участников уголовного судопроизводства – право обжаловать действия и решения суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание.

Однако, данный закон не сохранил такого субъекта рассмотрения жалоб в досудебном судопроизводстве, как суд. В соответствии с УПК РСФСР 1961 г., ст.ст. 218 и 220, единственным субъектом рассмотрения жалоб на действия и решения органов расследования в досудебном производстве признавался прокурор<sup>2</sup>. Такое положение сохранялось вплоть до 1992 г. Демократические процессы в России привели к расширению прав граждан, в том числе и права обжалования.

За время существования УПК РСФСР 1961 г. в него было внесено более 400-т изменений, среди которых есть изменения, связанные и с институтом обжалования в досудебном производстве. Так, Законом РФ от 23 мая



1992 г. в уголовно-процессуальное законодательство введен порядок обжалования ареста или продления срока содержания под стражей в суд (ст.ст. 220<sup>1</sup> и 220<sup>2</sup> УПК РСФСР). Федеральным законом от 31 декабря 1996 г. лицу, привлекавшемуся в качестве обвиняемого, потерпевшему, а также заявителю предоставлено право обжалования постановления о прекращении уголовного дела не только прокурору, но и в суд.

29 апреля 1998 г. Конституционный Суд РФ<sup>3</sup> вынес Постановление, в котором установил, что отказ в возбуждении уголовного дела также может быть обжалован не только прокурору (ч. 4 ст. 113), но и в суд.

Логическим дополнением института обжалования стало Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г.<sup>4</sup>, в котором установлено, что заинтересованные лица, конституционные права которых нарушены, могут подать жалобу не только прокурору, но и в суд. Таким образом, в 1990-е гг. суд вновь стал субъектом рассмотрения первоначальной жалобы. Намечалась тенденция расширения предмета жалобы в суд.

Результатом судебной реформы 1992 г. явилось принятие 22 ноября 2001 г. УПК РФ, который вступил в силу с 1 июля 2002 г. Действующий УПК РФ содержит самостоятельную гл. 16 «Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство». Право обжалования процессуальных действий и решений, являющееся выражением конституционного принципа свободы обжалования (ст. 33, 45, 46 Конституции Российской Федерации), закреплено в качестве самостоятельного принципа уголовного судопроизводства (ст. 19 УПК).

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, определяющее основные положения реализации права на обжалование процессуальных действий и решений в последние годы вновь подверглось существенным изменениям.

В частности, расширен круг субъектов права обжалования, который в настоящее время предполагает возможность обратиться с жалобой не только участнику уголовного судопроизводства, но и иному лицу, интересы которого затрагиваются. Среди субъектов обжалования названы следователь и дознаватель. К предмету жалобы УПК РФ относит действия (бездействие) и решения. Наряду с прокурором и судом, к субъектам рассмотрения жалоб в досудебном производстве отнесен руководитель следственного органа, уточнена и подсудность жалоб в связи с особенностями определения территориальной подследственности. Расширен предмет обжалования за счет включения в него жалоб на нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства.

Результатом работы по совершенствованию процессуального порядка рассмотрения жалоб в уголовном судопроизводстве явились два постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации<sup>5</sup>, а также приказы Генерального прокурора Российской Федерации<sup>6</sup>.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что институт обжалования в досудебном производстве Рос-

сии сложился и функционирует давно, постоянно развиваясь и претерпевая определенные изменения.

Рассмотрение исторической ретроспективы сущности и законодательной регламентации обжалования в досудебном судопроизводстве позволяет утверждать, что в истории российского уголовного процесса можно выделить пять периодов, которые характеризуют развитие института обжалования в досудебном производстве: 1) 1864–1923 гг. – зарождение и становление института обжалования в двух формах: обжалование прокурору; обжалование в суд; 2) 1923–1961 гг. – изменение полномочий субъектов, рассматривающих жалобу (в компетенции прокурора – рассмотрение жалобы, поступившей впервые; суда – рассмотрение жалобы, поступившей повторно); 3) 1961–1992 гг. – сокращение круга субъектов, рассматривающих жалобу (обжалование только прокурору); 4) 1992–2001 гг. – период судебной реформы, наделение суда полномочием по рассмотрению жалоб, наряду с прокурором; 5) 2001 г. – по настоящее время – расширение круга субъектов, рассматривающих жалобу (руководитель следственного органа, прокурор и суд); существенное расширение круга субъектов, обладающих правом обжалования и предмета жалобы.

Тенденции развития института обжалования свидетельствуют о расширении свободы участников уголовного процесса в защите прав и законных интересов путем развития форм обжалования.

<sup>1</sup> Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 11.

<sup>2</sup> Положения ч. 1 ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР были признаны не соответствующими Конституции РФ постольку, поскольку они, по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, исключали в ходе предварительного расследования для заинтересованных лиц, конституционные права которых нарушены, возможность судебного обжалования действий и решений органов расследования. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. // Российская газета. 1999, 15 апреля.

<sup>3</sup> Российская газета. 1998, 5 мая.

<sup>4</sup> Российская газета. 1999, 15 апреля.

<sup>5</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 28 января 2014 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 27, 18 февраля 2009 г.; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета, № 283, 7 декабря 2012 г.

<sup>6</sup> Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 1 ноября 2011 г. № 373 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора» // Законность. 2012. № 1; приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 2 июня 2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» и др.





УДК 343  
ББК 67.311

## ПОНЯТИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г.

**ДЕНИС ВАСИЛЬЕВИЧ ШАРОВ,**

заместитель начальника кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук, доцент  
Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс  
E-mail: SharovDen@gmail.com

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматривается многообразие терминов, обозначающих понятие потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.; дается характеристика потерпевшего в качестве частного обвинителя, гражданского истца, жалобщика и др.; анализируются их правовые статусы. Делается вывод о влиянии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на современное правовое положение потерпевшего.

**Ключевые слова:** Устав уголовного судопроизводства 1864 г., понятие потерпевшего, частный обвинитель, гражданский истец, жалобщик, правовой статус потерпевшего.

**Annotation.** Discussed the variety of terms denoting the concept of the victim under the Statute criminal justice 1864, gives a description of the victim as a private prosecutor, civil plaintiff, the complainant and others, analyzes their legal status. The conclusion about the impact of the Statute criminal justice 1864 on the current legal position of the victim.

**Keywords:** Statute criminal justice 1864, concept of the victim, private prosecutor, civil party, the complainant, legal status of the victim.

Судебная реформа 1864 г. ознаменовала собой совершенно новую эпоху в истории российского права. Одной из ее основ явился Устав уголовного судопроизводства, олицетворяющий собой коренное преобразование уголовно-процессуальной деятельности и закрепляющий поворот от полицейского порядка к порядку правовому.

Освобождение от инквизиционного процесса, гласность, состязательность, равноправие сторон, упразднение теории формальных доказательств, устранение зависимости суда от административных органов, присяжные заседателя, адвокатура – все эти принципы и институты, содержащиеся в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС), подняли уголовное судопроизводство на небывалую доселе высоту и по праву отнесли данный документ к числу самых прогрессивных актов своего времени.

УУС был и до сих пор остается «замечательнейшим памятником нашего законодательства, ... памятником, утвердившим в нашей жизни драгоценные ростки законности и правды»<sup>1</sup>, «одним из ключевых этапов истории российского уголовного процесса»<sup>2</sup>.

Именно с УУС связано появление в российском законодательстве термина «потерпевший». При этом ни в одной из его статей не давалось понятие потерпевшего (впрочем, как и других участников процесса), да и полностью отсутствовала сколь-нибудь строгая терминология в отношении этой категории лиц.

Проведенный анализ показывает, что в УУС использовались следующие термины, так или иначе, обозначающие понятие потерпевшего:

- потерпевшие от преступления (ст. 18, п. 2 ст. 257, ст. 336, ст. 424, ст. 427, п. 1 ст. 458, ст. 622, ст. 647, ст. 697, ст. 700, п. 2 ст. 707);
- лица, потерпевшие от преступления или проступка (ст. 5, ст. 6, ст. 301, ст. 303, ст. 599, ст. 781)
- потерпевшие от преступных действий частные лица (ст. 3);
- потерпевшие лица (ст. 5 п. 2 ст. 96);
- потерпевшие вред и убытки (ст. 35, ст. 42, ст. 43, ст. 954, ст. 974);
- потерпевшие от преступного действия вред или убытки (ст. 48);
- потерпевшие от преступного деяния (ст. 287, ст. 609);
- обиженные (ст. 16, ст. 20);
- жалобщик (ст. 307);
- частный обвинитель (ст. 5, ст. 6 и др.);
- гражданский истец (ст. 6, ст. 7 и др.) и др.

Именно Устав уголовного судопроизводства впервые регламентировал участие частных лиц (потерпевших) в обвинении по уголовным делам.

Устав не знал единого правового статуса потерпевшего, предусматривая различный объем процессуальных прав для лиц, пострадавших от преступления, в

зависимости от того, в каком качестве они выступали в конкретном уголовном деле.

Если потерпевший приобретал статус частного обвинителя или гражданского истца, то он становился обладателем относительно большого объема прав стороны, участвующей в деле, если же он оставался просто лицом, потерпевшим от преступления, то мог рассчитывать лишь на отдельные процессуальные права.

Характеризуя данную особенность, профессор В. Случевский отмечал, что «понятие потерпевшего не будет тождественным, неизменным, а наоборот – будет расширяться или ограничиваться применительно к той процессуальной роли, которая на потерпевшего возлагается Уставом»<sup>3</sup>.

Судебные Уставы 1864 г. вводили две различные системы обличения виновных лиц перед судом.

По уголовным делам, подведомственным мировым судебным установлениям (мировым судьям), обличение обвиняемого перед судом возлагалось на потерпевшего от преступления, наделяемого статусом частного обвинителя. Никакие иные лица, кроме потерпевших, частными обвинителями быть не могли.

По делам, подведомственным общим судебным установлениям (общим (окружным) судам), частное обвинение ограничивалось только теми делами, которые возбуждались не иначе, как по жалобе потерпевшего и могли быть прекращены за примирением, т.е. делами частного обвинения. В этом случае обличение обвиняемых перед судом предоставлялось исключительно частным обвинителям (ст. 5 УСС). Во всех остальных случаях данная обязанность возлагалась на прокуроров и их товарищей (ст. 4 УУС), потерпевшие же от участия в обвинении освобождались, но могли выступать в уголовном деле в качестве гражданских истцов.

Гражданским истцом признавалось лицо, потерпевшее от преступления или проступка, но не пользующееся правами частного обвинителя, подавшее иск о вознаграждении во время производства по уголовному делу (ст. 6 УУС).

Наибольший объем полномочий потерпевший имел в случае, когда он выступал в качестве частного обвинителя. Частный обвинитель, по выражению профессора И.Я. Фойницкого, был «полным господином процесса...»<sup>4</sup>.

Так, частный обвинитель путем подачи жалобы начинал дело, определяя пределы судебного разбирательства, обладал правом предъявления обвинения, мог прекратить производство по делу отказом от обвинения или через примирение с обвиняемым, имел широкие полномочия по отводу мирового судьи, представлению и исследованию доказательств, обжалованию действий и приговоров суда, обладал правом на поверенного и др.

Вне сферы дел частного обвинения потерпевший лишался функции обвинения, а вместе с ней и подавляющего большинства предусмотренных прав.

Достаточно серьезными полномочиями, пусть и направленными, прежде всего, на поддержание

гражданского иска, обладал гражданский истец. Чего нельзя сказать о потерпевшем, не заявлявшем гражданского иска. Устав уголовного судопроизводства предоставлял такому потерпевшему весьма ограниченный круг прав, не рассматривая его в качестве стороны процесса.

Отдельно следует упомянуть такую специфическую процессуальную фигуру, как жалобщик. Жалобщик – это потерпевший от преступления или проступка, сделавший объявление о преступлении.

Соответственно, объявление лиц, потерпевших от преступления, признавалось жалобой. Жалобы считались достаточным поводом к началу следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могли отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка (ст. 303 УУС).

Жалобщик, в отличие от потерпевшего, не сделавшего объявление о преступлении, наделялся рядом прав, не предоставленных последнему, но именно на жалобщика, в случае оправдания подсудимого, возлагалась ответственность за вред и убытки, причиненные ему неосновательным привлечением к суду (ст. 780 УУС).

Потерпевший от преступления или проступка, сделавший объявление о преступлении (жалобщик) наделялся следующими правами:

- 1) выставлять своих свидетелей;
- 2) присутствовать при всех следственных действиях и предлагать, с разрешения следователя, вопросы обвиняемому и свидетелям;
- 3) представлять в подкрепление своего иска доказательства;
- 4) требовать на свой счет выдачи копий всех протоколов и постановлений (ст. 304 УУС);
- 5) просить о принятии мер к обеспечению отыскиваемого им вознаграждения (ст. 305 УУС).

Таким образом, наиболее ущемленным в правах по Уставу уголовного судопроизводства являлся потерпевший:

- не обладающий статусом частного обвинителя;
- не признанный гражданским истцом;
- не сделавший объявление о преступлении.

Во всех остальных случаях потерпевший для защиты своих законных интересов наделялся достаточно широкими правами, некоторые из которых, в частности, присутствие потерпевшего при всех следственных действиях, неизвестны и современному уголовно-процессуальному законодательству.

С течением времени правовой статус потерпевшего подвергался различным изменениям, направленным, как правило, на более полное обеспечение его прав и законных интересов.

Сегодня потерпевший – это один из основных участников уголовного судопроизводства как по делам частного, так и публичного обвинения, наделенный значительным объемом прав вне зависимости от сделанного заявления о преступлении или заявленного гражданского иска. Однако, истоки его современного



правового положения, безусловно, надлежит искать в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

Устав уголовного судопроизводства / Под ред. Л.В. Головки. М.: Юстицинформ, 2014. С. 14.

<sup>1</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 СПб.: Альфа, 1996. С. 45.

<sup>3</sup> Вл. Случевский. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство и судопроизводство. Изд. 3. СПб, 1910. С. 448.

<sup>2</sup> Великая реформа: К 150 Судебных Уставов: В 2 т. Т. II:

<sup>4</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 СПб.: Альфа, 1996. С. 31.

УДК 343  
ББК 67.311

## ПОЛОЖЕНИЕ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г.

**ИГОРЬ БОРИСОВИЧ ТУТЫНИН,**

*доцент кафедры уголовного процесса*

*Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

*подполковник полиции, кандидат юридических наук, доцент*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются вопросы сущности и содержания мер процессуального принуждения имущественного характера по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, процессуальное принуждение, принуждение имущественного характера.

**Annotation.** Considered the essence and content of the measures of procedural coercion of property nature of the Charter of the Criminal Judicial Proceedings of 1864.

**Keywords:** criminal trial, procedural force-in-law, property force-in-law.

Принцип историзма, ориентирующий рассматривать объект исследования в его движении и развитии, выявлять необходимую связь сменяющих друг друга государственно-правовых, включая уголовно-процессуальные, явления, законы, обуславливающие переход данного целого (уголовного судопроизводства) из одного качественного состояния в другое, органически включает в себя принцип детерминизма, а вместе с ним и требования объективности, а также рассмотрения уголовного судопроизводства во всех его связях и отношениях<sup>1</sup>. Этим и представляет интерес изучение Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее по тексту – УУС), который определил дальнейшее развитие отечественного уголовного судопроизводства.

Вступление в силу УУС послужило значимым шагом в развитии отечественного законодательства, регулирующего отношения в сфере уголовного судопроизводства, подняв на новую высоту ориентиры в обеспечении прав и интересов личности, в органи-

зации деятельности по рассмотрению и разрешению уголовно-правовых конфликтов.

Основы организации уголовного судопроизводства по возможности обеспечить защиту имущественных и иных прав и интересов участников процесса к 1917 г. были достаточно развиты. Уголовно-процессуальное право России представляло собой высокоразвитое юридическое явление. Показательным в этом плане является положение мер процессуального принуждения имущественного характера (далее по тексту – ППИХ)<sup>2</sup>.

Черты уголовного судопроизводства зависят от множества обстоятельств и условий (особенностей народных свойств, доставшихся в наследство от прошлого; государственного устройства и общественного вида страны, нравов и обычаев народа, степени его образованности и юридического развития, местоположения и природы, климата, густоты населения, народного богатства и др.)<sup>3</sup> Меры ППИХ находятся в зависимости от свойств уголов-

ного судопроизводства, следовательно от всех вышеуказанных обстоятельств и условий. При этом крайне важно учитывать существовавшее в каждый исторический момент влияние на уголовно-процессуальные отношения положение личности и ее интересов, ведь индивид – продукт общества и господствующих в нем стремлений, «...он отражает в себе общественную психику данной эпохи. Его нравственность измеряется той мерою, которою выработало современное ему общество, и естественно, что он приспосабливается к той мере, которая будет применяться»<sup>4</sup>.

По свидетельству В. Случевского, нет институтов, которые не хранят следы борьбы с замененными ими формами и осиленными традициями. В этой борьбе нового со старым меняются как содержание, так и формы процессуальных институтов. Новое содержание жизни стремится приспособить к себе существующие формы, а в случае непригодности, создает новые, заменяя ими старые<sup>5</sup>.

По УУС в системе мер пресечения выделялись те, которые носили имущественный характер. Л.И. Фенин выделял среди всех мер пресечения те, которые имели своим содержанием личное либо имущественное обеспечение<sup>6</sup>. Дореволюционные авторы утверждали, что «...после долгого кошмара пытки и почти равносильного ей по тем целям, который он преследовал, поголовного ареста, наступила эпоха более благоприятная для свободы и справедливости. Явились потребности в иных средствах обеспечения. И естественнее всего было восстановить институт, существовавший с древних времен, – денежное обеспечение явки»<sup>7</sup>.

Среди теоретиков того времени разгорелся спор о системе мер пресечения. Первый вариант предусматривал то, что первостепенной мерой пресечения является арест, к которому примыкают его суррогаты (поручительство и залог). Второй вариант системы мер пресечения предполагает то, что основной мерой является денежное обеспечение, а арест – исключение из общего правила. Но повсеместно безраздельно, особенно в странах континентальной Европы, царит теория последственного ареста (первый вариант), поэтому наблюдается склонность к признанию за государством наиболее стеснительных мер обеспечения<sup>8</sup>. Например, В. Микляшевский высказался о совершенной самостоятельности поручительства и залога, которые стоят на ряду с другими мерами пресечения, и не могут считаться служащими только для замены взятия под стражу<sup>9</sup>.

По словам И.Я. Фойницкого, меры, имеющие своим содержанием имущественное (денежное) обеспечение являлись: отдача на поруки (п. 3 ст. 416, ст.ст. 417, 422, 424, 425, 426 УУС) и взятие залога (п. 4 ст. 416, ст.ст. 418, 423, 424, ст. 425, ст. 426, ст. 427 УУС)<sup>10</sup>.

Показательным, с точки зрения места ППИХ в уголовном судопроизводстве того времени, является

положение такого института, как процессуальные издержки, которые регламентировались специальной гл. 4 (ст. 976–999 УУС), а так же в других разделах (ст. 592, 643, 651 УУС). В законодательстве наблюдался значительный, по сравнению с современным, перечень случаев его применения. Например, был предусмотрен платеж всех судебных издержек, причиненных отсрочкой судебного заседания, применительно к широкому кругу участников процесса. Но практика применения данных положений закона оставалась без надлежащего контроля и корректировки, что не всегда приводило к ожидаемым результатам. По свидетельству В.А. Волжина, статистика судебных неисправностей не позволяла сделать приблизительно верные выводы о положении и деятельности судов на основе изданных статистических «сводов»; о излишних судебных издержках и на кого они обращены<sup>11</sup>. Данное положение продолжается до настоящего времени, являясь характерной чертой организации и функционирования отечественного уголовного судопроизводства.

Цели применения мер ППИХ трансформировались с учетом соотношения публичности/диспозитивности в уголовном процессе. Возникнув одновременно как вид наказания и средство по восстановлению неблагоприятных последствий от преступления, рассматриваемые меры постепенно превратились в обязанность влиять на посткриминальное поведение правонарушителя (подозреваемого, обвиняемого). Но в последствии произошло разделение мер процессуального принуждения имущественного характера на меры обеспечения возмещения вреда, меры пресечения и меры наказания.

По сравнению с современным этапом, дореволюционное положение мер ППИХ отличается, прежде всего, в определении цели и способов ее достижения. Обеспечение явки обвиняемого осуществлялось совокупностью (системой) мер, в том числе при помощи взыскания суммы, которая была потрачена в связи с отложением суда (ст. 592 УУС).

Наблюдалось расширенное понимание цели залога, который по окончании дела расходовался на возмещение причиненного вреда, что вызвало возражение у теоретиков<sup>12</sup>. Залогом также оплачивалась жалоба подсудимого на окончательное решение судьи (ст. 910 УУС). Иными словами, залог превращался из меры пресечения в средство обеспечения имущественных взысканий.

Наложение ареста на имущество применялось для того, чтобы принудить к явке обвиняемого, а также для сохранности имущества, принадлежащее лицам, процессуальный статус которых не был установленным (ст. 268, 305, 851, 852 и 1159 УУС).

Таким образом, применение имущественного принуждения планировалось по возможности к максимальному количеству правовых ситуаций, но одновременно отсутствовали четкие границы его применения.





В теории уголовного процесса досюветского периода меры ППИХ в совокупности не исследовались, но активно рассматривались и изучались теоретиками по-отдельности. В то время наблюдается расхождение во мнениях о способе регламентации в законе мер процессуального принуждения и мер ППИХ в частности: применять имущественное принуждение во всех случаях, либо воздержаться от столь расширительного понимания; наделить правоприменителя значительными дискреционными полномочиями, либо минимизировать возможность выбора тех или иных принудительных мер, строго определив правомерное поведение следователя (судьи).

Появление имущества, его жизненная важность, привели к использованию имущественного принуждения как регулятора общественных отношений, как средства решения социальных задач в обществе, а потом и в государстве. Социально-экономические условия, основанные на имущественной основе, и по сей день находятся в тесной связи с ППИХ. Поэтому другой особенностью организации уголовного судопроизводства было устремление защитить жизнь и имущество, прежде всего, лиц с высоким имущественным положением. Сословное устройство российского общества не могло не оказать влияния на организацию правоприменительной практики уголовного процесса. Обещания власти обеспечить верховенство закона, гарантировать основные права и интересы личности, в том числе имущественного характера, выполнялись избирательно. В тот исторический период, когда отечественный уголовный процесс можно охарактеризовать как инквизиционный, применение принуждения, в том числе имущественного характера, было дозволительно с целью удовлетворить, прежде всего, интересы господствующих социальных классов.

Таким образом, полученный в то время посыл развития как всей системы мер процессуального принуждения, так и отдельных из них – мер ППИХ, востребован и в настоящее время. Для того, чтобы обеспечить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства посредством надле-

жащей деятельности соответствующих органов и должностных лиц<sup>13</sup>, необходимо создание объединяющих и унифицирующих правовых категорий, способствующих оптимальному построению и эффективному применению правовых средств, содержащих в себе принуждение, с особым местом в нем имущественной составляющей.

<sup>1</sup> Масленникова Л.Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М., 2000. С. 25.

<sup>2</sup> Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве – система институтов уголовно-процессуального права, каждый из которых может ограничивать имущественные права и интересы личности, общества, государства.

<sup>3</sup> Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Ч. I. СПб., 1866. С. 17–18.

<sup>4</sup> Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе: Меры обеспечения неуклонения. СПб., 1906. С. 30.

<sup>5</sup> Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостройство. СПб., 1891. С. 15.

<sup>6</sup> Фенин Л.И. Уголовный процесс (составлен в виде ответов на вопросы программы испытаний в юридической комиссии). Харьков, 1911. С. 130–131.

<sup>7</sup> Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры обеспечения неуклонения обвиняемого от правосудия. СПб., 1906. С. 343.

<sup>8</sup> Люблинский П.И. Указ. соч. С. 15–17.

<sup>9</sup> Микляшевский В. О средствах представления обвиняемого в суд и пресечения ему способов уклоняться от следователя и суда. Т.1. Варшава, 1872. С. 216.

<sup>10</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1, Петроград, 1915. С. 397.

<sup>11</sup> Волжин В.А. Закон и жизнь. Заметки по гражданскому судопроизводству, по судостройству, уголовному судопроизводству и комментарии к статьям Уложения о наказаниях. Т.2. СПб., 1891. С. 208.

<sup>12</sup> Люблинский П.И. Указ. соч. С. 26, 354, 355.

<sup>13</sup> Парфенов В.Н. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при особом порядке судебного разбирательства. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 8.

## ПРАВИЛА СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОПРЕДЕЛЕННЫЕ УСТАВОМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г.

**НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА УГОЛЬНИКОВА,**  
доцент кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук, доцент

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Анализируется порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, определенный в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Проводится сравнительный анализ особенностей уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних по законодательству конца XIX в. и современному законодательству. Затронуты вопросы необходимости совершенствования института производства в отношении несовершеннолетних.

**Ключевые слова:** Устав уголовного судопроизводства, особенности судопроизводства в отношении несовершеннолетних, двойное представительство интересов, охранительное правосудие, меры пресечения.

**Annotation.** Analyzed the criminal procedure against juveniles, as defined in the Charter of the criminal proceedings 1864. Presented a comparative analysis of the characteristics of criminal proceedings against juveniles under the laws of the late nineteenth century and modern legislation. Raised the issues of need for improvement the institute proceedings against juveniles.

**Keywords:** Charter of criminal proceedings, features of proceedings against juveniles, double representation of interests, protective justice, preventive measures.

Несовершеннолетнее лицо является особым субъектом в правовом поле отношений уже достаточно давно. Формирование особого процессуального статуса с учетом возрастного вменения проходило поэтапно.

На первом этапе сформировалось понятие несовершеннолетнего преступника с выделением категории «малолетние». В частности, в гл. X Соборного Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г. (ст. 185) говорилось о том, «как поступать, когда малолетние, будучи позваны в суд, отзовутся, что «не умеют отвечать за себя». В 1742 г. Сенат вместе с президентами коллегий указал, что малолетство как для мужского, так и для женского пола нужно считать до 17 лет и что таковых нельзя подвергать тем же наказаниям, что и взрослых. С 1762 г. российское законодательство стало различать понятия «малолетства» и «несовершеннолетия». В Указе о недействительности сделок, заключенных от имени малолетних, возраст последних определялся до 18 лет.

На втором этапе определились особенности назначения и применения уголовного наказания к несовершеннолетнему. Военские артикулы Петра I 1716 г. (в толковании на артикул 195) указывали: «Наказание воровства обыкновенно умалется или весьма отставляется, ежели... вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от роди-

телей своих лазами наказаны быть». Далее в 1742 г. Указание Сената установило, что малолетние не могли подвергаться ни смертной казни, ни пытке, ни кнуту; для них эти наказания заменялись сечением плетью и отдачей в монастырь на исправление для употребления их там на всякие тяжелые монастырские работы, чтобы они никогда праздны не были, а по освобождению из монастырей повелевалось их отсылать в те места, откуда кто прислан, а из этих мест отсылать их в прежние жилища. В Указе Екатерины II от 26 июня 1765 г. была установлена полная невменяемость до 10 лет, а от 10–17 лет допускалось смягчение наказания, причем обвиняемых в преступлениях, влекущих смертную казнь или кнут, велено представлять в Сенат, где с ними поступлено имеет быть по благорассмотрению и по мере их вины. При смягчении ответственности выделялись два возрастных периода: с 10 до 15 лет и с 15 до 17 лет. Малолетних до 10 лет признавали абсолютно невменяемыми и выдавали виновных без предания суду и без наказания на исправление родителям, родственникам или опекунам. Кроме того, малолетние включались в разряд лиц, освобожденных от телесных наказаний. Необходимо также отметить, что, по мнению юристов тех лет, основания снижения размеров ответственности могли суммироваться для несовершеннолетних<sup>1</sup>. Уложение о наказаниях



уголовных и исправительных 1845 г. стало первым кодифицированным источником уголовного законодательства, в котором было системно изложены размеры наказания в зависимости от малолетства и несовершеннолетия.

И только на третьем этапе в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) получили правовое оформление процессуальные особенности судебного преследования<sup>2</sup> несовершеннолетних. Следует сразу оговорить, что процессуальные особенности судебного преследования несовершеннолетних не составляли особое производство, как например, производство с участием духовного ведомства (ст. 1000 УУС); производство в отношении них осуществлялось в общем порядке. Однако, отдельные правила судебного преследования несовершеннолетних присутствовали в законе.

Первым из них встречается следующее правило: «Когда возраст обвиняемого может иметь влияние на вменение ему содеянного в вину или на определение ему наказания, то показание его о годах поверяется справкой из метрических книг, а за неимением их – из ревизских сказок или других документов; за невозможностью же сих справок возраст обвиняемого определяется посредством освидетельствования его чрез судебного врача»<sup>3</sup>. Таким образом, УУС определял возраст несовершеннолетнего обвиняемого как обстоятельство подлежащие установлению судебным следователем<sup>4</sup>, а также способы его (возраста) установления: показания, справки, а также освидетельствование через судебного врача. В действующем законодательстве указанное выше правило трансформировалось в требование УПК РФ об обязательном установлении возраста несовершеннолетнего (число, месяц и год рождения), а также обязательной экспертизе для установления возраста подозреваемого, обвиняемого, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение (п. 1 ч. 1 ст. 421, п. 5 ч. 1 ст. 196 УПК РФ). Следует отметить, что УУС детально указывает документы, допустимые в качестве источников информации о возрасте: «из метрических книг, а за неимением их – из ревизских сказок», в отличие от действующего законодательства «документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение». Возможно, и в действующем УПК РФ следовало дать указания о конкретных видах документов, которые могут быть допустимым источником информации о возрасте (например, паспорт и свидетельство о рождении).

Правовое понятие несовершеннолетнего как субъекта процессуальных правоотношений в УУС не давалось, в отличие от действующей ч. 1 ст. 420 УПК РФ (в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет). Понятие несовершеннолетнего было сформулировано в Уложении о наказаниях уголовных и

исправительных<sup>5</sup>. Определяя этого субъекта, закон выделял категории:

- дети (от 7 до 10 лет) – не подвергались определенному в законах наказанию, а отдавались родителям или благонадежным родственникам для домашнего исправления;

- отроки (от 10 до 17 лет) – назначение для них наказания наступает только в случае признания их «обладающими вменяемостью», а в противном случае применяется общее правило об освобождении от уголовной ответственности «за невменяемостью»;

- несовершеннолетние (от 17 лет до 21 года) – наказание назначается как совершеннолетним, но с сокращением сроков.

С учетом того, что указанное Уложение сформулировало нижний предел возраста уголовной ответственности, а также возрастную градацию назначения наказания вплоть до 21-го года, то очевидно вставал вопрос о применимости этого определения в процессуальной деятельности. Историки правоведы наиболее часто ссылаются на пределы от 14–17<sup>6</sup>. Интересным представляется и правило освобождения от наказания, установленное для возрастной группы от 10 до 17 лет – «признанные судом учинившие преступление без разумения»<sup>7</sup>. Это правило стало предтечей основания освобождения от уголовной ответственности в современном уголовном процессе, связанного с отставанием в психическом развитии несовершеннолетнего. Процессуальный порядок освобождения несовершеннолетнего от наказания в указанном случае в соответствии с УУС предусматривал судебное решение (ст. 759 УУС). Действующее же законодательство позволяет разрешить указанные вопросы в досудебном производстве следователю, на основании экспертного заключения о состоянии уровня развития несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 27, ч. 2 ст. 421 УПК РФ). Сравнивая указанные порядки освобождения от наказания, следует отметить, что действующее на настоящий момент правило является реализацией принципа ювенальной юстиции об индивидуализации производства в отношении несовершеннолетнего и возможности разрешения вопросов уголовного преследования без вовлечения несовершеннолетнего в судебные процедуры.

Говоря о возрастном вменении в уголовном процессе, необходимо также отметить интересную позицию в законодательстве периода судебных реформ конца XIX в., касающуюся рецидива преступности несовершеннолетних. В соответствии со ст. 146 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «малолетние несовершеннолетние» в случае учинения ими нового преступного деяния наказывались как совершеннолетние. Правда, в последствии, уже в начале XX века, это положение было отменено. Отклики этого правила можно найти и в современном законодательстве. Например, освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного

воздействия было возможно только, если преступление он (несовершеннолетний) совершил впервые (ст. 90 УК, ст. 427 УПК РФ до изменений 2003 г.). В настоящий момент правовое условие о совершении преступления «впервые» вновь отсутствует. Таким образом, можно отметить неоднозначную позицию законодателя в оценке рецидива преступности несовершеннолетнего с позиции учета ее как отягчающего обстоятельства при решении вопроса об ответственности.

Второе правило, которое указывает на зарождение особенностей производства в отношении несовершеннолетних в УУС, закреплено в норме об обстоятельствах, учитываемых при избрании меры пресечения к обвиняемому: «Принимаются в соображение не только строгость угрожающего ему наказания, но также и ...возраст»<sup>8</sup>. Данное правило нашло свое развитие в современном законодательстве в особенностях, связанных с избранием меры пресечения в отношении несовершеннолетнего. Они определены в ст. ст. 423, 101, 105, 108 УПК РФ и заключаются в наличии специальной меры пресечения для несовершеннолетнего обвиняемого (отдача под присмотр) и дополнительных условий избрания общих мер пресечения.

Третье правило связано с институтом представительства интересов. Одной из особенностей действующего производства в отношении несовершеннолетнего является двойное представительство интересов – защитником и законным представителем. Это требование направлено на обеспечение повышенной юридической защиты несовершеннолетних, вовлекаемых в уголовное производство в качестве подозреваемых, обвиняемых. Отдельные элементы, касающиеся специальных правил представительства можно найти и в УУС. В частности, в качестве субъекта права на апелляционное обжалование приговора суда в отношении несовершеннолетнего мог выступать его опекун: «За несовершеннолетних и вообще за лица, лишенные возможности пользоваться своими правами, отзвымы могут быть подаваемы их родителями, супругами, опекунами или теми, у кого они находятся на воспитании»<sup>9</sup>. Что же касается участия защитника, то он предоставлялся несовершеннолетнему на общих основаниях на стадии судебного разбирательства<sup>10</sup>, в отличие от действующего правила обязательного участия защитника по делам указанной категории с момента начала уголовного преследования (ст. 51 УПК РФ).

Подводя итоги необходимо отметить, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. закрепил правовые нормы, которые послужили фундаментом формирования охранительного производства в отношении несовершеннолетнего действующего уголовно-процессуального законодательства России.

<sup>1</sup> «Специальная, законом установленная смягчаемость наказания для молодых преступников отнюдь не исключает одновременного применения смягчения по другим поводам и основаниям как специально указанным в законе, так и вытекающим из признания присяжными таких субъектов вообще заслуживающими снисхождения. Таким образом, наказуемость для них за одно и то же преступление может быть понижена в одно и то же время, во-первых, во внимание к их возрасту, во-вторых, во внимание к особо указанным в законе основаниям смягчения или вследствие прибавки присяжными формулы: «но заслуживает снисхождения» – *Н.С. Таганцев*. «Русское уголовное право. Лекции. Часть общая». Т. 1, 1994 г. С. 172.

<sup>2</sup> «Судебное преследование» – все производство по уголовному делу, за исключением мер, принимаемых полицейскими и другими административными властями для предупреждения и пресечения преступлений и проступков (ст. 1 УУС от 20 ноября 1864 г.).

<sup>3</sup> УУС ст. 413 // Свод законов Российской Империи. Русское книжное товарищество «Деятель». СПб., 1912 // Электронная версия «Консультант плюс», 2008.

<sup>4</sup> Судебный следователь субъект – производства предварительного следствия в соответствии со ст. 249 УУС.

<sup>5</sup> Ст. 137–139 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской Империи, Русское книжное товарищество «Деятель». СПб., 1912 // Электронная версия «Консультант плюс», 2008.

<sup>6</sup> *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1, 1994 г. С. 159.

<sup>7</sup> Ст. 137 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской Империи. Русское книжное товарищество «Деятель». СПб., 1912 // Электронная версия «Консультант плюс», 2008.

<sup>8</sup> Ст. 421 УУС // Свод законов Российской Империи. Русское книжное товарищество «Деятель». СПб., 1912 // Электронная версия «Консультант плюс», 2008.

<sup>9</sup> Ст. 861 УУС // Свод законов Российской Империи. Русское книжное товарищество «Деятель». СПб., 1912 // Электронная версия «Консультант плюс», 2008.

<sup>10</sup> Ст.ст. 562, 565, 566 УУС // Свод законов Российской Империи. Русское книжное товарищество «Деятель». СПб., 1912 // Электронная версия «Консультант плюс», 2008.





УДК 343  
ББК 67.311

## ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ – ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ)

**ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ САМОРОКА,**

*доцент кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук  
E-mail: samoroka@yandex.ru;*

**МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ БЕКЕТОВ,**

*доцент кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук, доцент*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** На основе положений нормативных правовых актов и материалов судебной практики проанализирована практика и сформулированы основные рекомендации по взаимодействию подразделений по противодействию экстремизму с органами дознания при расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности.

**Ключевые слова:** экстремизм, уголовный процесс, уголовное право.

**Annotation.** On the basis of provisions of normative legal acts and materials of judicial practice formulated the basic guidelines for cooperation of subdivisions for combating extremism with courts by the implementation of ORM and criminal cases of crimes of an extremist orientation.

**Keywords:** extremism, sentence, criminal procedure, criminal law.

В соответствии с указом Императора Александра II от 8 июня 1860 г. функция предварительного следствия была изъята у полиции и передана судебным следователям, состоящим на службе в Министерстве юстиции. Позднее, 20 ноября 1864 г., в Российской Империи был принят Закон «Об учреждении судебных установлений». В ст. 6 данного законодательного акта указывалось: «Для производства следствий по делам о преступлениях и проступках состоят судебные следователи». В Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. предусматривалась обязанность полиции выполнять отдельные поручения следователя, в том числе и связанные с розыском преступников<sup>1</sup>. В соответствии со ст. 271 Устава судебный следователь мог поручать полиции производство дознаний и собирание справок по сделанным им указаниям. В дореволюционном уголовном процессе деятельность по производству дознания считалась непроцессуальной, ее материалы являлись только основанием для производства судебным следователем предварительного следствия<sup>2</sup>. В ст. 254 Устава указывалось: «При производстве дознания полиция все

нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах».

С началом применения указанных правовых норм, по-видимому, и можно связывать возникновение института взаимодействия следователя и органов дознания. В настоящее время в УПК РФ содержится целый ряд норм, являющихся правовой основой процессуальных<sup>3</sup> форм взаимодействия следователя и органов дознания.

В научной и учебной литературе в качестве субъектов взаимодействия при расследовании преступлений рассматриваются, как правило, следователи и органы дознания, так как именно они являются участниками уголовного судопроизводства в соответствии с положениями УПК РФ. Однако, согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся в том числе и органы внутренних дел Российской Федерации. Подразделения по противодействию экстремизму являются составной частью органов внутренних дел, поэтому именно с ними и должны взаимодействовать следователи при расследовании преступлений экстремистской направленности<sup>4</sup>.

При расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности взаимодействие следователя с подразделениями по противодействию экстремизму осуществляется в следующих процессуальных формах:

- 1) выполнение поручений следователя о производстве оперативно-разыскных мероприятий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- 2) выполнение поручений следователя о производстве следственных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 152 УПК РФ);
- 3) выполнение поручений следователя об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- 4) оказание содействия следователю при производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- 5) выполнение поручения следователя о розыске обвиняемого, подозреваемого (ч. 1 ст. 210 УПК РФ).

Опрошенные нами сотрудники подразделений по противодействию экстремизму указали, что при расследовании уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности применяются все указанные формы взаимодействия.

В силу ограничений по объему предоставляемых материалов остановимся только на последней форме взаимодействия. Данная процессуальная форма взаимодействия следователя и органов дознания вытекает из положений ч. 1 ст. 210 УПК РФ: «Если место нахождения подозреваемого, обвиняемого неизвестно, то следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывается в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносится отдельное постановление».

Взаимодействие в рассматриваемой форме начинается с момента получения подразделениями по противодействию экстремизму постановления о розыске обвиняемого (подозреваемого) или постановления о приостановлении предварительного следствия с соответствующим указанием и заканчивается установлением места нахождения обвиняемого (подозреваемого).

Термин «розыск» имеет два различных значения. «Розыск в широком значении термина – это розыскная деятельность, направленная на установление предметов, индивидуально-определенные признаки которых, в данный момент, не известны (розыск неизвестного преступника, следов преступления на месте происшествия и т.д.). Розыск в узком понимании – это розыск конкретного, индивидуально-определенного объекта (розыск конкретного обвиняемого, конкретного похищенного имущества и т.д.) по известным групповым и индивидуальным признакам. Розыск включает совокупность следственных действий, розыскных действий и оперативно-разыскных мероприятий»<sup>5</sup>. В рассматриваемой правовой норме речь идет о розыске в узком понимании этого термина, так как имеется в виду розыск конкретно лица – обвиняемого (подозреваемого).

Исходя из смысла п. 2 ч. 2 ст. 209 и ч. 1 ст. 210 УПК РФ, можно отметить, что ведущая роль в организации

розыска принадлежит следователю. Даже в том случае, когда розыск по поручению следователя осуществляют подразделения по противодействию экстремизму, следователь обязан также вести его, используя имеющиеся в его распоряжении процессуальные средства (производя следственные действия<sup>6</sup>, направляя требования, поручения и запросы в порядке предусмотренном ч. 4 ст. 21 УПК РФ и т.д.).

В рамках рассматриваемой формы взаимодействия подразделения по противодействию экстремизму должны координировать и контролировать деятельность специализированных розыскных подразделений органов внутренних дел. Эффективность розыска скрывшегося обвиняемого (подозреваемого) во многом зависит от степени взаимодействия следователя с подразделением по противодействию экстремизму. Во многом этому способствует своевременный обмен информацией, полученной следователем в рамках процессуальной, а подразделениями по противодействию экстремизму – в рамках оперативно-разыскной деятельности.

Примером успешного взаимодействия следователя и сотрудников подразделений по противодействию экстремизму при установлении лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, и в ходе их розыска служит следующее уголовное дело.

В апреле 2011 г. неизвестными лицами с применением огнестрельного оружия было совершено нападение на экипаж вневедомственной охраны УВД г. Иркутска, в результате которого погибли два сотрудника милиции, одному было причинено огнестрельное ранение. В ходе нападения было похищено табельное оружие – пистолет ПМ. По данному факту было возбуждено уголовное дело № 107569.

С целью раскрытия данного преступления была создана следственно-оперативная группа из числа сотрудников Следственного управления по Иркутской области СК РФ, Управления уголовного розыска и Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Иркутской области. Пресслужбой через средства массовой информации до жителей области была доведена информация о том, что преступники, совершившие указанное преступление, скрылись с места происшествия на автомашине ВАЗ-2105 белого цвета. Спустя несколько дней в органы внутренних дел от граждан поступило телефонное сообщение о том, что в 20 км. от г. Иркутска в лесном массиве обнаружена сгоревшая автомашина указанной марки. Сотрудниками ЭКЦ были восстановлены уничтоженные номера агрегатов а/м, что позволило идентифицировать автомашину и через ее владельца установить подозреваемых в совершении убийства сотрудников милиции – братьев Вокиных Артема Викторовича, 1986 г.р., и Руслана Викторовича, 1988 г.р.

В ходе розыска Вокиных была получена информация, о том, что они выехали за пределы области. Благодаря содействию ГУ МВД России по Сибирскому федеральному округу, розыскные мероприятия были организованы в Омской и Кемеровской областях, Алтайском и Красноярском краях. Результатом организованно-



го взаимодействия стало задержание Вокиных в апреле 2012 г. на территории Омской области.

В ходе проведения дальнейших оперативно-разыскных мероприятий была установлена причастность Вокиных к совершению убийств гражданина Азербайджана Г. и гражданина Киргизии З., совершенных по мотивам национальной ненависти в 2010 г. в г. Иркутске.

По результатам проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий Вокину А.В. и Вокину Р.В. было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а, ж, з, л» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 226, 317, ч. 1 ст. 158, п. «в» ч. 4 ст. 162, ч. 2 ст. 325, ч. 1 ст. 222 УК РФ.

В 2012 г. Иркутским областным судом по указанному уголовному делу был вынесен обвинительный приговор, в соответствии с которым Вокин А.В. был приговорен к пожизненному лишению свободы, Вокин Р.В. – к 22 годам лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

<sup>1</sup> См.: Елинский В.И., Исаков В.М. Становление и развитие уголовного сыска в России (X – нач. XX вв.) – МВД России, 1998. С. 27.

<sup>2</sup> См. подробнее: Гирько С.И. Роль и функции милиции в уголовном процессе России: Монография. М.: Издательство «Шит-М», 2005. С. 164–165.

<sup>3</sup> В юридической литературе выделяются также непроцессуальные (организационные) формы взаимодействия следователя и органов дознания; данные формы устанавливаются федеральными законами Российской Федерации, подзаконными и ведомственными нормативными актами, а также могут быть выработаны в процессе практической деятельности органов предварительного следствия и дознания.

<sup>4</sup> Согласно Примечанию 2 к ст. 282-1 УК РФ под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

<sup>5</sup> Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие: Учеб. пособ. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 6–7.

<sup>6</sup> Производство следственных действий с целью установления разыскиваемого лица допустимо только в том случае, если следователем еще не вынесено постановление о приостановлении предварительного расследования.

УДК 343  
ББК 67.311

## ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ ПРАВА И СВОБОДУ ГРАЖДАН (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г. И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РФ 2001 г.)

**ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА АЛОНЦЕВА,**  
старший преподаватель кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук, подполковник полиции

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Устава уголовного судопроизводства 1864 г. о порядке производства следственных действий, ограничивающих или «стесняющих» права.

**Ключевые слова:** Устав уголовного судопроизводства 1864 г., следователь, судебный следователь, следственные действия, судебное решение.

**Annotation.** Discussed the provisions of the criminal procedural legislation of the Russian Federation and the Charter of the criminal justice 1864 for the procedure for the conduct of investigative action restricting or constraining the right.

**Keywords:** Charter criminal justice of 1864, investigator, forensic investigator, investigative actions, court decision.

Проблемы, которые предстоит рассмотреть в этой статье, связаны с реформированием предварительного следствия, с вопросами, касающимися полномочий суда по принятию решений о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан в досудебном производстве.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает получение следователем судебного разрешения для производства следственных действий: осмотра в жилище, при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыска и (или) выемки в жилище; личного обыска; контроля и записи переговоров; наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку; получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; выемки вещи, заложенной или сданной на хранение в ломбард; выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Это обеспечивает гарантированные конституцией права и свободы граждан на неприкосновенность жилища, тайну переписки и телефонных переговоров, тайну личной жизни. Такой порядок производства следственных действий не всегда действовал в российском законодательстве. УПК РСФСР 1960 г. не предусматривал получение следователем судебного разрешения для производства следственных действий. Реформирование уголовно-процессуального законодательства началось с введением в действие Уголовно-процессуального кодекса 2001 г.<sup>1</sup> Однако, дискуссии относительно получения судебного разрешения и судебного контроля за производством процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, проблемы его осуществления возникли и до принятия действующего уголовно-процессуального кодекса, имели место после вступления его в силу и не утихают до настоящего времени. Одним из возможных вариантов решения проблем, представлялось возвращение института судебного следователя. История возникновения этой процессуальной фигуры имеет непосредственное отношение к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.<sup>2</sup>

УУС был принят в рамках судебной реформы России 1864 г. Все Судебные уставы 1864 г. внесли существенные изменения в правовое положение судебных следователей, их взаимоотношения с полицией, прокурором и судом и изменили порядок производства предварительного следствия. В соот-

ветствии со ст. 249 УУС (разд. 2 гл. 1) устанавливал, что судебные следователи производили при действии полиции и при наблюдении прокуроров и их товарищей предварительное следствие о преступлениях и проступках, подсудных окружным судам. В исключительных случаях судебные следователи могли осуществлять расследование и по другим категориям преступлений. Следует заметить, что по наименее тяжким преступлениям расследование проводилось жандармами полиции, по наиболее тяжким – судебными следователями. Таким образом, в пореформенном русском уголовном процессе судебный следователь выступал исключительно как субъект предварительного следствия.

В рамках производства предварительного следствия были предусмотрены такие следственные действия, как осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос; в рамках осмотра – извлечение трупа из могилы. Рассмотрим более подробно процессуальный порядок производства некоторых из них. Глава 4 УУС регламентировала порядок производства осмотра и освидетельствования. Осмотр производил судебный следователь с участием понятых либо через сведущих лиц. Для осмотра жилища отдельных правил его проведения предусмотрено не было. Статья 347 УУС, посвященная современной эксгумации трупа, находилась в разделе, регламентирующем осмотр и освидетельствование; речь шла о «извлечении мертвого тела». Для участия в этом следственном действии приглашались врач и священник. Решение о его проведении судебный следователь принимал самостоятельно.

Второе отделение гл. 4 УУС регламентировало порядок производства обыска и выемки, в том числе в доме или ином жилом помещении. Для производства этих следственных действий также требовалось только решение самого судебного следователя. Статья 357 УУС в качестве основания для проведения обыска и выемки в доме указывала на наличие достаточного подозрения, что в этом месте скрыты: обвиняемый, предметы преступления или вещественные доказательства, необходимые для обеспечения дела. Статья 358 УУС содержала требование присутствия при проведении обыска либо выемки в доме хозяина дома, в его отсутствие – присутствие его жены, либо кого-то из старших домашних. При проведении следственных действий могли присутствовать прокуроры или его товарищи (ст. 278 УУС). Также следственные действия могли производиться судебными следователями и по требованию прокуроров и их товарищей (ст. 281 УУС).

Устав Уголовного Судопроизводства предусматривал судебный порядок обжалования следствен-





ных действий, «нарушающих или стесняющих их права». Так, в соответствии с гл. 12 УУС 1864 г. обжалованию в окружной суд подлежали как действия следователя, предпринятые собственной властью, так и по требованию прокурора и его товарищей. Жалоба подлежала подаче тому лицу, на действия которого она приносилась. Принесение жалобы впредь до ее разрешения не приостанавливало ни производства следствия, ни исполнения обжалуемого следственного действия. В первый присутственный день суд приступал к ее разрешению в распорядительном заседании. Лица, чьи интересы были затронуты, могли присутствовать при рассмотрении жалобы. Перед разрешением жалобы заслушивалось заключение прокурора. По жалобе выносилось определение с указанием оснований для ее рассмотрения. Суд мог признать произведенные следственные действия недействительными, либо передать дело другому следственному следователю (ст. 506 УУС).

Схожесть этой процедуры с процедурой проверки судом законности следственных действий по УПК РФ 2001 г. в соответствии с ч. 5 ст. 165 очевидна. Так, действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает как предварительное судебное разрешение для производства указанных выше следственных действий, так и последующий судебный контроль для случаев, не терпящих отлагательства, когда отдельные следственные действия произведены по решению следователя. Законность их проведения проверяется судом после их производства. В тех случаях, когда суд примет решение о незаконности его проведения, все доказательства, полученные в ходе следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ.

Таким, образом, по УУС судебные следователи относились к окружным судам, являлись должностными лицами, осуществляющими только предварительное следствие и были наделены процессуальными полномочиями самостоятельно принимать решения о производстве следственных действий, «нарушающих или стесняющих права».

Полемика относительно формы судебного контроля, порядка получения судебного разрешения по действующему законодательству ведется до настоящего времени<sup>3</sup>. Так, многие авторы предлагают ввести в судебных органах должность следственного судьи, который мог бы осуществлять все формы судебного контроля (в том числе, и разрешение производства следственных действий) в досудебном производстве<sup>4</sup>. В свое время В.М. Лебедев считал актуальным возрождение института судебного следователя<sup>5</sup>. Представляется, что это различные субъекты и их функции будут различны. Возможно отнесение их к судебному органу, либо к органам

предварительного расследования будет еще долго обсуждаться. Действительно, реформирование предварительного расследования необходимо, оно обусловлено повышением качества расследования, необходимостью соблюдения конституционных прав и свобод граждан. На наш взгляд, следователь в органах предварительного следствия должен иметь больше самостоятельности в принятии решений по производству следственных действий. Законодатель не допускает производство таких следственных действий, как контроль и запись переговоров, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, производство выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в случаях, не терпящих отлагательства без судебного решения, как это предусмотрено для осмотра в жилище, обыска и (или) выемки в жилище, личного обыска, выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи. Возможно следует разрешить производство каких-то из них без судебного решения, оставив только право судебного обжалования на действия (бездействие) следователя, нарушающие права и свободы граждан (в порядке гл. 16 УПК РФ). Эта процедура также является одной из форм судебного контроля, в рамках которого проверяется законность проведения следственных действий, связанных с вторжением в личную жизнь и ограничением конституционных прав и свобод граждан.

<sup>1</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации – далее УПК РФ / ФЗ № 174 от 18 января 2001 г. // СЗ РФ. 24 декабря 2001 г. № 52 (ч. 1) Ст. 4921.

<sup>2</sup> Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // [constitutiongarant.ru/histori/art1600-1918/31371](http://constitutiongarant.ru/histori/art1600-1918/31371).

<sup>3</sup> Ковтун Н.Н. Оперативный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: реальная гарантия или процессуальная фикция // Уголовное судопроизводство: теория и практика / Под ред. Н.А. Колоколова. М.: Изд. Юрайт, 2011. Серия: Актуальные проблемы теории и практики. С. 610–611.

<sup>4</sup> Колоколов Н.А. Судебные практики станут законом // Уголовное судопроизводство. 2006. № 4. С. 2–11; Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Екатеринбург. 2004. С. 23; Сбоев А.С. Механизмы судебного контроля в досудебном производстве России: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Челябинск. 2004. С. 18.

<sup>5</sup> Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. СПб. 2001. С. 72.

## ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ С РЕАБИЛИТАЦИЕЙ ЛИЦ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

**ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ГРАШИЧЕВА,**  
преподаватель кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассмотрены вопросы становления оснований прекращения уголовного преследования, влекущих за собой реабилитацию лица, а также порядок возмещения вреда в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства.

**Ключевые слова:** Устав уголовного судопроизводства, уголовное преследование, основания оправдательного приговора, оправданный, возмещение вреда.

**Annotation.** Considered issues of grounds for termination of criminal prosecution involving the rehabilitation of persons, as well as the means of redress in accordance with the Statute of criminal procedure.

**Keywords:** Statute of the criminal proceedings, criminal prosecution, acquittal, justified, compensation.

В настоящее время под прекращением уголовного преследования на предварительном расследовании с реабилитацией лиц понимается окончание процессуальной деятельности следователя, дознавателя в отношении конкретного лица путем вынесения постановления о прекращении уголовного преследования с признанием за ним реабилитации и права на возмещение причиненного вреда. Такое окончание производства возможно как на досудебных стадиях, так и на судебных. Кроме того, прекращение уголовного преследования на любых из указанных стадий в связи с отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления, непричастностью подозреваемого, обвиняемого к совершению преступления влечет за собой реабилитацию лица и последующее возмещение вреда. При этом вред, причиненный гражданину в связи с осуществлением незаконного и необоснованного уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда в рамках уголовного судопроизводства (ст. 133 УПК РФ).

Современный порядок прекращения уголовного преследования на предварительном расследовании с реабилитацией лиц значительно отличается от положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС), являющегося, несомненно, основополагающим нормативным документом для последующего развития уголовно-процессуального законодательства.

Анализируя УУС, утвержденный Александром II, известный русский исследователь С.И. Викторский<sup>1</sup> в своих работах рассматривал уголовное преследование, во-первых, как полномочие государства требовать расследования дела судебным порядком и наказания виновного и, во-вторых, как возможность заявления гражданского иска, сводящегося к требованию лиц, потерпевших от преступления, восстановить нарушенное материальное право или вознаградить за него.

Окончание предварительного следствия не предусматривало итогового документа. Обвинительный акт о предании обвиняемого суду выносился прокурором (ст. 481, 519 УУС). Постановлению судебного определения предшествовало заключение прокурора о прекращении судебного преследования. Решение о прекращении уголовного (судебного) преследования было возможно только по судебному определению, согласно которому дальнейшее рассмотрение в судебном порядке не могло иметь места и все принятые против обвиняемого меры подлежали отмене. Прекращение преследования осуществлялось до судебного следствия в распорядительном заседании или в камере предания суду<sup>2</sup>. Судебное преследование в отношении обвиняемого подлежало прекращению по следующим основаниям: 1) за смертью обвиняемого; 2) в связи с истечением сроков давности; 3) в связи с примирением обвиняемого с обиженным в указанных законом случаях; 4) за высочайшим указом или об-



щим милостивым манифестом, дарующим прощение (ст. 16 УУС). По указанным основаниям лицо могло быть освобождено от суда без указания его вины (ст. 772 УУС). Такое решение хотя и основывалось на оценке существа дела, но разрешало вопрос лишь о вероятности вины или невинности обвиняемого. По указанным основаниям возмещение вреда предусматривалось только лицам, потерпевшим от преступления.

Приговор постановлялся в судебном заседании, после рассмотрения дела по существу в целом, отвечал на вопрос о виновности или невинности подсудимого. Оправдательный приговор постановлялся по следующим основаниям: а) когда деяние, в котором обвинялось лицо, признается недоказанным, б) не подлежит вменению по законным причинам, в) не воспрещено законами под страхом наказания (ч. 1 ст. 771 УУС).

Возмещение ущерба осуществлялось только в отношении оправданного. Оправданному подсудимому разрешалось ходатайствовать о возмещении ему вреда и убытков, причиненных в связи с необоснованным привлечением к суду (ст. 780 УУС).

При этом требование о возмещении вреда могло быть предъявлено как частным, так и должностным лицам. По обвинению, предъявленному по заявлению частного лица в совершении преступления, оправданный мог взыскать с него вознаграждение в любом случае, т.е. без каких-либо условий, ограничивающих его право на возмещение вреда. Такое требование могло быть предъявлено оправданным и должностному лицу, возбудившему судебное преследование, если оно действовало недобросовестно, искажая обстоятельства происшествия, собирая ложные показания и склоняя к этому других, а также при наличии иных незаконных или предосудительных действий. Иск о возмещении вреда мог быть также предъявлен и другим должностным лицам, в том числе судебному следователю и прокурору, при условии доказывания оправданным, что эти лица действовали пристрастно, притеснительно, без законного повода и основания либо недобросовестно в целом (ст. 781–783 УУС).

Восстановление чести и прав невинно осужденного допускалось «во всякое время, несмотря ни на протечение давности, ни на смерть осужденного» (ст. 26 УУС). Таким образом, моральный вред не имел, как и в наше время, сроков давности на возмещение этого вида ущерба.

Законодательные нормы Устава послужили своего рода исходным моментом для начала некоторых научных разработок. К примеру, в отдельных работах возмещение ущерба разграничивалось на: 1) возмещение невинно осужденному материального ущерба и 2) восстановление в глазах общества прав и чести осужденного<sup>3</sup>. Дела по такого рода претензиям подлежали разбирательству в порядке гражданского судопроизводства (Устав гражданского судопроизводства ст. 1316–1336).

Анализ УУС позволяет выявить следующие особенности прекращения уголовного преследования с реабилитацией лиц того времени: 1) на предварительном расследовании прекращение уголовного преследования и возмещение ущерба за привлечение к незаконному уголовному преследованию не предусматривалось; 2) вознаграждение за вред и убытки, причиненные необоснованным привлечением подсудимого к суду осуществлялось при вынесении оправдательного приговора<sup>4</sup>; 3) иск по возмещению ущерба предъявлялся в порядке гражданского судопроизводства<sup>5</sup>.

Приведенные положения позволяют сделать вывод о продолжающемся процессе формирования правовой основы институтов прекращения судебного преследования и реабилитации лиц, привлеченных к уголовному преследованию, в правовых нормах Устава 1864 г. При этом реабилитация, с точки зрения терминологии того времени, рассматривалась как вознаграждение за вред и убытки, причиненные лицу необоснованным привлечением к суду. Реализация названных норм осуществлялась на судебных стадиях уголовного судопроизводства при наличии различных оснований, приведенных выше, а также при вынесении отличных друг от друга судебных решений – судебного определения и оправдательного приговора. Таким образом, институты прекращения судебного преследования и реабилитации лиц носили самостоятельный характер и прямой взаимосвязи между ними не прослеживается.

<sup>1</sup> Викторский С.И. Русский уголовный процесс: Учебное пособие. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. С. 232–234.

<sup>2</sup> Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2, 1915. // Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. М.: Городец, 1999. С. 145–146.

<sup>3</sup> Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1905 // Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. Э.Ф. Куцова. М.: Городец, 1999. С. 250–251.

<sup>4</sup> Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий при участии сенаторов А.Ф. Кони, В.К. Случевского, Н.С. Таганцева и др. / Под общ. Ред. М.Н. Гернета. Вып. 5. Ст. ст. 765–999. М., 1916. С. 1283.

<sup>5</sup> Аналогичные законодательные инициативы нашли свое выражение и закрепление в правовых нормах различных европейских государств. Так, государственная обязанность такого вознаграждения была признана законами Швеции (1886 г.), Норвегии (1887 г.), Австрии (1892 г.), Португалии (1895 г.), Франции (1895 г.), Венгрии (1896 г.), Германии (1898 и 1904 гг.), а вне Европы – в Мексике и Бразилии (1890 г.). См.: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1916 // Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. проф. Э.Ф. Куцова. М.: Городец, 1999. С. 255.



УДК 343.13  
ББК 67.311

# СРОКИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 г. И УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА ЖАМКОВА,**

*преподаватель кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук  
E-mail: olga\_zhamkova@mail.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Проведен анализ понятия и порядка исчисления процессуальных сроков по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, на основе которого делается вывод о преемственности основополагающих правил, действовавших в уголовном судопроизводстве России в 1864 г.

**Ключевые слова:** процессуальный срок, Устав уголовного судопроизводства, разумный срок уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальное законодательство.

**Annotation.** Analyzed the concept and calculation of procedural terms by Statute criminal justice 1864 and the Criminal procedure code of the Russian Federation on the basis of which a conclusion is made about the continuity of the fundamental rules applicable in criminal proceedings Russia in 1864.

**Keywords:** procedural deadlines, statutes of criminal proceedings, a reasonable time in criminal proceedings, the criminal procedure law.

Процессуальные сроки являются важной гарантией своевременной реализации участниками процесса своих прав и законных интересов, а также способствуют быстрому, полному и всестороннему исследованию обстоятельств уголовного дела органами предварительного расследования. Именно процессуальные сроки определяют временные границы, в течение которых начинаются и прекращаются уголовно-процессуальные правоотношения, реализуются права и исполняются обязанности участников уголовного судопроизводства. Следует согласиться с тем очевидным фактом, что для успешного выполнения задач уголовного судопроизводства большое значение имеет именно фактор времени. Вместе с тем, следует заметить, что, несмотря на важность такой уголовно-процессуальной категории как «срок», его понятие не сформулировано законодателем ни в уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922 и 1923 гг., ни в УПК РСФСР 1960 г. Нет понятия уголовно-процессуальных сроков и в УПК РФ.

Отмечая сегодня 150-летие Устава уголовного судопроизводства, возникает потребность обра-

титься к тексту данного исторического документа и проанализировать отдельные его положения с позиции сегодняшнего дня. Отметим, что УУС 1864 г., является не только самым первым, но и лучшим Уголовно-процессуальным кодексом, который просуществовал наиболее длительный период времени, по сравнению с иными процессуальными кодексами. Именно поэтому особый интерес представляет для нас сравнение правовой регламентации сроков в Уставе уголовного судопроизводства с УПК РФ.

Анализ содержания УУС позволяет констатировать, что отдельной главы, посвященной срокам и порядку их исчисления, Устав не содержал. Сроки и определенные промежутки времени устанавливались при регламентации совершения конкретных действий и принятии процессуальных решений в различных нормах Устава. Но в целом, все предписания законодателя в вопросе продолжительности производства по уголовному делу были направлены на то, чтобы процесс осуществлялся быстро и рационально.

В этой связи М.В. Духовской писал, что «вопрос об ускорении процесса составляет действительно





предмет особой важности», поскольку медленный суд вынуждает долго томиться под гнетом неопределенности, а всякое замедление в наказании виновных создает опасность для правосудия, а вместе с тем и для общественного порядка<sup>1</sup>.

Так, например, в соответствии со ст. 295 предварительные следствия должны быть производимы со всевозможной скоростью. Производство их не останавливается и в табельные или воскресные дни, если обстоятельства дела того требуют.

Положение, закрепленное в ст. 266 УУС, предписывало судебному следователю принимать необходимые меры по собиранию доказательств **своевременно** и, в особенности, не допускать никакого промедления в обнаружении и сохранении таких следов и признаков преступления, которые могут изгладиться.

В соответствии со ст. 152 УУС на медленность производства у мирового судьи могла быть подана частная жалоба. Данное положение закона, следует расценивать как гарантию быстрого рассмотрения дела у судьи. Аналогичное положение закреплено в тексте УПК РФ. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 6.1. УПК РФ в случае, если после поступления уголовного дела в суд дело длительное время не рассматривается, и судебный процесс затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела.

Для определения срока производства действия, помимо слова «своевременно», в тексте Устава употреблялась категория **«немедленно»**. Так, в соответствии со ст. 328 УУС свидетели («сведущие люди») должны были явиться по требованию следователя на допрос немедленно, при этом время явки свидетеля определялось сообразно с расстоянием и местными средствами сообщения (ст. 381 УУС). Немедленно после явки и «никак не позже суток» должен был состояться и допрос обвиняемого (ст. 398 УУС).

В отдельных случаях использовалась и такая категория как **«безотлагательно»**. Так, в соответствии со ст. 548 УУС «при предварительном рассмотрении дела разрешаются безотлагательно и все возбужденные жалобами или заявлениями сторон вопросы относительно порядка его производства».

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель применял для определения срока или периода времени такие категории, как «безотлагательно», «своевременно» и «немедленно».

Нет сомнений в том, что данные категории носят оценочный и субъективный характер, поскольку каждое должностное лицо может иметь свое представление о продолжительности «своевременности» и «незамедлительности». УПК РФ не содержит подобных категорий, что следует признать правильным. Трудно представить себе правоприменительную практику сегодня, если бы законодатель определил, например, срок предварительного следствия категориями «своевременно».

Удивительными сегодня читаются предписания законодателя совершать отдельные действия в такой момент времени как «день». Так, согласно ст. 363 УУС обыск и выемка производятся днем, но, в случае необходимости, дозволяются и ночью, не иначе, однако, как с объяснением в протоколе причин, побудивших следователя прибегнуть к этой чрезвычайной мере.

В целом это концептуальное правило сохранилось и в УПК РФ. Другое дело, что современный законодатель уточнил данную категорию в тексте закона. Так, согласно ч. 3 ст. 164 УПК РФ производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. А в соответствии с п. 21 ст. 5 УПК РФ ночное время – это промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени.

Анализ содержания норм Устава уголовного судопроизводства позволяет отметить, что в некоторых случаях законодатель использовал такую категорию времени, как «день» не в качестве времени суток, а как количество времени, необходимое для совершения определенных действий. Так, в соответствии со ст. 509 УУС принесший жалобу может просить о выдаче ему копии определения. Просьба эта должна быть удовлетворена в течение трех дней. Однако, порядок исчисления срока законодатель не определял.

Содержит УУС и сроки, исчисляемые часами. Так, в соответствии со ст. 441 УУС свидетели допрашиваются немедленно по явке их. В случае какого-либо препятствия к снятию допроса в течение двенадцати часов после явки, причины сего означаются в протоколе, с которого копия выдается свидетелю по его требованию.

В УУС также используется такая категория времени, как неделя. В соответствии со ст. 517 прокурор обязан дать указанный в законе ход всякому следствию в течение недели от времени его получения. Ст. 440 УУС регламентирует вопросы ответственности свидетеля за неявку на допрос и определяет, что если свидетель представит в двухнедельный срок со дня объявления ему о наложенном взыскании удостоверение, что он явиться не мог, то судебный следователь освобождает его от взыскания. При этом оставалось не ясным, как исчислять срок, установленный в неделях. Отметим, что категория времени «неделя» не используется законодателем в тексте УПК РФ.

Следует отметить, что устав уголовного судопроизводства не содержал конкретных правил исчисления процессуальных сроков. Известный ученый-процессуалист И.Я. Фойницкий отмечал тогда, что в делах уголовных принято гражданское исчисление сроков. Первым днем срока признавался день, следующий за тем, когда состоялось судебное следствие, с которого начинается право жалобы. Течение срока начинается со дня, следующего за днем судеб-

ного действия, конечный момент – последний день срока.

В статье 866 УУС указывалось, что «началом срока считается день, следующий за объявлением приговора. Если последний день срока приходится в день непроступивший, то окончанием срока считается первый следующий за тем проступивший день. Прошло уже 150 лет, но и сегодня законодатель использует тот же порядок и правила. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 128 УПК РФ срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток. Если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день, за исключением случаев исчисления сроков при задержании, содержании под стражей, домашнем аресте и нахождении в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Таким образом, в Уставе 1864 г. сроки для ответствующих органов и должностных лиц устанавливались с помощью таких понятий, как «своевременно», «немедленно», «безотлагательно». Устав не регламентировал вопросы продления сроков, а любое промедление в реализации установленного срока требовало указания определенных причин и влекло за собой наказание.

При установлении сроков для сторон предусматривался определенный период времени, пропуск которого по уважительной причине влек за собой его восстановление. Следует отметить, что сроков предварительного расследования, рассмотрения дел в судебных установлениях не предусматривалось; исключением из этого правила можно назвать только установление рассмотрения дела у мирового судьи в одно заседание (ст. 116 УУС).

За 150 лет, которые прошли с момента подписания Российским императором Александром II Устава уголовного судопроизводства уголовно-процессуальная наука находилась постоянно в состоя-

нии развития и совершенствования. Подверглись существенным изменениям многие уголовно-процессуальные институты, в том числе и институт процессуальных сроков. УПК РФ содержит отдельную главу, посвященную срокам и порядку их исчисления (гл. 17 УПК), определены категории времени, устанавливающие продолжительность и промежутки времени, в течение которых совершаются уголовно-процессуальные действия (часы, сутки, месяцы), перечислены основания и порядок продления, восстановления пропущенного срока (ст. 128–130 УПК РФ). Таким образом, институт процессуальных сроков претерпел определенные изменения по сравнению с правовой регламентацией, закрепленной в УУС. Вместе с тем, очевидна преемственность основополагающих правил, действующих в уголовном судопроизводстве России в 1864 г. Отдельные положения, о которых уже упоминалось в статье, относительно регламентации сроков в уголовном процессе, практически дословно содержат текст УУС. Следует согласиться с мнением о том, что советские и российский уголовно-процессуальные кодексы построены по единой идее, основу которой заложил Устав уголовного судопроизводства<sup>2</sup>.

В УПК РФ эта идея отражена в одном из основополагающих принципов уголовного судопроизводства – **разумного срока уголовного судопроизводства**. Статья 6.1. УПК РФ предписывает, что уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные УПК РФ. При этом продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены УПК РФ, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок.

<sup>1</sup> Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М. 1905. С. 165.

<sup>2</sup> Хатмуллин К.Ю. Сроки по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 656.



УДК 343  
ББК 67.311

## ИНСТИТУТ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

**ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ САВЕЛЬЕВ,**

*преподаватель кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

**ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ХЛЕБНИЦЫНА,**

*курсант факультета подготовки следователей  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Проводится сравнительно-правовое исследование института мер пресечения по Уставу уголовного судопроизводства Российской Империи и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Прослеживается изменение мер пресечения за прошедшие 150 лет.

**Ключевые слова:** Устав уголовного судопроизводства, Уголовно-процессуальный кодекс, меры пресечения, залог, арест, подписка.

**Annotation.** Conducted comparative legal study research institute preventive measures under the Charter of criminal proceedings of the Russian Empire and Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Is regarded as changed preventive measures in the past 150 years.

**Keywords:** Charter of criminal proceedings, Code of Criminal Procedure, preventive measure, pledge, arrest, subscription.

Важнейшим направлением деятельности государства по разрешению социальных конфликтов, возникающих в результате преступлений, является уголовное преследование виновных в их совершении. Эффективное его осуществление, далеко не в последнюю очередь, зависит от наличия в распоряжении органов предварительного расследования мер пресечения.

Институт мер пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве имеет давнюю историю, и в своем развитии прошел несколько этапов.

Первый этап связан с утверждением 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС). Вплоть до 1917 г. уголовный процесс осуществлялся в соответствии с ним. К следующему этапу следует отнести события, происходившие после Октябрьской революции 1917 г. С этого периода началась история Советского государства и, соответственно, уголовного процесса, который изменился коренным образом. Был принят УПК РСФСР 1922 г. Третий этап – с 1923 по 1960 гг., начался с введения нового УПК РСФСР от 15 февраля 1923 г. Данный Кодекс, помимо внесения изменений в перечень мер пресечения, закрепил новый порядок их избрания.

Следующий период с 1960 по 2002 г. обособился в связи с принятием в 1960 г. УПК РСФСР, действовавшего до 1 июля 2002 г. В соответствии с ним были изменены субъекты применения мер пресечения, расширены основания их применения. Стала приниматься во внимание и учитываться тяжесть предъявленного обвинения, а также личность подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. С введением в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в 2002 г. начался пятый этап развития института мер пресечения.

На наш взгляд, особый интерес представляет проведение сравнительного анализа нормативно-правового регулирования мер пресечения, содержащихся в Уставе 1864 г. и в действующем УПК РФ. Это позволит сделать выводы об изменениях, произошедших за 150 лет.

Статья 416 УУС 1864 г. закрепляла следующие виды мер пресечения: 1) отобрание вида на жительство или обязанность обвиняемых подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) отдача под особый надзор полиции; 3) отдача на поруки;

4) взятие залога; 5) домашний арест и 6) взятие под стражу. Они предусматривались в целях воспрепятствования обвиняемому уклониться от следствия. В ныне действующем УПК РФ меры пресечения выполняют, в основном, ту же задачу. Закреплены они в ст. 98 данного нормативно-правового акта. Для удобства сравнения приведем их перечень: 1) подписка о невыезде; 2) личное поручительство; 3) наблюдение командования воинской части; 4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; 5) залог; 6) домашний арест; 7) заключение под стражу.

Необходимо отметить, что гл. 6 УУС, посвященная мерам пресечения и именуемая: «О пресечении обвиняемому способов уклониться от следствия», начиналась со ст. 415, которая гласила: «Состоящие под следствием не должны отлучаться без разрешения следователя из того города или участка, где производится следствие». Исходя из содержания УУС, данное требование распространялось на любое лицо, которое состояло под следствием, более того, в ст. 429 отдельно отмечалось, что в случае отдачи лица на поруки или оставление его под залог на свободе не освобождает данное лицо от обязанностей, накладываемых ст. 415.

К каждому обвиняемому по Уставу уголовного судопроизводства должна была быть избрана мера пресечения, но только одна. В 1894 г. некоторые положения УУС были пересмотрены. Занимавшаяся этим комиссия пришла к выводу, что в отдельных случаях возможно обойтись без меры пресечения. По УПК РФ к подозреваемому или обвиняемому может быть избрана одна из мер пресечения, причем только в том случае, когда есть предусмотренные законом основания (ст. 97 УПК РФ).

1. Суть ограничения, содержащегося в первой из названных мер пресечения по УУС, заключалась в том, что обвиняемый не должен был покидать место, где велось следствие, и у него могла быть получена подписка о явке к следователю или в суд. Данное положение ограничивало свободу личности, так как у обвиняемого отбирали паспорт, приобщая его к делу, и выдавали взамен реверс, по которому нельзя было устроиться на работу и найти жилье<sup>1</sup>. Данной мере пресечения в некоторой степени соответствует действующая подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ), согласно которой лицо дает письменное обязательство не покидать место жительства без разрешения и в назначенный срок являться по вызовам. Думается, что подобный способ обеспечения меры пресечения был действенным, так как лицо, по сути, лишалось возможности передвижений за пределами конкретного населенного пункта и, тем более, лишалось возможности покинуть страну.

2. Отдача под особый надзор полиции Уставом четко не регламентировалась. Данную меру понимали и применяли по-разному. В основном, речь шла об обязанности обвиняемого встать на учет в

полиции, периодически отмечаться там же, ночевать, передвигаться в сопровождении полицейского<sup>2</sup>. Аналога данной мере в действующем УПК РФ не предусмотрено. Данную меру пресечения можно сравнить с действующим надзором за лицами, которым судом назначено наказание в виде лишения свободы условно или лицами, имеющими непогашенную судимость, но это не относится к нормам уголовно-процессуального права.

3. Третья мера пресечения – отдача на поруки – осуществлялась в соответствии со ст. 417 УУС. Данная мера применялась в отношении обвиняемых в преступлениях или проступках, подвергающихся заключению в тюрьму или крепость, не сопряженных с лишением прав и преимуществ. Ее сущность заключалась в том, что всякое состоятельное лицо, общество или управление могло взять обвиняемого на поруки с принятием на себя денежной ответственности в случае уклонения его от следствия. Если обвиняемый скрывался от следствия и суда, из суммы поручителя удерживалась сумма в вознаграждение потерпевшему (аналог современного гражданского иска), а оставшаяся сумма обращалась на устройство мест заключения. В настоящее время однородная мера пресечения носит название личного поручительства. Сущность осталась той же, но есть и особенность – требуется согласие лица, в отношении которого будет применено личное поручительство. Так же в УПК РФ закреплено денежное взыскание, которое может быть наложено на поручителя в случае невыполнения им своих обязательств (ч. 4 ст. 108 УПК РФ), однако в УПК РФ предусматривается, что эта сумма взыскивается в доход государства и не может превышать десяти тысяч рублей.

4. Взятие залога – четвертая мера пресечения по УУС. Она применялась к лицам, обвиняемым в совершении преступлений или проступков, подвергающимся заключению в тюрьму или крепость, соединенному с лишением некоторых особых прав и преимуществ. В качестве залогодателя выступали как сам обвиняемый, так и любое другое лицо. Залог мог быть в денежном эквиваленте или являться движимым имуществом. В случае невыполнения обвиняемым обязательств, так же как и при поручительстве, часть суммы залога передавалась потерпевшему в качестве вознаграждения (напомним, что, по сути, происходило возмещение гражданского иска), оставшаяся – обращалась на устройство мест заключения.

Судебный следователь при определении суммы залога или поручительства учитывал строгость наказания, угрожающего обвиняемому, материальное состояние поручителя или залогодателя. При этом сумма поручительства или залога не могла быть меньше «количества, вознаграждения, отыскиваемого потерпевшим от преступления» (ст. 425 УУС). До представления поручительства или залога обвиняемый должен был находиться под домашним арестом или подвергнут заключению под стражу.





Сейчас залог (ст. 106 УПК РФ) в качестве меры пресечения может быть избран только по решению суда. Его вид и размер определяются исходя из характера совершенного преступления, личности подозреваемого или обвиняемого, имущественного положения залогодателя. В законе указана минимальная сумма залога для отдельных категорий преступлений. В случае нарушения обязательств, сумма залога по решению суда обращается в доход государства.

5. Существо домашнего ареста по УУС заключалось в том, что обвиняемый должен был находиться в месте своего проживания, о чем отбиралась подписка; к нему приставлялась стража для воспрепятствования побега и предупреждения каких-либо связей с другими лицами. Данная мера применялась очень редко, как правило, в отношении больных или лиц, имеющих общественное положение.

В соответствии с УПК РФ домашний арест (ст. 107 УПК РФ) избирается по решению суда при невозможности избрания более мягкой меры пресечения. В УПК РФ закреплены возможные ограничения и запреты (ч. 7 указанной статьи), суть которых немногим отличается от запретов по УУС. Контроль за соблюдением подозреваемым наложенных на него запретов возлагается на правоприменительные органы, а также органы, осуществляющие контроль и надзор в сфере исполнения уголовных наказаний.

6. Самой строгой мерой пресечения в УУС было взятие обвиняемого под стражу. Она применялась к лицам, обвиняемым в совершении преступлений или проступков, подвергающимся содержанию в тюрьме с лишением всех особенных прав и преимуществ (ст. 419 УУС)<sup>3</sup>. Данная мера также применялась к лицам, совершившим менее тяжкие преступления, но не имеющим постоянного места жительства или занятия, а также к лицам, чья личность не могла быть установлена. Избиралась данная мера пресечения на основании постановления, которое должно было быть предъявлено обвиняемому в течение 24 часов; при этом не предусматривался предельный срок содержания обвиняемого под стражей. Заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения и по действующему УПК РФ (ст. 108). Она избирается по решению суда при наличии предусмотренных в УПК РФ обстоятельств. Решение суда может быть обжаловано. Кроме того, в ст. 109 УПК РФ четко закреплены сроки содержания под стражей.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве, действовавшем с 1864 по 1917 г., была закреплена строгая система мер пресечения. Данная система обладала своими положительными и отрицательными чертами. Однако, государство и общество не стоят на месте, они развиваются. Изменились политические, экономические и социальные условия. Данные обстоятельства оказали влияние и на систему

мер пресечения: некоторые нормы были упразднены, другие получили дальнейшее развитие в отечественном законодательстве, в том числе и в современном УПК РФ.

Достаточно интересными и в наше время являются нормы УУС о том, что в качестве обеспечительной меры при избрании меры пресечения в виде отобрания вида на жительство или обязанности их подпиской о явке к следователю и неотлучке с места жительства происходило изъятие вида на жительство или паспорта, с выдачей временного документа. Современному законодателю имеет смысл обратить внимание на подобное предложение, так как в настоящее время в нашей стране приобретение билетов на многие виды транспорта возможно только при предоставлении паспорта. В случае замены паспорта на документ установленного образца, лицо, в отношении которого избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, будет лишено возможности беспрепятственно покинуть место жительства, при этом, при наличии разрешения следователя или суда, оно сможет свободно перемещаться.

В тоже время, необходимо отметить, что УПК РФ существенно развил применение такой меры пресечения, как домашний арест; если УУС предусматривал ее скорее как исключительную, так как данная мера пресечения применялась в отношении больных, немощных или лиц имеющих общественное положение, то по УПК РФ эта мера применяется широко, в первую очередь, исходя из оценки опасности для общества личности обвиняемого и тяжести совершенного им преступления. Не в последнюю очередь на это повлияло и развитие технических средств, которые позволяют отслеживать исполнение обвиняемым ограничений, наложенных на него судом.

Таким образом, за прошедшие 150 лет с момента появления УУС меры пресечения по своей сути остались те же, однако за этот период они претерпели существенные изменения. Изменились как требования, предъявляемые к обвиняемым, так и порядок их применения и обеспечения; меры пресечения, ранее применявшиеся крайне редко, в настоящее время стали применяться чаще. Это свидетельствует о том, что институт мер пресечения развивается вместе с обществом и трансформируется с учетом сегодняшних реалий.

<sup>1</sup> См.: Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. СПб., 1894. С. 403.

<sup>2</sup> См.: Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 260–261.

<sup>3</sup> Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/57791498/> (дата обращения 15 ноября 2014 г.).

## РЕАБИЛИТАЦИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ГДЕ СПРАВЕДЛИВЕЕ?

**ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ПАРФЕНОВ,**

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук  
E-mail: parfyonovvladimir@gmail.com*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Анализируются особенности реабилитации по уголовным делам частного обвинения в свете изменений законодательства, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Производится сопоставление норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с соответствующими положениями Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

**Ключевые слова:** реабилитация, уголовное преследование в частном порядке, частный обвинитель, оправданный, реабилитирующее основание прекращения уголовного дела.

**Annotation.** Analyzed the features of the rehabilitation on criminal private prosecution in the context of changes in the law, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. A comparison of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the corresponding provisions of the Charter of criminal proceedings in 1864 is done.

**Keywords:** rehabilitation, criminal prosecution in private, private prosecutor, justified, rehabilitative ground for termination of the criminal case.

Институт частного обвинения известен уголовному процессу России именно благодаря Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС). Так, статья вторая УУС закрепляла возможность возбуждения судебного преследования как должностными, так и *частными лицами*. «По уголовным делам, подведомственным мировым судебным установлениям, обличение обвиняемых пред судом предоставляется *потерпевшим от преступных действий частным лицам* (выделено автором – В.П.)...» (ст. 3 УУС). В целом же, регулированию производства по уголовным делам частного обвинения, помимо общих положений УУС (ст. 1–32), была посвящена «Книга первая. Порядок производства в мировых судебных установлениях».

С революционностью данного нововведения в те времена могла конкурировать только неподготовленность общества к его реализации. Этого нельзя сказать о действующем ныне производстве у мирового судьи по уголовным делам частного обвинения. О востребованности этих норм свидетельствуют следующие цифры. Всего за 2013 г. было рассмотрено 83,0 тыс. дел

частного обвинения, что составляет 19,3% от всех дел, рассмотренных мировыми судьями, и 8,7% от всех уголовных дел, поступивших в суды первой инстанции (в 2012 г. – 84,7 тыс. дел или, соответственно, 19,8% и 8,9%). Учитывая, что под такое производство подпадают всего три статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (в 2012–2013 – четыре), приведенные количественные показатели можно охарактеризовать как значительные.

Однако, можно ли сказать о том, что в нормативной регламентации производства по уголовным делам частного обвинения устранены все существенные изъяны, а государство в достаточной степени гарантировало права и законные интересы участников соответствующих уголовно-процессуальных отношений? В дальнейшем рассмотрим проблему, которая не позволяет автору утвердительно ответить на выше обозначенный вопрос.

Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 54-ФЗ ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) была дополнена ч. 2.1. Данная норма четко установила категории



участников уголовного судопроизводства, имеющих право на реабилитацию по уголовным делам частного обвинения. В качестве таковых обозначены лишь те лица, уголовное преследование которых осуществляли государственные органы и должностные лица со стороны обвинения, и те осужденные, в отношении которых будет установлена незаконность обвинительного приговора суда первой или апелляционной инстанции, а также, если судом апелляционной, кассационной и надзорной инстанций их уголовное дело будет прекращено по реабилитирующим основаниям.

Таким образом, государство *отказало в праве на реабилитацию* в уголовно-процессуальном порядке лицам, привлекавшимся к уголовной ответственности частным обвинителем, в случае постановления оправдательного приговора либо прекращения дела по реабилитирующему основанию.

Предполагается, что в указанных случаях мировой судья установил необоснованность выдвинутого обвинения и принял справедливое решение, реализовав, тем самым, назначение уголовного судопроизводства, а значит, сняв с государства обязанность реабилитировать беспочвенно обвиненное лицо. Однако, чем это оборачивается для данного человека? В ответ на этот вопрос представляется необходимым изложить ряд суждений.

1. При прекращении уголовного дела частного обвинения мировым судьей, речь, как правило, заходит об основании такого решения, предусмотренном п. 2 ч. 1 ст. УПК РФ: «в связи с отсутствием в деянии состава преступления». Оно в подавляющем числе случаев имеет место при неявке частного обвинителя на судебное заседание.

Строго говоря, названное реабилитирующее при производстве по делам частно-публичного и публичного обвинения основание перестает таковым быть при уголовном преследовании в частном порядке. Причем такая метаморфоза происходит, исходя не из его сущности, а вследствие особенностей дифференцируемой процессуальной формы разбирательства уголовного дела, что едва ли допустимо.

Буквальное его толкование позволяет сделать вывод о том, что некое деяние имело место, но в нем не содержится одного или нескольких обязательных признаков состава преступления. Вследствие такого понимания, к примеру, лицо могут уволить с работы в связи с «совершением проступка, порочащего честь...». Ведь «проступок» – необязательно преступление. Причем не принимается во внимание то, что при прекращении мировым судьей уголовного дела по обсуждаемому основанию наличие самого деяния доказательно не устанавливается. Не происходит этого и на уровне процессуального решения.

Мы приходим к вопросу о том, насколько вообще обосновано правило ч. 3 ст. 249 УПК РФ, позволяющее, как мы выяснили, фактически «оставить человека в подозрении»? Сходное предписание, со-

держась в ч. 7 ст. 246 УПК РФ, действующее применительно к государственному обвинителю, позволяет прекратить уголовное дело в связи с отказом от обвинения по п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие события преступления). Это основание более приемлемо для лица с точки зрения перспективы последующих трудовых и прочих гражданских разбирательств. Поэтому не представляется возможным обнаружить обоснованные контраргументы против распространения названного основания на прекращение уголовного дела частного обвинения при неявке частного обвинителя в судебное заседание. Повторимся, что при таких условиях нельзя считать доказанным само событие преступления.

2. Было бы уместным порассуждать о справедливости самого прекращения уголовного дела ввиду неявки частного обвинителя в судебное заседание. Однако, учитывая контекст исследуемой проблемы, в этом мог быть смысл, если бы другое итоговое решение – оправдательный приговор мирового судьи – существенно меняло ситуацию с обеспечением прав и законных интересов оправданных по уголовным делам частного обвинения лиц. В действительности же и оно не порождает права на реабилитацию.

Конституционный Суд РФ, в целом, поддерживая такую позицию, в ряде своих решений *не говорит о полном отказе* в защите прав и законных интересов таких лиц. Указывается, что «такая защита может быть осуществлена путем принятия судом по заявлению этого лица решения о возмещении ему вреда в ином процессуальном порядке на основе норм гражданского права»<sup>1</sup>. Однако, как неоднократно отмечалось в научной литературе, в этом случае человек должен участвовать еще в одном, а то и более, чем в одном процессе (например, гражданский иск о возмещении вреда и трудовой спор)<sup>2</sup>. Это, в свою очередь, связано с новыми затратами. Кроме того, именно на нем будет лежать бремя доказывания. Припоминаем, что речь идет о лице, которое к уголовной ответственности привлекалось незаконно. Следует также обратить внимание, что такая форма защиты своих прав размывает уголовно-процессуальную природу института реабилитации.

Поэтому, по нашему мнению, вопрос о реабилитации лица по уголовным делам частного обвинения должен решаться в рамках уголовного судопроизводства независимо от субъекта привлечения к уголовной ответственности и (или) судебной инстанции, оправдавшей подсудимого<sup>3</sup>. В этом случае можно будет говорить о соблюдении *принципа равенства* (ст. 19 Конституции РФ) и *запрета различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях*, на которые ссылается в своих решениях сам Конституционный Суд РФ<sup>4</sup>.

Именно так, т.е. безотносительно процессуальной формы разбирательства по делу, действовал институт реабилитации по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 32 УУС).

3. Лицо, подавшее в отношении другого лица заявление о привлечении его к уголовной ответственности, в случае признания судом подсудимого невиновным, не несет в рамках уголовного судопроизводства ответственности перед оправданным. В соответствии с ч. 9 ст. 132 УПК РФ, при оправдании подсудимого по уголовному делу частного обвинения, предполагается *лишь* взыскание процессуальных издержек полностью или частично с лица, по жалобе которого начато производство по данному уголовному делу. Хотя такая возможность, по мнению Конституционного Суда РФ, является неблагоприятным результатом деятельности стороны обвинения<sup>5</sup>, все же не обеспечивает оправданному полному возмещению вреда, причиненного незаконным, необоснованным уголовным преследованием, восстановления иных его прав. Да и, к примеру, при прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям на судье даже не лежит законодательная обязанность решить вопрос об издержках. Поэтому можно говорить даже о существовании легального механизма «сведения счетов», действующего по схеме: «подал заявление мировому судье → не пришел на судебное заседание».

Решение обсуждаемой проблемы видится в установлении в гл. 18 УПК РФ (реабилитация) обязанности возмещения вреда, причиненного гражданину в результате уголовного преследования в частном порядке, частным обвинителем. В рамках этой же процедуры судье необходимо будет предпринимать действия по восстановлению иных прав оправданного лица, в отношении которого прекращено дело.

Очевидно, что такое предложение диссонирует с позицией Конституционного Суда РФ<sup>6</sup>, но разве можно его назвать уязвимым с точки зрения справедливости? Ведь сам указанный суд воспринимает случаи оправдания подсудимых, привлекавшихся к уголовной ответственности в частном порядке как следствие установленных судом *«злоупотреблений своим правом со стороны частного обвинителя, когда его обращение в суд с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица не имеет под собой никаких оснований и продиктовано не потребностью защитить свои права и охраняемые законом интересы, а лишь намерением причинить вред другому лицу»* (выделено автором – В.П.)<sup>7</sup>.

Здесь также будет уместным припомнить (и перенять) опыт нормативного регулирования, осуществлявшегося Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Так, в соответствии со ст. 121 УУС «Если

обвинение было недобросовестное, то судья *приговаривает обвинителя* к уплате судебных издержек, а в случае просьбы обвиняемого – и *к вознаграждению* (выделено автором – В.П.) его за понесенные убытки». Согласно ст. 780–781 УУС «оправданному подсудимому дозволяется просить вознаграждения за вред и убытки, причиненные ему *неосновательным привлечением его к суду. Взыскание сего вознаграждения с частного лица, не потерпевшего от того преступления или проступка, в котором оно обвиняло подсудимого, может быть требуемо* оправданным подсудимым *во всяком случае* (выделено автором – В.П.)».

<sup>1</sup> См., напр. Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 643-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Васева Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 10 ноября 2014 г.).

<sup>2</sup> См., например: *Безлепкин Б.Т.* Настольная книга судьи по уголовному процессу. М.: Проспект, 2007. С. 170; *Иванов В.В.* Реабилитация по делам частного обвинения (в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011) // Мировой судья. 2012. № 4. С. 26–27.

<sup>3</sup> См. также: *Иванов В.В.* Там же.

<sup>4</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П по делу о проверке конституционности частей первой и второй ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 10 ноября 2014), а также Постановления от 3 ноября 1998 г. № 25-П, от 24 мая 2001 г. № 8-П, от 3 июня 2004 г. № 11-П, от 15 июня 2006 г. № 6-П, от 16 июня 2006 г. № 7-П, от 26 февраля 2010 г. № 4-П и др.

<sup>5</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2004 г. № 106-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Забродиной Раисы Борисовны на нарушение ее конституционных прав ч. 9 ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» URL <http://base.garant.ru/1353535/#ixzz3LoCKra27> (дата обращения 10 ноября 2014 г.).

<sup>6</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 643-О-О, Постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П.

<sup>7</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № 22-П.





УДК 343  
ББК 67.311

## ИНСТИТУТ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

**АНДРЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ШИШКОВ,**

*профессор кафедры уголовного процесса*

*Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

*кандидат юридических наук, доцент*

*E-mail: aashishkov@yandex.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Представлены цели доказывания при производстве по уголовному делу. Анализируется отечественное процессуальное законодательство с точки зрения гарантий вынесения законных, обоснованных и справедливых приговоров и иных процессуальных решений. Высказывается мнение, что действующий УПК уже содержит достаточно норм, обязывающих суд и других властных участников уголовного процесса устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию всесторонне, полно и объективно. Критически оценивается законопроект о внесении изменений и дополнений в УПК в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу.

**Ключевые слова:** объективная истина в уголовном процессе, доказывание, судебное разбирательство, Устав уголовного судопроизводства, суд, приговор.

**Annotation.** Considered the purpose of proof in the criminal proceedings. Analyzed domestic procedural law from the point of view of safeguards rendering legal, reasonable and fair judgments and other procedural decisions. It has been suggested that the current Criminal Procedure Code already contains enough provisions obliging the court and other authorities involved in criminal proceedings to establish the circumstances to be proven comprehensively, fully and objectively. Critically evaluate the bill on amendments and additions to the Criminal Procedure Code in connection with the introduction of the establishment of objective truth in the criminal case.

**Keywords:** objective truth in criminal proceeding, proof, judicial proceeding, Charter of criminal proceedings, the court verdict.

Под истиной в уголовно-процессуальной науке принято понимать соответствие выводов, изложенных в процессуальном решении (приговоре, постановлении), фактическим обстоятельствам исследуемого события. При этом единого мнения о понятии истины в уголовном судопроизводстве за весь период кодификации уголовно-процессуального законодательства по-прежнему не сложилось. Нет и единства взглядов на виды истины и ее содержание.

Первые упоминания в уголовно-процессуальном законодательстве термина «истина» можно встретить в Уставе уголовного судопроизводства, юбилей которого Россия отмечает в текущем году.

150 лет назад в 1864 г. император Александр II подписал известный многим Указ о введении Судебных уставов, которые были призваны «водворить суд скорый, правый, милостивый и равный, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить то уважение к закону,

без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого, от высшего до низшего»<sup>1</sup>.

Положения Устава уголовного судопроизводства послужили началом формирования правового института истины, целью которого – всестороннее и объективное исследование всех обстоятельств дела, имеющих значение для правильного его разрешения.

В целом ряде статей Устава говорилось об обязанности судебного следователя и суда (судьи) «открывать» или «раскрывать» истину. Например, ст. 294 Устава разрешала судебному следователю при исследовании преступления или проступка производить следственные действия в другом участке того же уезда или в другом уезде, если это необходимо для открытия истины. Статья 406 Устава устанавливала, что если обвиняемый откажется отвечать на данные ему вопросы, то следователь, отметив о том

в протоколе, изыскивает другие законные средства к открытию истины. А ст. 613 Устава предписывала председательствующему судье направлять ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины. Были и другие статьи, где также говорилось о необходимости устанавливать истину при производстве по уголовному делу.

По УПК 1922 и 1923 гг. в ходе досудебного и судебного производства также необходимо было решать задачу раскрытия истины (например, ст. 117, 261 УПК 1922 г. и ст. 147, 257 УПК 1923 г.).

Преимственность цели доказывания – установления истины при производстве по уголовному делу – не была нарушена и в последнем советском кодифицированном акте – УПК 1960 г. (см., например, ст. 89, 243, 246 и др.). Таким образом, в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве сложилась традиция формулирования цели доказывания при производстве по уголовному делу.

При подготовке первого российского уголовно-процессуального кодекса его разработчики пересмотрели положения о доказывании обстоятельств преступления и, в частности, вообще отказались от употребления понятия истины, вызвав, тем самым, волну критики среди научной общественности и практических работников.

Новый всплеск дискуссии о целях доказывания в уголовном судопроизводстве возник после внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутатом-единороссом Александром Ремезковым законопроекта (№ 440058-6) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», в разработке которого Следственный комитет Российской Федерации принимал самое активное участие. Именно поэтому законопроект и получил название «проект Следственного комитета Российской Федерации».

Основная идея авторов законопроекта – возвращение к традиционным представлениям о целях доказывания в уголовном судопроизводстве, возвращение к институту объективной истины.

Обосновывая необходимость изменений и дополнений УПК, авторы утверждают, что действующее законодательство: а) не содержит требования о принятии всех возможных мер, направленных на отыскание истины; б) препятствует установлению истины реализованная в УПК модель состязательности, которая, по их мнению, тяготеет к чуждой традиционному российскому уголовному процессу англо-американской доктрине – так называемой чистой состязательности; в) не обязывает судью принимать меры к выяснению действительных обстоятельств уголовного дела, а поэтому приоритетной является не объективная, а формально-юридическая истина, определяемая позицией стороны, победившей в споре, даже если она не соответствует действитель-

ности; г) ставит в заведомо не равное положение стороны в части собирания доказательств, а потому сторона обвинения представляет суду больше доказательств, чем сторона защиты, у которой возможность «искать» оправдательные доказательства появляется только в судебных стадиях. Имеется и другие аргументы.

Попытаемся проанализировать положения законопроекта и ответить на вопрос: действительно ли правовой институт объективной истины ликвидирован в действующем уголовно-процессуальном законе и без внесения изменений и дополнений в УПК уже невозможно или затруднительно выносить законные, обоснованные и справедливые судебные решения.

Под объективной истиной авторы проекта предлагают понимать соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения (ст. 1 проекта). В этом смысле сложившееся в теории уголовного процесса представление об истине как выводе, соответствующем действительности, правильно отражающем реальные, фактические обстоятельства дела, с указанным определением в целом совпадает.

Устанавливать объективную истину проект обязывает властных участников уголовного процесса (суд, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, орган дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя), которые для достижения этой цели принимают все предусмотренные УПК меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию (п. 3 ст. 1 Проекта).

Сами по себе эти изменения и дополнения не вызывают принципиального возражения, однако, если их рассматривать в контексте уже существующих норм, возлагающих на властных участников обязанность устанавливать все обстоятельства, подлежащие доказыванию, то в этом случае в целесообразности этих новелл можно усомниться.

Здесь уместно вспомнить положения прежних кодифицированных актов, где принцип всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств всегда соотносился с необходимостью устанавливать как изобличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его вину обстоятельства. В действующем кодексе эти положения сохранились в полной мере. Более того, можно с уверенностью сказать, что в ст. 73 УПК они изложены более обстоятельно чем, например, в Уставе или УПК 1960 г. В частности, УПК РФ требует установления обстоятельств, исключających преступность и наказуемость деяния (п. 5 ст. 73); обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание (п. 6); обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7); обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации получено



в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, экстремисткой деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) (п 8). Все эти положения с учетом иных требований УПК (например, ст. 21) можно при желании интерпретировать как требование всестороннего и полного исследования обстоятельств преступления, т.е. необходимости устанавливать истину по делу.

Далее в проекте предлагается усилить гарантии вынесения судом обоснованных и справедливых решений, основанных на фактических обстоятельствах дела, а не на мнении сторон. Например, предлагается дополнить УПК ст. 16.1, где во второй части указать, что «суд не связан мнением сторон. При наличии сомнений в истинности мнения сторон суд принимает все необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела в целях обеспечения отправления справедливого правосудия». Часть первую ст. 243 также предлагается изложить в новой редакции «Председательствующий руководит судебным заседанием, принимая необходимые меры к всестороннему, полному и объективному выяснению всех обстоятельств уголовного дела, а также обеспечивая состязательность и равноправие сторон». Также предложено расширить перечень оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке, включив в ст. 389.15 УПК «односторонность или неполноту судебного следствия». А ниже дополнить еще одной новой статьей, объясняющей это новое основание. Так, в соответствии с проектом односторонним или неполным признается судебное следствие, в ходе которого остались невыясненными обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда и установление объективной истины по уголовному делу.

Напомним, что в перечне оснований, изложенных в ст. 389.15 УПК на первой месте стоит «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции». Иными словами, суд не установил истину, не смог обосновать свои выводы достоверными доказательствами. Рассуждая от обратного, обоснованным, т.е. истинным, следует считать приговор суда, содержащий выводы, соответствующие фактическим обстоятельствам дела.

Кроме того, напомним, что УПК предъявляет ряд требований к приговору. В частности, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверж-

дена совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 302 УПК). Здесь уместно сказать о том, что сами доказательства, положенные в основу приговора, должны быть достоверными, т.е. истинными, а их исследование - всесторонним и полным. В этом смысле, на наш взгляд, закон уже содержит достаточные гарантии для законного, обоснованного и справедливого приговора.

Кстати, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, еще задолго до появления анализируемого проекта, в своих решениях указывал, что «обвинительный приговор постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана... обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены»<sup>2</sup>.

И последнее. В проекте содержится ряд положений, расширяющих основания для возвращения судом уголовного дела прокурору как на стадии назначения судебного заседания, так и ходе судебного разбирательства. В частности, предлагается дополнить ст. 237 УПК новой ч. 1.1 в соответствии с которой уголовное дело возвращается прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом в случаях: а) неполноты предварительного следствия или дознания, которая не может быть восполнена в судебном заседании, в том числе, если такая неполнота возникла в результате признания доказательства недопустимым и исключения его из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве; б) наличия оснований для предъявления обвиняемому нового обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении или обвинительном акте. При этом важно отметить, что возвратить дело прокурору по этим основаниям суд может только по ходатайству стороны.

Полагаем, что целесообразность данных новелл также сомнительна. Во-первых, в них уже содержатся противоречия. В частности, в вышеизложенном случае возвратить дело прокурору суд может исключительно по ходатайству стороны, а в соответствии с предложенной новой ч. 3 ст. 252 УПК это же решение суд может принять и по собственной инициативе. Во-вторых, данные новеллы, как представляется, утратили актуальность после внесения изменений и дополнений в ст. 237 УПК Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ. Теперь суд по собственной инициативе или по ходатайству сторон может возвращать уголовное дело прокурору в случаях, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении или постановлении о направлении уголовного дела в суд для примене-

ния принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкое преступления, общественно опасного деяния либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния. Иными словами, если суд пришел к выводу, что не установлена объективная истина, он по собственной инициативе или по ходатайству стороны возвращает дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения.

Таким образом, суждение о том, что в действующем УПК была реализована англо-американская модель чистой состязательности, в соответствии с которой судья не должен проявлять активность в сборе доказательств, а стоит как бы над сторонами, наблюдая за их процессуальным спором, после чего выносит решение на основании позиции той стороны, чьи аргументы были сильнее и таким образом,

априори истина его не интересует, на наш взгляд, является ошибочной. В этом смысле традиции отечественного процессуального законодательства, заложенные Уставом уголовного судопроизводства, по-прежнему находят свое отражение в действующем законодательстве.

Между тем, необходимо заметить, что статья не претендует на всестороннее исследование все аспектов установления объективной истины, поскольку данный институт сложный и многогранный. Автор лишь предпринял попытку проанализировать некоторые положения законопроекта о внесении изменений и дополнений в УПК в связи с введением института установления объективной истины.

<sup>1</sup> Указ императора Александра II Правительствующему Сенату об обнаружении Учреждения судебных установлений, Устава уголовного судопроизводства, Устава гражданского судопроизводства и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (20 ноября 1864 г.).

<sup>2</sup> Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 (ред. от 16 апреля 2013 г. № 11) «О судебном приговоре» // СПС «Консультант +».



**Наследственное право:** учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. О.Ю. Ильиной, Н.Д. Эриашвили, М.В. Самойловой. -е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 311 с. (Серия «Dura lex, sed lex»).

В новом издании пособия учтены последние нормативные правовые акты по наследственному праву. Раскрываются понятие и значение наследственного права, дается характеристика оснований наследования (по завещанию и по закону), обозначена роль нотариата в оформлении наследственных прав. Анализируются положения, связанные с выделением супружеской доли из состава наследственного имущества, а также с особенностями наследования отдельных видов имущества (предприятий, жилых помещений, земельных участков и других объектов). Рассматриваются вопросы наследования интеллектуальных прав, регулируемых частью IV ГК РФ, а также изменения законодательства по наследованию выморочного имущества.

Приведены образцы документов, составляемых в процессе наследственного правопреемства, размеры государственной пошлины, уплачиваемой за совершение нотариальных действий (за удостоверение завещаний,

принятие мер по охране наследства, выдачу свидетельства о праве на наследство). Отдельная глава посвящена судебному рассмотрению дел по наследственным правоотношениям.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, практикующих юристов и всех тех, кто интересуется вопросами наследственного права.





УДК 340  
ББК 67.304

## ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТРУКЦИИ НАСЛЕДСТВЕННОЙ СУБСТИТУЦИИ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДРЕВНЕРИМСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

**ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА МАТИЕНКО,**

*профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

*доктор юридических наук, доцент*

*Научные специальности 12.00.01 – теория и история права и государства;*

*история учений о праве и государстве;*

*12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право;*

*семейное право; международное частное право*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Сквозь призму римского права исследуется конструкция субституции в современном российском наследственном праве. Делается вывод, что степень ее разработки отечественным законодателем явно недостаточна для функционирования данного правового института в условиях многообразия форм собственности и реализации гражданско-правового метода регулирования общественных отношений.

**Ключевые слова:** наследственное право, институт завещания, завещатель, наследник, завещательная свобода, подназначение наследника, наследственная субституция, римское право, обычная, пупиллярная, квазипупиллярная субституция, современная российская цивилистика.

**Annotation.** Deals with the problem of the construction of the substitution in the light of the Roman law in contemporary Russian succession law. It is concluded that the degree of its development by the domestic legislator is clearly insufficient for the functioning of the legal institution in the conditions of diverse forms of ownership and implementation of civil-law method of regulation of social relations.

**Keywords:** inheritance law, Institute of wills, the testator, heir, testamentary freedom, reappointment of heir, hereditary substitution, Roman law, plain, pupillary, quazipupillary substitution, modern Russian civil law.

Глубокие преобразования всех сфер общественных отношений, произошедшие в России в конце XX – начале XXI в., продиктовали необходимость разработки принципиально новых подходов в теоретическом и практическом правоведении к проблеме защиты прав и свобод личности. Основываясь на принципах свободы и многообразия форм собственности, законодатель на уровне норм-принципов (ст. 35 Конституции РФ) гарантирует каждому гражданину свободу распоряжения принадлежащим ему имуществом на случай смерти, выразившуюся в регламентации соответствующих правомочий субъекта нормами гражданского права его завещательной свободы.

Развивая принцип свободы завещания, законодатель закрепляет право завещателя назначить «запасного» наследника на случай, если указанный им в завещании наследник или наследник завещателя по закону умрет до открытия наследства, либо одновременно с завещателем, либо после открытия наследства, не успев его принять, либо не примет наследство по другим при-

чинам или откажется от него, либо не будет иметь право наследовать или будет отстранен от наследования как недостойный (п. 2 ст. 1121 ГК РФ). В доктрине российского наследственного права совокупность норм о назначении «запасного» наследника и его юридических последствий номинирована «подназначением наследника» или наследственной субституцией<sup>1</sup>, и не является новацией. В Гражданском кодексе РСФСР (ст. 536) подназначение наследника определялось как возможность «указать в завещании другого наследника на случай, если назначенный им наследник умрет до открытия наследства или не примет его».

Действующий Гражданский кодекс РФ, в отличие от своего советского предшественника, в большей степени конкретизирует содержание субституции, однако отечественная нотариальная и судебная практика по вопросам о наследстве со всей очевидностью показывает, что субституция не получила широкого применения. В этой связи в контексте анализа адекватности правовых форм выражения реально существующих обществен-

ных отношений возникает вопрос о потенциале и правовых последствиях субституции, нацеливающих, в свою очередь, на решение теоретических проблем о правовой природе и сущности подназначения наследника.

Фундаментальной основой, дающей возможность строить теоретические выводы в разработке данной проблематики, может послужить изучение субституции в римском праве, где были разработаны эффективные правовые формы, прошедшие апробацию на различных исторических этапах общественного развития.

Институт завещания (*successio testamenti*) сформировался в Древнем Риме достаточно рано, на что указывает положение древнейшего писанного источника права – Законов XII таблиц (*Leges duodecim tabularum*, V в. до н.э.): «Как кто распорядится на случай своей смерти относительно своего домашнего имущества или относительно опеки [над подвластными ему лицами], так пусть то и будет ненарушимым» (V; 3), однако конкретная конструкция субституции римлянам в то время еще не была известна.

В классическом римском праве наследственная субституция (от лат. *substituo* – ставлю вместо, передаю взамен) наблюдается как уже вполне сложившийся и детально разработанный правовой механизм. В Институциях Гая (*Institutionum Gaii*, II в. до н.э.) она выступает важнейшей частью завещания, заключающейся в предоставленном наследодателю праве подназначить наследника (*secundo gradu, substitutes*) указанному в нем наследнику (*heredis institution*), на тот случай, если первоначально назначенный (*primo gradu*) по какой-либо причине не сможет стать наследником. Подназначение наследника не имело каких-либо количественных ограничений: «И далее мы можем устанавливать подназначения сколько пожелаем» (Гай, II, 174)<sup>2</sup> и применялось правило «*substitutes substitute censetur esse substitutes institute*». Оно означало, что в случае отпадения предыдущего субститута последующий субститут признается субститутом назначенного наследника (*institute*) и т.д. При этом дозволялось подназначение одному институту нескольких субститутов, так и нескольким институтам одного субститута (Гай, II, 175)<sup>3</sup>.

В этот период в римском праве были выработаны два вида субституции – обычная (*substitutio vulgaris*) и пупиллярная (*substitutio pupillaris*). Обычная субституция, или общий вид подназначения, состояла в подназначении наследника (субститута) указанному в завещании наследнику (институту) на случай его смерти до принятия открывшегося наследства или его отказа от принятия наследства<sup>4</sup>. Это позволяло сохранить завещание в силе даже в том случае, если наследник умирал раньше наследодателя. Тогда же римская судебная практика, основываясь на сентенции: «*Voluntas testatoris pro lege habetur*» («Воля завещателя – закон»), выработала положение о сохранении завещания в силе и прав на наследование субститута даже тогда, когда завещание было составлено в пользу еще не родившегося наследника и этот наследник так и не появился на свет (*causa Cuijana*), подтвержденное рескриптом Марка Аврелия и Луция Вера II в. до н.э.

Пупиллярная субституция сложившаяся в I в. до н.э., имела в своей основе уже существовавшую обычную субституцию и представляла особое подназначение на тот случай, если назначенный в завещании наследник умрет до наступления совершеннолетия, и, по мнению В.М. Хвостова, не имела ничего общего с обычной субституцией<sup>5</sup>. Такое завещательное распоряжение делалось только завещателем-отцом, назначавшим первым наследником своего несовершеннолетнего сына. «*Pupilas*» буквально означало – «наследник умершего сироты» (от *pupila* – девочка сирота)<sup>6</sup>. Поскольку несовершеннолетние (*impuberes*) не обладали правом составлять завещание, то пупиллярная субституция давала возможность объединить и сохранить в силе сразу два завещания: в отношении наследства завещателя и наследства его наследника<sup>7</sup>. Субститут, таким образом, являлся как наследником отца, так и наследником несовершеннолетнего сына. Позднее субститут рассматривался как наследник только несовершеннолетнего сына и наследовал все его имущество, в том числе то, что сыну доставалось помимо наследства отца. Наследодатель мог даже лишить своего подвластного наследства, но при этом назначить ему субститута: «Мы можем производить подназначения нашим детям, не только если они назначены наследниками, но также если они лишены наследства» (D.28.1.1). Тогда субститут, наследуя малолетнему, получал только то имущество, которое малолетний получал в наследство не от своего отца, а из других источников.

В целом положения римского классического права о пупиллярной субституции явились результатом известной правообразующей деятельности римских юристов, поэтому отличались сложностью и многообразностью толкований и разъяснений. При этом сущностное отличие пупиллярной субституции от обычной заключалось в том, что *substitutio vulgaris* была направлена на назначение второго (и последующего) наследника вместо первого (и предыдущего), если предыдущий по какой-либо причине (смерть, отказ) не станет наследником; *substitutio pupillaris* нацелена, собственно, на назначение наследника отцом сыну. Видимо, поэтому в имперский период пупиллярная субституция широко применялась, так как позволяла обходить закон Юлия Папия Поппея (9 в. н.э.), запрещавший холостякам вступать в наследование имуществом по завещанию<sup>8</sup>.

Таким образом, в обычной субституции завещатель назначал наследников себе, а в пупиллярной завещатель назначал наследника другому лицу, не имеющему завещательной правоспособности, тем самым допускалось отступление от общих принципов наследственного права<sup>9</sup>.

В постклассическом римском праве на основе пупиллярной субституции сложился третий вид субституции – квазипупиллярная (*substitutio quasi pupillaris*), заключающаяся в подназначении наследника восходящим родственником (как правило, отцом) своему истинному, но недееспособному наследнику (*mente caput* – безумному), на тот случай если он умрет до наступления вы-



здоровления. Но при этом наследодатель был обязан соблюсти два условия: совершить завещание для самого себя в пользу истинного недееспособного наследника (сына), а субститута избрать из числа его нисходящих родственников. Только при их отсутствии завещатель мог назначить субститута из числа своих нисходящих родственников. Очевидно, что эти требования коррелировались с общими принципами наследственного права, утвержденными законодательством Юстиниана, а именно, передачи имущества из поколения в поколение по линии кровного родства. Тем не менее, квазипупиллярная субституция предотвращала риск перехода имущества недееспособного наследника уже его наследникам по закону, которых не желал завещатель.

Таким образом, *substitutio pupilaris* и *substitutio quasi pupilaris* тождественны по правовой природе, состоящей в назначении одним лицом наследника другому лицу.

Детальная разработка норм наследственного права о субституции позволяет судить, что подназначение наследника было достаточно распространенным и динамичным социально-правовым явлением. Все три вида римской субституции, развившись из одной общей идеи назначения «запасного» наследника, в итоге оказались настолько различны, что каждый из них представлял особый субинститут римского наследственного права. Раскрытие их содержания приводит к выводу, что разработка в римском наследственном праве конструкции субституции была направлена на обеспеченное социально-экономическими потребностями римских граждан их стремление предотвратить или обойти вступление в силу наследования по закону, сохранить завещание в силе и максимально обеспечить свободу воли завещателя и устойчивость имущественных правоотношений.

Со временем, освобожденная, как и все институты римского права, от конкретно исторического, субституция прочно вошла в массив наследственного права стран континентальной правовой системы, в том числе, и в российское наследственное право. Выявление социальных и правовых причин появления конструкции субституции в римском праве через раскрытие содержания и сущности каждого из ее основных видов позволяет определить ее место и функции в общем контексте норм, регулирующих наследственные правоотношения на современном этапе.

Взгляд на современную конструкцию субституции в российском наследственном праве через призму римского права, позволяет понять, что отечественным законодателем она не разработана столь детально, как это было сделано усилиями римских юристов. Гражданский Кодекс РФ в п. 2 ст. 1121 ГК РФ определяет исчерпывающий перечень случаев, допускающих подназначение наследника. В соответствии со ст. 1116 ГК РФ к наследованию могут быть призваны все физические лица, находящиеся к моменту открытия наследства в живых, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства, т.е.

от наследования не могут быть отстранены лица недееспособные по причине несовершеннолетия и лица, признанные судом недееспособными (ст. 29 ГК РФ) или ограниченно недееспособными (ст. 30 ГК РФ). Однако, приняв наследственную массу такие лица не имеют завещательной дееспособности, так как завещателем в соответствии определением п. 2 ст. 1118 ГК РФ может выступать только гражданин, обладающий в момент совершения завещания дееспособностью в полном объеме. Следовательно, после смерти недееспособного лица имущество перейдет к его наследнику (наследникам) по закону. Отсюда, в том случае, если завещатель стремится после своей смерти материально обеспечить заведомо недееспособного наследника на протяжении всей его жизни, он не сможет предотвратить и вынужден будет смириться с тем, что в дальнейшем это имущество перейдет от его правопреемника (после его смерти) к таким наследникам по закону, которых не желал бы сам завещатель, а также устранить возможность дробления имущественной наследственной массы между несколькими такими наследниками по закону. Представляется, подобные последствия в целях сохранения целостности имущества, стабильности хозяйственно-экономических связей в условиях многообразия форм собственности и предпринимательской и коммерческой деятельности субъектов общественных отношений могут быть преодолены посредством обращения к римско-правовому наследию о пупиллярной и квази-пупиллярной субституции и их надлежащей доктринальной и технико-юридической разработки современной российской цивилистикой.

<sup>1</sup> *Атнимонов Б.С., Граве К.А.* Советское наследственное право. М., 1955; *Барцевский М.Ю.* Наследственное право. М., 1996; *Барышев А.И.* Приобретение наследства в СССР. М., 1960; *Власов Ю.Н.* Наследственное право РФ. М., 1998; *Гордон М.В.* Наследование по закону и по завещанию. М., 1999; *Данилов Е.П.* Наследование по закону и по завещанию. М., 1999; *Рубанов А.А.* Право наследования. М., 1978; *Рясенцев В.А.* Наследование по закону и по завещанию в СССР. М., 1972; *Перетерский И.С.* Гражданский кодекс РСФСР. Комментарий. Вып. VI. Наследственное право. М.-Пг., 1924; *Серебровский В.И.* Очерки Советского наследственного права. М., 1953; *Он же.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003; *Черепанов Б.Б.* Труды по гражданскому праву. М., 2001 и др.

<sup>2</sup> *Дыдынский Ф.* Институты Гая, текст и перевод. Варшава, 1891. С. 190.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> *Дождев Д.В.* Римское частное право. М., 1996. С. 578; *Иванов А.А.* Римское частное право. М., 2009. С. 211–212; *Хвостов В.М.* Система римского права. М., 1996. С. 449 и др.

<sup>5</sup> *Хвостов В.М.* Указ. соч. С. 450.

<sup>6</sup> *Дворецкий И.Х.* Латино-русский словарь. М., 1976.

<sup>7</sup> См.: *Дождев Д.В.* Указ. соч. С. 587.

<sup>8</sup> *Боголепов Н.П.* История римского права. М., 2004. С. 287; *Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1999. С. 449.

<sup>9</sup> О принципах римского наследственного права подробнее см.: *Иванов А.А.* Римское право. М., 2008. С. 293–304.



УДК 342  
ББК 67.300

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ОСНОВНЫЕ  
НАПРАВЛЕНИЯ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ  
ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО  
(на примере опыта работы УФМС России  
по Вологодской области)**

**СЕРГЕЙ ГЕННАДИЕВИЧ ЖЕСТЯННИКОВ,**

*начальник УФМС России по Вологодской области;*

**ИВАН ВИКТОРОВИЧ ЕКИМОВ,**

*ведущий специалист-эксперт отдела анализа, планирования,  
контроля и информационного обеспечения УФМС России по Вологодской области;*

**ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАЗОВ,**

*начальник кафедры конституционного и муниципального права  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

*доктор юридических наук, профессор*

*Научная специальность 12.00.02 – конституционное право;*

*конституционный процесс; муниципальное право*

*E-mail: zhestsergej@yandex.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Изложен опыт УФМС России по Вологодской области в реализации проектов, способствующих адаптации и интеграции трудовых мигрантов в российское общество. Предложены рекомендации по повышению эффективности реализации государственной миграционной политики в отношении иностранных работников.

**Ключевые слова:** трудовая миграция, интеграция и адаптация трудовых мигрантов в Российской Федерации, иностранные работники, иностранная рабочая сила.

**Annotation.** Developed the experience of the Department of the Federal Migration Service for Vologda Region on the realization of projects supporting the adaptation and integration of labour migrants to the Russian society. Suggested the recommendations for improving the implementation of the state migratory policy in relation to foreign workers.

**Keywords:** labour migration, integration and adaptation of labour migrants in Russian Federation, foreign workers, foreign labour force.

Иммиграционные процессы в России важны не только для стабилизации демографической ситуации в стране и восполнения естественной убыли населения, но также и для развития национальной экономики. Эта идея является одной из главных в «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – «Концепция»), определяющей основные направления миграционной политики в РФ на ближайшие десять лет.

В частности, в тексте «Концепции» говорится: «привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития»<sup>1</sup>.

В то же время, основная масса трудовых мигрантов – а это в первую очередь граждане бывших союзных республик – обладает недостаточным уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки, что может приводить к их слабой социализации в российском обществе и нарушению ими законодательства, в том числе правил осуществления трудовой деятельности.

Иммиграционная ситуация, сложившаяся на сегодняшний день на территории Российской Федерации, ставит перед органами государственной власти (в том числе перед Федеральной миграционной службой) и их региональными подразделениями ряд приоритетных задач, обозначенных в «Концепции». Эти задачи, в частности, касаются создания эффективного механизма адаптации и интеграции иностранных граждан





в российское общество: изучения ими русского языка и социокультурных особенностей принимающей территории, изучения миграционного законодательства, повышения квалификации и переподготовки трудовых мигрантов.

Особую актуальность указанные задачи имеют в связи с требованиями, установленными федеральным законодательством. Уже сегодня в соответствии с п. 8.2 ст. 13.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ<sup>2</sup> иностранные граждане, осуществляющие трудовую деятельность на территории России в сферах ЖКХ, розничной торговли или бытового обслуживания, обязаны документально подтверждать владение русским языком на уровне не ниже базового.

В ближайшее время эти требования будут усилены. В соответствии с планом<sup>3</sup> мероприятий по реализации в 2012–2015 гг. «Концепции», а также Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия»<sup>4</sup> принят Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ<sup>5</sup>, положения которого требуют от каждого иностранного гражданина с 1 января 2015 г. подтверждать владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации при обращении за получением разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента. Подтверждающим документом является, в том числе, сертификат государственного образца, выдаваемый по результатам тестирования.<sup>6</sup>

Между тем, государственные программы, способствующие выполнению поставленных задач, по сути, отсутствуют, за исключением «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». В такой ситуации может быть полезен опыт УФМС России по Вологодской области, которое на протяжении нескольких лет осуществляет деятельность по адаптации и интеграции иностранцев в российское общество.

Тенденции в миграционных процессах, характерные для России в целом, справедливы и для Вологодской области. Внешняя миграция в регионе носит, в первую очередь, трудовой характер и обусловлена привлечением иностранных граждан в производственную сферу на территории Вологодской области.

В 2013 г. на территорию Вологодской области въехало 33 266 иностранцев, за 11 месяцев 2014 г. – 38 696 (за аналогичный период 2013 г. – 30 523). Больше половины из прибывших на территорию области мигрантов заявляют целью въезда трудовую деятельность. При этом на протяжении последних нескольких лет в регионе наблюдается стабильный рост числа именно трудовых мигрантов.

Если в 2010 г. в Вологодскую область прибыло 6 099 мигрантов этой категории, то в 2011 – уже 11 144 мигранта, а в 2013 г. – 12 991 мигрант. В то же время, число прибывающих иностранцев других категорий изменялось в указанный промежуток вре-

мени нестабильно – когда период роста сменялся периодом спада.

Наибольшее количество иностранных граждан, поставленных на миграционный учет Управлением ФМС России по Вологодской области – выходцы из республик бывшего Советского Союза: Узбекистана (25,6%), Украины (18,4%), Таджикистана (7,8%), Армении (6,5%), Киргизии (6,1%), Азербайджана (5,8%), Белоруссии (4,9%). Они были заняты в строительстве (37%), обрабатывающих производствах (16,8%), сельском и лесном хозяйстве (15,9%), минимально – в сфере услуг.<sup>7</sup>

Значительное число трудовых мигрантов, приезжающих в Вологодскую область имеют невысокую профессионально-квалификационную подготовку и минимальные познания в русском языке. Эти обстоятельства зачастую не позволяют им адаптироваться к социокультурным особенностям Российской Федерации, соответствовать особенностям и потребностям ее экономики, вследствие чего представители данной категории иностранцев с большой степенью вероятности пополняют маргинальные слои населения.

Чтобы минимизировать возникающие социальные риски, связанные с пребыванием (проживанием) иностранных граждан в Российской Федерации, на протяжении нескольких лет на территории региона систематически проводятся мероприятия по адаптации и интеграции мигрантов, включающие в себя языковую, социальную, культурную, правовую и профессиональную составляющие. Причем, профессиональная составляющая, связанная с получением трудовыми мигрантами востребованных рабочих специальностей, имеет для их успешной адаптации и интеграции не меньшее значение, чем языковая, социальная, культурная и правовая.

На трудовых мигрантов, в большинстве своем прибывающих в Российскую Федерацию на срок до 1 года (с 2015 г. – на срок до 2 лет) и не планирующих приобретать российское гражданство, направлены, в первую очередь, мероприятия по адаптации иностранных граждан, реализуемые УФМС России по Вологодской области совместно с общественными организациями, образовательными учреждениями, а также работодателями.

Адаптация иностранных граждан, прибывших на территорию России с целью осуществления трудовой деятельности, – длительный и трудоемкий процесс, который на территории Вологодской области сопровождается различными подходами.

Основные из них: 1) организация адаптационных курсов на базе общественных объединений (например, Некоммерческого объединения «Фонд поддержки гражданских инициатив»); 2) организация адаптационных курсов на базе высших учебных заведений (Федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования «Череповецкий государственный университет» и «Вологодский государственный университет»);

3) организация адаптационных курсов на базе предприятий, использующих труд иностранных граждан.

Во всех случаях обучение проводится без привлечения бюджетных средств: за счет работодателей, использующих иностранную рабочую силу, как социально ответственного бизнеса, за счет национально-культурных общественных объединений, а также за счет самих иностранцев, изъявивших желание учиться. Участие некоммерческих организаций в обучении иностранных граждан возможно за счет государственных грантов (субсидий). В частности, «Порядок определения объема и предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям», утвержденный постановлением Правительства Вологодской области от 23 декабря 2013 г. № 1360<sup>8</sup>, предусматривает такой вариант.

Учебный курс для мигрантов, прибывших из стран СНГ, состоит из нескольких дисциплин: русский язык, история, культура России и традиции коренного населения Российской Федерации, миграционное законодательство. Обучение проходит по программе А.В. Голубевой «Мы живем и работаем в России», общая продолжительность занятий – 60 часов. Всего с 2012 г. обучение прошли порядка 250 иностранных граждан.

Наиболее эффективным подходом к адаптации мигрантов стало их обучение непосредственно на предприятиях, когда занятия проводятся без отрыва от производства. В этом случае учебные классы оборудуются либо в местах проживания, либо в производственных помещениях предприятий. Преподавание осуществляется дипломированным специалистом, имеющим право преподавания русского языка в национальной школе и владеющим родным языком обучаемых. В начале курса проводится тестирование, в ходе которого определяется уровень владения мигрантами русским языком.

Вместе с тем, адаптация трудовых мигрантов, очевидно, не должна ограничиваться изучением русского языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации. Важным условием решения задач по адаптации иностранных работников является совмещение адаптационных курсов с приобретением мигрантами востребованных на рынке труда рабочих специальностей.

С этой целью на территории Вологодской области реализуется новый проект – Центр профессиональной подготовки на базе деревообрабатывающего предприятия ОАО «Солдек» в г. Соколе. В рамках реализации проекта организована профессиональная подготовка трудовых мигрантов, работающих на предприятии. Теоретический курс в соответствии со всеми государственными стандартами им читают преподаватели Сокольского лесопромышленного техникума, а практическое освоение профессии происходит непосредственно на предприятии. Параллельно с профессиональным обучением мигранты изучают русский язык.

Особенностью такого подхода к обучению является то, что мигранты получают специальность, востребованную на конкретном предприятии, что отвечает как интересам работника, так и интересам его работодателя.

Центр профессиональной подготовки ОАО «Солдек» предоставляет иностранным работникам не только возможность обучаться и работать на предприятии, но и проживать в специально для этого оборудованных помещениях, где созданы все необходимые условия, начиная от спальных комнат и заканчивая зонами отдыха и компьютерным классом.

Обязанность трудовых мигрантов подтверждать с 1 января 2015 г. владение русским языком, знание истории России, а также основ законодательства Российской Федерации определяет актуальность дальнейшего развития форм и методов адаптации иностранных граждан.

По предварительным данным, минимальное количество иностранных граждан, которым потребуется дополнительное обучение в 2015 г., составляет на территории Вологодской области около 7 тыс. человек. В складывающейся ситуации необходимо применение новых моделей организации обучения, с учетом значительного количества обучающихся.

Помочь решить данную задачу и включить в образовательный процесс всех иностранных работников, пребывающих на территории региона, позволит, на наш взгляд, система дистанционного обучения с использованием интернет-коммуникаций.

29 сентября 2014 г. в Вологодской области было проведено первое дистанционное занятие по русскому языку. Обучающиеся мигранты находились в г. Соколе, преподаватель вел занятие из аудитории Череповецкого государственного университета. Пробные занятия в дистанционной форме проведены также в поселке Шексна (кондитерская фабрика «АтАг») и г. Вологде (ООО «Вологодское мороженое»).

Однако, если обязанность подтверждать владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации устанавливается для трудовых мигрантов законодательно (в противном случае, иностранный гражданин не сможет получить разрешительные документы для осуществления трудовой деятельности), то требование подтверждать уровень своей профессиональной квалификации для трудовых мигрантов законом на данный момент не предусмотрено.

В то же время, около 55% трудовых мигрантов, пребывающих в Вологодской области, работают в строительной сфере и на обрабатывающих производствах, где от уровня квалификации работника зависит качество выпускаемой продукции.

Исходя из этого, очевидной кажется необходимость дополнительно мотивировать трудовых мигрантов и их работодателей к более активному включению в процессы повышения профессиональной квалификации и обучения востребованным рабочим специальностям.



Невозможно оставить без внимания важные изменения в системе привлечения иностранной рабочей силы, которые внесены подписанными Президентом Российской Федерации 24 ноября 2014 г. Федеральным законом № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>9</sup> и Федеральным законом № 368-ФЗ «О внесении изменений в статьи 226 и 227.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»<sup>10</sup>, поскольку отчасти они затрагивают и процессы адаптации иностранных работников в российское общество.

Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ позволяет отказаться с 2015 г. от несовершенной системы квотирования. Он предполагает осуществление трудовой деятельности только по патентам самой массовой категорией иностранных работников – выходцами из государств с безвизовым порядком въезда.

Параллельно Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 368-ФЗ устанавливается право регионов определять стоимость патента, что немаловажно. Это позволило сбалансировать применение административного и экономического рычагов воздействия на приток иностранной рабочей силы, устранив «перекос» в сторону административных методов.

Исходя из приобретенного за последние несколько лет опыта, а также современных законодательных реалий, УФМС России по Вологодской области в целях совершенствования механизма адаптации и интеграции мигрантов в российское общество предлагает разработать и применять механизм обучения трудовых мигрантов русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации одновременно с приобретением ими профессии, востребованной на рынке труда. С целью оптимизации образовательного процесса использовать систему дистанционного обучения с применением интернет-технологий.

Для мотивации трудовых мигрантов и их работодателей к более активному включению в процессы повышения профессиональной квалификации и обучения востребованным рабочим специальностям следует увеличить срок пребывания до 3 лет тем прибывшим в РФ в порядке, не требующем получения визы, иностранным гражданам, которые прошли профессиональную подготовку в аккредитованных образовательных учреждениях на территории России.

Иммиграционная ситуация, сложившаяся на сегодняшний день на территории Российской Федерации, ставит перед органами государственной власти (в том числе перед Федеральной миграционной службой) и их региональными подразделениями ряд задач, которые, в частности, касаются создания эффективного механизма адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество.

Считаем, что опыт УФМС России по Вологодской области, связанный с внедрением адаптационных проектов, направленных, прежде всего, на трудовых мигрантов, может быть использован другими территориальными органами ФМС России в своей работе. Предложения, касающиеся совершенствования порядка привлечения к трудовой деятельности иностранных работников, могут быть приняты к сведению органами государственной власти и должностными лицами, уполномоченными разрабатывать и утверждать нормативно-правовые акты, регламентирующие миграционные процессы на территории Российской Федерации.

<sup>1</sup> «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года»/ <http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf>.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 1 декабря 2014 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» / [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_156903/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156903/)

<sup>3</sup> «План мероприятий по реализации в 2012-2015 годах (первый этап) Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утвержден распоряжением Председателя Правительства Российской Федерации от 21 августа 2012 г. №1502-п) / [http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/a89/pmrk\\_2012-2015.pdf](http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/a89/pmrk_2012-2015.pdf)

<sup>4</sup> Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия»/ <http://www.rg.ru/2012/05/09/nacio-dok.html>

<sup>5</sup> Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» / [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_161939/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161939/)

<sup>6</sup> В Вологодской области лицензию на проведение такого тестирования имеют три образовательных учреждения. С 1 сентября 2014 г. по 9 декабря 2014 г. тестирование на знание русского языка успешно прошли 136 трудовых мигрантов. Тестирования по истории России и основам законодательства Российской Федерации в указанный период не проводились ввиду отсутствия тестовых заданий.

<sup>7</sup> Результаты деятельности УФМС России по Вологодской области за 11 месяцев 2014 г. <http://www.Ufms35.ru>

<sup>8</sup> Постановление Правительства Вологодской области от 23 декабря 2013г. № 1360 «Об утверждении Порядка определения объема и предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям»/ <http://vologda-oblast.ru/dokumenty/all/20600/>

<sup>9</sup> Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=171225>

<sup>10</sup> Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 368-ФЗ «О внесении изменений в статьи 226 и 227.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=171240>



УДК 342.739  
ББК 67.300

## ПРИНЦИПЫ ИНСТИТУТА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

*АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ НИКОНОРОВ,*

*адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научная специальность 12.00.02 – конституционное право;*

*конституционный судебный процесс; муниципальное право*

*E-mail: nikonorov777@mail.ru*

*Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор И.Н. Глебов*

*Рецензент: кандидат юридических наук Е.В. Михайлова*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются основные принципы института частной собственности в конституционном праве Российской Федерации.

**Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, частная собственность, принцип, правовое государство.

**Annotation.** Discussed the basic principles of the institution of private property in the constitutional law of the Russian Federation.

**Keywords:** the Constitution of the Russian Federation, private property, principle of the rule of law.

Понятие «принцип» является основополагающей истиной какой-либо теории, в том числе и закона; также известно – «принцип» – это идея, стоящая во главе, «фундаменте» устройства и действия социальных механизмов.

Основные конституционные принципы раскрываются в гл. 1 Конституции Российской Федерации. Справедливо отмечено: «Конституционные принципы – это идеальная модель, своего рода лекала, которым должны соответствовать складывающиеся в обществе отношения собственности» [1; С. 47].

Учитывая, что «собственность – это объективные экономические отношения, возникающие между людьми по поводу присвоения материальных благ» [2; С. 653], необходимо констатировать: вопросы владения, пользования и распоряжения собственностью являются общественными отношениями, возникающими в процессе производства, мены и потребления материальных благ.

Действующая Конституция Российской Федерации принципы частной собственности буквально не провозглашает, однако, именно в ней содержатся важнейшие основы института частной собственности.

Конституции советского периода не признавали частной собственности, существовала лишь общественная (общенародная), а позднее (Конституция СССР от 7 октября 1977 г.) и государственная собственность, считающаяся высшей ценностью – основной формой собственности.

Таким образом, института частной собственности в праве советского периода не существовало, интерес государства (руководящей партии) к ней не проявлялся

и соответствовал принципам: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: упразднение частной собственности» [3; С. 447] и «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное...» [4; С. 518].

Конституцией Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. впервые признаются и равным образом защищаются частная, государственная, муниципальная собственность (ч. 2 ст. 8 Конституции). Частной собственностью признается собственность граждан и юридических лиц (ст. 213 Гражданского кодекса Российской Федерации). «Частная собственность – одна из базовых ценностей» подчеркнул в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент В. Путин [5]. Именно частная собственность является атрибутом современного государства. «Право собственности составляет основу современного правового порядка, и потому понятно, насколько важно было бы для практики иметь всестороннее исследование этого института как со стороны его юридической конструкции, так и со стороны разновидностей, образовавшихся исторически...» [6; С. 160].

Конституция Российской Федерации 1993 г. декларирует ряд принципов, являющихся основами функционирования института частной собственности. Стоит отметить, что ст. 8 Конституции частная собственность констатируется как существующий юридический факт.

Конституцией устанавливается принцип равной защиты частной, государственной и муниципальной собственности; при этом именно частная собственность названа первой, что является, на наш взгляд, признаком особого к ней отношения в современном демократиче-





ском государстве, где частная собственность признается на равных с государственной. Частная собственность получила законодательное регулирование и стала ядром, необходимым условием функционирования государства, наряду с зарубежными демократическими государствами. Нормативное закрепление частной собственности оказало влияние на развитие предпринимательства в государстве, а именно предпринимательство свидетельствует о развитии в стране экономики и рынка. Статьей 34 Конституции гарантируется: «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [7]. Однако, принцип равной правовой защиты не означает однообразный правовой режим различных форм собственности, так как «они отличаются по многим признакам» [8]. Тем не менее, защита видов собственности, указанных в ч.2 ст. 8 Конституции, равным образом гарантируется без каких-либо преимуществ, что обеспечивает возможность равной защиты интересов собственников в суде.

Среди основных принципов института частной собственности в конституционном праве также необходимо выделять и «национальный» принцип. В ч. 3 ст. 62 Конституции, утверждается, что «иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации» [7]. «Тем самым Конституция Российской Федерации в качестве общего принципа российского законодательства устанавливает «национальный режим» для иностранных лиц и лиц без гражданства, т.е. в отношении прав и обязанностей приравнивает их к российским гражданам [9]». Так, возможность предоставления иностранным гражданам прав на приобретение земли в собственность на определенных условиях, а также владеть ею, пользоваться и распоряжаться вытекает из содержания ч. 1 ст. 260 ГК РФ [10] и не противоречит конституционному статусу земли, указанному в ч. 2 ст. 9 и ст. 35 Конституции и статусу иностранных граждан, лиц без гражданства (как и граждан России с двойным гражданством (ч. 3 ст. 62)). Однако, в этой связи возникает вопрос – ограничение права на пользование землей и приобретение ее в частную собственность установлено в действующем Земельном кодексе Российской Федерации [11] в ч. 3 ст. 15 – «иностранцы граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных территориях, перечень которых устанавливается Президентом Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством о Государственной границе Российской Федерации, и на иных установленных особо территориях Российской Федерации в соответствии с федеральными законами» [11]. Перечень приграничных территорий до настоящего времени не утвержден, что в соответствии с п. 5 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ

«О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» означает недопустимость предоставления земли в собственность иностранным гражданам, лицам без гражданства и иностранным юридическим лицам. Тем не менее, ч. 9 ст. 36 устанавливается, что «иностранцы граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица – собственники зданий, строений, сооружений имеют право на приобретение земельных участков в собственность в порядке, установленном настоящей статьёй, и в соответствии с п. 2 ст. 5, п. 3 ст. 15 и п.п. 4 и 5 ст. 28 настоящего Кодекса» [11]. Из указанного следует, что иностранные граждане имеют право приобретать земельные участки с учетом установленных ограничений. Таким образом, положения ч. 3 ст. 15 не противоречат Конституции Российской Федерации [9]. Установленные ограничения призваны обеспечить интересы национальной безопасности и не превышают пределов запретов, применяемых в других развитых государствах, и определенно не носят характер дискриминации человека.

К другим, не менее важным, конституционным принципам следует отнести принцип неприкосновенности частной собственности. Как в основных законах советского периода закреплялась священность и неприкосновенность общественной, социалистической собственности, так и впервые Конституцией 1993 г. в России право частной собственности стало охраняться законом. Именно так трактуется учеными<sup>1</sup> и судебной практикой Конституционного суда Российской Федерации<sup>2</sup> ст. 35 Конституции.

Учитывая нормы, содержащиеся в Конституции приходим к выводу: необходимо различать неприкосновенность права на частную собственность и самой частной собственности. Неприкосновенность права на частную собственность предполагает реальный существующий статус охраняемого имущества. Неприкосновенность собственности же понимается как установленный законом запрет совершать какие-либо действия в отношении собственности и против воли собственника – «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда» [7]. В определенной мере неприкосновенность собственности гарантирует свободу личности и соблюдение других прав и свобод собственника. Известно, что частная собственность является инструментом общества, посредством которого оно способно влиять на государство. Однако, фактически частная собственность, гарантированная Конституцией, принадлежит самому государству, находится в нем, а собственники являются «арендаторами», которые лишь могут распоряжаться ею в установленном законом порядке, заплатив аренду (налоги), с учетом существующих ограничений на пользование или распоряжение собственностью, закрепленных в Земельном и Гражданском кодексах Российской Федерации. Верно отмечено – «то, что принадлежит государству или общинам, не составляет, по-видимому, ничьей собственности, так как государственное имущество принадлежит всему обществу граждан» [12; С. 86, 87]. Тем не менее, частная

собственность признается как отдельный среди прочих вид собственности и гарантируется государством. Практикой Конституционного суда установлено, что принцип неприкосновенности частной собственности содержит как конституционные гарантии собственникам возможности свободного пользования принадлежащим им имуществом, так и недопустимость необоснованного ограничения прав и лишения имущества.

Таким образом, учитывая, что принцип неприкосновенности предполагает защиту частной собственности от незаконного вмешательства государства, общества и третьих лиц, в содержание рассматриваемого принципа необходимо вкладывать обязанность государства по обеспечению установленных для собственников прав и свобод; применение государством мер по предупреждению возможных нарушений в процессе реализации прав собственниками и деятельность государственных органов по восстановлению нарушенных прав собственников, а также недопустимость лишения собственности, за исключением установленных законом оснований.

#### Литература

1. Мазанаев М.Ш. Частная собственность как объект конституционно-правовой защиты: Дисс... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. Краткий словарь: управление и экономическая безопасность / Авт.-сост.: Н.В. Румянцев, Е.В. Горин, А.И. Буркин, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков, А.Г. Костромин; под ред. Л.П. Куракова. М.: Изд-во ИАЭП, 2013.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. 1848 г. Соч. Изд. 2-е, Т. 4.
4. Ленин В.И. Записка Д.И. Курскому. 20 февраля 1922 г. Соч. Т. 36.
5. Официальный сайт <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>. Дата обращения 10 декабря 14 г.
6. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России (по изданию 1893 г.). М.: Статут, 2003.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-КЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ).
8. О понятии и элементах правового режима см.: Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1993. С. 170–173; Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М. 1976.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 г. № 8-П по делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы <http://www.rg.ru/2004/04/28/ks-dok.html>. Дата обращения 10 декабря 2014.
10. Гражданский кодекс РФ // Российская газета, № 238–239, 8 декабря 1994 г.
11. Земельный кодекс РФ // СЗ РФ, 29 октября 2001 г., № 44, ст. 4147.

12. *Gai*. Институции. Пер. с лат. Ф. Дыдынского. // Под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М.: Юрист, 1997.

#### References

1. Mazanaev M.Sh. Private property as the object of constitutional protection: Dis. ...cand. legal sciences. M., 2006.
2. Short dictionary: management and economic security /auth.-comp.: N.V. Rummyantsev, E.V. Gorin, A.I. Burkin, V.L. Kurakov, A.L. Kurakov, A.G. Kostromin; Ed. by L.P. Kurakov. M.: Publishing house of IAAP, 2013.
3. Maks K. and Engels F. Communist Manifesto. 1848, Op. Ed. 2, T. 4.
4. Lenin V.I. Note to D.I. Kursky. 20 February 1922, Op. T. 36.
5. Official website <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>. Date of access 10 December 14.
6. Shershenevich G.F. Science of civil law in Russia (1893 edition). M.: Statut, 2003.
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12 December 1993) (including the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30 December 2008, № 6-FKZ, from 30 December 2008, № 7-KZ, from 5 February 2014, № 2-FKZ, from 21 July 2014, № 11-FKZ).
8. The concept and elements of the legal regime, see: Alekseev S.S. Theory of law. M: BECK, 1993. P. 170–173; Bratus S.N. Legal liability and legality (sketch of the theory). M. 1976.
9. The decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 23 April 2004 № 8-P on the case about the verification of constitutionality of the Land code of the Russian Federation in connection with the request of the Murmansk regional Duma. <http://www.rg.ru/2004/04/28/ks-dok.html>. Date of access 10 December 2014.
10. Civil code of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta, № 238–239, 8 December 1994.
11. Land code of the Russian Federation // Collection of legislation of the Russian Federation, 29 October 2001, № 44, art. 4147.
12. *Gai*. Institutions. From lat. F. Dygynskiy. Ed. by V.A. Savelyieva, L.L. Kofanova. M: Lawyer, 1997.

<sup>1</sup> Напр.: Кутафин О.Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2004. С. 245.

<sup>2</sup> Напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 января 2009 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений п.п. 2, 3 и 4 ст. 13 и абз. 2 п. 1.1 ст. 14 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в связи с жалобой гражданки Л.Г. Погодиной // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 889; Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 681-О-П по жалобам граждан Ю.Ю. Колодкина и Ю.Н. Шадеева на нарушение их конституционных прав положениями ст. 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» во взаимосвязи с ч. 5 ст. 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5643.



УДК 347.5  
ББК 67.304

## КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОДХОД К ОСНОВАНИЮ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**ТААЛАЙБЕК РАХМАТИЛЛАЕВИЧ БУРАНОВ,**

*адъюнкт кафедры гражданского права и процесса*

*Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научная специальность 12.00.03 – гражданское право, семейное право,  
международное частное право*

*E-mail: buranov83@bk.ru*

*Научный руководитель: кандидат юридических наук А.А. Хорев*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассмотрен конструктивный подход к основанию гражданско-правовой ответственности по законодательству Кыргызской Республики на основе литературно-научного обзора Российской Федерации, в целях выделения основных проблем и перспектив настоящего института.

**Ключевые слова:** гражданско-правовая ответственность, юридическая ответственность, основания гражданско-правовой ответственности.

**Annotation.** Considered a constructive approach to the basis of civil liability under the legislation of the Kyrgyz Republic on the basis of literary-scientific review of the Russian Federation, in order to highlight the main problems and prospects of this Institute.

**Keywords:** civil liability, legal responsibility, foundations of civil liability.

«Правильность даваемого определения зависит от характера тех восприятий, которые послужили его исходным пунктом и, от тех точек зрения, с которых его давали. Чем богаче подлежащий определению предмет, т.е. чем больше различных сторон он предоставляет к рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции», – писал Г.Ф. Гегель [1, с. 153].

Правовой феномен, являющийся предметом настоящего исследования, пользуется стабильным, устойчивым интересом цивилистики и теории государства и права. Дореволюционная, советская и современная юриспруденция Кыргызстана довольствуется исследованиями института юридической ответственности, гражданским законодательством Российской Федерации, а также отдельными теоретическими положениями, касательно основания гражданско-правовой ответственности. Предметами специальных научных исследований становились некоторые частно-публичные вопросы теории гражданско-правовой ответственности. Наиболее оптимальным образом освещены в литературе такие из них, как вина и особенности обязательства из причинения вреда [2, с. 54–55]. Известно, что большое количество монографических материалов не всегда свидетельствуют о содержательной плодотворности и качественном успехе исследуемого института.

В юридической литературе подходы раскрытия теоретических понятий юридической ответственности не единообразны, можно встретить различные мнения относительно ее понятия. Как следствие, в юридической науке также нет однозначных подходов к пониманию институциональных особенностей гражданско-правовой ответственности.

Необходимость анализа юридической ответственности диктуется задачами разработки законодательных и подзаконных актов, определяющих порядок предупреждения и разрешения ответственности.

Определение юридической ответственности и классификация ее видов создают теоретическую основу; для описания позитивной и негативной сторон исследуемого правового явления следует исходить из единого, обыденного склада строения и ответственности как одного целого. Используемое в современной правовой науке понятие «юридическая конструкция» обозначает подход к пониманию какого-либо правового явления как к системе взаимосвязанных элементов составляющих структуру.

Юридическая ответственность – важнейшая основа любой правовой системы наказания, имеющая значимость для правовых институтов ответственности своими признаками и юридическим конструкциям. В силу этого конструкции юридической ответственно-

сти занимает одной из центральных мест в институте гражданско-правовой ответственности [3, с. 1].

Гражданско-правовой ответственность по конструкции относится к определению юридической ответственности как общее к частному (гражданско-правовой ответственности).

Имеется большое количество мнений, суждений подходов конструкции юридической ответственности, определяющих сущность и особенности гражданско-правовой ответственности.

Несмотря на все предпринятые многочисленные предполагающие объяснения о понятии юридической ответственности, гражданско-правовая ответственность продолжает оставаться ускользающим для цивилистов явлением. Как только речь идет о том, чтобы схематизировать скрывшиеся реалии, исследователями выдвигают различные доводы. В итоге понятие гражданско-правовой ответственности в рамках юридической конструкции применяется для характеристики разных по природе правовых явлений, описания различных типов поведения субъектов, общества и государства.

Смысл юридической конструкции, – заметили С.С. Алексеев, Л.И. Глухарева [4, с. 44], – позитивный вклад в решении задачи познания юридической ответственности и отыскания адекватного определения может быть внесен, как думается, посредством изучения ее (наряду с другими подходами) с позиции правового конструирования, которое вызывает специфическое мышление. Конструирование представляет собой логические, грамматические и конструктивные приемы обработки правовой информации для создания специальных теоретических схем, выступающих основами условно-правовой реальности, с целью разрешения проблемных ситуаций теории и практики. Соответственно юридическую ответственность в качестве конструкции гражданско-правовой ответственности можно в широком смысле определить как разработанную доктрину, позволяющую теоретически осмыслить в правовом тексте и общественных отношениях закономерную связь взаимосвязанных элементов, структурированную зависимость личности, общества и государства, публичного и частного, определить в связи с этим их поведение и последствия.

Однако, решение теоритических вопросов по конструированию юридической ответственности авторы рассматривают с различных точек зрения, в частности Ю.И. Гревцова считает, что юридическая конструкция отличается от конструирования с тем, что научная деятельность имеет своим предметом истину, нацелена на поиск истины, так как юридическое конструирование реализуется целью, в зависимости от цели выстраивается собственно юридическое конструирование, – направленность, результат и др. [5, с. 200].

Наличие конструкции приводит к повышению рациональности и целостности правовой системы, а также как позитивный инструмент юридической ответственности способствует поэтапно реализоваться

механизму гражданско-правовой ответственности в рамках совершенного понятия юридической ответственности.

Значение самой «юридической конструкции» для юридической ответственности и для отдельных институтов ответственности трактуются в литературе очень часто. По мнению Г.И. Денисова, – юридическая конструкция в целом включает идеальные модели, схемы, шаблоны структурного построения прав, обязанностей, ответственности и иных элементов, используемых законодателем для формирования правовых норм [6, с. 114]. Юридическая конструкция – результат многовековых усилий науки и практики, которые в настоящее время упрощают процесс правового регулирования, делают структуру ответственности более четкой, ясной. Например, в сфере уголовного права – состав преступления; в сфере гражданского права – основания гражданско-правовой ответственности [7, с. 90].

Наличие конструкции приводит к повышению рациональности и целостности правовой системы; как позитивный инструмент юридической ответственности способствует поэтапно реализоваться механизму гражданско-правовой ответственности в рамках совершенного понятия юридической ответственности.

Тарасов Н.Н. отмечает, что конструкция юридической ответственности отождествляется с простым отражением состава гражданско-правовой ответственности по принципу прямого мысленного образа: «Всякое конкретное явление совершенно неисчерпаемо и бесконечно по своим отдельным признакам; надо всегда искать в явлении то, что делает его научным фактом» [7, с. 91].

П.И. Люблинский рассматривал конструкцию к понятию гражданско-правовой ответственности «как прием восхождения логических сопоставлений и обобщений до более общих принципов с последовательным восстановлением для решения конкретного нарушенного правового положения» [8, с. 67].

### Литература

1. Кошунова Н.П. Сущность и условия освобождения ответственности за нарушение должником договорного обязательства // Актуальные проблемы российского права, № 1. 2007.
2. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955.
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности (монография). М.: Норма, 2009.
4. Глухарева Л.И. Юридическая ответственность как правовая конструкция // Вектор науки ТГУ. № 3. 2010.
5. Гревцов Ю.И. Проблемы юридических конструкций // Юридическая техника. 2013. № 7. (Ч. 2).
6. Мильков А.В. К вопросу о понимании юридической конструкции // Пробелы в российском праве. № 3. 2011.
7. Денисов Г.И. Юридическая техника: теория практика // Журнал российского права. 2005. № 8.





8. *Королев И.И.* Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда... Дисс... канд. юрид. наук, 2011.

## References

1. *Koshunova N.P.* The nature and conditions for the exemption of liability for breach of the debtor's contractual obligation // Actual problems of Russian law, № 1. 2007.

2. *Matveev G.K.* Guilt in the Soviet civil law. Kiev, 1955.

3. *Vitruk N.V.* General theory of legal liability (monograph). M.: Norma, 2009.

4. *Gloukhareva L.I.* Legal liability as the legal construction of the // Vector of Sciences of TSU. No. 3. 2010.

5. *Grevtsov Yu.I.* Problems legal structures // Legal technique. 2013. № 7. (p. 2).

6. *Milkov A.V.* To the question of understanding the legal structure // Gaps in the Russian legislation. № 3. 2011.

7. *Denisov G.I.* Legal techniques: theory practice // Journal of Russian law. 2005. № 8.

8. *Korolev I.I.* Civil liability for damage caused by unlawful actions of bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecution and court... Dis. cand. leg. sciences, 2011.

УДК 34.03

ББК 67.304

## ВОПРОСЫ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

**СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КУКУШКИН,**

*доцент кафедры гражданского права и процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук*

*E-mail: kukushkinsrgji@rambler.ru;*

**КАРИНА КАРИМОВНА РАМАЗАНОВА,**

*преподаватель кафедры гражданского права и процесса  
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат юридических наук*

*E-mail: Virta-jane@mail.ru*

*Научная специальность 12.00.03 – гражданское право;*

*предпринимательское право; семейное право;*

*международное частное право*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются вопросы деликтной ответственности Российской Федерации в лице государственного органа исполнительной власти в сфере внутренних дел – МВД России. Затронуты условия наступления деликтной ответственности за вред, причиненный неправомерными действиями (бездействием) сотрудников органов внутренних дел. Приводятся примеры правоприменительной практики с учетом отдельных положений законодательства о службе в органах внутренних дел.

**Ключевые слова:** сфера внутренних дел, деликтная ответственность, причинение вреда, ущерб, моральный вред, условия ответственности, генеральный деликт, специальный деликт, орган государственной власти.

**Annotation.** Considered the questions of tort liability of the Russian Federation in the person of the state body of executive power in the sphere of internal affairs. In particular, the article addresses the conditions of occurrence of the tort liability of the Russian Federation for damage caused by unlawful actions (inaction) of police officers. The reasoning of the author illustrated by examples of law enforcement practice with regard to the specific provisions of the law on service in the internal affairs officials.

**Keywords:** domestic affairs, tort liability, injury, damage, moral damage, conditions of liability, general tort, special tort, public authority.

Согласно Конституции Российской Федерации<sup>1</sup> каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53); права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52).

В законодательстве, регулирующем те или иные направления деятельности государства в лице государственных органов (должностных лиц этих органов) имеются нормы об имущественной ответственности, возникающей в результате деятельности этих органов. В этом смысле деятельность государства в лице МВД России не осталась без внимания. Так, согласно ч. 3 ст. 33 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»<sup>2</sup> (далее – закон «О полиции») вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника полиции при выполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством РФ.

Во многом аналогичная норма содержится в ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>3</sup> (далее – закон «О службе в ОВД»), согласно которой вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника органов внутренних дел (далее – ОВД) при выполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (далее – РФ).

Как видно из содержания указанных норм права, вред, причиненный материальным и нематериальным благам потерпевших сотрудниками ОВД при исполнении ими служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством РФ. На вопрос: какое это конкретно законодательство, ни Закон «О полиции», ни Закон «О службе в ОВД» не отвечают. Однако, исходя из содержания Гражданского кодекса Российской Федерации<sup>4</sup> (далее – ГК РФ) основные положения: устанавливающие порядок и размер получения имущественного возмещения (компенсации) частными лицами (физическими и юридическими), ввиду умаления принадлежащих им материальных или нематериальных благ органами (должностными лицами) публичного управления в целом имеют гражданско-правовую природу. Ведь деликтная ответственность причинителя вреда (деликвента) характеризуется следующим: (а) имеет имущественный характер; (б) участники этого отношения юридически равны; (в) во многом деликтное отношение построено на нормах гражданского права; (г) взыскивается в пользу потерпевшего, а не государства; (д) имеет компенсаторно-восстановительную, а не ре-

прессивно-карательную функцию (ст. 1, ст. 2, ст. 1064 ГК РФ).

Между тем, по общему правилу деликтная ответственность государства наступает в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов (ст. 16 ГК РФ). В свою очередь, критерии законности или противозаконности правоохранительной деятельности отражены в специальном «служебном законодательстве», а также в уголовном законе, которые имеют публично правовую природу.

Итак, несмотря на то, что ответственность РФ за действия (бездействие) сотрудников ОВД наступает в результате нарушения государственными органами (и их должностными лицами) норм публичного законодательства (законодательство о службе в ОВД), предусматривающих права и обязанности государственных органов и должностных лиц, она носит гражданско-правовой характер.

Обязательства вследствие причинения вреда являются одними из старейших видов обязательств: со времен римского права они получили название деликтных обязательств (от латинского термина *delictum* - проступок, правонарушение). Под деликтом принято понимать причиняющее имущественный вред противоправное поведение, не представляющее собой неисполнение обязательства<sup>5</sup>. Соответственно, последовательным результатом деликта выступает юридическая ответственность за его совершение. Под ответственностью по гражданскому праву понимается применение к правонарушителю мер принуждения – санкций, которые имеют имущественное содержание (возмещение убытков, компенсация морального вреда и т.д.). Однако, гражданско-правовая ответственность может наступать на основании нарушения договора, и поэтому ее параметры обусловлены содержанием этого частного акта сторон, а также на основании действия нарушающего имущественную и личную неимущественную сферу потерпевшего лица<sup>6</sup>.

Внедоговорные обязательства опосредуют отношения, не характерные для нормального течения жизни, т.е. аномальные имущественные отношения (напр., отношения, связанные с повреждением или уничтожением чужого имущества лицом, с которым собственник этого имущества ни о чем не договаривался).

*Понятие «генерального деликта».*

Согласно ч. 1, 2 ст. 1064 ГК РФ:

- вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред;

- лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине.

Таким образом, принцип «генерального деликта» заключается в том, что причинение вреда одним лицом (причинителем вреда) другому (потерпевшим) само по себе является основанием возникновения обязанности возместить причиненный вред. При этом *потер-*



*певший* не должен доказывать ни противоправность действий *причинителя вреда*, ни его вину. Наличие их презюмируется.

Исключения из принципов генерального деликта:

- законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда (абз. 2 ч. 1 ст. 1064 ГК РФ);

- законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда (ч. 2 ст. 1064 ГК РФ);

- подлежит возмещению вред, причиненный правомерными действиями, но лишь в случаях, предусмотренных законом (ч. 3 ст. 1064 ГК РФ);

- законом или договором может быть установлена обязанность причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда (абз. 3 ч. 1 ст. 1064 ГК РФ);

- в возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя вреда не нарушают нравственные принципы общества (абз. 2 ч. 3 ст. 1064 ГК РФ).

При этом принцип генерального деликта не означает, что ответственность должна применяться лишь в силу самого факта причинения вреда. Законом определены общие условия ответственности за причиненный вред, которые входят в содержание понятия «генеральный деликт». К числу этих условий относятся:

- поведение причинителя вреда (неправомерное, а в случаях прямо указанных в законе и правомерное поведение – действия или бездействие);

- вред (уменьшение материальных и (или) нематериальных благ);

- причинная связь между поведением и вредом;

- вина (умысел или грубая неосторожность – ст. 401 ГК РФ).

С учетом сказанного представляет интерес квалификация субъекта деликтной ответственности за вред причиненный при исполнении служебных обязанностей сотрудниками МВД России. МВД России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через органы внутренних дел и органы управления внутренними войсками (п.6 Положения «О МВД России»<sup>7</sup>). Принимая во внимание характер деятельности МВД России, которая связана с ограничением прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц, как то: предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам; производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний; обеспечение безопасности дорожного движения<sup>8</sup> и т.д., нельзя полностью исключить возможный вред (ущерб) жизни, здоровью или имуществу тех или иных лиц. В этом смысле в ст. 16 ГК РФ утверждается, что убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных

органов или должностных лиц этих органов подлежат возмещению Российской Федерацией. Дополняет указанную норму ст. 1069 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) *государственных органов* либо *должностных лиц* этих органов подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации.

Другими словами здесь имеет место исключение из принципа генерального деликта – фактически вред причиняет должностное лицо (сотрудник) государственного органа, а ответственность за это несет государство – публично-правовое образование.

Согласно п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 31 мая 2011 г. № 145<sup>9</sup>, в силу ст. 16, 1069 ГК РФ ответчиком по иску возмещения вреда, причиненного государственными органами, а также их должностными лицами, является соответствующее публично-правовое образование. Рассматривая иски, предъявленные согласно ст. 16, 1069 ГК РФ, судам необходимо иметь в виду, что должником в обязательстве по возмещению вреда, причиненного в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов либо должностных лиц этих органов, также является публично-правовое образование, а не его органы либо должностные лица этих органов.

Иными словами, причинителем вреда (надлежащим ответчиком) при требовании о взыскании убытков, причиненных гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, является Российская Федерация, а не тот государственный орган или должностное лицо, непосредственными действиями которых был причинен вред<sup>10</sup>.

Следовательно, если сотрудник ОВД при исполнении служебных обязанностей причиняет вред (ущерб) физическим или юридическим лицам, то он не несет имущественной (деликтной) ответственности непосредственно перед потерпевшим лицом. Перед потерпевшим отвечает Российская Федерация через орган государственной власти (МВД России), должностное лицо которого (сотрудник ОВД) своими противоправными действиями (бездействием) причинило ущерб физическим или юридическим лицам. Причем непосредственно в судебный процесс, в целях представления интересов МВД России, привлекается его территориальный орган. Так, согласно п.п. 34 п. 13 «Типового положения о территориальном органе МВД России по субъекту РФ»<sup>11</sup> территориальный орган осуществляет в установленном порядке защиту в судах интересов МВД России, а также интересов территориального органа.

В этом смысле имеет значение правило, содержащее в ч. 1 ст. 125 ГК РФ, согласно которому от имени РФ своими действиями приобретают и осуществляют имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступают в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов.

Относительно компетенции МВД России в рамках деликтных отношений можно сказать следующее. Согласно п.п. 63 п. 12 Положения «О МВД России» в объем компетенции МВД России входит обязанность осуществлять функции главного распорядителя бюджетных ассигнований федерального бюджета в части содержания МВД России и реализации возложенных на него задач. В свою очередь, согласно п. 1 ч. 3 ст. 158 БК РФ главный распорядитель средств федерального бюджета выступает в суде от имени Российской Федерации в качестве представителя ответчика по искам к Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного физическому лицу или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов или должностных лиц этих органов по ведомственной принадлежности.

*Таким образом, по делам связанным с причинением вреда жизни, здоровью и имуществу лиц, потерпевших от действий (бездействия) сотрудников ОВД в качестве ответчика выступает МВД России, которое действует от имени Российской Федерации через свой территориальный орган (ГУ МВД России по области, краю и т.д.).*

Следует отметить, что в качестве ответчика (а иногда третьего лица) в судебный процесс по возмещению вреда Российской Федерацией привлекается Минфин РФ, что имеет свое нормативное обоснование. В Письме Минфина РФ от 11 июля 1997 г. № 3-А2-03 «Об ответчиках при рассмотрении дел о возмещении вреда»<sup>12</sup>, говорится, что при рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу, ответственность за который установлена ст. 1069 и ст. 1070 ГК РФ, надлежащими ответчиками являются Минфин РФ, если вред подлежит возмещению за счет казны РФ. Данный подход в целом справедлив, ведь согласно ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда причиненный вред подлежит возмещению за счет казны РФ, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если в соответствии с ч. 3 ст. 125 ГК РФ эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина.

Про финансовый орган в качестве представителя ответчика от имени РФ говорится в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ № 6/8 от 1 июля 1996 г.<sup>13</sup>, согласно которому в случае предъявления гражданином или юридическим лицом требования о возмещении убытков, причиненных в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов или должностных лиц этих органов, необходимо иметь в виду, что ответчиком по такому делу признается Российская Федерация в лице соответствующего финансового или иного управомоченного органа.

Однако, в абз. 3 п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г. № 23<sup>14</sup> говорится, что лишь при отсутствии на момент возникновения спорных правоотношений, государственного органа (главного распорядителя бюджетных средств) в качестве представи-

теля публично-правового образования, привлекается соответствующий финансовый орган.

Последний подход выглядит более предпочтительным ввиду следующего:

- Минфин РФ в указанных случаях, в лице своих должностных лиц никому вред не причинял;
- имущество в любом случае взыскивается не с государственного органа, а из бюджета (при удовлетворении указанных исков в резолютивной части решения суда должно указываться о взыскании денежных средств за счет казны соответствующего публично-правового образования, а не с государственного или муниципального органа – абз. 3 п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г. № 23);
- главный распорядитель средств федерального бюджета, представлявший в суде интересы РФ (МВД России), в любом случае обязан направить в Минфин РФ информацию о результатах рассмотрения дела в суде в течение 10 дней после вынесения (принятия) судебного акта в окончательной форме (ч. 2 ст. 242.2 БК РФ).

Между тем, Верховный Суд РФ утверждает, что в делах по требованиям реабилитированных о возмещении имущественного вреда в качестве ответчика от имени казны РФ привлекается Минфин РФ. При этом Интересы Минфина РФ в судах представляют по доверенности (с правом передоверия) управления Федерального казначейства по субъектам РФ<sup>15</sup>.

*Поведение причинителя вреда (сотрудника ОВД) как условие наступления деликтной ответственности за причиненный вред.*

За неправомерное поведение сотрудника ОВД при исполнении им служебных обязанностей несет ответственность государство лице МВД России, а не МВД России в лице своего территориального органа. Принимая во внимание сказанное, в отношении квалификации поведения сотрудника ОВД следует отметить, что специального указания закона (ч. 3 ст. 1064 ГК РФ) о возмещении вреда, причиненного именно правомерными действиями сотрудника ОВД, не имеется. Поэтому, говоря о неправомерности поведения сотрудника ОВД, необходимо уяснить общее положение о деятельности полиции.

В ч. 2–3 ст. 33 Закона «О полиции» говорится, что сотрудник полиции при выполнении им служебных обязанностей несет ответственность лишь за противоправные действия (бездействие); при этом если противоправным поведением был причинен вред гражданам и организациям, то этот вред подлежит возмещению в порядке, установленном федеральным законом.

Следовательно, для привлечения к деликтной (имущественной) ответственности Российской Федерации в лице МВД России и (или) его территориального органа, необходимо наличие факта неправомерности поведения или, иначе, неправомерности действия (бездействия) сотрудника ОВД. Как следует из ч. 1, 2 ст. 1 Закона «О полиции», полиция осуществляет свою деятельность в точном соответствии с за-





коном. Всякое ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов общественных объединений, организаций и должностных лиц допустимо только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом.

Для иллюстрации сказанного можно привести ряд примеров.

(А) Согласно п. 1 инструкции, утвержденной Приказом МВД России от 23 декабря 2011 г. № 1298<sup>16</sup> следует, что указанная инструкция определяет порядок доставления сотрудниками полиции лиц, находящихся на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах и других общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке в медицинские организации государственной и муниципальной систем здравоохранения.

Таким образом, если лицу причинен вред посредством доставления его в медицинскую организацию лишь по причине опьянения, будучи не утратившим способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, то причиненный в результате таких действий сотрудников ОВД вред подлежит возмещению РФ в лице МВД России;

(Б) В соответствии с ч. 3 ст. 15 закона «О полиции» проникновение сотрудников полиции в жилые помещения, занимаемые организациями допускается в случаях, предусмотренных законодательством РФ, в том числе для:

- спасения жизни граждан и (или) их имущества;
- обеспечения безопасности граждан или общественной безопасности при массовых беспорядках и чрезвычайных ситуациях;
- задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления;
- пресечения преступления;
- установления обстоятельств несчастного случая.

Если проникновение в жилые помещения организаций сотрудником полиции не соответствует указанному в законе случаям (целям), то на указанные действия ложится печать неправомерности, что, соответственно, открывает возможность возмещения вреда организации за счет государства.

Кроме того, в соответствии с п. 2 ч. 5 ст. 15 Закона «О полиции» если сотрудник полиции, осуществляет входение (проникновение) в жилое помещение по основанию, указанному в законе, то он в любом случае обязан использовать безопасные способы и средства, с уважением относиться к чести, достоинству, жизни и здоровью граждан, не допускать без необходимости причинения ущерба их имуществу. Любое из указанных действий, обладающих признаками «чрезмерности» (избыточности), может говорить о противоправности в деятельности сотрудника полиции.

(В) Достаточно наглядно в части противоправной квалификации действий сотрудника полиции выглядит положение ст. 18 закона «О полиции» в п. 9 которой, прямо говорится, что сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, законом «О полиции» и другими федеральными законами.

(Г) Относительно противоправного бездействия сотрудника полиции следует также вспомнить ч. 2 ст. 27 закона «О полиции», согласно которой, сотрудник полиции независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток обязан:

- 1) оказывать первую помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также гражданам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья;
- 2) в случае обращения к нему гражданина с заявлением о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии либо в случае выявления преступления, административного правонарушения, происшествия принять меры по спасению гражданина, предотвращению и (или) пресечению преступления, административного правонарушения, задержанию лиц, подозреваемых в их совершении, по охране места совершения преступления, административного правонарушения, места происшествия и сообщить об этом в ближайший территориальный орган или подразделение полиции.

Вред, нанесенный потерпевшим лицам в результате противоправного поведения (в контексте указанной нормы бездействия) сотрудника полиции так же подлежит возмещению за счет государства в лице МВД России.

Однако, здесь важно помнить положения п. 5 ч. 3 ст. 4 Закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», согласно которым сотрудник ОВД не вправе отказаться от выполнения своих служебных обязанностей, если эти обязанности предусмотрены контрактом о прохождении службы в ОВД или должностным регламентом (должностной инструкцией) и для выполнения этих обязанностей приняты необходимые меры безопасности.

Иными словами, если безопасность сотрудника ОВД не обеспечена надлежащим образом, то в его бездействии при указанных обстоятельствах, нет признаков противоправности, а следовательно и нет основания для возмещения вреда потерпевшему за счет государства в лице МВД России.

Следует отметить, что вред, причиненный правомерными действиями, по общему правилу не возмещается, если иное не предусмотрено законом, например причиненный в состоянии крайней необходимости.

Согласно ч. 3 ст. 1067 ГК РФ вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть возмещен лицом, причинившим вред. При этом важно помнить, что обязанность возместить правомерно причиненный вред не может рассматриваться как мера ответственности, поскольку она лишена содержания, оснований и функций ответственности<sup>17</sup>.

Общепризнано, что действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, несмотря на то, что они причиняют вред другим охраняемым законом интересам, являются правомерными и полезными<sup>18</sup>. Поэтому для возложения обязанности по возмещению вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, на причинителя достаточно только двух условий: наличия вреда и причинной связи между действиями причинителя и наступившим вредом<sup>19</sup>. При этом, если при рассмотрении дела будет установлено, что причинитель вреда действовал в состоянии крайней необходимости в целях устранения опасности не только в своих интересах, но и в интересах третьего лица, суд может возложить обязанность возмещения вреда на них обоих по принципу долевой ответственности с учетом обстоятельств, при которых был причинен вред. Суд также вправе частично либо полностью освободить этих лиц или одного из них от обязанности по возмещению вреда<sup>20</sup>.

На основе вышесказанного можно заключить, что феномен противоправности поведения (действия или бездействия) сотрудника полиции имеет многогранный характер и обусловлен спецификой правоохранительной деятельности. Правовое регулирование деликтных отношений, возникающих в результате неправомерного поведения сотрудников полиции, имеет комплексный характер. При этом если гражданское законодательство устанавливает общие процедурные правила возмещения причиненного вреда должностными лицами органов публичной власти, то законодательство о службе в полиции предусматривает собственные (аутентичные) основания возмещения имущественного вреда, причиненного в результате правоохранительной деятельности МВД России.

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 27 декабря.

<sup>2</sup> О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

<sup>3</sup> О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федерал. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

<sup>4</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Гражданский кодекс Российской Федерации часть вторая: федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

<sup>5</sup> См.: Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. С. 7

<sup>6</sup> В науке гражданского права широко распространено деление обязательств на две группы: договорные и внедоговорные. Это деление проводится по признаку оснований возникновения обязательств: договорные возникают главным образом из договоров, т.е. по соглашению сторон, а внедоговорные - из оснований, предусмотренных законом.

<sup>7</sup> Утв. Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248.

<sup>8</sup> См.: ст. 2 закона «О полиции».

<sup>9</sup> Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31 мая 2011 г. № 145 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 8.

<sup>10</sup> См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм БК РФ»; Постановление девятого Арбитражного апелляционного Суда от 25 сентября 2012 г. № 09АП-26319/2012.

<sup>11</sup> Утв. Указом Президента РФ от 01 марта 2011 г. № 249.

<sup>12</sup> Об ответчиках при рассмотрении дел о возмещении вреда: письмо Минфина РФ от 11 июля 1997 г. № 3-А2-03 // Нормативные акты по финансам, налогам, страхованию и бухгалтерскому учету. 1997. № 12.

<sup>13</sup> О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 г. // Вестник ВАС РФ. 1996. № 9.

<sup>14</sup> О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г. № 23 // Вестник ВАС РФ. 1996. № 8.

<sup>15</sup> См.: п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 УПК РФ регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве».

<sup>16</sup> «Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации».

<sup>17</sup> См.: Шевченко А.С. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями. Владивосток, 1989. С. 45.

<sup>18</sup> Гражданское право: Учеб. : в 3 т. Т. 3 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.] // Под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2010.

<sup>19</sup> Ярошенко К.Б. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». М.: Юридическая литература, 2011. Вып. 16. С. 3–22.

<sup>20</sup> См.: п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.



УДК 343.54  
ББК 67.308

## К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ В ЗАНЯТИЕ ПРОСТИТУЦИЕЙ ИЛИ ПРИНУЖДЕНИЕ К ПРОДОЛЖЕНИЮ ЗАНЯТИЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ

**БОРИС НИКОЛАЕВИЧ КАДНИКОВ,**

*доцент кафедры «Юриспруденция, интеллектуальная собственность  
и судебная экспертиза» МГТУ им. Н.Э. Баумана, кандидат юридических наук;*

**ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ СМЕРНОВ,**

*начальник управления ООО «Лизингпромхолд», кандидат юридических наук*

*Научная специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;*

*уголовно-исполнительное право*

*E-mail: kitekat.boris@yandex.ru*

*Рецензент: кандидат юридических наук, доцент М.М. Дайшуттов*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Анализируются проблемы уголовной ответственности за вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 240 УК РФ), раскрываются признаки данного состава преступления, особенно в части появившихся новелл, связанных с нравственным развитием и здоровьем несовершеннолетних. Рассматривается вопрос о разграничении смежных преступлений, в том числе связанных с ответственностью получателей сексуальных услуг в условиях торговли людьми, рабского содержания и вовлечения в проституцию. Предлагаются варианты квалификации преступлений подобного вида с учетом судебного толкования.

**Ключевые слова:** уголовная ответственность за вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией; характеристика признаков состава преступления, предусмотренного ст. 240 УК РФ, и критериев отграничения от смежных преступлений; квалификация действий по принуждению занятием проституцией; отличие вовлечения в занятие проституцией от торговли людьми.

**Annotation.** Analyzed the problems of criminal liability for engaging in prostitution or coercion to continue prostitution (article 240 of the criminal code), characteristics of this crime, especially of the stories associated with moral development and health of minors. Considered the question of delimitation of related crimes, including those related to the responsibility of the recipients of sexual services in terms of human trafficking, slave content and engaging in prostitution. Variants of qualification of crimes of this kind with regard to judicial interpretation.

**Keywords:** criminal liability for engaging in prostitution or coercion to continue prostitution; characteristic signs of the crime, Art. 240 of the criminal code, and criteria for distinguishing from related crimes; qualifications of action on forced prostitution; difference in inclination in prostitution from trafficking.

Необходимо отметить, что вопросы ответственности за преступления, связанные с проституцией, весьма актуальны и исследованы, на наш взгляд, еще недостаточно полно. В работах отдельных авторов не учитывались изменения уголовного закона и разъяснения высших судебных инстанций<sup>1</sup>.

Существенные дополнения в гл. 25 УК РФ внесены в соответствии с Федеральными законами от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ и от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ. Во-первых, ужесточена ответственность за деяния, предусмотренные ч.ч. 1 или 2 ст. 240 УК, совершенные организованной группой либо в отношении несовершеннолетнего и за организацию заня-

тия проституцией с использованием для этого несовершеннолетних или малолетних. Во-вторых, в УК включена ст. 240<sup>1</sup>, предусматривающая ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего, и ст. 242<sup>2</sup> (использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов). Такая работа законодателя требует тщательного анализа (особенно законодательные новеллы) и разъяснений по их применению.

Особенности вовлечения в занятие проституцией как состава преступления, предусмотренного ст. 240 УК, состоят в следующем. Во-первых, следует выде-

лить специфику объекта преступления и фигуры потерпевшего, чьи права и интересы пытается защитить законодатель. Преступление находится в гл. 25 УК РФ, видовым объектом выделена совокупность общественных отношений, составляющих общественный порядок и общественную нравственность. Более узкий, непосредственный объект этого преступления составляют общественные отношения, содержанием которых является нравственное поведение граждан в сексуальной сфере. Во-вторых, проституция подразумевает под собой сексуальные отношения, т.е. вступление в половую связь с любым физическим лицом за вознаграждение в любой форме. Основу таких отношений составляют не взаимное влечение, симпатия, привязанность, а стремление получить за соответствующее вознаграждение, которое нередко является единственным источником материального существования лица, занимающегося проституцией<sup>2</sup>.

Опасность деяния состоит не в том, что происходит занятие проституцией, а в самой форме приобщения граждан к этому запрещенному административным законодательством явлению. Человека заставляют заниматься сексом в разных формах, лишая его свободы выбора сексуального партнера. Полагаем, что те случаи, где вовлечение осуществляется на добровольной основе, не следовало бы относить к преступным деяниям. В этом случае достаточно административной ответственности. Криминализации, на наш взгляд, должно подлежать только вовлечение путем принуждения к занятию проституцией в различных формах. Помимо этого, могут иметь место и дополнительные объекты посягательства, в тех случаях, когда основному составу сопутствуют квалифицирующие признаки. Например, если вовлечению в занятие проституцией сопутствует незаконное перемещение через границу, дополнительным объектом выступает свобода передвижения лица, которого вовлекают в занятие проституцией. Если же вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией совершено в отношении лица, заведомо не достигшего 14 лет, страдает еще и половая неприкосновенность малолетнего лица.

В научной литературе отмечается, что под вовлечением в проституцию следует понимать любые действия, направленные на возбуждение желания заниматься проституцией у лица, ранее не занимавшегося этим видом деятельности. Это могут быть обращения, уговоры, убеждения, угрозы применения насилия, а также непосредственно применение физического и психического насилия<sup>3</sup>. Отсюда можно заключить, что вовлечение в проституцию может осуществляться как на добровольной основе, так и принудительно. Следует упомянуть и о таком способе вовлечения, как шантаж.

Принуждение к продолжению занятием проституцией подразумевает под собой оказание на лицо физического либо психического воздействия. В качестве потерпевшего рассматривается лицо, занимающееся проституцией, но желающее прекратить данную деятельность.

Возникает закономерный вопрос: связь какого рода следует считать проституцией? Необходимы ли для этого прямые половые контакты или достаточно опосредованного характера оказания сексуальных услуг (секс по телефону, стриптиз)? Полагаем, что демонстрация обнаженного тела, сексуальных действий, торговля фантазиями сексуального характера находятся за рамками понятия проституции. Для признания действия проституцией необходимо вступление в половые отношения с проституирующим лицом (гомосексуальные либо гетеросексуальные).

Для решения вопроса об уголовной ответственности не имеет значения, сколько раз лицо занималось проституцией. Хотя отдельные авторы говорят о систематичности, неоднократности, не менее трех раз<sup>4</sup>. Полагаем, что достаточно и одного раза принуждения к занятию проституцией. Другим необходимым признаком проституции является цель получения материального вознаграждения<sup>5</sup>. Без этого признака имеет место такая деятельность, вовлечение в которую не является уголовно наказуемым деянием, – это беспорядочные половые связи. Только вопрос ставится очень четко. Ответственности подлежит лицо, принуждающее к занятию проституцией и получающее за это преступную наживу. Жертва проституции в этом случае не должна привлекаться даже к административной ответственности. Повторяем, что это относится к принудительным действиям.

Изучение уголовных дел показывает, что в 60% случаев происходит принуждение к занятию проституцией либо к продолжению занятием ею. Этому предшествует похищение жертв, незаконное лишение свободы, насилие или шантаж. Полагаем, что в ч. 1 ст. 240 УК РФ следует закрепить ответственность за принуждение к занятию проституцией путем применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, или путем шантажа. В ч. 2 данной статьи необходимо установить ответственность за принуждение путем применения насилия, опасного для жизни или здоровья, или угрозы применения такого насилия, а также оставить другие квалифицирующие признаки. В ч. 3 данной статьи необходимо установить ответственность за принуждение к проституции в форме сексуальной эксплуатации, а также оставить другие особо квалифицирующие признаки.

В реальной жизни нередко возникают иные ситуации: сутенеры и иные лица, паразитирующие на проституции, не только вовлекают в занятие проституцией «новичков», но и осуществляют различные действия для обеспечения покорности лиц, уже промышляющих проституцией, либо для пресечения их попыток прекратить эту деятельность или заниматься ею самостоятельно в целях уклонения от поборов. Подобные случаи следует также признавать принуждением к занятию проституцией.

При характеристике объективной стороны вовлечения в занятие проституцией нельзя обойти вниманием вопрос о способе совершения этого преступления. Способ совершения преступления – это «прием, дей-





ствии, метод, набор тактических средств, с помощью которых достигается успех преступного деяния или его неудача»<sup>6</sup>. В старой редакции ст. 240 УК способ преступления являлся обязательным признаком состава преступления. В числе способов вовлечения в занятие проституцией законодатель ранее указывал: насилие, угрозу его применения, шантаж, уничтожение или повреждение имущества либо обман. Добровольное согласие на занятие проституцией не влекло уголовного преследования лица, вовлекающего в занятие проституцией. Хотя уже в этот период судебное толкование по данному поводу более точно соответствовало времени. Такое толкование было дано в отмененном в настоящее время постановлении № 16 Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность». В п. 10 названного постановления вовлечение было определено как «... действия, направленные на возбуждение желания участвовать в совершении одного или нескольких преступлений, сопряженные с применением физического или психического воздействия»<sup>7</sup>.

Полагаем, что сегодняшняя редакция диспозиции ст. 240 УК РФ в целом отвечает критериям криминализации (требуются лишь минимальные дополнения).

В современных условиях проблема вовлечения в занятие проституцией и принуждения к продолжению занятием проституцией, особенно в связи с массовой миграцией рабочей силы, в том числе за рубеж вышла на международный уровень. Очень часто предложения о работе, в частности за рубежом, преследуют цель заставить заниматься проституцией женщину. В данной ситуации нанятые для работы девушки и молодые женщины оказываются всецело зависимыми от якобы «работодателя». Например, В. обратилась по объявлению о высокооплачиваемой работе с гибким графиком работы на дому. Когда она пришла по указанному адресу для трудоустройства, у нее забрали документы якобы для их оформления и предложили приступить к работе в качестве стажера. Ее привезли в гостиницу, к клиенту, который сделал «заказ» на оказание ему сексуальных услуг, однако В. наотрез отказалась заниматься проституцией. Получив от нее отказ, сутенер отвез ее на одну из квартир, где стал оказывать на нее психическое воздействие, угрожая лишить жизни, бил ее и подвергал пыткам. Девушке удалось бежать<sup>8</sup>.

Одним из тягчайших последствий проституции является то, что в этот промысел постоянно вовлекаются новые лица – новые жертвы, которые становятся объектом сексуальной эксплуатации. Но в этом случае речь следует вести в большей степени об ответственности за торговлю людьми либо за совокупность преступлений (принуждение к занятию проституцией и торговля людьми).

Субъективная сторона принуждения к занятию проституцией предполагает только прямой умысел:

виновный осознает, что совершает общественно опасное деяние (принуждает заниматься проституцией другое лицо) и желает совершить эти действия. Если в занятие проституцией вовлекается несовершеннолетний, то это обстоятельство должно быть известно виновному. Знание о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего может быть основано на сообщении об этом им самим, его поведении, внешнем виде и других обстоятельствах (например, наличии у несовершеннолетнего характерных предметов). Однако, в этом случае, если несовершеннолетний достиг шестнадцати лет и занимается под принуждением проституцией, то действия лица, которое получает такого рода сексуальные услуги, также наказуемы в соответствии со ст. 240<sup>1</sup> УК. Перечень услуг оговорен в примечании к ст. 240<sup>1</sup> УК. Сексуальные услуги должны оказываться несовершеннолетним за денежное или любое другое вознаграждение самого несовершеннолетнего или третьего лица либо за обещание такого вознаграждения. При отсутствии этих условий ответственность по данной статье исключается. Если несовершеннолетний не достиг 16 лет, и, будучи принуждаемым к занятию проституцией, оказывает сексуальные услуги, то лицо, получившее подобные услуги, будет нести ответственность по ст. 134 или 135 УК РФ. Возраст до 16 лет не означает, что всегда применяются ст. 134 или 135 УК РФ. Если несовершеннолетний или малолетний не понимали сути происходящего, либо находились в беспомощном состоянии, то действия и того, кто принуждает к занятию проституцией и того, кто принимает такие услуги, должны, по нашему мнению, квалифицироваться по ст. 131 или 132 УК РФ (как изнасилование или насильственные действия сексуального характера)<sup>9</sup>. При наличии признаков торговли людьми и или рабского состояния, действия виновных требуют дополнительной квалификации по ст. 127<sup>1</sup> или 127<sup>2</sup> УК РФ. Показателен в этом плане следующий пример. В г. Махачкале А. подобрала для занятия проституцией девушек из числа студенток, приехавших из районов на учебу. Она предоставила им квартиру для жилья, которая одновременно была притоном для занятия проституцией. Это продолжалось в течение трех лет, пока одна из девушек не пропала. Ее подруги, испугавшись, заявили в милицию о том, что их подругу похитили знакомые А. По данному делу было возбуждено уголовное дело по ст. 127 «незаконное лишение свободы» и ст. 240 «вовлечение в занятие проституцией» и ст. 241 «организация занятия проституцией»<sup>10</sup>.

В ч. 2 ст. 240 установлена ответственность за квалифицированные виды вовлечения в занятие проституцией: а) с применением насилия или с угрозой его применения; б) с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей; в) группой лиц по предварительному сговору. Отдельные авторы полагают, что применение насилия является квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 240 и охватывает такие действия, как нанесение побоев и причинение

вреда здоровью вплоть до средней степени тяжести (ст. 115 и ч. 1 ст. 112 УК РФ). Дополнительной квалификации здесь не требуется. Полагаем, что это разъяснение весьма произвольным, так как в этом случае насилие является оценочным понятием и не конкретизировано в материалах судебной практики. Поэтому мы предлагаем дифференцировать ответственность в зависимости от характера насилия. Следует также согласиться с теми авторами, которые предлагают в случае, если насилие сопряжено с издевательствами или мучениями для потерпевшего, либо в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ), а также, если применялось истязание в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, или в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, либо с применением пытки (п.п. «в», «г», «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ), квалифицировать содеянное по названным статьям по совокупности со ст. 240 УК РФ. Однако, нам представляется спорным утверждение о том, что такая совокупность необходима во всех случаях, когда вовлечение в занятие проституцией сопровождается совершением других преступлений, например, развратными действиями<sup>11</sup>. Применение угрозы применения насилия (п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ) должно охватывать возможность причинения убийства, тяжкого вреда здоровью или вреда средней тяжести. При этом необходимым ее признаком является реальность осуществления: угроза должна восприниматься потерпевшим как неизбежное в будущем причинение ему вреда<sup>12</sup>.

Если насилие повлекло смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда здоровью, то содеянное должно дополнительно квалифицироваться по статьям о преступлениях против жизни и здоровья. Практике также известны случаи, когда в целях вовлечения в занятие проституцией жертва подвергалась изнасилованию с угрозой его повторения. В этом случае также будет совокупность преступлений. Насилие или угроза его применения могут быть адресованы близким и родным лица, вовлекаемого в занятие проституцией, поскольку в законе отсутствует указание на адресата этих действий.

Принуждение к занятию или продолжению занятием проституцией, совершенное с перемещением потерпевшего через государственную границу или незаконным удержанием за границей (п. «б» ч. 2 ст. 240 УК РФ) предполагает вывоз потерпевшего из РФ за границу или противоправное воспрепятствование его возвращению в Россию. При этом вывоз и ввоз девушек и молодых женщин для занятия проституцией в страны дальнего и ближнего зарубежья может осуществляться как нелегально (без документов, удостоверяющих личность, или без разрешения официальных властей), так и легальным путем – по подложным или настоящим документам.

Вовлечение в занятие проституцией, совершенное группой лиц по предварительному сговору, представляет повышенную общественную опасность. Это об-

стоятельство превращает данное деяние из преступления средней тяжести в тяжкое (ч. 4 ст. 15 УК РФ), так как санкция ч. 2 ст. 240 предусматривает наказание в виде лишения свободы до 6 лет.

Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении.

По ч. 2 данной статьи необходимо установить более жесткую санкцию (наказание от 2 до 10 лет лишения свободы).

В ч. 3 ст. 240 УК РФ предусмотрена ответственность за деяние, совершенное организованной группой либо в отношении заведомо несовершеннолетнего. По поводу организованной группы автор уже высказывался ранее.

Организованные группы, как правило, занимаются вовлечением в занятие проституцией длительное время, на так называемой «профессиональной» основе. Такие группы занимаются «поставкой» людей в различные, в том числе иностранные, публичные дома, нередко имеют транснациональный характер. В организованной преступной группе прослеживается четкое распределение ролей между этими соучастниками: одни ее члены принимают активное участие в подготовке вовлечения в занятие проституцией, другие вербуют девушек для занятия проституцией под различными предлогами, третьи обеспечивают транспортировку девушек и молодых женщин в зарубежные страны, четвертые принуждают, при необходимости применяя насилие, заниматься проституцией вовлекаемое лицо. Каждый член организованной группы знает свои непосредственные обязанности в ней.

В вопросах оценки действий такой группы авторы поддерживают позицию Пленума Верховного Суда РФ, высказанную в постановлениях по кражам, грабёжам и разбоям, по убийству и по изнасилованию и насильственным действиям сексуального характера<sup>13</sup>. Всех участников таких групп следует признавать соисполнителями и привлекать за все совершенные деяния.

Так, в г. Новгороде была задержана преступная группа из пяти человек под руководством нигде не работающего Е., которая привозила в г. Москву «живой товар» на продажу. Всего ими на панель было поставлено свыше ста девушек. Девушек держали в обычной трехкомнатной квартире, где могли проживать до 30 человек, вновь прибывшей мелом очерчивалась зона, которую ей запрещалось покидать, послушавшихся избивали металлическим прутом. Девушки работали на Е. совершенно бесплатно<sup>14</sup>. Все участники в этом случае выполняли объективную сторону или обеспечивали ее выполнение, поэтому они все должны быть признаны соисполнителями. В этом случае действия виновных следовало бы квалифицировать как сексуальное рабство в совокупности с принуждением к занятию проституцией. Ответственность за вовлечение в занятие проституцией, совершенное в отношении несо-



вершеннолетних, справедливо вынесена из состава ст. 151 УК РФ и включена в качестве квалифицирующего обстоятельства в ст. 240, так как нельзя равнять вовлечение в занятие проституцией с вовлечением в занятие попрошайничеством. Заведомость возраста несовершеннолетнего означает то, что виновному об этом известно заранее, до начала принуждения к занятию проституцией. В качестве предложения по совершенствованию законодательства необходимо дополнительно дифференцировать ответственность, в зависимости от возраста несовершеннолетних (до 14 лет и до 18 лет).

Анализ состава вовлечения в занятие проституцией или принуждения к занятию ею включает и такую проблему, как обоснованность установления уголовной ответственности за само занятие проституцией. Полагаем, что такое решение не является обоснованным с точки зрения криминологической обусловленности. Добровольная проституция требует более решительных законодательных решений, возможно, связанных с частичной легализацией такого явления.

<sup>1</sup> См.: Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере секс отношений. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993; Арсланбекова Р.А. Вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией: Уголовно-правовые и криминологические проблемы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004; Уханова Н.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений, способствующих проституции. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002 и др.

<sup>2</sup> Русская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 824.

<sup>3</sup> См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., профессора Н.Г. Кадыникова. М.: Книжный мир, 2006. С. 657.

<sup>4</sup> См., напр.: Советское уголовное право. Часть Особ. / Под ред. М.Д. Шаргородского, Н.А. Беляева. М.: Госюриздат, 1962.

С. 378; Мельниченко А.Б., Радачинский С.Н. Уголовное право. Общ. И Особ, части. Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2002. С. 462.

<sup>5</sup> См.: Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения / В.А. Владимиров, П.Ф. Гришанин, Е.А. Худяков и др.; глав. ред. В.Ф. Кириченко. М.: НИИРЮ МВШМ, 1970. С. 56.

<sup>6</sup> См.: Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. 2-е изд., М, Изд. НОРМА, 2000. С. 165.

<sup>7</sup> См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 16 от 3 декабря 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность»: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР по уголовным делам. М. 1997. С. 126.

<sup>8</sup> Архив Кизлярского ГОВД 2003 г.

<sup>9</sup> На таких же позициях стоит Пленум Верховного Суда РФ (См.: п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации») / сайт Верховного Суда РФ/ vsrf.ru.

<sup>10</sup> Архив Ленинского РОВД г. Махачкалы за 2001.

<sup>11</sup> См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Зерцало, 1998. С. 570.

<sup>12</sup> Курс уголовного права. Т. 4. Особ. часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М.: Зерцало. М, 2002. С. 431.

<sup>13</sup> См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ».

<sup>14</sup> Багажные девки. Московский Комсомолец. №34 от 25 августа 2004 г. С. 34.

**Гражданский процесс:** учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / [Л.В. Туманова и др.]; под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 599 с. (Серия «Dura lex, sed lex»).

Раскрыты основные темы курса: сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку рассмотрения гражданских дел в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, а также по делам о пересмотре по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.





УДК 343.575  
ББК 67.408

## ОБ УСТАНОВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ НАД НОВЫМИ ПСИХОАКТИВНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**АНДРЕЙ ОЛЕГОВИЧ ОТКИДАЧ,**

*заместитель начальника отдела*

*Международно-правового департамента ФСКН России,*

*полковник полиции, кандидат юридических наук*

*Научные специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология;*

*уголовно-исполнительное право;*

*12.00.11 – судебная деятельность; прокурорская деятельность;*

*правозащитная и правоохранительная деятельность*

*E-mail: sledi24@yandex.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются вопросы правового регулирования оборота новых психоактивных веществ (курительные смеси, спайсы и т.п.), не включенных в соответствующие списки, утвержденные Правительством Российской Федерации, распространение которых в последнее время носит характер эпидемии и существенным образом подрывает здоровье российских граждан. Освещается совокупность мер, направленных на изменение отечественного законодательства, призванных восполнить соответствующие правовые пробелы и обеспечить эффективное противодействие наркоэкспансии, осуществляемой в отношении России.

**Ключевые слова:** противодействие наркоторговле, незаконный оборот наркотиков, новые психоактивные вещества, антинаркотическая политика.

**Annotation.** Deals with the legal regulation of the traffic of new psychoactive substances (spices, etc.) that are not included in the relevant lists, approved by the Government of the Russian Federation, the distribution of which has been recently marked by the snowballing growth and thus now significantly undermines the health of the population. Proposed a set of specific measures aimed at changing the existing legislation designed to fill in the relevant legal blanks and to ensure effective counteraction to drug aggression put into effect in relation to Russia.

**Keywords:** fighting drug trafficking, drug trafficking, new psychoactive substances, anti-drug policy.

Российская Федерация продолжает оставаться объектом наркоагрессии, осуществляемой извне. Так, за период с 2011 по 2013 год на территории нашей страны выявлено 734 новых синтетических наркотиков, химические формулы большинства из которых, по оценкам специалистов, разработаны за пределами России<sup>1</sup>.

Вместе с тем, длительная, дорогостоящая процедура проведения экспертных исследований таких веществ и необходимость проведения межведомственных согласительных процедур не позволяют оперативно реагировать на их распространение по всей территории России.

За тот же период в Списки запрещенных веществ, утверждаемых Правительством Российской Федерации (далее – Списки) внесено всего 44 позиции<sup>2</sup>.

Как свидетельствует опыт, такие ситуации приводят к случаям массового отравления людей так называемыми «спайсами», которые в своем составе содержат наркотические или психотропные вещества, еще не

внесенные в Списки запрещенных к обороту, быстро получаемых путем незначительного изменения химической структуры уже существующих веществ.

Формально оборот таких веществ не запрещен. Однако, последствия их фактически молниеносного распространения по всей территории страны приводит к катастрофическим последствиям.

Только с 26 по 30 сентября 2014 г. в учреждения Министерства здравоохранения с диагнозом «Отравление неизвестным веществом с нарушением нервной системы» и «Отравление неизвестным ядом» доставлен 661 человек. Больше всего пострадавших в Кировской области – 390, Ханты-Мансийском автономном округе-Югре – 190, Чувашской республике – 72 и Республике Башкортостан – 30, из них – 105 несовершеннолетних. При этом 177 человек госпитализировано, 9 человек помещено в реанимацию, а 19 умерло.

Кроме того, в результате употребления психоактивных веществ получили отравление водители трол-





лейбуса автотранспортного предприятия г. Кирова и диспетчер в ООО «Аэропорт» г. Сургута (уволен по представлению органов наркоконтроля).

В семи случаях поставлен диагноз «Кардиомиопатия» (ХМАО-Югра), шесть смертельных случаев, по которым поставлен предварительный диагноз «Кома неясной этиологии» (Республика Башкортостан), по пяти случаям предварительный диагноз «Отравление психоактивными веществами» (Кировская область) и в одном случае предварительный диагноз – «Острое отравление неизвестным веществом» (Чувашская республика)<sup>3</sup>.

В ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий и экспертным исследованием установлено, что причиной отравления в ХМАО-Югре стало психоактивное вещество – метиловый эфир 3,3-диметил-2-(1-(4-фторбензил)-1Н-индазол-3-карбоксамидо) бутановой кислоты, а Чувашской Республике-Чувашии психоактивным веществом – MDMA (N)BZ-F, которые не внесены в Списки запрещенных.

Также сотрудниками наркоконтроля выявлены банковские счета и электронные кошельки, которые использовались злоумышленниками для проведения расчетов за сбываемые психоактивные вещества. Денежный оборот по ним только с марта по сентябрь 2014 г. составил почти 60 млн. руб.

Все это говорит о том, что последствия распространения веществ, не включенных в Списки, утвержденные Правительством Российской Федерации<sup>4</sup>, приобретают масштаб эпидемии<sup>5</sup>.

Необходимо отметить, что вопросы противодействия обороту новых психоактивных веществ являются предметом изучения как ученых, так и практиков. Так, во Всемирном докладе Организации Объединенных Наций о наркотиках за 2013 г. указывается, что новые психоактивные вещества, реализуемые как «легальные» и «дизайнерские» наркотики, распространяются с беспрецедентной скоростью. А количество новых психоактивных веществ превысило общее количество веществ, находящихся под международным контролем<sup>6</sup>.

Именно поэтому в соответствии со Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. одной из основных целей антинаркотической политики в сфере сокращения предложения наркотиков в незаконном обороте является пресечение оборота новых видов наркотиков, а также неконтролируемых психоактивных средств и веществ, используемых для немедицинского потребления<sup>7</sup>.

Регулярные обращения граждан, руководителей общественных организаций, а также поступающие доклады председателей антинаркотических комиссий субъектов Российской Федерации также свидетельствуют о значительных масштабах распространения новых психоактивных веществ.

Высшие должностные лица и законодательные органы большинства субъектов Российской Федерации

в своих обращениях отмечают необходимость законодательного решения данной проблемы, которое позволило бы оперативно реагировать на появление новых наркотиков.

Действенные механизмы в этой сфере уже созданы и успешно функционируют в зарубежных странах. Так, в Швеции, Ирландии, Польше, Испании, Нидерландах, Румынии, Соединенных Штатах Америки различные органы власти обладают правом введения временного запрета на оборот веществ, не относящихся к категории подконтрольных, но в отношении которых имеются основания полагать, что они обладают наркотическими или психотропными свойствами<sup>8</sup>.

Например, в Соединенных Штатах Америки руководитель Агентства по борьбе с наркотиками Департамента юстиции США в соответствии с Законом о контролируемых веществах (Раздел 201 (H) (4) (21 USC 811 (h) (4)) наделен правом введения временного запрета сроком до 3 лет на оборот веществ, не относящихся к категории подконтрольных, но в отношении которых имеются основания полагать, что они обладают наркотическими или психотропными свойствами<sup>9</sup>.

Законодательством Швеции также предусмотрен механизм введения аналогичного запрета с одновременным уничтожением обнаруженных в обороте веществ. В Швеции был принят Закон «Об уничтожении некоторых опасных для здоровья злоупотребляемых субстанций» (Закон 2011:111), вступивший в силу с 1 апреля 2011 г. Данный закон дает право прокурорам и сотрудникам таможни изымать и уничтожать вещества, в отношении которых можно предположить, что они будут внесены в список наркотических средств или товаров, наносящих вред здоровью (§ 4). Органы полиции или таможни (§ 5) при обнаружении психоактивных веществ, если на достаточных основаниях можно предположить, что будет принято решение о его уничтожении, производят его немедленное изъятие с передачей на хранение до вынесения решения прокурором<sup>10</sup>.

В Латвии вопросы оборота психоактивных веществ регулируются Законом от 9 мая 1996 г. «О порядке законного оборота наркотических и психотропных веществ и лекарств», который в 2013 г. дополнен нормами, обеспечивающими создание юридических механизмов, позволяющих оперативно приостанавливать сроком на 12 месяцев оборот новых психоактивных веществ на территории страны<sup>11</sup>.

Исключительные обстоятельства, – говорили древние мыслители, – обуславливают применение исключительных средств<sup>12</sup>. В развитие этого тезиса, применительно к рассматриваемой нами проблеме, представляется целесообразным единственное, на наш взгляд, ее решение, а именно – внесение таких изменений в действующее российское законодательство, которые обеспечат оперативное реагирование уполномоченных государственных органов на появление новых психоактивных веществ, угрожающих здоровью граждан.

В этой связи Администрацией Президента Российской Федерации при участии ФСКН России разработан проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на противодействие обороту новых психоактивных веществ, воспроизводящих основную химическую структуру наркотических средств или психотропных веществ, воздействие которых схоже по своему физиологическому воздействию на организм человека.

Законопроект предусматривает, что в случае получения органами наркоконтроля в ходе реализации возложенных на них полномочий данных, свидетельствующих о систематическом потреблении лицами веществ, в отношении которых законодательством Российской Федерации не установлены ограничения и запреты, обладающих воздействием на организм человека, схожим с наркотическими средствами или психотропными веществами, ФСКН России принимается решение о приостановлении оборота таких веществ сроком до 2 лет.

Кроме того, законопроект дополняет Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК России) новой ст. 234<sup>1</sup>, предусматривающей ответственность за нарушение принятого в соответствии с законодательством Российской Федерации о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах решения о приостановлении оборота новых психоактивных веществ.

Основной (простой) состав деяния по ч. 1 вводимой статьи предполагает наказание в виде штрафа в размере до 30 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух месяцев либо ограничением свободы на срок до двух лет.

Если преступление совершено с отягчающими (квалифицированными) признаками группой лиц по предварительному сговору либо повлечет по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, в таком случае наказание составит штраф в размере до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет.

Особо квалифицированный состав преступления, совершенного организованной группой либо повлекшие по неосторожности смерть человека, предполагает наказание в виде принудительных работ на срок до пяти лет либо лишение свободы на срок до восьми лет.

В случае незаконного потребления таких веществ в период введения ограничения их оборота вводится административная ответственность, равнозначная ответственности, предусмотренной за незаконное потребление наркотиков.

Таким образом, подготовленный законопроект направлен на создание целостной системы мер контроля,

обеспечивающей оперативное реагирование государства на новые вызовы наркоугроз.

Следует отметить, что такой подход полностью согласуется с законодательством Российской Федерации, которым предусмотрен институт временного запрета, ответственность за нарушение которого установлена, в том числе УК России.

В качестве примеров можно привести ряд действующих норм УК России, предусматривающих нарушение требований и правил, устанавливаемых федеральными органами исполнительной власти в качестве признака уголовно наказуемого деяния.

Так, ст. 143 УК РФ, предусматривает уголовную ответственность за нарушение требований охраны труда. При этом правила, процедуры, критерии и нормативы, направленные на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности устанавливаются государственными нормативными требованиями охраны труда, содержащимися в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации и законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации. Такие требования были установлены Минздравсоцразвития России и Минтрудом России<sup>13</sup>.

Другим примером является ст. 181 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность на нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм. Согласно ст. 10 Федерального закона от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» в Российской Федерации установлена государственная монополия на опробование и клеймление государственным пробирным клеймом ювелирных и иных бытовых изделий из драгоценных металлов.

В Инструкции по осуществлению пробирного надзора, утвержденной приказом Минфина России от 11 января 2009 г. № 1н, указывается, что федеральный пробирный надзор на территории Российской Федерации осуществляется Российской государственной пробирной палатой при Минфине России через государственные инспекции пробирного надзора. Той же Инструкцией установлены правила клеймления, порядок проведения других связанных с этим работ, знаки государственных пробирных клейм и т.д.

В ст. 191 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга. При этом понятие предметов данного преступления дается в ст. 1 Федерального закона от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». Вместе с тем, порядок отнесения изделий, содержащих драгоценные металлы, к ювелирным, утвержден приказом Роскомдрагмета от 30 октября 1996 г. № 146.

Еще одним показательным примером является ст. 238 УК РФ, согласно которой устанавливается ответственность за производство, хранение, перевозка



либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

При этом Роспотребнадзор в соответствии с полномочиями, определенными Федеральным законом от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», а также Положением о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 322, и иными нормативными правовыми актами, вправе принимать в установленном законом порядке меры по приостановлению производства, хранения, транспортировки и реализации продовольственного сырья, пищевых добавок, пищевых продуктов, питьевой воды и контактирующих с ними материалов и изделий, проводить санитарно-эпидемиологическую экспертизу для установления соответствия (несоответствия) продукции санитарным правилам, разрабатывать и утверждать такие государственные санитарно-эпидемиологические правила и гигиенические нормативы.

В заключение в качестве резюме можно сказать, что Российская Федерация столкнулась с очередной угрозой здоровью ее населения – это наводнение потребительского рынка новыми психоактивными веществами («спайсы», курительные смеси и т.п.), зачастую ввозимыми с территории иностранных государств.

При этом бизнесмены-злоумышленники в погоне за прибылью не останавливаются ни перед чем, и, пользуясь длительными сроками процедуры внесения психоактивных веществ в Списки, утвержденные Правительством Российской Федерации, незначительно изменяя химическую формулу нового зелья, избегают, тем самым, установленной законом ответственности, продолжая причинять вред здоровью наших граждан.

Адекватной мерой создавшейся ситуации является принятие законодательного акта, который позволит уполномоченным органам оперативно принимать решения в отношении оборота новых психоактивных веществ.

В настоящее время такой законопроект разработан и внесен Президентом Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации<sup>14</sup>. Полагаем, что его принятие благотворно повлияет на повышение уровня защищенности российских граждан, общества и государства от наркоугрозы.

<sup>1</sup> По данным ведомственной статистической отчетности ФСКН России.

<sup>2</sup> См.: изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс».

<sup>3</sup> По данным ведомственной статистической отчетности ФСКН России.

<sup>4</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс».

<sup>5</sup> Далее для удобства будем называть такие вещества новыми психоактивными веществами.

<sup>6</sup> Всемирный доклад Организации Объединенных Наций о наркотиках за 2013 год // [http://www.fskn.gov.ru/files/WDR2013\\_ExSummary\\_R.pdf](http://www.fskn.gov.ru/files/WDR2013_ExSummary_R.pdf). С. 7.

<sup>7</sup> См.: Указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Справочная правовая система «Консультант плюс».

<sup>8</sup> См.: *Зиновьев В.В.* О зарубежном опыте правового регулирования оборота новых психоактивных веществ // *Наркология*, 2014, № 11.

<sup>9</sup> Закон об импорте и экспорте контролируемых веществ (Controlled Substances Import and Export Act или CSIEA) <<http://www.fda.gov/RegulatoryInformation/Legislation/ucm148751.htm>> (последнее посещение 10 ноября 2014 г.).

<sup>10</sup> Закон «Об уничтожении некоторых опасных для здоровья злоупотребляемых субстанций» (Закон 2011:111) <<https://lagen.nu/2011:111>> (последнее посещение 10 ноября 2014 г.).

<sup>11</sup> Закон Латвийской Республики от 9 мая 1996 года «О порядке законного оборота наркотических и психотропных веществ и лекарств» <<https://likumi.lv/doc.php?id=40283>> (последнее посещение 10 ноября 2014 г.).

<sup>12</sup> *Externa necessitas extremis nititur rationibus*. Орапорское искусство: крылатые латинские выражения // [www.talk.by/latin](http://www.talk.by/latin).

<sup>13</sup> Межотраслевые правила по охране труда при проведении водолазных работ, утвержденные приказом Минздравсоцразвития России от 13 апреля 2007 г. № 269; Межотраслевые правила по охране труда при переработке пластмасс, утвержденные постановлением Минтруда России от 2 июня 2003 г. № 30 // Справочная правовая система «Консультант плюс».

<sup>14</sup> Проект федерального закона 638953-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // [http://www.duma.gov.ru/news/273/841644/?sphrase\\_id=1498828](http://www.duma.gov.ru/news/273/841644/?sphrase_id=1498828).



УДК 343.01  
ББК 67.308

## КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ САЧЕК,**

*докторант факультета подготовки научно-педагогических  
и научных кадров Санкт-Петербургского университета МВД России,  
кандидат юридических наук, доцент  
Научная специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;  
уголовно-исполнительное право  
E-mail: sachek\_a@tut.by*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Необходимость прогнозирования криминогенных явлений в их взаимосвязи с социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в обществе, сформировали предпосылки к активному использованию криминологического моделирования как деятельности, направленной на анализ, оценку и нивелирование криминогенных угроз различным сферам жизнедеятельности государства, развитию общества и личности, состоящей в построении многоуровневых прагматических моделей социальных систем. Учитывая особое значение эффективности функционирования системы обеспечения экономической безопасности для развития государства, в статье рассматриваются возможности применения криминологического моделирования как метода прогнозирования развития явлений криминогенного характера, представляющих угрозу экономике.

**Ключевые слова:** экономическая безопасность, система экономической безопасности, прогнозирование, моделирование, криминологическое моделирование, криминогенные угрозы.

**Annotation.** The need to predict criminal phenomena and their relationship to socio-economic and political processes taking place in society, formed the background to the active use of criminological modeling as activities aimed at the analysis, evaluation and leveling criminal threats to the various spheres of public life, development of society and the individual, consisting in building a multi-level pragmatic models of social systems. Given the special importance of the effectiveness of the system of economic security for state development, the article discusses the possibility of applying criminological modeling as a method of forecasting the development of the phenomena of the criminogenic nature of the threat to the economy.

**Keywords:** economic security, forecasting, modeling, criminological modeling, criminal threats.

Одной из актуальных проблем современного мира является проблема обеспечения безопасности в широком смысле этого слова. Вопросы безопасности в различных сферах жизнедеятельности человека рассматриваются как в научных кругах, так и на законодательном уровне. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. и Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, наряду с внутренними и внешними угрозами безопасности, определены механизмы деятельности системы обеспечения национальной безопасности [1, 2].

В нормативных правовых актах национальная безопасность государства определяется как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз. В Республике Беларусь и в Российской Федерации преступность признается одной из внутренних угроз безопасности. Несмотря на то, что меры по противодействию преступным посягатель-

ствам декларируются в различных программах и концепциях, привлекаются значительные материальные и людские ресурсы, ведется активная профилактическая работа, криминогенные риски невозможно в полном объеме устранить в современном обществе. По нашему мнению, идея борьбы с преступностью, является утопичной по своей природе (нельзя победить то, что объективно существует), однако предусмотреть возможные риски от противоправных посягательств и нивелировать последствия для безопасности государства, субъектов хозяйствования и человека – одна из важнейших целей криминологической науки.

Отмечая роль и влияние науки на различные социальные процессы, представляется необходимым вспомнить слова В.И. Вернадского: «Ученые могут влиять на ход развития событий в мире через создание объективного «общественного понимания»» [3]. Мы считаем, что процесс формирования объективного





«общественного понимания» проблемы криминогенных угроз безопасности невозможен без трех основных составляющих: ретроспективного анализа; оценки современного состояния явления; прогнозирования генезиса и трансформации угроз безопасности.

Именно прогнозирование развития преступности как антисоциального явления, а также определение сфер жизнедеятельности общества, наиболее уязвимых в будущем, вызывает наибольшую сложность. В настоящее время в различных отраслях знания в целях прогнозирования явлений и процессов активно используется метод моделирования. Из технического построения подобия механизма для проверки параметров работы, моделирование эволюционировало за двадцатый век до одного из основных методов прогнозирования социально-экономических процессов.

Еще в 1949 г. доктор технических наук Л.С. Эйгенсон в своей работе «Моделирование» рассматривал возможность использования метода моделирования только при изучении физических явлений и процессов, обращая внимания на то, что физическое явление, являющееся объектом экспериментального исследования, может рассматриваться как модель целой группы подобных явлений [4]. Однако, уже в 1952 г. автор указывает на возможности расширенного понимания процесса моделирования, и отмечает возможности построения теоретических моделей, когда образец не существует, либо его построение в натуре не возможно [5]. Тем самым, в середине двадцатого века признавалось, что как физические существующие, так и не физические модели имеют равное право (логическое обоснование) для своего применения – каждая в своей области: физические модели для познавательных целей, нефизические – для прогнозов.

В настоящее время большинство ученых воспринимают «модель» не как вспомогательное средство, как некую замену реально существующих объектов, а как более общее понятие, включающее в себя абстрактное видение развития явления или процесса выходящее за пределы математических закономерностей. Однако, следует учитывать, что развитие любого явления связано с совокупностью разнородных либо одинаковых элементов, объединенных связями, создающими целостную систему. Н.М. Амосов отмечал: «Чтобы управлять, нужно знать. С точки зрения техники, полнота управления машинами заключается в возможности создавать их заново и улучшать свойства. В функционировании социальных систем не все так однозначно» [6; С. 3]. Тем самым, автор хотел подчеркнуть, что социальные системы более сложные и их структура более сложная, нежели можно выразить математическими формулами. Большинство социальных систем, в том числе и система обеспечения безопасности в различных сферах, являются сложными по своей природе, отличаются количеством элементов и разнообразием их отношений, вместе определяющих функцию.

Таким образом, представляется, что именно наличие совокупности элементов, объединенных взаимными связями и направленных на реализацию общей цели, характеризует сложную социальную систему.

Особое место в моделировании сложных систем занимает «информация». Мы поддерживаем мнение Н.М. Амосова, который отмечал, что деятельность сложных систем определяется переработкой информации в большей мере, чем превращением материи и энергии [6; С. 7]. Именно наличие достоверных источников информации позволяет моделировать динамику различных социальных процессов.

Говоря о криминологическом моделировании в целом и о криминологическом моделировании системы обеспечения экономической безопасности в частности, представляется необходимым обратиться к опыту использования метода моделирования в экономике и юридической науке.

В отечественной экономической науке моделирование применялось достаточно активно с 60-х годов двадцатого века, и за это время трансформировалось из систем массового обслуживания, в моделирование сложных управленческих систем и автоматизацию бизнес-процессов [7]. Особое место в моделировании экономических процессов занимало исследование влияния криминогенных факторов. Так, в диссертационном исследовании на соискание доктора экономических наук Сомика К.В. рассматривалось моделирование криминогенных процессов в сфере налогообложения [8]. Также рассматривались учеными вопросы моделирования защиты экономики от коррупционных проявлений и лоббирования [9,10].

Среди юридических наук наиболее широкое применение метод моделирования получил в криминалистике. При этом можно говорить об использовании в криминалистике как непосредственно физических моделей и математических закономерностей, так и нефизических моделей с целью выявления закономерностей и свойств процессов. Так, математическое моделирование применяется в основном, при исследовании дорожно-транспортных происшествий [11]. В качестве физической модели в криминалистике рассматриваются гипсовые слепки. Ярким примером использования нефизических моделей в криминалистике может служить моделирование личности преступника и его преступного поведения. В научно-практическом пособии под редакцией Г.Н. Мухина отмечается, что под моделированием личности неустановленного преступника следует понимать процесс собирания, систематизации и использования по формальной схеме данных о личности и особенностях преступного поведения неустановленного преступника, позволяющих выдвигать обоснованные версии о его психофизиологических особенностях, существенно сузить круг проверяемых лиц и прогнозировать посткриминальное поведение преступника [12]. Авторы подчеркивают необходимость комплексного подхода к криминалистическому моделированию и

использования в процессе моделирования широкого спектра знаний о личности. Обращает на себя внимание, что как в экономическом, так и криминалистическом моделировании затрагиваются различные криминологические аспекты, ученые предпринимают попытку проанализировать влияние криминогенных факторов на изучаемые процессы.

Мы считаем, что в настоящее время сформировались предпосылки к возникновению самостоятельного направления в криминологической науке – криминологического моделирования. Сложность использования криминологического моделирования как деятельности, направленной на анализ, оценку и нивелирование криминогенных угроз различным сферам жизнедеятельности государства, развитию общества и личности, заключается в необходимости построения многоуровневых моделей в зависимости от сферы применения. Создание эффективной системы экономической безопасности является базисом для функционирования всех элементов национальной безопасности. Учитывая, что любая осознанная деятельность должна быть направлена на достижение определенной цели, субъект в конце труда должен получить результат, который уже вначале имелся в представлении. Вопросы целеполагания являются важным организующим элементом криминологического моделирования. Целью системы экономической безопасности является достижение такого состояния экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз. Учитывая, что одну из групп внутренних угроз составляют именно криминогенные угрозы, представляется необходимым использовать криминологическое моделирование системы обеспечения экономической безопасности.

Мы считаем, что криминологическое моделирование системы обеспечения экономической безопасности может выполнять несколько взаимодополняющих функций, с одной стороны, как было отмечено выше, функция целеполагания деятельности, создание образа желаемого грядущего, т.е. построение модели состояния. Иная функция криминологического моделирования заключается в выработке непосредственного алгоритма по противодействию преступным посягательствам на пути к достижению поставленной цели.

При осуществлении криминологического моделирования представляется необходимым учитывать изменения внутри структуры криминогенных угроз экономической безопасности. В этой связи необходимо допускать возможность внесения изменения в алгоритм построения модели и методов повышения ее эффективности. Такая возможность возникает при поэтапном развитии модели с промежуточным анализом достигнутых результатов и последующей коррекцией деятельности системы. Мы считаем, что моделирование по своей природе является обязательным, не-

избежным действием во всякой целесообразной деятельности, пронизывает и организует ее, представляя собой не часть, а аспект этой деятельности.

В ходе построения модели того или иного явления следует определиться не только с целью построения модели и алгоритмом ее действия, но и выбрать тип модели. Существуют разнообразные типы моделей, однако применительно к криминологическому моделированию системы обеспечения экономической безопасности представляется необходимым обратиться к прагматическим моделям. Указанный вид моделей носит нормативный характер, играет роль своеобразного плацдарма, под который «подгоняются» как сама деятельность, так и ее результат. Необходимо отметить, что прагматические модели отражают не существующий, но желаемый результат. Прагматическая модель является средством управления, элементом организации практических действий, способом представления образцово правильных действий или результата, т.е. является рабочим представлением целей. В связи с этим использование прагматических моделей состоит в том, чтобы при обнаружении расхождений между моделью и реальностью направить усилия на изменение реальности так, чтобы приблизить реальность к модели. Для эффективного функционирования рассматриваемой модели, для того, чтобы она отвечала своему назначению, необходимо наличие определенных условий, основное из которых – согласование модели со средой (ингерентность), в которой ей предстоит функционировать, включение среды в качестве естественной части этой среды. Важным аспектом согласованности со средой является обеспеченность функционирования модели ресурсами, а также операционность работы модели. Применительно к системе экономической безопасности сложность построения прагматической модели заключается в постоянной динамике происходящих процессов как внутри государства, так и за его пределами, которые могут иметь существенное влияние как на отдельные элементы, так и на модель в целом.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что прогнозирование криминогенных явлений в их взаимосвязи с социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в обществе, является неотъемлемой частью криминологической науки. Криминологическое моделирование в широком смысле слова представляет собой деятельность, направленную на анализ, оценку и нивелирование криминогенных угроз различным сферам жизнедеятельности государства, развитию общества и личности, состоящую в построении многоуровневых прагматических моделей социальных систем. Меры по противодействию противоправным проявлениям разработаны и закреплены в нормативных правовых актах, однако, эффективность указанных мер сложно оценить в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Именно применение моделирования в криминологии позволит провести анализ, разработать индикаторы эффективности противодей-



ствия преступности. Активное использование криминологического моделирования системы обеспечения экономической безопасности как метода прогнозирования развития явлений криминогенного характера, представляющих угрозу экономики, будет способствовать разработке своевременных и эффективных механизмов противодействия указанным угрозам в рамках уголовной политики государства.

## Литература

1. «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (ред. от 30 декабря 2011 г.).
2. «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537.
3. Страницы автобиографии В.И. Вернадского / Составитель Н.В. Филиппова; предисловие К. Флоренского; Академия наук СССР, Архив АН СССР. М.: Наука, 1981. 347 С.
4. Эйгенсон Л.С. Моделирование. М.: Промстройиздат, тип. Металлургиздата, 1949. 240 С.
5. Эйгенсон Л.С. Моделирование. М.: Советская наука, 1952. 371 С.
6. Амосов Н.М. Моделирование сложных систем. Киев: Наукова думка, 1968. 88 С. (Науч.-попул. литература).
7. Калянов Г.Н. Моделирование, анализ, реорганизация и автоматизация бизнес-процессов: учебное пособие для высших учебных заведений по специальности 080801 «Прикладная информатика (по областям)» и другим экономическим специальностям. М.: Финансы и статистика, 2006. 238 С.
8. Сомик К.В. Моделирование криминогенных процессов в сфере налогообложения: Автореф. дисс... на соиск. учен. степ. докт. экон. наук. М., 2001. 37 С.
9. Савватеев А.В. Моделирование коррупции и лоббирования в переходных экономиках: Автореф. дисс... на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. М., 2003. 24 С.
10. Караулова Н.М. Моделирование защиты интересов субъектов экономических отношений: Автореф. дисс... на соиск. учен. степ. канд. экон. наук. Волгоград, 2004. 31 С.

11. Лукошявичене О.В. Моделирование дорожно-транспортных происшествий. М.: Транспорт, 1988. 93, [3] С.

12. Мухин Г.Н., Каразей О.Г., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения. М.: Юрлитинформ, 2012. 204 С.

## References

1. «On approval of the national security concept of the Republic of Belarus» Decree of the President of the Republic of Belarus dated 09.11.2010 № 575 (as amended on 30.12.2011).
2. «On approval of the national security strategy of Russian Federation until 2020» Decree of the President of the Russian Federation dated 12 may 2009 № 537.
3. Autobiography pages of V.I. Vernadsky /Compiled by N.V. Filippova; Foreword K. Florensky; Academy of Sciences of the USSR, the Archive of the Academy of Sciences of the USSR. M.: Nauka, 1981. 347 p.
4. Eygenson L.S. Modeling. M.: Promstroyaudit type. Metallurgizdat, 1949. 240 p.
5. Eygenson L.S. Modeling. M.: Soviet science, 1952. 371 p.
6. Amosov N.M. Modeling of complex systems. Kiev: Naukova Dumka, 1968. 88 p. (Nauch. popular. literature).
7. Kalyanov G.N. Modeling, analysis, reorganization and automation of business processes: textbook for higher educational institutions, specialty 080801 Applied Informatics (in some areas) and other economic fields. M.: Finance and statistics, 2006. 238 p.
8. Somik K.V. Modeling criminogenic processes in the field of taxation: author. dis. on seek. for degree of dr. econ. sciences. M., 2001. 37 p.
9. Savvateev A.V. Modeling of corruption and lobbying in transition economies: author. dis. on seek. for degree of cand. econ. sciences. M., 2003. 24 p.
10. Karaulova N.M. Modeling protect the interests of the subjects of economic relations: author. dis. on seek. for degree of cand. econ. sciences. Volgograd, 2004. 31 p.
11. Lukoshiavichene O.V. Modeling of road traffic accidents. M.: Transport, 1988. 93, [3] p.
12. Mukhin G.N., Karazey O.G., Isyutin-Fedotkov I.V. Forensic modeling personality unidentified offender and his criminal behavior. M.: AlitInform, 2012. 204 p.



УДК 34  
ББК 67.301

## АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕПРАВОМЕРНОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**АНАТОЛИЙ ЮРЬЕВИЧ ОЛИМПИЕВ,**

*профессор кафедры по противодействию незаконному обороту наркотиков  
Всероссийского института повышения квалификации МВД РФ,  
кандидат юридических наук, доктор исторических наук  
E-mail: A.olimpiev@yandex.ru;*

**ЮРИЙ БОРИСОВИЧ ГАВРЮШКИН,**

*доцент кафедры по противодействию незаконному обороту наркотиков  
Всероссийского института повышения квалификации МВД РФ,  
кандидат юридических наук  
Научная специальность 12.00.09 – уголовный процесс*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Определен статус административной ответственности как одной из форм противодействия неправомерному обороту наркотиков, а также высказаны предложения по совершенствованию административного законодательства Российской Федерации.

**Ключевые слова:** административная ответственность, Российская Федерация, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, административное законодательство, незаконный оборот наркотиков, административное правонарушение.

**Annotation.** Defined the status of administrative responsibility as a form of combating illegal drug trafficking, as well as made suggestions for the improvement of administrative legislation of the Russian Federation.

**Keywords:** administrative responsibility, the Russian Federation, the Russian Federation Code of administrative law violations, administrative law, drug trafficking, an administrative offence.

Во всяком государстве, в том числе и в Российской Федерации<sup>1</sup>, противоправный оборот наркотиков признается негативным социальным явлением. Именно в этой связи и ученые, и практики осуществляют поиск эффективных форм и средств именно противодействия неправомерному обороту наркотиков<sup>2</sup>.

Действенной формой противодействия неправомерному обороту наркотиков также признается административная ответственность<sup>3</sup>. В Российской Федерации административная ответственность за всякое административное правонарушение регламентирована в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 г.<sup>4</sup>, введенном в действие с 1 июля 2002 г.<sup>5</sup>.

В частности, в гл. 6 «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» (ст.ст. 6.1 – 6.32) КоАП РФ<sup>6</sup> лишь несколько составов административных правонарушений (ст.ст. 6.8-6.9.1) могут быть определены как

«противоправный оборот наркотиков». Речь идет о ст.ст. 6.8-6.9.1 КоАП РФ:

- «Статья 6.8. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» (в редакции Федерального закона РФ от 21 ноября 2003 г.<sup>7</sup> и Федерального закона РФ от 5 мая 2010 г.<sup>8</sup>);

- «Статья 6.9. Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача»;

- «Статья 6.9.1. Уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача» (введена Федеральным законом РФ от 12 ноября 2013 г.<sup>9</sup>).





В гл. 6 КоАП РФ обозначена разновидность общественных отношений, которая охраняется административным законодательством РФ<sup>10</sup>. Представляется целесообразным переименовать гл. 6 КоАП РФ следующим образом: «Административно-правовая охрана здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и общественной нравственности».

В теории административного права, как правило, используется традиционная терминология.

Так, группа авторов – единомышленников оперируют термином «пресечение и документирование административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков»<sup>11</sup>.

Еще одна группа авторов – единомышленников акцентирует внимание на административной ответственности за правонарушения в «сфере оборота наркотиков»<sup>12</sup>. Получается, что всякий оборот наркотиков, в том числе и правомерный, может быть определен как административное правонарушение.

И.А. Волобуев определяет «правовые основы деятельности органов внутренних дел в сфере незаконного оборота наркотиков»<sup>13</sup>.

Авторы-единомышленники (А.П. Камышников и В.И. Лукашин), оперируют, по-нашему мнению, несовершенными терминами: «незаконный оборот наркотиков», «борьба с наркомафией» и др.<sup>14</sup>.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, административную ответственность необходимо признать формой именно противодействия неправомерному обороту наркотиков в Российской Федерации. Термин «борьба с неправомерным оборотом наркотиков» является несовершенным.

Во-вторых, признать несовершенным словосочетание «незаконный оборот наркотиков» и в качестве альтернативы использовать иное словосочетание – «неправомерный оборот наркотиков».

В-третьих, признать несовершенным словосочетание «борьба с незаконным оборотом наркотиков» и в качестве альтернативы использовать иное словосочетание – «противодействие противоправному обороту наркотиков».

В-четвертых, для наименования гл. 6 «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» КоАП РФ использовать иной термин: «Административно-правовая охрана здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и общественной нравственности».

<sup>1</sup> Мы разделяем суждение тех ученых, которые предлагают с 25 декабря 1991 г. для наименования государства использовать исключительно термин «Российская Федерация» (см. об этом,

например: *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123).

<sup>2</sup> Мы разделяем суждение некоторых ученых об использовании именно этого термина в качестве альтернативы термину «борьба с незаконным оборотом наркотиков» (см. об этом, например: *Галузо В.Н.* Борьба с преступностью в России: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2008. № 7. С. 35–36).

<sup>3</sup> Мы разделяем суждение некоторых ученых об использовании именно этого термина в качестве альтернативы термину «борьба с незаконным оборотом наркотиков» (см. об этом, например: *Галузо В.Н.* Борьба с преступностью в России: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2008. № 7. С. 35–36).

<sup>4</sup> См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1; ...; 2014. № 48. Ст. 6654.

<sup>5</sup> См.: О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: ФЗ РФ от 20 декабря 2001 г. // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 2.

<sup>6</sup> Некоторые ученые аргументировано предлагают использовать иную аббревиатуру – «КРФоАП» (подробнее об этом см.: Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации (теория и правоприменительная практика): Монография. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2014. С. 138–147).

<sup>7</sup> См.: СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.

<sup>8</sup> См.: СЗ РФ. 2010. № 21. Ст. 2525.

<sup>9</sup> См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ РФ от 12 ноября 2013 г. // СЗ РФ. 2013. № 48. Ст. 6161.

<sup>10</sup> Здесь нельзя не обратить внимание на несовершенство термина «административное законодательство» и на отсутствие его систематизации (подробнее об этом см., например: *Галузо В.Н.* О системе уголовного законодательства в Российской Федерации / Конвенционные начала в уголовном праве: Международная научно-практическая конференция 22 ноября 2013 года / Отв. ред. Б.В. Яценко. М.: РПА Минюста России, 2014. С. 99–104; *он же*: Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102).

<sup>11</sup> См.: Наркомания и незаконный оборот наркотиков. Вопросы теории и практики противодействия: Учебное пособие / Под ред. В.Я. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 59–73.

<sup>12</sup> См.: Административная ответственность за правонарушения в сфере оборота наркотиков: Учеб. пособ. / Под ред. Н.Н. Цуканова. М.: ИНФРА-М, 2015.

<sup>13</sup> *Волобуев И.А.* Правовые основы деятельности органов внутренних дел в сфере незаконного оборота наркотиков / Актуальные проблемы административного законодательства: Сборник научных статей / Отв. ред. Ю.Н. Миньшин. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2009. С. 32–37.

<sup>14</sup> См.: *Камышников А.П., Лукашин В.И.* Незаконный оборот наркотиков: Энциклопедический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Щит-М, 2011. С. 68, 27.



УДК 343.98

ББК 67.401.213

## ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ВНЕДРЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

*АДАМ ГАМИДОВИЧ БОГАТЫРЕВ,*

*адъюнкт кафедры ООРД Академии управления МВД России*

*E-mail: b.adam@mail.ru*

*Научная специальность 12.00.12 – криминалистика,*

*судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность*

*Научный руководитель: доцент кафедры ООРД Академии управления МВД России,*

*кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции С.В. Харченко*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Показано развитие и нормативное регулирование оперативного внедрения в некоторых зарубежных государствах, его регламентация в уголовно-процессуальном и оперативно-разыском законодательстве; различные аспекты, связанные с использованием этого оперативно-разыского мероприятия в борьбе с преступностью его регламентация. Высказывается утверждение, что использование оперативного внедрения в борьбе, прежде всего, с организованной преступностью признается исключительным средством правоохранительными органами зарубежных государств.

**Ключевые слова:** оперативно-разыскная деятельность, оперативное внедрение, тайная операция, имитация преступления.

**Annotation.** Showed the development and regulation of operational implementation in some foreign countries, regulation in the criminal-procedural and investigative law. Various aspects associated with the use of this investigative activities in the fight against crime. Argued that the use of operational implementation in the struggle primarily with organized crime recognizes the exclusive means by law enforcement agencies of foreign States.

**Keywords:** operational-investigative activity, operational implementation, a covert operation, imitation of a crime.

Борьба с преступностью и преодоление негативных явлений, порождающих правонарушения в обществе, составляют основу уголовной политики социально ориентированного государства. Исторический опыт свидетельствует, что преступность – это неотъемлемая часть общественных отношений. Она была, есть и будет. Различие её в современных государствах только в масштабах, криминальной активности и количестве населения, вовлеченного в эти преступные деяния. Более того, определяющим критерием преступности в мире является ее абсолютный и относительный рост. Это общепризнанный среди отечественных и зарубежных криминологов факт, подтверждаемый мировой практикой.

Общество не может смириться с преступностью и активно ищет пути противодействия ей. Основные направления противодействия преступности – выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений посредством осуществления оперативно-разыскных мер и уголовно-процессуальных действий специально уполномоченными на то государственными органами. Практика противоборства государственных правоохранительных органов и криминальной среды в XX в. свидетельствует, что современные средства правоохранительных органов не в состоянии должным образом оказывать превентивное воздей-

ствие на формирующиеся высокоорганизованные мафиозные группы и преступные сообщества.

Исторически сложилось так, что, в отличие от уголовно-процессуальной деятельности, регламентированной законами, оперативно-разыскная деятельность до последнего времени регулировалась ведомственными актами, имевшими гриф «секретно» и «совершенно секретно». Распад СССР, образование независимых государств, проблемы социально-экономического развития, политическая нестабильность, многочисленные вооруженные конфликты на постсоветском пространстве сыграли немаловажную роль в повышении уровня тяжких и особо тяжких преступлений в России и странах СНГ. Итогом работы по поиску эффективных средств борьбы с преступностью, прежде всего, – с организованной преступностью явилось, то, что наиболее действенным средством были признаны негласные средства борьбы с преступностью. По эффективности решаемых задач, связанных документированием преступной деятельности, одним из наиболее эффективных мероприятий признано оперативное внедрение – проникновение в криминальную среду.

Лишь в начале 1990-х гг. в странах СНГ появились законы, регламентирующие оперативно-разыскную деятельность<sup>1</sup>.



В России первым законодательным актом в сфере оперативно-разыскной деятельности стал Закон РФ «Об оперативно-разыскной деятельности в РФ» 1992 г. В последующем ему на смену пришел Федеральный закон от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности»<sup>2</sup>, в котором впервые было предусмотрено такое оперативно-разыскное мероприятие, как оперативное внедрение.

В соответствии с ФЗ об ОРД организация и тактика проведения ОРМ в Российской Федерации регламентируется ведомственными законодательными актами. Следует напомнить, что сведения об использованных при проведении негласных оперативно-разыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-разыскной деятельности относятся к государственной тайне.

ФЗ об ОРД в ст. 6 ч. 1 допускает проведение оперативного внедрения как одного из 14 ОРМ, не раскрывая содержания этого ОРМ. Автор не ставит перед собой задачу раскрыть содержание этого ОРМ, а пытается рассмотреть накопленный опыт проникновения в криминальную среду, его правовое закрепление в законодательстве ряда зарубежных стран.

В целом по содержанию различных трудов специалистов в области ОРД рассматриваемое ОРМ понимается как, оперативное внедрение – это легендированный ввод (проникновение) сотрудников, конфиденентов, иных лиц в криминальную среду для решения общих и частных задач ОРД. В России оперативно-разыскное законодательство находится под постоянным вниманием со стороны ученых. В частности, вносятся предложения и отзывы по совершенствованию социально-правовой защиты, уточнения и регламентации правовых основ, в том числе, наиболее сложного по проведению оперативного внедрения.

Наряду с отечественной правовой регламентацией ОРД, которая включает и рассматриваемое нами ОРМ, представляет интерес опыт законодательного регулирования изучаемого ОРМ в ряде зарубежных стран, которые в вопросе отражения и содержания оперативного внедрения на законодательном уровне в своих странах достигли положительных результатов и внедрения в своих оперативно-разыскных законах особенностей и условия проведения разведывательных операции.

В настоящей статье нами предпринята попытка проанализировать рассматриваемое мероприятие в законодательных актах некоторых зарубежных государств. С точки зрения оперативно-разыскной практики в зарубежных странах стало закономерностью ОРД положение, согласно которому конкретные криминальные задачи сотрудник сыскного ведомства должен решать лично. Реальное воплощение этого в жизнь предполагает наличие в составе органа, осуществляющего ОРД, во-первых, оперативных работников, во-вторых, офицеров особого назначения с тем, чтобы они могли быть направлены для внедрения в преступные организации, а также негласный аппарат из числа конфиденентов, состоящих на связи в оперативных под-

разделениях, для обеспечения и участия в оперативных комбинациях, подготовки и проведения ОРМ<sup>3</sup>.

Первая категория предназначается для проведения тех оперативно-разыскных мероприятий, которые не требуют сокрытия принадлежности детектива к сыскному ведомству. Эти сотрудники могут практиковать и добывание информации путем контакта с объектами ОРД под вымышленными предложениями, наблюдения и др. Однако, для этого должны быть благоприятные обстоятельства, нейтрализующие угрозу их распознавания в преступной среде. Успешности такого детектива способствует наличие у него опыта полицейской разведки и хорошая оперативно-разыскная подготовка. Вместе с тем, под влиянием негативных внешних обстоятельств, различного рода криминальных ситуаций шансы реально действующих оперработников выступить в роли исполнителя оперативно-разыскных действий, адекватных подлежащей разрешению проблеме довольно часто сводятся к минимуму. Для того чтобы компенсировать это, орган, осуществляющий ОРД, согласно рассматриваемой закономерности должен располагать составом как гласных, так и негласных сотрудников – профессионалов. С учетом этого законодательная регламентация комментируемого ОРМ отличается рядом особенностей.

Главной особенностью является признание оперативного внедрения легитимным способом, правомерно используемым оперативными подразделениями правоохранительных органов и спецслужб для разрешения возложенных на них задач. Это признано практически всеми государствами, нормативные акты которых упоминаются ниже.

В свою очередь, прослеживаются и различия в правовой регламентации режима добывания информации сыскными ведомствами в РФ и за рубежом. Правовые акты ФРГ, США, Великобритании и ряда других стран, посвященные ОРД, более открыты по своему содержанию. В них достаточно полно, без двусмысленности и полутонков, регламентируются наиболее «привлекательные» с точки зрения общественности процедуры разведывательно-поисковой работы и, в частности, мероприятия, относимые в их классификации к секретным операциям. Например, в соответствии с «Указаниями генерального Прокурора США по тайным операциям ФБР» 1987 г. (Attorney Generals Guidelines on FBI Undercover Operations) «секретный агент» – это штатный сотрудник ...работающий под руководством и контролем ФБР в определенном расследовании, чьи отношения с Бюро скрываются от третьих лиц в ходе операции путем использования прикрытия или вымышленных установочных данных. «Тайная операция» – операция негласного расследования, в которой используется «секретный агент». Инструкция регламентирует проведение секретных операций, прямо указывая, что офицер особого назначения вправе опираться на содействие конфиденентов – частных лиц. Это вполне закономерно, так как содействие конфиденента позволяет ему не только успешно проникнуть в социально аномальную среду, но и ориенти-



роваться в ней, добывая соответствующую информацию. Аналогичные методы правовой регламентации проникновения в криминальную среду имеются во Франции, где французская полиция, в частности «бригады сыска и захвата» – БРИ, сотрудники которых осуществляют наблюдение за преступной средой изнутри. В Швейцарии в последние годы в криминальную среду, наряду с обычной агентурой, внедряют штатных сотрудников полиции, именуемых «тауре» – «крот». Венгерская полиция располагает подразделениями глубоко законспирированных сотрудников, специально подготовленных для работы в преступном мире.

Такой вариант законодательной регламентации рассматриваемого ОРМ, когда определяется его «ведомственная» принадлежность имеет место в ФРГ. Здесь Закон о полиции земли Северный Рейн-Вестфалия определяет, что полиция имеет право собирать данные о преступных группах, иных гражданах, причастных к противоправной деятельности, с помощью оперативного работника полиции, действующего по разработанной для него на определенное время легенде. Оперативная деятельность отдела «ОП» Гамбургского криминального ведомства основывается на использовании так называемых «прикрытых сотрудников» («verdecktevermittler») в криминогенной среде. Следует отметить, что к разрешению проблемы представления дискреционных полномочий кадровым тайным полицейским агентам существует диаметрально противоположный подход. Так, немецким тайным агентам законом запрещена продажа наркотических средств, содействие проникновению наркотиков на нелегальный рынок и распространению средств, полученных от продажи наркотиков. С точки зрения регламентации оперативного внедрения, подготовки и организации, опыт США имеет наиболее широкие права и условия для проведения секретных операции, которые имеются в американской системе тайных агентов, которые свободно и бесконтрольно могут выслеживать преступников, совершать уголовные преступления и даже продавать наркотики. Вместе с тем, по содержанию вышеуказанная Инструкция – только один из количества правовых актов, регламентирующих оперативно-разыскную деятельность ФБР; в ней содержатся указания относительно допустимости совершения секретным сотрудником полиции или содействующим ему частным лицом в ходе выполнения секретных операции действий прямо запрещенных законом. Эти действия допускаются и могут быть разрешены в случаях, когда необходимо получить информацию или доказательства, имеющие первостепенное значение для привлечения подозреваемых к уголовной ответственности; поддержать достоверность легенды в глазах лиц, деятельность которых расследуется, предупредить опасность для жизни или здоровья людей или избежать этой опасности<sup>4</sup>.

Например, правовые акты, регламентирующие деятельность ФБР, которые касаются проведения секретных операции<sup>5</sup>, устанавливают пределы допустимости противоправных действий в ходе такой спецоперации. В частности, они допускаются со стороны кадрового се-

кретного сотрудника, а также содействующих ему частных лиц и могут быть разрешены в случаях, когда необходимо: получить информацию или доказательства, имеющие первостепенное значение для привлечения подозреваемых к уголовной ответственности; поддержать достоверность «легенды» в глазах лиц, деятельность которых расследуется. Однако, при этом должностные лица ФБР, осуществляющие руководство секретными операциями, должны предпринимать «разумные меры», чтобы свести к минимуму участие секретного сотрудника (или содействующего частного лица) в каком-либо виде противозаконной деятельности. Более того – они несут персональную ответственность за то, чтобы она не выходила за пределы допустимости, установленные соответствующими правовыми актами. Для этого установлена специальная процедура предварительного санкционирования, если это необходимо и предполагается в процессе внедрения совершения выхода за пределы норм законов. Так, руководство ФБР в письменном виде предварительно санкционирует участие секретного агента или осведомителя в действиях, квалифицируемых по законам штата как фелония<sup>6</sup> (исключая приобретение похищенных или контрабандных товаров либо обман третьих лиц относительно своей личности или подлинного владельца коммерческого предприятия, служащего оперативным прикрытием).

Наряду с этим, правом предварительного санкционирования соучастия в незаконных торговых операциях или в иных противоправных действиях, квалифицируемых как менее тяжкое преступление из категории мисдиминоров<sup>7</sup>, обладает старший специальный агент, контролирующий проведение операции.

При чрезвычайных ситуациях и обстоятельствах, препятствующих получению санкции на проведение (продолжение, возобновление) операции, старший специальный агент вправе самостоятельно санкционировать оперативные мероприятия в рамках операции, включая допускаемые Инструкцией генерального атторнея США противоправные действия. Установлен и порядок, согласно которому о каждом серьезном инциденте, связанном с применением насилия, или факте соучастия секретного агента (или содействующего частного лица) в противоправных действиях, старший специальный агент должен немедленно докладывать руководству ФБР, а последние – помощнику Генерального атторнея, возглавляющему уголовный отдел министерства юстиции.

Развитие и совершенствование уголовного законодательства, норм регламентирующих специальные тайные операции в бывших странах СССР, к которым относятся, в различной интерпретации, сформулированные в законодательствах своих стран мероприятия (оперативное внедрение, проникновение в криминальную среду, работа под прикрытием, имитация преступления), привело к изменению его правовой регламентации в своем законодательстве.

В частности по соотношению уголовного закона и ОРД (специальных тайных мероприятий) выделились две группы:





• государства стран Балтии, Украины, Молдовы, где в частности оперативное внедрение, в числе прочих тайных мероприятий, трансформировалось и стало частью уголовно-процессуального законодательства;

• государства – Россия, Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан – в которых оперативно-разыскная деятельность в числе тайных специальных мероприятий существенно разграничена с уголовно-процессуальным законодательством<sup>8</sup>.

Регулирование в первой группе стран тайных действий с помощью норм УПК не означает обязательного исключения этих норм из действующих Законов об ОРД. Изменения в 2012 г. стали важными для большинства стран первой группы; в Эстонии отменен Закон о розыскной деятельности 1994 г. и одновременно УПК дополнен отдельной гл. 31 «Разведывательная деятельность»<sup>9</sup>. Эта деятельность стала неотъемлемой частью уголовного расследования. Таким образом, Эстония стала первой страной из бывшего СССР, полностью отказавшейся от советского подхода к организации ОРД.

Рассмотрим, как регулируется и в каком виде представлено оперативное внедрение в этих зарубежных странах. УПК Эстонии в ст.ст. 118, 119 регламентирует как оперативно-разыскное действие имитацию преступления в целях раскрытия преступления, задержания лица его совершившего. Выступать в качестве субъекта этого действия может только полицейский агент – чиновник, т.е. должностное лицо органов полиции, которому предоставлено право собирать доказательства в уголовном судопроизводстве в качестве подставного лица. Использовать граждан, оказывающих содействие органам полиции, в качестве субъектов этого розыскного действия запрещено. Разрешение санкционируется судьей по представлению прокурора на определенный срок.

В Литве, вместо старого Закона об оперативной деятельности 2002 г., принят в 2012 г. новый Закон об оперативной деятельности<sup>10</sup>. Из содержания этого нормативного акта усматривается, что полицейские агенты могут пользоваться методами сбора уголовной информации только в качестве превентивных мер, а полноценное проведение мероприятий допускается в рамках УПК Литвы. Где, в частности (ст. 158 Действия должностных лиц досудебного следствия без раскрытия своей личности)<sup>11</sup>, предусматривается проникновение в криминальную среду по преступлениям только в делах о тяжких и особо тяжких преступлениях. Должностные лица, которые осуществляют досудебное следствие, при исполнении своих обязательств могут не раскрывать свою личность. В постановлении кроме информации, которая ранее могла быть передана исключительно только по правилам секретного делопроизводства, теперь перечисляются личность лица которое занимается секретным мероприятием, а также к кому оно применяется. В исключительных случаях могут быть использованы в качестве субъектов этих процессуальных действия лица не являющиеся должностными лицами.

Правовую регламентацию тайных мероприятий закрепили в виде специальных следственных действий в гл. 11 УПК Латвии 2005 г.<sup>12</sup>. Ст. 227 подразумевает под контролем преступной деятельности проведение проникновения в криминальную среду сотрудников полиции; ст. 228 – мероприятия по обеспечению специальных следственных действий. Для обеспечения специального следственного действия, вовлеченные в него должностные лица могут использовать заранее специально подготовленные сведения и документы, заранее специально созданные организации или предприятия; допускаются: имитация предметов и веществ; специально подготовленных технических средства; имитирование участия в совершении преступного деяния или соучастия в форме пособничества.

В Молдове, вместо старого Закона об оперативно-разыскной деятельности 1994 г., принят новый Закон о специальной розыскной деятельности 2012 г.,<sup>13</sup> а в УПК 2003 г. внесена новая ч. 5 гл. III «Специальная розыскная деятельность»<sup>14</sup>. Из диспозиции статей этих 2-х нормативных актов (ст. 136 УПК «Розыскная деятельность под прикрытием»), и (ст. 30 2 Деятельность под прикрытием) Закона усматривается, что офицерам полиции-агентам под присвоенной личиной предоставлено право проникать в преступную среду под прикрытием, документируя противоправную деятельность. Розыскной офицер, согласно Закону Молдовы, осуществляющий специальную розыскную деятельность, выполняет свои задачи в условиях независимости, за исключением случаев, когда специальная розыскная деятельность осуществляется по распоряжению и координируется или управляется в рамках уголовного процесса прокурором или офицером по уголовному преследованию во взаимодействии или в сотрудничестве с конфиденциальными сотрудниками. Розыскным офицерам при нахождении в преступной среде в условиях выполнения задач, указанных в ст. 2 Закона, по личной инициативе, либо разработке в условиях подразделения, допускается планирование и разработка организационно-тактических форм наиболее удачного выполнения задания, а в случае выполнения задания по форме, предусмотренной в УПК Молдовы в качестве агента, работающего под прикрытием (для достижения одних и тех целей, идентичных по способу), его действия строго регламентированы в части добывания информации и отчета о достигнутых результатах.

Подобная практика ранее регламентированных мероприятий как тайных и включения их в новое уголовно-процессуальное законодательство страны может быть представлена на примере Украины. В соответствии с ст. 8 Закона об ОРД Украины<sup>15</sup> оперативные подразделения наделены правом, в числе прочих, осуществлять проникновение в преступную группу негласного работника оперативного подразделения или лица, сотрудничающего с последним, с сохранением в тайне достоверных данных об их личности.

После того как в новый УПК Украины 2012 г.<sup>16</sup> включили гл. 21 о негласных следственных (розыскных)

действиях, законодатель, в числе ранее проводимых как тайных оперативно-разыскных мероприятий, предусмотрел в этой главе выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации ст. 272 УПК. Согласно диспозиции статьи, во время досудебного расследования тяжких или особо тяжких преступлений могут быть получены сведения, вещи и документы, имеющие значение для досудебного расследования, лицом, которое согласно закону выполняет специальное задание, принимая участие в организованной группе или преступной организации, либо является участником указанной группы или организации и на конфиденциальной основе сотрудничает с органами досудебного расследования. Выполнение указанными лицами такого специального задания, как негласное следственное (сыскное) действие, осуществляется на основании постановления следователя, согласованного с руководителем органа досудебного расследования, или постановления прокурора с сохранением в тайне достоверных сведений о лице. При сравнении эффективности использования на практике мероприятия проникновения в преступную среду в виде ОРМ и следственного (разыскного) действия можно предположить, что в п. 8 ч. 1 ст. 8 Закона говорится о праве оперативных подразделений выполнять специальные задания по раскрытию деятельности организованной группы и преступной организации в соответствии с положениями ст. 272 УПК Украины. В то же время, ч. 1 ст. 272 УПК предусматривает, что во время досудебного расследования тяжких и особо тяжких преступлений могут быть получены сведения, вещи или документы, имеющие значения для досудебного расследования, лицом, которое в соответствии с законом выполняет специальное задание, принимая участие в организованной группе или организации, которое на конфиденциальной основе сотрудничает с органами досудебного расследования. Иными словами, буквальное толкование этой нормы гласит, что выполнять специальное задание по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации можно лишь в процессе досудебного расследования тяжких или особо тяжких преступлений. Таким образом, формально в рамках ОРД (до начала досудебного расследования) осуществлять такое мероприятие закон не позволяет<sup>17</sup>.

Несмотря на определенные сложности процессуальной регламентации и обязательного судебного согласования и контроля тайных мероприятий, вопросы, возникающие, в том числе, на организационном этапе – недостаточная эффективность контроля над тайным следствием со стороны судов; не разграничение на практике отдельных гласных и негласных действий – требуют уточнения и дальнейшего изучения законодателями. Курс, который взяли на вооружение по трансформации негласного следствия (следственных действий) во многих постсоветских странах, является неотложной задачей реформирования уголовно процессуального законодательства, что обусловлено необ-

ходимостью реализации международных стандартов защиты прав человека.

Незначительный анализ рассматриваемого оперативно-разыскного мероприятия показывает, что оперативное внедрение как разведывательную операцию предусматривают практически все оперативно-разыскные законы, принятые в странах СНГ и Балтии, несмотря на очевидные направления, которые избрали для совершенствования тайных мероприятий в своих странах в рамках уголовно-процессуального законодательства одни государства, и оперативно-разыскное регламентирование в других. Содержание этого мероприятия позволяет сделать вывод о том, что специалисты в зарубежных странах при формировании отечественного оперативно-разыскного законодательства в области секретных операции в целом едины, утверждая что успех оперативному внедрению приносит только гибкость, находящаяся на грани оперативного риска и крайней необходимости. В связи с этим, на наш взгляд, не может быть наложен запрет или установлены сложные процедуры для осуществления действий оперативных сотрудников, направленных на поддержание легенды и введение в заблуждение третьих лиц относительно своей личности или подлинного положения дел, мер по обеспечению собственной безопасности при обстоятельствах, требующих необходимой обороны для защиты своей жизни, а также жизни других лиц от преступных посягательств.

<sup>1</sup> Здесь и далее ОРД – оперативно разыскная деятельность.

<sup>2</sup> Далее может использоваться сокращение ФЗ «Об ОРД».

<sup>3</sup> *Сурков К.В.* Принципы полицейской разведки: Учебное пособие. Санкт-Петербургский юридический институт МВД России. СПб., 1996. С. 28–52; *Смирнов М.П.* Полиция зарубежных стран и ее оперативно-разыскная деятельность. Учебное пособие. М.: Академия МВД РФ, 1996. С. 31–41; Организация деятельности органов внутренних дел зарубежных стран. Управление полициями буржуазных стран Учебник. М.: Академия МВД СССР, 1990. С. 48–49; *Николайчик В.М.* США: Полицейский контроль над обществом. М.: 1987, С. 103–144; *Даллес А.* Искусство разведки. М., 1992. С. 88–90.

<sup>4</sup> Правовая регламентация ОРД ФБР: Информационно-аналитические материалы (Фонд Института США и Канады АН Российской Федерации). С.19–20.

<sup>5</sup> Секретная операция–деятельность кадровых тайных агентов полиции под оперативным прикрытием «крышей» легендируемых экономических структур.

<sup>6</sup> Фелония – уголовное правонарушение, караемое лишением свободы на срок свыше 1 года или смертной казнью.

<sup>7</sup> Мисдиминор – любое преступление, караемое лишением свободы на срок до 1 года или штрафом.

<sup>8</sup> Аналитический обзор. Правовое регулирование специальных следственных (тайных) действий в постсоветских странах. Бишкек 2014 г. <http://lprc.kz/files/library/206/rus/%D0%A1%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F.pdf>.



<sup>9</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. Принят 12 декабря 2003 г. RT I 2003, 27, 166. Вступил в силу 1 июля 2004 г. <https://www.riigiteataja.ee/akt/129062012002#>

<sup>10</sup> Закон об оперативной деятельности Литовской Республики 2012 г.: Официальный вестник, нет. 122-6093 <http://www3.lrs.lt/docs2/QCDVEEQU.DOC>.

<sup>11</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики. 2002. Нет. IX-785 [http://www3.lrs.lt/pls/inter2/dokpaieska.showdoc\\_bin?p\\_id=163482](http://www3.lrs.lt/pls/inter2/dokpaieska.showdoc_bin?p_id=163482).

<sup>12</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской Республики 2005 г. [http://www.pravo.lv/likumi/29\\_upz.html](http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html).

<sup>13</sup> Закон Республики Молдова № 59 от 29 марта 2012 г. «О специальной разыскной деятельности». Опубликовано: 8 июня 2012 г. в Monitorul Oficial Nr. 113-118 ст. № 373. Дата вступления в силу: 8 декабря 2012 г. <http://lex.justice.md/ru/343452/>.

<sup>14</sup> Кодекс Республики Молдова № 122 от 14 марта 2003 г. Уголовно-процессуальный кодекс Опубликовано: 7 июня 2003 г. в Monitorul Oficial Nr. 104-110 ст. № : 447 Дата вступления в силу : 12.06.2003 <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=326970&lang=2>.

<sup>15</sup> Закон Украины об оперативно-разыскной деятельности. Закон введен в действие со дня опубликования в газете «Голос

Украины» – 27 марта 1992 г. (Согласно Постановлению Верховной Рады Украины от 18 февраля 1992 г. № 2136-XII) с изменениями в соответствии с Законом Украины от 14 октября 2014 г. № 1698-VII. [http://search.ligazakon.ua/l\\_doc2.nsf/link1/T213500.html](http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T213500.html).

<sup>16</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI <http://kodeksy.com.ua/ka/upku-2012.htm>.

<sup>17</sup> При этом, в принятом в 2009 г. новом УПК Грузии предусматривались такие тайные действия: визуальный и другой контроль; контрольная закупка, контролируемая поставка; засылка секретного сотрудника в преступную группировку; создание конспиративной организации; любое другое негласное следственное действие, направленное на сбор доказательств. Но до момента вступления в силу этого Кодекса 1 октября 2010 г. все указанные новации были исключены. Теперь в УПК остаются традиционные для постсоветского законодательства виды негласных действий. В проекте УПК Республики Армения по состоянию на январь 2013 г. предусматривается гл. 31 о тайных действиях, которая содержит правила о 6 видах таких действий. В проекте УПК Республики Казахстан по состоянию на 1 октября 2013 г. предусматривается гл. 30 о негласных следственных действиях как части досудебного производства. В ней предлагается урегулировать 10 негласных действий.

УДК 343.98.064  
ББК 67.5

## О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАЗНАЧЕНИЯ БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

**СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯНИН,**

*начальник кафедры организации следственной работы Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент  
Научная специальность 12.00.12 – криминалистика;  
судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность  
E-mail: s.yanin1@yandex.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Статья посвящена организационно-тактическим особенностям назначения судебных баллистических экспертиз в ходе расследования незаконной охоты. Рассмотрены возможности данной экспертизы для процесса доказывания; представлены этапы ее назначения; очерчено содержание и организация работы дознавателя (следователя), способы оценки заключения эксперта.

**Ключевые слова:** судебная баллистическая экспертиза, незаконная охота, огнестрельное оружие, боеприпасы, уголовное дело, идентификация.

**Annotation.** The article is devoted to organizational and tactical features of the purpose of forensic ballistic examination in the investigation of illegal hunting. Possibilities of this examination for the process of proof, presents the stages of its purpose, outlined the content and organization of work of the investigator (investigator) at the same time, the evaluation methods of expert elicitation.

**Keywords:** forensic ballistic examination, illegal hunting, firearms, ammunition, criminal case identification.

Ни для кого не является секретом, что состояние окружающей среды в современном мире далеко от совершенства. Россия, к сожалению, не является исключением. Промышленные выбросы в атмосферу и водоемы, разрастание полигонов твердых бытовых отходов, ядерные могильники, незаконная порубка леса – все перечисленное только усугубляет негативное антропогенное воздействие на природу. На втором месте по опасности воздействия на нее и самыми распространенными среди всех видов экологических правонарушений являются браконьерские посягательства на животный мир. Под последними понимаются, как правило, незаконная охота и незаконная добыча водных животных.

Животный мир, безусловно, является составной частью окружающей среды, выступает ее неотъемлемым звеном в цепи экологических систем. Он, как отмечает А.С. Курманов, активно влияет на функционирование естественных сообществ; естественное плодородие почв; формирование растительного покрова; биологические свойства воды и качество окружающей природной среды в целом. Кроме того, животный мир имеет большое экономическое значение как источник получения пищевых продуктов, промышленного, технического, лекарственного сырья, а отдельные виды животных имеют важное культурное, научное, эстетическое и воспитательное значение [8, с. 4].

Вместе с тем, традиции охоты – добычи охотничьих ресурсов, объектов животного мира – насчитывают тысячелетия, фактически с момента появления предков современного человека, которые охотились на диких животных, чтобы добыть себе и своему роду, племени пропитание, обеспечить одеждой, украшениями, орудиями труда. В наше время охота является как развлечением, так и средством регулирования популяций отдельных видов животных на определенной территории, а во многих случаях – промыслом, позволяющим прокормить семью. Поэтому полностью запрещать охоту было бы, наверное, неверным.

Исходя из изложенного, задачей государства является регулирование общественных отношений в области охраны диких животных таким образом, чтобы добиться условий их существования в состоянии естественной свободы, которые обеспечивали бы как права граждан на охоту, так и сохранение видовой многообразия и целостности сообществ животного мира.

При этом среди многообразия мер по регулированию указанных общественных отношений особое значение имеет уголовно-правовая охрана окружающей среды, играющая важную превентивную и воспитательную роль в борьбе с таким наиболее опасным посягательством на окружающую среду, как незаконная охота. Тесно связана с ней и деятельность по раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемого вида, качество и эффективность которой напрямую зависят от уровня криминалистического обеспечения процесса расследования, обусловленного систематизацией научных знаний о таких преступлениях и соответствующего эмпирического материала.

К сожалению, практика показывает, что качество борьбы с данным видом преступлений в Российской Федерации далеко от совершенства. Так, А.С. Курманов, исследовавший уголовно-правовые и криминалогические аспекты незаконной охоты, еще в 2002 г. отмечал, что из 1087 переданных сотрудниками охотнадзора в правоохранительные органы материалов по фактам незаконной охоты в возбуждении уголовных дел было отказано в 257 случаях, а по 206 уголовные дела были впоследствии прекращены (т.е. немногим более 50% материалов «превратились» впоследствии в уголовные дела, дошедшие до стадии судебного разбирательства) [8, с. 6]. В наши дни, спустя более чем 10 лет, ситуация, к сожалению, в корне не изменилась.

Обусловлено это несколькими причинами. Во-первых, зачастую, достаточно высоким должностным положением и интеллектуальным уровнем лиц, совершающих такие преступления, заранее продумывающих меры по их сокрытию и уходу от установленной законом ответственности. Так, достаточно вспомнить произошедшие в последние годы несколько случаев авиакатастроф вертолетов с чиновниками местных администраций (например, по Республике Алтай), когда у органов расследования имелись веские основания предполагать занятие незаконной охотой погибших при этом лиц с использованием летательного аппарата и нарушение правил полетов [4].

Во-вторых, наличием технических средств, позволяющих браконьерам в буквальном смысле слова уходить от преследования.

В-третьих, пренебрежением методико-криминалистическим обеспечением процесса расследования, к которому, в частности, относятся рекомендации о применении специальных знаний в процессе выявления и расследования преступлений данной категории. Речь идет, в основном, о такой форме применения специальных знаний, как производство судебных экспертиз, результаты которых являются, как правило, одними из самых веских доказательств виновности фигурантов.

Не вызывает сомнений, что часто при расследовании по уголовным делам возникают вопросы, решение которых невозможно без использования специальных знаний, т.е. тех специфических умений и навыков, приобретенных в результате целенаправленной профессиональной подготовки и опыта работы, которые используются в целях собирания информации о преступлении. Трудно представить процесс доказывания по уголовным делам без производства судебных экспертиз [14, с. 6].

Судебную экспертизу в уголовном процессе можно определить как исследование специалистом в определенных отраслях науки, техники, искусства или ремесла в особом порядке определенных объектов по заданию специально уполномоченных должностных лиц для установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Судебные экспертизы по уголовным делам о незаконной охоте назначаются в подавляющем большин-





стве случаев по материальным следам преступления – одному из элементов криминалистической характеристики. При этом иными элементами, отмечает В.В. Егошин, являются:

- непосредственный предмет преступного посягательства;
- способ совершения и сокрытия преступления;
- обстоятельства подготовки и совершения преступления (время, место и иные обстоятельства);
- сведения о личности преступника [2, с. 8].

Необходимо отметить, что механизм следообразования имеет особое значение для процесса расследования, так как знание типичной следовой картины преступления позволит эффективно провести осмотр места происшествия, обнаружить, зафиксировать и изъять следы преступления, путем назначения соответствующих судебных экспертиз сформировать доказательственную базу и, в конечном счете, изобличив виновного, привлечь его к ответственности. Типичными материальными следами незаконной охоты являются следы обуви, транспортных средств, применения оружия (холодного, огнестрельного), взрывчатых веществ, следы биологического характера, трупы животных и др. С учетом того, что в подавляющем большинстве случаев в качестве средств добычи животных и птиц при незаконной охоте используется огнестрельное оружие, особое значение приобретают следы, с ним связанные. Таковыми являются как само оружие (гладкоствольное, нарезное, комбинированное), охотничьи боеприпасы, так и следы выстрела (пули, дробь, картечь в трупах животных либо окружающих место происшествия объектах – деревьях и т.п., пыжи, прокладки, гильзы и др.).

При этом в целях доказывания факта применения огнестрельного оружия необходимо обращение к соответствующей сфере знания и назначение судебно-баллистической экспертизы, под которой понимается «специальное экспертное исследование, проводимое в установленной законом процессуальной форме с составлением соответствующего заключения с целью получения в процессе расследования и судебного разбирательства научно обоснованных фактических данных об огнестрельном оружии, боеприпасах к нему и следах их применения» [6, с. 64].

Как отмечают отечественные ученые-криминалисты, задачи данной экспертизы подразделяются на идентификационные (связанные с установлением групповой принадлежности и индивидуального тождества объектов), диагностические (связанные с распознаванием свойств исследуемых объектов), ситуационные (связанные с установлением обстоятельств производства выстрела) и реконструкционные (связанные с восстановлением первоначального вида объектов) [9, с. 10].

С учетом того факта, что в качестве охотничьего оружия в России наибольшее распространение получили гладкоствольные охотничьи ружья (так как процесс получения лицензии на приобретение нарезного

охотничьего оружия более сложен, оно менее универсально для целей охоты, чем гладкоствольное, да и стоимость его, как правило, выше), незаконная охота в подавляющем большинстве случаев имеет место с применением именно такого оружия. Несмотря на отсутствие нарезов в канале ствола, эксперты-криминалисты с успехом проводят идентификационные исследования гладкоствольных ружей при обнаружении на месте незаконной охоты выстреленных из них картечин, дрови, гильз, пуль, контейнеров. В специальной литературе отмечается, что идентификация гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах основывается на ряде положений:

- индивидуальности следообразующего объекта (поверхность канала ствола каждого экземпляра оружия индивидуальна);
- относительной устойчивости следообразующего объекта – микрорельефа канала ствола, повторяемость в качественном и количественном выражении,
- отображаемости микрорельефа канала ствола на снаряде в виде комплекса признаков (трасс), относительной стабильности процесса следообразования [15, с. 6].

Примером может служить уголовное дело по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 258 УК России, в котором в качестве доказательств фигурировало заключение баллистической судебной экспертизы, согласно которому три гильзы, изъятые в 7 км от <адрес> на территории Анненского государственного заказника (Челябинская область), являются гильзами от охотничьих патронов 12 калибра, две из них стреляны в патроннике правого ствола ружья «ИЖ-43», принадлежащего Б., с номером (№), а одна гильза – стреляна в патроннике левого ствола ружья «ИЖ-43» с номером (№), принадлежащего Б. [11]

Процесс организации назначения баллистической судебной экспертизы по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории можно условно подразделить на ряд этапов.

Так, обнаружив и изъяв соответствующие объекты, дознаватель (следователь) должен определить сферу специальных знаний, к которым необходимо обратиться. При этом тактически целесообразным представляется привлечение специалиста соответствующего профиля (как правило, эксперта-криминалиста), который окажет дознавателю (следователю) консультативную помощь, информируя о видах судебных экспертиз, а также о возможностях и перспективах экспертных исследований.

После этого дознаватель (следователь) должен определить экспертное учреждение либо экспертов, которые будут проводить такую экспертизу. Диагностическую баллистическую экспертизу (на предмет отнесения объектов к боеприпасам, огнестрельному оружию, решение вопроса о его исправности и т.п.) в связи с тем, что сложностей, как правило, проведение такой экспертизы не представляет, проводят эксперты-криминалисты территориальных органов

МВД России на районном уровне. Если же речь идет об идентификационной экспертизе (при решении вопроса о том, выстреляна ли конкретная пуля, картечь, пыж-контейнер и т.п. из конкретного образца оружия, изъятого, например, у подозреваемого), то проведение соответствующих исследований потребует специального оборудования, которым располагают Экспертно-криминалистические центры министерств, главных управлений, управлений МВД России по субъектам Российской Федерации. Кроме того, специалисты данного профиля имеются и в подразделениях экспертных учреждений системы Министерства юстиции России по субъектам Российской Федерации.

Следующим этапом является определение объектов, которые подлежат направлению на экспертизу. Таковыми, как уже было сказано ранее, будут являться обнаруженное и изъятое оружие или его части, боеприпасы или их фрагменты, следы применения оружия на различных преградах и т.п. Перед тем, как направлять перечисленное в распоряжение эксперта, представляется необходимым осмотреть данные объекты с участием специалиста по правилам осмотра предметов с составлением соответствующего протокола. При этом специалист поможет дознавателю (следователю) должным образом описать и упаковать объекты-носители следовой информации.

Стоит отметить, что согласно криминалистическим рекомендациям объекты на экспертизу должны отправляться в упаковке, исключающей возможность их повреждения либо внесения в них посторонних предметов, загрязнений и т.п. Что же касается образцов для сравнительного исследования, то рассматриваемая экспертиза отличается от многих других отсутствием необходимости для дознавателя (следователя) представлять такие образцы эксперту. Последний получает их самостоятельно, с использованием специального оборудования, в процессе производства экспертных исследований, т.е. получив образец оружия либо стреляные гильзы (пули, картечь и т.п.), эксперт производит контрольный отстрел боеприпасов из представленного образца оружия, и затем сравнивает след на полученных сравнительных образцах с тем, который был обнаружен и изъят в ходе тех или иных следственных действий.

Следующим условным этапом назначения экспертизы является формулирование вопросов, подлежащих разрешению экспертом. Исходя из практического опыта следственной работы автора, анализа эмпирических материалов [3] и литературных источников, можно заключить, что во многих случаях вопросы ставятся некорректно либо в избыточном количестве. Для исключения подобных фактов дознавателю, следователю целесообразно воспользоваться специальными справочными изданиями, в которых содержатся типовые формулировки вопросов для разрешения рассматриваемой судебной экспертизой. Другой способ избежать подобных недостатков – использование лицом, назначающим экспертизу, предоставленного УПК России права привле-

чения специалиста для постановки вопросов эксперту, что будет способствовать грамотному формулированию необходимых вопросов.

Осуществляется это, как правило, в рамках взаимодействия сотрудников экспертно-криминалистических подразделений и органов предварительного расследования. Как известно, взаимодействием является «основанная на законе и иных нормативных актах совместная деятельность имеющих различную компетенцию и специализацию, а также обладающих различным уровнем знаний в области криминалистики, оперативно-разыскной деятельности, уголовного права и процесса субъектов, направленная на достижение общей цели – раскрытие и расследование преступлений, установление объективной истины и обеспечение правильного применения закона» [12, с. 7]. Поэтому, исходя из изложенного, можно сделать вывод, что такое взаимодействие является не просто тактически целесообразным, но необходимым, так как позволяет повысить эффективность расследования.

Формы взаимодействия дознавателя (следователя) как основного его субъекты с иными участниками уголовного судопроизводства, в том числе, специалистами и экспертами, принято подразделять на процессуальные и организационные [1, с. 252]. Одним из видов организационной (или непроцессуальной, т.е. не отражающейся в материалах уголовного дела), хотя и весьма эффективной формы взаимодействия можно считать консультации со специалистом по различным вопросам применения специальных знаний в ходе расследования.

Согласно проведенному исследованию, по данным анкетирования респондентов, при назначении баллистических судебных экспертиз имело место взаимодействие дознавателя (следователя) со специалистом в форме оказания последним консультативной помощи. Как следствие, не имело места возвращение постановлений о назначении экспертиз без исполнения в связи с допущенными ошибками, полученные заключения экспертов стали серьезной доказательственной базой предъявленных фигурантам обвинений, и вина их была доказана в суде.

Следующим этапом выступает вынесение постановления о назначении баллистической судебной экспертизы. Как и любое другое постановление лица, производящего предварительное расследование по уголовному делу, оно состоит из трех частей – вводной (где указываются дата и место составления, данные должностного лица, его составившего, номер уголовного дела либо материала проверки); описательно-мотивировочной (содержащей краткую фабулу расследуемого события, основания назначения судебной экспертизы) и резолютивной (содержит наименование судебной экспертизы, фамилию, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза, вопросы, поставленные перед экспертом, объекты и материалы, предоставляемые в его распоряжение).

С данным постановлением должен быть ознаком-



лен подозреваемый (обвиняемый). При этом указанные лица, согласно положениям УПК России, вправе заявить отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту, присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту, знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта. Об ознакомлении с упомянутым постановлением составляется протокол.

При поступлении соответствующих ходатайств фигурантов дознаватель (следователь) либо удовлетворяет их, внося соответствующие изменения в постановление, либо мотивированно отказывает в их удовлетворении.

После совершения указанных действий постановление вместе с объектами направляется для исполнения в соответствующее экспертное учреждение [5, 7, 10, 12, 16]. При этом его руководитель поручает производство экспертизы конкретному сотруднику с разъяснением ему соответствующих положений УПК и УК России о его правах, а также уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Получив экспертное заключение, дознаватель (следователь) должен оценить его как доказательство по делу и ознакомить с ним подозреваемого (обвиняемого) с разъяснением права ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной экспертизы.

Оценка полученного заключения эксперта, как и любого другого доказательства, производится с позиции относимости (отношения доказательства к предмету доказывания либо отдельным его элементам) и допустимости (пригодность сведений, установленных экспертным путем, к использованию в качестве судебных доказательств). Кроме того, экспертное заключение как специфический вид доказательств, в ходе получения которого применяются специальные знания сведущих лиц, оценивается также с позиции достоверности, что предполагает формальную оценку (проверку достаточности представленного на исследование материала, исходных данных, соответствие количества выводов количеству поставленных вопросов и т.п.) и содержательную оценку (компетентность эксперта, научную обоснованность применяемых методик, логичность умозаключений эксперта, соответствие сделанных выводов промежуточным результатам исследования и проведенному исследованию в целом, их логическую непротиворечивость).

Подводя некий итог под изложенным, можно прийти к выводу, что учет и выполнение криминалистических рекомендаций при назначении баллистической судебной экспертизы по уголовным делам о незакон-

ной охоте (равно как и по уголовным делам о преступлениях иных категорий, связанных с применением огнестрельного оружия), позволит проводить ее максимально результативно. Это сократит срок и повысит эффективность расследования незаконной охоты, обеспечит формирование качественной доказательственной базы, установление и привлечение к ответственности виновных лиц, и, как следствие, улучшит охрану окружающей среды.

## Литература

1. *Антилогов В.В.* Правовые основы взаимодействия следователя с участниками уголовного судопроизводства // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 2.
2. *Егошин В.В.* Методика расследования незаконной охоты. М., 2002.
3. Всего по специально разработанной анкете было опрошено 115 следователей и руководителей подразделений дознания из 56 субъектов Российской Федерации, прибывавших на повышение квалификации в Волгоградскую академию МВД России в 2014 г., имевших в производстве (либо подчиненные которых имели в производстве) уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 222, 258 УК РФ.
4. Дело баранов умерло // <http://www.gazeta.ru/social/2009/11/07/3281671.shtml>. дата обращения – 17 ноября 2014 г.
5. *Карлов В.Я.* Судебная экспертиза в уголовном процессе Российской Федерации. М., 2008.
6. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: Учебник. Ч. 1 / Под ред. В.А. Ручкина, И.А. Чулкова. Волгоград, ВА МВД России, 2004.
7. *Крылов И.Ф.* Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1963.
8. *Курманов А.С.* Незаконная охота: Уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дисс... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Казань, 2002.
9. *Латышов И.В., Никитин И.И., Чулков И.А.* Предмет, объекты и задачи судебно-баллистической экспертизы. Лекция. Волгоград, 2001.
10. *Палиашвили А.Я.* Экспертиза в суде по уголовным делам. М., 1973.
11. Приговор 1-126/2014 / <https://rospravosudie.com/court-kartalinskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-455579156/>. Дата обращения – 17 ноября 2014 г.
12. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2008.
13. *Тертышник В.М., Слинко С.В.* Взаимодействие следователя с иными подразделениями органов внутренних дел при расследовании преступлений. Харьков: Ун-т внутр. дел, 1995.
14. *Харченко Д.А.* Судебная экспертиза в российском уголовном судопроизводстве: Дисс... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006.
15. *Чулков И.А., Зайцев В.Ф., Латышов И.В.* Иден-



тификация гладкоствольного огнестрельного оружия по следам на снарядах. Лекция. Волгоград, ВА МВД России, 2000.

16. Янин С.А., Шумигай И.Н. Организационно-тактические аспекты назначения фоноскопической судебной экспертизы при расследовании хищений, совершенных военнослужащими с использованием своего служебного положения // Судебная экспертиза. 2012. № 3 (31). 2012.

## References

1. Anpilogov V.V. Legal basis for the interaction between an investigator and participants in criminal proceedings // "Black holes" in the Russian legislation. 2007. No. 2.

2. Egoshin V.V. Methodology for the investigation of illegal hunting. M., 2002.

3. In common using a specially designed questionnaire were interviewed 115 investigators and managers inquiries from 56 regions of the Russian Federation arriving on professional development in the Volgograd Academy of the MIA of Russia in 2014, having the production (or subordinates which were in production) criminal cases involving crimes under Art. 222, 258 of the Criminal code.

4. The case of sheep died // <http://www.gazeta.ru/social/2009/11/07/3281671.shtml>. Date of access - 17.11.2014.

5. Karlov V.Ya. Forensics in the criminal procedure of the Russian Federation. M., 2008.

6. Forensic examination of firearms and traces its applications: Textbook. P. 1. Ed. by V.A. Ruchkin, I.A. Chulkov. Volgograd, VA the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004.

7. Krylov I.F. forensics in the criminal process. L., 1963.

8. Kurmanov A.S. Illegal hunting: Criminal law and criminological aspects: the dissertation on competition of a scientific degree of candidate of legal sciences. Kazan, 2002.

9. Latyshov I.V., Nikitin I.I., Chulkov I.A. Subject, object and tasks of the forensic ballistic examination. Lecture. Volgograd, 2001.

10. Paliashvili A.Ya. Expertise in criminal court. M., 1973.

11. The sentence 1-126/2014 / <https://rospravosudie.com/court-kartalinskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-455579156/>. Date of access - 17.11.2014.

12. Rossinskaya E.R. Forensics in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. M., 2008.

13. Tertyshnik V.M., Slinko S.M. Interaction of the investigator with other departments of the internal Affairs agencies in the investigation of crimes. Kharkov: Univ. of Internal Affairs, 1995.

14. Kharchenko D.A. Forensic examination in the Russian criminal proceedings: Diss. ... cand. leg. sciences. Irkutsk, 2006.

15. Chulkov I.A., Zaitsev V.F., Latyshov I.V. Identification smoothbore firearms traces on the shells. Lecture. Volgograd, VA the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000.

16. Янин С.А., Шумигай И.Н. Организационно-тактические аспекты назначения моноскопической судебной экспертизы при расследовании хищений, совершенных военнослужащими с использованием своего служебного положения // Судебная экспертиза. 2012. № 3 (31). 2012.



**Муниципальное право России:** учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [А.С. Прудников и др.]; под ред. А.С. Прудникова, Е.Н. Хазова, Н.А. Антоновой. — 7-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 423 с. (Серия «Dura lex, sed lex»).

Изложены основные теории местного самоуправления, рассмотрена история возникновения и развития самоуправления в России. Показаны современные подходы к пониманию местного самоуправления, главные направления государственной политики России в этой области. Представлены предмет, метод, система и источники муниципального права. С учетом комплексного характера определено особое место муниципального права в системе российского права. Рассмотрены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и его участия в нем. Описаны структура органов местного самоуправления и различные модели ее организации.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших юридических образовательных учреждений, органов и должностных лиц местного самоуправления.





УДК 34  
ББК 67.301

## ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

*САЙД-ЭМИН АЛИЕВИЧ САЛАМОВ,*

*аспирант кафедры административного и информационного права  
Финансового университета при Правительстве РФ*

*E-mail: lamroborz@yandex.ru*

*Научная специальность 12.00.14 – административное право;  
административный процесс*

*Рецензент: кандидат юридических наук, доктор экономических наук,  
профессор Н.Д. Эриашвили*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

---

**Аннотация.** На основе анализа положений ст. 15.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях высказаны предложения о совершенствовании законодательства Российской Федерации об административной ответственности за нарушение законодательства о кредитных организациях.

**Ключевые слова:** административная ответственность, Российская Федерация, федеральный закон РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, банк, банковская деятельность, кредитные организации, Центральный банк РФ, законодательство о кредитных организациях.

**Annotation.** On the basis of analysis of the provisions of Art. 15.26 of the Code of Administrative Offences suggestions on improving the legislation of the Russian Federation on administrative responsibility for violation of legislation on credit institutions are made.

**Keywords:** administrative responsibility, the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation, the Russian Federation Code of Administrative Offences, bank, banking, lending institutions, the Central Bank of the Russian Federation legislation on credit institutions.

---

Административная ответственность за нарушение законодательства о кредитных организациях предусмотрена в ст. 15.26 «Нарушение законодательства о банках и банковской деятельности» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 20 декабря 2001 г.<sup>1</sup>

В последующем положения указанной статьи видоизменялись<sup>2</sup>. Ныне ст. 15.26 КоАП РФ<sup>3</sup> представлена следующим образом: «1. Осуществление кредитной организацией производственной, торговой или страховой деятельности – влечет наложение административного штрафа в размере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

2. Нарушение кредитной организацией установленных Банком России нормативов и иных обязательных требований – влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей.

3. Действия, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, если они создают реальную угрозу интересам кредиторов (вкладчиков), – влекут наложение административного штрафа в размере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей».

Здесь явно просматривается несоответствие наименования статьи ее содержанию. В частности, в наименовании статьи речь идет о банках, а в ее содержании – о кредитных организациях. В ч. 2 использован термин «Банк России», а следовало бы использовать термин «Центральный банк РФ», также являющийся кредитной организацией. Вызывает возражение использование оценочных понятий: «нормативов и иных обязательных требований», «реальную угрозу» и др.

На обнаруженные нами несоответствия отдельных положений ст. 15.26 КоАП РФ, как правило, не обращается внимание в комментариях к КоАП РФ.

Так, А.Н. Гуев ограничился лишь выделением объекта («порядок в банковской деятельности»), объективной стороны, субъекта и субъективной стороны административного правонарушения<sup>4</sup>. Этот же подход применяет и А.Б. Борисов<sup>5</sup>.

А.Г. Гузнов заключает следующее: «Комментируемая статья – один из примеров «неработающих» составов КоАП. Нормы данной статьи не соответствуют ключевым принципам эффективности банковского надзора. Надзор за законодательством о банках и бан-

ковской деятельности – сфера конституционных полномочий Банка России»<sup>6</sup>.

Группа авторов-единомышленников (И.И. Веременико, Н.Г. Салищева, Е.Н. Сидоренко и А.Ю. Якимов) также обратила внимание на несовершенство некоторых терминов (например, «реальная угроза», под которой предложено понимать «ухудшение финансового положения кредитной организации, в результате которого становится затруднительным исполнение кредитной организацией своих обязанностей по возврату вкладов либо по выполнению иных обязательств, предусмотренных законом или договором»)<sup>7</sup>.

В.С. Чижевский ограничивается извлечениями из нескольких нормативных правовых актов: ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности», ФЗ РФ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»<sup>8</sup>.

Е.В. Артемьев ограничивается лишь цитированием соответствующей статьи КоАП РФ<sup>9</sup>.

Таким образом, в комментариях к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях фактически не определено содержание данной разновидности административного правонарушения. Поэтому правоприменительная практика привлечения к административной ответственности за нарушения законодательства о кредитных организациях фактически отсутствует.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений о совершенствовании положений ст. 15.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Во-первых, наименование ст. 15.26 КоАП РФ необходимо представить иным образом: «Нарушение законодательства о кредитных организациях».

Во-вторых, в ч. 2 ст. 15.26 КоАП РФ, вместо термина «Банк России», использовать термин «Центральный Банк Российской Федерации».

В-третьих, в ч. 2 ст. 15.26 КоАП РФ, вместо термина «нормативов и иных обязательных требований», использовать термин «подзаконных нормативных правовых актов».

В-четвертых, ввиду неопределенности исключить из ст. 15.26 КоАП РФ ч. 3.

В-пятых, административный штраф заменить иными видами административных наказаний (например, предупреждение, дисквалификация).

В-шестых, ст. 15.26 КоАП РФ необходимо поместить в гл. 14, ибо все кредитные организации вправе осуществлять предпринимательскую деятельность.

<sup>1</sup> См.: СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

<sup>2</sup> См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение: ФЗ РФ от 6 июня 2007 г. // СЗ РФ. 2007. № 26. Ст. 3089.

<sup>3</sup> В юридической литературе обращено внимание на несовершенство аббревиатуры «КоАП РФ» наименованию нормативного правового акта, опубликованного в официальном источнике опубликования (подробнее об этом см.: Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации (теория и правоприменительная практика): Монография. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2014. С. 138–147).

<sup>4</sup> Гув А.Н. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2009. С. 562–563.

<sup>5</sup> Борисов А.Б. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2011. С. 498.

<sup>6</sup> См.: Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: Юрайт, 2010. С. 942.

<sup>7</sup> См.: Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. 7-е изд. / Под общ. ред. Н.Г. Салищевой. М.: Проспект, 2011. С. 690.

<sup>8</sup> Чижевский В.С. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный). 17-е изд. М.: Книжный мир, 2014. С. 620–621.

<sup>9</sup> Артемьев Е.В. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М.: КНОРУС; Саратов: Макет плюс, 2011. С. 234–235.



**Правовое положение полиции МВД России:** учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [С.Ю. Анохина и др.]; под ред. Ф.П. Васильева. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 815 с.

Цель учебника — ознакомить читателя с деятельностью полиции по вопросам организации обеспечения общественного порядка (ООП) и безопасности в современных условиях.

Рассмотрены правовое положение полиции и участие подразделений полиции в ООП, а также отдельные направления деятельности ряда подразделений полиции.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, а также для должностных лиц местных органов власти и иных правоохранительных органов.



УДК 34  
ББК 67.301

## АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕГЛАМЕНТЫ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

**АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СТАХОВ,**

*заведующий отделом административно-правовых исследований*

*Российского государственного университета правосудия,*

*доктор юридических наук, профессор*

*Научная специальность 12.00.14 – административное право;*

*административный процесс*

*E-mail: alexander-stakhov@ya.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Сформулировано определение административных регламентов публичной администрации (органов исполнительной власти и органов местного самоуправления), выделены характерные признаки данных регламентов как средства противодействия коррупции, предложена их классификация с использованием специальных критериев.

**Ключевые слова:** административный регламент органа исполнительной власти; административный регламент органа местного самоуправления; публичная администрация; административные процедуры противодействия коррупции.

**Annotation.** Proposed the definition of administrative regulations of public administration (executive bodies and local authorities), and figures characteristic features of these regulations as means of corruption prevention and classification is offered by special criteria.

**Keywords:** administrative regulation enforcement authority; administrative regulations of the local government; public administration; administrative procedures for corruption prevention.

Действенным средством противодействия коррупции в Российской Федерации являются административные регламенты органов исполнительной власти и административные регламенты органов местного самоуправления, которые в обобщенном виде представляется возможным назвать административными регламентами публичной администрации.

В настоящее время, главным образом, сформировался и активно расширяется массив административных регламентов органов исполнительной власти. Для издания административных регламентов органов местного самоуправления созданы необходимые правовые предпосылки в Постановлении Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373 (ред. от 18 декабря 2012 г.) «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг».

С точки зрения автора, под **административным регламентом органа исполнительной власти** следует понимать изданный на основании Конституции РФ, Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», иных федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ

*нормативный правовой акт, устанавливающий административные процедуры, определяющие порядок организации деятельности органов исполнительной власти по реализации административных полномочий и взаимодействия этих органов, общий порядок внутреннего устройства органов исполнительной власти, а также порядок взаимодействия органов исполнительной власти с физическими и юридическими лицами, иными государственными органами, органами местного самоуправления, учреждениями и организациями по реализации административно-публичных функций, возложенных на органы исполнительной власти.*

**Административный регламент органа местного самоуправления** можно определить как *нормативный правовой акт, устанавливающий административные процедуры, определяющие порядок организации деятельности органов местного самоуправления, связанных с реализацией административных полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, санкционированных (разрешенных, одобренных) или делегированных данным органам.*

Административные регламенты органов исполнительной власти и органов местного самоуправления являются комплексным средством противодействия



коррупции и поэтому призваны решить следующий ряд социально значимых задач.

1. Оказывать противодействие коррупции в административно-правовой сфере. Должностные лица органов исполнительной власти и органов местного самоуправления совершают целый ряд административно-правовых действий и принимают множество административно-правовых решений по усмотрению в соответствии с законом. Соответственно, размытые и широкие границы усмотрения указанных должностных лиц являются той благодатной почвой, которая необходима для процветания коррупции. Указанные административные регламенты позволяют установить стабильные рамки административной деятельности должностных лиц органов исполнительной власти и органов местного самоуправления и тот административно-правовой порядок, который гарантирует оперативность и законность их административно-правовых действий и решений, обеспечивает им открытый и заранее предсказуемый характер. Назначение данных регламентов — ограничивать произвольное административное усмотрение и вводить легальные критерии действий государственных и муниципальных структур, должностных лиц, граждан и юридических лиц. Упорядочение административной деятельности придает ей открытый и заранее предсказуемый характер и, следовательно, способствует ее эффективности и демократичности.

2. Оптимизировать (повысить качество) исполнения государственных (административно-правовых) функций, возложенных на органы исполнительной власти и органы местного самоуправления, в том числе:

а) упорядочить административные процедуры и административные действия должностных лиц публичной администрации;

б) устранить избыточные административные процедуры и действия публичной администрации, если это не противоречит федеральным законам, нормативным правовым актам Президента РФ и Правительства РФ;

в) упростить административные процедуры и административные действия публичной администрации. Это предполагает сокращение количества документов, представляемых заявителями для исполнения государственной (административно-правовой) функции, внедрение новых форм документов, позволяющих устранить случаи неоднократного предоставления идентичной информации; снижение количества взаимодействий заявителей с должностными лицами органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, в том числе, за счет реализации принципа «одного окна»; использование межведомственных согласований при исполнении административно-правовой функции (в частности, функции по предоставлению государственной или муниципальной услуги) без участия заявителя, например, с использованием информационно-коммуникационных технологий;

г) сократить сроки исполнения административно-правовой функции, а также сроки исполнения

отдельных административных процедур и административных действий в рамках исполнения административно-правовой функции, возложенной на орган исполнительной власти или орган местного самоуправления. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий подготовку административного регламента, может установить в административном регламенте сокращенные сроки исполнения государственной (административно-правовой) функции, а также сроки исполнения административных процедур в рамках исполнения указанной функции по отношению к соответствующим срокам, установленным в законодательстве РФ;

д) установить персональную ответственность должностных лиц органов исполнительной власти и органов местного самоуправления за соблюдение требований административных регламентов по каждому действию или административной процедуре при исполнении государственной (административной) функции, в том числе при предоставлении государственной или муниципальной услуги.

3. Установить порядок исполнения органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления отдельных государственных (административных) полномочий Российской Федерации, переданных им на основании федерального закона с предоставлением субвенций из федерального бюджета, а также части административных полномочий федеральных органов исполнительной власти по исполнению государственных (административно-правовых) функций, переданных органам исполнительной власти субъектов РФ в соответствии с соглашениями.

4. Обеспечить системность регламентации вопросов организации и деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Это означает, во-первых, обеспечение связи всех видов административных регламентов между собой вплоть до функциональных и организационных распоряжений работы и должностных регламентов и, во-вторых, формирование системы регламентов на региональном и муниципальном уровнях.

Для того, чтобы уяснить особенности природы административных регламентов публичной администрации как специфического средства противодействия коррупции можно выделить присущие им следующие отличительные признаки.

Во-первых, административные регламенты публичной администрации являются подзаконными правовыми актами, которые разрабатываются в соответствии с федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации и на основе целого ряда специальных унифицированных нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации: Типового регламента взаимодействия федеральных органов исполнительной власти<sup>1</sup>, Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти<sup>2</sup>, Правил разработки и утверждения





административных регламентов исполнения государственных функций, Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг<sup>3</sup>.

Во-вторых, указанные административные регламенты являются нормативными правовыми актами, в которых содержатся административные процедуры, регламентирующие совместное поведение должностных лиц и подразделений органа исполнительной власти, органа местного самоуправления, физических и юридических лиц, учреждений и организаций, связанное с реализацией административных функций, возложенных на органы исполнительной власти и органы местного самоуправления.

В-третьих, выделяемые административные регламенты устанавливают нормативную продолжительность (административно-процессуальные сроки) действий должностных лиц и подразделений органа исполнительной власти, органа местного самоуправления, а также нормативную продолжительность совместных действий должностных лиц и подразделений органа исполнительной власти, физических и юридических лиц, учреждений и организаций по реализации административно-публичных функций, возложенных на орган исполнительной власти.

В-четвертых, в нормах административного регламента публичной администрации устанавливается последовательность совместных действий и решений должностных лиц и подразделений органа исполнительной власти, органа местного самоуправления, физических и юридических лиц, организаций и учреждений, связанных с осуществлением органом исполнительной власти или органом местного самоуправления возлагаемых на данные органы административно-правовых функций.

В-пятых, в содержании административного регламента публичной администрации можно выделить административные процедуры, в соответствии с которыми разнообразны по содержанию административно-правовые действия органа исполнительной власти или органа местного самоуправления (должностных лиц и подразделений данного органа) выстраиваются в формально определенную последовательность, направленную на принятие решения по административным делам, связанным с реализацией возложенных на данные органы административно-правовых функций.

В-шестых, административные регламенты публичной администрации утверждаются, как правило, руководителями соответствующих органов. В частности, административные регламенты федеральных органов исполнительной власти утверждаются федеральными министрами, директорами федеральных служб и федеральных агентств.

В-седьмых, административные регламенты публичной администрации призваны установить и поддерживать отдельные стороны административного правопорядка. В частности, административные регламенты устанавливают:

а) общие правила организации деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по реализации административных полномочий и взаимодействия этих органов;

б) общие правила внутренней организации органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;

в) порядок взаимодействия органов исполнительной власти или органов местного самоуправления с физическими и юридическими лицами, иными государственными органами, органами местного самоуправления, учреждениями и организациями по реализации административных функций, возложенных на публичную администрацию.

В целях уяснения отдельных особенностей административные регламенты публичной администрации можно, используя ряд специальных критериев, классифицировать на отдельные виды следующим образом.

Во-первых, указанные административные регламенты можно подразделить по назначению на следующие виды:

1) *регламенты взаимодействия органов публичной администрации*, устанавливающие общие правила организации деятельности органов исполнительной власти, органов местного самоуправления по реализации административных полномочий и взаимодействия этих органов. Например, Регламент взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной миграционной службы, их территориальных органов по контролю за исполнением вынесенных Министерством юстиции Российской Федерации решений о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы; Регламент взаимодействия МВД России с федеральными органами исполнительной власти; Регламент взаимодействия органов исполнительной власти города Москвы и органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в городе Москве по решению вопроса об использовании жилищного фонда города Москвы при лишении родителей родительских прав в порядке применения ч. 2 ст. 91 Жилищного кодекса Российской Федерации;

2) *регламенты внутренней организации органов публичной администрации*, содержащие общие правила взаимодействия подразделений и должностных лиц органов исполнительной власти, органов местного самоуправления. К примеру, Регламент внутренней организации Министерства образования и науки Российской Федерации; Регламент Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека;

3) *регламенты административно-публичных функций*, которые устанавливают административные процедуры по осуществлению возложенных на орган исполнительной власти или орган местного самоуправления административно-публичных функций.



Например, Административный регламент исполнения Министерством юстиции Российской Федерации государственной функции по предоставлению информации физическим и юридическим лицам о зарегистрированных организациях; Административный регламент исполнения Министерством юстиции Российской Федерации государственной функции по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций.

Во-вторых, в соответствии с принципами федерального устройства и местного самоуправления можно выделить:

1) *административные регламенты органов федеральной системы исполнительной власти.* Например, административные регламенты МВД России; административные регламенты Минюста России;

2) *административные регламенты органов системы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.* К примеру, Административный регламент предоставления государственной услуги по информированию о положении на рынке труда в субъекте Российской Федерации; Административный регламент предоставления государственной услуги по организации проведения оплачиваемых общественных работ;

3) *административные регламенты системы органов местного самоуправления.* К примеру, административные регламенты исполнения муниципальных функций, разрабатываемые органами местного самоуправления муниципальных образований.

В-третьих, в зависимости от объема административной компетенции федеральных органов исполнительной власти можно выделить:

1) *административные регламенты федеральных министерств.* Например, Административный регламент исполнения Министерством юстиции Российской Федерации государственной функции по принятию решения о государственной регистрации эмблем некоммерческих организаций и символики общественных объединений; Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения;

2) *административные регламенты федеральных служб.* К примеру, Административный регламент Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по ведению реестра хозяйствующих субъектов, имеющих долю на рынке определенного товара более чем тридцать пять процентов;

3) *административные регламенты федеральных агентств.* К примеру, Административный регламент Федерального агентства кадастра объектов недвижимости по исполнению государственной функции «Ведение государственного земельного кадастра».

В-четвертых, в зависимости от целевой направленности административно-правовых функций, возложенных на публичную администрацию, можно назвать:

1) *административно-распорядительные регламенты,* например: Административный регламент исполнения Федеральным агентством кадастра объектов недвижимости государственной функции «Организация проведения государственной кадастровой оценки земель»; Административный регламент Федеральной аэронавигационной службы по предоставлению государственных услуг по аэронавигационному обслуживанию пользователей воздушного пространства Российской Федерации;

2) *административно-охранительные регламенты.* К примеру, Административный регламент Федеральной службы страхового надзора по исполнению государственной функции осуществления контроля и надзора за соблюдением субъектами страхового дела страхового законодательства, в том числе путем проведения проверок их деятельности на местах; Административный регламент исполнения Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека государственной функции по осуществлению в установленном порядке проверки деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан по выполнению требований санитарного законодательства, законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих отношения в области защиты прав потребителей, и соблюдения правил продажи отдельных, предусмотренных законодательством, видов товаров, выполнения работ, оказания услуг;

3) *смешанные административные регламенты,* например: Административный регламент Федеральной миграционной службы по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, и по исполнению государственной функции по их учету.

В-пятых, в зависимости от характера вмешательства в деятельность физических и юридических лиц, иных государственных органов, органов местного самоуправления, можно выделить:

1) *регламенты исполнения административно-публичных функций.* К примеру, Административный регламент Федеральной службы страхового надзора по исполнению государственной функции осуществления контроля и надзора за соблюдением страховыми организациями требований законодательства Российской Федерации о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансировании терроризма в части, относящейся к компетенции Службы;

2) *административно-служебные* (внутриорганизационные и внутрисистемные) *регламенты.* Например, Регламент внутренней организации Министерства образования и науки Российской Федерации; Регламент взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной миграционной службы, их территориальных органов по контролю за



исполнением вынесенных Министерством юстиции Российской Федерации решений о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы.

В-шестых, в зависимости от субъекта, инициирующего применение административных процедур по реализации административно-публичных функций, возлагаемых на органы исполнительной власти, логично выделить:

1) *регламенты исполнения административно-публичных функций по обращениям физических или юридических лиц* — так называемые административные регламенты предоставления государственных услуг. Например, Административный регламент предоставления государственной услуги по истребованию личных документов; Административный регламент предоставления государственной услуги по организации профессиональной ориентации граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, профессионального обучения; Административный регламент предоставления государственной услуги по социальной адаптации безработных граждан на рынке труда;

2) *регламенты исполнения административно-публичных функций по решению или обращению государственных органов, органов местного самоуправления, органов государственных внебюджетных фондов* — так называемые административные регламенты исполнения государственных функций. Например, Административный регламент МВД России исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасно-

сти дорожного движения; Административный регламент исполнения Федеральным агентством кадастра объектов недвижимости государственных функций «Ведение государственного технического учета объектов капитального строительства»; Административный регламент Федеральной таможенной службы по исполнению государственной функции по ведению реестра банков и иных кредитных организаций, обладающих правом выдачи банковских гарантий уплаты таможенных платежей.

Предложенный подход к пониманию природы, содержания и классификации административных регламентов публичной администрации может служить отправной точкой для разработки и проведения научно обоснованной систематизации и унификации административных процедур противодействия коррупции, закрепленных в административных регламентах органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

<sup>1</sup> См.: Постановление Правительства РФ от 19 января 2005 г. № 30 (ред. от 6 сентября 2012 г.) «О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. № 4. Ст. 305.

<sup>2</sup> См.: Постановление Правительства РФ от 28 июля 2005 г. № 452 (ред. от 27 марта 2013 г.) «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. № 31. Ст. 3233.

<sup>3</sup> Постановление Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373 (ред. от 18 декабря 2012 г.) «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг» // СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3169.



**Административное право России:** учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.Я. Кикотя, П.И. Кононова, Н.В. Румянцева. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 759 с. (Серия «Dura lex, sed lex»).

В учебнике предложено оригинальное видение предмета административного права, механизма административно-правового регулирования общественных отношений, во многом отличающееся от стереотипов, сложившихся в административно-правовой науке в течение многих десятилетий. Особое внимание уделено таким малоизученным вопросам административного права, как особенности административно-правового статуса организаций (в том числе государственных учреждений, должностных лиц), основы правоохранительной службы, административно-правовые действия, методы осуществления административной деятельности, основы теории административно-публичного обеспечения безопасности.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений юридического профиля.



УДК 34.08  
ББК 67.301

## К ВОПРОСУ О ПРОХОЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

**НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА МАЛАХОВА,**

*доцент Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

*кандидат юридических наук, доцент*

*E-mail: nv\_malakhova@mail.ru;*

**ТАНЗИЛЯ ФАРИДОВНА ШАЙХУТДИНОВА,**

*преподаватель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

*кандидат юридических наук*

*E-mail: tanzilyav@mail.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

---

**Аннотация.** Рассматриваются особенности государственной гражданской службы в органах внутренних дел; проводится сравнительно-правовой анализ государственной службы в органах внутренних дел, осуществляемой сотрудниками органов внутренних дел и государственными гражданскими служащими.

**Ключевые слова:** государственная гражданская служба, органы внутренних дел, государственные гражданские служащие, сотрудники органов внутренних дел, основные характеристики государственной гражданской службы в органах внутренних дел.

**Annotation.** The peculiarities of state civil service in the agencies of internal affairs are considered. At the same time a comparative legal analyze of the agencies of internal affairs officers state service and state civil servants state service in the agencies of internal affairs is implemented.

**Keywords:** state civil service, the agencies of internal affairs, state civil servants, the agencies of internal affairs officers, basic characteristics of state civil service in the agencies of internal affairs.

---

Вопросы государственной гражданской службы являются предметом исследования многих ученых<sup>1</sup>. В настоящей статье будут рассмотрены особенности государственной гражданской службы в органах внутренних дел.

В органах внутренних дел проходят службу не только сотрудники органов внутренних дел, т.е. лица, имеющие специальные звания рядового и начальствующего состава, но и государственные гражданские служащие. Такая ситуация согласуется с нормами, регулирующими систему государственной службы Российской Федерации, и принципами ее построения. На основе этих норм и принципов в федеральном государственном органе могут быть учреждены должности государственной службы различных видов<sup>2</sup>.

В соответствии с данным положением в органах внутренних дел установлена предельная штатная численность сотрудников органов внутренних дел – 914 525 человек, и федеральных государственных гражданских служащих – 5123 человек<sup>3</sup>.

Обращаем внимание на то, что в органах внутренних дел проходят службу государственные гражданские служащие федерального уровня. Как известно,

государственная гражданская служба подразделяется на два вида: федеральную службу и службу в субъекте Российской Федерации<sup>4</sup>. В данном случае уровень государственной гражданской службы обусловлен правовым статусом Министерства внутренних дел Российской Федерации, являющимся федеральным органом исполнительной власти и осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел<sup>5</sup>.

Понятие федеральной государственной гражданской службы определено Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». Это – профессиональная служебная деятельность граждан на должностях федеральной государственной гражданской службы по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации.

В свою очередь, должности в органах внутренних дел учреждаются в целях непосредственного исполнения, организации и обеспечения исполнения полномочий федерального органа исполнительной власти в





сфере внутренних дел, его территориальных органов, подразделений либо полномочий лица, замещающего государственную должность Российской Федерации.

Правовой основой государственной гражданской службы в органах внутренних дел является широкий спектр нормативных правовых актов. Среди них можно выделить общие, относящиеся ко всем государственным гражданским служащим, и специальные, касающиеся только тех, кто проходит государственную гражданскую службу в органах внутренних дел. В этом заключается особенность правового регулирования государственной гражданской службы в органах внутренних дел.

Общие нормативные правовые акты включают в себя Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты органов государственной власти<sup>6</sup>.

Как сказано в ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», правоотношения, связанные с прохождением в органах внутренних дел федеральной государственной гражданской службы, регулируются законодательством Российской Федерации о государственной гражданской службе, а трудовые отношения – трудовым законодательством.

Таким образом, законодательный уровень нормативных правовых актов, регулирующих прохождение в органах внутренних дел федеральной государственной гражданской службы, представлен Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и др.

При этом трудовое законодательство также распространяется на государственных гражданских служащих. Например, в части предоставления ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска работникам, занятым на работах с вредными или опасными условиями труда, отпуска без сохранения заработной платы и т.д.; т.е. в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами Российской Федерации, к правоотношениям, связанным с государственной гражданской службой, в том числе в органах внутренних дел, применяются нормы трудового законодательства.

Среди указов Президента РФ назовем следующие: Указ Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации», Указ Президента РФ от 2 февраля 2013 г. № 87 «Вопросы федеральной государственной гражданской службы», Указ Президента РФ от 17 октября 2013 г. № 781 «О повышении окладов месячного денежного содержания лиц, замещающих должности федеральной государственной гражданской службы» и др.

К постановлениям Правительства РФ относятся, например: Постановление Правительства РФ от 19 сентября 2013 г. № 822 «Об утверждении Правил предоставления государственному гражданскому служащему в случае отсутствия вакантных должностей в государственном органе, в котором сокращаются должности государственной гражданской службы, или государственном органе, которому переданы функции упраздненного государственного органа, вакантной должности государственной гражданской службы в иных государственных органах» и др.

Специальные нормативные правовые акты состоят из приказов, изданных Министерством внутренних дел Российской Федерации, которые регулируют прохождение службы в органах внутренних дел федеральными государственными гражданскими служащими. Среди них можно назвать: Приказ МВД РФ от 17 марта 2008 г. № 245 «Об утверждении Регламента работы аттестационной комиссии Министерства внутренних дел Российской Федерации по вопросам федеральной государственной гражданской службы», Приказ МВД России от 19 июня 2008 г. № 531 «Об утверждении Служебного распорядка Министерства внутренних дел Российской Федерации для федеральных государственных гражданских служащих» и др.

Анализ законодательства позволяет выделить ряд признаков, характеризующих государственную гражданскую службу Российской Федерации в органах внутренних дел.

1. На государственную гражданскую службу в органы внутренних дел принимаются только граждане Российской Федерации. На это указывают ст.ст. 13 и 22 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон о гражданской службе). Там сказано: «Гражданский служащий – гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы».

На гражданскую службу вправе поступать граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет, владеющие государственным языком Российской Федерации и соответствующие квалификационным требованиям, установленным Федеральным законом. Для сравнения – на военную службу по контракту вправе поступать не только граждане Российской Федерации, но и иностранные граждане.

Возраст поступления на государственную гражданскую службу составляет 18 лет, в то время как в образовательные организации высшего образования МВД РФ для обучения по очной форме вправе поступать граждане, не достигшие возраста 18 лет. Зачисление в такие образовательные организации является поступлением на службу в органы внутренних дел.

Кроме того, установлен предельный возраст поступления на службу в органы внутренних дел:

- 1) для замещения должностей в органах внутренних дел – 35 лет;
- 2) для поступления в образовательные организа-



ции высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме – 25 лет.

Для государственных гражданских служащих, в том числе поступающих в органы внутренних дел, таких ограничений не существует.

Существуют различия и в предельном возрасте пребывания на службе. Для гражданской службы – 60 лет. Гражданскому служащему, достигшему предельного возраста пребывания на службе, этот срок может быть продлен, но не свыше чем до достижения им возраста 65 лет, а гражданскому служащему, замещающему должность гражданской службы категории «помощники (советники)», учрежденную для содействия лицу, замещающему государственную должность, – до окончания срока полномочий указанного лица.

Федеральному гражданскому служащему, замещающему должность категории «руководители» высшей группы должностей гражданской службы, срок также может быть продлен, но не свыше чем до достижения им возраста 70 лет.

По достижении гражданским служащим предельного возраста пребывания на службе по решению руководства и с согласия гражданина он может продолжить работу в государственном органе на условиях срочного трудового договора на должности, не являющейся должностью гражданской службы.

Для сотрудников органов внутренних дел установлены более жесткие условия, обусловленные повышенными требованиями к состоянию здоровья.

Предельный возраст пребывания на службе в органах внутренних дел составляет для сотрудника:

- 1) имеющего специальное звание генерала полиции Российской Федерации, генерал-полковника – 65 лет;
- 2) имеющего специальное звание генерал-лейтенанта, генерал-майора – 60 лет;
- 3) имеющего специальное звание полковника – 55 лет;
- 4) имеющего иное специальное звание – 50 лет.

2. Для осуществления федеральной государственной гражданской службы учреждаются должности федеральной государственной гражданской службы.

Должности федеральной государственной гражданской службы учреждаются федеральным законом или указом Президента Российской Федерации в целях обеспечения исполнения полномочий государственного органа либо лица, замещающего государственную должность.

Назначение на должности осуществляется по результатам конкурса, за исключением ряда случаев, установленных законодательством.

Должности гражданской службы подразделяются на категории и группы.

Существует четыре категории должностей государственной гражданской службы: 1) руководители; 2) помощники (советники); 3) специалисты; 4) обеспечивающие специалисты.

Указанные категории должностей, в свою очередь, делаются на группы:

- 1) высшие должности гражданской службы;
- 2) главные должности гражданской службы;
- 3) ведущие должности гражданской службы;
- 4) старшие должности гражданской службы;
- 5) младшие должности гражданской службы.

При этом должности категорий «руководители» и «помощники (советники)» подразделяются на высшую, главную и ведущую группы должностей гражданской службы. Должности категории «специальность» подразделяются на высшую, главную, ведущую и старшую группы должностей гражданской службы. Должности категории «обеспечивающие специалисты» подразделяются на главную, ведущую, старшую и младшую группы должностей гражданской службы.

Должности федеральной государственной гражданской службы, классифицированные по государственным органам, категориям, группам, а также по иным признакам, составляют перечни должностей федеральной государственной гражданской службы, являющиеся соответствующими разделами Реестра должностей федеральной государственной гражданской службы. Реестр должностей федеральной государственной гражданской службы утвержден Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О Реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы».

Государственным гражданским служащим присваиваются классные чины. Порядок присвоения классных чинов, их соотношение со специальными званиями сотрудников органов внутренних дел определяются указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим».

Например, классный чин действительного государственного советника Российской Федерации 1-го класса соответствует специальному званию генерала полиции Российской Федерации. Классный чин государственного советника Российской Федерации 1-го класса соответствует специальному званию полковник полиции и т.д.

В органах внутренних дел установлены должности федеральной государственной гражданской службы как в центральном аппарате МВД России, так и в территориальных органах<sup>7</sup>.

В центральном аппарате МВД России введены, например, такие должности, как заместитель директора (начальника) департамента, заместитель начальника управления, начальник отдела в департаменте, референт, советник, консультант, специалист-эксперт и др.

В территориальных органах перечень должностей гражданской службы значительно меньше. К ним относятся: заместитель руководителя (начальника) территориального органа, помощник руководителя (начальника) территориального органа, консультант, главный специалист-эксперт и др.



3. Установление квалификационных требований к должностям государственной гражданской службы в органах внутренних дел.

В число квалификационных требований входят требования к уровню профессионального образования, стажу гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажу (опыту) работы по специальности, направлению подготовки, профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей.

Квалификационные требования к должностям гражданской службы устанавливаются в соответствии с категориями и группами должностей гражданской службы.

В число квалификационных требований к должностям гражданской службы категорий «руководители», «помощники (советники)», «специалисты» всех групп должностей гражданской службы, а также категории «обеспечивающие специалисты» главной и ведущей групп должностей гражданской службы входит наличие высшего образования.

В число квалификационных требований к должностям гражданской службы категории «обеспечивающие специалисты» старшей и младшей групп должностей гражданской службы входит наличие среднего профессионального образования, соответствующего направлению деятельности.

Квалификационные требования к стажу службы или опыту работы по специальности, направлению подготовки для федеральных гражданских служащих устанавливаются указом Президента Российской Федерации от 27 сентября 2005 г. № 1131 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы (государственной службы иных видов) или стажу работы по специальности для федеральных государственных гражданских служащих».

Квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей, устанавливаются нормативным актом государственного органа с учетом его задач и функций и включаются в должностной регламент гражданского служащего.

Аналогичные квалификационные требования установлены для сотрудников органов внутренних дел с учетом специфики состава должностей и круга их обязанностей, за исключением одного. В число квалификационных требований к должностям в органах внутренних дел включено требование к состоянию здоровья сотрудников, необходимого для выполнения обязанностей по замещаемой должности.

4. Обеспечение исполнения полномочий федеральных государственных органов, а также лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации.

Государственная гражданская служба в органах внутренних дел направлена на обеспечение полномочий Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России), являющегося федеральным

органом исполнительной власти, а также Министерства внутренних дел Российской Федерации – лица замещающего государственную должность.

МВД России осуществляет широкий круг полномочий, установленный указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248, который утвердил «Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации». Для уяснения существа данных полномочий укажем здесь лишь основные задачи, возложенные на МВД России. Ими являются:

- разработка и реализация государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере внутренних дел;

- обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации и иных лиц, противодействие преступности, охрана общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности;

- управление органами внутренних дел Российской Федерации и внутренними войсками МВД России;

- обеспечение социальной и правовой защиты граждан, проходящих службу в системе МВД России.

В свою очередь, государственные должности Российской Федерации – это должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов. Перечень этих должностей утвержден Указом Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации».

МВД России возглавляет Министр внутренних дел Российской Федерации – лицо, замещающее государственную должность – который несет персональную ответственность за выполнение задач и осуществление полномочий, возложенных на МВД России, за реализацию государственной политики в сфере внутренних дел.

5. Финансирование федеральной гражданской службы в органах внутренних дел осуществляется за счет средств федерального бюджета.

Объем выделения денежных средств устанавливается ежегодно на основании закона о бюджете на соответствующий период времени.

Финансирование службы сотрудников органов внутренних дел также является расходным обязательством Российской Федерации и обеспечивается за счет средств федерального бюджета.

Таким образом, рассмотрены основные характеристики и, вместе с этим, особенности государственной гражданской службы в органах внутренних дел. Отметим, что вопросы прохождения государственной гражданской службы не являлись предметом нашего исследования.

<sup>1</sup> См., напр.: Миннигулова Д.Б. Социальное партнерство на государственной гражданской службе: юридические аспекты // Административное право и процесс. 2013. № 12; Добробаба В.В.



Традиции и новации в правовом регулировании института дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 3; *Попова О.В.* Государственная гражданская служба субъектов Российской Федерации - самостоятельный государственно-правовой институт // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 2.

<sup>2</sup> См.: ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 27 мая 2003 г.

№ 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс: Законодательство».

<sup>3</sup> Указ Президента РФ от 5 мая 2014 г. № 300 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс: Законодательство».

<sup>4</sup> См.: ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г.

№ 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс: Законодательство».

<sup>5</sup> Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации».

<sup>6</sup> См., напр.: приказ Минздравсоцразвития РФ от 14 декабря 2009 г. № 984н «Об утверждении Порядка прохождения диспансеризации государственными гражданскими служащими Российской Федерации и муниципальными служащими, перечня заболеваний, препятствующих поступлению на государственную гражданскую службу Российской Федерации и муниципальную службу или ее прохождению, а также формы заключения медицинского учреждения». // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс: Законодательство».

<sup>7</sup> Приказ МВД РФ от 09 марта 2011 г. № 117 «Об утверждении Перечня должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, исполнение должностных обязанностей по которым связано с использованием сведений, составляющих государственную тайну, при назначении на которые конкурс может не проводиться» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс: Законодательство».

УДК 342.9  
ББК 67.301

## К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

**СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ АГАФОНОВ,**

*помощник начальника университета (по правовой работе) –  
начальник Правового отдела Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
подполковник полиции, кандидат юридических наук;*

**МИХАИЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ КОСТЕННИКОВ,**

*профессор кафедры подготовки сотрудников по охране общественного  
порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, профессор,  
Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации  
Научная специальность 12.00.14 – административное право;  
административный процесс*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** На основе результатов социологических опросов и иных статистических данных дается характеристика коррупции как негативного явления в российском обществе. Анализируются нормативные правовые акты об ответственности за совершение коррупционных преступлений и некоторые аспекты их применения. Особое внимание уделяется анализу правовых последствий незаконного участия государственных и муниципальных служащих в предпринимательской деятельности.

**Ключевые слова:** борьба с коррупцией, незаконное предпринимательство, государственная и муниципальная служба, коррупционные преступления, уголовная ответственность, административная ответственность.

**Annotation.** On the basis of results of sociological surveys and other statistical data given the characteristics of corruption as a negative phenomenon in the Russian society. Analyzed normative legal acts on responsibility for committing corruption crimes and some aspects of their application. Special attention is paid to analysis of the legal consequences of illegal involvement of state and municipal employees in entrepreneurial activity.

**Keywords:** fight against corruption, illegal business, state and municipal service, corruption crimes, criminal liability, administrative liability.





В современных социально-экономических и политических условиях Российская Федерация столкнулась с множеством вызовов и проблем различного характера. Одной из самых серьезных проблем, существенно препятствующих проведению многих государственных преобразований, нарушающих права и законные интересы физических и юридических лиц, взаимодействующих с органами государственной власти и управления, является проблема коррупции. Эта проблема затрагивала публичные интересы различных государств практически на всем протяжении развития человеческой цивилизации и государственности. Вследствие коррупции разрушилось множество империй, были подорваны основы государственного суверенитета целого ряда стран, причинен огромный моральный и материальный ущерб. В этой связи государственная власть – в целях собственного выживания – просто обязана вести борьбу с этим негативным социально-правовым явлением, которое подрывает ее основы, а также делает неэффективной систему государственного управления. Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2013 г. правоохранительными органами к уголовной ответственности привлечено свыше 8,7 тыс. лиц, совершивших коррупционные преступления, что на 19,4% больше, чем в 2012 г.<sup>1</sup>

Несмотря на достаточно большое количество уголовных дел, связанных с коррупцией, реальная ситуация в этой сфере выглядит более чем скромно. Так, в индексе восприятия коррупции в 2012 г. Россия заняла 133 место из 176 возможных. По информации Transparency International Индекс восприятия коррупции в нашей стране за 2013 г. соответствует 127 месту из 177 государств, присутствующих в рейтинге. Столько же получили такие государства, как Азербайджан, Пакистан, Никарагуа, Мали, Мадагаскар, Ливан, Гамбия и Коморские острова<sup>2</sup>.

Следует признать, что высокий уровень коррупции на всех уровнях государственной власти и управления сдерживает развитие нашей страны, препятствует развитию экономики, представляет угрозу национальной безопасности. Как показывают многие социологические, экономические и правовые исследования, а также экспертные оценки, в настоящее время в России на оплату услуг чиновников коммерсанты затрачивают от 20 до 50% своей прибыли. Более половины западных бизнесменов отмечают, что в странах Восточной Европы взятка – обычная практика, более 80% из них сказали, что полученные за взятки бюрократические услуги целиком окупили их затраты<sup>3</sup>.

Согласно прошлогоднему опросу ВЦИОМ степень распространения коррупции в обществе остается высокой (80%). Говорят об этом, прежде всего, жители крупных и средних городов. Наиболее коррумпированной сферой, как и прежде, граждане считают власть на местах (39%), причем с каждым годом респонденты говорят об этом все чаще. Вторая группа наиболее коррумпированных сфер – ГИБДД (27%) и федеральная власть (26%). Далее следуют полиция и медицина (по 19%),

судебная система и крупный бизнес (по 18%). В свою очередь, система ЖКХ и образования получили по 14 и 13% соответственно. Реже упоминаются военкоматы, армия в целом, парламент и политические партии.

Несмотря на определенный скепсис относительно перспектив победы над коррупцией, фиксируется возросшее понимание того, что борьба с ней набирает обороты. Результаты борьбы с коррупцией стали более очевидны уже для 45% россиян (2005 г. – 30%). За прошлый год в России было выявлено 41,5 тыс. коррупционных преступлений, в том числе 11,5 тыс. фактов взяточничества. Размер ущерба от действий коррупционеров превысил 25,9 млрд. руб. (2012 г. – 20,8 млрд. руб.). По данным ВС РФ, в 2013 г. первое место по числу осужденных за получение взятки занимали государственные (муниципальные) служащие – 786 человек. На втором месте были прокуроры, следователи, иные сотрудники правоохранительных органов (471), на третьем – служащие коммерческих или иных организаций – 257. Противоположная ситуация по статье о даче взятки. На первом месте были наемные работники – их было осуждено 787 человек. Второе место занимали предприниматели (420), третье – служащие коммерческих или иных организаций (290).

Наиболее интенсивный переход специалистов из госструктур в коммерческие происходил с середины 1990-х гг. и был связан с процессом капитализации отечественной экономики. К 2001 г. ситуация постепенно нормализовалась, и этот поток значительно сократился. По данным рекрутингового портала Superjob.ru на май 2013 г., соотношение предложения и спроса в разделе «Госслужба» составляло 14,5 резюме на вакансию, тогда как в среднем по рынку этот показатель – 3,2 резюме.

Основная причина популярности госслужбы – галопирующий рост зарплат. По данным Росстата, к концу 2013 г. на должностях гражданской службы в федеральных госорганах находилось 38,7 тыс. человек. В среднем их месячная зарплата составляла 98,4 тыс. руб., что на 36% больше, чем в 2012 г. В свою очередь, средняя зарплата региональных и муниципальных служащих составляла 36,4 тыс. и 33,6 тыс. руб. соответственно. При этом среднемесячная начисленная зарплата россиян, несмотря на 12%-ный прирост, составляла всего 29,9 тыс. руб. Сегодня переход с госслужбы в коммерческий сектор актуален как для молодых специалистов с небольшим опытом работы, так и для чиновников высшего и среднего ранга. Как показывает практика, большинство чиновников используют свое положение и покровительствуют той или иной коммерческой структуре, понимая, что после увольнения с государственной (муниципальной) службы они перейдут туда работать.

Опасность такого поведения заключается в том, что лицо, обязанное в соответствии с законом воздерживаться от участия в предпринимательской деятельности, не только нарушает этот запрет, но и использует свои полномочия для продвижения личных бизнес-интересов, причем, как правило, в ущерб другим хозяйствующим субъектам. Несмотря на распростра-

ненность такой практики, количество уголовных дел, возбуждаемых по ст. 289 УК РФ (незаконное участие в предпринимательской деятельности), остается незначительным. По данным ГИАЦ МВД России за период с 2000 по 2014 год по данной статье было зарегистрировано 761 преступление, а выявлено 236 лиц, их совершивших. Причем число осужденных по этой статье чиновников исчисляется несколькими десятками.

В соответствии с ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» гражданин, замещавший должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативно-правовыми актами РФ, в течение двух лет после увольнения обязан сообщать работодателю сведения о последнем месте своей службы при заключении трудового договора (независимо от размера оплаты труда), и (или) гражданско-правового договора (договоров), стоимость выполнения работ (оказание услуг) по которому (которым) превышает 100 тыс. руб. в месяц. Если в должностные (служебные) обязанности указанных лиц входили отдельные функции государственного, муниципального (административного) управления организацией относятся полномочия служащего принимать обязательные для исполнения решения по кадровым, организационно-техническим, финансовым, материально-техническим или иным вопросам в отношении данной организации, в том числе решения, связанные с выдачей разрешений (лицензий) на осуществление определенного вида деятельности и (или) отдельных действий данной организацией, либо готовить проекты таких решений (п. 4 ст. 1 Закона № 273-ФЗ). Названные требования, согласно п. 1 Указа Президента РФ от 21 июля 2010 г. № 925, распространяются на лиц, замещавших должности федеральной госслужбы, включенные в разд. I или II Перечня должностей федеральной государственной службы (при назначении на которые граждане и при замещении которых служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей), утвержденного Указом Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 557, либо в перечень должностей, утвержденный руководителем госоргана в соответствии с разд. III названного Перечня. Перечни должностей государственной гражданской службы субъектов РФ и муниципальной службы, предусмотренные ст. 12 Закона № 273-ФЗ, утверждаются органами госвласти субъектов РФ и местного самоуправления (п. 4 Указа № 925). В целях получения указанного согласия гражданин в порядке, установленном нормативно-правовым актом соответствующего госоргана, в письменной форме обращается в подразделение кадровой службы госоргана по профилактике коррупционных и иных

правонарушений либо к должностному лицу кадровой службы, ответственному за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

В соответствии со ст. 19.29 КоАП РФ за привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ (оказанию услуг) бывшего государственного или муниципального служащего, замещавшего должность, включенную в перечень, установленный нормативно-правовыми актами, с нарушением требований Закона № 273-ФЗ, работодателю либо заказчику работ (услуг) грозит штраф в размере: для граждан – от 2 тыс. до 4 тыс. руб.; для должностных лиц – от 20 тыс. до 50 тыс. руб.; для юрлиц – от 100 тыс. до 500 тыс. руб. В силу ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, давность привлечения к административной ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства РФ наступает по истечении 6 лет со дня его совершения.

Срок давности привлечения к административной ответственности начинает исчисляться с момента истечения 10-дневного срока на уведомление о заключении договора работодателю государственного (муниципального) служащего по последнему месту его службы.

Согласно ст. 28.4 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.29 КоАП РФ, возбуждаются прокурором. По данным Судебного департамента Верховного Суда РФ в 2013 г. судами было рассмотрено 3,5 тыс. дел (2012 г. – 2,7 тыс.) по ст. 19.29 КоАП РФ. В результате, к ответственности было привлечено 2,7 тыс. лиц (1,9 тыс.), из них 1,7 тыс. – должностных (1,4 тыс.), 793 – юридических (480). Подавляющее большинство привлеченных лиц были оштрафованы. Общая сумма наложенных штрафов превысила 115,4 млн. руб.

Но взыскиваемость штрафов с нарушителей оставляет желать лучшего. Так, из 92,9 млн. руб. штрафов, наложенных по вступившим в силу судебным решениям, было взыскано (выплачено) всего 33 млн. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 2012 г.: из 78,8 млн. руб. наложенных штрафов удалось взыскать лишь 24,3 млн. Между тем, за неуплату административного штрафа в установленный срок грозит наказание в виде штрафа в двукратном размере суммы неуплаченного, либо административный арест на срок до 15 суток, либо обязательные работы на срок до 50 часов (ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ). Однако, данное обстоятельство отнюдь не пугает проштрафившихся коммерсантов.

Полагаем, что исходя из вышеизложенного, становится понятно, что только лишь усилением административно-правовых средств борьбы с коррупцией ситуацию переломить будет сложно.

<sup>1</sup> <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-85516/> (дата обращения 8 декабря 2013 г.).

<sup>2</sup> <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatia-korruptcii/blog> (дата обращения 7 декабря 2013 г.).

<sup>3</sup> См.: Лукашук И.И. Международно-правовые формы борьбы с коррупцией // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. М., 2001. С. 84.



УДК 347  
ББК 67.304

## СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДОПУСТИМО ЛИ РАСШИРИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ

**ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА СТАРОВЕРОВА,**  
главный научный сотрудник Научно-исследовательского  
института образования и науки  
Научная специальность 12.00.03 – гражданское право;  
предпринимательское право;  
семейное право; международное частное право  
E-mail: staroverova05@mail.ru

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** На основе анализа юридической литературы и гражданского законодательства о способах защиты гражданских прав в Российской Федерации сформулированы предложения о совершенствовании Гражданского кодекса РФ.

**Ключевые слова:** гражданское законодательство, Российская Федерация, Гражданский кодекс РФ, способы защиты гражданских прав, самозащита прав, возмещение убытков.

**Annotation.** On the basis of analysis of the legal letter tours and civil laws about how to protect civil rights in the Russian Federation formulated proposals for improvement of the Civil Code of the Russian Federation.

**Keywords:** civil law, the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation, ways of protection of civil rights, self-defense of rights, compensation of damages.

В Российской Федерации<sup>1</sup> и донныне определение понятия «способ защиты гражданских прав» и установление их перечня являются дискуссионными в теории гражданского права<sup>2</sup>.

В данной статье мы первоначально обратимся к положению ст. 12 Гражданского кодекса РФ (Часть первая)<sup>3</sup>, в которой приведен неисчерпывающий перечень способов защиты гражданских прав: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки; признания недействительным решения собрания<sup>4</sup>; признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащиты права; присуждения к исполнению обязанности в натуре; возмещения убытков; взыскания неустойки; компенсации морального вреда; прекращения или изменения правоотношения; неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; иными способами, предусмотренными законом. То есть перечислено двенадцать способов защиты гражданских прав. Формулировка четырнадцатого абзаца ст. 12 ГК РФ (Часть первая) – «иными способами, предусмотренными за-

коном» – несовершенна и по содержанию и по форме, ибо указывается на безграничный перечень способов защиты гражданских прав и допущено оперирование абстрактным термином «закон»<sup>5</sup>.

В последующих статьях дано разъяснение отдельных способов защиты гражданских прав: ст. 13 «Признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления» («Ненормативный акт государственного органа или органа местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных законом, также нормативный акт, не соответствующие закону или иным правовым актам и нарушающие гражданские права и охраняемые законом интересы гражданина или юридического лица, могут быть признаны судом недействительными. В случае признания судом акта недействительным нарушенное право подлежит восстановлению либо защите иными способами, предусмотренными статьей 12 настоящего Кодекса»); ст. 14 «Самозащита гражданских прав» («Допускается самозащита гражданских прав. Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения»); ст. 15 «Возмещение убытков» («1. Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. 2. Под убытками понима-

ются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы»; ст. 16 «Возмещение убытков, причиненных государственными органами и органами местного самоуправления» («Убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием»); ст. 16<sup>1</sup> «Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления» («В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации»)<sup>6</sup>.

По мнению С.С. Алексеева «основные способы защиты гражданских прав» могут быть классифицированы. По мнению этого же автора «критериями классификации» являются: «сфера применения; методы осуществления; вид управомоченного органа или лица; результаты реализации того или иного способа защиты»<sup>7</sup>.

А.П. Сергеев под способами защиты гражданских понимает «закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя». И далее этот же автор отмечает: «Перечень этих мер ... едва ли научно обоснован, поскольку некоторые из мер взаимно перекрывают друг друга, а форма защиты (самозащита) признана ее способом»<sup>8</sup>.

А.Б. Борисов умозаключает: «Перечень способов защиты гражданских прав, установленный комментируемой статьей, не является исчерпывающим, в принципе возможно использование любого способа, предусмотренного законом»<sup>9</sup>.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, правовое регулирование способов защиты гражданских прав в Гражданском кодексе РФ (часть первая) необходимо признать несовершенным.

Во-вторых, в ст. 12 ГК РФ необходимо предусмотреть исчерпывающий перечень способов защиты гражданских прав, т.е. из поименованной статьи ГК РФ (Часть первая) необходимо исключить абзац четырнадцатый.

В-третьих, для каждого способа защиты гражданских прав необходимо предусмотреть отдельную статью, т.е. ст. 12 ГК РФ (Часть первая) необходимо признать базовой по отношению к последующим статьям, в которых разъясняются отдельные способы защиты гражданских прав.

В-четвертых, расширение перечня способов защиты нарушенных прав допускать посредством внесения дополнений в ст. 12 ГК РФ (Часть первая).

<sup>1</sup> Разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25 декабря 1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123).

<sup>2</sup> См. об этом, например: *Кравченко А.А.* К вопросу о понятии способа защиты гражданских прав // Адвокат. 2014. № 7; *Короткова О.И.* Признание сделки с недвижимостью и применение последствий ее недействительности как один из способов защиты гражданских прав // Законодательство и экономика. 2014. № 6. С. 24–30; *Егорова М.А.* Признание договора незаключенным как способ защиты гражданских прав // Гражданское право. 2010. № 3. С. 34–36; *Потапенко С.В.* Признание недействительным акта государственного органа ИМЛИ органа местного самоуправления как способ защиты гражданских прав // Гражданское право. 2012. № 5. С. 17–22.

<sup>3</sup> СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; ...; 2014. № 43. Ст. 5799.

<sup>4</sup> Введен ФЗ РФ от 18.12.2012 г. // СЗ РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7627.

<sup>5</sup> О многозначности термина «закон» подробнее см.: *Галузо В.Н.* Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102.

<sup>6</sup> См.: О внесении изменений в гл.гл. 1. 2, 3 и 4 Ч. I Гражданского кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 18 декабря 2012 г. // СЗ РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7627.

<sup>7</sup> См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части 1, 2, 3, 4. 3-е изд. / Под ред. С.А. Степанова. М.: Проспект: Екатеринбург: Институт частного права, 2011. С. 62.

<sup>8</sup> См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / Под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2012. С. 65.

<sup>9</sup> *Борисов А.Б.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части 1, 2, 3, 4. М.: Книжный мир, 2015. С. 19.





УДК 338.23  
ББК 65.1

## ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**НИКОЛАЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ АРТЕМЬЕВ,**

докторант Академии управления МВД России,

кандидат экономических наук, доцент

Научная специальность 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством

E-mail: [nikvalart@rambler.ru](mailto:nikvalart@rambler.ru)

Рецензент: доктор экономических наук,

профессор **В.Ф. Гапоненко**

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются вопросы возникновения и дифференциации доктрин национальной и экономической безопасности. Характеризуются различные подходы к трактовке категории экономической безопасности. Определяются особенности современного этапа развития. Отражается специфика современных угроз.

**Ключевые слова:** экономическая безопасность, экономический рост, кризисные явления, теневая экономика, коррупция.

**Annotation.** The questions of appearance and differentiation of doctrine of national and economic security are considered. Characterized different approaches to the interpretation of the category of economic security. Defined the characteristics of the modern stage of development. Reflects the specifics of the current threats.

**Keywords:** economic security, economic growth, crisis events, underground economy, corruption.

Разработка концепций и доктрин национальной и экономической безопасности в странах с переходной экономикой возникла как следствие анализа практики государственного управления, применяемой в развитых зарубежных странах и, прежде всего, в США, которые весь спектр действий по реализации внутренней и внешней политики подчиняют национальным интересам, коррелированным с основными направлениями обеспечения национальной безопасности.

Для развитых стран является характерным понимание безопасности, прежде всего, как состояния защищенности страны от различного рода внешних угроз. Этот подход объясняется тем обстоятельством, что данные страны сумели стать лидерами в мировом экономическом пространстве на основе разработанной ими эффективной социально-ориентированной модели развития, позволяющей минимизировать внутренние риски.

В странах догоняющего развития, напротив, преобладающие угрозы – внутренние, обусловленные текущим состоянием общества и государства. В частности к ним относятся слабая экономика, бедность, инфляция и др. Подтверждением этому является тот факт, что в «Стратегии национальной безопасности США» от 2006 г. в качестве генераторов угроз, которые могут исходить от развивающихся стран определены «бедность, слабые институты и коррупция» [4].

Таблица 1

**Сравнительные характеристики доктрин национальной безопасности различных стран мира в 2000-е гг. [3, С. 35]**

Характеристики официальных доктрин	Развитые страны		Страны догоняющего развития	
	США	Франция, Япония	Украина, Белоруссия, Казахстан	Россия
Наиболее важные угрозы национальной безопасности	Внешние, прежде всего, внешнеполитические		Декларируется приоритет внешнеполитических угроз, большое внимание уделяется внутриэкономическим угрозам	Учет влияния внешнеполитических противоречий при приоритете внутриэкономических угроз
Меры противодействия угрозам	Превентивные действия в масштабах планеты		Активная региональная политика	Активная региональная и глобальная политика



Признание значимости внешнеполитических угроз практически всеми странами (как показывает современная международная обстановка – своевременное и оправданное) приводит, в результате, к отходу на второй план ряда внутриэкономических проблем, в частности таких, как коррупция и теневая экономика. Вместе с тем, существует непосредственная зависимость трактовки категории экономической безопасности, а также определения приоритетности

существующих угроз от выбранной экономической парадигмы.

К настоящему времени в научном мире сформировано несколько основных теоретических подходов к определению наиболее важных угроз национальной экономике.

*Таблица 2*

**Эволюция парадигм понимания национальной экономической безопасности [3, С. 37]**

Характеристики парадигм	Камералистско-леворадикальная концепция	Кейнсианская концепция	Традиционно-институциональная концепция	Неоинституциональная концепция
Время возникновения, основоположники	1840-е гг., Ф. Лист; 1970-е гг., Р. Пребиш, А. Эммануэль, И. Валлерстайн	1930-е гг., Д.М. Кейнс	1970-е гг., Т. Шульц	1980-е гг., Э. де Сото
Понимание главной угрозы национальной экономической безопасности	Внешняя угроза: конкуренция иностранных государств	Внутренняя угроза: «провалы» рынка – нестабильность экономического роста, безработица, инфляция	Внутренняя угроза: «провалы» рынка – бедность, низкий уровень образования и здравоохранения	Внутренняя угроза: «провалы» государства – административные барьеры, рентоискательство
Субъекты борьбы за национальную экономическую безопасность	Страны догоняющего развития	Развитые страны	Страны догоняющего развития	Страны догоняющего развития
Цель борьбы за национальную экономическую безопасность	Экономическая независимость	Экономическая и социальная стабильность	Повышение уровня человеческого развития	«Правление права», защита прав собственности
Методы борьбы за национальную экономическую безопасность	Протекционистская торговая политика, комплексное развитие национальной экономики	Государственное регулирование производства, занятости и денежного обращения	Государственное регулирование доходов и занятости, социальная политика	Снижение регистрационных процедур и платежей, борьба с бюрократизмом и коррупцией

Все существующие парадигмы являются теоретическим осмыслением процессов, происходящих в различных странах в разное время (подробнее [3, С. 36–42]).

После кризисных явлений, сопровождающих развитие неоклассической теории во второй половине XX в., в настоящее время все более широкое признание получает институциональный подход к исследованию проблем экономического развития в целом и обеспечения экономической безопасности в частности. Неэффективность действующих институтов, прежде всего, в странах догоняющего развития, приводит к возникновению новых видов угроз, связанных со значительным уровнем неформальной экономики, достигающей в ряде случаев 50% совокупного оборота, и вызванной высокими административными барьерами.

По мнению перуанского экономиста Э. де Сото, мерами сдерживания современных угроз могут стать новые законы, подчиненные требованиям экономической демократии, а также обеспечение государственным аппаратом надлежащего исполнения данных законов. Значительная часть современных экономистов<sup>1</sup> полностью разделяет этот подход и признает важность повышения качества правовых

норм для обеспечения эффективного развития экономики.

Влияние качества правоприменительной практики на эффективность хозяйствования было выявлено американскими исследователями К. Хоффом и Д. Стиглицем при сравнении использования различных правовых режимов [11]. Во-первых, режима, основанного на четком определении прав собственности и наличии функционирующего механизма разрешения споров (rule of law), во-вторых, режима со слабой защитой прав собственников и их доходов (no rule of law). Использование данных подходов позволило ученым сделать вывод о том, что в России при созданной правовой системе существуют группы субъектов, имеющих реальную экономическую и административную власть, которые не заинтересованы в существовании власти закона, так как игнорирование этой власти позволяет им реализовывать свои корыстные цели, далеко не всегда повышающие благосостояние общества и обеспечивающие развитие экономики. Отсюда исследователи сделали вывод о том, что достижение состояния «власти закона» является приоритетным направлением в рам-



ках обеспечения экономической безопасности нашей страны.

Отечественные ученые приступили к теоретическому осмыслению проблем экономической безопасности современной России на рубеже 1980–1990-х годов. В 1987 г. академик В.А. Легасов [7] концептуально обосновал необходимость формирования методологии и создания единой системы обеспечения безопасности. Особую роль в решении данных задач сыграл Институт экономики РАН.

Начало всесторонней дискуссии по проблемам теоретического осмысления и практической реализации вопросов обеспечения национальной и экономической безопасности России было положено Л.И. Абалкиным [1]. В данной дискуссии приняло участие значительное число ученых. Основными направлениями исследований были определены: выявление сущности экономической безопасности, формирование категориального аппарата, создание системы количественных показателей, позволяющих объективно оценить состояние экономики, поиск наиболее важных индикаторов и их пороговых значений.

При всем многообразии подходов к трактовке категории экономической безопасности существуют признаки, позволяющие нам объединить данные подходы в несколько основных групп (см. прил. категории ЭБ). Ученые, относящиеся к первой группе (Абалкин Л.И., Кормишкин Е.Д. и др.), рассматривают экономическую безопасность, прежде всего, как совокупность условий, обеспечивающих устойчивость экономики страны. Необходимо отметить, что устойчивость, являющаяся базой для развития, но не использованная для его реализации, приводит к застойным стагнационным явлениям в экономике. В связи с этим данный подход, по нашему мнению, не может быть признан оптимальным.

Вторая группа ученых (Сенчагов В.К., Татаркин А.И. и др.) трактует рассматриваемую категорию как состояние, позволяющее защищать интересы. Основной акцент здесь переносится на гарантирование защиты национальных интересов при различных вариантах развития внешних и внутренних процессов. Данный подход требует высокого уровня корректности в вопросах определения приоритета интересов, чего не всегда возможно добиться на практике.

Третья группа ученых (Илларионов А.Н, Городецких А.Е. и др.) под экономической безопасностью понимает независимое состояние экономики, способное эффективно удовлетворять общественные потребности. Подход предполагает повышение конкурентоспособности экономики, в том числе и за счет участия в международном разделении труда. Сложность практического воплощения данного подхода связана с ролью, которую играет наша страна в мировой экономике. Если в СССР была создана самодостаточная экономика, которая производила практически весь спектр товаров, в ряде случаев возможно более низкого по сравнению с зарубежными аналогами качества, то сегодня Россия «откатилась в третью градацию – в страны с сырьевой экономикой. Почти все новейшие наработки

покупаются за границей, а туда идут наши ресурсы» [5, С. 7]. В условиях существования политических, экономических блоков, подчиненных воле развитых стран, у трансформирующихся экономик остается все меньше шансов на равноправное участие в МРТ.

Четвертая группа ученых (Глазьев С.Ю., Крылов А.А., Купрещенко Н.П. и др.) стоит на позициях синтетического подхода, предполагающего комплексную оценку состояния экономики. Это, безусловно, является его сильной стороной. Вместе с тем, несмотря на общие признаки, позволяющие объединить взгляды авторов в одну группу, говорить о том, что найдено универсальное определение экономической безопасности не представляется возможным по нескольким причинам. Во-первых, постоянная эволюция реального сектора накладывает свой отпечаток на структуру угроз, что приводит к гипертрофии роли ранее незначительных из них, при соответствующем снижении влияния прежних фаворитов. Во-вторых, любое авторское видение изучаемых процессов субъективно, и в короткой, пусть даже достаточно емкой категории, невозможно отразить весь спектр возможных характеристик и особенностей.

Современное состояние экономики Российской Федерации характеризуется стагнационными процессами, отягощенными внешнеполитическим давлением и экономическими санкциями. Данное обстоятельство требует изменения концептуальных подходов в области обеспечения экономической безопасности.

По мнению Р. Гринберга «Россия вошла в зону тяжелой стагнации» [10]. Анализ итогов социально-экономического развития Российской Федерации в 2014 г. подтверждает наличие в стране стагнационных процессов. Так, по данным Министерства экономического развития России [8], если в первые месяцы 2014 г. отмечались незначительные, но положительные темпы экономического роста, прежде всего за счет вклада в формирование валового продукта результатов деятельности обрабатывающих производств, то в дальнейшем произошло снижение темпов роста ВВП по отношению к предыдущему периоду. Эта тенденция объясняется исчерпанием действия позитивных эффектов, связанных с импортозамещением (в основном за счет импорта из Украины), ослаблением курса рубля и изменением внешнеэкономической конъюнктуры, вызванным напряженной политической ситуацией.

На снижение динамики экономического роста повлияло сокращение чистых налогов в результате замедления роста экспорта нефти и газа, снижение производства электроэнергии, воды и газа, уменьшение реальных располагаемых доходов населения.

Замедление роста обрабатывающих производств и добычи полезных ископаемых в совокупности с вышеприведенными факторами привели к замедлению роста промышленного производства.

Неутешительной является годовая динамика инвестиций в основной капитал.

Еще одной негативной тенденцией, характерной для нашей страны, является чистый вывоз капитала частным сектором. Внешнеполитическая нестабиль-



ность обусловила соответствующую реакцию экономических субъектов. По сообщению пресс-службы Банка России, чистый вывоз капитала предприятиями и банками из нашей страны составил 151,5 млрд. долларов [9]. В целом российской экономике пока удается избежать технической рецессии.

Особенностью текущего периода является появление двух противоположных по направлению тенденций. Прежде всего это нарастание зависимости процессов, происходящих в реальном секторе экономики, от политической конъюнктуры. Введение санкций в виде политических и экономических мер в отношении российских граждан, официальных лиц и организаций в результате перехода республики Крым под юрисдикцию России и дальнейшая дестабилизация ситуации в Украине в краткосрочной перспективе привели к ухудшению экономических показателей нашей страны, снижению ее конкурентоспособности и возникновению неблагоприятных экономических последствий. По мнению министра финансов РФ А. Силуанова, «из-за санкций бюджет России недополучит порядка 40 млрд. долларов, тогда как на ослабленный рубль придется до 140 млрд. валютных потерь страны» [2].

Наряду с этим отмечается появление тенденции снижения влияния состояния мировой экономики на российскую за счет переориентации отечественного хозяйства на внутреннее потребление и производство. Для нашей экономики в условиях рациональных управленческих воздействий и стабильности цен на энергоносители реализация санкций может быть катализатором импортозамещающего развития. В условиях внешнего нажима обеспечить рост уровня потребления и качества жизни можно исключительно за счет активизации внутренних резервов. Так, кризис 1998 г. послужил толчком к развитию реального сектора экономики, избавив страну от финансовых пирамид государственного масштаба. Потенциальная угроза сегодня может заключаться в том, что без высокотехнологичного импорта формирование основы современной индустриализации чрезвычайно затруднено.

Необходимо признать, что текущее снижение экономической активности происходит в институциональных условиях практически состоявшейся рыночной экономики и сформированной системы ее государственного регулирования. Вопрос эффективности данного регулирования остается открытым. Но период острого противостояния производственных отношений, господствовавших до начала реформ, и производственных отношений, соответствующих новому укладу завершен (подробнее см. [6]). Следовательно, требования по обеспечению должного уровня экономической безопасности при, сохранении своей актуальности, переходят на качественно иной уровень.

Период перехода к рынку характеризовался усилением доминанты криминальных угроз. Сегодня ряд из них перестал быть определяющим. Безусловно, такие традиционные для рыночной экономики угрозы, как безработица, инфляция, колебания финансового рынка, не-

добросовестная конкуренция, хищения, мошенничества продолжают оставаться злободневными и, как показывает история и международный опыт, – практически неискоренимыми. Вместе с тем, в подавляющем большинстве изжиты элементы силового давления, рэкета, характерные для начального периода становления рыночных отношений. Наметилась общая тенденция снижения уровня криминализации экономической сферы.

Современный период характеризуется тем, что в стране сформированы базовые институты, обеспечивающие функционирование существующей экономической системы. Разработаны и используются адекватные формы управления экономическими процессами. Создана правовая система, позволяющая применять комплекс антимонопольных мер, реализовывать цивилизованные методы конкурентной борьбы, разрешать хозяйственные споры.

Преодолен кризис государственного управления, разработаны соответствующие времени правила функционирования экономических единиц, создан механизм выявления, анализа и нейтрализации основных угроз, определен круг субъектов, способных нейтрализовать данные угрозы.

Наряду с этим, в экономической жизни стали возникать и трансформироваться новые проблемы, оказывающие непосредственное влияние на состояние экономической безопасности, но недостаточно исследованные в теоретическом плане. Речь идет, прежде всего, о действиях, относящихся к теневому сектору экономики, противоправных по своей сути, но качественно «замаскированных» под деятельность, осуществляемую в правовом поле. Высокая латентность данных деяний переводит их в ранг скрытых угроз, борьба с которыми может быть эффективна лишь при учете ряда специфических особенностей.

Характер данных угроз отличается отсутствием взрывных флюктуационных воздействий на макро- и микроэкономическом уровне. Текущие экономические процессы проходят на фоне эволюционных преобразований институциональной среды. Сущность происходящих явлений заключается в достижении экономического эффекта, получаемого в итоге сокрытия финансовых результатов, предназначенных к уплате в государственный бюджет или перераспределению ресурсов в пользу отдельного субъекта, которое произошло в результате реализации конфликта интересов. Отсюда следует, что рассматриваемые угрозы вносят в существующие финансово-экономические отношения перераспределительное воздействие, не изменяя в целом объема финансовых операций, но вызывая серьезные изменения как в структуре доходов населения страны, так и в возможности финансирования государством своих программ и обязательств.

Это подтверждает тезис о том, что уже существующие системы обеспечения экономической безопасности нуждаются в постоянном совершенствовании и приведении в соответствие с новыми вызовами. Существующая специфика данных явлений снижает актуальность действующих трактовок категории экономической без-





опасности и требует внесения уточняющих элементов.

По нашему мнению, с учетом происходящей трансформации криминальных угроз и сформированности в целом институциональной инфраструктуры под *экономической безопасностью* следует понимать состояние структурного соответствия институциональной среды и уровня развития национальной экономики, обеспечивающего возможность самостоятельного устойчивого социально-экономического развития страны и защиты ее национальных интересов от внутренних и внешних угроз в условиях глобальной конкуренции.

Рост значимости коррупционных, теневых, финансовых угроз вызывает необходимость повышения эффективности функционирования уже созданной инфраструктуры. Существующая институциональная среда предполагает направление управленческого воздействия на обеспечение обязательного соблюдения действующих нормативных требований, правил и этики экономических отношений, а также разработку обоснованных направлений эволюции самой среды. Доминирующей целью такого воздействия целесообразно признать поступательное развитие экономики посредством использования инновационных управленческих технологий при обеспечении требуемого развития экономических институтов. При этом достижение желаемого уровня экономической безопасности представляется возможным при создании институциональной среды и управленческих механизмов, качественно снижающих степень опасности существующих и потенциальных угроз.

## Литература

1. Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.
2. Антон Силуанов: Россиянам придется «затянуть пояса». <http://www.regnum.ru/news/economy/1869222.html>. Дата обращения 24.11.2014.
3. Артемьев Н.В., Латов Ю.В., Наумов Ю.Г. Формирование механизма декриминализации малого бизнеса. М.: Академия управления МВД России, 2014.
4. В своей новой стратегии национальной безопасности Америка пересматривает отношение к России (2006) (<http://www.newsru.com/world/16mar2006/doc.html>). Дата обращения 18 декабря 2014 г.
5. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: «Анкил», 2013.
6. Крылов А.А., Кретов С.В. Парадигма обеспечения экономической безопасности в постреформенный период // Обеспечение эффективного инвестирования, бюджетирования и целевого использования средств при реализации государственных экономических проектов в условиях финансово-экономических кризисов: Сб. науч. труд. М.: АЭБ МВД России, 2010.
7. Легасов В.А. Проблемы безопасного развития техносферы // Коммунист. 1987. № 8. С. 92–101.
8. Мониторинг «Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в январе-но-

ябре 2014 года». <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/monitoring/201412266>. Дата обращения 18 января 2015 г.

9. Отток капитала из России превысил 150 млрд. долларов. <http://www.interfax.ru/business/418408>. Дата обращения 20 января 2015 г.

10. Экономист РАН: Россия вошла в зону затяжной стагнации. Интервью Deutsche Welle. <http://www.dw.de/экономист-ран-россия-вошла-в-зону-затяжной-стагнации/a-17800696?maca=rus-VGUS-Link-Lenta&>. Дата обращения 28 июля 2014 г.

11. Hoff K., Stiglitz J.E. After the Big Bang? Obstacles to the Emergence of the Rule of Law in Post-Communist Societies // NBER Working Paper № w9282. October 2002 (<http://papers.nber.org/papers/w9282.pdf>).

## References

1. Abalkin L. Economic security of Russia: threats and their reflection // Questions of economy. 1994. No. 12. P. 4–13.
2. Anton Siluanov: the Russians will have to «tighten their belts». <http://www.regnum.ru/news/economy/1869222.html>. Date of access 24.11.2014.
3. Artemiev N.V., Latov Yu.V., Naumov Yu.G. Formation mechanism of decriminalization of small business. M.: Academy of the MIA, 2014.
4. In its new strategy of national security of America reviews the attitude towards Russia (2006) (<http://www.newsru.com/world/16mar2006/doc.html>). Date of access 18.12.2014.
5. Innovative transformation as an imperative for sustainable development and economic security of Russia / Ed. by V.K. Senchagov. M.: «Ankil», 2013.
6. Krylov A.A., Kretov S.V. Paradigm of economic security in the post-reform period // Ensuring effective investment, budgeting and targeted use of funds during the implementation of state economic projects in terms of financial and economic crises. Collection of scientific papers. M.: AAB the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.
7. Legasov V.A. Problems of safe development of technosphere // Kommunist. 1987. No. 8. P. 92–101.
8. Monitoring socio-economic development of the Russian Federation in January-November 2014. <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/monitoring/201412266>. Date of access 18.01.2015.
9. Capital outflow from Russia exceeded \$ 150 billion. <http://www.interfax.ru/business/418408>. Date of access 20.01.2015.
10. Economist RAS: Russia has entered a zone of protracted stagnation. An Interview With Deutsche Welle. <http://www.dw.de/экономист-ран-россия-вошла-в-зону-затяжной-стагнации/a-17800696?maca=rus-VGUS-Link-Lenta&>. Date of access 28.07.2014.
11. Hoff K., Stiglitz J.E. After the Big Bang? Obstacles to the Emergence of the Rule of Law in Post-Communist Societies // NBER Working Paper № w9282. October 2002 (<http://papers.nber.org/papers/w9282.pdf>).

<sup>1</sup> См., например: Буров В.Ю., Крылов А.А., Латов Ю.В. и др.



УДК 338.054.23  
ББК 65.291.216

## МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РИСКА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АУТСОРСИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ

**КИРИЛЛ БОРИСОВИЧ ЕСЕННИКОВ,**

*адъюнкт кафедры финансов и экономического анализа*

*Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научная специальность 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством*

*E-mail: kirill.borisowitch@yandex.ru*

*Научный руководитель: доктор экономических наук, профессор А.Е. Суглобов*

*Рецензент: доктор экономических наук, доцент А.Ф. Дятлова*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

---

**Аннотация.** Рассматривается понятие аутсорсинга и его характерные особенности. Представлены основополагающие теоретические составляющие предпринимательского риска. Отдельным аспектом выделена актуальность решения проблемы применения инструмента аутсорсинга в деятельности организации.

**Ключевые слова:** риск, аутсорсинг, предпринимательский риск, управление рисками.

**Annotation.** Discussed the concept of outsourcing and its special characteristics. Also presents the basic theoretical components of enterprise risk. Separate aspect highlighted the urgency of solving the problem of the use of the tool in outsourcing activities.

**Keywords:** risk, outsourcing, business risk, risk management.

---

Передача организацией на основании договора определенных бизнес-процессов (производственных функций) на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области (аутсорсинг), явление в отечественной экономике хотя и не новое, но все же в российской экономической действительности не потеряло своей актуальности, а в сложившаяся практика применения данного экономического инструмента выявила ряд острых проблем.

В России аутсорсинг применяется уже на многих предприятиях и в различных сферах деятельности, однако при всем этом принятие решения об использовании аутсорсинга является по-прежнему сложной задачей, поскольку затрагивает стратегические интересы компании.

Не только коммерческие компании в своей деятельности используют такой инструмент, как аутсорсинг. Ряд муниципальных организаций в сфере образования используют услуги удаленной (централизованной) бухгалтерии. Применение такого инструмента позволяет отказаться от введения «ставки» штатного бухгалтера, а также снизить расходы, связанные с подбором персонала.

Возможность использования аутсорсинга предусмотрена законодательством Российской Федерации, в том числе и для федеральных организаций. Так, федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муници-

пальных нужд», декларировал такое понятие, как специализированная организация. Согласно ст. 40 указанного закона, заказчик (которым могут являться, в том числе и федеральные органы) вправе привлечь на основе контракта специализированную организацию для выполнения отдельных функций по определению поставщика (подрядчика, исполнителя), путем проведения закупочных процедур, также выполнения иных функций, связанных с обеспечением проведения определения поставщика (подрядчика, исполнителя).

Вопрос возможного использования аутсорсинга в органах внутренних дел Российской Федерации косвенно поднял 6 августа 2010 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев во вступительном слове на совещании о новом Законе о милиции. Он подчеркнул, что милиция – чрезвычайно важный институт для нашего общества, и четкие законодательные рамки ее деятельности нужны не только для защиты прав и интересов наших граждан, но и для создания нормальных условий работы самой милиции. Конкретизировав ее права и обязанности, а также избавив ее от несвойственных функций, мы, тем самым, можем сконцентрировать усилия милиции на выполнении ее основной задачи – обеспечении правопорядка<sup>1</sup>.

Проведенная реформа 2011 г., вместе с тем, не исключила «несвойственные» обеспечивающие функции милиции, такие, как подбор персонала, закупочная деятельность.



Наиболее типичная причина отказа организаций от аутсорсинга – опасность передачи ряда ключевых функций в стороннюю организацию. Иными словами – это проблема экономической безопасности.

Итак, экономическая безопасность предприятия – это состояние наиболее эффективного использования корпоративных ресурсов для предотвращения угроз и для обеспечения стабильного функционирования предприятия в настоящее время и в будущем<sup>2</sup>.

Угроза – это такое развитие событий, действие (бездействие), в результате которых появляется возможность либо повышается вероятность нарушения нормального функционирования предприятия и недостижения им своих целей, в частности, нанесения предприятию любого вида ущерба<sup>3</sup>.

Таким образом, угрозы делятся по природе их возникновения на два класса:

1) естественные (объективные), т.е. вызванные стихийными природными явлениями, не зависящими от человека (наводнения, землетрясения, ураганы и т.п.);

2) искусственные (субъективные), т.е. вызванные деятельностью человека, непреднамеренные (неумышленные) и преднамеренные (умышленные) угрозы<sup>4</sup>.

В. Шершульский высказывает следующую точку зрения: для получения успешного опыта аутсорсинга необходимы четкое осознание выгоды и необходимости такого шага, психологическая и материальная готовность к дополнительным расходам, которые обязательно последуют вслед за передачей бизнес-процесса на сторону. Произойдет много малоприятных событий (перераспределения и описания полномочий руководителей, новые затраты на техническое перевооружение, особенно на средства коммуникации, и т.д.) прежде, чем все начнет работать правильно и приносить прибыль<sup>5</sup>.

Решение о переходе предприятия на аутсорсинг – это задача финансового директора, роль которого в современных компаниях постоянно возрастает<sup>6</sup>. Целесообразность того или иного действия определяется бизнес-приоритетами компании на фоне оценки возможных рисков – потери информации, несанкционированного доступа и т.п.

Управление риском – это совокупность методов, приемов и мероприятий, позволяющих прогнозировать наступление рискованных событий и принимать меры к исключению или снижению отрицательных последствий наступления таких событий. Управление риском направлено на минимизацию потерь от наступления нежелательного события.

Следует отметить, что прогнозирование – наиболее сложный вид деятельности в системе экономической деятельности. Оно является основным и завершающим этапом такого рода исследований, главные результаты которого товаропроизводители закладывают в основу программ своей деятельности. Различия в горизонте прогностической работы находят отражение в характере фирменного планирования: стратегическое планирование – на базе средне-

и долгосрочных прогнозов; текущее планирование хозяйственных операций – на основе краткосрочных прогнозов.

Прогнозирование тесно связано с другими функциями управления. Данная деятельность является движением информации, где переход от одной функции к другой есть передача потока информации, а сами функции – это обработка информации с помощью различных способов и методов: документирование; принятие функциональных решений; возникновение новой информации. При этом поток информации, идущий от таких функций, как прогнозирование (планирование), организация, мотивация, координация и регулирование, несет в себе воздействие управляющей системы на управляемую, т.е. аппарата управления на производственные и функциональные подразделения предприятия. Информация, обрабатываемая на стадиях учета, контроля и анализа, дает аппарату управления сведения о результативности этих воздействий.

Обычно можно выделить множество допустимых управляющих воздействий, описываемых с помощью соответствующего множества параметров управления. Тогда указанная выше возможность влиять на те характеристики риска, которые определяют степень достижения цели, формализуется как выбор значения управляющего параметра. При этом управляющий параметр может быть числом, вектором, элементом конечного множества или иметь более сложную математическую природу.

Основная проблема – корректная формулировка цели управления рисками. Поскольку существует целый спектр различных характеристик риска (например, если потери от риска моделируются случайной величиной), то оптимизация управления риском сводится к решению задачи многокритериальной оптимизации. Например, естественной является задача одновременной минимизации среднего ущерба (математического ожидания ущерба) и разброса ущерба (дисперсии ущерба).

Как известно, для любой многокритериальной задачи целесообразно рассмотреть множество решений (т.е. значений параметра управления), оптимальных по Парето. Эти решения оптимальны в том смысле, что не существует возможных решений, которые превосходили бы Парето-оптимальные решения одновременно по всем критериям. Точнее, превосходили хотя бы по одному критерию, а по остальным были бы столь же хорошими.

Особое внимание следует обратить на долгосрочные контракты на аутсорсинг, которые могут существенно усилить последствия изменений экономических условий. Нужно провести анализ бюджета аутсорсинга независимыми экспертами.

Компания-аутсорсер должна обеспечить выгодность применения аутсорсинга и выиграть в конкуренции с другими подобными компаниями. Аутсорсер должен обеспечить снижение себестоимости функций, которые берет на аутсорсинг. Для этого она должна



осуществлять порученные функции дешевле и качественнее, чему способствуют определенные возможности вследствие специализации в узкой области; эффекта масштаба, достигаемого при выполнении однотипных операций одновременно для множества клиентов; использования новейших технологий; высокой квалификации персонала.

Компания-заказчик на развитом рынке аутсорсинга имеет возможность выбрать именно тех аутсорсеров, которые обладают наибольшим опытом в данной области; т.е. на рынке аутсорсинга существует конкуренция. И компания – аутсорсер должна обеспечить ряд условий для привлечения заказчиков: профессионализм, надежность, снижение стоимости своих услуг и прочее.

Сузив множество потенциальных аутсорсеров, необходимо провести конкурс, чтобы создать конкуренцию между ними. При этом надо скептически относиться к возможностям рынка: может оказаться, что никто не сможет предложить то, что необходимо компании. По итогам конкурса, в зависимости от принятого ранее решения о разбиении задачи, компания должна выбрать одного или нескольких аутсорсеров. Дилемма о количестве аутсорсеров неизбежна: чем больше аутсорсеров, тем больше гибкости при работе с ними, но зато меньшее количество аутсорсеров легче контролировать. Фирме же важно приобрести дополнительную гибкость, которая достигается при взаимодействии с внешними подрядчиками, в частности, за счет простоты изменения условий договора (не надо противодействовать профсоюзам и собственным менеджерам), но важно не лишиться при этом контроля.

Кроме того, контракт сразу с несколькими аутсорсерами помогает повысить качество обслуживания и избежать увеличения цен за счет постоянной конкуренции между исполнителями. Однако, при таком варианте возникает целый ряд дополнительных трудностей для управленцев: следует убедиться, что выбранные аутсорсеры способны работать единой командой; необходимо непрерывно координировать работу аутсорсеров, которая ведется совместно, чтобы не было дублирования и, тем самым, не увеличивалась стоимость выполнения заказа; наконец, при работе с несколькими аутсорсерами вопрос контроля встает острее, чем при работе с одним.

Учитывая договорный принцип взаимодействия с аутсорсинговыми компаниями, при заключении с аутсорсерами контракта необходимо обеспечить построение формы контракта таким образом, чтоб условия максимально снижали риски заказчика.

## Литература

1. *Балихина Н.В., Косов М.Е.* Развитие инвестиционно-инновационных процессов в российской экономике, финансовый аспект. Монография. М.: Юнити-Дана, 2014.
2. *Календжян С.О.* Аутсорсинг и делегирование полномочий в деятельности компаний. М., 2003.

3. *Косов М.Е.* Инновационная деятельность как источник рисков бизнеса // Вестник РГТЭУ. Научный журнал. №1 (72) 2013. С. 119–131.

4. *Косов М.Е., Ягудина Э.В.* Специальный налоговый режим и инновационная деятельность малого бизнеса // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 1. С. 38–42.

5. *Портер М.* Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей конкурентов. М., 2014.

6. *Харакоз Ю.К., Косов М.Е.* Стратегическое управление затратами – метод увеличения конкурентоспособности // Образование. Наука. Научные кадры. № 1. 2014. С. 156–159.

7. *Харакоз Ю.К., Косов М.Е.* Приемы и способы управленческого учета, используемые при определении цен для целей налогообложения контролируемых сделок // Вестник Московского университета МВД России. № 1. 2014. С. 182–185.

## References

1. *Balikhina N.V., Kosov M.E.* The development of investment and innovation processes in the Russian economics, financial aspects. Monograph. M.: Yuniti-Dana, 2014.
2. *Kalendzhyan S.O.* Outsourcing and delegation of authority in companies. M., 2003.
3. *Kosov M.E.* Innovative activities as a source of business risk // Reporter of RSUTE. Science journal. № 1 (72) 2013. P. 119–131.
4. *Kosov M.E., Yagudina E.V.* Special tax treatments and small businesses innovative activities // International accounting. 2013. № 1. P. 38–42.
5. *Porter M.* Competitive strategy: methods for analyzing industries competitors. M., 2014.
6. *Kharakoz Yu.K., Kosov M.E.* Strategic Cost Management – method of competitiveness increasing // Education. Science. Manpower. №1. 2014. P. 156–159.
7. *Kharakoz Yu.K., Kosov M.E.* Accounting management techniques and methods of used in prices determining for tax purposes controlled transactions // Reporter of Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2013. № 11. P. 186–191.

<sup>1</sup> Вступительное слово на совещании по проекту нового закона о милиции // [www.kremlin.ru/transcripts/8588](http://www.kremlin.ru/transcripts/8588).

<sup>2</sup> Основы экономической безопасности (Государство, регион, предприятие, личность) / Под ред. Е.А. Олейникова. М.: Интел-Синтез, 1997.

<sup>3</sup> *Гапоненко В.Ф., Беспалько А.Л., Власков А.С.* Экономическая безопасность предприятий. Подходы и принципы. М.: Издательство «Ось-89», 2007.

<sup>4</sup> *Мак-Мак В.П.* Служба безопасности предприятия. М.: Мир безопасности, 2003.

<sup>5</sup> *Шерикульский В.* Все на аутсорсинг! // Эксперт. 1999. № 26. С. 10–14.

<sup>6</sup> *Старикова Л.* О роли финдиректора // Сетевой журнал // <http://www.silicontaiga.ru/home.asp?artId=3362>





УДК 339.52  
ББК 65.5

# УЧАСТИЕ РОССИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВА, КАК ФАКТОР ПОНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

*ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА УШКОВА,*

*адъюнкт 3 курса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научная специальность 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством*

*E-mail: knopa2007-89@mail.ru*

*Научный руководитель: доктор экономических наук, профессор А.В. Минаков*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассмотрены общеизвестные определения и информационный материал; последствия от вступления России в ВТО; влияние этого вступления на отраслевую структуру хозяйства; меры по защите экономики; основные индикаторы экономической безопасности России.

**Ключевые слова:** экономическая безопасность, Всемирная торговая организация (ВТО), отраслевая структура, индикаторы, пороговые значения.

**Annotation.** Considered the well-known definitions and material consequences of Russia's entry into the WTO and its impact on the sectoral structure of the economy, measures to protect the economy and the key indicators of economic security of Russia.

**Keywords:** economic security, the World Trade Organization (WTO), the industry, the indicators, threshold values.

22 августа 2012 г. Россия стала 156-м полноправным участником Всемирной торговой организации (далее ВТО), которая контролирует около 96% торговли в мире<sup>1</sup>.

Условия присоединения России ко Всемирной торговой организации спланированы таким образом, чтобы любая либерализация и серьезные изменения происходили постепенно. Россия не приняла обязательств о выравнивании внутренних и мировых цен на энергоносители, о доступе иностранных компаний к природным ресурсам, об отказе от регулирования импорта или экспорта, о прекращении деятельности компаний с государственным участием, о разрешении ввоза продовольственных товаров или медикаментов, потребление которых может нанести ущерб здоровью.

Что же ждет отраслевую структуру нашего хозяйства после присоединения к Всемирной торговой организации, и каковы меры обеспечения экономической безопасности России?

У наших страховых компаний есть около девяти лет до прихода на внутренний рынок прямых филиалов иностранных страховых игроков. Такова договоренность о вступлении РФ в ВТО в части страхового рынка. За пять лет условия по страховщикам не из-

менились. Иностранцам страховщикам необходим суммарный актив в 5 млрд. долларов и 5-летний опыт работы на иностранных рынках. Для получения российской лицензии на страхование филиалу необходимо будет обладать пятилетним опытом в части универсального страхования и 8-летним – в части страхования жизни. При входе на российский рынок далеко не все виды страхования будут доступны иностранным филиалам. Закрытым будет стратегический вид – рынок страхования государственных закупок и обязательные виды. Исключение будет сделано лишь для ОСАГО<sup>2</sup>.

В сфере производства легковых автомобилей произойдут постепенные изменения. В России доля импортных машин составляет около 34% и с каждым годом эта цифра растет. Таможенная пошлина до вступления в ВТО составляла 30%; сразу после вступления – 25, а спустя семь лет – 15%<sup>3</sup>.

Что может произойти:

- снижение доли российских производителей на рынке легковых автомобилей с 65 до 40–45% с тенденцией к дальнейшему снижению;
- снижение доли отечественной техники в сопоставимом ценовом сегменте в 2–2,5 раза;
- снижение денежного потока и, как следствие, дефолты предприятий автопрома;



- сворачивание инвестиций и сборочного производства иностранных производителей на территории РФ.

Значительное снижение пошлин на автомобильные компоненты и отказ от льготных пошлин «для промышленной сборки» с 1 июля 2018 г. приведет к замораживанию или пересмотру инвестиционных решений автопроизводителей, работающих по промышленной сборке, в части расширения мощностей и локализации производства автомобильных компонентов.

По информации кадровой службы ОАО «АвтоВАЗ», 1 150 сотрудников написали заявление об увольнении по соглашению сторон с выплатой 5 должностных окладов, из них 300 работников пенсионного возраста.

Всего за январь – февраль в центр занятости населения г. Тольятти обратились за содействием в поиске работы 106 работников ОАО «АвтоВАЗ», уволенных в 2014 г., из них 65 – служащие.

Отметим, что по данным службы занятости Самарской области, уровень регистрируемой безработицы в г. Тольятти составляет 0,68%. Численность безработных – 2 997 человек<sup>4</sup>.

Производство легковых автомобилей в России в 2013 г. упало на 1,8%. Вице-премьер РФ Аркадий Дворкович сообщил: «прогнозировалось, что до июля прошлого года падение производства автомобилей в нашей стране составит порядка 7–8% . По итогам года снижение все равно было, мы не вышли на нулевой показатель, но оно составило всего 1,8% по отношению к 2012 г.»<sup>5</sup>.

Замедлить снижение производства и продаж легковых автомобилей позволила программа льготного автокредитования, с помощью которой удалось поддержать российских автопроизводителей в условиях падающего спроса и присоединения России к ВТО.

Заводы компании ОАО «Соллерс» сформировали конкурентоспособную линейку автомобилей, которая позволит им сохранить сильные позиции на рынке и в ВТО. Автомобили марки «Ford» полностью соответствуют всем перспективным международным стандартам. В то же время, за счет переноса производства в Россию организации полного цикла производства и постепенной локализации, производимые автомобили по своей цене являются более конкурентоспособными по сравнению с импортными аналогами.

В нефтяной промышленности одним из главных факторов в формировании доходной части бюджета страны, по-прежнему, будет оставаться мировая цена на нефть на действующих месторождениях. Вступление РФ в ВТО не приведет к значительному изменению целевых рынков сбыта отечественных НПЗ. В то же время, нефтяная промышленность уделяет внимание собственной программе развития, направленной на увеличение глубины нефтепереработки и переход на производство нефтепродуктов, соответствующих международным стандартам, как одному из механизмов обеспечения экономической безопасности.

Таким образом, государство и нефтекомпании при вступлении в ВТО не должны ничего потерять. При этом импортные пошлины на технологическое оборудование и технологии могут снизиться, и нефтяникам будет выгоднее закупать те виды оборудования, которые не производятся в России.

Среди мер государственной поддержки важно отметить возможность государственного регулирования тарифов на энергоносители и тарифов, связанных с транспортировкой нефтепродуктов на экспорт.

В области энергетики положительный результат от вступления в ВТО для предприятий энергокомплекса возможен в части снижения стоимости приобретаемого специализированного высокотехнологичного энергооборудования за пределами России и, соответственно, снижения стоимости инвестиционных проектов энергокомпаний (при уменьшении таможенных пошлин). Затраты на присоединение к электрическим сетям объектов, обусловленных размещением на территории Российской Федерации новых производств с участием иностранного капитала, не должны превышать затраты на технологическое присоединение российских энергопотребителей.

После присоединения российская политика в области ценообразования должна обеспечить покрытие затрат и получение дохода российскими поставщиками природного газа. Несмотря на то, что вступление может способствовать снижению цен на некоторые виды промышленной продукции, используемой в электроэнергетике за счет снижения ввозных пошлин по основным видам теплотехнической продукции, ограничения, снижаемые в рамках присоединения, не играют существенной роли.

Предприятия оборонно-промышленного комплекса, вступая в ВТО, остро ощутят следующие проблемы:

- высокий процесс износа основных средств;
- высокие накладные расходы при производстве гражданской продукции;
- узкий ассортимент выпускаемых изделий;
- отставание налаженных сбытовых каналов;
- отсутствие четкой политики профессионального менеджмента на предприятиях.

Предприятия оборонно-промышленного комплекса имеют высокий научный потенциал, поэтому там необходимо сосредоточить усилия по выпуску наукоемких изделий с высокими эксплуатационными свойствами, необходимых, для стратегически важных отраслей хозяйства. В этом есть еще одна проблема – для выпуска нового продукта затрачивается от 3 до 5 лет, даже при условии использования всего научного потенциала.

В краткосрочной перспективе (до 5 лет) возможны проблемы со сбытом конверсионной продукции; в долгосрочной – возможен активный рост, но только при изменении внутренней политики предприятий оборонно-промышленного комплекса и всесторонней поддержке государства в части:



- предоставления налоговых льгот для компенсации разницы в стоимости на мировом рынке между изделиями отечественных и зарубежных производителей;

- лоббирования интересов предприятий ОПК на переговорах с ВТО;

- создания отраслевых союзов, всесторонне защищающих интересы производителей;

- более полного использования маркетинговых инструментов, особенно на неосвоенных рынках;

- привлечения иностранного и отечественного капитала на проектирование, разработку и выпуск новых и уже имеющих изделий.

На самолеты и авиаоборудование ранее пошлины составляли 20%, спустя семь лет они снизятся до 7,5%, на остальные воздушные суда – до 12,5%, что отрицательно скажется на производстве российской авиационной промышленности. Россия находится на 2-м месте в мире по объему выпускаемой продукции военного самолетостроения, на 3-ем месте по вертолетостроению. Доля импортной техники в России невысока, всего 1,1%, что является положительной тенденцией для развития и выхода на мировой рынок. В этой связи необходимо разработать комплексную Программу развития авиационного транспортного комплекса<sup>6</sup>.

Программа должна предусмотреть:

- новые типовые и индивидуальные проекты аэропортов как с повышенной пропускной способностью, так и малозатратные, обеспечивающие прием – отправку 1–2 бортов в день, а то и в неделю, с обслуживающим персоналом из 5–6 человек;

- новые разработки в области авиастроения и современное производство летательных аппаратов для местных и региональных авиаперевозок;

- возрождение и развитие производства самолетов военно-транспортной авиации;

- субсидирование региональных и местных авиаперевозок.

Сельскохозяйственная техника, в большей части представлена иностранными производителями, примерно 51% импорта. Таможенная ставка до вступления была 15%, а после – снизится до 5–10%. Из-за резкого снижения пошлины российские производители могут потерять около 10–20% рынка.

Сейчас доля отечественных производителей на российском рынке составляет около 49%, такой уровень удастся удерживать за счет высоких пошлин и господдержки. Механизм субсидирования после присоединения к ВТО перестанет действовать. По прогнозам, возможно два пути развития. По оценкам ассоциации производителей сельхозтехники «Росагромаш», к 2020 г. доля российских производителей на рынке может снизиться до 15–20%. Однако, Минпромторг дает другие прогнозы – в «Стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения до 2020 г.»<sup>7</sup>, через восемь лет около 60% российских компаний будет на нашем рынке.

Текстильная промышленность представлена на рынке отечественными товарами с массовой долей в 6,11%. Большая часть продукции, примерно 80%, является импортными товарами. Основная часть легальной продукции ввезена из Китая, что свидетельствует о низком уровне развития текстильного производства. Снижение ввозных пошлин ведет к увеличению дешевого импорта и снижению производства и продаж отечественной продукции, потере рабочих мест в отрасли. Вместе с тем, снижение и отмена импортных пошлин на технологическое оборудование позволят неограниченному числу предприятий ускорить модернизацию производства и повысить конкурентоспособность продукции.

Минпромторгом России предложены следующие рекомендации по минимизации рисков<sup>8</sup>:

1. Расширение видов и увеличение объемов субсидирования:

- по кредитам на сырье и материалы, по кредитам на техническое перевооружение;

- компенсация выставочно-ярмочной деятельности.

2. Изменение правил субсидирования:

- увеличение сроков кредита на сырье до 3 лет;

- увеличение размера субсидируемой ставки до 100% и субсидирование пролонгированных кредитов на техническое перевооружение.

3. Гарантии правительства под реализацию проектов, имеющих межотраслевое значение.

4. Аккредитация российских отраслевых лабораторий по международным стандартам.

5. Система специальных утилизационных сборов на ввозную продукцию легкой промышленности, изготовленную из сырья химического происхождения.

В фармацевтической области почти вся продукция – импортные товары (77%); таможенные сборы будут снижены с 10–15% до 5–6,5%. Отечественные лекарственные средства представлены на российском рынке в достаточном количестве на 25% в стоимостном выражении, на 60% – в натуральном. Для развития и продвижения наших препаратов на мировой рынок, по требованию ВТО, отечественный производитель обязан гармонизироваться с мировым фармацевтическим рынком в вопросах стандартов лекарственных препаратов. Внедрение стандартов станет тяжелым бременем для покупателей, но, несмотря на это иностранные аналоги все равно будут дороже и поэтому увеличения импортных препаратов не ожидается.

Россия уже в 90-х годах снизила уровень поддержки аграрного сектора с 19% расходов федерального бюджета до 1% в настоящее время и согласилась на установление таможенных пошлин на минимальном уровне. Именно этим воспользовалась ВТО при вступлении в нее нашей страны, видимо считая, что России вполне достаточны действующие нормативы господдержки производителя сельскохозяйственной продукции.



ВТО установила недостаточные объемы господдержки аграрного сектора России – всего 9 млрд. долл. в год, тогда как в США она составляет 23 млрд. долларов странах ЕС-107 млрд. долларов, в Китае – 147 млрд. долларов в год при сопоставимых с Россией посевных площадях. К 2020 г. ВТО требует сократить господдержку аграрного сектора с 9 до 4,5 млрд. долларов в год.

В сельском хозяйстве наибольшие изменения таможенные пошлины претерпели для продуктов питания и других потребительских товаров, причем, в части продовольствия сильнее всего они затронули мясную и молочную группу, а так же ряд овощей и фруктов. Тариф на импортную свинину по квоте снижен до 0% с 15%, но не менее 0,25 евро за килограмм; на импорт свинины вне квоты – до 65% с 75%, но не менее 1,5 евро за килограмм. Импортная пошлина на готовые мясные изделия снижена до 20% с 25%, но не менее 0,4 евро за килограмм.

Предполагается, что квота на импорт свинины будет отменена с 1 января 2020 г., а квоты по говядине и птице будут действовать до тех пор, пока Россия не решит их отменить. В частности, квота на охлажденную

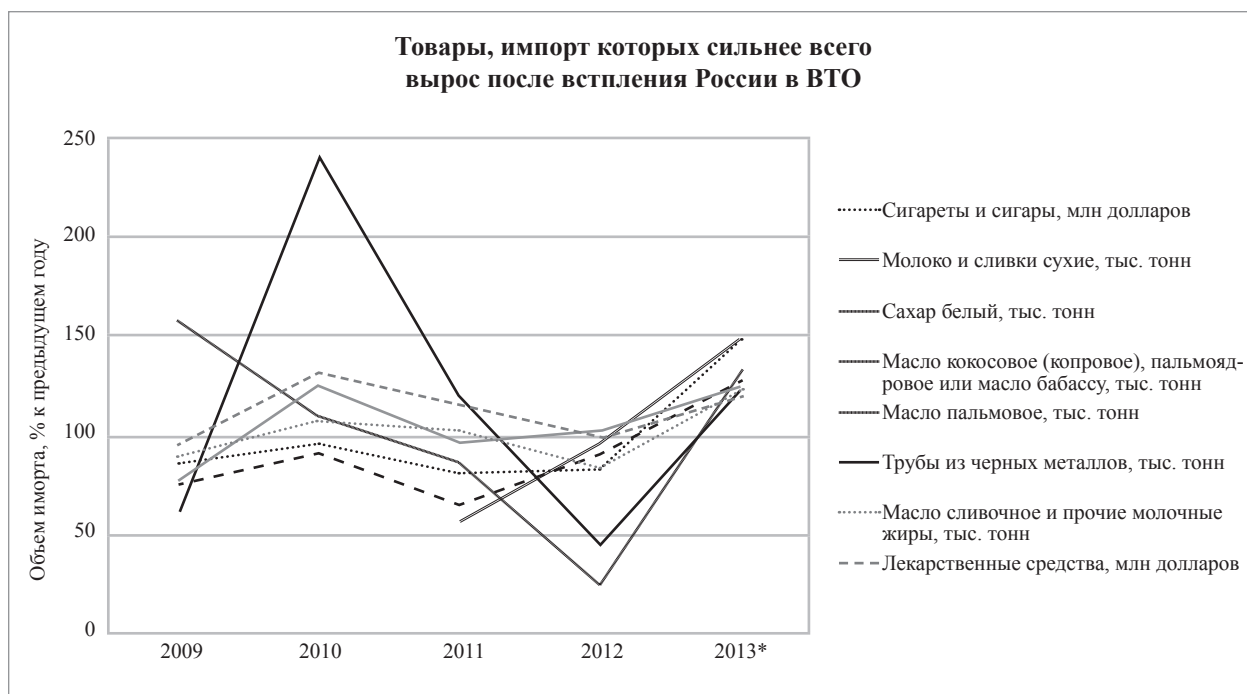
говядину в соответствии с документами ВТО составляет 40 тыс. тонн на неопределенный период.

Новая пошлина на ввоз сливочного масла с 23 августа 2013 г. составляет 15%, но не менее 0,29 евро за килограмм. Изменились пошлины и на ввоз многих сортов сыра. В частности, ввозная пошлина на молодые сыры с содержанием жира не более 40% снизилась до 15%, но не менее 0,25 евро за килограмм.

В сегменте фруктов снизилась ввозная пошлина на яблоки, а также лимоны и лаймы, из овощей – на помидоры и огурцы. Пошлина на ввоз огурцов уменьшилась до 15%, но не менее 0,08 евро за килограмм.

В странах ЕС, США, Канаде, Турции, Китае любая иностранная сеть, торгующая товарами легкой промышленности, не менее 51% своих торговых полок должна отдавать под продукцию местных производителей.

Таким образом, в экономике достигается баланс импортной и собственной продукции. Доля российских производителей даже по самым оптимистичным подсчетам в России составляет не более 15%. Более половины из действующих производителей убыточны, они не повышают ежегодно фонд оплаты труда, а наоборот уменьшают его<sup>9</sup>.



**Рис.1. Основные показатели по отраслям импортной продукции в России<sup>10</sup>**

Все импортные товары после вступления России в ВТО выросли в количестве и упали в цене, что свидетельствует о снижении уровня экономической безопасности России. Большинство товаров может производиться у нас, но затраты на их изготовление гораздо выше, чем у иностранной продукции. Требуется государственное вмешательство и контроль за производством и защитой отечественного производителя.

Ослабление уровня экономической безопасности в стране допустимо до определенного предела. Важно, чтобы пороговые значения были в норме и не превышали допустимые показатели. Под пороговыми значениями следует понимать те предельные величины, превышение, которых влечет формирование негативных, разрушительных последствий для обеспечения экономической безопасности России.



**Наиболее уязвимые отрасли экономики и индикаторы экономической безопасности РФ <sup>11</sup>**

№ п/п	Отрасль экономики	Последствия вступления России в ВТО	Индикаторы экономической безопасности
1	Аграрная	Требования ВТО по повышению тарифов на э/э, ж/д транспорт и газ до мировых снизит конкурентоспособность с/х продукции	Объем валового внутреннего продукта Валовый сбор зерна
2	Металлургическая	Повышение тарифов естественных монополий снизит конкурентоспособность	Доля в ВВП инвестиций а основной капитал
3	Обрабатывающая	Не конкурентоспособные отрасли в силу высокой себестоимости и качества, не соответствующего мировым стандартам	Доля в ВВП расходов на оборону
4	Текстильная		Доля затрат на гражданскую науку в ВВП
5	Легкая		
6	Машиностроительная	Перспективы многовариантны, в зависимости от степени поощрения технического прогресса в стране. Военная индустрия способна к конкуренции	Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции
7	Автомобильная		Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве
8	Авиастроительная	Если государство не будет оказывать эффективной помощи, данная отрасль не сможет конкурировать с иностранными разработками	Доля во всем населении лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума
9	Электронная	Износ оборудования, «утечка мозгов» обусловят дальнейшее отставание	Отношение доходов 10% наиболее обеспеченного к доходам 10% наименее обеспеченного населения
10	Химическая	Усиление конкурентной борьбы в сфере малотоннажных химикатов, в первую очередь, с КНР	
11	Транспорт	Сохранение конкурентной ситуации	Уровень безработицы к ЭАН в среднесрочном исчислении
12	Фармацевтическая	Усиление конкуренции и увеличение импорта вплоть до 100% (на данный момент 80%)	Уровень монетизации
13	Розничная торговля	Стремительное распространение иностранных сетей	Внешний и внутренний долг
14	Пищевая	Приток низкокачественного товара, поглощение отечественного бизнеса. Усиление зависимости от импорта продовольствия.	Доля расходов на обслуживание госдолга, % общего объема расходов федерального бюджета
15	Общественное питание		
16	Финансовые услуги	Смогут выжить лишь при господдержке	Дефицит федерального бюджета
17	Страховой рынок		Уровень инфляции
			Объем золотовалютных резервов
			Отношение выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта

При увеличении прироста ВВП за счет экспорта нефти, отсутствие роста добычи нефти может сказаться на внутреннем рынке, что неизбежно приведет к росту себестоимости товаров и услуг. Государству необходимо в каждом конкретном случае соотносить экономическую эффективность и безопасность, и то, что будет положительным в краткосрочной перспективе и не обязательно выгодно в стратегическом плане.

Любая экономическая система не застрахована от таких негативных явлений, как внутренние и внешние угрозы, которые взаимосвязаны и взаимозависимы между собой. К внешним угрозам относятся:

- государственная задолженность;
- сырьевая ориентация экспорта;
- невысокие объемы внешнеторгового оборота

России, особенно в области обрабатывающей промышленности.

Внутренние угрозы выражены в социальной и научно-технических сферах. Платежеспособный спрос населения будет падать из-за увеличения иностранных товаров, что приведет еще большему количеству безработных, закрытию заводов, предприятий в продовольственных и иных сферах промышленности. Возобновление экономического роста требует восстановления платежеспособного спроса как в потребительском секторе, так и в инвестиционном.

Механизм обеспечения экономической безопасности государства – это система организационно-экономических и правовых мер по предотвращению экономических угроз. Он включает в себя следующие элементы:



- мониторинг экономики;
- выработка пороговых, предельно допустимых значений социально-экономических показателей;
- создание материальных запасов производственного и непроизводственного назначения, которые могут быть использованы в непредвиденных случаях.

Обеспечение экономической безопасности России требует создания соответствующей инфраструктуры и затрагивает все сферы деятельности исполнительных и законодательных ветвей власти. Так, в рамках исполнительной власти она создается по сферам распределения ответственности за национальную безопасность в целом (совет безопасности и координируемые ими структуры и спецслужбы) и функциональному направлению экономической безопасности (Правительство РФ и входящие в него структуры с выделением соответствующих направлений).

Экономическая безопасность распространяется на все сферы и отрасли экономической деятельности, на все внутренние и внешние рынки<sup>12</sup>.

При создании условий для экспорта промышленной продукции, Россия может создать внутренние условия для производства, так как при существующих хозяйственных диспропорциях пассивное следование требованиям рынка ведет к распаду отраслей. Для улучшения положения национальных производителей следует использовать тарифы, квотирование и другие инструменты регулирования внешнеэкономической деятельности.

Необходимо более активно использовать инструменты государственного регулирования внешнеэкономической деятельности для поддержания национального производителя, защиты экономической безопасности. Сырьевая направленность российского экспорта в условиях либерализации внешней торговли тормозит развитие внутреннего сектора экономики и создает угрозу для обеспечения экономической безопасности России в долгосрочной перспективе.

С позиции обеспечения экономической безопасности страны, существующие схемы уклонения налогоплательщиков от уплаты налогов с использованием оффшорных зон, особенно сырьевых компаний, наносят большой ущерб экономике страны.

Наиболее уязвимыми отраслевыми структурами хозяйства после вступления России в ВТО будут сельское хозяйство, производство продовольствия, легковых машин, страховой и банковский сектор, фармацевтика. Это обусловлено повышением стоимости

отечественной продукции. Все это является прямой угрозой экономической безопасности России.

## Литература

1. Чернова С.С. Экономическая безопасность в условиях глобализации: Монография. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2013. С.170.
2. Пороховский А. Россия и современный мир // Вопросы экономики. 1995. № 1. С.127–134.

## References

1. Chernov S.S. Economic security in the context of globalization: a Monograph. Novosibirsk: Publishing house CRNS, 2013. P. 170.
2. Porokhovskii A. Russia and the contemporary world // Questions of economy of the economy. 1995. № 1. P. 127–134.

<sup>1</sup> Переговоры о вступлении в ВТО велись на протяжении 18 лет с 1993 г. по 2011 г. Россия стала членом ВТО 22 августа 2012 г. Интернет-ресурс [http://wto.org/english/news\\_e/pres12\\_e/pr668\\_e.htm](http://wto.org/english/news_e/pres12_e/pr668_e.htm).

<sup>2</sup> Официальный сайт Всемирной торговой организации – Информационно-аналитический центр: <http://wto-inform.ru/conditions/infographic.php>.

<sup>3</sup> Официальный сайт Всемирной торговой организации – Информационно-аналитический центр: <http://wto-inform.ru/conditions/infographic.php>.

<sup>4</sup> Официальный сайт Российская газета № 6288 от 27 января 2014 г.: <http://www.rg.ru>.

<sup>5</sup> Официальный сайт Всемирной торговой организации: [http://www.wto.ru/ru/press.asp?msg\\_id=30703](http://www.wto.ru/ru/press.asp?msg_id=30703).

<sup>6</sup> Официальный сайт Всемирной торговой организации – Информационно-аналитический центр: <http://wto-inform.ru/conditions/infographic.php>.

<sup>7</sup> Приказ Минпромторга России от 22.12.2011 г. N 1810 «Об утверждении стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2020 года».

<sup>8</sup> См. там же.

<sup>9</sup> Богомолов В.А. Экономическая безопасность: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 213.

<sup>10</sup> Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: <http://www.gks.ru/>

<sup>11</sup> Чуева Д.А. Вступление России в ВТО: сворачивание отраслей народного хозяйства как фактор ухудшения экономической безопасности России // Российское предпринимательство. 2010. № 1.

<sup>12</sup> Богомолов В.А. Указ. соч. С. 218.



УДК 336.2  
ББК 65.2

## ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С УПЛАТОЙ СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ И ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ НАЛОГОВ. ОБЗОР СПОРНЫХ МОМЕНТОВ

**НОДАРИ ДАРЧОЕВИЧ ЭРИАШВИЛИ,**

*профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,  
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,  
доктор экономических наук, профессор,  
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники  
E-mail: professor60@mail.ru;*

**АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГРИГОРЬЕВ,**

*доцент кафедры управления и административно-правовых дисциплин  
Владимирского юридического института Федеральной службы  
исполнения наказаний России, кандидат юридических наук*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассмотрены проблемы обязательного социального страхования в России. Проанализировано законодательство, регламентирующее деятельность в данной сфере как в России, так и за рубежом; сложившаяся судебная практика. Внесены предложения в действующее законодательство.

**Ключевые слова:** Пенсионный Фонд, страховые взносы, страховая и накопительная часть пенсии, застрахованные лица, налог на прибыль, судебная практика.

**Annotation.** Considered problems of compulsory social insurance in Russia. Analyzed legislation, both in Russia and abroad, the current judicial practice, as well as given the proposals in the legislation.

**Keywords:** Pension Fund, insurance premiums, insurance and accumulative part of pension, the insured, tax, litigation.

В настоящее время активно обсуждается вопрос о пенсионной системе в стране. История с возобновлением изъятия накопительной части пенсии, к которой, фактически, призывает вице-премьер Ольга Голодец, может завершиться отменой этой части пенсии. По сути, речь идет о возвращении исключительно распорядительной части пенсии, которая будет в руках государства и Пенсионного Фонда РФ, что повлечет за собой чрезмерное участие государства в регулировании института, неэффективное управление, и как следствие, коррупцию.

В начале данной статьи мы хотим привести пример пенсионной системы Швеции.

Пенсионные фонды – это самые дорогостоящие инвестиции современного государства в благополучие своих граждан. В XIX в. речь шла о том, что надо обеспечить содержание людей, хотя бы в течение нескольких лет по окончании ими трудовой деятельности. Об этом должны были заботиться их семьи или собственники промышленных предприятий. По мере роста средней продолжительности жизни отдельных инициатив стало недостаточно. Например, в 1913 г. Швеция ввела всеобщую минимальную пенсию по старости для всех граждан. Первая шведская пенсионная система была системой фондирования страхо-

вых премий. Каждый гражданин в отдельности копил на свою страховую пенсию в виде страховых отчислений страховых премий; по исчисление 30–40 лет трудовой деятельности выплачивалась страховая пенсия. После Второй мировой войны в Швеции ввели всеобщую трудовую добавку на стаж. Тот, кто отработал 30 лет, должен был получать 60% от своей заработной платы. За 15 наиболее оплачиваемых лет стажа полагалась надбавка к всенародной пенсии. Это привело к резкому повышению пенсии. В 1999 г. взносы в пенсионный фонд составили 18,5% от размера зарплаты, большая часть которых (более 16%) начислялась на определенный счет, а оставшиеся 2,5% гражданин размещал в различные фонды, которые находятся в ведении Пенсионной службы. Большинство граждан при стаже работы более 35–40 лет получают пенсию в размере 45–60% от последней заработной платы. К этому нужно еще добавить пенсию, которую большинство наемных работников получают в силу действующих коллективных договоров. Ежегодно работодатель перечисляет от 4 до 5% от заработной платы. Договоры составляются таким образом, что наемный работник получает еще не менее 10%. В итоге наемный работник может рассчитывать на пенсию в размере 55–70% от своей



последней заработной платы. И, наконец, существует гарантийная пенсия, на которую имеет право каждый, кто прожил в Швеции 40 лет [2].

В настоящее время в РФ работодатель, в том числе и индивидуальный предприниматель, при наличии наемных работников обязан уплачивать страховые взносы в размере 22%, из них лицам 1967 г. рождения и моложе 16% на страховую часть и 6% на накопительную часть пенсии, которая по решению застрахованного лица направляется либо в ПФР, либо в управляющую компанию. Для индивидуальных предпринимателей, уплачивающих фиксированные страховые взносы, применяющих налог на доходы физических лиц, упрощенную систему налогообложения, систему налогообложения для сельхозпроизводителей, единый налог на вмененный доход, Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 237 установлен следующий порядок расчета страховых взносов в ПФР:  $1 \text{ МРОТ} \cdot 12 \text{ (за весь год)} \cdot 26\%$ . С годовым доходом более 300 тыс. руб. + 1% от годового дохода за минусом 300 тыс. руб.

Начиная с 2013 г., Правительство РФ изъяло из накопительной пенсионной системы более 500 млрд. руб. и перевело их в страховую часть. Решив свои задачи в краткосрочной и среднесрочной перспективе, Правительство РФ фактически лишило себя возможности решения задач долгосрочной перспективы, так как негосударственные пенсионные фонды (НПФ) вкладывают накопительный компонент в государственные ценные бумаги, средства от которых направляются на различные инвестиционные программы. Более того, в случае смерти гражданина, его пенсионные накопления передаются родственникам, а это имеет признаки наследования. Министерство труда и социальной защиты РФ утверждает, что когда за нас платит работодатель, отчисления идут в негосударственные пенсионные фонды. Эти денежные средства становятся собственностью НПФ, и ни в какой момент не становятся собственностью застрахованного лица. Получается странная ситуация: часть средств, отчисляемая работодателем в счет пенсионного обеспечения, складывается в виде накоплений, и гражданин распоряжается тем, куда их направить. Если гражданин умирает, эти средства переходят его наследникам. Но если в бюджете Пенсионного фонда России недостаточно средств, государство изымает деньги из накоплений граждан, как и произошло в 1914 г. [4].

Глава комитета гражданских инициатив, бывший вице-премьер, министр финансов Алексей Кудрин оценивает приостановку формирования накопительной части пенсии как очень неудачный шаг, ухудшающий инвестиционный климат. «...Я считаю, что это сверхнеудачный шаг Правительства по прекращению на один год накоплений граждан»<sup>1</sup>.

Министр экономического развития Алексей Улюкаев не исключает исков в суд от клиентов НПФ, накопления которых за 2014 г. попадут в распределительную часть пенсии пенсионной системы. «...Мы предполагаем обращение застрахованных граждан в суд» – заявил он в интервью телеканалу «Россия 24»,

и подчеркнул, что эти иски имеют неплохую судебную перспективу.

Дефицит бюджета Пенсионного Фонда РФ составляет 126 млрд. руб. Для погашения дефицита направляются средства из федерального бюджета. Изъятие накопительной части пенсии при стагнирующей экономике, где рост в 2014 г., по мнению некоторых экономистов, составил 0% ВВП, может привести к еще более осложненной экономической ситуации в стране: сократятся рабочие места, возникнут дополнительные социальные проблемы. По сути, речь идет о исключительно распорядительной пенсии. Распределительная система предполагает, что деньги собираются со всех, а потом распределяются между пенсионерами, т.е. реальные деньги граждан обменяли на обещание заплатить.

На наш взгляд, необходимо законодательно закрепить право собственности граждан на их пенсионные средства (как например, в Нидерландах, Германии, Швеции, Японии). Следует установить, что пенсионные накопления должны перечисляться в пенсионные фонды напрямую, минуя бюджет, как ненужных посредников. От этого только выиграет доверие населению к государству.

По нашему мнению, «заморозка», а то и отмена накопительной части пенсии является контрпродуктивной мерой.

И, наконец, Правительство РФ, начиная с 2015 г., решило отменить порог по взносам в Фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС). Теперь работодатель будет платить 5,1% со всего фонда оплаты труда, что даст дополнительные 180 млрд. руб., но и увеличит нагрузку на работодателей. Проблема в том, что все средства в сфере здравоохранения заберет федеральный бюджет, и их перечислят в качестве трансфертов в субъекты РФ без указания цели. Из этого можно сделать вывод, что деньги можно будет потратить на что угодно, тем более что большинство бюджетов субъектов Российской Федерации дефицитные, а в иных случаях депрессивные, и вовсе необязательно, что уплаченные средства пойдут на финансирование здравоохранения.

Вторая часть настоящей статьи посвящена рассмотрению спорных моментов, связанных с начислением страховых взносов в государственные внебюджетные фонды и отдельных видов налогов.

Согласно ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный Фонд Российской Федерации, в Фонд социального страхования Российской Федерации, в Фонд обязательного медицинского страхования» (далее – Закон № 212-ФЗ) в редакции от 1 января 2011 г.<sup>2</sup> объектом обложения страховыми взносами признаются выплаты и иные вознаграждения, начисляемые в пользу физических лиц по трудовым договорам и гражданско-правовым договорам, предметом которых является выполнение работ, оказание услуг. В результате такой формулировки данной нормы работодатель мог производить выплаты в пользу своих работников, которые не облагались страховыми взносами. Например, согласно ст. 196 ТК РФ<sup>3</sup> необходимость профессиональной подготовки и переподготовки кадров





для собственных нужд определяет работодатель. В п. 12 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ определено, что не подлежат обложению страховыми взносами суммы платы за обучение по основным и дополнительным образовательным программам, в том числе за профессиональную подготовку и переподготовку работников. Главное, чтобы обучение проходило в интересах работодателя, причем в образовательных учреждениях, имеющих государственную аккредитацию и лицензию, поскольку образовательные программы должны соответствовать государственным стандартам и требованиям, что реализуется в учреждениях с государственной аккредитацией. Кроме этого, выплаты премий работникам к праздникам в той редакции не облагались страховыми взносами, так как в данном случае премии выплачивались не как вознаграждение за переработку, выполнение задания, а просто к празднику (например, к Новому году). Таким образом, премии выплачивались не в связи с достижениями в работе конкретного работника, их размер не зависел от результата труда конкретного работника, его трудового стажа, профессиональной квалификации; размер премии определялся по усмотрению руководителя предприятия. Согласно ст. 129 ТК РФ заработная плата (оплата труда работника) – вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества и качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные и стимулирующие выплаты. К ним относятся доплаты, надбавки, премии и иные поощрительные выплаты. В этом случае судебная практика складывалась в пользу работодателя<sup>4</sup>.

Однако, с 1 января 2011 г. Федеральным законом от 8 декабря 2010 г. № 339-ФЗ<sup>5</sup> внесены изменения в ч. 1 ст. 7 Закона № 212-ФЗ. Так, слова «по трудовому договору» были заменены на «в рамках трудовых отношений». Это означает, что практически все выплаты, которые сделаны в пользу работника, в том числе премии, поощрения, даже разовые, даже те, которые не прописаны в трудовом договоре, подпадают под обложение страховыми взносами.

В июле 2014 г. Пенсионный Фонд РФ и Фонд социального страхования выпустили письмо с совместными разъяснениями по вопросам начисления страховых взносов<sup>6</sup>, однако некоторые озвученные позиции идут в разрез со сложившейся судебной практикой. В комментируемом письме рассмотрены следующие случаи: 1) единовременная выплата работникам, уходящим на пенсию; 2) компенсации стоимости путевок; 3) оплата стоимости лечения и медикаментов.

По мнению фондов, такие выплаты подлежат обложению страховыми взносами в общем порядке, так как объектом обложения страховыми взносами признаются выплаты и иные вознаграждения, начисляемые в пользу физических лиц в рамках трудовых отношений. Исключение – выплаты, поименованные в ст. 9 Закона № 212-ФЗ.

Однако, сложившаяся судебная практика отличается от приведенной позиции фондов<sup>7</sup>. Выплаты социального характера, предусмотренные коллективными договорами, не являющиеся стимулирующими, не

зависящие от квалификации работников, сложности, качества, количества, условий выполнения самой работы, не являются оплатой труда работников. Поэтому такие выплаты не являются объектом обложения страховыми взносами и не подлежат включению в базу для начисления страховых взносов. Сам по себе факт наличия трудовых отношений между работодателем и работником не является основанием для вывода о том, что все выплаты, производимые в пользу последнего, представляют собой оплату его труда.

Ссылаясь на правовую позицию Президиума ВАС РФ, компенсации стоимости путевок не облагаются страховыми взносами<sup>8</sup>. Компенсация стоимости путевок, в тоже время и не облагается НДФЛ (п. 9 ст. 217 НК РФ<sup>9</sup>).

В 2014 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 188-ФЗ<sup>10</sup>, который внес значительные изменения в законодательство об обязательном страховании, который вступают в силу с 1 января 2015 г.

Итак, изменены абз. 6 подп. 2 п.1 ст. 20.2 Закона № 125-ФЗ<sup>11</sup> и подп. «д» п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона № 212-ФЗ. Со следующего года под обложение страховыми взносами подпадут: 1) компенсации за неиспользованный отпуск; 2) суммы выплат в виде страхового пособия и среднего месячного заработка на период трудоустройства в части, превышающей в целом трехкратный размер среднего месячного заработка или шестикратный размер среднего месячного заработка, уволенных из организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных им местностях; 3) компенсации руководителю, заместителям руководителей и главному бухгалтеру организации, в части превышающей трехкратный размер среднемесячного заработка.

Изменения коснулись и командировочных расходов. В ч. 2 ст. 9 Закона № 212-ФЗ содержатся следующие требования: при непредставлении документов, подтверждающих оплату расходов по найму жилого помещения, сумма таких расходов освобождается от обложения страховыми взносами, в пределах норм, установленных законодательством РФ (абз. 12 п. 3 ст. 217 НК РФ). Согласно ст. 168 ТК РФ порядок возмещения работнику расходов на командировки определяются коллективными договорами или локальным нормативным актом организации (исключение – государственные и муниципальные учреждения).

С 2015 г. при отсутствии подтверждающих документов, если работник не привезет с командировки документы, свидетельствующие о том, что он жил в гостинице, требование о нормировании расходов по найму жилого помещения при отсутствии подтверждающих документов, исключено из ч. 2 ст. 9 Закона № 212-ФЗ. Таким образом, стоимость такого проживания в полной сумме будет облагаться страховыми взносами.

На наш взгляд, в целях стимулирования развития экономики, улучшения инвестиционного климата в стране, уменьшения нагрузки на предпринимателей, необходимо вернуться к первоначальной трактовке ч. 1 ст. 7 Закона № 212-ФЗ и исключить слова «в рамках трудовых отношений».



Рассмотрим следующую спорную ситуацию, связанную с включением в расходы по налогу на прибыль в случаях уплаты работодателям в пользу своих работников мероприятий по развитию физической культуры и спорта в трудовых коллективах. Приказом Минтруда и соцзащиты России от 16 июня 2014 г. № 375н<sup>12</sup> внесены изменения в приказ Минздравсоцразвития России от 1 марта 2012 г. № 181н «Об утверждении Типового перечня ежегодно реализуемых работодателем мероприятий по улучшению условий и охраны труда и снижению уровня профессиональных рисков»<sup>13</sup>. Данный приказ дополнен п. 32. Согласно ему, работодатель может в рамках мероприятий по развитию физической культуры и спорта в трудовых коллективах: 1) компенсировать работникам оплату занятий спортом в клубах и секциях; 2) организовывать и проводить физкультурно-оздоровительные и спортивные мероприятия; 3) приобретать, содержать и обновлять спортивный инвентарь.

Однако, в силу п. 29 ст. 270 НК РФ при определении налоговой базы по налогу на прибыль не учитываются расходы на оплату занятий в спортивных секциях, кружках, клубах, посещений культурно-зрелищных или физкультурных (спортивных) мероприятиях. Эту позицию подтвердил своим письмом Минфин России<sup>14</sup>.

Судебная практика складывается разнонаправленно. Одни суды поддерживают налогоплательщика<sup>15</sup>, другие встают на сторону налоговых органов<sup>16</sup>.

Считаем, что в целях стимулирования работодателя компенсировать своим работникам стоимость физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий, заботиться о состоянии их здоровья, необходимо откорректировать п. 29. ст. 270 НК РФ и включить в расходы по налогам на прибыль оплату занятий в спортивных секциях, кружках или клубах, физкультурно-спортивных мероприятий.

## Литература

1. *Балихина Н.В., Косов М.Е.* Бюджетно-налоговое регулирование инвестиционной активности российской экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 11. С. 186–191.

2. *Веттерберг Г.*: Какую пенсию получают шведы // История формирования нынешней системы пенсионного обеспечения Швеции // Новая от 27 октября 2014 г. № 121.

3. *Горина Г.А., Косов М.Е.* Специальные налоговые режимы: Учеб. пособ. М.: Юнити-Дана, 2014.

4. *Коган Г.*: Чьи деньги? Почему накопления россиян на старость им не принадлежат // Финансовая газета. № 29. 2014. 14 августа // Ссылка на Lenta.ru).

5. *Косов М.Е., Крамаренко Л.А.* Экономическое равновесие налоговой системы. Монография. М.: Юнити-Дана, 2014.

6. *Косов М.Е., Ягудина Э.В.* Специальный налоговый режим и инновационная деятельность малого бизнеса // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 1. С. 38–42.

7. *Косов М.Е.* Модель социально ориентированного налогообложения доходов физических лиц // Вест-

ник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 11 (77). С 48–59.

## References

1. *Balikhina N.V., Kosov M.E.* Budget and fiscal regulation investments activity of the Russian economics // Reporter of Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2013. № 11. P. 186–191.

2. *Wetterberg G.*: What pension receive the Swedes // the history of the formation of the current system of pension provision Sweden // New from 27.10.2014. No. 121.

3. *Gorina G.A., Kosov M.E.* Special tax treatments / Educational book. M.: Yuniti-Dana, 2014.

4. *Kogan G.*: Whose money? Why savings of Russians at the age they do not belong // Financial times from 14.08.2014 No. 29 // Lenta.ru).

5. *Kosov M.E., Kramarenko L.A.* Economical balance the tax system. Monograph. M.: Yuniti-Dana, 2014.

6. *Kosov M.E., Yagudina E.V.* Special tax treatments and small businesses innovative activities // International accounting. 2013. № 1. P. 38–42.

7. *Kosov M.E.* The model of socially oriented of the personal income taxation // Reporter of the Plekhanov Russian economic university. 2014. № 11 (77). P. 48–59.

<sup>1</sup> Ледниковый период на пенсии. Как оценивают предложение правительства по «заморозке» накопительной части пенсии эксперты // Финансовая газета от 10 октября 2013 г. № 37.

<sup>2</sup> О страховых взносах в Пенсионный Фонд Российской Федерации, в Фонд социального страхования Российской Федерации, в Фонд обязательного медицинского страхования: федер. закон от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ в ред. от 1 января 2011 г. // СЗ РФ. 27 июля 2009 г. № 30, ст. 3738.

<sup>3</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ в ред. от 4 апреля 2014 г.] // СЗ РФ. 7 января 2002 г. № 1 (ч. 1), ст. 3.

<sup>4</sup> О признании частично недействительным решения пенсионного органа: Постановление ФАС Центрального округа от 6 ноября 2012 г. № А64-1493/2012.

<sup>5</sup> О внесении изменений в Федеральный закон «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон от 8 декабря 2010 г. № 339-ФЗ // СЗ РФ. 13 декабря 2010 г. № 50, ст. 6597.

<sup>6</sup> Об обзоре ответов на вопросы плательщиков страховых взносов: Письмо ПФ РФ № НП-30-26/9660, ФСС РФ № 17-03-10/08-2786П от 29 июля 2014 г. // Ежедневное приложение к газете «Учет, налоги, право». 25 августа 2014 г.

<sup>7</sup> Об отмене решения пенсионного органа: Постановление Президиума ВАС РФ от 14 мая 2013 г. № 17744/12 по делу № А62-1345/2012 // «Вестник ВАС РФ». - 2013, № 10.

<sup>8</sup> См.: О пересмотре в порядке надзора судебных актов по делу об отмене решения органа Пенсионного фонда РФ о доначислении страховых взносов и пеней на стоимость санаторно-курортных



пунктов: Определение ВАС РФ от 30 мая 2014 г. № ВАС-7152/14 по делу № А12-6720/13; О признании недействительным решения органа Пенсионного фонда РФ: Постановление ФАС Уральского округа от 5 июля 2014 г. № Ф09-1655/14 по делу № А50-19717/2013; О признании незаконным решения пенсионного органа: Постановление ФАС Центрального округа от 3 апреля 2014 г. по делу № А14-2025/2013; О признании недействительным решения управления ПФ РФ: Постановление ФАС Северо-западного округа от 17 марта 2014 г. по делу № А56-29412/2013.

<sup>9</sup> Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ в ред. от 24 ноября 2014 г. // СЗ РФ. 7 августа 2000. № 32, ст. 3340.

<sup>10</sup> О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 30 июня 2014. № 26 (ч. I), ст. 3394.

<sup>11</sup> Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: федер. закон от 24 июля 1998 г. №125-ФЗ, в ред. от 2 апреля 2014 г., с изм. от 5 мая 2014 г. // СЗ РФ. 03 августа 1998. № 31, ст. 3803.

<sup>12</sup> О внесении изменения в Типовой перечень ежегодно реализуемых работодателем мероприятий по улучшению условий и охраны труда и снижению уровней профессиональных рисков:

Приказ Минтруда России от 16 июня 2014 г. № 375н (Зарегистрировано в Минюсте России 20 июня 2014 г. за № 32818) // Российская газета. № 142, 27 июня 2014 г.

<sup>13</sup> Об утверждении Типового перечня ежегодно реализуемых работодателем мероприятий по улучшению условий и охраны труда и снижению уровней профессиональных рисков: Приказ Минздравсоцразвития России от 1 марта 2012 г. № 181н в ред. от 16 июня 2014 г. (Зарегистрировано в Минюсте России 19 марта 2012 г. за № 23513) // Российская газета. № 67, 28 марта 2012 г.

<sup>14</sup> Об учете расходов на проведение мероприятий по развитию физической культуры и спорта в трудовых коллективах при исчислении налога на прибыль: Письма Минфина России от 31 октября 2014 г. № 03-03-06/1/55433, от 31 октября 2014 г. № 03-03-06/1/55385, от 17 октября 2014 г. № 03-03-06/1/52376 // Офф. документы. Приложение к «Учет. Налоги. Право» 2014. № 40.

<sup>15</sup> Об отмене решения налогового органа: Постановление ФАС Московского округа от 14 апреля 2011 г. № КА-А40/2726-11 по делу № А40-75795/10-76-386.

<sup>16</sup> О признании недействительным решения налогового органа в части: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24 января 2013 г. по делу №А45-15793/2012.



**Налоги и налогообложение:** учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / [Н.Д. Эриашвили и др.]; под ред. А.Е. Суглобова, Н.М. Бобошко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 543 с.

Рассматриваются основы теории налогообложения и налогового права, структура и принципы построения налоговой системы Российской Федерации, порядок уплаты основных налогов Российской Федерации, налоги развитых стран. Дана подробная характеристика основных видов налогов, объектов налогообложения, ставок, льгот, порядка и сроков взимания.

Анализируются проблемные вопросы налоговой нагрузки на налогоплательщиков, налогового прогнозирования и воздействия налоговой системы на экономику страны.

Описаны практически все основные налоги и сборы российской налоговой системы.

Для студентов и преподавателей вузов, а также специалистов в сфере налогообложения, слушателей учебных заведений переподготовки и повышения квалификации кадров.



УДК 74.200  
ББК П22

## ЦЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

**ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ПАШКОВ,**

*Московский гуманитарный университет, кандидат педагогических наук  
Научная специальность 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования  
E-mail: v...pashkov@mail.ru*

*Научный консультант: заведующий кафедрой педагогики и психологии  
высшей школы АНО ВПО «Московский гуманитарный университет»,  
доктор педагогических наук, профессор В.А. Ситаров*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматривается значение традиций духовно-нравственного воспитания военнослужащих в процессе их деятельности; особое внимание уделяется духовным ценностям, которые оказывают непосредственное влияние на воина и воинские подразделения. Предлагается краткая классификация традиций.

**Ключевые слова:** традиции, ценности, воспитание, военнослужащий.

**Annotation.** Considered the importance of spiritual values for military personnel in the course of their activity, paid attention to the most important values that have a particular impact on people. A brief classification of values.

**Keywords:** values, education, understanding, serviceman.

Традиции духовно-нравственного воспитания военнослужащих охватывают все стороны их жизни. Это касается, прежде всего, духовно-нравственного развития военнослужащего, а также эстетической, профессиональной и физической его деятельности.

Сами традиции имеют свой особенный внутренний содержательный смысл. Чтобы понять значение какой-либо традиции необходимо вникнуть в историю ее зарождения. Далее проследить основные моменты утверждения данной традиции в коллективе, усвоение и закрепление ее не только в сознании людей, но подтверждение в различных документах, что придает ей особенную значимость и дает основания полагаться на ее существование в дальнейшем.

Профессор Л.В. Романюк [5, с. 5] отмечает, что путем познания традиций можно углубить лично-ориентированное осмысление как самого себя, так и самобытности своего народа, укрепить национальную идентификацию российского общества путем уникальности его педагогических традиций.

Армия в процессе своего существования впитала в себя огромное наследие великих побед наших воинов. Это наследие охватывает знания и умения защищать свою страну; владение технологиями войн, а самое главное – величие духа русского народа. И весь этот богатый запас военного наследия необходимо передать современным военнослужащим для изучения и реализации его на практике.

Возрождение традиций в армии очень насущно для духовно-нравственного воспитания военнослужащих, в этом ощущается потребность современного общества.

Профессор В.А. Ситаров [6, с. 143] подчеркивает важность для человека удовлетворения его духовных и нравственных потребностей. Стремясь удовлетворить свои потребности, человек начинает проявлять активность и настойчивость.

Активность человека в жизни зависит как от него самого, так и от окружающей его среды [6, с. 142].

Необходимо заметить, что одни традиции способствуют совершенствованию личности духовно и нравственно, другие физически и технически (профессионально). Все это помогает человеку раскрыть заложенные в его природу способности, ощутить окружающий мир как удивительное творение Божие, познать духовные ценности, осознать промысел Божий по нему и реализоваться здесь, на земле, как личность, достойная Царствия Небесного.

В связи с этим, одной из задач традиций является формирование духовных ценностей человека, что поможет человеку находиться в гармоничном общении с самим собой и с другими людьми.

Ценность – это идеал человеческого стремления, радостное достижение цели, постижение смысла жизни и обретение истины.

Профессор Ю.Н. Солонин [9, с. 134] считает, что ценность – это фиксированная в сознании человека характеристика его отношения к объекту. Ценность для человека имеют предметы, которые доставляют ему положительные эмоции: удовольствие, радость, наслаждение и т.п.

Для человека ценностью могут быть как материальные предметы (дома, машины и т.д.), так и духовные явления (знания, идеи, принципы и т.д.).





Педагог Н.Н. Голезякова [1, с. 16] ценность рассматривает как совокупность нравственных эталонов. Ученый Е.В. Кучеров [3, с. 33] считает, что благодаря обретению ценности, человек может умело ориентироваться в жизни и понимать происходящие вокруг явления, а педагог И.Г. Корепанова [2, с. 41] добавляет, что ценность входит во внутренний мир человека в процессе общения с людьми. Личность познает истину и затем делится ею с другими.

Ценностями обладают как отдельный конкретный человек, так у группы людей. Различные ценности имеют дети и у взрослые. Ю.Н. Солонин [9, с. 139] приводит систему ценностных ориентаций у студентов в 2001 г.:

- 1) семейное счастье;
- 2) дружба;
- 3) материальное благополучие;
- 4) любовь;
- 5) успешная карьера;
- 6) порядочность, чистая совесть;
- 7) процветание и безопасность страны;
- 8) рождение и воспитание детей.

В процессе взросления и старения эти ценности в процессе приобретения жизненного опыта, конечно, будут изменяться и совершенствоваться.

Апостол Павел пишет, что истина в Иисусе (*Еф. 4, 21*).

Ученые к высшим духовным ценностям относят:

- стремление к идеалу, которым является Господь Иисус Христос (В.В. Зеньковский, С.Ю. Дивногорцева);

- связь с Богом (Шестун Евгений (игум.), Н.Л. Шевцовская);

- стяжание Духа Святого (И.А. Ильин);

- ценность свободы (ненасилия) – одухотворенности всех трех сторон человеческой психики: эмоциональная сторона приобретает стремление к красоте, воля – приобретает стремление к бескорыстным поступкам, ум – стремление к идеальности (В.А. Ситаров, Ю.Н. Штретер);

- ценность традиции [4, с. 305].

Для человека Господь Иисус Христос является идеальным примером святости, так как Он есть истинный Бог и истинный человек. Его любовь, Его милосердие и сострадание к людям есть идеал взаимоотношения между ними. Его пример мужества, терпения, стойкости, честности и чистоты – есть пример противодействия лукавству, разврату, трусости и предательству.

Человек всячески стремится к совершенству, чтобы реализоваться как личность, чтобы обогатиться необходимыми знаниями, опытом и стать мудрым. Для этого ему необходимо учиться для получения образования, далее пройти школу жизни общения с людьми и выйти на путь к Богу и соединиться с ним. Ему могут в этом помочь какая-то уникальная личность или школа, или другое какое-либо учебное заведение, а самое главное – ему поможет в этом Святая Православная Церковь с ее таинствами и богослужениями.

Пребывание в Святом Духе приносит особую неземную радость. Об этом апостол Павел пишет: *«Ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17). «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога» (1 Кор. 6, 19).*

Стяжание Святого Духа способствует раскрытию лучших человеческих качеств и способностей. В этой связи профессор В.А. Ситаров [7, с. 36] пишет о возможности благополучного формирования духовно-творческого потенциала молодых людей.

Ценность свободы заключается в свободе от рабства греха, от порабощения какой-либо страстью, которая держит человека насильно во власти и мучает его. Например, привычка курения, ничем не опасная на первый взгляд, но со временем человек начинает понимать, что она приносит его здоровью большой вред и даже может сократить ему жизнь. А любое насилие над человеком [8, с. 136] приносит ему боль и беспокойство.

Профессор Ю.Н. Солонин [9, с. 22] отмечает, что свобода есть целенаправленный, сознательный и свободно ориентированный процесс, предполагающий столь же свободный выбор средств своего существования.

Апостол Павел говорит о твердом «стоянии» человека в свободе *«Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не поддавайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1)*. Это значит, что человек может почувствовать себя свободным от какого-то внешнего или внутреннего насилия, и у него будут силы умело противостоять этому насилию, однако с течением времени, при невнимательной жизни, может снова произойти падение.

Высшие духовные ценности становятся основой для человека; во времени эти ценности передаются от поколения к поколению. В этом и заключается ценность традиций, так как они передают и сохраняют не только знания группы людей, их привычки и обычаи, но передают целую культуру народа.

Уникальность и значимость традиций для военнослужащих заключается в том, что они хранят в себе весь богатейший опыт великих сражений, славных побед, мужество и самоотверженность воинов, бесстрашие перед угрозой смерти, гениальные решения и доброе отношение к солдатам великих полководцев, таких, как св. Александр Невский, св. Дмитрий Донской, Александр Васильевич Суворов, Михаил Илларионович Кутузов и многие другие.

## Литература

1. Голезякова Н.Н. Традиции кубанского казачества в военно-патриотическом воспитании защитников Отечества середины XIX – начала XX века: Дисс. ... канд. пед. наук. Анапа, 2006.

2. Корепанова И.Г. Формирование ценностей образования у студентов-первокурсников в процессе адаптации к обучению в вузе: Дисс. ... канд. пед. наук. Киров, 2002.



3. Кучеров Е.В. Противоречия духовного мира офицера современной российской армии: Дисс... канд. филос. наук. М., 2008.

4. Романиук Л.В. Гуманистическая педагогика // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 304–307.

5. Романиук Л.В. Гуманистические традиции отечественной педагогики второй половины XIX–XX вв. Монограф. М.: Национальный институт бизнеса, 2008.

6. Ситаров В.А. Социальная педагогика: Учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013.

7. Ситаров В.А. Формирование духовно-творческого потенциала студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2008. № 11. С. 35–37.

8. Ситаров В.А. Насилие и ненасилие // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 135–139.

9. Солонин Ю.Н. Культурология. М.: Высшее образование, 2007.

#### References

1. Kolesarova N.N. The tradition of the Kuban Cossacks in the military-Patriotic education of Fatherland defenders of the middle of XIX – early XX century: dis...

cand. ped. sciences. Anapa, 2006.

2. Korepanova I.G. Formation of values education among first-year students in the process of adapting to higher education: dis... cand. ped. sciences. Kirov, 2002.

3. Kucherov E.V. Contradictions spiritual peace officer modern Russian army: dis... cand. philos. sciences. Moscow, 2008.

4. Romaniuk L.V. Humanistic pedagogy // Knowledge. Understanding. Ability. 2012. No. 2. P. 304–307.

5. Romaniuk L.V. The humanistic traditions of the national pedagogy in the second half of the XIX–XX centuries Monograph. M: national business Institute, 2008.

6. Sitarov V.A. Social pedagogy: a Textbook for undergraduate students. M: Writ. 2013.

7. Sitarov V.A. the Formation of spiritual and creative potential of students // Alma mater (the journal of higher education). 2008. No. 11. P. 35–37.

8. Sitarov V.A. Violence and nonviolence // Knowledge. Understanding. Ability. 2005. No. 1. P. 135–139.

9. Solonin Yu.N. Cultural studies. M: Higher education, 2007.

УДК 37  
ББК 74

## ВЛИЯНИЕ СЕЛЬСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛНОЦЕННОЙ ВСЕСТОРОННЕ РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ

**ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА СЕМЕНОВА,**

*учитель начальных классов МБОУ «Фрязевская» СОШ № 41 им. Б.А. Воробьева,  
аспирантка кафедры технологий и профессионального образования  
ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления»*

*E-mail: vitalina\_lena@mail.ru*

*Научная специальность 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования  
Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор Ю.В. Шаронин*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Раскрываются особенности влияния сельской образовательной среды на формирование личности в России с начала рыночных реформ по настоящее время. Рассматриваются изменения в жизни сельчан, их укладе и образе жизни и влияние этих изменений на воспитание детей; влияние социальных и экономических инфраструктурных факторов на образовательную среду российских сельских территорий.

**Ключевые слова:** педагогика, образовательная среда, сельское образование, детское неблагополучие, социальная педагогика.

**Annotation.** Speak about specific influence of rural educational environment on personality growth in Russia as from market reforms to present time. Considered changes in rural life and way of conducting rural household influence of these changes on childrens' education, influence of infrastructural factors on educational environment of Russian rural territories.

**Keywords:** pedagogics, educational environment, rural education, child ill-being, social pedagogics.



Прошла уже почти четверть века с начала перестройки и распада Советского Союза. За это время жизнь россиян сильно изменилась. Особенно резко это отразилось на жизни сельского населения России. Реформы экономики страны потянули за собой изменения всех сторон жизни. Реформы на селе привели к тому, что производственная и социальная инфраструктура сельских территорий развивалась в сторону усложнения и многообразия. В отличие от дореформенного периода, многоукладность сельской жизни сегодня стала реальностью.

Правда, структура социальной сферы села была неоднородной и в дореформенный период. Она включала государственную собственность (крупные объекты культуры, санатории, дома отдыха, линии электропередач, связи, газопроводы и другие инженерные сооружения, которые находились в ведении федеральной власти, отдельных министерств и ведомств, объекты инфраструктуры, состоявшие на балансе совхозов), муниципальную (школы, детские дошкольные учреждения, больницы, амбулатории, предприятия торговли и бытового обслуживания, культуры, физкультуры и спорта), кооперативно-колхозную (объекты, состоявшие на балансе колхозов), кооперативную (предприятия торговли, общественного питания, бытового обслуживания, принадлежащие потребительской кооперации), общественную (профсоюзные клубы, пионерские лагеря и другие лечебно-оздоровительные учреждения) собственность.

Услуги населению предоставлялись предприятиями и на основе частной собственности, но она практически полностью относилась к сфере теневой экономики. Объем услуг, оказываемых частными лицами, был особенно значителен в сельском жилищном строительстве, транспортном обслуживании. Характерной чертой социально-культурных отраслей сферы обслуживания была практически полная бесплатность или льготная оплата населением оказываемых ему услуг.

В настоящее время речь идет о принципиальных трансформациях в структуре собственности и организационно-правовых формах деятельности в сфере обслуживания сельского населения, связанных с включением ее в общее экономическое пространство, функционирующее по законам рыночной экономики. За годы реформ ситуация в социальной сфере села крайне обострилась. В результате передислокации функций финансирования с федерального на территориальный уровень, дефицита территориальных бюджетов и кризисного положения сельскохозяйственных производителей резко сократилась инвестиционная деятельность, под угрозой физического разрушения находится имеющаяся материально-технический потенциал отраслей обслуживания населения.

Важным фактором возрождения и развития социальной сферы села является модификация ее социально-экономической структуры. Задача этих преобразований – формирование новых, более эффективных с точки зрения удовлетворения потребностей сельского

населения и учитывающих изменения в отношении собственности в производственной сфере организационно-правовых форм служебной деятельности и структуры мощностей социальной сферы по формам собственности.

До последнего времени этот процесс не имел достаточных научных обоснований и протекал во многом стихийно, что привело к отрицательным последствиям. В частности, бесконтрольный процесс приватизации и коммерциализации, достаточно широко развернувшийся в сфере бытового обслуживания, послужил важной причиной практически полного отлучения сельских жителей от бытовых услуг. Основы современной государственной политики в области реформирования социальной сферы определены Программой Правительства Российской Федерации по структурной перестройке и экономическому росту села. В основу реформирования социальной сферы положены следующие основные принципы:

- ослабление функций государства в реализации конституционных прав граждан на образование, медицинскую помощь, услуги культуры, жилище;
- перенесение центра тяжести в бюджетном финансировании социально-культурных отраслей с федерального на региональный уровень;
- расширение платности образования, здравоохранения, учреждений культуры, переход к самооплачиваемости жилищно-коммунального хозяйства и транспорта;
- структурная перестройка форм собственности в социально-культурных отраслях в пользу частного сектора.

Таким образом, можно сказать, что роль социальной инфраструктуры на селе очень велика. Именно социальная инфраструктура помогает людям удовлетворять свои потребности. Она воспитывает сельских жителей. При помощи социальной инфраструктуры государство реализует свою политику среди сельского населения.

В связи с выше изложенным, интересно посмотреть, с какими проблемами сегодня сталкивается система образования на селе. Как отмечают некоторые ученые<sup>1</sup>, сегодня Россия, вступившая в эпоху капитализма, породила многообразие типов семей. Это происходит и в городе, и на селе. Речь идет, во-первых, о росте семей, которые не состоят в юридически оформленных отношениях. Во-вторых, помимо гражданских браков, появились, так называемые, гостевые и замещающие семьи, где отцы или матери растят не только своих, но и чужих детей, а также на лицо рост интернациональных семей. Разделились семьи и по экономическому критерию. Часть семей занялись фермерством, т.е. развивают свой семейный бизнес на земле. Эти люди предпочитают не продавать свою рабочую силу, а живут за счет личного труда на земле.

Однако, не во всех семьях дела идут гладко. Резко ухудшившиеся социальные и экономические условия жизни подавляющего большинства селян в результате



затянувшегося кризиса сельскохозяйственного производства и социальной сферы привели одни семьи к вынужденной миграции в город, другие – к простым, примитивным формам труда на личном участке, т.е. в сфере вторичной занятости. Немалая часть сельского населения сегодня живет в бедности и даже нищете. Кроме того, разрушающее действие на сельский социум оказывают такие негативные факторы, как: безработица, наркомания и алкоголизм, разгул безнравственности и кризис семейных ценностей. Очевидно, что подобные явления в жизни села порождают одну из самых острых социальных проблем – детское неблагополучие, которое является критическим фактором торможения инновационного развития сельских регионов России.

Детское неблагополучие проявляется в росте социального сиротства, в неужоженности, беспризорности, бесконтрольности и безнадзорности детей. Это приводит к тому, что дети недоедают, не посещают школу, взрослые не заботятся об их отдыхе, здоровье и полноценном развитии. Конечно, российские педагоги на селе пытаются сглаживать и хоть как-то решать эти проблемы. Однако, усилия школьных учителей и социальных работников не могут разрешить весь клубок накопившихся проблем, для решения которых требуются усилия всего общества. Нужна реальная, во много раз большая, государственная поддержки образования на селе.

Одним из факторов, который усугубляет проблему детского неблагополучия на селе, является низкий уровень родительской компетентности и часто встречающаяся полная безответственность родителей-сельчан по отношению к своим детям. Зачастую такие родители с трудом обеспечивают собственное выживание, не говоря уже о детях. Благополучие родителей проявляется в нежелании выполнять свои родительские обязанности, в неумении строить отношения с детьми, с супругом или супругой, с родственниками, с коллегами и односельчанами, а также в неумении организовать адекватный современным цивилизованным нормам домашний быт, досуг и уют. Все это неблагоприятным образом сказывается на детях и формирует в их сознании соответствующую модель их собственной дальнейшей жизни, которая очень далека от принятой общечеловеческой, гражданской (если хотите, христианской) модели семьи и семейного благополучия и процветания.

В борьбе с вышеописанными негативными явлениями на селе можно выделить несколько направлений социально-экономической и социально-педагогической деятельности, касающихся, прежде всего, социальных институтов села. Известно, что к социальным институтам относятся учреждения, объединения и организации, выполняющие социально значимые функции, направленные на укрепление семей, повышение родительской компетенции, улучшение условий жизни сельчан. Основные направления педагогической работы и социально-экономические мероприятия, которые необходимо осуществлять на селе, можно свести к следующим.

1. Ориентация семейной политики государства на ценности семьи, рода, воссоздание лучших традиций семейного воспитания, популяризацию позитивного опыта семей, правильно воспитавших и воспитывающих своих детей.

2. Подготовка учащейся молодежи в системе школьного и внешкольного дополнительного образования к семейной жизни.

3. Социальное партнерство семьи и школы в воспитании и образовании, в освоении детьми знаний, необходимых для жизни, в том числе семейной.

4. Формирование у родителей интереса к повышению культуры родительского труда, уровня родительской компетентности, к овладению психолого-педагогическими знаниями в области воспитания и развития ребенка; психолого-педагогическое просвещение родителей через доступные мобильные формы общения со специалистами.

5. Обучение профессиональных педагогов и благополучных родителей приемам, методам воспитания детей, популяризация этого опыта.

6. Социальная помощь различным категориям семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

7. Развитие комплекса консультационных услуг на селе в психологической, педагогической, медицинской и социальной сферах.

Результатом вышеперечисленных мероприятий будет формирование у детей в школьные годы позитивного отношения к семье, домашнему очагу и воспроизводству достойного потомства, следующих поколений.

Вышеизложенное предполагает корректировку целей и задач образовательных учреждений на селе. Как правильно отмечают специалисты-педагоги «за 20 лет построения в России социально ориентированного государства с рыночной экономикой село не стало приоритетной сферой государственной поддержки. Оно не только не набирает темпов развития, но и стагнирует, а глубинка регионов – однозначно деградирует»<sup>2</sup>. Подобная ситуация обязывает власти обратить внимание на такой ресурс поддержки людей, как социальная педагогика.

Известно, что реализация принципов социальной педагогики – это сложная задача, которая встает перед учителями, педагогами и другими работниками образования. Эти люди, по сути, представляют собой единственную социальную прослойку грамотных, хорошо развитых, интеллигентных и мыслящих людей на селе. В связи с этим, на педагогов села ложится не легкая задача: не просто передавать знания детям, но каждодневно заниматься их эстетическим, нравственно-культурным и интеллектуальным развитием. К сожалению, не редки случаи, когда подобная работа вызывает протест и возражение со стороны плохо образованных, замученных тяжелыми условиями жизни родителей учеников. В этом случае сельским учителям приходится проводить специальную работу и с родителями школьников. Практика показала, что зачастую простое родительское собрание в сельской





школе превращается в просветительскую лекцию для родителей о том, как надо заниматься воспитанием детей, как организовывать дома не только процесс обучения и получения знаний, но просто нормальный семейный быт и досуг.

Не так давно вышла в свет книга доктора педагогических наук, профессора М.П. Гурьяновой, которая является заместителем директора Института социальной педагогики РАО и уже много лет занимается исследованием социально-экономических и педагогических проблем на селе<sup>3</sup>. Эта книга представляет собой сборник научных статей на тему социальной педагогики. Книга написана прекрасным литературным языком и большинство статей носят не только научный, но и научно-публицистический характер. Этот сборник статей нацелен на то, чтобы заинтересовать представителей муниципальной и местной власти, общественников, специалистов социальной сферы проникнуть в суть социальной педагогики, осознать активно-созидательную миссию социально-педагогических идей, наконец, понять подходы к решению социально-педагогических проблем села и включиться в их решение на практике. Идеи, заложенные в этих публикациях, могут стать хорошим подспорьем для специалистов социальной сферы в постижении научных основ российской социальной педагогики.

Следует отметить, что, опираясь на идеи социальной педагогики, можно и нужно преодолевать кризисные явления в социально-экономической и социокультурной жизни села, строить отношения между родителями и детьми, соседями и родственниками, представителями разных культур и поколений. Социальная педагогика помогает также решать крупные социально-педагогические проблемы человека и сельского социума, создавать систему социально-воспитательной работы с жителями сельских поселений. Современная социальная педагогика должна стать одним из инструментов представителей территориальных органов власти в работе с сельским населением.

Согласно Конституции Российской Федерации, российское государство строится на идее народовластия. Это значит, что органы местного самоуправления должны быть не просто административной единицей управления. Они должны превратиться в органы ответственного народовластия, стать первичным звеном

защиты сельчан и работать в интересах людей, а не вышестоящих органов власти. Только тогда можно будет говорить о местном самоуправлении. А социальная педагогика поможет местному самоуправлению развивать инновации, поддерживать социальные инициативы, которые имманентны данному территориальному образованию, которые действительно будут направлены на благоустройство села и повышение качества жизни сельчан.

## Литература

1. *Бурзанова Л.А.* Модернизация муниципальной методической службы в контексте современного образования: критерии эффективности // Педагогическая диагностика. 2013. № 2. С. 106–113.
2. *Шашилова Н.М.* Сельское образование в России и пути его модернизации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2009. № 2–1, С. 176–181.
3. *Хачетлов С.М.* Управление качеством образования учащихся в условиях сельского социального комплекса // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. № 3, С. 44.

## References

1. *Burzanova L.A.* Modernization of municipal methodological services in the context of modern education: performance criteria // Pedagogical diagnostics. 2013. No. 2. P. 106–113.
2. *Shashlova N.M.* Rural education in Russia and ways of its modernization // Proceedings of Tula state University. Economic and legal science. 2009, No. 2–1, P. 176–181.
3. *Khachetlov S.M.* Quality management education to students in rural social complex // Bulletin of the Adyghe state University. 2007. No. 3, P. 44.

<sup>1</sup> *Гурьянова М.П.* Кризис сельской семьи и социально-педагогические подходы к его преодолению // Педагогика. № 5, 2012, С. 44–49.

<sup>2</sup> *Филонов Г.Н.* Активно-созидательная миссия социальной педагогики в сельских поселениях // Педагогика. № 8, 2012, С. 121.

<sup>3</sup> *Гурьянова М.П.* Активно-созидательная миссия социальной педагогики в сельских поселениях/ Монография. М.: Курган, 2011.



УДК 37.04  
ББК 70

## СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЖИЗНИ УЧАЩЕЙСЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

**КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ СКВОРЦОВ,**

*заведующий кафедрой русского языка и межкультурных коммуникаций  
Московского государственного университета путей сообщения,  
кандидат педагогических наук, доцент  
Научные специальности 13.00.05 – теория, методика и организация  
социально-культурной деятельности;  
13.00.08 – теория и методика профессиональной деятельности*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Рассматриваются сущность и проблемы культурно-образовательного процесса, проблемы самореализации молодежи в условиях развития образования и учреждений культуры на постсоветском пространстве. Анализируются истоки развития общества, становления культурных и образовательных ценностей на Руси, в другие отрезки времени.

**Ключевые слова:** образование, генезис образования, цивилизация, мусы, роль познания, гуманизм, память, обновление образования, цель образования, предпосылки.

**Annotation.** Considered the nature and problems of cultural and educational process, problems of self-realization of young people in the development of educational and cultural institutions in the post-Soviet space. Discussed the beginnings of the development of society, the formation of cultural and educational values in Russia, in other time periods of time.

**Keywords:** education, genesis of education, civilization, muses, knowledge role, humanism, memory, updating of education, aim of education, preconditions.

Культурно-образовательный процесс – активная организация жизнедеятельности как отдельно взятого индивида, так и многочисленных социальных групп. В условиях интенсивного бурления общественных отношений, включая обмен, производство, науку, снижение доходов, изменение занятий, миграционные потоки – все это требует повседневного научно-управленческого действия для укрепления государственной стабильности.

Жизнь современного российского общества продолжает оставаться сложной и противоречивой. Поиск эффективных, жизнестойких средств для устранения затянувшегося социально-экономического кризиса не дал ожидаемых результатов. В сложившихся реалиях современной жизни возникновение культурно-образовательного процесса обусловило различные нормы поведения индивидов. Данное объективное явление сформировало определенную сферу культурно-образовательных отношений, в которых получили отражение характер среды обитания, история государственного укрепления, уровень межличностных отношений, нравы, быт и традиции.

Обратимся к истории возникновения: первоначальное соприкосновение малолетнего индивида (ребенка)

с окружающей жизнью происходит в рамках механизма «И-И» (индивид-индивид). Активность ребенка – будущего члена общества – начинается от матери, от ее подготовки к обучению незащитного существа.

Личностные и социально-культурные действия превращаются в систему преобразований с законами жизнестойкости, жизнедеятельности. Культура и образование своим потенциальным содержанием обретают многообразное содержание.

Важнейшим отличительным качеством «культуры» от других понятий в развитии страны является предметная изобретательность, т.е. то, как сами люди создают предметно-материальные ценности: архитектуру, письменность.

С ростом роли российских культурных устремлений мир приобрел отличительные природно-духовные качества: сближение многочисленных этических культур и формирование межнационального способа общения на основе богатства русского языка; импульс развития науки, производства, культуры и образования в районах Сибири, Дальнего востока. Приобщение народов к достижению науки и техники ускорило освоение диких территорий, укрепило взаимодействия



через транспортные магистрали. Преобразование социальных структур общества снизило роль преступников, вельмож, рабовладельцев, господствующих элит. Сформировалась обновленная социально-культурная общность с устранением паразитических элементов. На необжитой территории возникают виды производств и культурно-образовательные центры.

Процесс формирования законов русской культуры создал ценности преобразовательной деятельности, которые стали импульсом для совершенствования образовательных процессов среди учащейся молодежи России<sup>1</sup>.

Единство культуры и образования в истории русского государства сформировали силу национально-патриотического пространства, в котором возникли как морально-нравственные ценности, так и способы обогащения цивилизационного наследия.

Образование в России – процесс сложный; с переплетением многочисленных проблем, которые определялись как источник прогресса и как средство для защиты устаревающих устоев жизни. Сохранение такого переплетения выдвинуло управленческие аспекты. Обучение людей, т.е. подрастающего поколения, сформировало систему укрепления родоплеменных отношений и сохранения кровно-созидательных, исполнительных функций и нравов<sup>2</sup>.

В раскрытии отличительных категорий «познание», «образованность» заложены активно действующие аспекты в самозащите учащейся молодежи, в укреплении и расширении их жизнестойкости в условиях современности.

Традиции культурно-образовательного процесса, рожденные богатырским стилем жизни стали основой российской цивилизации: богатство и неиссякаемая энергия; яркость, глубина рек и озер, обилие дорог (связи) со всеми концами света. Путь из «варяг в греки» – путь к обогащению русского народа и к приоритету русско-северного края. Все это отразилось на непокоренности как русского севера, так и его обитателей.

С созданием основ культурно-образовательного процесса (человек – умелец и человек – свободный) развивалась система управления для совершенствования и укрепления цивилизационных норм жизнедеятельности русской народности. Начиная с 882 г., по мнению Р.Т. Толмачевой, русские земли стали в системе цивилизации. Компонентами сформированной системы становились: великокняжеская монархия; традиции нравственных основ (подчинение старейшинам; овладение конно-дружинной доблестью; подчинение сакральным (обожествлением) князьям – Олег Вещий, Владимир Красное Солнышко.

Образовательные процессы включались в нормы семейного права. Дом боярина (бойца), дружинника – это опора духовно-нравственного характера для обеспечения устойчивости княжеского управления. Бояре становились соучастниками укрепления русской государственности. Возвышение боярства расширило роль

культурно-образовательных процессов, закладывало функции степени влияния. Социальный статус боярина подкреплялся не только природной смекалкой, но и умением показать собственную значимость через горизонтальные аспекты территориального управления. Характер образовательно-практического направления готовил раздробленность в условиях раннефеодальных отношений, что впоследствии стало уроком для создания абсолютизма и самодержавия на территории Российской империи.

Образовательные процессы совершенствовались для укрепления рода с соседними славянскими племенами, для возвышения роли удельных княжеств.

Появление в XI в. первого законодательного документа «Русская Правда» свидетельствует об укреплении российской государственности раскрывает не только политические тенденции к раздробленности, она открывает процесс возвышения власти через ее правовые нормы (знание законов, регулирование взаимоотношений как в торговле, так и в межличностных спорах).

Образовательный процесс касался установления наследования, сохранения независимости, прав купеческих слоев, наказаний за умышленную смерть<sup>3</sup>. Процесс образовательный (регулирующий) ускорял становление феодального права, в котором закреплялось положение социальных слоев (холопы, смерды, боярские слуги, характер прав собственника, рядовича и др.).

Культурно-образовательные процессы обрели масштабность при формировании городов. К 1237 г. на Руси насчитывалось около 300 городов и городков. Развитие по тем временам урбанизации стимулировало повышение культурно-образовательных отношений. В их содержание включались: договоры по обмену продукцией, информация о степени мастерства, о создании торговых центров, разнообразие приемов по обработке металла (кузнечное дело, ювелирно-оружейные мастерские), плотничество, ткачество, пищевые отрасли.

Все ремесленнические и торговые отношения требовали не только знаний по воспроизводству опыта, но и знаний о характере потребителей. Организация ремесленного производства в городах привела к идеологии культурного обмена, товарно-денежных отношений, связи с зарубежными производителями, гостеприимству, поиску партнерства и гарантии свободного сотрудничества.

В раскрытие характера торговых отношений неизбежно вливался дипломатический, культурно-познавательный процесс, поиск устойчивости, межличностные связи.

XIX в. стал в истории России пробуждающим на пути к цивилизационным отношениям, под которыми понимались: система мер по формированию прав в защите человека, его реальных возможностей для самореализации; внедрение средств и способов по сохранению жизни индивида с учетом его способностей, трудовых навыков, неприкосновенности жилища при законоисполнении.



Культурно-образовательный процесс активизировался с внедрением обновленных промышленных центров, обусловленных добычей угля, нефти, формированием рыночной инфраструктуры (шоссейные и железнодорожные средства связи). В России эти процессы оказались доминирующими, они превращали культурно-образовательные процессы в аспекты утилитарного характера<sup>4</sup>. Строительство промышленных объектов диктовало увеличение рабочей силы, пригодной к физическому, узконаправленному действию. Организация труда строилась лишь на приказе (распоряжении) и оплате объема выполненного труда. В связи с этим не могла существовать практика обогащения культурно-образовательного процесса; он оставался на уровне утопии, и его становление в условиях XIX–XX веков воспринималось несостоятельной затеей, отвлекающей от целенаправленного монотонного выполнения «задания».

Культурно-образовательный процесс воспринимался как идеология с преобладанием «должного» над возможным. Отсутствие научной методологии в данном процессе ослабляло мобилизационные устремления к прогрессивной, богатой жизнедеятельности<sup>5</sup>. Деформация представлений о характере культурно-образовательного процесса особенно ярко проявилась в условиях XIX–XX веков с введением технического прогресса, с потребностью управления как защиты производственной системы для повышения ее конкурентоспособности<sup>6</sup>.

Вместе с этим, следует помнить, что в Российском реформированном государстве путь к культурно-образовательному процессу прокладывали писатели, философы, политические деятели, ученые, изобретатели. Культурно-образовательный процесс приобрел широкое мобилизующее направление с внедрением идей гуманизма. Его отличительной чертой стал, как уже отмечалось, народно-обличительный характер. Отмечая его размах и целенаправленность В.Г. Белинский называл этот период развития России как период, когда в России было создано все самое лучшее.

К таким культурно-образовательным достижениям следует отнести произведения Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, театральные спектакли по пьесам Н.А. Островского.

В российской жизни культурно-образовательный процесс обретает специфические черты, спасая страну от колониализма и деградации. В России к середине XIX в., наряду с успехами и достижениями промыш-

ленного развития, возник первоначальный капитал как внутренняя сила по обогащению за счет многообразных методов ограбления.

Культурно-образовательный процесс стал в России барьером для разрушения морально-нравственных ценностей. Необходимо было средствами просветительства спасать людей от пьянства, социальных болезней и моральной распушенности.

В губерниях заработали попечительские комитеты, открывались читальни, народные чтения, проводились театральные постановки. Однако, деньги на эти мероприятия быстро закончились.

Таким образом, следует отметить, что культура как реализация творческой силы индивида воплощается в многообразные направления по совершенствованию «божьей искорки» в поведении людей. Культура есть средство раскрытия творческой самореализации индивида в окружающем мире, в обогащении среды обитания предметами, созданными энергетикой *homo sapiens*. Соединение людей через самореализацию в систему культуры обретает факто жизнестойкости. Отметим данный процесс как воспроизводство человечности в человеке, когда совершенствуется его жизнь через создание важнейших осознанных действий.

Отмеченные тенденции определяют уровень достижений с открытием законов воспроизводства реального гуманизма. Культурно-образовательный процесс становится источником силы в жизнедеятельности молодежи, где взаимодополняется энергией оптимизма с преобразованием окружающей действительности и обеспечивается переходом людей из мира биологизации к миру ноосферного сознания.

<sup>1</sup> Лазарев М.А. Художественная картина мира как ведущий фактор духовного и эстетического развития современной молодежи: анализ теоретических подходов // Педагогика искусства: электронный научный журнал. № 2, 2012. [http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-2-2012/lazarev\\_12\\_june.pdf](http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-2-2012/lazarev_12_june.pdf): 1-8. [12 июля 2012 г.].

<sup>2</sup> Жарков А.Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности. М.: МГУКИ, 2003.

<sup>3</sup> Сорокин П. Таинственная энергия любви // Социс. 1991. № 8. С. 121.

<sup>4</sup> Демин В.Н. Тернистый путь титанов. М., 2005. 400 с.

<sup>5</sup> Лазарев М.А. Указ. соч.

<sup>6</sup> Толмачева Р.П. Цивилизация России. Учебное пособие. М., 2010. С. 64.





УДК 37.04  
ББК 74

## СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*МАРИНЕ ВАНЬЕВНА МАЛХАСЯН,*

*директор ГБОУ «Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции*

*«Ирида» (Москва), кандидат психологических наук, доцент*

*Научная специальность 13.00.08 – теория и методика профессионального образования*

*E-mail: al.laskin@yandex.ru*

*Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

**Аннотация.** Раскрываются основные особенности деятельности педагога дополнительного художественного образования. Показано, что именно педагог осуществляет стимуляцию и поддержку постоянного личностного роста, непрерывного духовного развития учащихся. Утверждается, что педагоги дополнительного художественного образования проходят несколько периодов развития профессионализма. Приводятся результаты исследования оценки профессионального уровня педагогов.

**Ключевые слова:** дополнительное художественное образование, педагог, профессиональная культура, личностные особенности, развитие профессионализма, профессиональный уровень, самообразование педагога.

**Annotation.** Described the main features of the supplementary art education teacher's activities. It is shown that the teacher provides constant stimulation and support of personal growth, continuous spiritual development of students. The author determines that teachers of supplementary art education are developed in a few periods. It is given the results of studies assessing the professional level of teachers.

**Keywords:** supplementary art education, teacher, professional culture, personality traits, professional development, professional skills, self-education of the teacher.

Одним из современных ориентиров дополнительного художественного образования выступает цель полноценного раскрытия творческого потенциала каждого учащегося. Как показывают исследования, современные дети (особенно подростки) остро нуждаются в создании некоего «надперсонального пространства», включающего социальную, природную и культурную среду.

В учебно-воспитательном процессе учреждений дополнительного художественного образования одним из основных «авторов» развития личности учащегося выступает педагог, персональное пространство которого задает и определяет специфику личностных новообразований учащихся, включенных в этот процесс. Именно педагог осуществляет стимуляцию и поддержку постоянного личностного роста, непрерывного духовного развития учащихся. Это обращает исследователей на обстоятельное изучение процесса личностного развития педагога (включая развитие его профессиональной культуры) – ведь именно его влияние особенно значимо для успешного развития взаимодействующих с ним учащихся.

Следовательно, этот процесс может быть обеспечен за счет роста профессионализма педагогов, их постоянного личностного и педагогического совершен-

ствования, которое представляет собой качественную совокупность профессионально важных личностных качеств, направленности личности, особенностей мотивации педагогической деятельности.

Ученые настаивают на том, что позиция, которую взрослые занимают по отношению к детям в целом, является исключительно важной. Главным образом, это «...позиция ответственности, включающая широкий спектр компонентов – от заботы о потомстве до стремления обеспечить нормальное будущее человечества. Но во всех случаях это позиция посредника в освоении ребенком социального мира, без которого немислим переход детей в мир взрослых» [6, с. 5].

Большой вклад в изучение специфики деятельности педагогов внесли работы В.А. Петровского, с точки зрения, которого «стратегии психолого-педагогических исследований ребенка и взрослого в образовательном процессе равнозначны [5, с. 10].

Исследователем А.К. Марковой были выделены процессуальные и результативные показатели педагогической деятельности. По ее мнению, труд педагога содержит три стороны, соответствующие базовым категориям личности: педагогическая деятельность, педагогическое общение, личность педагога.



При этом личность является стержневым фактором труда педагога, определяющим его профессиональную позицию в педагогической деятельности и педагогическом общении.

В понятие «личность» вкладывается представление: 1) об устойчивой системе черт, характеризующих человека как члена того или иного сообщества, 2) об индивидуальном носителе данных черт.

Личность обладает правом на свободный выбор, но она также должна нести за него ответственность.

Современные психологи склонны видеть в личности не нечто сотворенное, но творящее, активное начало, использующее в процессе самосозидания весь материал культуры.

Личность трактуется как результат наивысшей жизненной стойкости, абсолютного приятия индивидуально сущего и максимально успешного приспособления к общезначимому при свободе выбора [3]. Так, К. Юнг считает, что «личность – высшая реализация врождённого своеобразия у отдельного живого существа. Личность – результат наивысшей жизненной стойкости, абсолютного приятия индивидуально сущего и машинально успешного приспособления к общезначимому при величайшей свободе выбора» [7, с. 13].

Учеными установлено, что педагог дополнительного художественного образования как субъект практической психолого-педагогической деятельности, является сложной и, зачастую, противоречивой личностью с комплексом разноуровнево-развитых качеств. Познание структуры личностных качеств педагога является определяющим требованием к успешному овладению им своей педагогической деятельностью. На протяжении всего периода трудовой деятельности субъекта структура его личностных характеристик подвергается качественным изменениям. Характер динамики изменений в существенной мере зависит от индивидуальных особенностей самого педагога.

Педагоги дополнительного художественного образования проходят несколько периодов развития профессионализма, отличающихся уровнем выраженности личностных профессионально значимых качеств.

1 период – постепенное становление профессионализма (19–25 лет) – характеризуется особым сочетанием личностных составляющих, объясняющих как чрезмерную деятельную активность, так и повышенное стремление к независимости и неподчинению;

2 период – кризисное развитие профессионализма (26–30 лет) – определяется наличием суммы личностных качеств, затрудняющих педагогическую деятельность;

3 период – пик профессионализма (31–40 лет) отличается суммой оптимальных личностных составляющих, обеспечивающих высокую результативность труда;

4 период – высокий профессионализм (41–50 лет) – характерен амбивалентным сочетанием оптималь-

ных и негативных личностных профессионально значимых качеств, что объясняет сложность достижения в этом периоде высоких результатов труда;

5 период – постепенный спад профессионализма (51–60 лет) – характеризуется спецификой проявления в нем личностных качеств, оказывающих проблематичное воздействие на результат педагогической деятельности.

Современные исследования показали, что педагоги дополнительного художественного образования, оценивая свой профессиональный уровень, отмечают у себя недостаток в развитии профессиональной культуры, в частности – готовности к исследовательской деятельности, коммуникативной компетентности. Они склонны испытывать неудовлетворенность своими достижениями и самим процессом труда.

Проблема усугубляется тем, что после определенного стажа работы (около 10 лет) возрастает выраженность таких негативных факторов, как невротизм, психическая неуравновешенность, происходит снижение общей активности.

Опрос педагогов различных учреждений дополнительного образования г. Москвы – всего 64 опрошенных – показал, что только 63% педагогов удовлетворены процессом труда; 11% имеют высокий показатель невротизма, 53% – тревожности, 17% – психической неуравновешенности. Треть педагогов отмечают, что готовы сменить профессию, но не делают этого по тем или иным причинам личного характера.

Таким образом, современные исследования в области дополнительного художественного образования выявляют ряд проблем психологического характера, которые оказывают непосредственное влияние как на субъект (педагога), так и на объект (учащегося). Ученые подчеркивают, что ситуация в сфере дополнительного художественного образования является крайне противоречивой: с одной стороны, можно зафиксировать тенденции, связанные с ростом творческой активности и стремлением к профессиональному росту, с другой, – отмечается некоторое снижение качества образования.

Справедливо отмечается, что не все трудовые функции педагога дополнительного художественного образования являются равнозначными. Отдельные из них, обеспечивая педагогический процесс, не являются в то же время собственно педагогическими. В качестве основных выделяют собственно педагогические функции, включающие планирование воспитательно-образовательной работы на основе программно-методических документов и непосредственное осуществление деятельности.

Одной из особенностей работы педагога дополнительного художественного образования является то, что он строит общение с учащимися в широком контексте. Это обусловлено особенностями организации и проведения им игровой, учебной, художественной и др. видов деятельности в условиях занятий, проходящих в неформальном режиме.



Специфика учебно-воспитательного процесса учреждения дополнительного художественного образования и особенности взаимодействия педагога с учащимися позволяют определить в качестве предмета совместной деятельности игру, беседу, выполнение коллективного творческого продукта в разновозрастной группе и т.д.

В целом, можно заключить, что профессионализм педагога дополнительного художественного образования в значительной степени определяется оптимальным сочетанием профессионально важных личностных качеств [1]. Как считают исследователи, решению проблемы развития профессионализма педагога дополнительного художественного образования может способствовать специальный комплекс мероприятий, разработанный в направлениях – развития психолого-педагогической компетентности, коррекции и развития профессионально важных личностных качеств – реализующийся в условиях реальной педагогической деятельности за счет направления ее организации на личностно-ориентированное пространство.

Исследуя специфику педагогической деятельности в условиях дополнительного художественного образования, в частности, такой ее аспект, как развитие профессиональной культуры, необходимо четко определить, насколько в этой деятельности важны реально действующие мотивы.

Так, А.Н. Леонтьев называет деятельностью «такие процессы, которые, осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают особой, соответствующей им потребности», а так же «которые характеризуются психологически тем, что то, на что направлен данный предмет в целом (его предмет), всегда совпадает с тем объективным, что побуждает субъекта к данной деятельности, т.е. мотивом» [2, с. 518–519].

Таким образом, определяющей характеристикой педагогической деятельности является ее целенаправленность, связанная с предметом деятельности: «Осознание смысла действия совершается в форме отражения его предмета как сознательной цели» [2, с. 231].

Анализируя этот процесс в аспекте развития профессиональной культуры педагогов, важно подчеркнуть, что если цель деятельности человека направлена на внешнюю мотивацию (необходимость), а не на внутреннюю (свое желание), то, прекращая свою вынужденную деятельность, человек испытывает облегчение. Следовательно, когда цель действия совпадает с мотивом, потребностью личности участвовать в деятельности, то это действие перерождается в деятельность развернутую, личностно-значимую, мотивационную.

Главными составляющими эффективной педагогической деятельности, по мнению ряда исследователей, являются следующие основные компоненты: профессиональная направленность, педагогические способности, педагогическая техника.

Важным компонентом педагогической деятельности является опора на педагогические способности –

совокупность свойств личности, отвечающих требованиям педагогической деятельности и обеспечивающих легкое овладение этой деятельностью и достижение в ней высоких результатов. В науке они определяются как индивидуальные, устойчивые свойства личности, состоящие в специфической чувствительности к объекту, средствам и условиям деятельности и нахождению наиболее продуктивных способов получения искомого результата.

Необходимо подчеркнуть, что отличительной особенностью деятельности педагога дополнительного художественного образования является ее направленность на повышение активности другого человека – учащегося. В контексте педагогической деятельности в учреждении дополнительного образования эта направленность расширяется за счет привлечения области воздействия на развитие творческой активности коллег, т.е. других педагогов.

Таким образом, для эффективной деятельности педагога дополнительного художественного образования оказывается недостаточно психолого-педагогических и предметных знаний, в этом случае требуется широкий спектр психолого-педагогических умений, навыков, технологий, самостоятельности в решении педагогических ситуаций.

Согласно результатам проведенных опросов (72 опрошенных), не все педагоги достаточно отчетливо понимают это. Показательно возрастное распределение отношения к профессии.

Если 59% опрошенных педагогов в возрасте до 35 лет считает профессию педагога дополнительного художественного образования своим призванием, то доля таких педагогов в возрасте 36–55 лет падает в 2,5 раза. При анкетировании педагогов также были получены следующие данные: 11,4% педагогов указали, что не сомневаются в правильности профессионального выбора, 46,3% ориентированы на возможность смены работы, предполагая найти работу в других сферах гуманитарной деятельности, 23,7% – на получение второго высшего образования (прежде всего психологического).

Эти данные говорят о недостаточной профессиональной культуре, подготовленности педагогов, осознании ими своей профессиональной миссии. Безусловно, работа педагога дополнительного художественного образования обладает своей спецификой, требующей от личности развития определенных качеств. Непосредственная цель работы в учреждении дополнительного художественного образования – постоянное повышение уровня профессионального мастерства педагога и педагогического коллектива.

Следовательно, разнообразие форм педагогической работы в условиях дополнительного художественного образования определяется, прежде всего, сложностью стоящих перед ней целей, многообразием конкретных условий, в которых находятся учреждения дополнительного художественного образования.



Деятельность педагога дополнительного художественного образования должна носить характер опережающего развития, соответствующего современным тенденциям.

В целом, изучение специфики педагогической деятельности в условиях дополнительного художественного образования позволяет выделить следующие, наиболее значимые позиции.

1. Личностное и профессиональное развитие педагога дополнительного художественного образования зависит от уровня сформированности социально значимых ценностных ориентаций, мотивационно-потребностной сферы, педагогической рефлексии, эмпатии, педагогического творчества в процессе общения и взаимодействия.

2. Педагоги дополнительного художественного образования могут стать источником личностного роста учащегося, если учащийся, в свою очередь, станет стимулом саморазвития педагога.

### Литература

1. *Лазарев М.А.* К вопросу о соотношении философского и образного познания мира // Гуманитарное пространство. Международный альманах. 2013. Т. 2. № 4. С. 666–674.

2. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1972.

3. *Малхасян М.В.* Возможности и задачи развития творческого потенциала современного педагога дополнительного художественного образования // Гума-

нитарное пространство. Международный альманах. 2014. Т. 3. № 4. С. 557–564.

4. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.

5. *Петровский В.А.* Психология воспитания. М., 1994.

6. *Фельдштейн Д.И.* Детство как социально-психологический феномен и особое состояние развития // Вопросы психологии. 1998. № 1.

7. *Юнг К.Г.* Конфликты детской души. М., 1994.

### References

1. *Lazarev M.A.* To the question of the relation between philosophical and creative knowledge of the world // Humanitarian space. International almanac. 2013. T. 2. No. 4. P. 666–674.

2. *Leontiev A.N.* Problems of development of the psyche. M.: Education, 1972.

3. *Malkhasyan M.V.* Opportunities and challenges for the development of the creative potential of modern teacher additional art education // Humanitarian space. International almanac. 2014. T. 3. No. 4. P. 557–564.

4. *Markova A.K.* Psychology of professionalism. M.: International humanitarian fund «Knowledge», 1996.

5. *Petrovsky V.A.* Psychology of education. M., 1994.

6. *Feldstein D.I.* Childhood as a social and psychological phenomenon and a particular state of development // Questions of psychology. 1998. No. 1.

7. *Jung K.G.* Conflicts baby showers. M., 1994.



**Педагогическая системология.** Теория, методика, исследования, практика: учеб.-метод. пособие для студентов вузов / **А.М. Столяренко.** М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 319 с.

Рассмотрены науковедческие, методологические, а также ряд теоретических и прикладных проблем педагогики с позиций общей теории систем.

В *части первой* анализируются зарождение, развитие и современное состояние системных исследований в педагогике. На основе анализа системных исследований в разных науках делается вывод об обязательности адаптации положений общей теории систем к специфике природы и закономерностей педагогических явлений и проблем. Излагается и обосновывается педагогическая системология — специальная методология, организация и методика системных исследований, реализующая положения общей теории систем применительно к специфике реальностей педагогической природы.

В *части второй* описан опыт исследований автора и других ученых, в ходе которых создавалась и совершенствовалась педагогическая системология. Применение положений педагогической системологии позволило по-новому осветить некоторые фундаментальные положения педагогики и

предложить практическое применение их для совершенствования педагогической практики в современных условиях создания нового демократического, социального, правового общества в России. Они нашли отражение в главах по общей педагогике, социальной педагогике, педагогике личности, педагогике высшего образования, педагогике управления, юридической педагогике, экстремальной психопедагогике и физиологической педагогике.

Для исследователей педагогических проблем, преподавателей, аспирантов, а также студентов педагогических вузов и педагогов-практиков.